

84, 4 Герм
Ш 83

И (Нем)

Ш 83

Шпицгазен

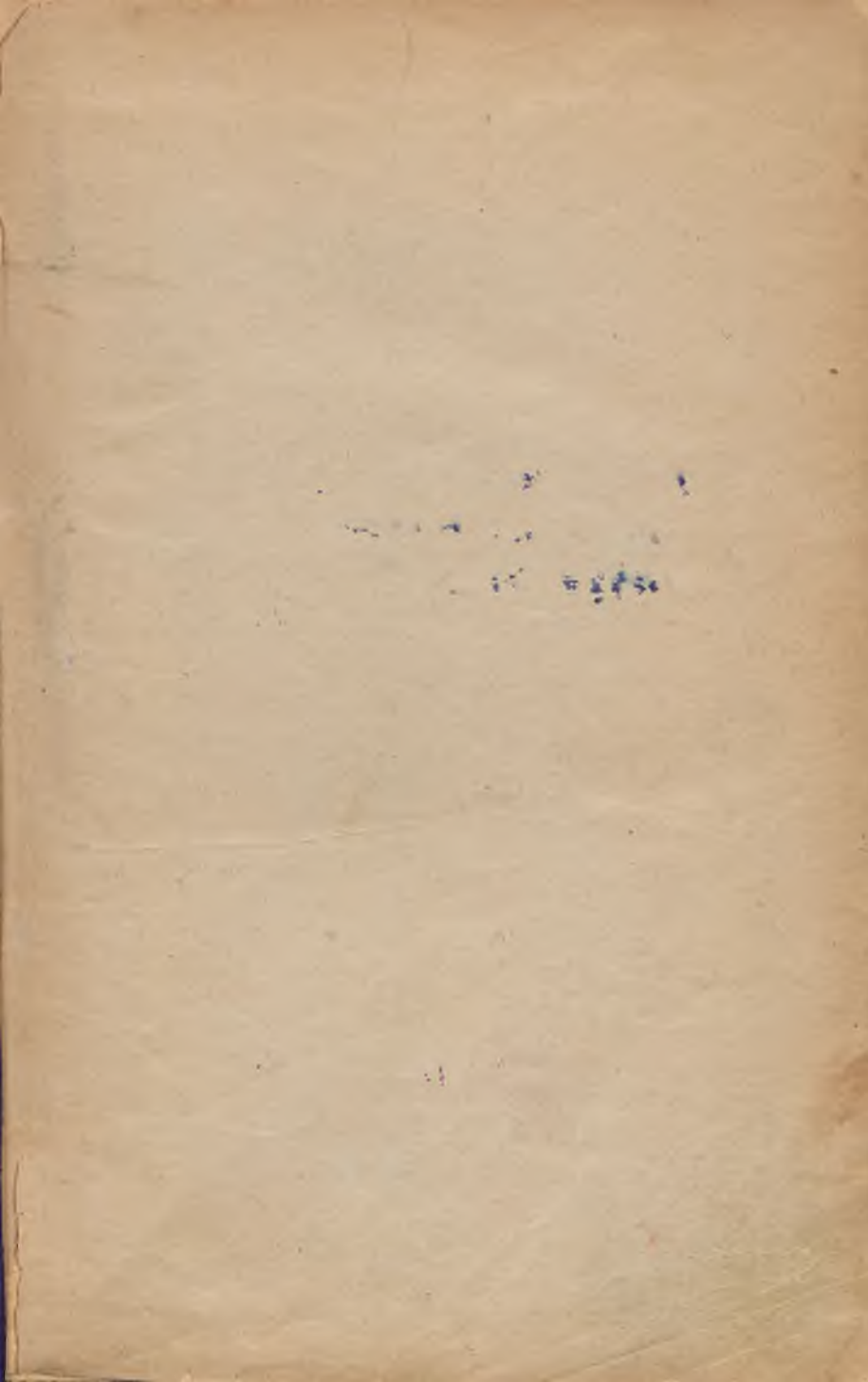
Собр. соз. том 3-4

1896 ~

premier
122774

h/c

0/x
P.T.

СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ

84.4 Герард

Ш 83

ШПИЛЬГАГЕНА

192774
0164851

ТОМЪ ТРЕТІЙ. 4

О ЧЕМЪ ПѢЛА ЛАСТОЧКА

РОМАНЪ.

ЦЕНТРАЛЬН. БИБЛ. Ш. 83

СКЕЛЕТЪ ВЪ ДОМѢ

ПОВѢСТЬ.

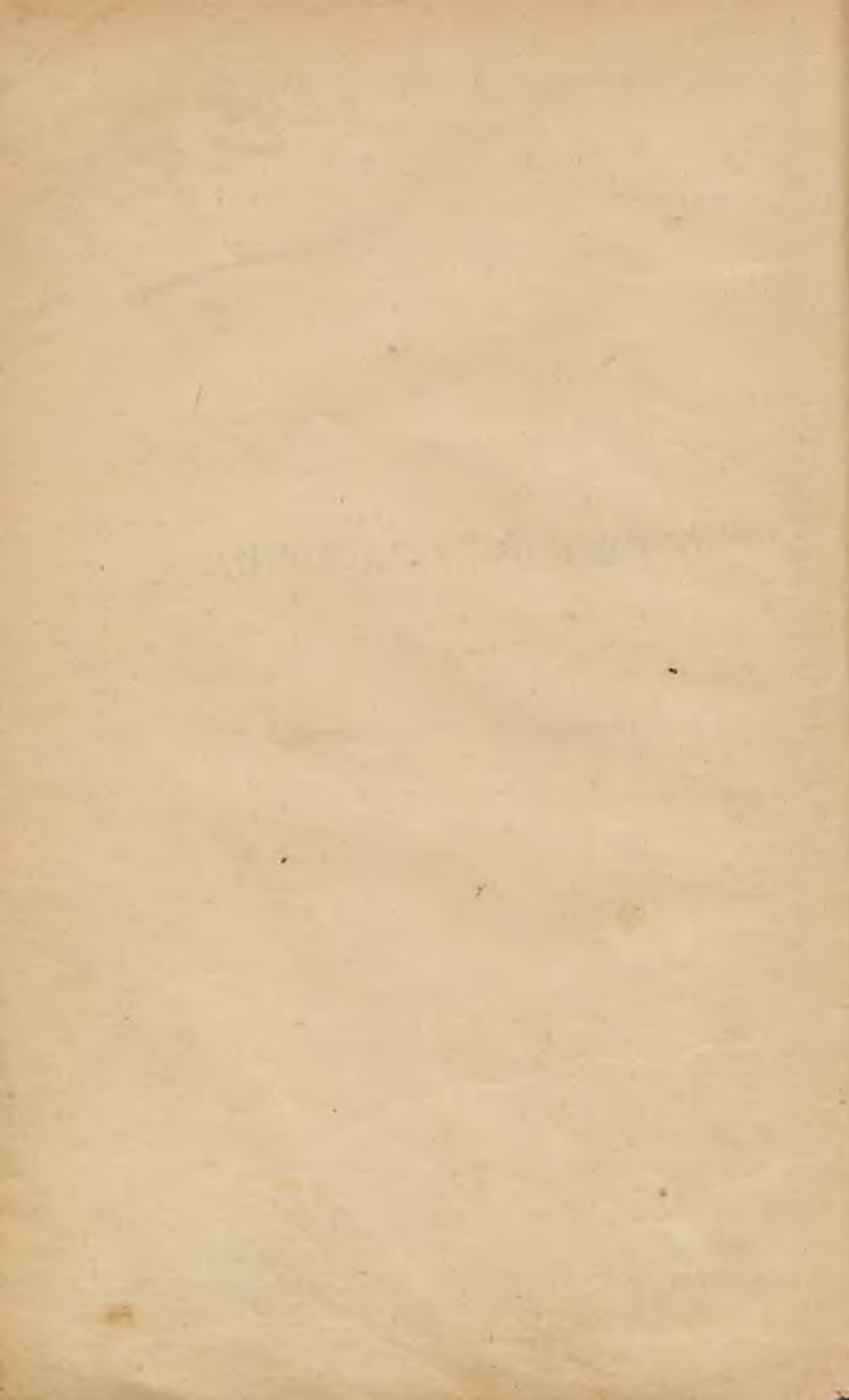

С.-ПЕТЕРБУРГЪ

Типографія бр. Пантелеевыхъ. Верейская, № 16

1896.

1950

I.

Жена кистера открыла боковую дверь маленькой Ильской церкви, но едва ступила она на порогъ мрачнаго помѣщенія, указывая приэтомъ дорогу красивому, видному незнакомцу, какъ почувствовала, что послѣдній дотронулся до ея плеча.

— Я не хочу васъ больше затруднять, —я и самъ найду то, чего ищу.

Она съ удивленіемъ взглянула на него, а затѣмъ на связку громадныхъ ключей, еще торчавшихъ въ открытой двери.

— Вамъ незачѣмъ беспокоиться, —говорилъ незнакомецъ, —я здѣсь недолго останусь. Вотъ получите за ваши труды.

Онъ подаль ей монету и направился къ двери.

— Господинъ пасторъ строго запретилъ впускать кого-либо, — сказала жена кистера.

— Онъ ничего не будетъ имѣть противъ, —возразилъ незнакомецъ. —Я оставлю ему записку.

Онъ вынулъ свой портфель и написалъ нѣсколько строкъ. Отрывая листокъ, онъ замѣтилъ, что на другой его сторонѣ находился маленькій эскизъ, который онъ успѣлъ набросать сегодня днемъ, пока возница его останавливался у сельской корчмы. Мимолетная улыбка скользнула по его серьезному лицу.

— Никуда не годится, —прошенталъ онъ; — вмѣсто одной лошадиной ноги цѣлыхъ восемь. А здѣсь! — все полно каракуль. Впрочемъ, ничего, — продолжалъ онъ вслухъ, пряча портфель въ карманъ, —я напишу изъ Проры. Такъ и передайте, пожалуйста, господину пастору. До свиданья!

Не осмѣливаясь возражать, жена кистера приготовилась уходить. Незнакомецъ нѣсколько минутъ смотрѣлъ ей вслѣдъ.

— Странно, —шенталъ онъ; — мнѣ кажется, я совершу святотатство, если назову себя здѣсь, въ этомъ мѣстѣ. Какимъ облегченіемъ для меня было одно то, что эта женщина не знаетъ меня. Всѣ мы болѣе или менѣе подчиняемся вліянію мрачныхъ чувствъ, но всякій изъ насъ почтетъ стыдомъ признаться въ нихъ. Что уди-

вительнаго въ томъ, если подобныя чувства всецѣло овладѣвають мною здѣсь, гдѣ должна была быть моя родина, гдѣ стояла моя колыбель, и куда я не смѣлъ возвращаться до тѣхъ поръ, пока могила не скрыла того, кому обязанъ я своею жизнью.

Онъ сдѣлалъ нѣсколько шаговъ по церкви и остановился, осматривая кругомъ маленькое помѣщеніе. Лучи солнца, довольно низко стоявшаго на горизонтѣ, пробивались какимъ-то страннымъ свѣтомъ сквозь круглыя, окованныя свинцомъ рамы высокихъ, узкихъ оконъ. Свѣтъ этотъ становился то сильнѣе, то слабѣе, по мѣрѣ того, какъ южный вѣтеръ подымалъ или опускалъ вѣтви древней лины, росшей у церковной стѣны. И въ душѣ незнакомца постепенно проходили то свѣтлыя, то болѣе мрачныя воспоминанія молодости. Опъ стоялъ неподвижно. Взглядъ его блуждалъ по бѣлымъ стѣнамъ, гдѣ на довольно значительной высотѣ тамъ и сямъ развѣшано было нѣсколько темныхъ картинъ, по маленькому, почерпѣвшему отъ времени возвышенію изъ дубоваго дерева, оттуда перешелъ на алтарь съ двумя большими, мѣдными подсвѣчниками, затѣмъ на каѳедру, покрытую разорваннымъ покровомъ. Все было по прежнему; онъ припомнилъ, что и дыры на покровѣ были на томъ же мѣстѣ, только все стало какъ-то меньше, бѣднѣе, безвкуснѣе, совсѣмъ не такъ, какъ оно рисовалось въ его воспоминаніяхъ, несмотря даже на то, что все освѣщено было благопріятнымъ дневнымъ свѣтомъ. А чѣмъ же было его бѣдное, грустное дѣтство, если всѣ чары воспоминаній уничтожались при одной мысли о томъ, чѣмъ оно было на самомъ дѣлѣ, благодаря фанатику-отцу и отсутствію теплой материнской любви.

Рѣзкій звукъ, какъ бы отъ разбившагося предмета, нарушилъ безмолвіе и заставилъ путешественника очнуться отъ своихъ думъ. Это былъ звукъ часоваго механизма. Незнакомецъ провелъ рукою по лбу; онъ совершенно машинально отсчитывалъ удары и нѣсколько времени прислушивался къ дрожащему звуку, пока не стихло послѣднее дребезжаніе.

— Семь часовъ,—сказалъ онъ,—пора идти!

Онъ сталъ обходить второй рядъ боковыхъ скамеекъ, расположенныхъ по правой сторонѣ каѳедры и, наконецъ, остановился у желѣзной двери склепа. Она была заперта. Направо и налево по обѣ стороны двери тянулись вдоль самой стѣны надгробныя плиты проповѣдниковъ, съ той каѳедры возвѣщавшіе Евангеліе вблизи могилъ своихъ предшественниковъ, къ которымъ и они, въ свою очередь, постепенно присоединялись. Онъ подошелъ къ послѣдней плитѣ и прочелъ надпись.

— Готгольдъ Ефраимъ Веберъ,—прошепталъ онъ,—и меня такъ зовутъ, и я—докторъ богословія. Я не пожелалъ оставаться

тѣмъ, къ чему предназначалъ меня отецъ, я сдѣлался тѣмъ, для чего по собственному моему сознанию и совѣсти я рожденъ былъ моею матерью. Вотъ главная причина, почему я разошелся съ тѣмъ, который покоится здѣсь, на этомъ мѣстѣ. Нѣтъ, нѣтъ! не то, или вѣрнѣй, не время! Я иначе, чѣмъ ты, понималъ написанное здѣсь изреченіе: «Блаженны мертвые, умирающіе во Господѣ» (Отк. св. Іоанна, гл. 14, ст. 13). Между нами не было единства, и мы разошлись гораздо раньше, чѣмъ разстались. Отецъ, да будетъ съ нами миръ! Отъ всего сердца радуюсь, если ты вкусилъ того блаженства, въ которое такъ вѣрилъ. А я, говоря: «блаженны мертвые», подразумеваю то блаженство, въ которое вѣрую я.

Готгольдъ сдѣлалъ движеніе рукой, какъ бы намѣреваясь подать се кому-то.

— Да будетъ съ нами миръ!—повторилъ онъ.

Громкое щебетанье маленькой птички, присѣвшей на секунду въ одной изъ оконныхъ отдушинъ наверху, пронеслось по безмолвному пространству и наполнило его милыми, свѣжими звуками.

— Вотъ отвѣтъ на мои слова,—сказалъ Готгольдъ.

Онъ вышелъ изъ церкви той же медленной поступью, какъ и вошелъ, и направился внизъ по широкой тропинкѣ кладбища до того мѣста, гдѣ стоялъ большой, чугунный крестъ, носившій ту же надпись: «блаженны мертвые, умирающіе во Господѣ». Отъ креста шла тропинка по направленію къ оградѣ. Ничто почти не измѣнилось въ этой самой старинной части кладбища; ему были знакомы и малѣйшій могильный бугорокъ, и каждый крестъ, и каждая надпись во всемъ длинномъ ряду могилъ наслѣдниковъ Венгофа. Двумя шагами дальне, немного правѣе, находилась та могила, которую онъ искалъ,—могила его матери, окруженная деревянной рѣшеткой съ захирѣвшей плакучей ивой, покривившимся маленькимъ крестомъ, какъ всегда, если еще не болѣе пружяго запущенная.

Какъ рано потерялъ онъ свою мать, когда ему было всего четыре или пять лѣтъ. Онъ никогда не видѣлъ ся изображенія и у него осталась лишь мимолетная тѣнь воспоминанія о ней. Отецъ только разъ упомянулъ ее имя, когда, разсердившись, сказалъ ему: «Ты походишь на свою мать!» Несмотря на все это, а, быть можетъ, и вслѣдствіе этого, воображеніе его всегда было занято образомъ покойной матери; она походила на него и любила его, какъ и онъ любилъ тѣнь ея, которая, чѣмъ дальше, тѣмъ больше принимала видимый, осязаемый образъ. То она представлялась ему такой милой и задумчивой, то являлась незванная, нежданная и исчезала въ ту самую минуту, когда онъ страстно стремился удержатъ ее.

Онъ сорвалъ съ ивы нѣсколько листочковъ, но сейчасъ же бросилъ ихъ на могилу.

— Между мной и тобой это лишнее! — сказалъ онъ; — мы и безъ того понимаемъ другъ друга. Пусть остается все такъ, какъ есть! пусть разрушается медленно, исподволь, какъ того хочетъ всесильное время! И кому пуженъ великолѣпный мраморъ, изваянный гениальной рукой Торвальдсена? Не тебѣ, — къ чему Нирванѣ вся эта земная суета? Не мнѣ, — я никогда не возвращусь сюда; для другихъ же камень останется камнемъ. Нѣтъ, такъ лучше! больше подходитъ къ здѣшнему мѣсту.

Онъ поднялъ голову и взглядомъ художника окинулъ сначала рядъ могилъ, заросшихъ высокой травой, колеблемой вечернимъ вѣтеркомъ, и освѣщенныхъ красноватымъ отблескомъ заходящаго солнца, а затѣмъ старую церковку, ветхая, четырехугольная башня которой одна только и была освѣщена пурпурнымъ свѣтомъ. Главная часть церкви была уже въ тѣни.

— Вотъ настоящее мѣсто и часъ для изображенія великолѣпной картины! Впрочемъ, не берусь за это; постараюсь нарисовать и удержать ее въ душѣ моей!

Онъ на минуту закрылъ глаза, а когда затѣмъ открылъ ихъ, то, ни разу не взглянувъ на окружающее, медленно, съ заложенными на спину руками, направился къ выходу. Вдругъ онъ остановился; — руки его невольно протянулись къ двумъ маленькимъ могилкамъ у самаго края тропинки. Надпись, такъ сильно поразившая его, гласила: «Сесилія Брандова! Каролина Брандова!» Тутъ же были обозначены дни рожденія и смерти малютокъ, и промежутокъ между этими днями былъ также ничтоженъ, какъ и сами могилки. Станный трепеть пробѣжалъ по всему его тѣлу. Онъ думалъ, что прошедшее навсегда изгладилось изъ его жизни и что, совершая путешествіе къ умирающему отцу, закончившееся поклоненіемъ его могилѣ и могилѣ матери, онъ не очутится вблизи возлюбленной своей юности. Незадолго передъ этимъ, когда онъ вышелъ изъ церкви и съ возвышенія взглянулъ на разстилавшійся вдали ландшафтъ, на паркъ Далицъ, изъ-за темныхъ деревьевъ котораго бѣлѣлся кусокъ верхушки господскаго дома, прошедшее безмолвствовало! И вотъ, подобно потоку, прорвавшему плотину, нахлынуло оно на него! Ея дѣти! — въ то время и она была полурбенкомъ! Ея дѣти! — старшая носила ея имя, съ тѣхъ самыхъ поръ казавшееся ему какимъ-то таинственнымъ, священнымъ звукомъ; и когда онъ читалъ или произносилъ его, то всегда чувствовалъ благоговѣйный трепеть. — Сесилія!.. Ея дѣти! странно! непонятно странно! также непонятно, какъ и смерть, такъ рано похитившая ихъ. И она плакала и молилась на этихъ могилкахъ, и

подлѣ нея стоялъ человѣкъ, фамилія котораго была вырѣзана на надгробныхъ плитахъ и имя котораго перешло къ младшему изъ дѣтей—Карлъ Брандовъ! Хотѣлось бы знать, ошаманивалъ-ли онъ своихъ дѣтей? Да развѣ возможно представить себѣ Карла Брандова съ лицомъ, орошеннымъ слезами! И когда въ воображеніи Готгольда съ поразительною ясностію обрисовалось лицо единственнаго врага въ его жизни, онъ внезапно почувствовалъ жгучее подергиваніе въ глубокомъ шрамѣ, который начинался на головѣ подъ волосами, прорѣзывалъ лѣвый високъ, ухо и щеку и, наконецъ, скрывался въ темной бородѣ. Этотъ-то шрамъ и былъ причиною того, что жена кистера, помня слова—остерегайся мѣченнаго,—такъ неохотно оставила виднаго господина одного въ церкви. Неужели старая рана открылась! рана, которую нанесла ему рука того человѣка, когда оба сидѣли еще на школьной скамьѣ. Что же было удивительнаго въ томъ, что сердце его такъ сильно сжалось, какъ будто бы хотѣло сказать: «рана, которую тебѣ нанесли, стала на нѣсколько лѣтъ моложе, свѣжѣе и глубже; ты видишь теперь, что она не зажила и никогда не заживетъ».

— Никогда!—сказалъ Готгольдъ,—никогда! Что же дѣлать? Постараюсь не растревать ее, по крайней мѣрѣ. Милыя дѣти! они не виновны, — да и можетъ-ли тутъ быть рѣчь о виновности! Я желалъ бы пробудить ихъ къ жизни, — для тебя, бѣдная Сесилія! Да сохранить тебѣ небо тѣхъ, которыхъ Оно еще послало тебѣ!

Въ это время отъ церковнаго дома, по направленію къ кладбищу приближался какой-то человѣкъ, весь въ черномъ, въ шляпѣ съ широкими полями и бѣломъ галстухѣ. Это былъ, по всей вѣроятности, пресмникъ его отца, новый пасторъ, возвратившійся послѣ школьной ревизіи раньше, чѣмъ предполагала жена пастора и снѣшившій къ незнакомцу, который спрашивалъ о немъ. Готгольдъ, находившійся въ крайне возбужденномъ состояніи, съ удовольствіемъ избѣжалъ бы этой встрѣчи, но пасторъ успѣлъ замѣтить его и ускорилъ шаги. Готгольдъ направился къ нему; а пасторъ, еще издали протягивалъ руки, восклицая:

— При какихъ грустныхъ обстоятельствахъ пришлось намъ свидѣться!

Готгольдъ съ удивленіемъ взглянулъ на безбородое, одутловатое, бѣлое лицо человѣка, стоявшаго передъ него и ножимавнаго ему руки, на большіе, круглые очки, за которыми безцвѣтные, голубые глаза какъ-то судорожно моргали, — Готгольдъ не могъ опредѣлить отъ волненія или же подъ вліяніемъ падающихъ на нихъ лучей заходящаго солнца.

— Развѣ ты не узнаешь меня, милый братъ?—спросилъ пасторъ; — неужели тебѣ не сказали моего имени? Августъ Земмель...

— По прозванію Класъ,—сказалъ Готгольдъ, невольно улыбаясь.—Прошу извинить, я дѣйствительно не обратилъ вниманія на имя; да къ тому же послѣднее время я привыкъ видѣть тебя всегда бунующимъ, въ форменной фуражкѣ на бекрень и съ лицомъ, заросшимъ густой, взъерошенной бородой. Согласись самъ, что это составляло превосходную маску.

Пасторъ Земмель выпустилъ руку Готгольда и сдѣлалъ быстрое движеніе въ сторону, какъ бы желая скрыть въ тѣни выраженіе своего лица.

— Маска,—сказалъ онъ, благочестиво поднимая глаза къ песту;—конечно! и какая пустая, можно сказать, грѣховная маска, когда хорошенько подумаешь объ этомъ. Въ прежнее время я часто бранилъ тебя за то, что ты не хотѣлъ поступить въ нашъ корпусъ, и подчасъ такъ рѣзко и съ такимъ пренебреженіемъ отказывался принимать участіе въ нашихъ увеселеніяхъ. Теперь же я завидую тебѣ,—ты такъ рано постигъ силу отреченія, которой мнѣ недостаетъ.

— За то Савль преобразился въ Павла,—возразилъ, улыбаясь, Готгольдъ;—мнѣ же еще долго придется ждать своего обращенія.

— Да, да!—сказалъ пасторъ.—Кто могъ это думать? Самый прилежный между нами сперва въ классѣ, а затѣмъ въ университетѣ! Кого учителя и профессора ставили примѣромъ для другихъ? Тебя! Уже съ четвертаго семестра ты насильно начиналъ наши головы всевозможными познаніями, помогая намъ приготовляться къ экзамену. А какъ ты блистательно сдавалъ ихъ! И все...

— Изъ-за Гескубы! Нѣтъ, любезный Земмель, не брани моего искусства, хотя въ то же время я готовъ согласиться, что я весьма плохой художникъ. Могу тебя завѣрить, однако, что легче сдать богословскій экзаменъ, чѣмъ нарисовать хорошую картину; все это я знаю по собственному опыту. А главное вотъ въ чемъ—кто можетъ поручиться, что если бы я остался богословомъ, то не былъ бы вмѣсто тебя преемникомъ своего отца.

— Да... для меня это было бы ужасной конкуренціей,—сказалъ Земмель.—Хотя частенько говорится:—не славенъ пророкъ въ своемъ отечествѣ! Скажу тебѣ откровенно, когда я уѣхалъ изъ Галле, то прежде, чѣмъ мнѣ пришлось выставить себя кандидатомъ на это мѣсто, я въ продолженіи четырехъ лѣтъ былъ домашнимъ учителемъ въ Нижней Помераніи, у графа Цернакова. Въ Нейкирхѣ исполнялъ я должность своего старика, который очень ослабѣлъ; я былъ вполнѣ увѣренъ... однако, онъ скоро оправился, что было какъ нельзя болѣе кстати для меня... ахъ, да!

что бишь я хотѣлъ сказать?.. когда четыре года тому назадъ и изъявилъ свою претензію на здѣшнее мѣсто и, думая выиграть въ общественномъ мнѣніи, выставялъ себя ближайшимъ школьнымъ и университетскимъ товарищемъ сына моего предметника, я не могу сказать, чтобы подобная рекомендація имѣла повсюду успѣхъ. Такъ, напримѣръ, г. Отто фонъ-Плюгенъ изъ Плюгенгофа..

Готгольдъ засмѣялся.

— Еще бы,—сказалъ онъ,—когда мы были съ нимъ въ учебномъ заведеніи въ Прорѣ, я частенько-таки задавалъ ему головоломку.

— Ты, конечно, помнишь, что я былъ въ prima, когда вы еще были въ secunda, — продолжалъ пасторъ, какъ бы извиняясь,—я и позабылъ, что вы знали другъ друга! Когда же я, наученный опытомъ въ Плюгенгофѣ, старался какъ можно осторожиѣе упомянуть въ разговорѣ твое имя, то наталкивался, какъ тебѣ сказать? на враждебное отношеніе... итъ, это будетъ не по христіански, но...

— Бросимъ этотъ разговоръ,—съ нетерпѣніемъ прервалъ его Готгольдъ.

— Конечно, конечно,—сказалъ пасторъ, — ты, я думаю, будешь радъ слышать, что, благодаря именно этимъ обстоятельствамъ, мнѣ удалось упомянуть о твоёмъ великодушномъ пожертвованіи для бѣдныхъ нашего прихода, а также и о той благодарности, которая...

— Къ чему? вѣдь я такъ настоятельно просилъ не называть моего имени.

— Ибо сказано: «не ставь свѣчу подъ сосудомъ!» Это дало мнѣ возможность уничтожить злую клевету, которая всюду преслѣдовала тебя!..

— Злую клевету? — спросилъ Готгольдъ.

— Ну, да! Всѣ знали, что ты владѣешь громаднымъ состояніемъ, но случаю смерти твоего дяди и, однако, отецъ твой...

— Великій Боже! чѣмъ же я виноватъ, — воскликнулъ Готгольдъ,—если мой отецъ на всѣ мои предложенія упрямо... я, право, не въ состояніи больше распространяться объ этомъ предметѣ. Кромѣ того, если я хочу во время попасть въ Прору, мнѣ пора ѣхать. Надѣюсь, что г-нъ Вольновъ все устроитъ какъ слѣдуетъ относительно послѣдства моего отца. Къ несчастію, я не могъ самъ заняться этимъ; ты ужь, вѣроятно, слышалъ отъ Вольнова, что я заболѣлъ во время своего послѣдняго путешествія и двѣ недѣли вынужденъ былъ пролежать въ Миланѣ. Оттуда я писалъ ему, чтобы онъ старался предупреждать всѣ желанія преемника моего отца.

— Даже не зная, кто будетъ этимъ преемникомъ! — восклик-

нуль Земмель, — таковы-то всё вы художники! но я не былъ нескромёнъ. Въ библиотекѣ твоего отца было много цѣнныхъ богословскихъ сочиненій, которыя я бы очень охотно пріобрѣлъ, а такъ какъ ты разрѣшилъ самому покупателю назначить цѣну...

— Мы ужь достаточно объяснились, можемъ проститься!

— Я провожу тебя до твоего экипажа; я видѣлъ, онъ заложенъ и стоитъ у дверей корчмы.

— Ни шагу дальше, прошу тебя!

Они стояли у двери, выходявшей на улицу; пасторъ, казалось, не могъ выпустить руки Готгольда.

— Ради твоего спокойствія и чести нашихъ старыхъ школьныхъ товарищей я долженъ еще кое-что прибавить къ предыдущему разговору. О себѣ я не скажу ни слова, но считаю своею обязанностию заявить тебѣ, что не всё изъ нихъ виноваты въ такомъ безсердечии относительно тебя; я могу назвать тебѣ имена. Между ними есть многіе, которые говорили въ твою пользу, но болѣе всѣхъ — Карлъ Брандовъ.

— Брандовъ! Карлъ Брандовъ! — воскликнулъ Готгольдъ, — право...

— Онъ, можетъ быть, хотѣлъ загладить поступокъ, совершенный имъ противъ тебя по юношеской необдуманности. Отдавая долгъ истинѣ, онъ передъ всѣми говорилъ, что чувство корысти будетъ послѣднимъ чувствомъ, способнымъ овладѣть тобою, и что если твой отецъ умеръ въ той же бѣдности, въ какой и жилъ, это, безъ сомнѣнія...

— Прощай! — сказалъ Готгольдъ, подавая пастору руку.

— Да благословить и да хранить тебя Господь! — сказалъ пасторъ. — Если ты пожелаешь удѣлить часокъ старому другу во время твоего пребыванія здѣсь...

Готгольдъ поспѣшно отдернулъ руку и направился вдоль улицы. Земмель смотрѣлъ ему вслѣдъ, и по его одутловатому лицу скользнула насмѣшливая улыбка.

— Мечтатель! — сказалъ онъ. — Кажется, безпутное счастье, выпавшее на его долю, окончательно вскружило ему голову. Что жъ? не бѣда! надо все-таки быть поближе къ богатымъ людямъ! Карлъ Брандовъ лукавый человѣкъ! Не даромъ съ той минуты, какъ онъ услышалъ, что Готгольдъ долженъ возвратиться, сейчасъ же повелъ другой образъ дѣйствій: — не могъ достаточно нахвалиться имъ, а прежде разсыпался въ ругательствахъ на него. Нѣтъ, нѣтъ! не даромъ все это! Злая необходимость вынуждаетъ его пускаться на хитрости. Плюггенъ говоритъ, что онъ при послѣднемъ издыханіи. Завтра онъ долженъ быть на обѣдѣ въ Плюггенгофѣ, то-то фу-роръ произведу я своею новостью!

II.

Длинная улица была почти пуста. Лишь изрѣдка то тамъ, то сямъ, въ дверяхъ какого-нибудь изъ низенькихъ, крытыхъ соломою домиковъ показывалась дряхлая старушка, да за изгородами дикаго терновника мелькали полунагіе ребятишки. Садики, окруженные этими изгородами, содержались большею частью весьма плохо. По случаю начавшейся жатвы всѣ остальные обитатели села были въ полѣ.

Улица была пуста и ласточки свободно летали по ней. Съ быстротой стрѣлы подымались онѣ вверхъ и опускались внизъ, то низко пролетая надъ самой землей, то, граціозно описавъ дугу въ воздухъ, подымались снова вверхъ, гдѣ летали или по прямому направленію или зигзагами, чирикали, щебетали, неумоимо размахивая длинными крылышками.

Готгольдъ остановился, сдвинулъ шляпу выше на лобъ и задумчиво смотрѣлъ на прелестныхъ птичекъ, которыхъ всегда такъ любилъ. Онъ стоялъ и смотрѣлъ на нихъ и въ душѣ его исподволь смягчалось негодованіе, возбужденное разговоромъ съ пасторомъ, и уступало мѣсто необыкновенному унынію.

— О чемъ пѣла ласточка?—прошепталъ онъ. — Все по прежнему звучитъ ея пѣсенка! Я думалъ, что понимаю ее, но я разбиралъ ее умомъ, а не сердцемъ. А что такое сердце одинокаго человѣка? Вотъ по прошествіи десяти лѣтъ возвратился я къ священнымъ мѣстамъ своего юношества и что же нашелъ здѣсь? Мучительное воспоминаніе о томъ, что когда-то принадлежало мнѣ.

То вверхъ, то внизъ подымались ласточки, то почти касаясь земли, то описывая дугу надъ телѣгой, нагруженной спонами, которая выѣзжала изъ бокового переулка на главную улицу и затѣмъ скрылась въ дверяхъ гумна.

— Гдѣ это говорится?—сказалъ Готгольдъ.

Als ich Abschied nahm, als ich Abschied nahm,
Waren Kisten und Kasten schwer;
Als ich zurück kam, als ich zurück kam,
War alles leer.

(Когда разставался я, тяжелы были сундуки и ларчики; когда возвратился я, оказалось все пусто).

Онъ провелъ рукою по глазамъ, желая отереть неудержимо катившіяся слезы; губы его дрогнули отъ мучительно-горькой улыбки.

Я могъ бы служить прекраснымъ зрѣлищемъ для своихъ римскихъ друзей; что если бы они видѣли, какъ я стою здѣсь и плачу,

точно школьникъ? Что бы ты, Юлія, сказала? Вотъ, что говорила ты, когда я объясняю тебѣ смыслъ пѣсни: «что за нелѣпость, милый другъ! Какая можетъ быть пустота въ сердцѣ? Мое—никогда не было пусто съ тѣхъ самыхъ поръ, какъ я знаю, что оно у меня есть. Теперь оно полно любовью къ тебѣ, какъ и твое—любовью ко мнѣ. Пѣмецъ ты... мечтатель!» Ты отстранила бы мои волосы и поцѣловала бы меня такъ, какъ ты одна умѣешь цѣловать. И все-таки... все-таки... если я и люблю тебя, Юлія, то это лишь слабое отраженіе той любви, которую я раньше испыталъ. Любовь моя къ тебѣ подобна блѣдному востоку, когда онъ слегка покрывается розовымъ свѣтомъ, отражая вечернюю зарю, загорающуюся на западѣ. Я разставался съ тобою и сердце мое не дрогнуло. Не то было, когда я на надгробной плитѣ прочелъ имя той, которая, несмотря на то, что жива еще, навсегда умерла для меня.

Онъ протянулъ руку, какъ бы благославляя все окружающее.

— Пойте, милыя ласточки! пойте чудную, печальную пѣсню! Летите прочь и возвращайтесь вновь! Приносите съ собой весну на опустѣвшія поля и переполненные человѣческія сердца! Да хранить васъ Богъ, дорогія, родимыя пивы и тебя, милая родина! Вы навсегда священины для меня, какъ воспоминаніе моихъ юношескихъ лѣтъ.

У корчмы стоялъ запряженный экипажъ. Кучеръ разнуздаль лошадей, чтобы имъ удобнѣе было ѣсть нарѣзанный кусочками хлѣбъ. Вотъ онѣ кончили! Кучеръ отодвинулъ переносныя ясли и далъ имъ выпить еще нѣсколько глотковъ воды изъ полуопорожненнаго ведра. Когда подошелъ Готгольдъ, онъ ужъ держалъ возки и, дружески улыбаясь, опускалъ для него дверцу экипажа.

Еще въ первый разъ оказывалъ онъ такое вниманіе своему сѣдоку. Всю длинную дорогу проѣхали они вмѣстѣ, не говоря ни слова: Готгольдъ сидѣлъ, занятый собственными мрачными мыслями, противъ обыкновенія еще болѣе молчаливый. Ни разу также не изъявилъ онъ претензіи на молчаливаго, широкоплечаго здоровяка, одѣтаго въ голубую, полосатую блузу съ потертыми нивами. Человѣкъ этотъ въ продолженіи нѣсколькихъ часовъ сидѣлъ неподвижно и согнувшись. Отъ времени до времени покуривалъ онъ коротенькую трубку, чего Готгольдъ не рѣшался запретить ему, несмотря на то, что приторный запахъ доморощенной травы былъ ему крайне неприятенъ. Каково же было удивленіе Готгольда, когда по выѣздѣ изъ деревни, въ то время, какъ они медленно подвигались по узенькой, проселочной дорогѣ, тянувшейся между хлѣбными полями и ведущей на большую дорогу, къ нему внезапно обернулся широкоплечій малый и, показывая большіе бѣлые зубы, сказалъ ему на своемъ простонародномъ нарѣчій:

— А вы такъ таки и не узнали меня, господинъ Готгольдъ?

— Нѣтъ, — отвѣчалъ Готгольдъ, внимательно всматриваясь въ улыбающееся лицо кучера, — за то вы меня хорошо знаете.

— Я всю дорогу думалъ о томъ, вы-ли это, или нѣтъ, — говорилъ кучеръ, — иной разъ мнѣ казалось, что да, а иной разъ — нѣтъ.

— Зачѣмъ же вы не спросили?

— Вотъ подите! я и не догадался, а вѣдь чего проще! Теперь все равно нечего спрашивать. Я узнаю васъ вотъ по этому, — прибавилъ кучеръ, указывая рукояткой кнута ту линію на своемъ лицѣ, гдѣ у Готгольда проходилъ шрамъ. — Я еще утромъ догадался, что это вы; не всякій же день приходится видѣть такую штуку. А много вѣдь времени ушло съ тѣхъ поръ! Вотъ на войнѣ такъ часто случаются такія вещи. Вы такъ выглядите съ вашей длинной бородой и загорѣлымъ лицомъ, какъ будто только что изъ Испаніи пріѣхали, а тамъ, говорятъ, опять скоро война будетъ. Да вотъ еще, — когда вы приказали мнѣ остановиться въ Раминѣ и отправились къ церковному дому, а сами и не спросили, какъ пройти туда, я сейчасъ же и сказалъ себѣ: это онъ!

— А вы... ты Іоакимъ... Іоакимъ Пребровъ? — воскликнулъ Готгольдъ, отъ всего сердца протягивая руку Іоакиму, который, повернувшись на козлахъ, въ свою очередь, отвѣчалъ ему тѣмъ же рукопожатіемъ.

— Ну, да, конечно! — сказалъ Іоакимъ. — А вы въ самомъ дѣлѣ не узнали меня?

— Какъ можешь ты думать иначе? — отвѣчалъ Готгольдъ. — Теперь ты такой большой и толстый! Ты сталъ тѣмъ, чѣмъ обѣщаль сдѣлаться еще въ дѣтствѣ.

— Да, причина въ самомъ человѣкѣ, — возразилъ Іоакимъ. — Мой фельдфебель въ Берлинѣ всегда говорилъ — этого нельзя назвать природнымъ недостаткомъ.

Іоакимъ Пребровъ снова повернулся къ лошадямъ. Онъ остался очень доволенъ добытыми имъ свѣдѣніями: — ему удалось установить тождество между видимымъ сѣдокомъ и стройнымъ товарищемъ своихъ юношескихъ лѣтъ, падъ чѣмъ онъ всю дорогу ломалъ себѣ голову. Готгольдъ также молчалъ. Онъ былъ взволнованъ тѣмъ, что почти цѣлый день пропутешествовалъ съ добрымъ Іоакимомъ, какъ съ совершенно чуждымъ ему человѣкомъ. — И съ какимъ человекомъ! Іоакимомъ Пребровымъ, подмастерьемъ изъ Доллана! Ему вспомнились тѣ прекрасные дни, когда они вдвоемъ съ Куртомъ Венгофомъ ѣздили изъ Проры на каникулы, которыя, само собою разумѣется, проводились въ Долланѣ. Вспомнилось ему, какъ въ степи, куда обыкновенно сворачивали съ большой дороги на проселочную въ Долланъ, поджидалъ ихъ Іоакимъ, размахивая шап-

кой. Мальчикъ хорошо зналъ, что съ ихъ прїѣздомъ и для него наступаютъ хорошія времена, — времена рыбной ловли, шелко́въ для птицъ подъ надзоромъ стараго брата Бослава и множество сумасбродныхъ, никѣмъ не оставающихся шалостей и на водѣ и на сушѣ. Обыкновенно Куртъ принималъ на себя тяжелую отвѣтственность за все проказы передъ добродушнымъ отцомъ.

— И молодой баринъ умеръ, — сказалъ Іоакимъ, снова поврачиваясь къ Готгольду, показывая тѣмъ, что, покончивъ съ главнымъ, онъ готовъ перейти къ подробностямъ.

Готгольдъ кивнулъ головой.

— Утонулъ на Шпрее! — чудеса! могъ грести, какъ настоящій матросъ, а плавалъ, какъ щука. Говорилъ онъ мнѣ, что такъ и покончить! — сказалъ Іоакимъ и принялся набивать свою трубку.

— Когда онъ тебѣ говорилъ?

— Онъ какъ-то прїѣзжалъ сюда изъ Грюнвальда на свадьбу сестры, а послѣ долженъ былъ ѣхать въ Берлинъ доказать тамъ, хорошо-ли кончилъ свое ученіе. Говоря по правдѣ, молодой-то баринъ слабоватъ былъ на этотъ счетъ. Онъ самъ говорилъ мнѣ это, когда мы послѣ вѣчанія возвращались изъ Проры; мнѣ самому пришлось управлять свадебной каретой, — старый Христіанъ заболѣлъ. Все поѣхали въ Долланъ; тамъ былъ большой завтракъ, и нашъ молодой баринъ, кажись-таки, порядочно выпилъ. И пришелъ онъ ко мнѣ въ конюшню, бросился на солому, да какъ заплачетъ, даже жалость взяла.

— Что вы, баринушка? говорю.

— Ахъ, Іоакимъ! — говоритъ онъ. — Проналъ я, советъ проналъ. Ужъ просилъ я папашу, — сдѣлай ты изъ меня земледѣльца, не выйдетъ вѣдь изъ меня крѣпостворецъ! А онъ и говоритъ: ничего нѣтъ у насъ! ничего! И приданого сестры ему нечѣмъ уплатить.

— Что же, баринушка, говорю, дѣло не такъ плохо, у насъ теперь богатый зять, онъ вамъ и денегъ дастъ.

— Какъ вскоичитъ нашъ молодой баринъ, какъ схватитъ меня за грудь, да какъ примется тристи меня!.. Страхъ меня взялъ! а онъ кричитъ: — смѣй только еще разъ сказать... и прибавилъ онъ тутъ крѣпкое словечко. Странно было слышать! вѣдь молодой баринъ всегда былъ такой вѣжливый и добрый! Говорю вамъ, — онъ таки порядочно выпилъ. Онъ все хотѣлъ, чтобы я вывернулъ ихъ по дорогѣ въ Далицъ, тамъ въ стени, знаете, господинъ Готгольдъ, не доѣзжая кузницы. Какъ ѣдешь по горѣ, такъ влѣво еще болото остается. Да, нечего сказать, опрокинуть-то тамъ можно! Кто туда разъ поналъ, тотъ и проналъ! Ну, всякій воленъ поступать по своему. Гдѣ же видано, чтобы дочку своего собственнаго барина, да опрокинуть и еще въ самый день свадьбы! А если

бы я и вздумалъ сдѣлать, какъ онъ просилъ, такъ не мнѣ пришлось бы везти ихъ назадъ. Господинъ Брандовъ приказалъ подать собственную карету, заложенную четверней. Кучеромъ тогда былъ Генрихъ Шеель, онъ и теперь еще тамъ. Ну, тотъ не опрокинетъ. Да, что и говорить! и ъздить-то онъ верхомъ и править куда какъ хорошо!

Иоакимъ Пребровъ хлопнулъ кнутомъ; лошади, бѣжавшія все время рысцей по узкой, избитой, проселочной дорогѣ, пустились крушной рысью по широкому, ровному, столбовому тракту.

Въ незначительномъ разстояніи отъ дороги видѣлся Далиць, великолѣпное родовое помѣстье дворянской семьи, откуда происходила мать Сесилии. Оно давнымъ давно перешло во владѣніе мѣщанскаго рода Брандовыхъ и послѣдника ихъ Карла Брандова.

Дорога шла, насколько могъ припомнить Готгольдъ, какъ разъ мимо двора и затѣмъ нѣкоторое время вдоль стѣны парка. Сердце его сильно билось. Онъ почти съ испугомъ смотрѣлъ на домъ, бѣлый фасадъ котораго начиналъ показываться изъ-за боковыхъ строеній. Какъ близко пришлось ему ѣхать мимо ея жилища! Неужели же онъ не воспользуется единственнымъ случаемъ, который врядъ-ли еще разъ представится въ будущемъ? Неужели же онъ никогда, никогда больше не увидитъ ее! А развѣ легко будетъ встрѣтиться съ нею, какъ съ женою Карла Брандова? Нѣтъ, пѣтъ! лучше такъ, гораздо лучше!

И Готгольдъ откинулся въ уголъ экипажа и еще больше на-двинулъ на лицо свою шляпу. Охотнѣе всего приказалъ бы онъ Иоакиму вернуться назадъ, но тотъ пустилъ лошадей крупной рысью,—они подѣзжали къ помѣстью. Въ ту самую минуту, когда они поравнялись съ воротами, со двора выѣзжала пустая телѣга, и лошади, запряженные въ нее и также точно бѣжавшія крупной рысью, моментально столкнулись съ лошадьми Иоакима. Послѣдній сталъ браниться, бранился и работникъ и еще кто-то, кто стоялъ во дворѣ. Готгольдъ не понималъ, кого тотъ собственно бранилъ, — своего-ли работника или его кучера, или же, по всей вѣроятности, обоихъ вмѣстѣ. Это не былъ звучный голосъ Карла Брандова, и не можетъ быть, чтобы высокій, толстый человѣкъ въ сапогахъ съ отворотами, который въ это самое время тяжелой поступью подходилъ къ воротамъ, былъ стройный, гибкій Карлъ Брандовъ.

Иоакимъ между тѣмъ проложилъ себѣ дорогу и съ трудомъ сдерживалъ испуганныхъ лошадей, галопомъ мчавшихся мимо низкой стѣны парка. Тамъ и сямъ, между деревьями и кустами, можно было разсмотрѣть и самый паркъ, и прекрасную широкую лужайку, на заднемъ планѣ которой видѣлся боковой фасадъ

192774 0704851

господскаго дома. На самой лужайкѣ до сихъ поръ еще стояла большая качель, на которой няня качала двухъ маленькихъ дѣвочекъ, а немного дальше рѣзвилось съ подюжины дѣтей различныхъ возрастовъ. Ихъ свѣжіе голоса весело звучали среди вечерней тишины. Между играющими Готгольдъ замѣтилъ высокую, видную даму, а подлѣ нея низенькаго, одѣтаго въ черное, господина, по всей вѣроятности, учителя рѣзвившихся мальчугановъ.

Хотя прошло лишь нѣсколько секундъ, въ продолженіи которыхъ картина эта промелькнула мимо Готгольда, однако, зоркій глазъ его успѣлъ схватить мельчайшія подробности. Экипажъ уже давно выѣхалъ на большую дорогу, а воображеніе его живо рисовало все видѣнное имъ. Сердце его сжалось безъ всякой видимой причины. Она не жила здѣсь... Гдѣ же она? Много лѣтъ не получалъ онъ никакихъ извѣстій съ своей родины... Неужели она умерла! для него, конечно... однако...

— Онъ порядочный грубиянъ, этотъ господинъ Редебасъ, — сказалъ Іоахимъ; — ну, а дѣло свое хорошо понимаетъ... ловко съ нимъ справляется!

— Такъ Далицъ не принадлежитъ больше Брандову? — спросилъ Готгольдъ.

— Эй! эй! — возразилъ Іоахимъ, — будто бы вы... — продолжалъ онъ, указывая куда-то внизъ рукояткою клута, — ничего не слышали о томъ, что случилось здѣсь?

— Ничего, совсѣмъ ничего, любезный Іоахимъ! да и отъ кого я могъ слышать?

— Такъ, такъ; — сказали Іоахимъ; — не всякому дается письмо, хоть бы мнѣ, напримѣръ! А гдѣ вы были, тамъ нѣтъ ни почты, ни сообщенія. Мой фельдфебель — онъ былъ старинный служака, онъ также былъ въ Испаніи въ тысяча восемьсотъ...

— Я не былъ въ Испаніи, — перебилъ его Готгольдъ, — я былъ въ Италіи.

Подобное возраженіе показалось Іоахиму и несудобнымъ и неожиданнымъ. Какъ долго ломалъ онъ себѣ голову надъ тѣмъ, кто его пассажиръ — сынъ-ли онъ пастора изъ Рамина или нѣтъ? и если да, то, само собою разумѣется, онъ долженъ былъ пріѣхать изъ Испаніи. Онъ хорошо слышалъ, какъ Готгольдъ произнесъ слово «аббатство», кромѣ того, живетъ онъ въ чужой землѣ, Іоахимъ же всю жизнь свою слышалъ объ одной только чужой землѣ — объ Испаніи. И вотъ, покуривая свою трубку, окруженный густыми облаками дыма, сидѣлъ онъ, глубоко задумавшись. Какъ ни тяжело было Готгольду, все же пришлось ему два раза повторить одинъ и тотъ же вопросъ: — гдѣ теперь живетъ Брандовъ?

— А гдѣ же ему жить, какъ не въ Доляштъ? — отвѣтилъ, нако-

пецъ, Іоакимъ. — Онъ попалъ изъ поповъ да въ дяконы; такъ всегда бываетъ, когда господа зазнаются...

— А жена его?

Готгольдъ не въ силахъ былъ удержаться отъ этого вопроса; голосъ его дрожалъ.

— Бѣдная наша барышня, — сказала Іоакимъ, — не думала она, когда я везъ ее четверней въ церковь, что такъ скоро копчится все это великолѣпіе! Вотъ она опять на своемъ старомъ мѣстѣ! И старый баринъ, и молодой баринъ умерли, и двое дѣточекъ ея тоже умерли! Остался у нея только одинъ ребенокъ.

Итакъ, она жива и живетъ опять въ Долланѣ, въ милomъ Долланѣ, окруженномъ лѣсомъ и шумящимъ моремъ! Тамъ, гдѣ онъ прожилъ самые счастливые и несчастные часы своей юности! Въ томъ святомъ и печестивомъ Долланѣ, куда въ мечтахъ своихъ, то печальный, то радостный стремился онъ, то съ улыбкой, то со смѣхомъ пробуждаясь къ дѣйствительности. И вдругъ ему вообразилось, что все было по прежнему, что она будетъ ему возвращена! Ему вообразилось, что онъ видитъ ея стройную фигуру, мелькающую въ саду между кустовъ, освѣщенныхъ заходящимъ солнцемъ, что онъ съ сильно бьющимся сердцемъ стоитъ у окна комнаты въ мезонинѣ и заставляетъ Курта повторять глаголы на «ті», пока тотъ не бросаетъ на столъ грамматики, объявляя, что онъ никогда не пойметъ этой премудрости и что гораздо лучше будетъ, если они пойдутъ въ садъ къ Сесилии.

Готгольдъ провелъ рукою по глазамъ. Что это? Не онъ-ли громко произнесъ милое имя? Или, быть можетъ, Іоакимъ, однообразнымъ голосомъ продолжавшій свой рассказъ, упомянулъ о ней? Іоакимъ не зналъ, какъ все это случилось. Онъ служилъ еще въ гвардіи въ Берлинѣ, когда старый Венгофъ умеръ, а молодой Брандовъ къ собственному своему имѣнію Далиць присоединилъ и монастырское имѣніе Долланъ. Когда Іоакимъ возвратился со службы, то нанялся кучеромъ къ трактирщику Петерсу въ Нейдгеръ, — отцу въ кузнечномъ дѣлѣ помогаль его старшій братъ Класъ. Съ тѣхъ поръ онъ только тогда уѣзжалъ изъ Нейдгера, когда возилъ путешественниковъ на островъ, что не такъ-то часто случается. Никогда не думалъ онъ, что такъ близко придется ѣхать мимо Доллана, да, пожалуй, и побывать тамъ. И какой чужеземецъ вздумаетъ такъ далеко сворачивать съ большой дороги! Если бы братъ его Класъ разъ или два въ годъ не заѣзжалъ въ Нейдгеръ, онъ бы совсѣмъ не зналъ, что дѣлается въ Долланѣ. А, сказать правду, отъ Класа не больше услышишь, чѣмъ отъ постороннихъ. Всѣ знаютъ, что у Брандова самыя лучшія лошади на островѣ и чуть-ли не во всей провинціи, и что онъ каждый годъ осенью при-

ѣзжаетъ въ Зюндины на скачки. Благородные господа не знаютъ, какъ имъ быть, какъ противъ Брандова выступить, даромъ что онъ мѣщанинъ. Онъ увѣренъ, что въ этомъ году выиграетъ призъ,— Генрихъ досталъ ему лошадь, какой никто и не видывалъ здѣсь. Въ лошадяхъ онъ больше толку понимаетъ, чѣмъ всѣ эти англійскіе наѣзники, которымъ господа такъ много денегъ платятъ. Иные, впрочемъ, говорятъ, что здѣсь дѣло не чисто, будто Генрихъ своими косыми глазами такъ можетъ устроить, что все будетъ, какъ онъ захочетъ. Чего не случается! Вѣдь и онъ самъ сынъ кузнеца. Большая разница, какъ свое ремесло исполнять,—честно-ли, какъ его отецъ, напримѣръ, или же пользоваться имъ для какихъ-нибудь цѣлей? Да что,—лучше и не говорить, вѣдь препятствій всѣхъ не преодолѣешь! Вотъ за упряжку онъ дорого беретъ. Брандовъ ужь заплатился своимъ помѣстьемъ; говорятъ, что не долго онъ и въ Долланѣ продержится и что эти проклятыя лошади раззорятъ его въ пухъ и прахъ. Что думаетъ объ этомъ господинъ Готгольдъ?

— Нѣтъ, нѣтъ, нѣтъ! — воскликнулъ Готгольдъ, быстро выпрямляясь на своемъ мѣстѣ.

Снова принялся Іоахимъ набивать себѣ трубку, надо было лучше обдумать такой неожиданный для него отвѣтъ. Готгольдъ не мѣшалъ его размышленіямъ; онъ сидѣлъ, занятый собственными мыслями о томъ, что было, что могло быть и чего никогда не будетъ.

Да, не будетъ! Но не потому, чтобы судьба этого не хотѣла, а потому, что сами люди захотѣли такой судьбы, сами себѣ ее устроили. Судьба—люди; мечтанія свои они превращаютъ въ дѣйствительность, желанія осуществляютъ въ поступкахъ! Она сама желала быть госпожей тамъ, гдѣ владѣли предки ея матери; пожелала въ тотъ самый вечеръ, когда изъ Доллана всѣ ѣздили въ Далицъ—отецъ, она, Куртъ и онъ. Какъ медленно расхаживала она по комнатамъ, какъ задумчиво смотрѣла большими, блестящими глазами на картины, развѣшанныя по стѣнамъ съ полинявшими обоями, и на множество бездѣлушекъ, разставленныхъ по карнизу камина; непривычному глазу все это должно было казаться какимъ-то чудомъ! Какъ она осторожно гладила рукой камчатныя занавѣси въ спальнѣ! А въ оранжереяхъ? Она то и дѣло прятала въ олеандрахъ свое пылающее лицо, точно желала пропитаться этимъ чуднымъ запахомъ. Съ какимъ вниманіемъ слушала она косога Генриха, когда тотъ рассказывалъ ей о преимуществахъ породистыхъ лошадей; какъ прислушивалась къ стуку ихъ поводовъ о мраморныя ясли! Генрихъ также говорилъ ей, какъ жаль, что молодой баринъ тратитъ время въ сельско-хозяйственной академіи, здѣсь онъ лучше могъ бы употребить его. И съ какимъ пе-

годованіемъ взглянула она на своего друга, когда тотъ, воображая, что имѣетъ какое-то значеніе въ ея глазахъ, осмѣлился замѣтить съ ревливой усмѣшкой, что Карлъ Брандовъ мало потеряетъ, если и раньше вернется домой: и въ академіи онъ не прилежитъ, чѣмъ въ школѣ. А потомъ на лукавнѣ, какъ задорно поддразнивала она обоихъ друзей! Затѣмъ она сѣла на качель, ту самую, гдѣ передъ этимъ качались дѣти, одной рукой поддерживая прелестную головку, а другой — небрежно играя краями краснаго передника; Готгольдъ подошелъ къ ней, предлагая покачать ее, но она вскочила и, смѣясь, проговорила:

— Гдѣ ужъ мнѣ невѣжественной дѣвушкѣ беспокоить такого ученаго господина, какъ вы!

Видя, какъ она смѣялась, онъ и не воображалъ, сколько серьезнаго скрывалось за этимъ смѣхомъ! Если бы онъ что-либо подозрѣвалъ, то на другой день передъ своимъ отъѣздомъ съ Куртомъ въ заведеніе онъ ни за что не позволилъ бы себѣ просунуть въ щель дверей ея комнаты маленькій листочекъ бумаги, гдѣ былъ написанъ вольный переводъ оды Анакрона.

«Фракійскій жеребенокъ, скажи почему, испуганно посматривая большими глазами, избѣгаешь меня такъ сурово и презираешь ты меня? мнѣ, глухцу, это не все равно.

«Знай же, что скоро наброшу я узду на твою гордую шею и, туго натянувъ ее, буду гонять тебя по ристалищу.

«Недолго тебѣ еще, играя на лугу, легко и радостно подпрыгивать! Скоро явится, о, фракійскій жеребенокъ, скоро явится предназначенный тебѣ рыцарь».

Предназначенный рыцарь! Не прошло и восьми недѣль, какъ онъ ужъ прѣѣхалъ, этотъ предназначенный рыцарь!

Былъ темный, лѣтній вечеръ. Мужчины и женщины, парни и дѣвушки, всѣ еще были въ полѣ. Какъ и сегодня, была суббота. Спѣшили выкосить большое пиеничное поле, вьзали снопы и складывали ихъ въ копны. Вотъ всѣ растянулись на землѣ, чтобы отдохнуть съ полчаса, пока луна, освободившись изъ окружающихъ ее испареній, не взойдетъ на небосклонъ, послѣ чего всѣ намѣрены были снова продолжать прерванную работу. И они вдвоемъ съ Куртомъ тоже помогали, даже Сесилія связала два снопа; затѣмъ они разносили пиво рабочимъ, а братецъ Бославъ разливалъ его изъ большой бочки. Сколько тутъ было шума, пѣнія, какъ шалили и дурачились парни и дѣвушки! Вдругъ все смолкло! И старшій Венгофъ сталъ утверждать, что все это общество непременно заснетъ, если не примется снова за работу, и пусть тогда покажутъ ему человѣка, который въ состояніи будетъ поставить ихъ на ноги! Братецъ Бославъ отвѣчалъ, что сѣдуетъ подождать еще

минуть десять, пока взойдетъ луна; а братецъ Бославъ былъ человѣкъ опытный. Все стихало постепенно и курюпатка, думая, что всѣ разошлись съ поля, принялась громко сзывать свою разлетѣвшуюся семью. Было такъ тихо, что Готгольдъ слышалъ бѣшеніе своего сердца, взглядывая на милое личико сидѣвшей на снопахъ дѣвушки, которая такъ близко была подлѣ него, что онъ могъ рукой прикасаться къ ея свѣтлой одеждѣ. Она сидѣла и смотрѣла на луну, и свѣтъ, падавшій на ея лицо, придавалъ ему волшебное, неземное выраженіе. Лишь темные глаза сверкали на ея блѣдномъ личикѣ; когда же она по временамъ взглядывала на юношу, ему казалось, что это лучи изъ невидимаго міра духовъ, куда онъ мчался съ своею возлюбленной, высоко уносясь отъ земной суеты, такъ высоко, какъ можетъ вообразить только чистая фантазія юноши, сердце котораго преисполнено необъятной, святой любовью! Боги мой! какъ безгранично любилъ онъ ее! все существо его, всѣ чувства, мысли и помысленія, все было проникнуто этой любовью, все стремилось къ ней! Каждая капля крови, текущая черезъ его трепещущее сердце, согрѣвалась ею. Въ каждомъ вздохѣ, вырывающемся изъ его стѣсненной груди, слышалось—люблю тебя!

И вотъ въ ту самую минуту, когда передъ его восторженнымъ взоромъ разверзлись небеса, и онъ ужъ видѣлъ горнюю обитель,— въ ту самую минуту разразился ударъ, закрывшій ему навсегда входъ въ райскія врата его юности и на многіе годы разрушившій его вѣру во все великое и святое, что живетъ въ сердцѣ человѣческомъ.

— Кто-то ѣдетъ верхомъ,—сказалъ старый Бославъ, подходи къ нимъ и указывая по направленію къ лѣсу. Никто, кромѣ него, ничего не слышалъ; ну, да что съ того! чуткое ухо старика могло слышать, какъ растетъ трава. Сесилія вскочила, сдѣлала шага два впередъ и стала прислушиваться; Готгольдъ увидѣлъ, какъ она приложила руку къ сердцу—его собственное остановилось!

Все время, предшествовавшее такъ счастливо выдержаннымъ экзаменамъ, ни онъ, ни Куртъ не были въ Долланѣ, вотъ почему онъ и не зналъ, что произошло здѣсь, а только мимоходомъ слышалъ отъ Курта, что Карлъ Брандовъ пріѣхалъ. Онъ понялъ теперь, что быстрый топотъ коней принадлежалъ лошади Карла Брандова, который ужъ не первый разъ проѣзжалъ полумильное разстояніе отъ Далица. Онъ понялъ, что означало такъ поразившее его выраженіе ея лица,—мечтательная нѣжность, внезапно перешедшая въ такое странное возбужденіе. Онъ все понималъ, все! также и то, что храмъ его разрушенъ и святыня осквернена! Онъ стоялъ въ сторонѣ и видѣлъ, какъ всѣ окружили стройнаго всадника, быстро соскочившаго съ лошади, — видѣлъ, какъ онъ затѣмъ

отдѣлился отъ толпы и... не одинъ! Онъ обнималъ ее рукой и, наклонившись къ ней, что-то ей нашептывалъ, а она... она такъ крѣпко прижималась къ нему и... такъ шли они вдвоемъ! Не обращая никакого вниманія на него, прошли они мимо и при свѣтѣ луны онъ ясно различалъ каждую черту ихъ лицъ. Затѣмъ онъ больше ничего не видѣлъ, ничего не слышалъ и могъ припомнить лишь одно, что онъ убѣжалъ оттуда и скрылся въ темной опушкѣ лѣса, гдѣ долго, долго пролежалъ въ нѣмой, ужасной тоскѣ. Потомъ вскочилъ и, точно въ бреду, ничего не сознавая, шатался въ безмолвномъ, душномъ лѣсу, вскрикивая по временамъ, какъ раненый звѣрь, пока не очутился на берегу безграничнаго моря, величественно катившаго свои волны при лунномъ сіяніи. Онъ бросился на песокъ и тутъ нашелъ облегченіе въ жгучихъ неудержимыхъ рыданіяхъ, которыя все больше и больше стихали и, наконецъ, замолкли;—плещущія волны сгѣли колыбельную пѣсню и убаюкали бѣдное, страждущее сердце. Вдругъ онъ вскочилъ на колѣни и, широко простирая руки къ шумящему морю, онъ далъ слово, обращаясь съ страстной молитвой къ матери-природѣ, что, если она не покинетъ свое дитя, онъ только одну ее и будетъ любить безграничной любовью. Обернувшись, онъ увидѣлъ подлѣ себя старика Бослава; онъ не слышалъ, когда тотъ подошелъ. Старикъ стоялъ и ни слова не говорилъ. Спустя нѣсколько минутъ оба повернули направо и шли молча по морскому берегу, пока не достигли домика, построеннаго на дюпахъ. Здѣсь Бославъ молча устроилъ ему покойное ложе и, когда онъ легъ, чтобы отдохнуть, все также молча погладилъ его по мокрымъ волосамъ. Онъ лежалъ и смотрѣлъ на луну, лучи которой пробивались сквозь низенькое окошечко и освѣщали стѣпу и развѣшанныя на ней ружья, сѣти, удочки, пока шелестъ деревьевъ на морскомъ берегу и шумъ моря не укачали его.

Экипажъ внезапно остановился, и Готгольдъ очнулся отъ своихъ думъ. Лошади фыркали, завидя лѣсъ, который здѣсь на небольшомъ пространствѣ пересѣкалъ дорогу. Было почти совсѣмъ темно, — лишь кое-гдѣ сквозь густую листву деревьевъ пробивался дрожащій свѣтъ луны.

— Что такое приключилось съ проклятыми лошадьми?—ворчалъ Іоакимъ.

Вправо отъ дороги, ввиду густой чащи что-то шумѣло и трещало! Вотъ оно все ближе и громче, вотъ съ страшной поспѣшностью, подобно бурному вихрю, прорвалось сквозь кусты, и вслѣдъ затѣмъ какая-то темная, сплошная и подвижная масса бросилась на другую сторону чащи, — едва промелькнула и тотчасъ же скрылась. Взбѣсившіяся отъ страха лошади поднялись на

дыбы, бросились въ сторону, а успѣвшіе выскочить изъ экипажа сѣдоки съ трудомъ могли удержать ихъ.

— Экіе живодеры! — сказалъ Іоахимъ, — здѣсь не въ первый разъ случается со мною подобная исторія. Принцу слѣдуетъ учредить надзоръ; съ каждымъ годомъ они все больше и больше размножаются, и если бы старый Бославъ не прочищалъ лѣсъ по маленку, было бы невыносимо. Слышите?

Налѣво, куда убѣжало стадо, на довольно близкомъ отъ нихъ разстояніи раздался выстрѣлъ.

— Это онъ! — шепнулъ Іоахимъ, — ему стоитъ только свистнуть и они сами бѣгутъ на выстрѣлъ. Да, господинъ Готгольдъ! вотъ вы сказали недавно, что ничего подобнаго быть не можетъ. Думайте, какъ хотите, а только что касается старика Бослава, право, всему повѣрить можно. Онъ такіе фокусы знаетъ, что ни одной душѣ христіанской не перенять ихъ.

— Такъ старикъ живъ еще? — спросилъ Готгольдъ.

Они осторожно подвигались впередъ по лѣсу.

— А чего ему и помирать? — отвѣчалъ Іоахимъ. — Многіе говорятъ — онъ будетъ жить, пока захочетъ. Этому-то я не вѣрю; придетъ и ему конецъ когда-нибудь, — не увижу, такъ услышу. Есть люди, которые видѣли его 50 лѣтъ тому назадъ, — такъ они говорятъ, что и тогда онъ былъ такой же, какъ и теперь.

— Онъ до сихъ поръ живетъ на берегу моря?

— А гдѣ же ему жить? — сказалъ Іоахимъ.

Они выѣхали изъ лѣсу и, проѣхавъ небольшое пространство по степи, свернули на прекрасное шоссе, съ обѣихъ сторонъ обсаженное могучими тополями, — все давало знать усталымъ путникамъ, что они были вблизи княжеской резиденціи. Оставался часъ пути. Дорога шла подъ гору, и лошади, чутьемъ угадывая, что трудъ ихъ приходитъ къ концу и что онъ скоро получатъ изобильный кормъ, собрались съ послѣдней силой и прибавили шага. На темно-синемъ небѣ въ полномъ блескѣ плыла луна; тамъ и сямъ на темномъ ландшафтѣ мерцали красноватые огоньки, — признакъ близости какого-нибудь помѣстья или одинокой крестьянской избушки. Наконецъ, вдали на возвышеніи холма, куда подымалась дорога, блеснулъ яркій свѣтъ, изъ-за темной зелени кустовъ и деревьевъ показались высокіе, бѣлые дома; вотъ лошадиныя копыта застучали по мостовой и черезъ нѣсколько минутъ экипажъ остановился у гостиницы «Княжеское Подворье». Любезный хозяинъ съ искренней задушевностью сѣверянина привѣтствовалъ своего гостя.

III.

Готгольдъ думалъ, что во время понадесть въ Прору, теперь же было почти десять часовъ, собственно говоря слишкомъ поздно, чтобы сдѣлать Вольнову письменно обѣщанный ему визитъ. Между тѣмъ онъ былъ увѣренъ, что, несмотря на поздній часъ, тотъ ждетъ его, и къ тому же дѣло его было такъ незначительно, что съ нимъ можно было покончить въ нѣсколько минутъ. Ему хотѣлось поскорѣе раздѣлаться съ одной изъ второстепенныхъ причинъ своего путешествія, дабы имѣть возможность уѣхать завтра утромъ или же сегодня ночью.

Ему не снѣлось на мѣсть. Впечатлѣніе послѣднихъ часовъ, а главнымъ образомъ встрѣча съ товарищемъ юношескихъ лѣтъ и разговоръ съ нимъ, — все это взволновало его до глубины души. Проходя вдоль безмолвной аллеи парка по направленію къ дому своего повѣреннаго по дѣламъ, онъ нѣсколько разъ останавливался подъ громадными деревьями, глубоко вздыхалъ и при этомъ дѣлалъ движеніе рукой, какъ бы желая отогнать отъ себя нахлынувшія на него воспоминанія.

— Слава Богу! наконецъ-то я могу быть увѣренъ, что не встрѣчусь ни съ кѣмъ изъ старыхъ знакомыхъ, — говорилъ онъ. — Во дворцѣ парка никого нѣтъ, и мнѣ не надо сдерживать обѣщанія, даннаго мною самому любезнѣйшему изъ принцевъ; что же касается обитателя этого дома, къ счастью, мнѣ съ нимъ кромѣ дѣлъ не о чемъ говорить больше.

Съ этими словами онъ позвонилъ у дверей одного изъ самыхъ красивыхъ домовъ, которые съ трехъ сторонъ окружали маленькую, сообщающуюся съ паркомъ площадь.

— Господинъ Вольновъ дома, — доложила молоденькая, хорошенькая горничная, и...

— Привѣтствуетъ васъ, — воскликнулъ Вольновъ, выходя изъ своей конторы и протягивая позднему гостю свою здоровую, сильную руку. — Очень радъ, что, наконецъ, лично могу познакомиться съ вами, хотя въ тоже время сердечно скорблю, что причиной тому такія грустныя обстоятельства. Ужинали-ли вы? Нѣтъ? Вотъ и прекрасно, — я также еще не ужиналъ. Вамъ придется пока довольствоваться только моимъ обществомъ, — жена моя на большой вечеринкѣ сегодня. Ей очень не хотѣлось уѣзжать, ибо она стораецъ отъ истергнута возобновить съ вами прежнее знакомство или, по моему, просто познакомиться, — врядъ-ли вы ее помните. Она обѣщала вернуться домой къ десяти часамъ, — я же вполне увѣренъ, что у насъ есть еще цѣлый часъ времени.

Готгольдъ извинился, что позднимъ посѣщеніемъ обезпокоилъ его, объясняя это тѣмъ предположеніемъ своимъ, что лучше было придти поздно, чѣмъ совсѣмъ не приходиться, тѣмъ болѣе, что онъ намѣренъ уѣхать завтра же утромъ.

— Надѣюсь, что вы подольше погостите у насъ, — возразилъ Вольновъ. — Однако, время—деньги, какъ говорятъ англичане, а потому, пока Стина готовитъ намъ ужинъ, мы займемся нашими денежными дѣлами, — я все подготовилъ.

И онъ пригласилъ Готгольда въ свою частную контору, гдѣ усадилъ его на маленькомъ диванѣ, а самъ занялъ мѣсто на кожаномъ креслѣ у круглаго стола, на которомъ стояла лампа, свѣтъ которой падалъ на бумаги, разложенныя въ самомъ тщательномъ порядкѣ.

— Здѣсь все, касающееся наслѣдства вашего отца, — продолжалъ онъ, — могу вамъ завѣрить, что я не чувствовалъ ни малѣйшаго затрудненія при исполненіи порученія, которымъ вы такъ любезно уполномочили меня письмомъ изъ Милана. Денегъ въ наличности оставалось лишь нѣсколько талеровъ; что же касается мебели и прочей домашней утвари, то, пожалуй, Фивайдскіе пустыножители владѣли еще большимъ имуществомъ, чѣмъ покойный отецъ вашъ въ послѣдніе годы своей жизни. Единственная цѣнная вещь наслѣдства — библіотека; здѣсь я позволилъ себѣ нѣсколько измѣнить ваше полномочіе. Вы желали, чтобы собранную отъ продажи сумму я передалъ въ пользованіе бѣднымъ вашего прихода и въ тоже время предоставили право преемнику вашего отца, въ случаѣ его желанія, приобрести книги, самому назначать подходящую цѣну, предполагая, безъ сомнѣнія, что вашимъ снисхожденіемъ воспользуются съ должной деликатностью. Не такъ думалъ пасторъ Земмель. Онъ обрадовался, что можно хорошо жить, когда бабушка ворожить, и задумалъ получить все даромъ, — однимъ словомъ, послѣднія два полномочія были несовмѣстимы. Предполагая, однако, что бѣдные вашего прихода вамъ ближе, чѣмъ господинъ пасторъ, все время ссылавшійся на дружбу съ вами, начавшуюся будто бы еще раньше университета, я, за исключеніемъ нѣкоторыхъ незначительныхъ произведеній, которыя я вынужденъ былъ ему оставить, — предложилъ остальные одной очень уважаемой фирмѣ антикварныхъ вещей и послѣ недолгихъ переговоровъ пришелъ съ нею къ соглашенію. Я писалъ вамъ, что мы выручили изрядную сумму денегъ, и если вы также довольны мною, какъ и бѣдные Рамина, мнѣ нечего краснѣть за исполненіе возложеннаго на меня полномочія.

Темные глаза Вольнова блеснули отъ удовольствія, когда Готгольдъ съ благодарностью протянулъ ему руку.

— Еще разъ повторяю, — полномочіе ваше отнюдь не затруднило меня, и я съ удовольствіемъ готовъ принять на себя гораздо болѣе запутанное дѣло ради человѣка, которому я многимъ обязанъ.

— Которому вы многимъ обязаны? Не мнѣ-ли?

— Вамъ, конечно! Если бы пять лѣтъ тому назадъ, когда вы вступали во владѣніе вашимъ наслѣдствомъ, вы бы вынули по моему совѣту 10.000 талеровъ, бывшихъ у меня въ оборотѣ, я былъ бы теперь въ очень непріятномъ положеніи и не имѣлъ бы возможности съ благодарностью возвратитъ одолженные вами деньги.

— Ради Бога! — воскликнулъ Готгольдъ, удерживая руку Вольнова, когда тотъ хотѣлъ взять со стола большой, перевязанный резиновой лентой пакетъ.

— Я на всякій случай отложилъ эти деньги частью въ наличности, а частью приобрѣлъ на нихъ облигаціи по нынѣшнему курсу, — возразилъ Вольновъ.

— О, теперь, какъ и тогда, я не имѣю ни малѣйшаго желанія брать ихъ обратно.

— Пусть будетъ по вашему, — отвѣчалъ Вольновъ, — на этотъ разъ я не буду уговаривать васъ взять деньги обратно, такъ какъ могу сказать теперь съ полной увѣренностью, — деньги эти обезпечены вполне, я даже могу платить за нихъ высокій процентъ. Въ то же время я положилъ основаніе одной торговой сдѣлкѣ; мнѣ ежеминутно грозилъ кризисъ вслѣдствіе перазчетливости моихъ компаніоновъ, — здѣшнихъ владѣльцевъ, — и я исполнялъ долгъ свой, совѣтуя вамъ довѣрить ваши деньги, если не болѣе честнымъ, то, по крайней мѣрѣ, болѣе вѣрнымъ людямъ. Вы же объ этомъ и слышать не хотѣли и во что бы то ни стало желали, чтобы я оставилъ ихъ у себя; если бы мнѣ вздумалось, то вы, пожалуй, не потребовали бы никакихъ процентовъ.

— Согласитесь со мною, господинъ Вольновъ, что я дѣйствовалъ въ интересахъ моего дяди.

— Не знаю, — возразилъ Вольновъ, — дядя вашъ дѣйствительно былъ заинтересованъ, оставляя у меня деньги. Большія выгоды, вслѣдствіе новыхъ связей, заключенныхъ и, смѣло могу прибавить, созданныхъ мною, такъ подняли мое дѣло въ Штетинѣ и стали такъ значительны, что во всякомъ случаѣ превышали рискъ возможнаго убытка. Когда же вашъ дядя духовнымъ завѣщаніемъ передавалъ вамъ права на наслѣдство, онъ призналъ, что художникъ имѣетъ и долженъ имѣть другіе интересы, чѣмъ дѣловой человѣкъ.

— Да, интересы, близко касающіеся искусства, — съ жаромъ возразилъ Готгольдъ. — Я никогда не имѣлъ и не буду имѣть дру-

гихъ. Только въ интересахъ искусства и привѣтствовалъ я съ такою радостью неожиданно выпавшее на мою долю богатое наследство.

— Знаю, — возразилъ Вольновъ; — вспомоществованіе, которое я на вашъ счетъ выплачиваю въ Зюндигъ бѣдному, вполне достойному юношѣ Брюгбергу, уже доказываетъ то, что онъ будетъ не послѣднимъ вашимъ пансіонеромъ.

— Ему не такъ повезло, какъ мнѣ, и помощь запоздала нѣсколько, — возразилъ Готгольдъ; онъ сидѣлъ, подпирая голову лѣвой рукой и механически набрасывая арабески на листъ бумаги, который лежалъ передъ нимъ на столѣ. Спустя минуту, онъ продолжалъ еще болѣе тихимъ голосомъ:

— Да! для меня помощь подоспѣла какъ разъ во время. Уже въ бытность свою въ Мюнхенѣ, я въ продолженіи двухъ лѣтъ посвящалъ любимому мною искусству каждый часъ и каждую минуту свободнаго времени, которое оставалось мнѣ отъ моихъ занятій, служившихъ мнѣ для поддержанія моей жизни. Какъ часто бываетъ гибельна любовь къ искусству для начинающихъ юношей двадцати одного года! Силы мои были почти надломлены; я ждалъ, что и послѣдняя звѣзда моя закатится. Ничто не привязывало меня къ жизни, кромѣ желанія бороться противъ судьбы, по моему мнѣнію, незаслуженной мною, да самолюбію, не позволявшаго покончить съ собою, оставаясь дуракомъ въ глазахъ того, кому я обязанъ былъ своею жизнью. Какъ ясно помню я тотъ часъ! Какъ-то разъ я возвратился къ себѣ на чердакъ изъ мастерской знаменитаго художника, доступъ къ которому мнѣ доставилъ одинъ изъ моихъ знакомыхъ; душа моя разрывалась подъ ужаснымъ впечатлѣніемъ. Я чувствовалъ усталость, за нѣсколько дней передъ тѣмъ я рѣшилъ не давать уроковъ, даже въ томъ случаѣ, если бы мнѣ пришлось умирать съ голода, а я и безъ того ужъ близко былъ къ истощенію. Я подошелъ къ мольберту, но линіи выходили невѣрно, а просто сливались. Кисть выпала у меня изъ рукъ. Шагаясь, направился я къ столу, чтобы налить себѣ стаканъ воды; на столѣ лежало письмо, извѣщавшее меня, что на основаніи духовнаго завѣщанія одного родственника, котораго я никогда не видѣлъ и который никогда не видѣлъ меня, я являюсь обладателемъ имуществва въ 100.000 талеровъ. Было весьма естественно, если я въ ту ужасную для меня минуту дамъ клятву, что все должно принадлежать искусству, а мнѣ лишь настолько, насколько я нуждаюсь въ этомъ, какъ художникъ.

— Само собою разумѣется, что могло быть проще и естественнѣе! — сказалъ Вольновъ. — А вотъ, что вы сдержали свою клятву, о чемъ мнѣ доподлинно извѣстно, вотъ это не такъ просто и есте-

ственно, когда вспомнишь въ особенности какъ сотворены всѣ дѣти Адама. Теперь мы покончили съ дѣлами, не желаете-ли выпить стаканъ вина? Мы и еще можемъ поговорить съ вами.

Вольновъ открылъ дверь въ просторную комнату, не то столовую, не то гостиную, и пригласилъ своего гостя къ столу, покрытому бѣлоспѣзкой скатертью, на которомъ разставлены были бутылки съ виномъ и всевозможныя закуски, приготовленныя на драгоцѣнномъ фарфорѣ. Присаживаясь къ столу, Готгольдъ успѣлъ замѣтить, что по стѣнамъ въ правильномъ порядкѣ развѣшено было нѣсколько большихъ и маленькихъ картинъ, писанныхъ масляными красками.

— Будьте снисходительны къ любопытству художника, — сказалъ онъ.

— Я очень мало или почти ничего не понимаю въ вашемъ прекрасномъ искусствѣ, — возразилъ Вольновъ, подвывая салфетку подъ толстымъ подбородкомъ; — жена же моя большая любительница и даже, какъ она говоритъ въ минуты откровенности, знатокъ. Сдѣлайте ей удовольствіе и покажите ваши сокровища. Боюсь только, что это маленькое собраніе врядъ-ли будетъ благосклонно встрѣчено съ ея стороны, за исключеніемъ, пожалуй, одной картины, которую даже я признаю образцовымъ произведеніемъ и отъ которой всѣ приходятъ въ восхищеніе.

Готгольду очень хотѣлось поближе рассмотреть картины, изъ которыхъ одна, висѣвшая отдѣльно отъ остальныхъ, казалась ему нѣсколько знакомой, но Вольновъ уже наполнилъ стаканы душистымъ рейнвейномъ, а не молодая, здоровая женщина съ красными руками, безшумно вошедшая въ комнату, подала на столъ блюдо съ дымящейся жареной, морской рыбой.

— Стипа утверждаетъ, что вы всегда любили камбалу, — сказалъ Вольновъ; — она не хотѣла уступить ни чѣмъ убѣжденіямъ и во что бы то ни стало пожелала приготовить для васъ ваше прежнее любимое кушанье.

Готгольдъ взглянулъ на стоявшую передъ нимъ здоровую женщину и тотчасъ же узналъ въ ней Стину Лахмундъ, которая во времена его дѣтства управляла всѣмъ хозяйствомъ въ Долланѣ, помогая больной хозяйкѣ дома; послѣ смерти послѣдней она сама сдѣлалась полновластной распорядительницей. Онъ вспомнилъ, какимъ природнымъ юморомъ отличалась она, какъ умно умѣла устроиться на своемъ подѣ часъ не легкомъ мѣстѣ и какое уваженіе умѣла внушить не только дѣтямъ, но и всѣмъ окружающимъ.

Онъ протянулъ ей руку, какъ старому товарищу, а она, поставивъ блюдо на столъ и вытеревъ сначала красныя руки о передникъ, въ свою очередь отвѣчала ему сильнымъ рукопожатіемъ.

— Я была увѣрена, что вы узнаете меня, — сказала она и круглое лицо ея такъ и просіяло отъ радости. — Но, Боже мой! какъ вы измѣнились! Какой вы теперь красивый мужчина! Я бы ни за что не узнала васъ.

— Неужели же я былъ такъ отчаянно некрасивъ?—спросилъ Готгольдъ.

— Ну! что подѣлаешь съ этимъ!—сказала Стина, внимательно всматриваясь въ него;—надо правду сказать, глаза-то у васъ были большіе, голубые, только всегда какъ-то удивленно и грустно смотрѣли! Тяжело даже было глядѣть на нихъ. А личико было такое худенькое, на двое разсѣченное, — вотъ такъ! — ужасно! и всегда вы были добрымъ юношей,—этакая жалость!

— Все это давно позабыто...

— И заросло бородой...

— Пойди-ка, да напхни Лицъ, чтобы подала намъ бутылку краснаго вина, —сказалъ Вольновъ, которому показалось, что гость его желалъ прекратить этотъ разговоръ.

— Простите, пожалуйста! — продолжалъ онъ, обращаясь къ Готгольду, когда Стина, еще разъ пожавъ руку послѣднему, удалась изъ комнаты; вслѣдъ за нею легкою поступью вошла молоденькая дѣвушка, которая, исполнивъ данное ей приказаніе, немедленно вышла.

— Простите, пожалуйста, что я не сумѣлъ отклонить отъ васъ этихъ объясненій. Добрая женщина такъ радовалась вашему прѣзду! Возвращаясь на родину, всегда надо ожидать, что на каждомъ шагу встрѣтишь кого-нибудь изъ знакомыхъ.

— Я теперь и самъ убѣдился въ этомъ, — возразилъ Готгольдъ;—вы, кажется, говорили, что и супруга ваша...

— Гордитесь тѣмъ, что знала васъ не знаменитымъ художникомъ, а робкимъ, застѣчивымъ мальчикомъ тринадцати лѣтъ, когда вы такъ упрямо отказывались принять участіе въ танцклассѣ, устроенномъ здѣшними достопочтенными мамашами; она не забыла, какъ вы тотчасъ же изъявили свое согласіе, когда узнали, что никто не хочетъ танцевать съ маленькой Оттиліей Блауштейнъ. Она всегда вспоминаетъ вамъ великодушіе.

— А она .. Оттилія?

— Вотъ уже четыре года, какъ сдѣлалась моей женой, — отвѣчалъ Вольновъ. — Вы смотрите на меня съ удивленіемъ;—вы разсчитали, вѣроятно, что маленькой танцовкѣ должно быть не болѣе двадцати пяти лѣтъ, а мнѣ на видъ даете лѣтъ пятьдесятъ, — многіе даютъ пятьдесятъ четыре. Но мы евреи...

— Вы еврей?—спросилъ Готгольдъ.

— Чистокровнѣйшей породы, —возразилъ Вольновъ, —неужели

же вы не замѣтили этого по тому, какъ я клалъ ваши деньги въ пикаль?.. Чистѣйшей польской расы. Изъ любви къ женѣ, объявившей мнѣ, что она слишкомъ много настрадалась изъ-за еврейскаго происхожденія, а также и вслѣдствіе разныхъ дѣловыхъ соображеній, я рѣшился перейти изъ одной положительной религіи въ другую, одинаково для меня безразличную. Что хотѣлъ я сказать?... мы евреи, т. е. воспитанные въ еврейскомъ духѣ, какъ относительно брака, такъ и относительно всего вообще, никогда не бываемъ романтиками, а придерживаемся духа закона... Я подразумеваю законы природы, въ которомъ нѣтъ романтизма, но много трезваго, а потому логичнаго.

— И вы думаете, что большая разница лѣтъ между супругами предписывается этимъ замѣчательнымъ закономъ природы?

— Ни въ какомъ случаѣ, но при извѣстныхъ обстоятельствахъ не можетъ быть препятствіемъ.

— Конечно, нѣтъ, но...

— Позвольте мнѣ доказать вамъ справедливость моего мнѣнія посредствомъ нѣкоторыхъ статистическихъ данныхъ. Мой дѣдунка, который не умѣлъ точно назвать ни времени, ни мѣста своего рожденія, жилъ свыше ста лѣтъ и хотя былъ слѣпъ и хромъ, но умеръ, вполне владѣя умственными способностями. Я его хорошо помню. Онъ былъ очень молодъ, когда женился, и имѣлъ многочисленное потомство, — двѣнадцать сыновей, кажется. Онъ поступилъ съ дѣтьми такъ, какъ поступили съ нимъ его родители, — разослалъ всѣхъ по разнымъ сторонамъ, думая, что главное въ томъ, чтобы ихъ отправить куда-нибудь, а остальное сложится само собою. Если вѣрить семейнымъ преданіямъ, онъ снабдилъ ихъ на дорогу лишь отеческимъ благословеніемъ, да однимъ польскимъ гульденомъ. При себѣ онъ оставилъ только младшаго, какъ поддержку для тѣхъ дней, которые должны были скоро наступить, — когда ни онъ, ни его престарѣлая жена не въ состояніи были работать, и забота о томъ перешла къ любимцу ихъ, Вешамину. Отецъ мой исполнялъ эту обязанность съ тѣмъ благочестіемъ, которое такъ свойственно евреямъ. Съ невыразимымъ трудомъ боролся онъ съ удручающей его бѣдностью, и только достигнувъ шестидесяти лѣтъ, могъ подумать о томъ, чтобы основать свою собственную семью. Онъ могъ бы сдѣлать это раньше, если бы пожелалъ слѣдовать примѣру своего отца, но онъ придерживался того мнѣнія, что слѣдуетъ соображаться съ обстоятельствами. Онъ думалъ, что родительскаго благословенія и польскаго гульдена слишкомъ недостаточно для ихъ счастливаго обладателя и что, отправляя въ опасный путь бѣднаго еврейскаго юношу, ему слѣдуетъ дать на придачу и хорошее образованіе. Мой отецъ достигъ

девяноста лѣтъ. Мнѣ уже было не такъ тяжело, и я могъ же-
ниться четыре года тому назадъ, имѣя пятьдесятъ лѣтъ отъ роду.
Я надѣюсь, что еще буду въ состояннн выростить и видѣть взрос-
лыми не только свою теперешнюю тройку, но и тѣхъ, которыми
судьба вздумаетъ меня надѣлать, предполагая даже, что я достигну
восьмидесяти лѣтъ. Согласитесь, что съ отцовской стороны я
имѣю самыя основательныя причины надѣяться на это.

Вольновъ сильнымъ, здоровымъ корпусомъ своимъ небрежно
откинулся на спинку кресла, провелъ руками по широкому лбу и
густымъ, чернымъ волосамъ, въ которыхъ Готгольдъ не замѣтилъ
ни малѣйшаго слѣда сѣдины.

— Итакъ, — сказалъ Готгольдъ, — если я не ошибаюсь, вы при-
держиваетесь того мнѣнн, что, вступая въ бракъ, мы прежде всего
должны имѣть въ виду благо дѣтей, причемъ слѣдуетъ также обра-
щать вниманн на знаменн времени, при которомъ они родятся и
для котораго живутъ.

— Обязательно на первомъ планѣ, — возразилъ Вольновъ, —
прибавлю — на первомъ и на послѣднемъ.

— А супруги?

— Должны и будутъ находить удовлетворенн въ любви къ
своимъ дѣтямъ, къ юному поколѣнн, родившемуся отъ нихъ —
достаточное удовлетворенн за утраченныя иллюзnn и награду за
тѣ заботы и лишенн, которыя являются слѣдствнемъ этой любви
и радости?

— Неужели же вы хотите исключить изъ брака любовь? Ту
любовь, которая соединяетъ во одно, заставляетъ дѣлать выборъ
изъ безчисленнаго множества возможнаго, ту любовь, которая все
ростетъ и увеличивается, овладѣваетъ каждой мыслью, возвышаетъ
каждое чувство, согрѣваетъ каждую каплю крови? Или же вы
смотрите на эту любовь, какъ на пѣчто такое, что можетъ быть или
не быть? Нѣтъ, никогда! Любовь вездѣ, кромѣ ада, говоритъ Вольф-
рамъ фонъ-Эшенбахъ. Не знаю, правъ-ли онъ; я знаю одно, — бракъ,
въ которомъ нѣтъ любви, да что я говорю! Если бракъ не любовь,
онъ въ моихъ глазахъ адъ!

Какъ ни старался Готгольдъ сдерживаться, но онъ говорилъ
съ такой горлчностью, что это не ускользнуло отъ чуткаго уха его
собесѣдника.

— Бросимъ эту тему, — сказалъ онъ, — поищемъ лучше дру-
гой, гдѣ мы легче пойдемъ другъ друга.

— Нѣтъ, будемъ продолжать о томъ же, — отвѣчалъ Гот-
гольдъ; — мнѣ очень важно знать мнѣнн человека, совѣты и ха-
рактеръ котораго я такъ уважаю. Я увѣренъ, что вы еще многое
имѣете сказать мнѣ.

— Конечно, — нерѣшительно возразилъ Вольновъ; — очень многое, однако, боюсь мало такого, что могло бы вамъ поправиться при вашемъ теперешнемъ взглядѣ на бракъ. Прошу не ставить мнѣ въ укоръ слѣдующихъ словъ: — при вашемъ теперешнемъ взглядѣ. Вамъ, воспитанному въ романтическихъ традиціяхъ, да еще притомъ художнику, трудно вдругъ отрѣшиться отъ предвзятаго мнѣнія, пока васъ тому не научитъ жизненный опытъ; художники всегда склонны идеализировать самыя обыкновенныя человѣческія отношенія. Во всякомъ случаѣ, если я оставлю безъ отвѣта ваше послѣднее возраженіе, я дамъ вамъ ложное понятіе о томъ, будто бы я не вполне увѣренъ въ справедливости своего мнѣнія, или не уважаю мнѣнія своего противника. Вы сказали, что безъ любви такъ краснорѣчиво изображенный вами бракъ есть адъ; я утверждаю, что именно эта любовь или же, скорѣе, неосуществившаяся мечта этой любви превращаетъ въ адъ множество браковъ.

— Неосуществившаяся, — сказалъ Готгольдъ, — вотъ гдѣ несчастье!

— Неизбѣжное или, по крайней мѣрѣ, котораго въ большинствѣ случаевъ избѣжать нельзя. Согласитесь со мной, что многіе браки начинаются этой болѣе или менѣе блестящей мечтой, смотря по темпераменту и воображенію мечтателей. Какъ мало еще людей, не стремящихся къ наградѣ за то, что они обязаны дѣлать для природы и общества! Когда люди хорошенько вникаютъ въ то, что бракъ имѣетъ совѣтъ иныя цѣли, чѣмъ осуществленіе ихъ мечтаній, и что цѣли эти тѣмъ легче достигаются, чѣмъ менѣе поддаются они мечтѣ, то сперва, конечно, они удивляются, а затѣмъ принимаютъ все это безъ всякаго трагизма, такъ, какъ оно есть. Такіе браки, относясь съ должнымъ уваженіемъ къ человѣчеству, состоящему въ большинствѣ случаевъ изъ людей посредственныхъ, я назову браками обыкновенными. Вездѣ, гдѣ только пришлось мнѣ бывать, во всѣхъ цивилизованныхъ странахъ: въ Германіи, Англии, Америкѣ, даже во Франціи и Италіи, вездѣ браки эти похожи одинъ на другой, какъ двѣ капли воды. Все это, конечно, сухая, за то очень здоровая проза; здѣсь много скромнаго, спокойнаго счастья, само собою разумѣется, и много, даже очень много скорби, но не такой, чтобы она была не подъ силу человѣку, — я подразумѣваю при этомъ слабое, малодушное, подверженное смерти существо, — и которая была бы результатомъ самого брака. Въ большинствѣ случаевъ это бываетъ потому, что люди, увлекаясь своей мечтой, стараются во что бы то ни стало обратить ее въ дѣйствительность. Сколько раздражающей сердце борьбы, сколько напрасныхъ сопротивленій и... Богъ мой! сколько

при этомъ тратится силъ и изъ-за такой ничтожной дѣли, сколько безумной и совсѣмъ ненужной жестокости къ себѣ и другимъ! Видите-ли, я говорю о людяхъ, которые серьезно смотрятъ на жизнь, а не о пошломъ тупоуміи, неспособномъ понимать нравственныхъ идей, тѣмъ менѣе еще о болѣе пошломъ легкомысліи, которое такъ нахально смѣется надъ всякою моралью.

— Все это я знаю, — сказалъ Готгольдъ, — но почему же честные, серьезные люди, разъ сознавъ свои заблужденія и ошибки, вкравшіяся въ ихъ жизнь, не стараются, пока еще есть время, исправить ихъ?

— Какимъ образомъ?

— Возвративъ свободу другъ другу.

— Свободу? Какую свободу? Чтобы опять связать себя, сдѣлавъ новый выборъ, если онъ не былъ ранѣе сдѣланъ, что и бываетъ въ большинствѣ случаевъ. Замѣйте при этомъ, что этотъ новый выборъ будетъ ни умнѣе, ни предусмотрительнѣе перваго. Еще разъ повторяю, мы говоримъ о серьезныхъ, честныхъ людяхъ, которые еще при первомъ своемъ выборѣ дѣйствовали честно и сознательно и все-таки ошиблись, несмотря на всю свою опытность, серьезное отношеніе къ дѣлу и на то, что дѣлали свой выборъ свободно и безпристрастно. Неужели же они второй разъ, еще находясь подъ тяжестью горя, разразившагося надъ ними по собственной винѣ, ослѣпленные преступной страстью... Вотъ видите-ли, если новый приказчикъ, которому я поручу сдѣлать мнѣ расчетъ, начнетъ его ошибкой, то я, само собою разумѣется, не откажу ему тотчасъ же, но безъ чьего-либо контроля не буду довѣрять ему такого важнаго дѣла. Дальше вы выразились такъ, — пока еще есть время. Это какъ же, пока еще есть время? Быть можетъ, никогда. Разъ двое принадлежали другъ другу и тѣломъ и душой, ибо серьезные, честные люди отдаются одинъ другому всей душой, — никогда! да и понятно, никогда! Здѣсь я позволю себѣ вернуться туда, откуда мы начали, къ альфѣ и омегѣ брака, никогда, какъ скоро брачный союзъ благословляется и освящается рожденіемъ дѣтей. Повѣрьте мнѣ, я не мало наблюдалъ по этому предмету. Раздоръ, разъединяющій супруговъ, всегда отражается на дѣтяхъ; рано или поздно, но они почувствуютъ его и не примирятся съ нимъ, при томъ, конечно, предположеніи, если у нихъ есть сердце, что не всегда случается.

— А какъ вы думаете, не разорвется-ли сердце дѣтей, — воскликнулъ Готгольдъ, — не будетъ-ли оно истекать кровью при мысли о томъ, что родители обоюдно терзаютъ, такъ сказать, пожираютъ другъ друга?

— Они не терзали бы другъ друга, если бы дѣйствовали по

моему убѣжденію, если бы ежечасно говорили себѣ и носили въ сердцахъ своихъ: ради дѣтей нашихъ не смѣемъ мы малодушествовать, должны терпѣть и жить, должны свято чтить главную цѣль нашей жизни, а въ случаѣ вкравшейся ошибки думать и думать, пока не откроется ошибка. А кто же долженъ отвѣчать за результатъ, какъ не тотъ, кто самъ является причиной этого результата? Есть банкроты, которые внезапно становятся несчастными бѣдняками, почти нищими, не имѣющими чѣмъ прикрыть свою наготу, кромѣ сознанія: я исполнилъ долгъ свой. Горе тому, кто не можетъ того же сказать о своихъ родителяхъ; счастливъ тотъ, кто можетъ такъ думать и говорить, кто можетъ проливать горькія, но все же сладкія слезы на ихъ могилахъ и съ миромъ вспоминать ихъ.

Готгольдъ сидѣлъ, опираясь рукой на столъ. Онъ вспомнилъ, что, обращаясь къ тѣни своего отца, говорилъ: «да будетъ съ нами миръ!» А на могилѣ матери проливалъ хотя горькія, но сладкія слезы. Какъ бы поступилъ онъ, если бы она покинула отца, который не любилъ ее и не сдѣлалъ ее счастливой? если бы она искала счастья въ объятіяхъ другого?

— И такъ, нѣтъ выхода даже для самаго несчастнаго брака? — спросилъ онъ глухимъ голосомъ.

— Я, по крайней мѣрѣ, не знаю никакого, — возразилъ Вольновъ, пожимая плечами.

— Кромѣ смерти?

— Да и та есть не что иное, какъ внѣшній разрывъ до тѣхъ поръ, пока у остающагося въ живыхъ сохраняется воспоминаніе.

— А развѣ воспоминаніе можетъ помѣшать вторичному браку?

— Осмѣливаюсь думать, что да. Разъ воспоминаніе это свято и чисто, кто не пожелаетъ хранить его? Если же оно тяжело и горько, — у кого хватитъ духа примѣшать ко второму браку эту горечь и скорбь? Кто...

Вольновъ рѣзко оборвалъ свою рѣчь. Его темные глаза остановились съ выраженіемъ не то сожалѣнія, не то строгости на благородныхъ чертахъ его гостя, омраченныхъ горемъ и сомнѣніемъ. Не довольно-ли, не слишкомъ-ли много сказалъ онъ? Долженъ-ли онъ молчать? Долженъ-ли рассказать исторію родителей этому молодому человѣку, который такъ походитъ на свою красавицу мать и который такъ много унаслѣдовалъ отъ своего нынѣшняго отца?

Въ передней раздался звонокъ и тотчасъ же послышался голосъ его жены. Вольновъ, улыбаясь, взглянулъ по направленію двери. Если бы разговоръ, чего можно было ожидать, и принялъ сомнительный оборотъ, то Оттиліи съ своимъ всегдашнимъ веселымъ настроеніемъ духа сумѣлъ бы дать ему другое направленіе.

IV.

— Тысячу и тысячу разъ прошу извинить меня, — воскликнула Оттилія, входя въ комнату.

— Что составить двѣ тысячи, — отвѣчалъ ей мужъ, идя вмѣстѣ съ Готгольдомъ къ ней навстрѣчу.

— Зачѣмъ придираешься ты ко всему, злой человекъ?

— Не прикажешь-ли потакать тебѣ во всемъ?

— Да!.. и не перебивать меня, не путать моихъ прекрасныхъ рѣчей, я придумала такую чудную для нашего милого гостя.

— Не начиналась-ли она словами: «добрый вечеръ?»

— Ну, да! добрый вечеръ! отъ всего сердца рада видѣть васъ у себя, — сказала Оттилія, протягивая Готгольду маленькія, пухленькія ручки и съ любопытствомъ разсматривая его черными глазами. — Богъ мой! Вы стали еще выше! и какъ вы похорошѣли!

Готгольдъ не могъ отвѣтить ей тѣмъ же комплиментомъ. Съ тѣхъ поръ, какъ онъ видѣлъ Оттилію Блаунштейнъ, она не сдѣлалась ни выше, ни красивѣе, она только пополнила и поздоровѣла. Ея круглое, слегка красноватое лицо такъ и сіяло добродушіемъ и жизнерадостію и, взглянувъ на нее, ему не трудно было отвѣчать на сердечное привѣтствіе знакомой своихъ юношескихъ лѣтъ. Оттилія пригласила мужчинъ занять прежнія мѣста и позволить ей также присѣсть съ ними, а затѣмъ налить ей стаканъ вина, — она такъ много говорила сегодня вечеромъ, что совсѣмъ истомилась отъ жажды. Велѣдъ затѣмъ она вскочила и, наклонившись къ мужу, полушепотомъ спросила его, показывалъ-ли онъ гостю? На такой ужасно таинственный вопросъ Вольфовъ отвѣчалъ съ улыбкой:

— Я не хотѣлъ портить тебѣ удовольствія.

— Какъ ты добръ, Эмиль! — воскликнула она, цѣлуя мужа въ голову и обратившись къ Готгольду, продолжала: — подите сюда! я хочу доказать вамъ, что вы имѣли дѣло не съ какимъ-нибудь неблагодарнымъ созданиемъ, когда обязали маленькую еврейскую дѣвочку, давъ ей возможность потанцовать. Видите-ли, я купила вотъ это на память о васъ и купила бы даже и въ томъ случаѣ, если бы картина эта была настолько же ничтожна, насколько она неизмѣримо дорога. Для меня нѣтъ сокровища, равнаго ей по цѣнѣ.

Она взяла подсвѣчникъ и подвела Готгольда къ картинѣ, изображающей ландшафтъ, къ той самой, которая еще раньше обратила на себя его вниманіе. Готгольдъ вздрогнулъ и съ трудомъ удержалъ крикъ испуга и удивленія.

— Это Долланъ, не правда-ли? — сказала Оттилія.

Готгольдъ ничего не возражалъ; онъ взялъ свѣчу, чтобы лучше освѣтить картину, висѣвшую довольно высоко. Да, это была она, та самая картина, въ которой онъ излилъ скорбь и любовь свою, та самая картина, о которой онъ передъ этимъ рассказывалъ Вольнову, что она стояла на мольбертѣ въ тотъ вечеръ, когда произошелъ такой страшный переворотъ въ его жизни. Желая убѣдить самого себя, что онъ безповоротно порвалъ съ прошедшимъ и хочетъ начать совсѣмъ иную жизнь, на иныхъ новыхъ началахъ, онъ подарилъ кому-то эскизъ; картину же не уничтожилъ, а отдалъ куда-то на выставку, откуда она перешла на вторую, затѣмъ на третью, четвертую и, наконецъ, была куплена, по кѣмъ? онъ не зналъ, да и знать не хотѣлъ,—она навсегда должна была исчезнуть для него. Несмотря на все это, ему трудно было отдѣлаться отъ воспоминанія о ней; онъ могъ бы рисовать ее на память, только это была бы не та прежняя, освященная горемъ. Вотъ гдѣ пашель онъ ее! и въ какое время! когда душа его снова была очарована, когда все, что онъ видѣлъ и слышалъ—и дуновение вѣтерка, ласкавшее его волосы, его лицо, и запахъ елей, и близость моря, все переносило его къ днямъ его юности, все напоминало ему его любовь!

— Хотите-ли знать, какъ она ко мнѣ попала?—сказала Оттилія,—хотите-ли знать, какъ я узнала, что вы писали ее? Вы хорошо знаете, что многіе изъ насъ не имѣютъ обыкновенія смотреть на надписи, я, по крайней мѣрѣ, не смотрѣла тогда. Все зависитъ отъ счастья! Такъ я и Сесиліи Брандовой сказала, когда мы встрѣтились съ нею въ Зюндицѣ, гдѣ была ярмарка шерсти... этому будетъ года четыре,—я только что вышла замужъ. На ярмарку отправились одни мужчины, мы же, дамы, предпочли выставку, гдѣ я и встрѣтилась съ Сесиліей. Сколько рассказовъ накопилося у насъ! Мы раньше были подругами и не видѣлись съ тѣхъ поръ, какъ уѣхали изъ пансіона. Вы, пожалуй, забыли, что я воспитывалась вмѣстѣ съ Сесиліей въ Зюндицѣ и въ одномъ и томъ же пансіонѣ. Собственно говоря, рассказывала-то больше я, Сесилія же была такая молчаливая, — она передъ тѣмъ потеряла второго ребенка. Въ это время насъ разъединила толпа, но позже я опять встрѣтилась съ нею въ боковой комнатѣ; она была совершенно одна и стояла вотъ передъ этой картиной, вся въ слезахъ, стараясь скрыть ихъ, когда я вошла.

— Боже мой!—сказала я,—не...

— Да,—отвѣтила она,—это писалъ онъ.

— Кто?

— Однимъ словомъ, она тотчасъ же догадалась кто, и я не могла сбить ее съ толку, какъ ни увѣряла ее, что буквы Г. В., на-

писанныя впису, могли и невѣсть кому принадлежать. Вотъ видите, я въ то время не очень-то много понимала въ живописи, теперь же, когда я... какъ дрожить ваша рука! Вы еле держите подсвѣчникъ!

— Отдайте мнѣ картину, — сказала Готгольдъ, но, взглянувъ на супруговъ, онъ замѣтилъ, какъ удивленно, смотрѣли они на него, а потому, поставивъ предварительно подсвѣчникъ на столъ, онъ прибавилъ:

— Картина настолько ничтожна, что недостойна занимать мѣсто между такими чудными вещами, какіе у васъ. Это ученическая работа, писанная, кромѣ того, по сдѣланному на память эскизу. Если вы желаете, я обѣщаю написать вамъ другую, лучшую, прямо съ натуры...

— Чудесно! Превосходно! — воскликнула Оттилія. — Я ловлю васъ на словѣ: — другую, но не лучшую, лучше этого вамъ не сдѣлать, — это невозможно; ну, а съ натуры... И подумать только, что картина эта написана будетъ исключительно для меня, да еще самымъ знаменитымъ пейзажистомъ. Я торжествую, въ будущемъ мнѣ больше ничего не нужно — я удовлетворена!.. Вашу руку!

И она протянула обѣ руки Готгольду.

— И такъ, — сказалъ Вольновъ, — договоръ заключенъ; теперь мы по старинному обычаю закрасимъ его глоткомъ вина. Вотъ видите, гдѣ чортъ не сможетъ, туда бабу пошлетъ. Мнѣ пришлось бы долго уговаривать васъ остаться здѣсь; пришла женщина и... птичка поймана. Радъ этому, душевно радъ!

— Какъ обрадуется Сесилія! — воскликнула Оттилія. — Бѣдная моя Сесилія! Ей такъ необходимо, хотя бы небольшое, пріятное развлеченіе!

Готгольдъ измѣнился въ лицѣ. Когда онъ далъ свое послѣднее обѣщаніе, онъ менѣе всего думалъ о томъ, чтобы найти предлогъ для свиданія съ Сесиліей.

— Я думаю, что мы можемъ избавить нашего друга отъ поѣздки, — сказалъ Вольновъ, — и ты удовлетворишься копіей.

— Да ты слымалъ-ли, рѣчь идетъ не о копіи, а о новой, совершенно новой картинѣ. Ты или ничего не понимаешь въ этомъ, мой добрый Эмиль, или же не хочешь понять.

— Я вовсе не желаю такъ скоро отпускать нашего друга, я хочу удержать его у насъ и для насъ.

— Будь откровененъ, Эмиль, будь откровененъ! — сказала Оттилія, грозя мужу пальцемъ. — Дѣло вотъ въ чемъ, господинъ Веберъ! Онъ терпѣть не можетъ Брандова, и Богъ знаетъ почему. Собственно говоря, я сама терпѣть его не могу и тоже безъ всякой причины. Ужь не влѣдствіе же того, что онъ бывало, по сво-

ему обыкновенію, такъ зло поддразнивалъ меня во время танцевъ. Дѣло не въ немъ, а въ его прелестной женѣ.

— А такъ какъ мужъ и жена...

— Если бы я и всѣ такъ думали, какъ ты, любезный Эмиль... Нѣтъ правила безъ исключеній, а супружество Брандовыхъ по истинѣ такое худое и несчастное, что я, право, не понимаю, почему мы...

— Такъ много о немъ говоримъ,—сказалъ Вольновъ,—это со-всѣмъ лишнее и для нашего гостя нѣтъ никакого интереса въ подобномъ разговорѣ.

— Никакого интереса!—воскликнула Оттилія, всплеснувъ руками.—Никакого интереса! Прошу васъ, господинъ Готгольдъ,—вотъ никакъ не могу отвыкнуть отъ старой привычки, простите меня! Ну, что отвѣчать этому человѣку, когда онъ не позволяетъ интересоваться несчастнымъ бракомъ? Надо быть такимъ безчувственнымъ, какъ онъ, чтобы утверждать, будто бы бѣдная, назван-ная сестра моя умираетъ...

— Помилуй! Я сказалъ только, что не понимаю, какъ она можетъ жить послѣ смерти ребенка!

— А почему долженъ умереть ребенокъ?—воскликнула Оттилія.—Такой бракъ, какъ между Шарлотой и Эдуардомъ, не стоитъ того, чтобы ради него даже и воробышекъ упалъ изъ гнѣзда, не говоря ужъ о такомъ миломъ, прелестномъ созданыицѣ,—о, я боюсь и думать объ этомъ. Если бы капитанъ ея былъ на самомъ дѣлѣ такимъ разумнымъ человѣкомъ, какимъ его описываетъ Гёте, онъ былъ бы гораздо лучшимъ отцомъ и воспитателемъ, чѣмъ Эдуардъ, котораго я, сказать по правдѣ, не выношу. Тогда бы, не смотря на ребенка, т. е. ради ребенка, хотѣла я сказать, у нихъ должно бы оказаться и сродство душъ.

— Каждый понимаетъ Гёте по своему,—сказалъ Вольновъ, пожимая плечами.

— Я, по твоему, понимаю его ложно?

— Этого я не говорилъ.

— Не говорилъ, но думаешь. Дѣло въ томъ, господинъ Готгольдъ, что человѣкъ этотъ утверждаетъ, будто бы онъ не вѣритъ въ дѣтство;—онъ говоритъ, что такія понятія гнѣзятся лишь въ мозгу глупцовъ. Между нами сказать, онъ это говоритъ только такъ, а втихомолку про себя вѣритъ этому болѣе другихъ; вотъ почему онъ боится, какъ ребенокъ—привидѣній, чтобы вы не отправились въ Доллапъ и не свидѣлись съ подругой вашей юности.

— И говоришь же ты!—сказалъ Вольновъ, скрывая свое смущеніе подъ видомъ непринужденнаго смѣха.

— Богъ мой! сегодня на нашей вечеринкѣ мы только и говорили, что объ этомъ!—воскликнула Оттилія.—Вы должны знать, господинъ Готгольдъ, что кромѣ меня есть еще три особы, также когда-то посѣщавшія танцевальныя уроки. Всѣ три замужемъ; Паулина Эллисъ... эта, вѣроятно, не интересуется вами; Луиза Пальмъ, съ черными глазами,—мы еще всегда звали ее цыганочкой, и Гермина Зандбергъ... знаете, красивая такая, блѣлокурая дѣвушка; жаль только, что она немного косить и шепелявить. Мы положительно знали все, все до мельчайшихъ подробностей о вашей дуэли съ Карломъ Брандовымъ...

— При которой, насколько мнѣ помнится, не присутствовала ни одна изъ названныхъ дамъ,—прервалъ ее Готгольдъ.

— Очень хорошо!—воскликнулъ Вольновъ.

— Совѣмъ нехорошо!—разсердилась Оттилія,—совѣмъ нехорошо и даже очень некрасиво со стороны господина Готгольда смѣяться надъ тѣмъ дружескимъ чувствомъ, которое въ продолженіи столькихъ лѣтъ и такъ вѣрно хранили по отношенію къ нему.

— Я вовсе не имѣлъ намѣренія смѣяться,—возразилъ Готгольдъ.—Напротивъ, я чувствую себя крайне польщеннымъ, что моя ничтожная особа, хотя бы даже и въ продолженіи нѣсколькихъ минутъ, могла служить предметомъ разговора такихъ любезныхъ дамъ.

— Продолжайте ваши насмѣшки!

— Слѣшу завѣрить васъ, что я говорю совершенно серьезно.

— Докажите это!

— Если это зависитъ отъ меня.

— Тогда вотъ что, — сказала Оттилія, краснѣя; — расскажите мнѣ, какъ было дѣло съ дуэлью. Видите-ли... ну! ужъ такъ и быть, признаюсь вамъ откровенно, — одна говоритъ одно, другая совѣмъ иное, и всѣ мы подъ конецъ пришли къ тому убѣжденію, что никто изъ насъ ничего не знаетъ. Что же? вы согласны?

— Охотно, — сказалъ Готгольдъ.

Онъ еще раньше замѣтилъ, что Вольновъ много разъ порывался дать другое направленіе разговору, и даже былъ почти увѣренъ, что хозяинъ дома не безъ намѣренія велъ съ нимъ предыдущій разговоръ. Не вздумала-ли Оттилія рассказать своему мужу какой-нибудь романъ собственнаго изобрѣтенія, въ которомъ заставила его играть, Богъ вѣсть, какую глупѣйшую роль? Нѣтъ, надо положить конецъ всѣмъ этимъ разговорамъ; лучше всего будетъ, думалъ онъ, немедленно исполнить желаніе Оттиліи и возможно непринужденнѣе рассказать всю эту исторію, какъ будто бы дѣло шло о постороннемъ человѣкѣ. Мысли эти промелькнули у него въ головѣ, пока онъ медленно подносилъ стаканъ къ губамъ.

Отхлебнувъ изъ него, онъ обратился къ Отгиліи и, улыбаясь, сказалъ ей:

— Какъ охотно начинаю я свой рассказъ словами Энея изъ трагедіи Шиллера: «О, королева! ты невыразимо растравляешь старую рану!» На самомъ же дѣлѣ это не такъ! Случается подѣ часть, что на томъ мѣстѣ, гдѣ у меня шрамъ, я испытываю какое-то неопредѣленное, но отнюдь не болѣзненное ощущеніе и бывасть это только во время переменъ погоды. Въ настоящую минуту я ничего не ощущаю,—мнѣ только вспоминается глубокая истина старинныхъ словъ: молодость всегда остается молодостью и способна подѣ часть выкинуть не одну глупую штуку. Къ категоріи послѣдней принадлежитъ, безъ сомнѣнія, и моя ссора съ Карломъ Брандовымъ, пачавшаяся не во время самого танцкласса, а, напротивъ, пришедшая тогда къ полной развязкѣ. Задолго еще до того времени тѣлся огонекъ и три раза угрожалъ вспыхнуть яркимъ пламенемъ. Вотъ что подало первый поводъ. Въ нашемъ курсѣ существовалъ всѣми свято-соблюдаемый обычай:—свободное мѣсто между первой скамейкой и каедрой всегда предоставлялось старшимъ ученикамъ, а новички въ продолженіи перваго семестра не смѣли занимать его подѣ страхомъ строгаго наказанія. Карлъ Брандовъ считался старшимъ ученикомъ и очень даже старшимъ, ибо ужь третій годъ сидѣлъ на второмъ курсѣ и помѣщался обыкновенно на одной изъ послѣднихъ скамеекъ. Сколько мнѣ помнится, ему было лѣтъ восемнадцать. Я принадлежалъ къ молодымъ и даже очень молодымъ ученикамъ, въ Михайловъ день мнѣ только что минуло четырнадцать лѣтъ. Я поступилъ на второй курсъ къ большой досадѣ моего отца, который самъ подготавливалъ меня и рассчитывалъ, что я поступлю на первый. Онъ былъ правъ,—ибо, когда, по припятому обыкновению, ученики въ концѣ первой недѣли по очереди представили оконченныя работы, называвшіяся у насъ *extemporalia*, моя работа оказалась вполне безукоризненной, и я съ пѣкоторой торжественностью былъ записанъ въ *Primus omnia*. И, несмотря на это, я все-таки не смѣлъ занять мѣста впереди первой скамейки.

«Подобное запрещеніе съ перваго же раза показалось мнѣ оскорбленіемъ; я объявилъ объ этомъ открыто и прибавилъ, что не долго позволю распоряжаться собою; я потребовалъ уничтоженія этого дикаго обычая не только для себя, но и для всѣхъ новичковъ вообще и объявилъ себя борцомъ за ихъ права.

«Увѣрю васъ, когда я высказывалъ свое требованіе, я слѣдовалъ только врожденному чувству справедливости безъ всякой задней мысли; оказалось, однако, что будь я самымъ хитрымъ демагогомъ - агитаторомъ, то и тогда врядъ-ли удачнѣе достигъ бы

своей цѣли. Одинъ я не могъ имѣть шансовъ провести свое смѣлое нововведеніе, теперь оно стало общимъ дѣломъ всѣхъ новичковъ, и по счастливой случайности ихъ было ровно столько же, сколько и раньше поступившихъ учениковъ. Физической силой мы также могли помѣряться, и мальчишки извѣстнаго возраста рѣдко въ этомъ ошибаются, то же, чего недоставало намъ, пополнялось сознаниемъ правоты своего дѣла, которое я продолжалъ неутомимо раздувать, не будь тутъ Карла Брандова! Кто могъ противостоять этому восемнадцатилѣтнему герою, стройному и сильному, какъ молодая ель! Онъ, навѣрное, будетъ бушевать между нами, подобно Ахиллему между Троянцами, думалось мнѣ, и покроетъ тѣлами сверженныхъ враговъ поляну, таинственно скрытую въ еловомъ лѣсу, позади заведенія. Рѣшено было, — если кто-нибудь изъ борющихся прикаснется спиной къ землѣ, тотъ будетъ считаться побѣжденнымъ и теряетъ право принимать участіе въ дальнѣйшей борьбѣ; для разрѣшенія всѣхъ вопросовъ были избраны посредники въ лицѣ шести достойнѣйшихъ учениковъ перваго курса, съ полной готовностью принявшихъ на себя эту обязанность.

«Возврата назадъ не было, даже и въ томъ случаѣ, если бы мы подумывали объ этомъ. Наступила суббота, и мы, воспользовавшись послѣобѣденнымъ отдыхомъ, успѣли скрыться изъ подъ надзора нашихъ учителей. Я увѣренъ, что воины, командующіе наступательной батареей, извергающей смерть и разрушеніе, врядъ-ли серьезнѣе и торжественнѣе нашего выступаютъ въ походъ, и все же самымъ серьезнымъ и торжественнымъ былъ я. Ссору началъ я, и я же запуталъ въ нее всѣхъ остальныхъ юношей, — я чувствовалъ себя отвѣтственнымъ за исходъ, также и за стыдъ въ случаѣ побѣды, которая съ каждой минутой казалась все болѣе и болѣе правдоподобной. Само собою разумѣется, я рѣшился употребить все возможное для достиженія успѣха, а нервы мои были напряжены въ высшей степени. Я падѣлся и молился, чтобы единоборство съ Карломъ Брандовымъ выпало на мою долю. Единоборцы были освобождены отъ общихъ правилъ, и всякій, побѣждающій своего противника, имѣлъ право свободного выбора между побѣдившими, что должно было продолжаться до тѣхъ поръ, пока борьба не будетъ рѣшена окончательно. Не знаю, кому подражали наши первокурсники, составляя эти мудрые законы, быть можетъ, и Вальтеръ Скотту, помню только, что когда я впоследствии читалъ знаменитое описаніе турнира въ Асби изъ романа «Айвенго», я всякій разъ вспоминалъ послѣобѣденное время лѣтомъ, тѣнистую площадку въ еловомъ лѣсу, веселые голоса и раскраснѣвшіяся вслѣдствіе отваги и жажды битвы лица мальчугановъ. И здѣсь случилось то же, какъ и на турнирѣ въ Асби, когда явилось совершенно

непредвидѣнное обстоятельство въ лицѣ Чернаго Рыцаря, le poig faïnéant, который помогъ герою выиграть почти безповоротно проигранное дѣло.

«Между новичками находился мальчикъ шестнадцати лѣтъ съ открытымъ, честнымъ лицомъ, который могъ бы назваться красивымъ, если бы въ немъ было больше жизни, и черные глаза его не были бы такъ томны. Онъ былъ высокаго роста, обладалъ, по видимому, большою силой, такъ что мы могли бы разчитывать на поддержку съ его стороны. Намъ казалось, однако, что лѣнь его гораздо больше его силы, присутствие которой онъ никогда ничѣмъ не доказалъ, а на нашъ настоятельный вопросъ, причисляетъ-ли онъ себя къ разряду сильныхъ, молча пожималъ широкими плечами.

— Куртъ Венгофъ!—воскликнула Оттилія.

— Да, Куртъ Венгофъ, мой милый, бѣдный Куртъ!—продолжалъ Готгольдъ и голосъ его дрогнулъ при воспоминаніи о любимомъ товарищѣ молодости.—Я и теперь вижу, какъ онъ стоялъ небрежно, какъ будто бы дѣло и не касалось его; между тѣмъ онъ только что безъ всякихъ усилій, точно жнецъ, бросающій въ сторону связанные снопы, повалилъ на землю своего противника. И мнѣ удалось одержать верхъ надъ своимъ соперникомъ, и я, задыхаясь, бросился въ схватку. Карлъ Брандовъ уже отдѣлялъ двоихъ или троихъ и направился въ мою сторону. Я не думалъ о побѣдѣ. Въ ту же минуту впереди меня очутился Куртъ; оба они немедленно схватились, и Карлъ Брандовъ съ перваго же раза почувствовалъ, что передъ нимъ противникъ, равный ему по силѣ и отвагѣ, и превосходящій его хладнокровіемъ и настойчивостью, что и выяснилось послѣдствіями. Всѣ мы наслаждались великолѣпнымъ зрѣлищемъ; всѣ—и судьи, и побѣдители, и побѣжденные, и борцы какъ бы по безмолвному соглашенію столпились вокругъ борющихся и слѣдили за каждой фазой борьбы, то со страхомъ, то съ надеждой и громкими восклицаніями, смотря по тому, какая сторона брала перевѣсъ. Наконецъ, раздался громкій, радостный крикъ моей партіи—Куртъ Венгофъ поднялъ на воздухъ своего противника, силы котораго совершенно истощились, и со всего размаху бросилъ его на траву, гдѣ бѣдняга и растянулся во всю длину; онъ не двигался и лежалъ почти въ обморокѣ.

«Борьба рѣшена»,—провозгласили мудрые первокурсники, что и было на самомъ дѣлѣ:—кто бы осмѣлился вступить въ борьбу съ побѣдителемъ Карла Брандова? Я съ своей стороны отъ всего сердца обнялъ добраго Курта и поклялся ему въ вѣчной дружбѣ; вслѣдъ затѣмъ я направился къ Карлу Брандову, который слегка приподнялся съ земли, подаль ему руку, какъ предводитель одной партіи подаетъ предводителю другой и изъявилъ свое желаніе и

надежду, что за честной борьбой послѣдуетъ такой же честный миръ. Онъ взялъ мою руку и, сколько мнѣ помнится, даже засмѣялся и сказалъ, что онъ вовсе не такой дуракъ, чтобы сердиться на то, чего больше измѣнить нельзя.

— Да это онъ, какъ живой, — съ жаромъ воскликнула Оттилія; — въ лицо любезенъ и услужливъ, а за спиной — свирѣпъ и лукавъ.

— Вотъ видите, жена моя уже примкнула къ вашей партіи.

— Уже! — воскликнула Оттилія. — Я никогда не думала и не чувствовала иначе; я всегда была противъ него и имѣла на то причины. Я не знаю, что случилось бы со мною на танцевальномъ урокѣ, если бы вы не были такъ любезны ко мнѣ. Я никогда этого вамъ не забуду, и это тѣмъ болѣе было благородно съ вашей стороны, что я была для васъ ничѣмъ и вы всегда только и мечтали, что о красавицѣ Сесиліи, за что я васъ никогда «не осуждала».

— Боюсь, что напрасно буду противорѣчить вамъ.

— Совершенно напрасно! Я какъ теперь все вижу — вы сидѣли подлѣ меня и вдругъ вскочили! вы были блѣдны отъ гнѣва и дрожали всѣмъ тѣломъ, когда увидѣли, что Карлъ Брандовъ поцѣловалъ Сесилію, а та заплакала.

— Понятно, почему я разсердился! — воскликнулъ Готгольдъ. — Мы всѣ юноши пришли къ тому соглашенію, что во время игры въ фанты, допускавшейся послѣ урока, мы имѣли право цѣловать только руку. Всѣ исполняли это, также и Карлъ Брандовъ, и до тѣхъ поръ никто не нарушилъ договора. Я былъ совершенно правъ, что не могъ помириться съ такимъ наглýmъ нарушеніемъ условія и не захотѣлъ оставить этого безнаказаннымъ; я былъ вдвойнѣ правъ: въ продолженіи года я часто бывалъ съ Куртомъ въ Доллалѣ и подружился съ братомъ и сестрой. Куртъ, если вы помните, не пожелалъ по своей обыкновенной лѣни принять участіе въ танцевальномъ урокѣ, и я считалъ себя вполнѣ законнымъ защитникомъ подруги. Крімъ того, Куртъ, которому я помогъ съ такимъ трудомъ выдержать экзаменъ на первый курсъ, не на особенно хорошемъ счету былъ у учителей; такое же явное нарушеніе мира, необходимаго въ то время, могло, безъ сомнѣнія, повлечь за собою исключеніе и... я буду откровененъ: я думалъ, что Карлъ Брандовъ имѣлъ въ виду меня, что онъ такимъ нахальствомъ хотѣлъ оскорбить меня же, вызвать на ссору, хотѣлъ бросить мнѣ перчатку, разсчитывая, что я подыму ее и вмѣсто Курта, какъ раньше сдѣлалъ это послѣдній вмѣсто меня, вступлю съ нимъ въ борьбу.

«Приготовленія къ дуэли, бывшей въ глазахъ нашихъ гордыхъ первокурсниковъ настоящей дуэлью, дѣлались возможно таинственнѣе. Только участвующіе, т. е. соперники и секунданты, — употребляютъ классическое выраженіе, — знали о мѣстѣ и часѣ ду-

эли. Достать оружіе не составляло никакого труда, тѣмъ болѣе, что, несмотря на строжайшее запрещеніе, между нами были такіе, у которыхъ имѣлись рапиры. У Карла Брандова была своя и его интимные друзья рассказывали чудеса объ его искусствѣ. Куртъ владѣлъ также двумя превосходными клинками, ужаснымъ звукомъ которыхъ мы частенько нарушали безмолвіе тихаго Долланскаго лѣса. Я владѣлъ острымъ зрѣніемъ и, несмотря на свои пятнадцать лѣтъ, вѣрной рукой. Карлъ Брандовъ не мало былъ удивленъ, когда въ рѣшительную минуту презираемый имъ противникъ оказался такъ хорошо вооруженнымъ. Онъ съ каждой минутой дѣлался безпокойнѣе, горячился и старался лишить меня возможности сопротивляться ему, причемъ, долженъ отдать ему справедливость, онъ дѣйствительно превосходилъ меня искусствомъ, я вынужденъ былъ перейти въ наступательное движеніе и нанесъ ему довольно глубокой ударъ въ плечо—кровь окрасила рукавъ. Секунданты крикнули: стой! Я опустил рапиру. Онъ же въ бѣшенствѣ и гнѣвѣ не слышалъ этого крика, не видѣлъ моего движенія, ничего не сознавалъ, такъ же точно какъ и я въ послѣдующія за тѣмъ четыре недѣли.

— Онъ два раза нанесъ ударъ, — сказалъ Оттилія; — и второй разъ, когда вы ужъ лежали на землѣ.

— Я этому не вѣрю и никогда не повѣрю, — возразилъ Готгольдъ; — наши секунданты совсѣмъ потеряли голову и впоследствии, несмотря на все желаніе, не могли рассказать, какъ происходило дѣло. Боюсь, что слишкомъ злоупотреблялъ вашимъ терпѣніемъ, прошу позволенія проститься. Боже мой! двѣнадцать часовъ! это непростительно.

— Я бы всю ночь слушала васъ, — сказала Оттилія съ глубокимъ вздохомъ, медленно подымаясь съ своего мѣста. — Ахъ! молодость, молодость! молодъ бываешь только разъ въ жизни.

— Благодареніе Господу! — отвѣчалъ Готгольдъ; — пришлось бы два раза повторять тѣ же глупыя штуки.

— Кто настолько старъ, чтобы быть застрахованнымъ отъ глупостей? — сказалъ Вольновъ, улыбаясь.

— Ты! — воскликнула Оттилія, обнимая мужа. — Ты слишкомъ старъ и черезчуръ суровый человѣкъ. Мало быть молодымъ, надо быть и добрымъ, какъ нашъ другъ, которому тамъ плохо оплатили за его доброту. Воображаю, какъ вамъ было тяжело, когда Сесилія вышла замужъ за Брандова! Такое прелестное, семнадцатилѣтнее существо — замужъ за этого человѣка! Чѣмъ чаще видишь подобныя вещи, тѣмъ больше теряешь вѣру въ людей!

— Эта вѣра вездѣ, какъ и въ Израилѣ, рѣдко встрѣчается, — сказалъ Вольновъ.

— Собираетесь-ли вы...

— Сейчас уйду.

— Богъ мой! теперь и вы начинаете! Я хотѣлъ сказать, собираетесь-ли вы въ Долланъ?

— Да, я долженъ быть тамъ и не для одной картины.

— Для чего же?

— Для того, чтобы возвратить вѣру въ человѣка или, по меньшей мѣрѣ, въ главнѣйшую его часть для меня—въ самого себя,—возразилъ Готгольдъ съ улыбкой, иронія которой не ускользнула отъ Вольнова.

— Я недоволенъ тобою, — сказалъ послѣдній, когда возвратился въ комнату, проводивъ Готгольда.

— Мною?

— Что подумаетъ онъ обо мнѣ? Какимъ навязчивымъ глупцомъ долженъ онъ меня считать? Счастье мое, что я не распространялся далѣе!

— Да что я сдѣлала?

— Почему ты никогда не рассказывала мнѣ объ этой знаменитой юношеской исторіи, изъ которой становится яснымъ, что онъ любилъ, да, пожалуй, и теперь еще любить твою подругу Сесилію, хотя, признаться, я не видѣлъ тутъ дружбы.

— Ты въ самомъ дѣлѣ такъ думаешь?—воскликнула Оттилія, вскакивая съ мѣста и обнимая мужа.—Ты въ самомъ дѣлѣ такъ думаешь? Это онъ сказалъ тебѣ?

Несмотря на свое неудовольствіе, Вольновъ разсмѣялся.

— Я самый послѣдній человѣкъ, которому онъ рѣшился бы довѣриться, а въ особенности послѣ того, какъ я, дуракъ этакій, битый часъ распространялся все на одну и ту же тему.

— На одну и ту же тему? Эмиль? право, я тебя не понимаю.

— Не понимаешь? Боже ты мой! съ какимъ трудомъ ориентуются женщины при тѣхъ именно обстоятельствахъ, на пониманіе которыхъ онѣ съ такою гордостью изъявляютъ свои претензіи! Не понимаешь? Ну-съ, такъ увѣрю тебя, что мечтатель этотъ вполне тебя понялъ и завтра же рано утромъ отправится въ Долланъ.

— Я въ этомъ не вижу особеннаго несчастья, — сказала Оттилія.—Почему же имъ не свидѣться послѣ столькихъ лѣтъ, предположивъ даже, что они и до сихъ поръ любятъ другъ друга? Я отъ всего сердца радуюсь за бѣдную Сесилію, она такъ нуждается въ утѣшеніи!

— Какъ ся почтеннѣйшій супругъ въ деньгахъ! послѣ завтра послѣдняя отсрочка 5.000 талеровъ по его векселямъ у меня. Пожалуй, онъ поможетъ обоимъ, вѣдь у него есть средства.

— Ахъ, Эмиль! ты невыносимъ съ твоей вѣчной прозой!

— Я никогда не общалъ тебѣ, что ты найдешь во мнѣ оэта.

— Богъ знаетъ!

— Мнѣ было бы пріятнѣе, если бы ты знала это.

— Эмиль!

— Извини, пожалуйста! Мнѣ такъ досадно, что я дѣлаюсь злымъ. Всегда такъ бываетъ, когда мѣшаешься въ чужія дѣла. Впередъ наука дураку! а знаешь что, пора спать!

V.

Когда послѣ мучительно безпокойной ночи и тяжелого утренняго сна проснулся Готгольдъ, солнце ужь въ продолженіи нѣсколькихъ часовъ освѣщало комнату, пробиваясь сквозь бѣлыя тюлевыя занавѣски.

— Слава Богу!—сказалъ онъ громко,—вотъ утро, а говорятъ обыкновенно—утро вечера мудренѣе!

Онъ быстро одѣлся и подошелъ къ открытому окну. Какъ знакомо было ему все окружающее! Круглая, вымощенная камнемъ и кое-гдѣ поросшая травой площадь, окаймленная веселенькими, окруженными садиками домами, съ маленькимъ обелискомъ по срединѣ; прямо передъ нимъ красивое учебное заведеніе, изъ открытыхъ оконъ котораго доносилось до него среди утренней тишины пѣніе мальчиковъ, ему показалось даже, что онъ различаетъ слова хорала; направо между домами и надъ крышами виднѣлись темно-зеленыя исполинскія деревья княжескаго парка, а налѣво между другими домами кусочекъ синяго моря и часть небольшого, освѣщеннаго яркимъ солнцемъ островка, за которымъ находился другой большой островъ. Сотни разъ видѣлъ онъ ту же картину въ былое время, стоя у окна съ Куртомъ послѣ окончанія утренней молитвы и разсматривая окрестности въ томъ направленіи, гдѣ былъ расположенъ Домланъ. Точно также и тогда тянуло его вонъ на просторъ, туда къ солнечнымъ полямъ, тѣнистымъ лѣсамъ и синему морю! И свѣтъ, и тѣни, и синева—все способствовало къ развитію въ мальчикѣ страстнаго стремленія къ изображенію и воспроизведенію всего, что такъ ясно представлялось его уму, что такъ безсознательно волновало его чувства. Они же научили его дивному языку линій и красокъ, на которомъ онъ такъ свободно сталъ изъясняться впоследствии; имъ, только имъ однимъ обязанъ онъ тѣмъ, чѣмъ онъ сталъ и чему научился! Еще вчера, когда онъ шелъ родимыми полями, почувствовалъ онъ вдругъ, не смотря на мрачное расположеніе духа, что тамъ въ прекрасной

Италии труды и творчество его были бесполезны,—тамъ сердце его молчало, творили лишь руки и глаза. Онъ ясно понималъ, что прекрасное, звучное, но все же чуждое нарѣчіе, на которомъ онъ съ такимъ трудомъ изъяснялся, не было нарѣчіемъ его родины и что только здѣсь въ своей родной странѣ, подъ родимымъ небомъ можетъ онъ сдѣлаться настоящимъ художникомъ, не тѣмъ, который является подражателемъ того, что создано другими, хотя бы оно было не только прекрасно, но даже выше созданнаго имъ, но создаетъ самъ, что можетъ, ибо созданное имъ есть его второе «я».

Возможно-ли, однако, чтобы послѣ всего, что здѣсь случилось, послѣ всего, что онъ здѣсь пережилъ, выстрадалъ, чтобы его родина осталась въ дѣйствительности его родиной? Почему же и нѣтъ? Вѣдь въ глазахъ его она имѣла то же значеніе, какъ и весь остальной міръ. Онъ желалъ быть только тѣмъ, чѣмъ онъ былъ въ лучшіе часы своей жизни—истиннымъ художникомъ, который живетъ одними идеалами и стоитъ выше всего, передъ чѣмъ склоняются обыкновенные люди, которому Богъ далъ возможность въ худшемъ случаѣ высказать то, что онъ выстрадалъ. О! милое, дорогое искусство! оно всегда было путеводной звѣздой заблужденій его юношеской жизни, талисманомъ въ дни скорби и пужды въ бытность его въ Мюнхенѣ, его прибѣжищемъ во всѣ времена; оно было и будетъ ему вѣрно, пока онъ останется вѣренъ ему, пока онъ высоко и свято будетъ чтить его, какъ своего покровителя и съ благоговѣніемъ поклоняться ему, какъ божеству.

Пѣніе мальчиговъ смолкло. Готгольдъ провелъ рукою по глазамъ и отошелъ отъ окна. Кто-то громко постучался въ дверь.

— Ахъ! это ты, Іоакимъ?

— Да, господинъ Готгольдъ, это я,—отвѣчалъ Іоакимъ Пребровъ. Онъ принесъ кофе на подносѣ и такъ осторожно поставилъ его на столъ, точно боялся, что въ рукахъ у него мыльный пузырь, который лопнетъ при малѣйшемъ движеніи.

— Класъ Классенъ изъ Нейкирха, или, какъ всѣ его зовутъ здѣсь, Луи былъ въ погребѣ какъ разъ въ то время, когда вы позвонили. Я подумалъ, не будетъ кофе хуже оттого, что я его подамъ.

— Разумѣется, нѣтъ! очень тебѣ благодаренъ!

— Я хотѣлъ спросить еще, когда закладывать лошадей?

— Я думаю остаться здѣсь еще нѣсколько дней,—возразилъ Готгольдъ.

Улыбка, готовая при этихъ словахъ показаться на широкомъ лицѣ Іоакима, тотчасъ же исчезла, какъ только Готгольдъ продолжалъ:

— Тебѣ, пожалуй, придется возвращаться одному назадъ, старый дружище!

— И я также не прочь остаться здѣсь на нѣсколько дней, — сказалъ Іоакимъ.

— А развѣ ты не можешь этого сдѣлать, если я не удержу за собой экипажа? Въ такомъ случаѣ я удерживаю его и—что еще дороже мнѣ—тебя. Мы отправимся вмѣстѣ въ Долланъ, гдѣ, я думаю, и ты не прочь побывать? Быть можетъ, тебѣ нельзя надолго оставлять лошадей?

Что касается до этого, то Іоакиму нечего было беспокоиться. Его хорошей другъ Класъ Классенъ, котораго всѣ такъ странно зовутъ Луи, охотно присмотритъ за ними и позаботится, какъ о своихъ. Но почему господинъ Готгольдъ хочетъ идти, когда къ его услугамъ и лошади, и экипажъ?

— Просто для своего удовольствія, — сказалъ Готгольдъ.

— На вкусъ, на цвѣтъ, товарища нѣтъ! — отвѣчалъ Іоакимъ, почесывая затылокъ; — еще одна помѣха, однако — гнѣздышко-то опустѣло!

— Что ты хочешь этимъ сказать?

— Часъ тому назадъ оба пріѣхали сюда, и баринъ, и барыня, — сказалъ Іоакимъ. — Я сидѣлъ въ комнатѣ для пріѣзжихъ, когда они остановились у подъезда.

Готгольдъ пристально взглянулъ на Іоакима. Она была здѣсь, такъ близко подлѣ него, подъ окномъ, у котораго онъ передъ этимъ стоялъ! Онъ могъ бы видѣть ея милое личико, какъ видѣлъ Іоакимъ! И какъ спокойно говоритъ послѣдній объ этомъ, точно это повседневное событіе!

— Ты говорилъ съ нею, Іоакимъ? — нерѣшительно спросилъ онъ.

— Барыня осталась въ экипажѣ, — сказалъ Іоакимъ; — ну, а онъ-то вошелъ въ комнату выпить рюмку рома. Въ комнатѣ никого не было, кромѣ меня; я стоялъ у шкапа и наливалъ себѣ ромъ, также и ему подаль. Онъ спросилъ меня, — откуда я. Пріѣхалъ съ какимъ-то бариномъ, отвѣчаю я, думаю, сегодня же и уѣдемъ, какъ только баринъ встанетъ. — Знаешь ты, кто съ тобою ѣдетъ, — говоритъ онъ. — Конечно, я сказалъ, что не знаю, а про себя подумалъ: не очень-то оба дружны были между собою, чѣмъ меньше имѣтъ дѣло съ Брандовымъ, тѣмъ лучше! Правъ-ли я? Слово за слово и разговорились. Потомъ онъ завелъ часы и сказалъ, что ѣдетъ въ Плюгенгофъ и останется тамъ до завтрашняго вечера, — выпилъ ромъ, обѣщалъ заплатить, когда поѣдетъ назадъ, съ тѣмъ и уѣхалъ. Ну, и гнѣзды же у него, — красивыя такія, настоящія породистыя. И вы полюбовались

бы ими! Еще вчера я замѣтилъ, что толкъ въ лошадахъ вы понимаете.

Готгольдъ продолжалъ сидѣть, понурившись. Она не будетъ даже знать, думалось ему, что онъ былъ здѣсь! Да возможно-ли это? Что же, вѣдь онъ ни одной минуты не имѣлъ намѣренія становиться на ея пути! Вотъ и прекрасно, путь этотъ свободенъ, совершенно свободенъ! Онъ могъ безпрепятственно, безъ малѣйшаго угрызения совѣсти, привести въ исполненіе тотъ планъ, который онъ намѣтилъ себѣ вчера, когда черезъ темный паркъ возвращался отъ Вольнова обратно въ гостинницу.

Часъ спустя, оба направлялись по дорогѣ въ Долланъ. Сначала шли они по большой дорогѣ, затѣмъ своротили на боковую тропинку, подымавшуюся въ гору, гдѣ каждый шагъ былъ извѣстенъ Готгольду.

Онъ шелъ и думалъ о тѣхъ дняхъ, что прошли навсегда и не возвратятся вповь, а между тѣмъ высоко, высоко въ небесной синевѣ пѣлъ жаворонокъ, по безмолвнымъ полямъ прогуливались черныя вороны, надъ болотомъ, размахивая крыльями, летали сороки, а вдали, гдѣ чернѣлся лѣсъ, медленно и величественно кружился орелъ.

Іоакимъ, который во что бы то ни стало взялся самъ нести дорожную сумку и небольшой чемоданчикъ Готгольда, да, кромѣ того, еще и свой собственный, маленькій узелокъ, обвязанный пестрымъ бумажнымъ платкомъ, по временамъ отставалъ отъ своего спутника и не мѣшалъ ему своей болтовней. У него тоже были свои думы, но не о прошедшемъ, а о будущемъ, и хотѣлось ему поговорить о нихъ, но какъ и съ чего начать, онъ не зналъ. Скоро и лѣсокъ, на опушкѣ котораго онъ долженъ былъ проститься съ своимъ спутникомъ; надо было спѣшить, если онъ желалъ услышать его совѣтъ. И вотъ онъ собрался съ духомъ, въ нѣсколько быстрыхъ шаговъ догнавъ Готгольда, прошелъ подлѣ него нѣкоторое время молча и не мало испугался собственного своего голоса, когда, наконецъ, громко произнесъ тотъ самый вопросъ, который онъ сотни разъ повторялъ про себя втихомолку:

— Какъ думаете вы о женитьбѣ, господинъ Готгольдъ?

Послѣдній остановился и съ удивленіемъ взглянулъ на добраго Іоакима, въ свою очередь, остановившагося съ вытаращенными глазами и разинутымъ ртомъ. Лицо его имѣло такое странное выраженіе, что Готгольдъ не могъ удержаться отъ улыбки.

— Что тебѣ вздумалось объ этомъ спрашивать?

— Я хочу жениться.

— Тебѣ лучше моего знать,—я не собираюсь жениться.

Іоакимъ закрылъ ротъ и сдѣлалъ нѣсколько глотательныхъ

движеній, точно давился какими-то большими кусками. Готгольдъ невольно расхохотался.

— Эй, Іоахимъ!—воскликнулъ онъ.—Зачѣмъ принимаешь ты такой таинственный видъ съ своимъ стариннымъ другомъ? Я готовъ дать тебѣ наилучшій совѣтъ, если возможно и если онъ будетъ удобенъ для тебя, да въ придачу еще самыя сердечныя желанія. Я долженъ прежде всего знать въ чемъ дѣло. Итакъ, ты хочешь жениться?

— Да, господинъ Готгольдъ! — отвѣчалъ Іоахимъ, снимая шапку и отирая съ загорѣлаго лица крупныя капли пота.—Собственно-то говоря, я не хочу, а она говоритъ, что всегда хотѣла.

— И этого довольно; кто она?

— Стина Лахмундъ.

— Іоахимъ! вѣдь она на пятнадцать лѣтъ старше тебя!

— Опа въ томъ невиновна.

— Конечно, нѣтъ.

— Да къ тому же она такая сильная дѣвушка: у нея чертовски здоровое тѣло и крѣпкія кости! Походка у нея тяжеловатая, а все отъ того, что она немножко толста. Она говоритъ, что все это спадетъ, когда у нея работы будетъ больше, а у Вольнова жить ужъ черезчуръ покойно.

— Ну, если она говоритъ, то...

— Да; она таки порядочно и деньжонокъ отложила за все время, что живетъ у Вольнова. Ея старики въ Виссовѣ,—знаете, господинъ Готгольдъ, мы туда какъ-то ѣздили на лодкѣ вмѣстѣ съ нашимъ молодымъ баринемъ, помпите еще—волны такъ и ходили на морѣ! Приѣхали мы туда мокрыми курами,—старый Лахмундъ удивился, что мы не потонули.

— И еще старикъ приготовилъ намъ крѣпкаго грогу,—продолжалъ Готгольдъ.

— И хватилъ же черезъ край нашъ молодой баринъ! Надѣлъ потомъ длинную куртку старика, а на голову его шапку и какихъ только проказъ не творилъ! Да, хорошее время было, господинъ Готгольдъ!

Такъ рассказывали они между собой, и когда Іоахимъ терялъ нить разказа, ему дружески помогалъ Готгольдъ. Іоахимъ постепенно перешелъ къ тому, что старики Лахмунды въ нѣкоторомъ родѣ люди богатые, имѣютъ въ большомъ лоцманскомъ и рыбацьемъ селѣ пахотное хозяйство и кое-что въ родѣ трактира; что они, всегда такъ твердо и упрямо державшіе скипетръ управленія, передали его, наконецъ, своей дочери, а сами удалились на покой и получаютъ родительскую часть, съ тѣмъ условіемъ, однако, чтобы она нашла себѣ хорошаго мужа.

Все это рассказала Стина Лахмундъ Иоахиму, когда тотъ пришелъ къ ней въ кухню, пока Готгольдъ сидѣлъ у господъ. Тутъ же она и спросила его, не хочетъ-ли онъ жениться на ней?

— Видите-ли, господинъ Готгольдъ,—продолжалаъ Иоахимъ,—она не за всякаго пойдетъ, а меня она, такъ сказать, знаетъ съ малыхъ лѣтъ, знаетъ, что я порядочный, непьющій человекъ, хорошо съ лошадьми умѣю обращаться и порядочно таки смыслю въ пашнѣ; лодкой управлять могу, ну, само собой разумѣется, когда вѣтеръ не сильный.

— Все, значить, въ наилучшемъ порядкѣ, — сказалъ Готгольдъ.—Перейдемъ теперь къ главному—любишь-ли ты ее?

— Въ томъ-то и дѣло! — возразилъ Иоахимъ; — вчера и она спрашивала меня объ этомъ, ну, что мнѣ было отвѣчать?

— Правду, Иоахимъ, и только правду!

— Я такъ и сказалъ, господинъ Готгольдъ, такъ и сказалъ. Пока еще нѣтъ, говорю, — а она на это засмѣялась и говорить, что не бѣда, что это ничего, придетъ, молъ, въ свое время, только бы дѣвушка, да парень порядочные были. Потомъ сказала, чтобы я спросилъ васъ, что вы дадите хорошій совѣтъ.

— Я?

— Да! Она говоритъ, что вы знаете, что сказать, что вы всегда были хорошимъ человекѣмъ и что... и...

— И?

— И что если бы вы женились на нашей барышнѣ, не промахнулась бы она такъ, какъ теперь. Знаете, что, господинъ, я видѣлъ ее сегодня сбоку въ окно кареты, когда она оставалась одна, — нѣтъ, ужъ скажу, не выглядитъ она такой счастливой, а Стина говоритъ, что не отъ чего ей и счастливой быть. Какъ вы думаете, правда это?

— Не знаю, надѣюсь, что нѣтъ, — возразилъ Готгольдъ, — мало-ли что люди болтаютъ. Перейдемъ лучше къ твоимъ дѣламъ.

— Да! а что же вы мнѣ скажете?

— Нечего тутъ много говорить! Если твое сердце ничего не имѣетъ противъ, — женись на Стинѣ! Она должно быть честная, порядочная дѣвушка; обращай съ ней хорошо, и будете вы такъ счастливы и довольны, какъ вы того заслуживаете!

Весь этотъ крайне серьезный разговоръ вели они между собой совершенно спокойно, сидя на опушкѣ лѣса. Сказавъ послѣднiя слова, Готгольдъ быстро вскочилъ, схватилъ дорожную сумку и чемоданъ, которые Иоахимъ положилъ подлѣ себя на траву, крѣпко пожалъ своему спутнику грубую, загорѣлую руку и, не оборачиваясь, скрылся въ лѣсу.

Долго смотрѣлъ Иоахимъ вслѣдъ уходившему. Наконецъ, онъ

взявъ свой маленькій узелъ, навѣсилъ его на палку, перекинулъ ее черезъ плечо и медленно зашагалъ по степи, на дальнемъ краю которой виднѣлась крыша отцовской кузницы.

VI.

Быстро и неутомимо подвигаясь впередъ, точно опасаясь потерять минутой времени, спѣшилъ Готгольдъ черезъ лѣсъ. Тяжелыя, мучительно-грустные мысли преслѣдовали его; онъ никакъ не могъ отдѣлаться отъ нихъ, также какъ и отъ цѣлаго роя комаровъ, которые вѣлѣдъ за нимъ летѣли по лѣсу, подымались, опускались, то отставали отъ него, то спѣшили впередъ, то кружились вокругъ его головы.

— Хотѣлось бы мнѣ знать, почему долженъ я выслушивать всегда одно и то же, вездѣ и отъ всѣхъ, — шепталъ онъ. — Да развѣ на мнѣ лежитъ отвѣтственность, да развѣ я заслужилъ упрекъ за то, что она несчастлива? Счастье! Кто же счастливъ? Непогрѣшимые люди, быть можетъ, въ родѣ Вольнова, которые знаютъ наизусть, взадъ и впередъ, табличку умноженія своего нравственного кодекса, или же въ родѣ честнаго, глупаго Иоахима, которому все равно, будетъ-ли его Стина на пятнадцать лѣтъ старше или моложе его, лишь бы только ему гарантировано было извѣстное обезпеченіе? Ну, а я, напримѣръ? А безчисленное множество людей, единственная вина которыхъ состоитъ въ томъ, что они прежде всего люди и люди съ сердцемъ, способнымъ чувствовать, страдать и не за себя однихъ, но и за своихъ ближнихъ. Да будутъ прокляты сочувствіе и состраданіе! Они-то и дѣлаютъ насъ такими жалкими созданіями. Что шумите вы, могучіе буки? Каждую осень въ продолженіи многихъ столѣтій покрываете вы почву засохшими листьями, — наступаютъ весна и вы снова въ полномъ блескѣ и красѣ вашего земного одѣянія. Что шумишь ты, ручеекъ? Также заботливо несешь ты къ морю желтовато-прозрачную воду свою, какъ и во времена моего дѣтства, когда я, живой и проворный мальчикъ, игралъ на твоемъ берегу и, мня себя геросомъ, прыгалъ взадъ и впередъ черезъ тебя. Ахъ! и въ шумѣ деревьевъ и въ журчаньи ручейка слышу я все одну и ту же пѣсню, которую пѣла вчера ласточка, пѣсню о вѣчно юной природѣ, всегда неизмѣнной и чудно-прекрасной, — и о брѣнности и слабости человѣка, живущаго подъ вѣчнымъ опасеніемъ преждевременной смерти и стремленіемъ продлить по возможности свое печальное, неудовлетворенное существованіе. Для счастья его, пока сердце способно чувствовать надежду и болзнь, уже достаточно бываетъ того сознанія, что все пережитое и выстраданное имъ не повторится

вновь, и что если сердце его и забьется, то лишь отъ презрѣнія и негодованія къ самому себѣ за глупыя и безумныя опасенія и надежды. Для меня нѣтъ больше надежды, за то нѣтъ и опасенія, — мнѣ не страшень взоръ, ожидающій меня, быть можетъ, тамъ наверху.

Отъ широкой, совершенно заброшенной дороги, все время идущей вдоль лѣсного ручейка, затѣмъ поворачивающей направо въ глубину лѣса и продолжающейся вплоть до самаго моря, шла влѣво тропинка. Подымаясь въ гору, извивалась она между могучими деревьями, постепенно переходившими въ болѣе и болѣе низкіе кустарники, заканчивающіеся верескомъ и дрокомъ, которые и покрывали всю остальную вершину холма. Здѣсь въ древнія еще времена изъ кусковъ скалы, поросшихъ въ настоящее время на цѣлый дюймъ мхомъ и частью уже глубоко опустившихся въ землю, воздвигнутъ былъ громадный памятникъ всемогущему Одину. Это было то самое мѣсто, откуда Готгольдъ не вполнѣ еще вѣрной рукой набросалъ красками эскизъ, которымъ и воспользовался впоследствии для картины, висѣвшей въ комнатѣ госпожи Вольновой.

Прошло десять лѣтъ и онъ снова стоялъ здѣсь, подъ тѣнью скалы, защищавшей его отъ знойныхъ лучей солнца, — передъ нимъ разстилался ландшафтъ, на чудную красоту котораго онъ еще въ дѣтствѣ не могъ достаточно налюбоваться. Ахъ! время не уничтожило ничего изъ прелестей картины. Казалось, напротивъ, все способствовало тому, чтобы вновь воспроизвести всѣ райскія чары его юности.

Полдень! Верхушки буковъ, облиты сверкающимъ сіяніемъ солнца, а далѣе передъ глазами Готгольда открывались изумрудные луга и золотистыя хлѣбныя поля — луга и поля, принадлежащіе Доллану, который, подобно безмолвному, лучезарному Эдему, скрывался между покрытыми тѣнистымъ лѣсомъ холмами. Посреди луговъ и полей выглядывали изъ темной зелени сада покрытыя соломой крыши надворныхъ строеній, а также и черепичная крыша длиннаго, низенькаго господскаго дома, на фронтонѣ котораго онъ ясно различилъ маленькое окошечко той комнатки, гдѣ онъ жилъ съ Куртомъ всякій разъ, когда пріѣзжалъ въ Долланъ. Сколько воспоминаній пробудилось въ немъ при видѣ этого окошечка! Не мало усилій стоило ему отвести свои взоры отъ него! Онъ взглянулъ направо, гдѣ между расходящимся холмами виднѣлось синее море, на которомъ точно звѣздочки блѣдѣли паруса, — затѣмъ на широкую темную степь, гдѣ подъ столѣтнимъ дубомъ, единственнымъ деревомъ на открытой пустынной мѣстности, стояла одинокая кузница; вдали на самомъ краю стени виднѣлись

высокіе, покрытыя лѣсомъ холмы, которыми у самаго берега и заканчивалась картина.

Полдень, часъ Великаго Пана! ни малѣйшаго дуновенія сверкающаго эира; неподвижны бѣлыя облака на голубоваго-стальномъ сводѣ небесъ, неподвижны верхушки деревьевъ, неподвижны цвѣтущіе кустарники и даже длинные стебельки травы! Ни звука въ безконечной тишинѣ! Сверчекъ, трещавшій все время между могильными камнями, вдругъ умолкъ, испуганный, быть можетъ, темной змѣей, которая круглыми блестящими глазами уставилась на Готгольда. Она лежала на скалѣ въ нѣсколькихъ шагахъ отъ него; шея ея была приподнята, остальная же часть чешуйчатаго туловища скрыта была между высокимъ верескомъ. Онъ не замѣчалъ ее до сихъ поръ и теперь смотрѣлъ на нее съ ужасомъ.

Ему вообразилось, что находившаяся до сихъ поръ въ какомъ-то оцѣпенѣннѣй природѣ вдругъ оживилась, что духъ уединенія и отверженія принялъ на себя видимый, осязаемый образъ. Горе тебѣ, если уединеніе въ господскомъ домѣ съ одичалымъ садомъ, если эта покинутая людьми долина смотреть на тебя такими же точно ужасными, холодными глазами! Если ты, прислушиваясь среди этой тишины къ милому для тебя человѣческому голосу, услышишь лишь шумъ клокочущей крови въ твоихъ вискахъ, да тяжелое, тоскливое замيرانіе сердца!

Прочь, демонъ, прочь!

Онъ поднялъ палку, — змѣя скрылась. Подойдя ближе къ скалѣ, онъ увидѣлъ колыхающуюся еще цвѣты вереска, черезъ густые переплетенные корни котораго проскользнула она. Не было-ли это плодомъ его фантазій? Не колыхались-ли цвѣты подъ вліяніемъ тихаго вѣтерка, легкое дуновеніе котораго внезапно почувствовалось въ раскаленномъ воздухѣ? Мало по малу дѣлался онъ все сильнѣе и сильнѣе; послышался шепотъ, шелестъ, то раздававшійся позади изъ лѣсу, то внизу между верхушками деревьевъ, и вдругъ со стороны моря на потрескавшуюся отъ жара сушу дунулъ холодный вѣтеръ.

Чары разрушились. Готгольдъ снова разсматривалъ окружающій его ландшафтъ, но уже какъ художникъ, старающійся открыть его лучшія стороны.

— Тогда я избралъ утреннее освѣщеніе, если только можно назвать это выборомъ. Я ошибся, — мнѣ слѣдовало лучше расположить свѣтовое освѣщеніе. Надо, чтобы солнце было вотъ тамъ, по лѣвую сторону, надъ самой кузницей; это будетъ около шести часовъ. До восьми я усилю сдѣлать все, что мнѣ нужно. Надѣюсь, картина выйдетъ хорошая и не одна чернокудрая барышня останется ею довольна.

VII.

Готгольдъ сталъ собирать вещи. Почему не оставить здѣсь чемодана? пришло ему вдругъ въ голову. Прислонивъ его къ скалѣ, на томъ самомъ мѣстѣ въ тѣни, гдѣ передъ этимъ лежала змѣя, онъ сталъ спускаться съ холма, по лѣсной дорогѣ, прямо къ длинному оврагу, внизу котораго по направленію къ морю протекалъ ручей. У самаго устья его, въ маленькой бухтѣ между крутыми скалистыми берегами, стоялъ одинокій домикъ брата Бослава. И въ Долланѣ, и въ окрестностяхъ извѣстенъ онъ былъ подъ названіемъ приморскаго домика. Подъ тѣмъ же именемъ знали его преимущественно шкипера. Стоя на опасномъ берегу, онъ служилъ имъ путеводною примѣтой днемъ, а въ особенности въ непроглядную ночь, когда въ окнѣ у брата Бослава мерцалъ огонекъ, какъ бы предостерегая безпомощныхъ путниковъ, плывущихъ по безконечной водной пустынѣ. Огонекъ свѣтилъ на далекое разстояніе, благодаря большому, глубокому оловянному блюду, прикрѣпленному старикомъ позади лампы, и безупречный блескъ котораго могъ поспорить съ полированнымъ серебромъ. Семьдесятъ лѣтъ почти горѣлъ этотъ огонекъ на пользу шкиперовъ и рыбаковъ и къ чести добраго человѣка, который не по чьему-либо приказанію зажигалъ лампу, а лишь слѣдуя внушенію своего добраго честнаго сердца.

Семьдесятъ лѣтъ! никакъ не меньше, если, пожалуй, еще не больше. А, впрочемъ, кто могъ сказать навѣрное! Сколько могли припомнить старожилы, еще оставшіеся въ живыхъ, братецъ Бославъ уже съ давнихъ поръ жилъ въ приморскомъ домикѣ; нѣтъ ничего удивительнаго въ томъ, что молодые люди и дѣти смотрѣли на него, какъ на мифологическое существо. Такимъ являлся онъ и въ глазахъ своихъ родственниковъ изъ Доллана, среди которыхъ онъ жилъ, въ обществѣ которыхъ онъ такъ часто проводилъ время и принималъ, насколько могъ, участіе въ ихъ горестяхъ и радостяхъ, и отъ которыхъ отецъ Курта узналъ всю исторію, а затѣмъ ужъ передалъ другимъ. Готгольдъ не могъ припомнить, по какому случаю и кому собственно онъ рассказывалъ ее—мальчикамъ-ли или же, что всего вѣроятнѣе, мальчики сами подслушали, какъ онъ за бутылкой вина рассказывалъ ее пріятелямъ.

Готгольдъ давнымъ давно позабылъ объ этой исторіи, относившейся къ тому времени, когда не существовали еще нѣкоторые изъ буковъ, исполинскія верхушки которыхъ образовали въ настоящее время громадный сводъ, высоко поднимающійся надъ головами путешественниковъ. Теперь же онъ вспомнилъ ее сразу и до мельчайшихъ подробностей; не могъ только онъ дать себѣ отчета,

когда собственно онъ ее слышалъ,—во времена-ли дѣтства, выдумана-ли она была позже его воображеніемъ, или же дорогой ему нашптали ее сѣрые лѣсные исполины, да журчащій ручеекъ?

— Во времена шведовъ,—такъ начинались въ то время всѣ повѣствованія,—жили на островѣ двоюродные братья Вевгофы—Адольфъ и Божиславъ. Оба были молоды, красивы, сильны, оба влюблены въ одну и ту же дѣвушку, которую отецъ соглашался выдать лишь за богача, на томъ простомъ основаніи, что, кромѣ своего дворянскаго происхожденія, ничего не имѣлъ за исключеніемъ родового помѣстья Далиць, на которомъ было больше долговъ, чѣмъ оно само того стоило. Двоюродные братья Вевгофы не были дворянами, но происходили изъ весьма хорошаго стариннаго семейства. Фонъ-Далиць не могъ ничего возразить ни противъ одного изъ нихъ, единственнымъ препятствіемъ представлялось только то, что оба были бѣднѣе его. И въ самомъ дѣлѣ братья ничего рѣшительно не имѣли,—все имущество ихъ заключалось въ хорошихъ ружьяхъ, принадлежащихъ къ нимъ охотничьихъ припасовъ, да двухъ паръ охотничьихъ сапогъ съ толстыми подошвами, въ которыхъ они неоднократно посѣщали многіе дома, гдѣ хозяева были ихъ друзьями и всегда радостно привѣтствовали ихъ, какъ хорошихъ застольныхъ товарищей, охотно принимавшихъ участіе и въ охотѣ, и игрѣ. Оба были одинаковаго роста, ходили другъ на друга лицомъ и съ одинаковымъ искусствомъ продѣлывали всевозможныя ловкія штуки. Живущіе въ окрестностяхъ гостепримные и радушные помѣщики всегда были рады посѣщенію того или другого, а еще болѣе одновременно появленію обоихъ, что и случалось болѣею частью. Двоюродные братья любили другъ друга больше, чѣмъ родные; что же касается ихъ страсти къ прекрасной Ульрикѣ фонъ-Далиць, то надежды ихъ на обладаніе ею были такъ ничтожны, что не стоило и ссориться изъ-за этого.

Вдругъ разразился ударъ, который до основанія измѣнилъ положеніе братьевъ, или же, по крайней мѣрѣ, положеніе одного изъ нихъ.

Въ Швеціи умеръ богатый чудакъ дядя, кромѣ шведскихъ имѣній, владѣвшій еще однимъ имѣніемъ на островѣ—а именно Долланомъ, къ которому въ то время принадлежали всѣ лѣса въ округности, вплоть до самаго моря, а на другой сторонѣ вся степь до пограничныхъ горъ. Онъ оставилъ это имѣніе обомъ нѣмецкимъ племяникамъ или скорѣе одному изъ нихъ. Духовное завѣщаніе гласило такъ: «Имѣніе должно принадлежать тому изъ двухъ, котораго присяжные, выбранные изъ шести товарищей, признаютъ лучшимъ человекомъ». Всѣмъ вообще, не исключая и братьевъ, показалось страннымъ подобное условіе. Вспомнивъ,

однако, что дѣло идетъ не объ одномъ Долланѣ, но и объ Ульриклѣ фонъ-Далицѣ, которую отецъ съ радостью отдастъ владѣтелю Доллана, всѣ призадумались.

Странное, необычайное дѣло!—братья, бывшіе до той поры неразлучными, стали избѣгать другъ друга, отношенія ихъ сдѣлались суровыми, недовѣрчивыми, почти враждебными; казалось, каждый изъ нихъ хотѣлъ сказать другому—я лучший человѣкъ. Въ душѣ же они должны были сознаться, да и сознавали, конечно, что вопросъ этотъ далеко еще не рѣшенъ. Также думали и говорили выбранные братьями шесть судій, приговору которыхъ они изъявили согласіе повиноваться безпрекословно. Всѣ шесть были вполне безупречные молодые люди, принявшіе на себя возложенную на нихъ обязанность весьма серьезно и даже торжественно. Долго собирались они вмѣстѣ; выпито тутъ было изрядное количество вина и выкурено безчисленное множество трубокъ, пока, наконецъ, они не пришли къ слѣдующему результату, который всѣми признанъ былъ мудрымъ и вполне соответствующимъ настоящимъ обстоятельствамъ. Тотъ изъ двухъ братьевъ долженъ быть признанъ лучшимъ человѣкомъ, какъ судьямъ, такъ и всѣмъ міромъ, который удачнѣе разрѣшитъ всѣ заданныя шесть задачъ.

Положеніе обоихъ братьевъ было бы крайне незавидное, если бы судьбы пожелали испытать ихъ мудрость, задавъ имъ задачу изъ какого-нибудь философскаго или ученаго сочиненія, — къ счастью, ни одному изъ нихъ не пришла подобная мысль. Лучшимъ человѣкомъ будетъ, по ихъ мнѣнію, признанъ тотъ, который во-первыхъ, въ продолженіи двухъ сутокъ въ состояніи будетъ объѣздить трехмѣсячнаго жеребца—шагомъ, рысью, галопомъ и въ карьеръ; во-вторыхъ—кто въ экипажѣ, запряженномъ четверней молодыхъ, горячихъ лошадей, проѣдетъ въ галопъ Долланскую стѣну по извѣстному направленію, начиная отъ господскаго дома до самой кузницы; въ третьихъ—проплыветъ нѣмецкую милю отъ твердой земли до стоящаго на якорѣ въ открытомъ морѣ корабля; въ четвертыхъ—отъ захода до восхода солнца осушить дюжину бутылокъ краснаго вина, а дѣло было въ іюль, когда ночи бывають коротки; въ пятыхъ—въ продолженіи того же времени съиграетъ въ бостонъ три раза съ избранными судьями и не сдѣлаетъ ни одной грубой ошибки. Если же, чего и опасались, судьбы не будутъ еще довольны, то каждый изъ братьевъ долженъ сдѣлать двѣнадцать выстрѣловъ въ мишень на разстояніи двухъ сотъ пятидесяти шаговъ и тотъ изъ нихъ, который прострѣлитъ наибольшее количество круговъ, и будетъ признанъ лучшимъ человѣкомъ, а съ тѣмъ вмѣстѣ и владѣтелемъ Доллана.

Шестое и послѣднее испытаніе было на самомъ дѣлѣ лишь

крайнимъ средствомъ, на которое судьи весьма неохотно согласились: каждый ребенокъ хорошо зналъ, что Божиславъ не только былъ лучший стрѣлокъ изъ двухъ братьевъ, но даже лучший на всемъ островѣ. Надо было, однако, и во что бы то ни стало, придти къ какому-нибудь результату, а такъ какъ Адольфъ, надѣясь, быть можетъ, что выиграшь падеть на его долю, не возражалъ противъ шестого нумера, то все было признано въ порядкѣ и рѣшено приступить къ турниру.

Все началось и кончилось по общему желанію. Молодые сыновья Эноха объѣздили верхомъ лошадей, правили экипажемъ, проплыли нѣмецкую милю, выпили дюжину бутылокъ, сыграли въ бостонъ и все это такъ искусно и безупречно, что самый взыскательный человѣкъ не могъ найти разницы въ исполненіи задачъ, и судьи съ тяжелымъ сердцемъ приступили къ послѣднему испытанію, результатъ котораго не подлежалъ сомнѣнію.

Тяжело, невыразимо тяжело билось сердце бѣднаго, храбраго Адольфа, когда онъ въ тотъ роковой день вышелъ на мѣсто стрѣльбы. Онъ совсѣмъ упалъ духомъ, даже тайныя убѣжденія тѣхъ изъ судей, которые были его друзьями, не производили на него никакого дѣйствія. Все это напрасно, говорилъ онъ.

Къ общему удивленію и Божиславъ казался не менѣ взволнованнымъ, если еще не болѣе. Онъ былъ блѣденъ; большіе голубые глаза его стали безжизненны и глубоко впади въ глазныя впадины. Интимные друзья его страшно испугались, когда замѣтили, что загорѣлая рука его, обыкновенно вѣрная, дрожала на этотъ разъ, какъ у пугливой дѣвушки, когда братья пожимали другъ другу руку, что они дѣлали передъ началомъ каждаго турнира.

Назначено было стрѣлять по очереди; вынули жребій— первый выстрѣлъ достался Адольфу. Онъ долго цѣлился, два раза прикладывался и все же попалъ только въ предпослѣдній кругъ.

— Я зналъ это заранѣе, — сказалъ онъ, проводя рукою по глазамъ. Ему очень хотѣлось заткнуть себѣ уши и, однако, онъ смотрѣлъ съ удивленіемъ вокругъ себя и прислушивался. Съ какимъ облегченіемъ вздохнулъ онъ, когда, послѣ выстрѣла Божислава, одинъ изъ судей громко произнесъ число нумера, который оказался номеромъ послѣдняго круга мишени.

Возможно-ли? И такъ, надежда еще не потеряна! Адольфъ собрался съ духомъ, — онъ цѣлился все лучше и лучше — шесть, девять, десять; — еще шесть и еще десять и еще разъ десять. А что дѣлалъ Божиславъ? Онъ каждый разъ попадалъ на одинъ кругъ ниже, ни больше, ни меньше — всегда на одинъ кругъ.

— Онъ играетъ съ нимъ, какъ кошка съ мышью, — заговорили между собою судьи послѣ первыхъ шести выстрѣловъ.

Божиславъ все больше и больше блѣднѣлъ, рука его дрожала сильнѣе, и только тогда успокоивался онъ, когда наступала его очередь. Но странное дѣло, — онъ каждый разъ попадалъ на одинъ кругъ ниже. Настала очередь послѣдняго выстрѣла, это былъ самый неудачный для Адольфа; онъ былъ такъ взволнованъ, что могъ попасть только въ самый край мишени, причѣмъ расцѣпилъ ее. Попади теперь Божиславъ въ центръ — и побѣда за нимъ! Окончаніе длиннаго поединка, богатое наслѣдство, красавица-невѣста — все зависѣло отъ одного выстрѣла! Смертельно блѣдный, сталъ Божиславъ на свое мѣсто; рука его не дрожала больше; онъ твердо прицѣлился — и ружье и рука были одинаково неподвижны. Ни на одинъ волосокъ не отклонилось въ сторону дуло ружья. Раздался выстрѣлъ.

— Попалъ! — сказали судьи.

Свидѣтели выступили впередъ, принялись искать и пикакъ не могли найти пули. Пришли судьи, искали, искали, но пули не нашли. Случилось неслыханное, невозможное — Божиславъ не задѣлъ даже мишени.

Пораженные судьи переглянулись; они не могли рѣшиться произнести приговора бѣдному Божиславу, къ чему поуждала ихъ взятая на себя ими обязанность. Между тѣмъ Божиславъ подошелъ къ двоюродному брату, который стоялъ съ опущенными глазами, точно стыдясь своей побѣды, взялъ его за руку и хотѣлъ что-то сказать, чего, однако, не могли выговорить его дрожавшія губы. Это не могло быть проклятіемъ, ибо онъ, рыдая, уналъ на грудь Адольфа и прижалъ его къ себѣ; съ трудомъ вырвался онъ изъ его объятій и скрылся, не сказавъ никому ни одного слова.

Онъ не появлялся больше. Многіе предполагали, что онъ лишилъ себя жизни, другіе же болтали, что онъ поселился среди льдовъ и снѣговъ Норвегіи, гдѣ занимался охотой на волковъ и медвѣдей. Послѣднее предположеніе было вѣрно. Божиславъ не умеръ, но спустя нѣсколько лѣтъ внезапно появился въ помѣстьѣ одного изъ своихъ друзей, бывшаго въ числѣ судей. Тутъ онъ случайно повстрѣчался съ двоюроднымъ братомъ Адольфомъ и его молодой женой Ульрикой, которые ничего не знали объ его возвращеніи. Молодая женщина такъ испугалась, что упала въ обморокъ и ее съ трудомъ могли привести въ чувство. Она принадлежала именно къ тѣмъ, которые считали Божислава умереннымъ и даже много разъ спорила объ этомъ съ мужемъ, утверждавшимъ противное. Поговаривали такъ же, что это было не единственнымъ пунктомъ раздора между супругами; много было различныхъ причинъ, почему молодое супружество нельзя было назвать вполнѣ удачнымъ. Въ это же время умеръ старый, расточительный фонъ-

Далиць, продавшій свое помѣстье за два года до смерти какому-то Брандову—прадѣду Карла Брандова,—и жившій въ свое удовольствіе у зятя. Дочь наслѣдовала отъ отца наклонность къ роскоши, Адольфъ же былъ только хорошій хозяинъ.

Это послѣднее качество не помѣшало ему сдѣлать то, къ чему побуждала его простая благодарность, и онъ, несмотря на несогласіе жены, пригласилъ бѣднаго Божислава къ себѣ въ Долланъ, а если возможно, то просилъ остаться подольше у него. Сначала Божиславъ отказывался, на что имѣлъ нѣкоторое основаніе. Всѣ хорошо знали, какъ происходило дѣло при стрѣльбѣ въ цѣль; всѣмъ было теперь извѣстно, что накануне Ульрика послала къ Божиславу свою двоюродную сестру и повѣренную подругу Эмму фонъ-Далиць, бѣдную сироту, жившую изъ милости у богатыхъ родственниковъ; Ульрика поручила ей передать слѣдующее: если и весь міръ признаетъ его лучшимъ человѣкомъ, она не его выберетъ своимъ мужемъ, а только Адольфа, котораго она всегда любила и будетъ любить. Вотъ почему Божиславъ, потерявъ надежду получить возлюбленную, великодушно передалъ своему брату имѣніе, не имѣвшее для него никакой больше пріятельности.

Долго отказывался онъ отъ приглашеній своего счастливаго двоюроднаго брата, наконецъ, согласился, но только всего на восемь дней, которые превратились въ восемь недѣль, изъ недѣль образовались мѣсяцы, изъ мѣсяцевъ—годы. На свѣтъ являлось уже четвертое поколѣніе, которому былъ знакомъ живущій въ приморскомъ Долланскомъ домикѣ Божиславъ Венгофъ или же, какъ его обыкновенно звали, братецъ Бославъ. Въ этотъ домикъ, предназначенный сначала для караульни, онъ переселился послѣ первыхъ восьми дней, купивъ его у правительства за весьма умѣренную цѣну, вмѣстѣ съ нѣсколькими принадлежащими къ нему полями и лугами. Несмотря, однако, на то, что приморскій домикъ не принадлежалъ Доллану, но былъ исключительно собственностью брата Бослава, тѣмъ не менѣе послѣдній составлялъ одно общее съ обитателями Доллана. Сколько суевѣрныхъ бредней ходило по этому поводу и во всѣхъ этихъ розказняхъ братецъ Бославъ являлся то злымъ, то добрымъ геніемъ Доллана и преимущественно семьи Венгофа. Если предположить, что онъ былъ ихъ добрымъ геніемъ, все же не удалось ему предупредить всеобщаго раззоренія, а также и того, чтобы сынъ Адольфа и Ульрики, истый потомокъ фонъ-Далиць, не продалъ въ концѣ прошлаго столѣтія имѣніе Долланъ монастырю св. Юрлена въ Зюндинѣ, а самъ долженъ былъ довольствоваться тѣмъ, что могъ оставаться арендаторомъ тамъ, гдѣ прежде былъ владѣтелемъ. Братецъ Бославъ не могъ ничему воспрепятствовать, ни даже тому, что случилось впоследствии.

— Вотъ до чего можно затуманить себѣ голову этими старыми русказями, да шумомъ лѣса и журчаньемъ ручья,—говорилъ Готгольдъ про себя.—Мнѣ кажется, главной причиной всему змѣя съ своими огненными глазами, и я, по всей вѣроятности, находился еще подъ вліяніемъ ея магической силы. Теперь—конецъ ея владычеству! Вотъ тамъ сквозь вѣтви деревьевъ я вижу блестящее море, мое милое чудное море! Его свѣжее дыханіе охладитъ мою пылающую голову. А тотъ древній старикъ, живущій тамъ внизу,—какъ рано понялъ онъ слово — отреченіе, и отказался отъ власти, богатства, женской любви, лишь бы не поступиться своимъ собственнымъ я,—онъ-то и былъ лучшей и мудрейшей чловѣкъ!

Готгольдъ достигъ, наконецъ, берега, продолжая идти вдоль ручья, который, приближаясь къ мѣсту своего впаденія, дѣлался все быстрѣе и бурливѣе, образуя мѣстами маленькіе водопады, плещущіе и журчащіе тамъ, гдѣ теченіе воды задерживалось исполинскими папоротниками и густой роскошной травой. Направо, почти на оконечности косы, на двѣсти шаговъ вдававшейся въ море и покрытой, какъ и весь остальной берегъ, различной величины камнями, стоялъ домикъ брата Бослава. На одномъ изъ фронтоновъ, на длинномъ шестѣ развѣвался флагъ, тотъ самый, который Готгольдъ видѣлъ еще въ дѣтствѣ. Флагъ этотъ, первоначально шведскій, на которомъ отъ вѣтра и непогоды поблѣднѣли краски, да къ тому же множество заплатъ, появившихся на немъ, дѣлали его неузнаваемымъ, и даже судебная власть, которой вздумалось бы вдругъ вмѣшаться въ дѣла и поступки брата Бослава, врядъ ли могла бы уничтожить этотъ памятникъ чужеземнаго владычества. Но судебная власть не трогала его, и старый флагъ, развѣваемый вѣтеркомъ, весело шумѣлъ и трещалъ. Вѣтерокъ между тѣмъ все крѣпчалъ и сталъ еще сильнѣе въ то самое время, когда Готгольдъ остановился передъ низкимъ, сооруженнымъ почти изъ совершенно неотесанныхъ кампей, зданіемъ, дверь котораго обращена была на берегъ. Она была заперта. Невозможно было заглянуть въ маленькія окошечки, задѣланныя желѣзной рѣшеткой, ибо они были продѣланы подъ самой крышей, на разстояніи роста человѣческаго; одно изъ нихъ освѣщало кухню, другое—кладовую. Два другія окна побольше, обращенныя къ морю, прикрыты были крѣпкими желѣзными ставнями. Брата Бослава, по всей вѣроятности, не было дома.

— Что же? — сказалъ Готгольдъ,—когда спустя десять лѣтъ возвращаешься домой, нѣтъ ничего мудренаго въ томъ, если не найдешь на старомъ мѣстѣ того, котораго оставилъ восьмидесяти-лѣтнимъ старикомъ.

И все же онъ не могъ согласиться съ тою мыслью, чтобы старикъ умеръ. Онъ только что думалъ о немъ, какъ о живомъ, такъ ясно представлялъ въ своемъ воображеніи, какъ онъ бывало ходитъ большими ровными шагами, какого онъ былъ высокаго, стройнаго роста, однимъ словомъ, представлялся ему такимъ, какимъ онъ привыкъ видѣть его въ былое время. Нѣтъ, нѣтъ, чтобы этотъ старикъ исполинъ, — нѣтъ, онъ не могъ не протянуть такого короткаго промежутка времени. Къ тому же домъ и все находящееся вокругъ него, какъ, напримѣръ — небольшой дворъ, окруженный низенькой оградой, крошечный, обложенный раковинами, цвѣтникъ, ничто не было заброшено, напротивъ, все было въ порядкѣ и безукоризненно чисто, чего съ такую педантичностью придерживался всегда старикъ. Маленькій мостикъ внутри бухты, къ которому онъ имѣлъ обыкновеніе привязывать лодку, былъ, повидимому, исправленъ недавно, о чемъ Готгольдъ заключилъ по совершенно новымъ, недавно вдѣланнымъ доскамъ. Лодки, однако, не было, значить, братецъ Бославъ куда-нибудь уѣхалъ на ней. Последнее не было въ его привычкахъ, но развѣ онъ не могли измѣниться за все это время?

День послѣ полудня замѣтно подвинулся впередъ; дорога по теченію ручья отняла больше времени, чѣмъ предполагалъ Готгольдъ. Онъ рѣшилъ подождать брата Бослава, имѣя намѣреніе возвратиться къ надгробному памятнику и рисовать до захода солнца, а затѣмъ на ночь просить гостепріимства въ кузницѣ. Утромъ рано онъ разсчитывалъ еще разъ навѣстить стараго друга, надѣясь застать его дома; къ двѣнадцати часамъ въ Прору проститься съ Вольшовымъ и — дальше въ путь вмѣстѣ съ Іоахимомъ. Вчера еще пришло ему въ голову, не будетъ-ли лучше писать картину въ Прорѣ? Вѣдь завтра вечеромъ, какъ докладывалъ Іоахимъ, они пріѣдутъ изъ Плюггенгофа, а онъ ни въ какомъ случаѣ не желалъ бы подвергаться вторичной случайности встрѣтиться съ Карломъ Брандовымъ, чего такъ счастливо избѣжалъ сегодня утромъ.

Молодой человѣкъ расположился на высокомъ берегу подъ тѣнью буковъ, росшихъ здѣсь до самаго крутого берега. Онъ совсѣмъ не чувствовалъ голода, такъ какъ еще во времена своихъ студенческихъ поѣздокъ, привыкъ цѣлыми днями довольствоваться кускомъ хлѣба и глоткомъ вина изъ походной фляжки, но онъ чувствовалъ себя усталымъ отъ долгой ходьбы. Онъ лежалъ, надъ головой его шумѣли буки, а внизу — у каменистаго берега, пѣнящаяся волны напѣвали свою однообразную пѣсенку. Мало по малу глаза его сомкнулись, утомившись смотрѣть на безпредѣльную водную пустыню.

VIII.

Спустя нѣсколько часовъ послѣ рассказаннаго нами, въ степи показались два всадника, — это были Карлъ Брандовъ и Генрихъ Шеель. Они ѣхали отъ кузницы къ Доллану по той самой дорогѣ, по которой десять минутъ тому назадъ проѣзжали въ противоположномъ направленіи. Лошади бѣжали крупной рысью. Слуга шаговъ на двадцать отсталъ отъ своего барина, не изъ уваженія и не потому, конечно, чтобы лошадь его была хуже; напротивъ, это былъ чудный, темно-гнѣдой, породистый рысакъ, стоявшій несравненно дороже коня рыжей помѣси, на которомъ ѣхалъ самъ баринъ. Не одинъ встрѣченный удивился бы, видя благородное животное осѣдланнѣмъ для слуги! Но Генриха Шееля нельзя было назвать обыкновеннѣмъ всадникѣмъ: — онъ тщательно слѣдилъ за каждыѣмъ шагомъ лошади по неровной, ухабистой дорогѣ, не пропускалъ ей ни малѣйшей шалости, не отступая отъ правилъ, требуемыхъ при ѣздѣ въ манежѣ. Если онъ отсталъ, то лишь потому, что лошадь слѣдовало наказать за какую-то провинность.

Карлъ Брандовъ вдругъ осадилъ лошадь и, повернувшись назадъ, сказалъ: — Увѣренъ-ли ты въ томъ, что видѣлъ именно его?

— Говорилъ же я вамъ, что въ ста шагахъ прошелъ мимо, — сурово возразилъ Генрихъ Шеель, — я имѣлъ достаточно времени, чтобы разсмотрѣть его, онъ чуть-ли не цѣлый часъ стоялъ тамъ, наверху. Можно было подумать, что онъ приросъ на мѣстѣ.

— Такъ отчего же этотъ мошенникъ Іоакимъ утверждалъ, будто бы не знаетъ, гдѣ онъ?

— А, быть можетъ, онъ не знаетъ.

— Глупости!

Нѣсколько времени ѣхали они молча другъ подлѣ друга; баринъ пристально смотрѣлъ впередъ, слуга же время отъ времени поглядывалъ исподтишка на него. Немного погодя онъ ближе подогналъ свою лошадь и сказалъ:

— Почему же долженъ онъ знать? Не понимаю, право, чего это вы гоняетесь за нимъ, точно кошка за мышью!

— Ба!

— Отчего такъ рано вы уѣхали изъ Плюгенгофа? Совсѣмъ вѣдь мы загопjali нашихъ лысухъ! А почему дали вы мнѣ луидоръ, когда я сказалъ, что видѣлъ его?

— Я дамъ тебѣ еще шесть, если ты скажешь, гдѣ его найти, — воскликнулъ Карлъ, быстро поворачиваясь къ Шеелю.

— Гдѣ его найти? Чего проще — вотъ тамъ, въ приморскомъ домикѣ.

— Развѣ мнѣ можно искать его тамъ?

— Да! старикъ-то не поцеремонится угостить васъ пулей! Шесть луидоровъ! Знаете что, баринъ, сдается мнѣ, что долго придется ждать этой шестерки! Такъ ужъ и быть, скажу вамъ безъ денегъ, только позвольте проѣхать съ Броунлокомъ по болоту!

— Сумасшедшій!

— Я скорѣе проберусь черезъ болото, нежели вы черезъ гору! Ну-съ, идетъ?

Дорога здѣсь довольно круто поднималась по холму, одному изъ отроговъ пограничныхъ горъ; онъ тянулся на очень далекое разстояніе. Направо отъ холма, прорѣзывая наискось степь, находилось громадное болото, оканчивавшееся у самаго лѣса, гдѣ оно давало начало маленькому ручейку. Это былъ тотъ самый, вдоль котораго шель сегодня Готгольдъ, ручеекъ этотъ протекалъ черезъ лѣсъ, а затѣмъ впадалъ въ море. Надо предполагать, что когда-то вершина холма покрыта была тѣмъ же болотомъ, ибо волнообразная простирающаяся вдоль него поверхность земли оканчивалась у самаго берега стѣной; въ моментъ опущенія почвы она, вѣроятно, была довольно отвѣсной, но вода, сочившаяся въ продолженіи многихъ лѣтъ, мало по малу смывала землю и тѣмъ способствовала образованію неправильной покатости. Старая наѣзжанная дорога шла вдоль самаго края крутизны, вершина же холма устлана была большими камнями, дѣлавшими невозможнымъ проѣздъ въ экипажѣ,—только всадники да пѣшеходы кое-какъ пробирались тамъ. Не такъ было, вѣроятно, когда Адольфъ и Вокиславъ Венгофы ѣздили тутъ галономъ въ запряженномъ четверней экипажѣ; теперь же ни одинъ благоразумный человѣкъ не рискнулъ бы идти иначе, какъ пѣшкомъ. Іоакимъ Пребровъ былъ совершенно правъ, говоря, что ничего не стоило исполнить сумасбродное порученіе Курта и опрокинуть новобрачныхъ съ дороги, идущей вдоль крутизны.

Всадники остановились. Карлъ Брандовъ взглянулъ на холмъ, затѣмъ на болото.

— Сумасшедшій!—повторилъ онъ.

— Пусть себѣ и сумасшедшій!—петерильливо воскликнулъ Генрихъ Шеель,—такъ должно быть! Сегодня утромъ я былъ въ Зальховѣ; мнѣ хотѣлось слышать, что скажетъ Томсонъ,—тотъ все знаетъ! Онъ говоритъ, что для скачекъ нарочно отведено болотистое мѣсто и все изъ-за Броунлока. Все думаютъ, что онъ слишкомъ тяжелъ и вамъ придется сдѣлать кругъ. Неужели же вы хотите, чтобы побѣда такъ легко досталась Бесси? Что же! это будетъ съ руки графу Грибену и другимъ,—быть можетъ, и мнѣ.

— Ни тебѣ, ни мнѣ не будетъ это съ руки,—сказалъ Бран-

довъ; затѣмъ сквозь зубы проворчалъ:— теперь, собственно говоря, все равно!

— Прикажете?— спросилъ Генрихъ Шесль, замѣтивъ перѣшительность барина.

— По мнѣ, какъ хочешь!

Лучъ радости мелькнулъ на безобразномъ лицѣ Генриха Шесля. Прищипнувъ Броуилока, который уже давно стоялъ, закусивъ удила, и проѣхавъ галономъ шаговъ сто вдоль болота, онъ остановился и крикнулъ барину:

— Готово?

— Да!

— Впередь!

Броуилокъ сдѣлалъ громадный скачекъ и пустился по болотистой почвѣ. Онъ несся легко, едва касаясь копытами топкого слоя травы, откуда во все стороны такъ и летѣли водяныя брызги. Выпешный ходъ его не уменьшался, напротивъ, дѣлался все быстрее и быстрее; благородное животное точно чувствовало, что подъ нимъ находится бездонная пропасть и что дѣло идетъ не только о его собственной жизни, но и о жизни отважнаго сѣдока. Вотъ колеблющаяся почва стала тверже! Казавшееся невозможнымъ удалось! Броуилокъ переѣхалъ болото, значитъ, переѣдетъ и другое.

— Прочь сомнѣнiе!— прошепталъ Брандовъ.— Можно держать какое угодно пари! Неужели же мнѣ отдавать лошадь Плюгену и за какiе-нибудь пять тысячъ талеровъ! Дуракъ я, что-ли? А впрочемъ, вѣдь-ли онъ говорилъ серьезно! Деньги, однако, мнѣ нужны и во что бы то ни стало, я на все готовъ и на воровство, и на убiйство. Гей!

Разсуждая такимъ образомъ, онъ все слѣдилъ за Броуилокомъ и погонялъ лошадь галономъ, не обращая никакого вниманiя на дорогу. Вдругъ Рыжий, внезапно очутившись на самомъ краю обрыва, сдѣлалъ такой быстрый скачекъ назадъ, что по склону горы посыпался известнякъ и гравiй.

— Гей!— еще разъ крикнулъ Брандовъ, успокаивая пенуганную лошадь.— Едва не совершилъ я самоубiйства!

И вотъ онъ началъ осторожно спускаться по другой сторонѣ холма, гдѣ наткнулся на Генриха. Послѣднiй вздвiялъ взадъ и впередъ по окраинѣ болота, старался усюконить фыркавшаго рысака.

— Ну-съ! что скажете, баринъ!

— Что ты престоимыиный плутъ! Теперь, когда ты настоялъ на своемъ, скажи, гдѣ мнѣ его найти!

— Тамъ на верху, гдѣ могильный памятникъ,— отвѣчалъ Генрихъ.— Я ходилъ туда послѣ него и нашелъ что-то вроде ящика.

Онъ поставленъ былъ въ тѣни и въ замкѣ торчалъ ключикъ, — мнѣ и удалось разсмотрѣть, что тамъ лежали рисовальныя принадлежности. Въ шесть часовъ всегда бываетъ солнце тамъ, гдѣ въ полдень тѣнь. Навѣрное опъ теперь тамъ, на томъ же самомъ мѣстѣ.

— Зачѣмъ не сказалъ ты мнѣ всего сразу?

— Будьте довольны, что не сказалъ, — возразилъ Генрихъ, ласково трепая Броунлока по гибкой шеѣ. — Вы не знали бы, что вы на тысячу талеровъ богаче прежняго!

— Шесть часовъ, — сказалъ Брандовъ, поглядывая на часы.

— Теперь можете ѣхать и привозить его съ собой. Мнѣ надо отвести Броунлока домой. Сказать-ли барынкѣ, что сегодня вечеромъ у насъ будутъ гости?

— Я еще и самъ ничего не знаю.

— Какъ бы она порадовалась!

— Убирайся домой, да знай помалкивай!

По лицу Генриха пробѣжала отвратительная усмѣшка; онъ бросилъ пылливый взглядъ на Брандова, молча поворотилъ Броунлока въ другую сторону и медленнымъ галопомъ отправился домой.

— Отчего не разеказать ему всего? — говорилъ про себя Брандовъ, поворачивая лошадь къ лѣсу. — Проклятый мошенникъ, такъ и видитъ меня пасквозь! На всякій случай мнѣ нуженъ кто-нибудь, на кого я могъ бы положиться, а безъ него мнѣ не обойтись! Нельзя сказать, чтобы я охотно навязывалъ его себѣ на шею, да нечего дѣлать, — шансы тогда навѣрное будутъ на моей сторонѣ, и дуракъ я буду, если вздумаю долго церемониться!

Онъ пустился шагомъ по ухабистой, лѣсной дорогѣ, давъ полную свободу лошади; затѣмъ вынулъ изъ кармана письмо, найденное имъ полчаса тому назадъ у себя дома.

«Милостивый государь и другъ!

«Слѣдуетъ сообщить вамъ, что вчера въ засѣданіи непочетельства рѣшено было ни въ какомъ случаѣ не давать вамъ отсрочки, а напротивъ какъ устно, такъ и письменно потребовать отъ васъ непремѣннаго исполненія даннаго вамъ обѣщанія уплатить въ срокъ все 10.000 талеровъ. Скорблю душевно, что вынужденъ писать вамъ все это послѣ того, что вы сообщили мнѣ. Я почти увѣренъ, что вы, какъ чрезвычайно впечатлительный человѣкъ представляете себѣ ваше положеніе хуже, чѣмъ оно на самомъ дѣлѣ есть. На всякій случай вамъ не лишнее будетъ знать, какъ обстоятъ дѣла, — тогда вы можете съ пользою употребить тѣ восемь дней, которые вамъ остаются до срока и найти новый источникъ если старыи окончательно исчерпанъ.

«Такъ какъ мнѣ тѣмъ временемъ придется побывать въ нѣ-

которыхъ изъ нашихъ помѣстій, то позвольте пятнадцатаго захватить къ вамъ и предложить вамъ свои услуги относительно передачи денегъ, что избавить васъ отъ лишнихъ расходовъ. Можетъ случиться, что меня сопровождать будетъ жена моя. Я такъ много наговорилъ ей о чудномъ мѣстоположеніи Доллана, что она непременно желаетъ видѣть его и, кромѣ того, заранѣе радуется встрѣчѣ съ бывшими своими подругами—госпожей Вольновой въ Прорѣ и вашей супругой здѣсь. Смѣю надѣяться, что, по полученіи моего письма, вы вспомните обо мнѣ и о всегдашней искренней преданности моей вамъ и любезнѣйшей супругѣ вашей.

Гуго Селльпенъ».

«Р. S. Только что узналъ кое-что интересующее меня, а быть можетъ и васъ. Готгольдъ Веберъ, извѣстный пейзажистъ, пріѣхалъ въ Зюндинъ. Я года два тому назадъ познакомился съ нимъ въ Италіи; вы какъ-то въ разговорѣ сообщили мнѣ, что еще въ школѣ были друзьями. Отсюда онъ отправится въ Прору и нѣкоторое время пробудетъ въ окрестностяхъ. Безъ сомнѣнія, онъ посѣтитъ васъ, а вы въ свою очередь посѣтите его. Человѣкъ этотъ принадлежитъ къ тѣмъ людямъ, съ которыми всегда радъ пострѣчаться и для свиданія съ которыми готовъ даже сдѣлать лишній крюкъ».

Карль Брандовъ злобно разсмѣялся, спряталъ письмо въ карманъ и опять взялся за возки.

— Видно, самъ чортъ вмѣшался въ это дѣло! Съ тѣхъ поръ какъ онъ пріѣхалъ сюда, меня преслѣдуетъ одна и та же мысль:— одинъ онъ и можетъ только снасти меня. Почему? А потому должно быть, что дуракъ развѣ возьмется помочь мнѣ, а кто же видывалъ большого дурака, чѣмъ онъ? Утромъ сегодня я проѣхалъ подъ самымъ носомъ у него, ничего и не подозрѣвая, и вотъ всѣ точно сговорились помочь мнѣ папастъ на его слѣды, такъ тщательно скрываемые имъ. Ясно, кто былъ тотъ человѣкъ, котораго Іоахимъ не посмѣлъ назвать сегодня утромъ... онъ принадлежитъ къ тѣмъ людямъ, для свиданія съ которыми готовъ сдѣлать лишній крюкъ. Что за восхитительный сюрпризъ для нея!

Брандовъ снова захохоталъ,— смѣхъ его на этотъ разъ былъ еще злѣе, какъ вдругъ онъ оборвался, а всадникъ, закусивъ зубами нижнюю губу, принялся хлестать кнутомъ по торчавшимъ впереди него вѣткамъ.

— Какъ она поблѣднѣла, когда пасторъ объявилъ эту новость! И какъ старалась она, чтобы никто не замѣтилъ этого! Жаль,— трудно не замѣтить послѣ ежедневнаго сожителства въ продолженіи девяти или десяти лѣтъ. Какъ она посмотрѣла, когда я сталъ приготовляться къ отъѣзду, точно знала, въ чемъ дѣло! Всею дорогою

молчала она, несмотря на расточаемыя мною любезности. Она не вѣритъ больше моей любезности, ну, да и я не вѣрю. Надо вознаграждать и доставить ей удовольствіе за то, что такъ долго дѣлалъ ей непріятности изъ-за этого человѣка. А что если робкій пастушекъ играетъ въ прятки ради, нея, а не ради меня? Что же? тѣмъ легче будетъ водить его за носъ, тѣмъ веселѣе будетъ вся эта исторія! Впрочемъ, прежде чѣмъ пачинать томить ожиданіями моего мусью, поищемъ его лучше, а тамъ увидимъ!

Брандовъ спрыгнулъ съ сѣдла, привязалъ лошадь къ дереву и сталъ подыматься по узенькой тропинкѣ къ могильному памятнику.

IX.

Полчаса прошло съ тѣхъ поръ, какъ работалъ Готгольдъ. Съ рвеніемъ и жаромъ истаго художника относился онъ къ своему дѣлу, спѣша пользоваться тѣмъ часомъ, который, онъ зналъ, не возвратится вновь. Пусть небо и земля и море красуются завтра во всемъ своемъ великолѣпїи, пусть садится, ослѣпительно сверкающая, солнце, пусть тѣнь, падающая отъ холма, покрываетъ и долину и глубокій оврагъ, что ему до того?—онъ не возвратится сюда, не пожелаетъ наверстать пропущенное или пополнить начатое.

Готгольдъ сидѣлъ на одномъ изъ низенькихъ камней могильнаго памятника, на колѣняхъ у него лежалъ мольбертъ. Художникъ наслаждался красотою всего окружающаго и искусной рукой воспроизводилъ эту красоту. Краски на палитрѣ смѣшивались сами собой, съ каждымъ штрихомъ кисти изображеніе на полотнѣ все болѣе и болѣе, съ самой поразительной вѣрностью приближалось къ природѣ, чему радовался и даже удивлялся самъ Готгольдъ. Никогда не была такъ удачна его работа! Никогда желаніе и исполненіе не соединялись съ такимъ единодушіемъ! Никогда не былъ онъ такъ счастливъ великимъ сознаніемъ своей силы!

— И такъ, мечта моя превращается въ дѣйствительность! здѣсь только могу я сдѣлаться тѣмъ, къ чему предназначенъ природой,—говорилъ онъ.—На мнѣ оправдывается мудрый мнѣ объ Аптеѣ. Всѣ мы дѣти земли и не матери вина въ томъ, если мы убѣгаемъ отъ нея и стремимся къ далекому солнцу, гдѣ восковыя крылышки наши мигомъ таютъ подъ вліяніемъ его жгучихъ лучей. Такимъ точно Иваромъ и я былъ тамъ.

— Да, да!—вскричалъ онъ громко.—Римъ, Неаполь, Палермо! вы—рай для живописца! Что значитъ этотъ жалкій кусочекъ земли въ сравненїи съ вами! и все же онъ мнѣ дороже, неизмѣримо дороже васъ,—здѣсь моя родина!

— Здѣсь старый другъ спѣшитъ привѣтствовать тебя, — слышался звучный голосъ позади него.

Испуганный Готгольдъ обернулся.

— Карлъ Брандовъ!

Да, это былъ онъ — все такой же стройный и высокій! Онъ стоялъ, прислонившись къ скалѣ, на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ утромъ лежала змѣя, круглые и холодные глаза его, пристально устремленные на Готгольда, напомнили послѣдному такіе же холодные змѣиные глаза.

— Да, это я, — отвѣчала Карлъ Брандовъ, улыбаясь и подходя ближе къ Готгольду; какъ ни старался онъ привѣтливѣе улыбнуться, ему не удавалось, холодомъ вѣяло отъ него, да и рука, протянутая имъ, была также холодна. Готгольдъ перѣшительно отвѣчалъ на его рукопожатіе.

— Какимъ образомъ нашелъ ты меня здѣсь?

— Вѣдь я старый охотникъ, — возразилъ Брандовъ, улыбаясь и показывая рядъ бѣлыхъ зубовъ. — Ничто не ускользаетъ отъ меня, да притомъ еще въ моемъ собственномъ участкѣ. Хвалиться не буду, однако! Дѣло совсѣмъ просто. Еще недѣли двѣ тому назадъ зналъ я, что ты пріѣдешь; позже слышалъ я тоже самое у Плюггена изъ Плюггенгофа, у Отто Плюггена, — Штро — Плюггена, такъ зовутъ его въ отличіе отъ младшаго брата Густава Гей-Плюггена, который наследовалъ Гранзевицъ; тамъ былъ напѣ новый пасторъ. Онъ-то и рассказывалъ, что ты вчера былъ въ Раминѣ, откуда уѣхалъ въ Прору. Плюггенъ, по моей просьбѣ, тотчасъ же послалъ затобой экипажъ съ приглашеніемъ пріѣхать въ Плюггенгофъ. Тебя не застали, ты успѣлъ уже уйти въ Доллапъ вмѣстѣ съ Іоахимомъ Пребровымъ. Само собою разумѣется, я не могъ ни минуты долѣе оставаться въ Плюггенгофѣ, несмотря на то, что всѣ сѣли уже за столъ. Передъ этимъ рѣшено было встрѣтить тебя съ полными стаканами. Едва не загналъ я своихъ лошадей, а бѣдная жена моя провела всю дорогу въ смертельной тревогѣ, опасаясь, что ты уѣдешь, не дождавшись нашего возвращенія. Пріѣхали, наконецъ. Еще сидя въ каретѣ, спрашиваемъ о тебѣ, говорятъ — никого не было! Мы съ женой переглянулись въ страшномъ испугѣ.

— Кто-то сидитъ тамъ, наверху, у могильнаго памятника, — говоритъ вдругъ Генрихъ Шеель, мой управляющій, подходя къ нашей каретѣ.

— Весьма возможно! — говоритъ жена; — онъ, вѣроятно, узналъ по дорогѣ, что насъ нѣтъ дома и, не желая тратить времени напрасну, отправился къ могильному памятнику. Это всегда было его любимымъ мѣстомъ. — Не отвѣчая ей, отправился я за подозрительной трубой въ комнатку на мезонинѣ. Дѣйствительно, Генрихъ и

безъ подозрительной трубы былъ правъ, несмотря на то, что глаза у него косые. Я сошелъ внизъ, вскочилъ на лошадь и поймалъ того, кого ищу. Какой великолѣпный ланднафтъ! замѣчательно! ну-съ, а теперь прошу тебя собирать свои вещи. И завтра будетъ достаточно времени; сегодня довольно, даже слишкомъ довольно. Только художникъ въ состояннн высидѣть съ двѣнадцати часовъ и до этой поры!

Карлъ Брандовъ взвалилъ на плечи дорожную сумку Готгольда и хотѣлъ взять чемоданъ, куда тѣмъ временемъ послѣдннй уложилъ свои вещи.

— Погоди минутку! — сказалъ Готгольдъ.

— Ты можешь смѣло поручить мнѣ свои вещи!

— Нѣтъ, не то!

— А что же?

Готгольдъ колебался, но ему не было времени долго раздумывать.

— Дѣло вотъ въ чемъ, — сказалъ онъ. — Я никакъ не могу принять твоего приглашеннй, какъ бы любезно и искренно ни было оно.

— Богъ мой! почему же?

— Я поступлю худо какъ относительно себя, такъ и относительно тебя. Если я останусь въ Доллауѣ и притомъ въ твоёмъ домѣ, гдѣ ежеминутно и на каждомъ шагу буду жертвой тяжелыхъ воспоминаннй, то буду несправедливъ къ себѣ. Кто же не постарается избѣжать, если возможно, подобнаго испытаннй? Къ тебѣ — извини, Брандовъ, но я вынужденъ сказать тебѣ это. Всегда смотрѣлъ я на тебя, какъ на своего врага; въ свою очередь и мое отношеннй къ тебѣ ни единого часа до самаго сегодняшняго дня не было дружескимъ. Согласишься-ли ты пригласить въ свой домъ человѣка, завѣдомо нерасположеннаго къ тебѣ?

— Возможно-ли? — воскликнулъ Брандовъ. — Значить, дуракъ Плюгенъ и пасторъ были правы, говоря, что ты не пойдешь. Я же утверждалъ, что ты придешь, хотя бы только ради того, чтобы доказать всѣмъ, что ты остался тѣмъ же великодушнымъ человѣкомъ, какимъ и былъ всегда. Нѣтъ, Готгольдъ, не выставляй меня лжецомъ въ глазахъ глупцовъ-товарищей и имъ подобныхъ. Ты только дашь имъ возможность лишннй разъ посмѣяться надъ Карломъ Брандовымъ за то, что онъ то и дѣло изъясляетъ всевозможныя претензнн, а затѣмъ остается съ носомъ. Къ сожалѣнню, въ этомъ есть своя доля правды; я теперь не тотъ, какимъ былъ въ прежнее время; я ничтожный бѣдняга, вынужденный быть скромнымъ, но только не въ этотъ разъ, нѣтъ, нѣтъ, я не согласенъ. Дай же твою руку, старый дружище! Согласенъ? Вотъ видишь-ли я зналъ тебя лучше, чѣмъ ты самъ знаешь себя.

Они стали спускаться съ холма. Брандовъ ни за что не хотѣлъ допустить, чтобы Готгольдъ несъ свои вещи. Онъ шелъ и говорилъ, не переставая, поспѣшно и торопливо по своему обыкновенію. Готгольдъ подвигался впередъ, молча. Напрасно старался онъ стряхнуть гнетущую тоску, овладѣвшую и мыслями и чувствами его. О послѣднихъ онъ не смѣлъ говорить, изъ боязни показаться глупцомъ или фатомъ; сказать же просто—не хочу, онъ не желалъ, дабы не прослыть грубымъ, неделикатнымъ человѣкомъ. Не лучше-ли было, однако, избрать послѣднее, чѣмъ снова увидѣть ее?

Готгольдъ остановился, онъ задыхался.

— Здѣсь въ лѣсу страшно душно!—проговорилъ Карлъ Брандовъ.—Можно пройти ближайшимъ путемъ, стоитъ только спуститься по другой сторонѣ, тамъ есть еще дорожка, которая идетъ прямо полемъ. Обходъ приходится дѣлать изъ-за моего Рыжаго. Ишь, негодяй! стоитъ и бьетъ отъ нетерпѣнія копытомъ. Ну-съ, теперь,—en avant!

Брандовъ обмоталъ поводъ вокругъ руки, а Готгольдъ взялъ отъ него часть своихъ вещей и оба своротили на боковую тропинку. Она скоро привела ихъ къ полю. Оставалось пройти только два дуга, да большое ржаное поле, за которымъ видѣлось помѣстье. Все оно находилось уже въ тѣни, падающей отъ холма и покрывающей всю долину. Заходящее солнце освѣщало однѣ только верхушки громадныхъ деревьевъ въ саду и могучихъ тополей, съ трехъ сторонъ окружавшихъ дворъ. Окно комнатки въ мезонинѣ блестяло и сверкало при вечернемъ освѣщеніи. Готгольдъ еле-еле могъ отвести глаза отъ него,—ему все казалось, вотъ-вотъ, откроется оно и въ немъ покажется Сесилія; она станетъ грозить ему и говорить: «дальше! Бога ради, дальше!» Какъ-то разъ они вдвоемъ съ Куртомъ пріѣзжали въ субботу послѣ обѣда, чтобы провести здѣсь воскресенье; желая скорѣе достигнуть цѣли, они пустились бѣгомъ, черезъ остававшееся небольшое пространство. Такъ точно и теперь—волненіе его усиливалось съ каждымъ шагомъ; онъ ничего не слышалъ, что говорилъ его спутникъ.

А тотъ, если и говорилъ, то лишь съ единственною цѣлью скрыть отъ своего гостя тяготившую его заботу. Зачѣмъ не сказалъ онъ ей о своемъ намѣреніи, зачѣмъ боялся ея противорѣчія, ея радости при свиданіи? Не лучше-ли было въ свою пользу употребить послѣднее обстоятельство и черезъ Генриха приготовить ее къ посѣщенію, а не приказывать ему молчать? А что, если тотъ поступилъ по своему усмотрѣнію и далъ должное направленіе этому запутанному дѣлу? Онъ вѣдь умный человѣкъ и нерѣдко выводилъ его изъ затрудненія. А, впрочемъ, что же такое можетъ случиться, если онъ и внезапно появится съ нимъ? Неужели она осмѣлится

уличить его во лжи? Если она скажетъ вдругъ, что ничего не знала, что все это неправда? Отъ нея можно ждать всего,—но горе ей, если она осмѣлится на это!

— Вотъ мы и пришли! — сказалъ Карлъ Брандовъ, когда они остановились подъ старыми липами у самой двери дома.—Еще и еще разъ привѣтствую тебя въ Долланѣ!

Онъ говорилъ громко, повернувшись къ полуоткрытому окну, и вдругъ закричалъ со всей силой своего звучнаго голоса:

— Генрихъ! Фрицъ!—да гдѣ же это всѣ люди?

Въ домѣ ничего не двигалось и на дворѣ никто не показывался.

— Можно подумать, что сегодня воскресенье, — сказалъ Брандовъ. — Стоить только хозяину уйти изъ дома, какъ всѣ разбѣгутся, кто куда попало! Рика! Генрихъ! Фрицъ!

По двору приближался малорослый парень въ грязной, красной курткѣ и сапогахъ съ отворотами; въ ту же минуту на порогѣ дома показалась молодая дѣвушка. Брандовъ встрѣтилъ ихъ обоихъ бранью. Дѣвушка довольно рѣзко отвѣчала:—она была у барыни, та никакъ не можетъ успокоить ребенка, все плачетъ, рука болитъ.—Парень ворчалъ, ведя лошадь подъ уздцы:—онъ помогаль Генриху ухаживать за Броунлокомъ, у котораго, кажется, колики начинаются.

— Вотъ тебѣ и разъ! — вскрикнулъ Брандовъ. — Проклятый Генрихъ, это все онъ. Мнѣ необходимо на минуту оставить тебя, не желаешь-ли идти со мной?

И не ожидая отвѣта, Брандовъ быстро зашагалъ по двору, ему хотѣлось узнать, что случилось съ Броунлокомъ. Онъ былъ увѣренъ, что Сесилія занята съ ребенкомъ и наврядъ-ли скоро выйдетъ.

— Что такое случилось съ ребенкомъ?—спросилъ Готгольдъ.

— Она упала вскорѣ послѣ того, какъ барыня вернулась домой; вѣроятно, сломала себѣ руку,—отвѣчала дѣвушка, съ любопытствомъ вскинувъ глазами на незнакомца и поспѣшно уходя въ домъ.

Х.

Готгольдъ послѣдовалъ за нею въ сѣни, а оттуда въ комнату налѣво. Не останавливаясь ни минуты, Рика прошла дальше въ сосѣдную комнату, дверь которой поспѣшно притворила за собой. Послышался стонъ ребенка, а затѣмъ женскій голосъ, успокоивающій его. Это былъ ея голосъ. Готгольду показалось, что тонъ его былъ ниже и мягче прежняго; что касается ребенка — онъ плакалъ, и до слуха неясно доносилось лишь нѣсколько односложныхъ звуковъ.

— Бѣдное дитя! — прошепталъ Готгольдъ, — бѣдное дитя! Какъ желалъ бы я помочь тебѣ!

Онъ протянулъ руку къ двери, но тотчасъ же отдернулъ ее назадъ.

— Если дѣвушка сказала ей, что я здѣсь, то, по всей вѣроятности, она выйдетъ ко мнѣ на минутку. Впрочемъ, и Карлъ долженъ скоро вернуться.

Онъ подошелъ къ открытому окну и увидѣлъ пустой дворъ, а въ концѣ его то зданіе, куда такъ поспѣшно удалился Брандовъ. Странно, что онъ такъ долго оставался тамъ! Готгольдъ отвернулся отъ окна, — въ комнатѣ начинало темнѣть. Разсматривая машинально картины и мебель, гдѣ многое было ему такъ знакомо, онъ все время прислушивался къ тому, что дѣлалось въ сосѣдней комнатѣ. Тамъ все стихло, — и среди этой ужасной тишины особенно громко раздавался стукъ маятника старыхъ Шварцвальдскихъ часовъ, на которые онъ до той минуты не обращалъ никакого вниманія. Вотъ у окна зашумѣли липы, колеблемыя вечернимъ вѣтеркомъ!.. снова все стихло!.. онъ стоялъ, ничего не сознавая, и только чувствовалъ, какъ стучало у него въ вискахъ.

— Неужели же случилось какое-нибудь несчастье? — неужели же ребенокъ — нѣтъ, онъ долженъ убѣдиться, въ чемъ дѣло.

Едва направился онъ къ двери, какъ послѣдняя отворилась и въ комнату вошла Сесилія. Дѣвушка ничего не говорила ей о незнакомцѣ, она пришла затѣмъ, чтобы взять кусокъ полотна изъ корзины, стоящей у одного изъ оконъ. Тѣнь отъ широкаго трюмо падала прямо на Готгольда, — Сесилія не видѣла его; она шла впередъ, устремивъ взоръ на свѣтлое, открытое окно, пока не поравнялась съ нимъ. Вдругъ она остановилась и съ испугомъ протянула руки къ темной фигурѣ, стоящей у окна. Вечерняя заря освѣтила ея поблѣднѣвшее лицо и большіе, широко раскрытые, темные глаза.

— Это я, Сесилія!

— Готгольдъ!

Впослѣдствіи онъ никакъ не могъ дать себѣ отчета, какъ все произошло: онъ-ли протянулъ къ ней руки, или же она сама въ слѣдующій моментъ упала къ нему на грудь? но когда онъ пришелъ въ себя, оба они стояли у кровати больного ребенка.

— Гретхенъ играла съ дѣвушкой и незадолго до нашего возвращенія вдругъ упала... ручка у нея подогнулась. Сначала я думала, что она просто ушиблась, но становилось все хуже и хуже; теперь она не можетъ двигать рукой и плачетъ при малѣйшемъ прикосновеніи. Мнѣ кажется, она сломала ее, вотъ здѣсь, выше сустава.

Готгольдъ наклонился къ дѣвочкѣ, которая смотрѣла на него большими, испуганными глазами. Онъ узналъ въ нихъ глаза Сесилии.

— Ты—новый докторъ?—спросила дѣвочка.

— Нѣтъ, Грехтенъ, я не докторъ, но если ты очень любишь свою маму, то, конечно, позволишь мнѣ осмотрѣть твою ручку.

— Мнѣ такъ больно!—сказала Грехтенъ.

— Я не долго буду беспокоить тебя.

Готгольдъ осторожно взялъ маленькую ручку и началъ стигать и разгибать ее то въ плечевомъ, то въ локтевомъ суставѣ. Дѣвочка безпрекословно позволяла ему дѣлать все съ собою; затѣмъ онъ слегка согнулъ кисть руки,—дѣвочка тихо простонала. Готгольдъ положилъ ручку на одѣяло.

— Мнѣ кажется,—сказалъ онъ,—я могу безошибочно утверждать, что рука не сломана. Это ни болѣе, ни менѣе, какъ лишь сильное растяженіе жилъ. Я бы совѣтовалъ наложить простую повязку, она успокоитъ боль и не позволитъ двигать рукою. Этого будетъ совершенно достаточно, пока прійдетъ докторъ. Можно-ли мнѣ это сдѣлать?..

Несмотря на то, что онъ говорилъ шепотомъ, дѣвочка все ясно слышала.

— Позволь же ему, мама!—сказала она.—Мнѣ этотъ новый докторъ нравится гораздо больше прежняго.

Двѣ крупныя слезы скатились по блѣднымъ щекамъ Сесилии; на глазахъ Готгольда также навернулись слезы.

Онъ спросилъ, есть-ли подъ руками бинтъ, о которомъ онъ говорилъ? У Сесилии нашелся точь въ точь такой, какой ему былъ нуженъ. Сворачивая бинтъ, онъ говорилъ:

— Я вижу теперь, какъ хорошо дѣлалъ, когда въ бытность свою студентомъ, отчасти въ интересахъ искусства, отчасти же чувствуя истинную любовь къ изученію анатоміи, я посѣщалъ всевозможныя медицинскія коллегіи. Сколько разъ, благодаря моему, хотя и небольшому знанію, приходилось мнѣ подавать сильную помощь! Сколько разъ случалось, что никого не было подъ рукою, а положеніе бывало куда хуже теперешняго! Повторяю еще разъ,—я не вижу ни малѣйшаго слѣда опасности, и если нужно, готовъ, ни мало не задумавшись, принять на себя всю отвѣтственность.

— Я вполне довѣряю вамъ.

Губы Готгольда дрогнули. Съ первой и до послѣдней минуты говорили они другъ другу «ты», и даже въ продолженіи десятилѣтняго отсутствія, какъ во снѣ, такъ и на яву не называлъ онъ ее иначе!

Къ большому удовольствію Готгольда повязка была, наконецъ, наложена. Слезы утомили Гретхенъ, а такъ какъ боль стихла, то она склонила головку и приготовилась уснуть. Готгольдъ вышелъ изъ дѣтской въ первую комнату; и вотъ, когда онъ здѣсь въ темнотѣ искалъ свою шляпу, имъ овладѣло какое-то удивительное чувство.

Нельзя сказать, чтобы онъ забылъ о томъ, что хотѣлъ отыскать Брандова и передать ему о состояніи здоровья дѣвочки, но ему вдругъ представилось, что, сдѣлавъ это, онъ поступитъ неловко, что нѣтъ въ томъ никакой необходимости. Ему почему-то вообразилось, что Карлъ Брандовъ также мало интересуется своимъ ребенкомъ, какъ онъ, въ свою очередь, его лошадю; что все относившееся къ ребенку касалось лишь его лично, да Сесиліи, и что все это продолжается не одну какую-нибудь четверть часа, а было всегда и прежде и никогда и впредь иначе не будетъ.

Охваченный такимъ страннымъ, необъяснимымъ чувствомъ, онъ стоялъ неподвижно и только тогда пришелъ въ себя, когда Сесилія вошла въ комнату и, протягивая ему обѣ руки, быстро и шепотомъ проговорила:

— Благодарю тебя, Готгольдъ! и... я очень хорошо видѣла, что ты обидѣлся. Рика съ такимъ удивленіемъ посматривала на насъ,—она способна все истолковать по своему. Я же хотѣла въ послѣдній разъ поговорить съ тобою по прежнему... разъ что ты пришелъ сюда.

— Какъ все это странно звучитъ, Сесилія! мнѣ кажется, ты не желала, чтобы я приходилъ.

Онъ крѣпко держалъ ея руки, но она быстро выдернула ихъ, бросилась на стулъ у окна и съ отчаяніемъ схватилась руками за голову.

— Сесилія, ты не желала, чтобы я пришелъ?

— Нѣтъ, нѣтъ!—прошептала она,—я очень, очень желала видѣть тебя... столько лѣтъ... всегда; но ты не долженъ былъ приходиться! нѣтъ, ты не долженъ былъ приходиться!

— Что же! я могу опять уйти, Сесилія!

— Нѣтъ, нѣтъ!—воскликнула она, подымая голову.—Я не хотѣла сказать. Ты пришелъ... этого не измѣнишь... Ну, ты можешь оставаться... ты долженъ оставаться, до...

Она вдругъ смолкла; Готгольдъ, слѣдившій въ открытое окно за направленіемъ ея взгляда, увидѣлъ на заднемъ планѣ двора Карла Брандова, который только что кончилъ говорить съ Генрихомъ Шеедемъ и теперь поспѣшно направлялся къ дому.

— Онъ возвращается домой,—прошептала она,—что ты ему скажешь?

— Я не понимаю тебя, Сесилія!

— Онъ ненавидитъ тебя!

— Тогда я не понимаю, для чего онъ искалъ меня и такъ настойчиво приглашалъ къ себѣ, тогда какъ я никакого намѣренія не имѣлъ приходить сюда!

— Онъ искалъ тебя... приглашалъ тебя... невозможно!

— Тогда онъ меня... тогда онъ насъ... это не менѣе того невозможно!

— Невозможно!—повторяла она,—невозможно!

Смутная, неясная улыбка мелькнула на ея лицѣ.

— Такъ пусть же все останется, какъ было,—сказала она,—изъ этого слѣдуетъ, что все въ порядкѣ!

— Ага!—воскликнулъ Брандовъ, увидѣвъ ихъ у окна. Онъ послалъ имъ привѣтствіе рукой и прибавилъ шага. На порогѣ двери, не входя еще въ комнату, онъ продолжалъ:

— Итакъ, ты нашелъ ее? Вотъ такъ сюрпризъ, не правда-ли? А что я получу за это? Да, вотъ какъ надо хитрить! Женѣ—ни слова, то и дѣло упоминая о старой враждѣ и другихъ давно забытыхъ ребячествахъ; друга же подзадоривая тѣмъ, что жена моль-де будетъ на иглокахъ, пока онъ не придетъ. Такъ-то надо разставлять силки!

И онъ громко расхохотался.

— Ты разбудишь Гретхенъ,—сказала Сесилія.

— Да? А что такое съ нею?—спросилъ Брандовъ, стараясь говорить потише.—Надѣюсь, что ничего, та же исторія, что и съ Броунлокомъ,—много шума изъ пустяковъ. Куда ты уходишь, Сесилія?

Она встала и ушла въ спальню, тотчасъ же прикрывъ дверь за собою. Готгольдъ сообщилъ Карлу, какъ онъ нашелъ ребенка и что сдѣлалъ.

— Въ такомъ случаѣ слѣдуетъ немедленно послать за докторомъ,—сказалъ Брандовъ.

— Я не думаю, чтобы это было безусловно необходимо,—возразилъ Готгольдъ,—но если ты боишься...

— Я... боюсь? Боже меня сохрани! это было бы въ первый разъ въ моей жизни. Я все предоставляю женѣ своей, которая, разъ дѣло идетъ о ребенкѣ... ага, вотъ и ты! Готгольдъ говоритъ, что незачѣмъ посылать за Лаутербахомъ; я вполне согласенъ съ его мнѣніемъ, тѣмъ болѣе, что въ воскресенье Лаутербахъ никогда не бываетъ дома. Завтра я самъ туда ѣду и могу его привезти съ собой. Какъ думаешь?

— Не хочешь ли еще разъ взглянуть на Гретхенъ?—сказала Сесилія.

Съ этими словами обратилась она къ Готгольду, не обращая никакого вниманія на мужа. Готгольд послѣдовалъ за нею и оставилъ дверь открытою въ полной увѣренности, что и Брандовъ войдетъ вѣлѣдъ за ними, по послѣдній остановился на полдорогѣ. Опъ закусилъ нижнюю губу и смотрѣлъ на нихъ въ открытую дверь; оба стояли у кровати, наклонившись надъ ребенкомъ и въ сумеркахъ казалось, что лица ихъ соприкасались одно съ другимъ. Что это? они какъ будто что-то шепчутъ? .

Они говорятъ: онъ насъ обманулъ или что-нибудь въ этомъ родѣ... Цѣтъ! это Рика что-то сказала. Надо будетъ заставить дѣвчонку присматривать хорошенько! Въ общемъ, однако, слыло лучше, чѣмъ я ожидалъ.

И онъ направился къ спальнѣ, но на порогѣ остановился въ перѣплетности, боясь переступить черезъ него. Вдругъ онъ вздрогнулъ; — вся комната мгновенно озарилась голубоватымъ свѣтомъ, — это сверкнула молнія. Начиналась гроза, заканчивая собою душный, жаркій день. Послышались раскаты грома, въ саду зашумѣли деревья и вотъ крупныя капли дождя застучали по оконнымъ стекламъ.

Гроза давно ужъ стихла и было очень поздно, когда Готгольдъ, тихо и осторожно прикрывая свѣчу рукой, проходилъ по широкому, уставленному всевозможными вещами чердаку, направляясь въ мезонинъ, предназначенный ему для ночлега. Весь вечеръ просидѣлъ онъ съ Брандовымъ за бутылкой вина, въ той самой комнатѣ, что была направо изъ сѣней, и которая въ прежнее время предназначалась для самого хозяина дома. Брандовъ пожелалъ проводить его, но Готгольдъ отклонилъ это намѣреніе подъ тѣмъ предлогомъ, что и самъ прекрасно помнитъ, какъ пройти туда. Опъ при этомъ замѣтилъ, что двѣ пары мужскихъ сапогъ надвѣляютъ больше шума, чѣмъ одна, наверху же такъ громко раздается малѣйшій шумъ.

— Пожалуй, иди одинъ. Забота о другихъ всегда и во всемъ была на нервомъ плагѣ у тебя, — сказалъ смѣясь Брандовъ; — только смотри ты у меня, выспишься хорошенько, да и выкинь изъ головы свое намѣреніе ѣхать завтра; — этого не будетъ, сказано тебѣ разъ навсегда. Что же касается Іоахима Преброва, я распоряжусь, когда поѣду мимо кузницы; онъ можетъ совершенно свободно помѣститься на козлахъ, рядомъ съ Фрицомъ; вещи твои я возьму въ «Вияжескомъ Подворьѣ» и привезу съ собой. Раньше недѣли я не отпущу тебя, и будь то въ моей власти, ты бы навсегда остался здѣсь. Только гдѣ ужъ тебѣ согласиться на это! подобная жизнь для такого свѣтскаго человѣка, какъ ты, невыносима! Сегодня я наговорилъ тебѣ больше, чѣмъ допускается при-

личіями; въ присутствіи челоѣка твоего покрая съ болью въ сердцѣ воспоминается, чѣмъ могъ бы сдѣлаться и самъ и чѣмъ сдѣлался на самомъ дѣлѣ. Спокойной ночи, старина, желаю тебѣ приятныхъ сновидѣній.

И вотъ Готгольдъ снова въ уютномъ мезонинѣ, у открытаго окна! Но какъ жадно ни вливаетъ онъ влажный и прохладный ночной воздухъ, проникающій въ комнату черезъ смоченную дождемъ листву деревьевъ, все же не становится ему легче на дуиѣ; сердце тяжело и глухо стучитъ въ стѣпенной груди. Онъ походитъ на спящаго, которому видится тяжелый сонъ. Да и не былъ-ли это сонъ въ дѣйствительности? Неужели же онъ въ Доллапѣ? неужели же это онъ стоитъ наверху въ мезонинѣ? Онъ смотритъ внизъ и видитъ, какъ изъ окошка, находившагося какъ разъ подъ тѣмъ окномъ, гдѣ онъ стоитъ, падаетъ на деревья неясный и тусклый свѣтъ. Да, тамъ внизу ея комната, гдѣ она спала еще дѣвункой и гдѣ она теперь бодрствуетъ у постели своего ребенка и ребенка Брандова.

Готгольдъ опустился въ кресло и сжалъ руками нылающую голову.

Сильный порывъ вѣтра, съ шумомъ и свистомъ промчавшійся между лиственными деревьями, пробудилъ его отъ тяжелыхъ и болзненныхъ думъ. Съ ужасомъ приподнялся онъ съ мѣста;—онъ весь дрожалъ, какъ въ лихорадкѣ. Закрывъ окно и не раздѣваясь, бросился онъ на кровать. Свѣча, которую онъ принесъ съ собою, уже давно погасла. Это была та самая кровать, на которой онъ спалъ и мальчикомъ, и юношей; она стояла на прежнемъ мѣстѣ, что онъ хорошо замѣтилъ, какъ только вошелъ въ комнату. Онъ лежалъ и думалъ о томъ, когда онъ былъ здѣсь въ послѣдній разъ. Съ тѣхъ поръ прошло десять лѣтъ. Онъ пришелъ тогда, какъ только что начиналась утренняя заря, — первую же половину ночи онъ провелъ въ приморскомъ домикѣ брата Бослава. Два часа спустя, въ ожиданіи, когда все проснется, чтобы можно было проститься со всеми и затѣмъ уйти навсегда, онъ лежалъ здѣсь, на этомъ самомъ мѣстѣ, точно также прижимая къ подушкамъ свою нылающую голову и нигдѣ не находя себѣ покоя.

— И вотъ послѣ долгаго скитанія по свѣту я снова на томъ же мѣстѣ, въ той же узенькой комнаткѣ, такой же жалкій и несчастный! Нѣтъ, не такой, — но еще болѣе жалкій, еще болѣе несчастный!

Когда я разставался, тяжелы были сундуки и ларчики; когда я возвратился, все было пусто!

— Пусто, все пусто!—прошепталъ онъ.

И воскаленному и возбужденному его воображенію представилось вдругъ, что безутѣшныя слова эти начертаны на бѣлой стѣнѣ,

противъ его кровати, тамъ, гдѣ первый проблескъ утренняго разсвѣта еще смѣшивался съ мракомъ ночи.

XI.

И вотъ въ безмолвномъ Долланѣ потянулся цѣлый рядъ тихихъ однообразныхъ дней, изъ которыхъ каждый считался послѣднимъ днемъ пребыванія Готгольда. По странному стеченію обстоятельствъ, однако, всегда находилась какая-нибудь причина, заставлявшая его отсрочивать со дня на день свой отъѣздъ, — то являлась необходимость кончить начатый эскизъ, то на сцену выступала Гретхенъ, горько плакавшая о томъ, зачѣмъ дядя Готгольдъ уѣзжаетъ завтра въ самый день ея рожденія. Въ четвергъ къ Готгольду явился старый управляющій Меллеръ съ просьбой отъ рабочихъ принять участіе въ устройствѣ разныхъ невинныхъ забавъ для вечерняго праздника, по случаю окончанія жатвы. Въ пятницу пріѣхалъ архитекторъ отъ попечительнаго совѣта для съемки плана новаго дома и Брандовъ настоятельно пожелалъ слышать мнѣніе Готгольда относительно этого плана. На слѣдующій день нечего было и думать объ отъѣздѣ, — Брандовъ по дѣламъ долженъ былъ отлучиться на цѣлый день; послѣ завтра ассессоръ Сельенъ обѣщалъ пріѣхать вмѣстѣ съ женой, также Отто и Густавъ фонъ-Плюггенъ, зачѣмъ Редебасъ изъ Далица и еще кое-кто изъ сосѣдей. Ожидали цѣлое общество. Брандовъ написалъ рѣшительно всѣмъ, что Готгольдъ здѣсь, чему, безъ сомнѣнія, всѣ были очень рады. Однимъ словомъ, раньше понедѣльника не могло быть и рѣчи объ отъѣздѣ.

Готгольдъ ни минуты не сомнѣвался въ искренности всѣхъ этихъ приглашеній. На какомъ основаніи удерживалъ бы Брандовъ въ своемъ домѣ челоуѣка, къ которому онъ не чувствовалъ никакого расположенія? Возможно, конечно, и то, что здѣсь была извѣстная доля тщеславія, — быть можетъ, вмѣняя себѣ въ особенную заслугу свое гостепримство, желалъ онъ похвастаться имъ передъ своими друзьями. Еще въ школьныя времена имѣлъ онъ обыкновеніе придавать чрезмѣрную цѣну всему, что дѣлалъ, а также и вещамъ, которыя имѣлъ у себя. Случалось-ли ему водить своего гостя по хозяйству, или же показывать ему общій выгонъ для жеребятъ, или же ходить съ нимъ по полю, гдѣ паслись лошади, онъ то и дѣло говорилъ о своемъ главномъ наследственномъ недостаткѣ, — всѣ Брандовы таковы; привыкли летать высоко и всегда готовы были предложить вопросъ, какъ дорого стоитъ вся вселенная? Ну-съ, вселенная-то стоила дорожке, тѣмъ я предполагалъ, она стоила мнѣ всего, тѣмъ владѣли мои предки, всего, включая

сюда и доброе имя. Я говорю о добромъ имени вообще, а въ частности о репутаціи, — развѣ не пріятно имѣть репутацію человѣка, у котораго самыя лучшія лошади въ провинціи и который служить предметомъ зависти для графовъ и бароновъ? Посмотри-ка хорошенько на того жеребенка, вонъ тамъ на выгонѣ, — темно-сѣрый, около самага луга, — онъ только что поднялъ голову; это младшій братъ моего Броунлока, т. е. сводный братъ отъ Блэклока и Семирамиды. Если вѣрить Генриху Шеелю, онъ будетъ еще лучше. Надо тебѣ сказать, гдѣ дѣло касается лошадей, то Шеель никогда не ошибается.

Не предвидѣлось и конца разговорамъ, когда Брандовъ переходилъ къ своей любимой темѣ, главнымъ предметомъ которой обыкновенно были породистыя лошади. По его мнѣнію, всякій любитель и знатокъ обязательно долженъ былъ восхищаться ими. Готгольдъ послѣшилъ заявить съ своей стороны, что ему рѣдко приходилось встрѣчать болѣе красивыхъ и благородныхъ животныхъ, причѣмъ къ удивленію Брандова употребилъ нѣсколько самыхъ правильныхъ техническихъ выраженій, и несмотря, однако, на все это, онъ не могъ умолчать о томъ, что подобная страсть кажется ему слишкомъ убыточной для человѣка, находящагося въ такихъ обстоятельствахъ, какъ Брандовъ.

— Напротивъ, — воскликнулъ Брандовъ, — въ этомъ-то и кроется мое спасеніе. Броунлокъ — та же карта. Разъ эта карта побѣтъ и я — богатый человѣкъ!

— А если не побѣтъ?

— Броунлокъ самъ по себѣ составляетъ маленькое состояніе — 5.000 талеровъ, да что я говорю, — 10.000 талеровъ между нами!

— Теперь быть можетъ; ну, а если ты не возьмешь приза?

— Я не возьму приза? Съ Броунлокомъ не возьму приза? Хочешь биться объ закладъ? У меня въ книгѣ записано безчисленное множество пари, а въ случаѣ надобности, т. е. если найдется достаточно дураковъ, тогда доведу ставку до невозможнаго числа.

— Не желаетъ-ли увеличить мною твой списокъ дураковъ?

— Клянусь тебѣ Богомъ, — нѣтъ! я не согласенъ на пари съ тобою; я всегда ставлю рѣзкую границу между друзьями и врагами, а послѣдніе дорого заплатятся мнѣ, клянусь Богомъ, что заплатятся! Не хочешь-ли, я вотъ сейчасъ пройду по тому хлѣбному полю, тамъ все равно будутъ знать на этихъ дняхъ. Не велика бѣда, если мы и уничтожимъ нѣсколько колосковъ, гдѣ Броунлокъ вытопчетъ землю, тамъ вырастетъ золото.

Имя Броунлока упоминалось черезъ каждыя три слова, онъ былъ постояннымъ предметомъ всѣхъ мыслей и заботъ Брандова.

Едва выходилъ онъ изъ дому, какъ тотчасъ же направлялся къ великолѣпной конюшнѣ, гдѣ рысакъ помѣщался отдѣльно отъ всѣхъ прочихъ лошадей. Разъ двѣнадцать на день посѣщаль онъ его, а также полчаса ежедневно, подъ надзоромъ Генриха Шееля, объѣзжалъ его верхомъ на ристалищѣ, которое стоило ему страшныхъ денегъ и было исключительно устроено для скаковыхъ лошадей. Здѣсь были всевозможныя замысловатыя препятствія, совершенно по программѣ назначенныхъ на осень скачекъ, — узкіе и широкіе рвы, высокія и низкія изгороди, мѣста, поросшія низкимъ, густымъ дерномъ, или же, наоборотъ, глубоко вспаханная. Весело было смотреть, какъ Карлъ Брандовъ, сидя верхомъ на Броунокѣ, съ которымъ онъ составлялъ какъ бы одно цѣлое, безъ всякихъ усилий, точно играя, то неся по дерновымъ и пахатнымъ полямъ, то перелеталъ черезъ высокія изгороди и широкіе рвы.

— Врядъ-ли можно встрѣтить лучшаго и болѣе отважнаго всадника, — говорилъ Готгольдъ, — конечно, и въ моихъ глазахъ это имѣетъ кое-какое значеніе, но послѣдняго слишкомъ мало, коль скоро все этимъ только и ограничивается.

Дѣйствительно-ли все этимъ только и ограничивалось? — сотни разъ и ежедневно спрашивалъ себя Готгольдъ, повторяя безпрестанно, что ради собственнаго спокойствія онъ долженъ быть вполне справедливымъ и что въ будущемъ ему предстоятъ лишь одни страданія, если онъ уйдетъ изъ Доллана, унося съ собою слѣдующее убѣжденіе: — твое предчувствіе оправдалось, — мужъ возлюбленной твоей юности оказался человѣкомъ, который не стоитъ ся, или же, что еще того хуже, она вышла замужъ за недостойнаго человѣка.

Готгольдъ всѣми силами старался отогнать отъ себя одно мучившее его предположеніе! Онъ говорилъ себѣ, что для человѣка посторонняго весьма трудно вполне ясно опредѣлить отношенія между супругами и въ особенности, когда это третье лицо желаетъ быть безпристрастнымъ. Онъ говорилъ себѣ, что на мнѣніе Оттиліи Вольновой о супружествѣ Брандовыхъ онъ долженъ смотреть, какъ на обыкновенную болтовню одной пріятельницы о другой. Онъ припоминалъ, какъ часто самъ смѣялся надъ тѣми людьми, которые, домогаясь жены ближняго своего, начинали съ того, что отрицали всѣ заслуги и достоинства этого ближняго. Онъ внимательно прислушивался, когда Карлъ Брандовъ старался выставить себя въ наилучшемъ свѣтѣ или же представлялся несчастной жертвой извѣстныхъ обстоятельствъ.

— Мы съ тобою въ совершенно противоположномъ положеніи, — говорилъ Брандовъ; — ты былъ бѣднымъ юношей и, кажется, начиная съ самой школы, жилъ уроками, а для того, чтобы сдѣ-

латься художникомъ, вынужденъ былъ идти наперекоръ отцу и бороться съ нуждой. Ты въ потѣ лица своего добывалъ хлѣбъ свой, пока въ одинъ прекрасный день не проснулся вдругъ богатымъ человѣкомъ. Что касается меня, я еще съ дѣтства привыкъ къ той мысли, что мнѣ съ самаго рожденія моего приготовлено было все, дабы я могъ вкушать отъ сладкой трапезы жизни, а потому и нѣтъ ничего удивительнаго въ томъ, если въ одинъ прекрасный день исчезновеніе всего приготовленнаго показалось мнѣ крайне неожиданнымъ. Собственно говоря, я не такъ былъ виновенъ въ этомъ несчастіи, въ моихъ глазахъ, по крайней мѣрѣ, это несчастіе, — другіе, быть можетъ, думаютъ совсѣмъ иначе. Правда, въ академіи и во время моихъ путешествій я тратилъ больше, чѣмъ было необходимо, но ни прежде, ни послѣ я не переставалъ быть джентльменомъ; самой же главной причиной бѣдственнаго моего положенія была моя женитьба. Лицо твое выражаетъ полное недоумѣніе, что жъ? это вполне естественно. Ты, какъ старый приверженецъ Венгофовъ, хочешь противорѣчить мнѣ, — нѣтъ, любезнѣйшій, это тебѣ не поможетъ; я слишкомъ хорошо знаю, какъ все произошло. Не хочу ничего говорить о благородномъ Куртѣ, такъ какъ мнѣ пришлось лишь уплатить нѣкоторые университетскіе долги, что составляло сущую бездѣлицу для меня; старикъ же, который не настолько былъ еще старъ, чтобы не питать стремленія къ сладостямъ и утѣхамъ сей жизни, былъ для меня весьма неудобнымъ тестемъ. Я вовсе не жалѣю о томъ, что мнѣ пришлось взять на себя всѣ расходы относительно приданаго, разной мишуры и тому подобной дряни, — Богъ мой! кто изъ насъ не былъ готовъ хватать звѣзды съ неба, чтобы украсить ими свою возлюбленную и тѣмъ доставить ей удовольствіе? Не такъ было, къ сожалѣнію. Въ продолженіи послѣднихъ двухъ лѣтъ жизни моего тестя я передалъ ему нѣсколько тысячъ талеровъ наличными деньгами, да, кромѣ того, послѣ его смерти вынужденъ былъ уплатить не меньшее количество долговъ. Это тяжело, *mon cher*, когда лишняго не имѣешь. Вотъ такимъ-то образомъ и пошелъ къ чорту мой прекрасный Далицъ и я радъ былъ, что могъ пріютиться здѣсь въ Долланѣ. Недалекъ, однако, и тотъ день, когда и Долланъ также точно послѣдуетъ за Далицемъ къ чорту. Не имѣя собственнаго состоянія, трудно быть арендаторомъ даже самаго лучшаго имѣнія, а премудрые господа попечители монастыря Св. Юрина также дерутъ съ меня, какъ и съ моего тестя, который никогда не могъ раздѣлаться съ ними. Для чего собственно рассказываю я о всѣхъ этихъ бездѣлицахъ такому аккуратному человѣку, какъ ты? Помочь мнѣ ты ни въ какомъ случаѣ не можешь, а если бы и могъ, то, говоря, что у друзей не слѣдуетъ занимать, а то наживешь себѣ врага.

Готгольдъ боялся глубже проникнуть въ помыслы Брандова, когда тотъ изливалъ передъ нимъ свои жалобы, а также обратиться къ нему съ болѣе опредѣленнымъ предложеніемъ. Онъ рѣшилъ сдѣлать это въ послѣднюю минуту передъ отъѣздомъ, дабы по возможности сократить вынужденную роль великодушнаго спасителя, которая въ настоящемъ случаѣ такъ противна была его чувствамъ. Все остальное можно было устроить письменно.

Готгольдъ рѣшилъ твердо держаться своего послѣдняго намѣренія. Всѣ рассказы Брандова о своихъ обстоятельствахъ такъ сильно разнились одинъ отъ другого, что слушатель могъ извлекать изъ нихъ любое для себя заключеніе. То онъ говорилъ, что можетъ располагать тысячами, то—всѣ средства его окончательно истощены. Тому подобныя противорѣчія встрѣчались повсюду и въ хозяйствѣ и никакъ не могли укрыться отъ зоркаго глаза Готгольда. Вездѣ было или слишкомъ много или слишкомъ мало: рядомъ съ великолѣпными конюшнями жалкій скотный дворъ и развалившееся гумно; дорогая, новая сѣно-косилка и несчастный плугъ старинной конструкціи; въ саду грядки съ великолѣпными декоративными цвѣтами подлѣ засохшихъ плодовыхъ деревьевъ; новыя окна и двери въ старомъ, покосившемся, гниломъ домѣ, который еще десять лѣтъ тому назадъ слѣдовало уже снести и замѣнить новымъ; въ темныхъ, низенькихъ комнаткахъ рядомъ съ старымъ прагъдовскимъ скарбомъ Венгофскихъ временъ,—изящная мебель, пріобрѣтенная, какъ видно, на-дняхъ.

— Десять лѣтъ почти, какъ я женатъ, — говорилъ Брандовъ, — а у насъ все еще выгидитъ по холостому. Вездѣ такъ бываетъ, гдѣ устройство и порядокъ предоставлены мужу. Изрѣдка займется онъ этимъ, а тамъ снова все оставляетъ идти своимъ чередомъ; жена же моя, какъ ты, вѣроятно, и замѣтилъ, не заботится ни о чемъ.

Во всемъ, что говорилъ Брандовъ, не слышно было ни малѣйшей горечи; онъ даже до нѣкоторой степени старался извинить Сесилию, о которой всегда отзывался съ полнымъ уваженіемъ, даже и въ тѣхъ случаяхъ, когда слегка выражалъ свое порицаніе. Какъ бы истолковывая молчаніе Готгольда не въ пользу Сесилии, онъ прибавилъ, улыбаясь:—Что подѣлаешь! она вѣдь урожденная принцесса, и только, благодаря жестокой судьбѣ, сдѣлалась женою арендатора. Въ этомъ-то и все ея несчастье.

Въ этомъ-ли было несчастье Сесилии?

Менѣе внимательный и любопытный наблюдатель, говорилъ себѣ Готгольдъ, могъ, конечно, придти лишь только къ одному этому предположенію, въ пользу котораго говорило многое. Онъ припомнилъ, какъ изнѣжена была Сесилия своей кроткой, такъ рано умер-

шей матерью, какъ боготворилъ ее слабохарактерный отецъ! Какимъ высшимъ существомъ казалась сестра мягкосердечному брату! Какъ всѣ въ Долланѣ благоговѣли передъ милымъ, прелестнымъ ребенкомъ! Онъ вспомнилъ, какъ въ маленькомъ кружкѣ, составлявшемъ всю ея вселенную, всѣ ея желанія и расположеніе духа служили закономъ, которому всѣ охотно подчинялись и исполняли ея прихоти съ гордостью и радостью. Позже въ пансіонѣ повторилось тоже самое, о чемъ сообщила и жена Вольнова, и что вполне соответствовало его собственнымъ воспоминаніямъ. Такъ продолжалось до той минуты, когда счастливая, избалованная всеобщимъ поклоненіемъ, дѣвушка вступила въ супружество, которое, по тогдашнему ходу вещей, обѣщало ей богатую будущность, что, по всеобщему мнѣнію, было вполне справедливо по отношенію къ существу, надѣленному всѣми преимуществами. Сама же она признавала все случившееся въ порядкѣ вещей и не допускала мысли, чтобы могло быть иначе, но была увѣрена, что все это было исполненіемъ ея дѣвической мечты.

Мечты разлетѣлись, какъ дымъ!

Прошло десять лѣтъ и она снова въ томъ же старомъ домѣ, надъ мракомъ и ветхостью котораго она такъ часто смѣялась, и который съ тѣхъ поръ сталъ еще мрачнѣе и еще больше обветшалъ. Снова бродила она, но не одна, а съ ребенкомъ, подъ засохшими плодовыми деревьями, въ пустынномъ саду, окруженномъ одичавшими изгородами, откуда она, еще будучи ребенкомъ, такъ страстно стремилась къ парку Далиць! Передъ окномъ ея комнаты разстилается некрасивый видъ на тотъ же пустой дворъ съ полуразрушенными конюшнями и гумнами, которые отъ времени превратились въ развалины; горизонтъ ея по прежнему тѣсно граничитъ съ той же мрачной стѣнью да холмами, покрытыми лѣсомъ, за которыми въ воображеніи ея разстилается чудный, разнообразный міръ!—Здѣсь я задыхалась,—какъ-то разъ сказала она Готгольду. Не такъ-ли тоскливо и душно было и той бѣдной, засыпавшей дѣвушкѣ, когда розовая изгородь все выше и выше разрасталась подъ ея окномъ и мало по малу лишала ее то свѣта, то воздуха, то дыханія? Не походила-ли она и въ самомъ дѣлѣ на спящую красавицу, на полуоткрытыхъ устахъ которой играла во снѣ улыбка ожиданія и надежды.

Теперь же уста ея были сомкнуты; прелестное личико точно окаменѣло, и если, что случалось довольно рѣдко, по этому прекрасному, безжизненному лицу пробѣгала улыбка, это не была прежняя мечтательно-лукавая улыбка сказочной принцессы; она все еще была сладостна и нѣжна и въ тоже время такъ же ужасна, какъ и улыбка Медузы. Да, Медузы! Тщетно по цѣ-

лымъ днѣмъ ломалъ себѣ голову Готгольдъ надъ тѣмъ, что напоминало ему это странное выраженіе милого лица, пока не вспомнилъ, наконецъ; это было тоже самое предсмертное, болѣзненное подергиваніе рта, на которомъ носилось еще послѣднее дыханіе пылкой любви, та же самая ужасная неподвижность большихъ, томныхъ и влажныхъ глазъ. Въ такихъ глазахъ читается не то горе, которое можетъ быть приблизительно понято и оцѣнено, но безграничная скорбь, скорбь души, которая безвозвратно потеряла то, что составляло главную потребность ея жизни, и которая медленно и безвозвратно погибаетъ.

Было-ли это горе настолько безгранично, что даже имени не имѣло?

Готгольдъ зналъ имя этому горю, оно приняло для него видимый, осязаемый образъ: это былъ образъ стройнаго, изящнаго человѣка, такъ отважно перелѣтавшаго черезъ изгороди и канавы, и который по выдержкѣ, осанкѣ, лицу и разговору былъ настоящимъ джентльменомъ.

Былъ-ли онъ на самомъ дѣлѣ джентльменомъ? Да, говорилъ себѣ Готгольдъ; какъ ни суровъ его взглядъ, никогда не будетъ онъ преднамѣренно жестокъ съ нею; какъ рѣзко ни звучитъ его голосъ, онъ не позволитъ себѣ крикливыхъ, бранныхъ словъ; какъ судорожно не сжимается подчасъ его рука, онъ врядъ-ли осмѣлится ее поднять съ угрозой на нею. Довольно-ли бываетъ только рѣзкаго, грубаго обращенія, чтобы истерзать нѣжную душу? И что называется грубостью? Не случается-ли развѣ, что горячій человѣкъ въ пылу бушующей страсти доходитъ иногда до самыхъ дикихъ взрывовъ гнѣва, и все же, несмотря на это, успѣваетъ примириться съ оскорбленной супругой, ибо раскаяніе его бываетъ также непритворно, какъ непритворенъ былъ и гнѣвъ, который забывается при сравненіи съ другими прекрасными и великими достоинствами, которыя тѣмъ выше кажутся, чѣмъ ужаснѣе была буря, взволновавшая хотя суровую, но благородную душу.

Возможно-ли, однако, мириться съ холоднымъ равнодушіемъ, неспособнымъ ни на какое благородное чувство? съ тою ограниченностію духа, которая не признастъ другихъ вопросовъ, кромѣ вопросовъ о твоёмъ и моемъ, и не въ состояніи ни воспроизвести, ни постичь ни одной великой идеи? Что станется съ нею, если она не въ состояніи будетъ закрывать долѣе глаза на то, мысль о чемъ, какъ нѣчто грѣховное, она такъ долго старалась отклонить отъ себя? Если все чаще и чаще въ каждомъ взглядѣ, тонѣ голоса, въ каждомъ словѣ того, кого она такъ страстно когда-то любила, прочтешь она слѣдующее: «ты отдала свое сердце тому, у кого нѣтъ сердца; ты отдала свою душу тому, который не въ состояніи

отвѣчать тебѣ тѣмъ же; ты такъ беззавѣтно пожертвовала ему всѣмъ, а онъ изъ всего этого удержалъ лишь только то, что могъ купить и на невольничьемъ рынкѣ!»

Что станется съ нею, если у нея не душа рабыни?

— Вотъ что станется съ нею, — говорилъ Готгольдъ, — страстно жаждущая познаній дѣвушка, темные, блестящіе глаза которой всегда отражали неутомимую дѣятельность духа, на нѣжныхъ устахъ которой то раздавался серебристый смѣхъ, то полное смысла серьезное слово, тонкія нѣжныя руки которой были такъ искусны и такъ охотно принимались за всякій трудъ, — дѣвушка эта превратится въ женщину, совѣтъ другую, непохожую на нее. Женщина эта будетъ смотрѣть на весь міръ, какъ на какую-то мрачную, непонятную загадку; уста ея будутъ крѣпко сжаты, изъ боязни высказать горе, стѣсняющее ея грудь; руки ея будутъ спокойно сложены, ибо она разучится всему и все позабудетъ, что когда-то наполняло и украшало ея жизнь. Она позабудетъ всякій трудъ, ибо, какъ говорить ея мужъ, она не будетъ ни о чемъ заботиться.

Не всѣ одарены простосердечіемъ древняго героя, который въ ту самую минуту, когда думаетъ, что ошибся въ томъ, къ чему въ продолженіи многихъ лѣтъ стремился, долженъ вдругъ пересчитать, не стащили-ли у него мошенники Θεаки одинъ изъ его серебряныхъ или золотыхъ сосудовъ.

Что Сесилии въ томъ, будетъ-ли одинъ или два этажа въ новомъ домѣ, гдѣ она была бы также несчастна, какъ и въ старомъ? уменьшится-ли садъ на нѣсколько квадратныхъ сажень или нѣтъ? Онъ все еще будетъ достаточно великъ для того, чтобы Гретхенъ могла здѣсь гулять, — до всего же остального ей нѣтъ никакого дѣла.

Съ каждымъ днемъ Готгольдъ все больше и больше убѣждался въ томъ, что прошедшее навсегда погибло для нея. Она никогда не говорила съ нимъ объ отцѣ, о своемъ добромъ, нѣжномъ отцѣ, для котораго она была зѣницей ока, ни о своемъ братѣ, который ее такъ сильно, такъ сердечно любилъ, и печальная судьба котораго должна была бы до глубины души потрясти ее. Она никогда не упоминала о тѣхъ чудныхъ дняхъ, о которыхъ Готгольдъ вспоминалъ, какъ о потерянномъ райскомъ блаженствѣ. Прошедшее умерло для нея, будущее было пусто! — она заботилась лишь о своемъ ребенкѣ!

Да, о своемъ единственномъ ребенкѣ, составлявшемъ для нея все! Теперь только появля Готгольдъ ея странное поведение въ тотъ вечеръ, когда онъ пріѣхалъ, — ея страстное привѣтствіе, ея сбивчивую рѣчь, ея полную несдержанность! Видъ ея Гретхенъ

была больна, — так могла ли она понимать, что дѣлала и говорила! Въ ея безпомощной тоскѣ онъ явился утѣшеніемъ, поддержкой, ея спасеніемъ! Явись въ ту минуту старый пастухъ Христіанъ съ какой-нибудь цѣлебной мазью для ея ребенка, она также точно бросилась бы къ нему и обняла его.

Единственнымъ его достоинствомъ въ ея глазахъ было то, что онъ до нѣкоторой степени могъ быть ассистентомъ доктора Лаутербаха, который пріѣзжалъ черезъ день изъ Проры, также то, что она могла говорить съ нимъ о ребенкѣ, пока положеніе больной дѣвочки продолжало беспокоить ее. Теперь же, когда Гретхенъ, хотя еще и съ перевязанной бинтомъ ручкой, могла бѣгать и играть въ саду, изсякъ и послѣдній предметъ разговора съ нимъ. Ничего не было страшнаго въ томъ, что Готгольдъ по цѣлымъ часамъ сидѣлъ въ отдаленіи отъ нея, читалъ или рисовалъ что-нибудь. Прелестная дѣвочка то и дѣло бѣгала отъ одного къ другому, носила обоемъ сорванные ею цвѣточки и съ дѣтскими вопросами обращалась то къ мамѣ, то къ дядѣ Готгольду и тѣмъ какъ бы сплетала связь между обоими, разрывавшуюся при малѣйшемъ дуновеніи вѣтерка.

ХІІ.

Это было въ субботу послѣ обѣда. Уѣзжая рано утромъ, Брандовъ сказалъ Готгольду, что не вернется раньше вечера; случилось, по всей вѣроятности, что-нибудь нетерпящее отлагательства, вслѣдствіе чего онъ долженъ былъ оторваться отъ хозяйства, несмотря на такой спѣшный, рабочій день. На этотъ разъ Брандовъ очень запоздалъ съ уборкой ржи. Онъ никогда не держалъ надсмотрщика и все жаловался на стараго, глухого управляющаго Меллера, на котораго онъ будто бы не могъ положиться, — рабочіе, какъ въ полѣ, такъ и на гумнѣ, были совершенно предоставлены самимъ себѣ. Готгольдъ предложилъ было свои услуги присматривать за ними въ случаѣ, если Брандову необходимо будетъ отлучиться, по послѣдній на отрѣзъ отклонилъ это предложеніе, хотя прекрасно зналъ, какъ хорошо понимаетъ Готгольдъ это дѣло, какъ любятъ его рабочіе и какъ охотно будутъ они подчиняться ему.

— Достаточно того, что я вынужденъ быть невѣжей и оставить тебя на цѣлый день одного, не будь на меня за это въ претензіи. Ты знаешь, что я стараюсь по мѣрѣ возможности не утруждать своихъ друзей.

И, сказавъ это, онъ уѣхалъ. Готгольдъ собралъ все принадлежности для рисованія, чтобы имѣть предлогъ выйти изъ дому и отправиться бродить по лѣсамъ и степи. Онъ шатался безцѣльно

до самаго полудня и, наконецъ, отправился искать защиты отъ жгучихъ солнечныхъ лучей подъ тѣнью стараго дуба, растущаго у самой кузницы. Здѣсь старикъ Пребровъ и старшій братъ Іоахима Класъ Пребровъ пригласили его раздѣлить съ ними ихъ скромную трапезу, причѣмъ Готгольду въ сотый разъ пришлось выслушать давно извѣстные ему рассказы. Вдругъ онъ вспомнилъ, что старый рыбакъ Карлъ Петерсъ изъ Ралова говорилъ ему, что сегодня вечеромъ долженъ возвратиться братецъ Бославъ изъ своей поѣздки въ Зюндины. Карлъ Петерсъ зналъ это навѣрное, такъ какъ старикъ оставлялъ ему ключи отъ приморскаго домика, чтобы онъ могъ по вечерамъ зажигать лампу и сторожить ночью, да, кромѣ того, и сынь его уѣзжалъ съ братцомъ Бославомъ. Готгольдъ отправился къ приморскому домику, гдѣ усѣлся на высокомъ берегу подъ тѣнью буковъ, имѣя намѣреніе дожидаться прихода брата Бослава. Однако, морскія волны такъ однообразно и тоскливо шумѣли, ударяясь о берегъ, душный, солнечный день такъ медленно тянулся, да къ тому же онъ вспомнилъ, что теперь самое удобное время для того, чтобы идти къ ней и сказать ей, что онъ рѣшилъ, не дожидаясь понедѣльника, завтра же уѣхать изъ Доллана.

— Барыня и Гретхенъ въ саду, — сказала хорошенькая Рика; — вы должны хорошо знать, гдѣ она, да и Мины нѣтъ сегодня тамъ.

Готгольдъ спокойно взглянулъ на дѣвушку, быстро отвернувшись отъ него. Последнее замѣчаніе ея было, по меньшей мѣрѣ, излишнимъ, ибо садъ былъ не настолько великъ, чтобы трудно было розыскать кого-нибудь; что же касается Мины, доброй, но еще очень молодецкой дѣвочки, которая обыкновенно играла съ Гретхенъ, то Готгольдъ нисколько не интересовался тѣмъ, гдѣ она была. Слухъ его больше всего былъ неприятно пораженъ тѣмъ тономъ, которымъ говорила съ нимъ Рика. Много разъ и прежде удивлялся онъ, видя, какъ ея сѣрые, влажные глаза пытливо перебѣгали съ него на Сесилію и обратно, и какъ она нѣсколько разъ входила неожиданно въ комнату, предлагая все одинъ и тотъ же вопросъ, — не звали-ли ея? Онъ вспомнилъ замѣчаніе Сесиліи въ первый вечеръ его пріѣзда: «Она все перетолкуетъ по своему», и самъ отъ себя прибавилъ: — только бы ей нечего было передавать.

— Завтра конецъ ея удовольствію! — думалъ онъ, медленно подымаясь вдоль изгороди по направленію къ маленькой площадкѣ, обсаженной шпалерами дикаго терновника и украшенной цвѣточными клумбами.

Какъ только Гретхенъ увидѣла его, тотчасъ же бросилась къ нему навстрѣчу.

— Дядя Готгольдъ, гдѣ ты былъ? Что ты принесъ?

Онъ имѣлъ обыкновеніе, возвращаясь съ прогулки, приносить дѣвчкѣ то рѣдкій цвѣточекъ, то какой-нибудь камешекъ чрезвычайно странной формы, или вообще что-нибудь особенное. Сегодня въ первый разъ забылъ онъ объ этомъ, за что Гретхенъ очень обидѣлась на него.

— Я тебя больше не люблю!—сказала она, убѣгая назадъ къ матери, затѣмъ, поднявъ головку съ ея колѣнъ, продолжала: — И мама совсѣмъ, совсѣмъ не будетъ тебя любить!

Готгольдъ поздоровался съ Сесиліей и сѣлъ недалеко отъ нея на другую скамейку, что дѣлалъ всякій разъ, когда она не предлагала ему занять мѣсто подлѣ себя. Сегодня она не пригласила его, но молча, не отрываясь отъ работы, подала ему руку. На этотъ разъ онъ какъ-то особенно былъ огорченъ этимъ. Присмотрѣвшись внимательно, онъ замѣтилъ, что у нея красныя вѣки. Что это? она какъ будто хочетъ скрыть отъ него слѣды слезъ? хочетъ скрыть, что плачетъ? значить, безжизненный взглядъ, которымъ она, не обращая на него никакого вниманія, взглянула на ребенка, игравшаго въ глубинѣ сада, не былъ единственнымъ выраженіемъ ея чудныхъ, когда-то оживленныхъ тихимъ огнемъ глазъ?

— Нѣтъ, я не въ состояніи долше выносить это, — прошептала молодой человекъ.

Онъ всталъ и направился къ Сесиліи, которая при его приближеніи тщательно подобрала платье, несмотря на то, что на большой скамейкѣ было еще достаточно мѣста.

— Сесилія, — сказалъ онъ, — я почти пообѣщавъ остаться до понедельника, но вспомнилъ, что завтра пріѣдутъ супруги Селльенъ и останутся здѣсь ночевать; быть можетъ, и еще кто-нибудь соберется, а помѣщеніе ваше не такъ обширно...

— Ты хочешь уѣхать?—перебила его Сесилія;—зачѣмъ же не говоришь этого прямо?

Когда Готгольдъ обратился къ ней, она подняла глаза и посмотрѣла на него такимъ быстрымъ и болѣзненнымъ взглядомъ, что сердце его сжалось отъ боли и, однако, она отвѣчала ему спокойнымъ, хотя беззвучнымъ голосомъ, даже улыбнулась и снова принялась за работу.

— Когда ты уѣзжаешь? — продолжала она послѣ небольшой паузы, видя, что Готгольдъ молчитъ и не можетъ отвѣчать.

— Я думалъ уѣхать завтра рано утромъ, — возразилъ Готгольдъ; ему показалось, что эти слова произнесъ не онъ, а кто-то другой. — Карлъ сказалъ мнѣ, что онъ завтра утромъ будетъ посылать свой экипажъ.

— Завтра утромъ!

Она положила работу на колѣни, прикрыла на минуту глаза правой рукой, между тѣмъ какъ пальцы лѣвой руки, въ которой она держала работу, судорожно сжимались. Вотъ, наконецъ, правая рука ея тяжело упала внизъ, и она, сдвинувъ брови и устремивъ впередъ неподвижный взглядъ, продолжала тѣмъ же глухимъ голосомъ:—У меня нѣтъ причины удерживать тебя.

— Причина можетъ быть одна,—если ты желаешь видѣть меня здѣсь,—возразилъ Готгольдъ.

Ему показалось, что она не разслышала его словъ, но онъ ошибся. Сесилія молчала до тѣхъ поръ, пока не была увѣрена въ томъ, что не заплачетъ, а будетъ въ состояннн говорить спокойно. Нѣтъ! она не хотѣла плакать! она не должна была плакать! ей удалось овладѣть собою.

— Ты самъ хорошо знаешь, что я желаю тебя видѣть, но это не можетъ быть главной причиной, чтобы удерживать тебя. Я слишкомъ хорошо знаю, какъ здѣсь скучно и однообразно должно казаться тѣмъ, кто не привыкъ къ такой жизни, а въ нѣсколько дней не такъ-то легко съ ней свыкнуться,—для этого нужны годы, цѣлые годы. Вотъ почему я не приглашаю никого; я не думаю, чтобы охотно посѣщали меня, и никого не удерживаю, ибо вполне увѣрена, что всѣ бывають рады уйти отсюда. На какомъ же основаннн должна я относиться къ тебѣ не такъ, какъ къ другимъ?

— Само собою разумѣется! Не могу же я быть для тебя больше другихъ!

— Больше другихъ? Что это значитъ? Не потому-ли ты это думаешь, что мы давно знаемъ другъ друга, что въ юности мы были друзьями? Что съ того? И что такое юношеская дружба? Развѣ мы остались такими же, какъ были? Ты, быть можетъ, въ главныхъ чертахъ, по крайней мѣрѣ, я же похожу на прежнюю Сесилю такъ же мало, какъ дѣйствительность—на иллюзнн; и если бы... теперь я замужемъ, а замужняя женщина не нуждается ни въ какомъ другѣ... ни въ какомъ другѣ, если она любитъ своего мужа, а если не любить...

— Возьмемъ послѣдннй случай, — сказала Готгольдъ, когда Сесилія внезапно смолкла.

— Этотъ случай не такъ простъ, какъ тебѣ кажется,—возразила она, разматривая свою работу,—бываетъ множество разнообразныхъ случаевъ. Возьмемъ слѣдующнй: если несмотря ни на что, онъ все-таки ее любитъ, какая же мало-мальски порядочная женщина можетъ оставаться нечувствительной и неблагодарной за такую преданную любовь! Предположимъ теперь такъ,—онъ ее не любитъ, и она его не любитъ, вѣдь было же время,

когда она его любила! Здѣсь все зависитъ отъ того, какъ воспитана женщина; если у нея нѣтъ женскаго достоинства и совѣсти, она во всемъ откроется своему другу, и тотъ въ концѣ концовъ станетъ ея возлюбленнымъ. Если же у нея есть чувство собственнаго достоинства, она... не знаю, что она сдѣлаетъ, но мнѣ кажется, скорѣе согласится она скрыться въ самыхъ глубокихъ нѣдрахъ земли, чѣмъ пойти и сказать кому бы то ни было: я несчастна!

— А если ей не нужно будетъ идти никуда, если несчастье ея сказывается въ чертахъ ея лица, видно въ глазахъ, звучитъ въ каждомъ звукѣ ея голоса?

Какая-то тѣнь пробѣжала по лицу Сесилии; еще тщательнѣе стала она разглаживать швы своей работы и продолжала безстрастнымъ, равнодушнымъ голосомъ:

— Кто это можетъ сказать? Кто такъ проницателенъ, что, не ошибаясь, можетъ читать мысли человѣка по его лицу? Не принимаетъ-ли онъ лицо другого за отраженіе своего собственнаго тщеславія? Говоря по истинѣ, мы съ тобой выбрали отвратительнѣйшій предметъ разговора. Скажи мнѣ лучше, куда ты теперь отправляешься и гдѣ намѣренъ поселиться? Ты не возвратишься больше въ Италію? Мнѣ показалось, будто бы ты объ этомъ недавно говорилъ.

— Благодарю тебя за твое участіе, — возразилъ Готгольдъ дрожащимъ голосомъ, — но пока я еще ничего не рѣшилъ. Когда я покидалъ Римъ, я во всякомъ случаѣ намѣренъ былъ нѣкоторое время остаться здѣсь на сѣверѣ и попытаться возвратитъ себѣ свою родину. Попытка моя врядъ-ли удалась, да, пожалуй, можно сказать, что она не удалась.

— Ты, мнѣ кажется, слишкомъ поспѣшно рѣшаешь подобный вопросъ, — сказала Сесилия, — впрочемъ, онъ имѣетъ, конечно, важное значеніе только для насъ, обыкновенныхъ людей, вы же, художники, нашли себѣ родину въ собственномъ искусствѣ, которое и сопровождаетъ васъ повсюду.

— И все же я думаю, что искусство наше въ нашей родинѣ, — возразилъ Готгольдъ.

— То есть?

— Художникъ, по моему, только на своей родинѣ и можетъ достигъ той высокой степени развитія, на которую имѣетъ право по своему таланту. Я вывожу это заключеніе изъ исторіи всѣхъ искусствъ вообще; искусство только тамъ и развивалось, гдѣ художники были настолько счастливы, что могли пользоваться матеріаломъ той страны, гражданами которой они были и того времени, въ которомъ они жили, ибо въ этомъ смыслѣ и время есть

родина художника. Да, счастливы они, если имѣютъ возможность развивать свой талантъ, пользуясь матеріалами своей родной страны! Я вывожу тоже заключеніе изъ моего собственнаго наблюденія, которое показало мнѣ, что тѣ, кто не на своей родинѣ, — я подразумеваю и мѣсто и время, — съ самаго начала искали матеріала, за рѣдкимъ исключеніемъ бывали истинными художниками. Они были диллантами или подражателями, или же просто на просто шарлатанами, которые своими искусственными и вполнѣ пустыми, безъ всякаго значенія, воспроизведеніями истинной жизни вліяли на толпу людей посредственныхъ, къ которымъ и сами по существу принадлежали.

Говоря о томъ предметѣ, отъ котораго онъ такъ далекъ былъ въ настоящую минуту, Готгольдъ хотѣлъ только, чтобы улеглось волненіе, поднявшееся въ его душѣ, хотѣлъ скрыть его отъ блѣдной, серьезной женщины, сидѣвшей рядомъ съ нимъ. Увлеченный, однако, близкой ему темой онъ сначала говорилъ лишь съ нѣкоторой живостью, но подъ конецъ вполнѣ отдался своему чувству, на что до той минуты не считалъ себя способнымъ. Сперва разсѣянно, затѣмъ все съ большимъ и большимъ интересомъ слушала его Сесилія и въ темныхъ глазахъ ея блеснулъ лучъ прежняго огня, когда она спросила:

— Насколько все сказанное относится къ тебѣ лично?

— Насколько сказанное относится ко мнѣ? для меня было несчастьемъ, что я, во-первыхъ, вслѣдствіе несчастнаго раздора съ отцомъ и... вслѣдствіе другихъ грустныхъ воспоминаній, о которыхъ не стоитъ говорить... для меня было несчастьемъ, повторяю я, что я былъ изгнанъ изъ своего отечества въ ту самую минуту, когда я менѣе всего могъ обойтись безъ него. Я лишился цвѣтговъ, которые въ дѣтствѣ искалъ на лугахъ, — деревьевъ, подъ тѣнью которыхъ игралъ мальчикомъ, слѣдя за солнечными лучами или за каплями дождя, пробивающимися сквозь густую листву ихъ громадныхъ вершинъ. Я лишился родного неба, которое такъ измѣнчиво, — то радостно улыбается, то бываетъ невыразимо мрачно, то безгранично грустно, — моря по гладкой, освѣщенной вечерней зарей или взволнованной темными, черными волнами поверхности котораго такъ часто мчалась фантазія юноши, туда далеко, въ горную обитель или въ мрачное, туманное царство сновидѣній о битвахъ и герояхъ. Все это, какъ и видимые, осязаемые предметы, такъ и мечты, могъ бы я воспроизвести на полотнѣ, на радость и утѣху тѣхъ, кому мои картины служили бы чуднымъ напоминаніемъ дѣтства и юности. То же, что я воспроизвелъ до сихъ поръ, не отдаваясь тому всей душой, не можетъ быть въ лучшемъ случаѣ ничѣмъ инымъ, какъ только блестящей погрешкой.

— Почему же вы, художники, такъ стремитесь въ чужія страны?—спросила Сесилія.

Въ ней снова проснулась прежняя любознательная дѣвушка. Темные глаза ея блестяли, тонкая улыбка блуждала на нѣжныхъ устахъ.

— Я смотрю на это, какъ на слѣпое, непонятное стремленіе, — возразилъ Готгольдъ.— Во всякомъ случаѣ, мой совѣтъ молодымъ художникамъ отправляться въ Римъ только тогда, когда они будутъ твердо стоять на ногахъ, а не то они могутъ сдѣлаться игрушкой случайнаго теченія. Возьмемъ Гете, напримѣръ, — прежде чѣмъ ѣхать въ Италію, онъ долго издавалъ свой журналъ отечественныхъ наукъ и искусствъ, и самъ давнымъ давно прославился среди литераторовъ и художниковъ. Тогда-то онъ могъ, сидя подъ кедрами сада виллы Боргезе спокойно продолжать своего Фауста и, наконецъ, возвратиться назадъ, собравъ богатые сокровища своихъ наблюдений о странѣ и людяхъ и о томъ, что въ продолженіи тысячелѣтій создано было людьми подъ этимъ чуднымъ небомъ. На родину онъ возвратился, оставаясь въ глубинѣ своей артистической души тѣмъ же, чѣмъ и былъ. Видишь-ли, Сесилія, въ республиканскомъ искусствѣ происходитъ то же, что и въ государствѣ. Какой гражданинъ можетъ обозрѣть всѣ отношенія государства, если онъ не изучитъ сначала болѣе узкія отношенія общественной жизни? Кто можетъ устроить что-нибудь дѣльное въ общинѣ, если не научился управлять своимъ собственнымъ домомъ, если не научился руководить своей семьей и самимъ собой?

Во время разговора къ нимъ подошла Гретхенъ, которую Сесилія посадила къ себѣ на колѣни; дѣвочка сидѣла совершенно спокойно, какъ бы понимая, что не слѣдуетъ мѣшать разговору. Когда Готгольдъ замолчалъ, она сказала:

— Знаешь-ли, мама, я люблю дядю Готгольда больше, чѣмъ папу.

Яркая краска разлилась по лицу Сесиліи; она сдѣлала быстрое движеніе, желая спустить съ колѣнъ Гретхенъ, но дѣвочка не такъ-то легко соглашалась уступить. Она обняла мать здоровой ручкой и продолжала, ласкаясь:

— Не правда-ли, мама? у него такіе голубые глаза, и онъ всегда такъ добръ съ тобою, а папа бываетъ такой дурной, не правда-ли?

Сесилія встала и, продолжая держать дѣвочку на рукахъ, быстро сдѣлала нѣсколько шаговъ впередъ, точно собиравъ бѣжать оттуда. Колѣни ея подогнулись, — она не въ состояніи была держать Гретхенъ на рукахъ и послѣднимъ усилиемъ спустила ее на землю. Испуганная стремительнымъ движеніемъ матери дѣвочка расплака-

лась и убѣжала, но тутъ же и позабыла свое горе, гоняясь за пестрыми бабочками, которые перепархивали съ одной цвѣточной клумбы на другую. Сесилія между тѣмъ продолжала стоять, отвернувшись отъ Готгольда.

— Сесилія!—сказалъ онъ.

Она обернулась и онъ увидѣлъ безжизненное лицо Медузы.

— Сесилія!—воскликнулъ онъ, протягивая къ ней руки.

Она не сдѣлала никакого движенія, чтобы отстранить его; она стояла, не двигаясь съ мѣста,—безжизненное лицо ея и полуоткрытыя губы судорожно подергивались. И вотъ, наконецъ, медленно полились слова одно за другимъ, точно капли крови изъ смертельной раны.

— Я не пуждаюсь въ твоёмъ сожалѣнн, слышишь-ли ты? Я не давала тебѣ права сожалѣть меня, ни тебѣ и никому другому. Зачѣмъ же ты меня мучишь?

— Я не буду больше тебя мучить, Сесилія, вѣдь я сказалъ, что уйду.

— Такъ зачѣмъ же ты не уходишь? зачѣмъ говоришь со мною о такихъ вещахъ? со мной! Не хочешь-ли свести меня съума? Я не желаю быть безумной!

— Это и безъ того безуміе!—страстно заговорилъ Готгольдъ.— Если ты его не любишь... а ты не любишь его, не можешь его любить... ни божескій, ни человѣческій законъ не могутъ принудить тебя оставаться здѣсь, истекая кровью и погибая отъ безграничной тоски! И также мало, какъ ты его, любить и онъ тебя!

— Онъ тебѣ сказалъ это?

— Развѣ это необходимо говорить?

— Поклянись мнѣ честнымъ словомъ, Готгольдъ, что онъ тебѣ сказалъ это!

— Сесилія...

— А если онъ меня любитъ!.. если я его люблю? Какъ смѣешь ты говорить со мною такъ, какъ сейчасъ говорилъ? Какъ смѣешь ты молчаніемъ своимъ изобличать меня во лжи, унижать меня въ моихъ собственныхъ глазахъ? Вотъ она, твоя прославленная дружба!

Готгольдъ склонилъ голову и приготовился уходить. Грехенъ прибѣжала къ нему навстрѣчу.

— Ты уходишь, дядя Готгольдъ?

Онъ высоко приподнялъ дѣвочку, поцѣловалъ ее, тотчасъ же снова спустилъ на землю и направился къ выходу.

Безъ слезъ, устремивъ неподвижный взоръ въ ту сторону, гдѣ между кустами скрылся Готгольдъ, стояла Сесилія.

— Навсегда!—прошептала она,—навсегда!

XIII.

Когда Готгольдъ подошелъ къ деревянной, осѣненной полуизсохшей липой, рѣшетчатой калиткѣ, которая черезъ помятый, одичалый терновникъ вела изъ сада, онъ со страхомъ взглянулъ на освѣщенные солнцемъ поля и на лѣсъ. Ему невыразимо тяжело было встрѣтиться съ кѣмъ-нибудь, останавливаться и отвѣчать на поклоны и вопросы. Никого не было видно, всѣ были на большемъ ржаномъ полѣ, откуда сегодня цѣлый день возили рожь. Дорога къ близкому лѣсу была совершенно свободна.

Солнце невыносимо жгло и раскаленный воздухъ носился надъ пшеницей, которая начинала уже желтѣть; здоровые, крупкіе стебли ея не шевелились, въ воздухѣ не чувствовалось не малѣйшаго вѣтерка. Съ обѣихъ сторонъ узенькой тропинки, извивающейся посреди поля, раздавалась неутомимая трескотня безчисленныхъ кузнечиковъ; большая стая дикихъ голубей кружилась на незначительной высотѣ; съ быстротою молніи бросались они внизъ, и тогда казались, будто бы на безоблачномъ голубомъ небѣ, подобно стальному щиту, двигалось подвижное облако, освѣщенное лучами опускающагося къ берегу солнца.

Готгольдъ чувствовалъ электрическое напряженіе атмосферы, вполнѣ согласовавшееся съ судорожнымъ сжатіемъ его сердца. Для того-ли послѣ восьми долгихъ мучительныхъ дней вздумалъ онъ разыграть недостойную роль третьяго лица, чтобы узнать, наконецъ, что она все еще любитъ этого человѣка; что все несчастье ея заключается въ томъ, что этотъ человѣкъ не любитъ ее такъ, какъ она его любитъ, какъ желала бы быть любимой имъ!

— Поклянись твоимъ честнымъ словомъ, Готгольдъ, что онъ сказалъ тебѣ это?—Какимъ отчаяннымъ голосомъ проговорила она слова эти! Какъ исказилось прекрасное лицо ея изъ боязни услышать подтвержденіе ея опасеній! — Вотъ она твоя прославленная дружба!—Да, его дружба, которая и прежде, нѣсколько лѣтъ тому назадъ, такъ обременительна была для нея, такую же осталась и теперь. Разница только въ томъ, что онъ не можетъ маскировать ее по прежнему, не можетъ имѣть единственнаго утѣшенія пройти незамѣченнымъ, какъ въ ту памятную ночь.

Здѣсь на опушкѣ лѣса, во мракѣ ночи лежалъ онъ подъ большимъ букомъ, терзая мохъ и проклиная весь міръ и себя за то, что при блѣдномъ сіяніи луны увидѣлъ двухъ любящихъ другъ друга счастливецъ! Теперь солнце ярко освѣщало мѣсто его страданій, какъ бы желая ему показать, какимъ ребячествомъ было его тогдашнее горе и что отчаяніе свое онъ могъ отложить до настоящаго времени!

Она была счастлива! Готгольдъ хотѣлъ засмѣяться, но изъ его измученной груди вырвался крикъ, глухой, болѣзненный крикъ раненаго звѣря. Также точно кричалъ онъ и въ ту ночь, когда блуждалъ по той же дорогѣ, въ томъ же самомъ безмолвномъ лѣсу, а движущіяся вокругъ него деревья казались ему танцующими и издѣвающимися надъ нимъ привидѣніями. Теперь они стояли спокойно, жадно упиваясь солнечнымъ сіяніемъ и, казалось, говорили ему: «глупецъ! что намъ до твоей созданной самимъ тобою скорби!»

«И что мнѣ до твоей скорби, безумецъ!» говорило также и море, когда онъ вышелъ изъ лѣсу на высокій, морской берегъ; — темно-синее простиралось оно передъ нимъ, неподвижное, какъ бы застывшее въ своемъ величїи! Такимъ же точно видѣлъ онъ его, когда однажды, послѣ полудня, стоялъ на утесѣ въ Анаппри; потомъ онъ воспользовался имъ какъ сюжетомъ для одной изъ своихъ лучшихъ картинъ. Онъ вспомнилъ объ этомъ мимоходомъ, также точно, какъ въ пылающемъ мозгу путника, изнемогающаго отъ солнечнаго зноя, въ то время, какъ онъ идетъ по пыльной дорогѣ, мелькаетъ воспоминаніе о прохладной тѣни лѣса и журчащемъ ручейкѣ, гдѣ онъ такъ недавно сидѣлъ.

Внизу подъ нимъ, въ бухтѣ, съ трудомъ устроенной у каменстаго берега, стояли ялики, принадлежащїе здѣшнему помѣстью. Онъ какъ-то на-дняхъ воспользовался однимъ изъ нихъ, самымъ маленькимъ, чтобы прокатиться вдоль берега, и у него въ карманѣ еще оставался ключъ отъ досчатаго домика, гдѣ сохранялись весла и прочїя принадлежности для плаванія.

Тѣнь, падающая съ берега на море, дѣлалась все длиннѣе и шире и, наконецъ, опередила Готгольда, который, сильно размахивая веслами, выѣзжалъ изъ бухты, на крайнемъ южномъ концѣ которой видѣлся приморскій домикъ, ярко освѣщенный солнцемъ въ данную минуту. Но тѣнь надала не отъ берега, она происходила отъ мрачной тучи, которая медленно и равномерно простиралась во всѣ стороны надъ берегомъ; острый верхній край ея сверкалъ и горѣлъ подобно грозному пламени. Со стороны суши надвигалась страшная гроза. Пусть и надвигается! Готгольдъ жаждалъ въ бурѣ стихїи излить бушующую скорбь души своей. На черной поверхности тучи сверкнулъ красный, огненный лучъ, за нимъ другой, третїй. Съ поразительной быстротою надвигались теперь тучи, закрывая собою ясное небо и нагоняя мракъ на берегъ и море; порывисто, съ свистомъ занумѣлъ вѣтеръ, и вотъ до той поры зеркально-гладкая поверхность моря вдругъ вздулась и покрылась пѣнящимися волнами.

Вѣтеръ и волны подхватили маленькій яликъ Готгольда и точно игрушку гнали его по направленію къ открытому морю, не-

смотря на то, что Готгольдъ, замѣтивъ опасность, старался держаться берега. Послѣ нѣсколькихъ ударовъ веслами онъ увидѣлъ, что ему оставалась лишь та надежда, что, быть можетъ, буря также скоро стихнетъ, какъ и началась.

Казалось, однако, что всѣ демоны преподней, услыжавъ его печестивыя слова, захотѣли принести его въ жертву. Все шире и шире надвигалась тѣнь надъ шумящимъ моремъ! На отдаленномъ горизонтѣ мелькнуло нѣсколько бѣлыхъ парусовъ и все снова исчезло во мракѣ! Все выше и выше вѣнялись волны, все дальше удалялся отъ берега яликъ, все больше сливался съ темнымъ лѣсомъ бѣлый, мѣловой берегъ! Зоркій глазъ Готгольда различалъ лишь одну сѣрую полосу. Не оставалось никакого сомнѣнія, онъ неся въ открытое море и яликъ его каждую минуту могъ быть опрокинутъ волною; было бы чудомъ, если бы этого не случилось.

Готгольдъ совершенно хладнокровно дѣлалъ все, что только можно для своего спасенія. Онъ внимательно наблюдалъ за поднимающимися и опускающимися волнами, управляя то правымъ, то лѣвымъ весломъ, то обоими вмѣстѣ, направляя по вѣтру своей колеблющейся яликъ. Если бы послѣдній опрокинулся, все зависѣло отъ того, пойдетъ-ли онъ сразу ко дну или же останется на поверхности воды? Въ послѣднемъ случаѣ его положеніе было бы менѣе отчаянно; онъ могъ бы продержаться нѣкоторое время на поверхности, пока не перестанетъ вѣтеръ, и затѣмъ достигъ вплавъ земли или попасть на мимо плывущій корабль. Если же яликъ погрузится въ воду, онъ прекрасно понималъ, что погибъ навсегда. Онъ даже на минуту боялся выпустить весло изъ рукъ и снять съ себя платье; одѣтый же такимъ образомъ и при такомъ сильномъ морскомъ волненіи, врядъ-ли могъ онъ долго продержаться на поверхности, несмотря на то, что былъ превосходнымъ пловцомъ. Онъ начиналъ чувствовать, какъ силы его, которыя онъ все время старался беречь, мало по малу, сначала исподволь, а затѣмъ все быстрѣе и быстрѣе слабѣли.

Сперва онъ съ поразительной легкостью исполнялъ всевозможныя, сложные повороты весломъ, теперь же руки его постепенно кочевѣли, движенія дѣлались тяжелѣе. Тѣснѣе сжималась грудь, глуше становились удары сердца, дыханіе дѣлалось прерывистымъ, гортань сжималась, въ вискахъ у него стучало и онъ чувствовалъ, что, несмотря на опасность, вотъ-вотъ выпустить весло изъ рукъ и предоставить яликъ на волю теченія. Незадолго передъ этимъ Готгольдъ замѣтилъ, что вода наполняетъ его маленькое суденышко.

— Яликъ не можетъ долго продержаться, — прошепталъ онъ, — небольшая важность! Если бы я могъ жить для нея, тогда стоило

бы спастись. Кому, кромѣ меня, дѣло до того, умерь-ли я? Миѣ же вовсе не такъ тяжело умирать. Она, конечно, подумаетъ:—онъ искалъ смерти, дабы сдѣлать миѣ какую-нибудь непріятность. Ну, да! понятно! что можетъ быть неделикатиѣ съ моей стороны, если я вдругъ допущу, чтобы мой трупъ надѣлалъ всеѣмъ массу хлопотъ и безпокойствъ, прибитый волнами къ берегу. И неделикатно и грубо! А, впрочемъ, не все-ли равно?

Все смутнѣе толпились мысли въ его воспаленномъ мозгу; смертельно усталый, весь согнувшись, сидѣлъ онъ, устремивъ неподвижный взглядъ на весло, которое онъ все еще продолжалъ машинально держать въ коченѣющихъ пальцахъ. Онъ смотрѣлъ на колеблющееся края ялика, который замѣтно погружался въ воду и находился значительно ниже уровня пѣнящагося, бѣлаго гребня шумящихъ волнъ. И вотъ далеко въ глубинѣ, какъ бы въ туманѣ, увидѣлъ онъ съ поразительною ясностью ея лицо; не было судорожнаго подергиванія губъ и неподвижнаго взгляда Медузы, но все оно сіяло прелестной, лукавой улыбкой, какъ во времена невозвратныхъ дней юности. Такімъ видѣлъ онъ его недавно, хотя всего одну минуту, такимъ представлялось оно ему въ его воспоминаніяхъ.

Имъ вдругъ овладѣла безконечная скорбь о томъ, что онъ разстается съ жизнью, не воспользовавшись ею и не бывши любимымъ. Какимъ невыразимымъ счастьемъ была бы для него эта жизнь, если бы онъ смѣлъ любить ее! Пѣтъ! онъ не имѣетъ права расставаться съ жизнью, которая не принадлежитъ ему, которую онъ такъ или иначе долженъ сохранить для нея и ради этого до послѣдняго дыханія бороться за свое спасеніе.

Коченѣющіе пальцы крѣпко обхватываютъ весло, усталыя руки расправляются и вотъ Готгольдъ могучими ударами весла начинаетъ отражать натискъ шумящихъ волнъ. Усталые глаза его ждуть спасенія на пѣнящейся поверхности и изъ стѣпенной груди вырывается радостный крикъ, когда среди водяного тумана, наполнявшаго атмосферу, какъ бы по волшебству вынырнулъ откуда-то бѣлый парусъ. Въ слѣдующую минуту показалось довольно порядочное судно, глубоко сидящее въ водѣ; Готгольдъ увидѣлъ высоко надъ волнами весь киль, начиная отъ передней его части и до самой кормы, а надъ высокимъ краемъ ея голову человѣка, бѣлоснѣжные волосы котораго развѣвались по вѣтру; подлѣ него у мачты видѣлась верхняя часть туловища молодого матроса, который держалъ въ рукахъ свернутый канатъ. И вдругъ быстро, извиваясь, какъ змѣя, развернулся послѣдній по направленію къ ялику, достигъ его и обмотался вокругъ крючка. Еще одно могучее движеніе: то вверхъ, то внизъ качается яликъ, наполненный водой

почти до самыхъ краевъ и погружающійся уже въ глубину; но руки Готгольда у самаго края спасительнаго судна, двѣ другія сильныя руки схватываютъ его за плечи и въ слѣдующую минуту онъ падаетъ къ ногамъ стараго Бослава, который, поддерживая его лѣвой рукой, дѣлаетъ правой поворотъ рулемъ, дабы предохранить свое судно отъ крушенія.

XIV.

Буря прошла, а море все еще продолжало волноваться и, несмотря на это, темныя волны такъ и искрились отъ падающихъ на нихъ дрожащихъ лучей заходящаго солнца. На темно синемъ фонѣ неба тамъ и сямъ начали показываться звѣзды. Готгольдъ взглянулъ на нихъ, а затѣмъ на спокойное лицо старика, возлѣ котораго онъ сидѣлъ на скамейкѣ, подъ защитою толстыхъ стѣнъ приморскаго домика. Изъ окна мерцалъ свѣтъ отъ лампы, которая горѣла каждую ночь съ тѣхъ поръ, какъ братецъ Бославъ поселился въ приморскомъ домикѣ и будетъ горѣть даже тогда, когда смерть сомкнетъ его честныя глаза. Для того-то онъ и совершилъ путешествіе въ Зюндинъ, первое послѣ того, какъ онъ семьдесятъ два года тому назадъ возвратился изъ Швеци, и вѣроятно, послѣднее. Какого усилія стоило ему преодолѣть себя, отказаться отъ привычекъ отшельника и снова очутиться среди людей! Но такъ надо было; онъ не имѣлъ права спрашивать себя, легко или тяжело ему будетъ совершить эту поѣздку. Такимъ-то образомъ, въ сопровожденіи Карла Петерса, сына своего стараго друга, собрался онъ въ Зюндинъ. Тамъ въ продолженіи шести дней ходилъ къ президенту и просилъ доложить ему о себѣ, въ чемъ ему постоянно отказывали. Камердинеръ всякій разъ заявлялъ, что президентъ слишкомъ занятъ и, наконецъ, грубо отказалъ ему въ приѣмѣ. Въ это время изъ своей рабочей комнаты выходилъ президентъ и, увидя старика, привѣтливо спросилъ его, кто онъ такой и что ему нужно? Братецъ Бославъ отвѣчалъ ему, что его зовутъ Божиславомъ Венгофомъ, и что онъ былъ другомъ Акселя фонъ-Крассовитца, портретъ котораго виситъ вотъ тамъ на стѣнѣ и который, если онъ не ошибается, былъ дѣдушкой президента; послѣ чего онъ приступилъ къ изложенію своей просьбы. Покойный Аксель Крассовитцъ былъ однимъ изъ шести молодыхъ людей, избранныхъ судьями во время состязанія между Божиславомъ и Адольфомъ Венгофами. Президентъ еще молодымъ человѣкомъ слышалъ знаменитую исторію отъ своего отца, которому ее рассказала дѣдушка. Ему казалось какой-то сказкой, что герой этой исторіи еще живъ и что это

тотъ самый старикъ, который сидитъ подлѣ него на диванѣ. Онъ приказалъ позвать жену и дочь, представилъ имъ старика и настоялъ на томъ, чтобы послѣдній остался обѣдать. Всѣ были очень добры и любезны, а главное—въ томъ, что президентъ при прощаніи далъ ему свое графское слово, что онъ будетъ смотрѣть на доброе дѣло, о которомъ такъ хлопочетъ старикъ, какъ на свое собственное, близкое ему.

— На этихъ дняхъ даже,—говорилъ братецъ Бославъ,—здѣсь противъ дома, на каменномъ фундаментѣ, начнутъ строить маякъ, свѣтъ отъ котораго будетъ падать на цѣлую милю дальше, чѣмъ отъ моей лампы. Этотъ маякъ отмѣтится на картѣ, чтобы и чужіе корабли, плывущіе мимо, могли руководствоваться имъ. Карлъ Петерсъ назначенъ надсмотрщикомъ; онъ будетъ жить со мною въ приморскомъ домикѣ, который будетъ теперь называться вахтой, а послѣ смерти моей перейдетъ въ собственность правительства. Наконецъ-то освободили меня отъ мучившей заботы. Теперь, когда я на разсвѣтѣ буду гасить свою лампу, мнѣ не нужно говорить: «въ состояніи-ли я буду зажечь ее вечеромъ?»

Старикъ замолчалъ. Громче трещалъ шведскій флагъ на фронтопѣ приморскаго домика, громче шумѣли и волны у прибрежныхъ камней. Съ страхомъ и благоговѣніемъ смотрѣлъ Готгольдъ на сидящаго подлѣ него высокаго девяностолѣтняго старика съ серебрястыми волосами, въ груди котораго сердце продолжало биться тою же теплою любовью къ людямъ,—бѣднымъ шкиперамъ и прибрежнымъ плователямъ, вполне ему неизвѣстнымъ, о которыхъ онъ зналъ только то, что они плывутъ въ темную ночь, невидимые даже его зоркому глазу, и пока видятъ свѣтъ, держатся дальше отъ опаснаго берега, какъ тому учили ихъ дѣды и отцы. Старикъ жилъ всегда для другихъ; вся его жизнь была — чистая любовь къ ближнимъ, отъ которыхъ онъ не требовалъ и не ожидалъ ни любви, ни благодарности. Такъ, на примѣръ, сегодня, онъ спасъ его, подвергая опасности жизнь свою, чтобы спасти его, несмотря на то, что онъ не хотѣлъ быть спасеннымъ; жизнь казалась ему ненужной, онъ любилъ, но не былъ любимымъ. Что сказалъ бы на это старикъ? можетъ-ли онъ понять упорную, эгоистическую страсть, — онъ, понимающій лишь цезизмѣриую, самоотверженную любовь?

— Это было всегда моею единственною заботой,—продолжалъ снова братецъ Бославъ, — теперь правительство освободило меня отъ нея; есть у меня и еще одна—отъ нея никто освободить меня не можетъ.

— Не идетъ-ли дѣло о Сесилии? — нерѣшительно спросилъ Готгольдъ.

— Да,—сказалъ старикъ,—о ней, о правнучкѣ Ульрики; она во всемъ походитъ на свою прабабку, только еще несчастнѣе ея. Она не вышла бы за этого человѣка, если бы все зависѣло отъ меня; но они всегда и во всемъ смѣялись надъ моими совѣтами...

Когда старикъ заговорилъ послѣ короткой паузы, которую Готгольдъ не осмѣливался прерывать, съ нимъ произошла странная, ужасная переменѣна,—высокій станъ его сгорбился, голосъ его, за нѣсколько минутъ передъ тѣмъ такой твердый и глубокой, сдѣлался дрожащимъ и прерывистымъ.

— Всегда такъ поступали они. Одинъ за другимъ теряли они и дуга, и лѣса, и сдѣлались арендаторами тамъ, гдѣ когда-то были хозяевами; постепенно раззорялись они одинъ послѣ другого. Я все терпѣлъ, долженъ былъ терпѣть и при этомъ всегда думалъ:—Хуже этого не будетъ,—но самое худшее для меня было впереди. Извѣстно, что всѣ они были и безголовые и легкомысленные, но худыми нельзя никого изъ нихъ назвать; въ сущности это были люди, которые, разъ что необходимость заставляла ихъ работать, трудились честно и дѣлосовѣстно. Послѣ моей смерти угаснетъ нашъ старинный родъ; останется бѣдная, безпомощная женщина, переимѣнившая свое имя на имя человѣка, который оказался такимъ же негодяемъ, какъ и его предки. Негодяй этотъ покроетъ ее своимъ позоромъ,—своимъ и моимъ!

Съ трудомъ можно было слышать послѣднія слова старика, онъ наклонился и закрылъ жилистыми руками покрытое морщинами лицо свое. Готгольдъ тихонько дотронулся до его колѣна.

— Зачѣмъ вы все это говорите, братецъ Бославъ,—сказалъ онъ;—зачѣмъ обвиняете себя въ томъ несчастьи, которое вы никакъ не могли предупредить? Обвинять себя, когда всю жизнь вашу вы были добрымъ гениемъ семьи!

— Добрымъ гениемъ семьи!—о, Богъ мой!

Старикъ вскочилъ и большими шагами направился къ берегу, гдѣ остановился, обративъ лицо свое къ морю. Бѣлые волосы его развѣвались по вѣтру, онъ то подымалъ руку къ потемнѣвшему морю, то снова опускалъ ее, все время бормоча какія-то непонятныя слова. Готгольдъ подошелъ къ нему. Неужели старикъ впалъ въ дѣтство, неужели онъ помѣшался?

— Что съ вами, братецъ Бославъ?—спросилъ онъ.

— Братецъ Бославъ! — воскликнулъ старикъ, — да, братецъ Бославъ! такъ звали меня и онъ, и она и всѣ остальные, а послѣ нихъ дѣти мои и дѣти дѣтей моихъ.

— Братецъ Бославъ!

— Всегда братецъ Бославъ! что жъ? это вполнѣ справедливо, такъ будетъ начертано и на моемъ надгробномъ камнѣ. Я поклялся

когда-то, что ни одному человѣку не открою этой тайны, но молчать дольше не въ силахъ. Я совершилъ преступленіе противъ чело-вѣчества и долженъ открыться въ немъ человѣку же, дабы онъ отъ имени всего чело-вѣчества отпустилъ мнѣ грѣхъ мой. Тебя любилъ я всегда, тебѣ спасъ жизнь сегодня, — тебѣ и принадлежитъ это право.

Готгольдъ усадилъ на скамейку старика, силы котораго, каза-лось, падали.

— Ты, по всей вѣроятности, слышалъ о состязаніи изъ-за Дол-лана, бывшемъ между мною и моимъ двоюроднымъ братомъ Адоль-фомъ?—спросилъ старикъ беззвучнымъ голосомъ.

— Да, — отвѣчалъ Готгольдъ;—я вспомнилъ объ этомъ недавно, когда розыскивалъ васъ.—Я отдалъ справедливость тому велико-душію, съ какимъ вы отказались отъ богатаго наслѣдства и лю-бимой дѣвушки, какъ только узнали, что не вы пользуетесь пред-почтеніемъ. Эмма фонъ-Далицъ, довѣренная Ульрики, явилась къ вамъ отъ ея имени наканунѣ дня, который долженъ былъ рѣшить вашу участь. Такъ-ли было на самомъ дѣлѣ?

— Да, — прошепталъ братецъ Бославъ, — только на самомъ-то дѣлѣ посланіе было ложное.—Она солгала изъ любви ко мнѣ, въ чемъ она призналась письмомъ ко мнѣ въ Швецію, писанномъ ею на смертномъ одрѣ; она надѣялась, что успѣетъ расположить меня къ себѣ. Несчастная въ томъ же самомъ призналась и Ульрикѣ, которая, подобно мнѣ, повѣрила ея лжи, будто бы я смѣялся надъ нею и презиралъ ее, и скорѣе согласенъ былъ жениться на лап-ландкѣ, чѣмъ назвать ее своей женой. Я-то не женился на лап-ландкѣ, а несчастная Ульрика сдѣлалась женою Адольфа и была уже матерью двухъ мальчиковъ, когда я возвратился домой. Тре-тій ребенокъ, тоже мальчикъ, родился черезъ годъ послѣ моего возвращенія. Два старшіе умерли въ полномъ расцвѣтѣ юноше-скихъ лѣтъ; остался только одинъ—третій и этотъ мальчикъ—былъ мой сынъ!

— Бѣдный, несчастный человѣкъ!—прошепталъ Готгольдъ.

— Да, несчастный человѣкъ!—сказалъ старикъ.—Кто можетъ быть несчастнѣе того человѣка, который не смѣетъ радоваться на своего ребенка, не смѣетъ назвать его своимъ открыто, передъ цѣ-лымъ міромъ. Я не смѣлъ этого! Ульрика была горда; она скорѣе согласилась бы умереть, чѣмъ принять на себя позоръ прелюбодѣ-янія,—я же былъ трусомъ изъ любви къ ней и къ нему, моему бѣдному, доброму, довѣрчивому Адольфу. Съ дѣтства любилъ я его, какъ родного брата; всегда и во всемъ довѣрялъ онъ мнѣ и готовъ былъ сразиться съ цѣлымъ міромъ, чтобы доказать, что я его луч-шій, вѣрнѣйшій другъ. Такъ прошли два ужаснѣйшихъ года. Уль-

рика все больше и больше хирѣла, находясь въ постоянной борьбѣ между долгомъ и любовью ко мнѣ, въ которой она не смѣла открыться и, наконецъ, умерла. Держа ея холодѣющія руки, поклялся я ей, что никому не выдамъ ея тайны. И такъ, для дѣтей мопхъ и внуковъ я былъ и остался братцемъ Бославомъ. Въ глазахъ ихъ всѣхъ я всегда значилъ чуть-чуть побольше стараго слуги, которому не желаютъ отказать отъ мѣста, хотя онъ и оказывается лишнимъ. Они позволяли говорить мнѣ, когда бывали въ хорошемъ настроеніи духа. Если являлся въ свѣтъ новорожденный, то на крестинахъ братцу Бославу позволялось сидѣть въ концѣ стола; если кого-нибудь изъ нихъ отвозили на кладбище въ Раминѣ, ему позволялось сѣсть позади кареты, когда оказывалось свободное мѣсто. Я терпѣливо сносилъ всѣ эти оскорбленія безъ мѣры и числа. Я думалъ, что смиреніемъ и любовью къ другимъ искуплю грѣхъ, совершенный мною, противъ плоти и крови моей. Но проклятiе не было снято съ меня! «Я никогда не видѣлъ праведника оставленна, ни сѣмени его, просяща хлѣба!» Я не былъ праведникомъ, а потому-то сѣмя мое и будетъ просить милостиши, а я слишкомъ старъ, чтобы пережить все это!

— Пѣтъ, никогда! — воскликнулъ Готгольдъ. — Никогда!

— Что можешь ты сдѣлать? — сказалъ старикъ, подымая на него измученный взоръ. — Займешь ему денегъ? Куда дѣвается вода, когда ты пропускаешь ее между пальцами? Куда дѣваются деньги, если ты занимаешь ихъ игроку? Какъ-то разъ вечеромъ принесъ я ему деньги, накопленные мною въ продолженіи шестидесяти лѣтъ. Это была довольно порядочная сумма, — арендная плата за мои луга и поля, проценты на процентъ; на другой же день изъ всего не осталось ни одного шиллинга! Ты недавно говорилъ мнѣ, что ты теперь богатый человекъ, а потому можешь дать ему еще больше. Сколько ни давай ему, онъ все возьметъ, но въ ту минуту, когда ему ужъ больше нечего будетъ получать съ тебя, онъ прогонитъ тебя и запретитъ являться въ свой домъ; такъ поступилъ онъ и со мной. Онъ хорошо зналъ, что жаловаться на него я не буду, да и не могу, — вѣдь я не требовалъ отъ него росписки въ томъ, что все, принадлежавшее мнѣ, я подарилъ правнучкѣ своей.

— А Сесилія?

— Она истинное дитя своей прабабки; она слишкомъ горда, чтобы показывать свою скорбь, она способна проливать лишь тайныя слезы. Мнѣ давно знакомы эти слезы, — кто проливаетъ ихъ, взглядъ того принимаетъ боязливое выраженіе; я вижу это всякій разъ, когда встрѣчаюсь съ нею, что, впрочемъ, не часто случается... Куда ты снѣдшишь? — обратился онъ къ Готгольду, вскочившему съ своего мѣста.

— Я уже давно оттуда!

— Она ждетъ тебя, Готгольдъ?

Старикъ положилъ ему руку на плечо; Готгольдъ видѣлъ обращенные на него, какъ бы умирающіе глаза.

— Нѣтъ, — сказалъ онъ, — не думаю.

— Такъ будетъ лучше, — возразилъ старикъ; — довольно, если одинъ человѣкъ переживетъ то, что пережилъ я. Когда мы опять увидимся съ тобою?

— Я хотѣлъ ѣхать завтра утромъ. Я еще заѣду сюда изъ Проры.

— Хорошо. Дитя мое и такъ слишкомъ несчастно; чѣмъ скорѣе ты уѣдешь, тѣмъ лучше!

XV.

— Тѣмъ лучше! — повторялъ про себя Готгольдъ, проходя по темному лѣсу. — Для кого?.. для меня? судьба моя рѣшена; для нея?.. что ей съ того, приду я или уйду... для него? если не я, а мои деньги были ему нужны, зачѣмъ же не сказалъ онъ мнѣ этого давно? Я ему не предлагалъ ихъ... я не могъ преодолѣть своего отвращенія... мнѣ казалось, какъ будто бы я хочу купить у мужа позволеніе подольше остаться вблизи его жены. И все же... никто охотнѣе моего не дастъ ему въ займы. Неужели же это все, что я могу сдѣлать для нея? Быть можетъ, этого только и не достаетъ для ея полнѣйшаго счастья; быть можетъ, любовь ея такого свойства, что развивается подъ вліяніемъ благосостоянія и умираетъ удрученная заботами. Что жъ, поможемъ хирѣющей любви! Это возвратитъ розы на ея щеки и блаженную улыбку на ея уста!

«Нельзя сказать, чтобы я игралъ блестящую роль въ этой семейной драмѣ, впрочемъ, когда же и въ какія времена бывала блестящей и благодарной роль третьяго лица? Бѣдный, бѣдный старикъ! Что долженъ былъ онъ пережить! какъ долженъ былъ страдать! Но не безвинно, нѣтъ, не безвинно! только ложь — грѣхъ, но не истина. Ложь способствовала къ заключенію брачнаго союза между Адольфомъ Венгофомъ и Ульрикой фонъ-Далицъ, а потому бракъ этотъ былъ и остался ложью. Она любила другого и... и тотъ явился; она видитъ, что онъ все еще, по прежнему, любитъ ее, — послѣ долгой муки, въ минуту упоенія соединяется она съ любимымъ человѣкомъ, дѣлается его женой передъ своею совѣстью, какъ должна была бы сдѣлаться ею передъ лицомъ всѣхъ людей. Дважды, трижды, тысячу разъ было ложью то, что она этого не сдѣлала, что ради этого часа, если бы онъ и не повторился снова, не порвала съ старой жизнью, чтобы начать новую! И вотъ ложь эта сводитъ ее въ могилу, ее — гордую и пре-

красную! А онъ, олицетворенная доброта и благородство, напрасно старается искупить свое преступленіе въ продолженіи безконечнаго времени... преступленіе, заключающееся въ томъ, что онъ вывелъ на свѣтъ истину и попраля ногами ложь! О, ты, священный гений человѣчества, живущій въ свѣтѣ истины, сохрани меня отъ самаго величайшаго изъ грѣховъ, сохрани меня отъ лжи!

На лѣсной прогалинѣ, по которой шла тропинка, недалеко отъ выхода изъ лѣсу, попался темный обликъ человѣка; когда послѣдній подошелъ ближе, Готгольдъ узналъ въ немъ стараго управляющаго Меллера, который, простирая къ нему руки, воскликнулъ:

— Слава Богу, вотъ, наконецъ, и вы! Нечего сказать, напугали вы насъ!

— Я? Кого? Чѣмъ?

— Вы, конечно, вы! и кого? всѣхъ насъ, больше всѣхъ нашу барыню, она просто внѣ себя! чѣмъ? хорошъ вопросъ! отправиться въ такую ужаснѣйшую грозу и плыть въ открытое море на какой-то орѣховой скорлупѣ! А этотъ старый дуракъ Христіанъ! видитъ все это, да раздумываетъ: любопытно, молъ, узнать, какъ-то онъ справится; а затѣмъ, не интересуясь дальнѣйшимъ, отправляется себѣ преспокойно въ лѣсъ, чтобы переждать тамъ грозу и только черезъ часъ посылаетъ своего мальчишку узнать, тамъ-ли еще яликъ, и не случилось-ли какого-нибудь несчастья съ господиномъ? Богъ мой! ужъ это было слишкомъ! Должно быть, барыня очень испугалась,—она прибѣжала и тотчасъ же разослала насъ въ разныя стороны. Да! видно, и она можетъ подчасъ горячиться, какъ ни добра она, да и всѣ мы перепугались. Нѣкоторые отправились въ Раловъ, чтобы разузнать, не пристали-ли вы туда, другіе въ Нейгофъ, а я долженъ былъ идти сюда къ приморскому домику и здѣсь разпросить старика, который, говорятъ, возвратился сегодня, и узнать отъ него, что намъ дѣлать. Барыня сама хотѣла идти сюда, да я не допустилъ этого.

— Гдѣ барыня?

— Она, вѣроятно, еще здѣсь на полѣ; — сказалъ Меллеръ, указывая налѣво;— я только что оттуда.

— Какъ давно ушли остальные?

— Въ одно время со мной; хотите, я сейчасъ позову ихъ сюда?

И Меллеръ пошелъ направо въ лѣсъ, громко выкрикивая имена рабочихъ; Готгольдъ же поспѣшно направился впередъ по тропинкѣ и черезъ нѣсколько минутъ очутился у выхода изъ лѣсу, на краю котораго, почти на полѣ, росъ громадный, столѣтній букъ. Сквозь густыя, черныя облака падалъ на поле неленный, дрожащій свѣтъ луны. Это было то самое ржаное поле, откуда сегодня во-

зили рожь. Одна, совсѣмъ нагруженная тельга уже тронулась въ путь, подлѣ другихъ стояли рабочіе и, какъ показалось Готгольду, весьма медленно и лѣнливо нагружали ихъ; онъ слышалъ голоса людей, горячо о чемъ-то разсуждавшихъ между собою, видѣлъ отдѣльныя группы тамъ и сямъ между снопами, цѣлый рядъ которыхъ тянулся вдоль опушки лѣса. Ему сдѣлалось крайне неприятно при мысли о томъ, что ради него должны были прервать или же, по крайней мѣрѣ, замедлить такую спѣшную работу. Онъ направился къ рабочимъ. Сесиліи онъ нигдѣ не замѣчалъ, несмотря на то, что ясно видѣлъ все происходившее; она, по всей вѣроятности, ушла къ себѣ домой.

Когда же онъ поровнялся съ букомъ, то со скамейки, окружавшей могучее дерево, вдругъ поднялась бѣлая фигура; до той минуты она сидѣла, закрывъ лицо руками и съ испугомъ вскочила, заслышавъ приближающіеся шаги.

— Ради Бога, Меллеръ! вы успѣли уже возвратиться! Неужели онъ...

— Это я самъ, Сесилія! милая, дорогая Сесилія!

— Готгольдъ!

Она бросилась къ нему на грудь; онъ обнялъ слабое существо, которое все крѣпче, все ближе прижималось къ нему; нѣжныя, дрожащія уста ея слились съ его устами въ долгомъ, сладостномъ и страстномъ поцѣлуѣ.

— Это вы?—внезапно раздался по близости голосъ Карла Брандова.

Онъ точно выросъ изъ земли; по всей вѣроятности, онъ шель все время позади сноповъ, которые тянулись почти до самыхъ крайнихъ вѣтвей бука, потому-то и было такимъ неожиданнымъ его появленіе; конечно, и онъ въ темнотѣ, окружающей дерево, замѣтилъ лишь свѣтлую одежду Сесиліи. Однако, Готгольду показалось, что громкій смѣхъ его какъ-то ужасно звучалъ, а ясный голосъ имѣлъ неслышанный имъ до той поры отвратительный, пронзительный тонъ, когда онъ, хлопая по обыкновенію кнutomъ, воскликнулъ:—Я все ужъ слышалъ! Я всегда говорю, стоитъ только отвернуться и сейчасъ же произойдетъ что-нибудь такое, чего не должно бы происходить. Я бы тебѣ не позволилъ бѣжать, сломя голову, *mon cher*, также точно и съ уборкой ржи! Ну, что теперь дѣлать, если пойдетъ дождь, что по всему видно? Да онъ, пожалуй, и завтра идти будетъ! Тогда вмѣсто того, чтобы свозить на гумно, придется все свалить въ кучу навоза, раньше какъ черезъ недѣлю никто не пріѣдетъ съ тельгой, до тѣхъ поръ она успеетъ и прорости!

— Въ концѣ концовъ дѣло не такъ еще худо!—сказалъ управ-

ляющій Меллеръ, выходя съ рабочими изъ лѣсу.—На гумнѣ больше нѣтъ мѣста, остальное мы можемъ сложить въ скирды и все будетъ хорошо!

— Ну, да! конечно! ты все лучше моего знаешь! — воскликнулъ Брандовъ.

— Я хотѣлъ, сударь, начать уборку у самаго гумна, но Генрихъ Шеель не позволилъ этого и сказалъ, что вы сами...

— Конечно, я самъ, я всегда виноватъ, когда вы натворите глупостей!

Не въ первый разъ слышалъ Готгольдъ, какъ Брандовъ бранить своихъ рабочихъ, но ни разу не бывало такого пустого предлога и такой видимой несправедливости съ его стороны. Готгольдъ самъ слышалъ, какъ онъ сегодня передъ отъѣздомъ позвалъ Генриха Шеель и приказалъ ему, чтобы уборку ржи начали у самаго гумна. Былъ-ли онъ пьянъ? Видѣлъ-ли больше, чѣмъ старался показать? Хотѣлъ-ли выместить на невинныхъ людяхъ свою бѣшеную ревность? Была-ли это, такъ сказать, прелюдія или проба въ томъ, сдумѣть-ли онъ изобразить изъ себя оскорбленнаго въ предстоящемъ объясненіи?

Готгольдъ не страшился этого объясненія, онъ боялся, чтобы оно не произошло въ присутствіи Сесилии. Онъ желалъ, чтобы любимой женщины въ то время не было здѣсь; онъ чувствовалъ потребность услышать отъ нея передъ началомъ объясненія, что все случившееся не было безумнымъ сномъ, но дѣйствительностью, что она своимъ поцѣлуемъ, который еще дрожалъ на его губахъ, дала ему право дѣйствовать и рѣшать за нее.

Вслѣдствіе-ли того, что онъ нѣсколько смѣшался при мысли о томъ, что Брандовъ сейчасъ же начнетъ объясненіе, или же она сама, руководимая тѣмъ же чувствомъ, избѣгала его, только на обратномъ пути ему не удалось привести въ исполненіе своего намѣренія. Брандовъ все время шелъ между ними. Готгольдъ долженъ былъ ему рассказывать о своемъ приключеніи. Брандовъ припился бранить Бослава, называя его старымъ, сумасброднымъ дуракомъ, гулякой, отъ котораго нельзя и на водѣ укрыться; что онъ, безъ сомнѣнія, самъ устроилъ всю эту исторію съ грозой, лишь бы только имѣть предлогъ спасти кого-нибудь. При другихъ обстоятельствахъ Готгольдъ не оставилъ бы безъ возраженія подобныхъ оскорбительныхъ рѣчей, сопровождавшихся язвительнымъ смѣхомъ, теперь же онъ предоставилъ Брандову свободу говорить все, что онъ хотѣлъ; какъ вдругъ послѣдній ударилъ его по плечу и сказалъ:— Не принимай этого въ худую сторону; я терпѣть не могу стараго проныры, на что у меня есть свои причины. Одно изъ двухъ—или ты хозяинъ въ своемъ домѣ или нѣтъ; раз-

дѣлать же свою власть съ другимъ, который повсюду вмѣшивается, воображая при этомъ, что все лучше твоего понимаетъ, нѣтъ! Этого не должно быть, по моему мнѣнію, по крайней мѣрѣ. Когда-то мы еще въ школѣ говаривали: «Единъ царь, онъ же единъ и владыка!» Ты, конечно, помнишь еще греческій текстъ, я же, бѣдняга, радъ, что у меня въ памяти могъ удержаться хотя нѣмецкій!

Они подошли къ дому; Готгольдъ никакъ не могъ отдѣлаться отъ Брандова, который задержалъ его у самыхъ дверей, что-то рассказывая ему о своемъ хозяйствѣ; Сесилія тѣмъ временемъ успѣла уйти. Къ нимъ подошелъ Генрихъ Шеель съ жалобой на управляющаго, который сегодня опять приказалъ заложить выѣздныхъ лошадей въ рабочую телѣгу. Брандовъ разразился ужаснымъ гнѣвомъ, а Готгольдъ, поспѣшно заявивъ, что ему надо переодѣться, проскользнулъ въ дверь. Въ комнатѣ онъ нашелъ только прекрасную Рику, которая накрывала столъ для ужина и, пока онъ перелистывалъ газету, лежавшую на столѣ передъ диваномъ, все время, исподтишка, съ насмѣшливой улыбкой посматривала на него. Дѣвушка вышла, но тотчасъ же возвратилась обратно и принялась что-то пересматривать въ шкафу; она, повидимому, имѣла намѣреніе остаться въ комнатѣ. Готгольдъ отправился къ себѣ наверхъ и перемѣнилъ платье, на скорую руку высушенное въ приморскомъ домикѣ. Дрожація руки отказывались ему служить. Было-ли это лихорадочное нетерпѣніе передъ рѣшеніемъ судьбы или же просто педомоганіе вслѣдствіе излишняго возбужденія во время бури? «Ты не имѣешь права болѣть теперь, — шепталъ онъ, — только не теперь, когда ты не принадлежишь самому себѣ, когда ты долженъ отдать ей всю свою жизнь, каждое дыханіе, каждую каплю крови!»

Снизу изъ сѣней раздался громкій, бранчливый голосъ Брандова. Касалось-ли дѣло Сесилии? быть можетъ, гнѣвъ, съ такимъ трудомъ сдерживаемый все время, разразился внезапно? неужели драма должна разыгратъся при людяхъ?

Готгольдъ бросился изъ комнаты и въ одну минуту спустился внизъ по лѣстницѣ. Къ счастью, страхъ его не оправдался. Сесилія прислала сказать, что чувствуетъ себя нездоровою и не выйдетъ къ ужину. Почему же тогда не накрыли столъ въ его комнатѣ, тамъ никто не мѣшалъ бы? И когда это Рика научится уму разуму? Исполняя противъ воли данное ей приказаніе, Рика возразила дерзкимъ тономъ, что она желала бы, чтобы и у другихъ было столько же разума, какъ у нея; хотѣла бы она также знать, какъ лучше поступать въ такихъ случаяхъ, когда барыня приказываетъ одно, а черезъ минуту отъ барина слышишь совѣтъ другое. Брандовъ приказалъ ей замолчать. Дѣвушка презрительно засмѣялась: — всего

удобіе, разумѣется, приказать людямъ завязать себѣ ротъ; дѣло только во времени, и если она захочетъ говорить, то будетъ говорить, а ужъ тогда другимъ придется молчать.

— Вонъ, сію же минуту!—закричалъ взбѣшенный Брандовъ.

Дѣвушка отвѣчала еще болѣе дерзкимъ смѣхомъ и вышла изъ комнаты, что-то невнятно бормоча про себя.

— Всегда вотъ такъ, когда бываешь слишкомъ добръ съ ними!—воскликнулъ Брандовъ, наливая себѣ невѣрной, дрожащей рукой стаканъ вина, который тотчасъ же выпилъ залпомъ.

Вскользь бросилъ онъ взглядъ на Готгольда, пристально смотрѣвшаго на него. Что означала вся эта сцена? Что могла бы сказать дѣвушка, если бы она захотѣла говорить? Имѣеть-ли она какія-нибудь права на своего барина, отъ которыхъ тотъ не смѣетъ отказаться? Неужели совершенно неожиданно для него ему давали оружіе въ руки и онъ при случаѣ могъ воспользоваться имъ? Но честно-ли это оружіе на самомъ дѣлѣ? не такъ нечестно, быть можетъ, въ борьбѣ съ человѣкомъ, который, будучи мужемъ такой женщины, не пренебрегалъ и служанкой?

Готгольдъ говорилъ себѣ, что не онъ долженъ начинать борьбу, что, напротивъ, если это возможно, онъ долженъ отклонить ее, пока окончательно не объяснится съ Сесиліей. Последнее казалось возможнымъ; Готгольдъ никакъ не могъ уяснить себѣ, что думалъ Брандовъ:—имѣлъ-ли онъ только неясное подозрѣніе, котораго не умѣлъ объяснить, или же онъ больше зналъ, чѣмъ показывалъ, но не осмѣливался говорить объ этомъ. Быть можетъ, онъ пилъ для того, чтобы набраться смѣлости? Стаканъ за стаканомъ выпивалъ онъ и то и дѣло приносилъ изъ срсѣдней комнаты красное вино бутылку за бутылкой. Быть можетъ, онъ хотѣлъ излить на комъ-нибудь свой безсильный гнѣвъ, когда снова принялся бранить Бослава, стараго гуляку,—настоящій образецъ тѣхъ добрыхъ друзей, которыхъ при наилучшемъ желаніи не отличишь отъ добрыхъ враговъ.

Брандовъ громко расхохотался, затѣмъ вскочилъ, какъ бы чѣмъ-то смущенный, и скорыми шагами принялся взадъ и впередъ ходить по комнатѣ. Онъ подошелъ къ шкапу, гдѣ хранилось оружіе, схватилъ съ гвозди пистолетъ, взвелъ курокъ и, быстро обернувшись къ Готгольду, сказалъ:

— Вотъ способъ говорить цонятнымъ языкомъ, какъ съ другомъ, такъ и недругомъ. Какъ ты объ этомъ думаешь?

— Особенно остроумнымъ нельзя назвать этотъ крайній способъ,—возразилъ Готгольдъ.—Ты хорошо сдѣлаешь, если повѣсишь пистолетъ обратно въ шкапъ; у тебя сегодня слишкомъ невѣрная рука для подобныхъ шутокъ, — можетъ случиться несчастье!

Готгольдъ твердо рѣшился ни въ какомъ случаѣ не вступать сегодня въ объясненіе съ человѣкомъ, наполовину опьянѣвшимъ, а также не поддаваться его угрозамъ, если бы онъ дѣйствительно вздумалъ пустить ихъ въ ходъ, дабы заставить его уплатить выкупъ, буде онъ пожелаетъ уйти безнаказанно.

Отъ Брандова не ускользнуло выраженіе спокойной рѣшимости на серьезномъ лицѣ своего гостя. Онъ опустил поднятое оружіе, положилъ его на мѣсто и подошелъ къ столу. Усѣвшись на прежнее мѣсто, онъ сказалъ:

— Ты правъ! можетъ случиться несчастье! А, впрочемъ, кому какое дѣло до того! Я поступлю вполне послѣдовательно, если пущу себѣ пулю въ лобъ. Ты — счастливецъ! Ты много работалъ и многому научился, начиная съ юныхъ лѣтъ, и вотъ во снѣ является тебѣ вдругъ большое состояніе, что было даже излишнимъ для тебя! Я никогда не работалъ, ничему не учился и теперь теряю состояніе. И что такое я?—Ничто! предметъ насмѣшки для всѣхъ людей, которые знавали меня, пугало для птицъ, для которыхъ до сей поры самъ былъ пугаломъ,—несчастливая, ошипанная ворона, предоставленная своей судьбѣ. Проклятіе!

Онъ толкнулъ такъ сильно стаканъ, что тотъ разбился.

— Ба! впрочемъ, не стоитъ изъ-за такихъ пустяковъ выходить изъ себя. Всему бываетъ конецъ! Могутъ презирать меня, какъ хотять, но никто не посмѣетъ сказать, чтобы я не пользовался жизнью. Я пилъ тончайшія вина, ѣздилъ на самыхъ быстрыхъ лошадахъ и знавалъ самыхъ красивыхъ женщинъ! Да и ты, малый, не промахъ, Готгольдъ! и ты точно такъ же поступалъ, хотя по своему, втихомолку. Всегда былъ ты ловкимъ парнемъ; еще въ школѣ чортъ знаетъ какое уваженіе питалъ я къ твоей хитрости. Ну! и меня-то дуракомъ назвать нельзя, а умные люди, какъ ты да я, всегда хорошо уживаются другъ съ другомъ; дураки только ссорятся.—дураки, да глупые мальчишки, какъ когда-то и мы съ тобой. Знаешь-ли еще что? Терція, кварта, кварта, терція! А, впрочемъ, это насъ больше не касается. Чокнемся, старый бурниъ! чокнемся за доброе товарищество!

И онъ поднесъ ему полный стаканъ.

— Мой стаканъ пусть,—сказалъ Готгольдъ,—а также и бутылка. Пойдемъ-ка спать, ты слишкомъ много пилъ.

И онъ вышелъ изъ комнаты, прежде нежели Брандовъ, провожавшій его удивленными глазами, успѣлъ произнести какое-нибудь слово.

Когда дверь закрылась за Готгольдомъ, Брандовъ сдѣлалъ прыжокъ, точно хищный звѣрь, который бросается на добычу; затѣмъ остановился посреди комнаты, оскаливъ острые зубы и сжавъ кулаки съ угрозой по направлению къ двери, воскликнулъ:

— Проклятый бездѣльникъ! Я выпью кровь твою, каплю за каплей!

Онъ опустилъ поднятыя руки, шатаясь побрелъ къ столу и сѣлъ, подпирая пылающую голову обѣими руками и закусивъ губы, такъ что кровь показалась на нихъ. Онъ сидѣлъ и перечислялъ въ головѣ своей преступленіе за преступленіемъ, но ни одно не вело къ цѣли. Вдругъ онъ выпрямился, хриплый смѣхъ вырвался изъ его гортани.

— Вотъ какъ надо поступить, да! Она,—она сама должна будетъ потребовать отъ него и вотъ оно средство принудить ее къ тому! Мщенія, побольше мщенія! О, при этомъ ни малѣйшей опасности! Лишь бы только Рика не проболталась; она ужъ нѣсколько разъ угрожала этимъ, а сегодня была болѣе прежняго безстыдна. Завтра все должно рѣшиться, а ночь мало-ли на что пригодиться можетъ!

Было поздно. Готгольдъ не зналъ который часъ; онъ лежалъ совсѣмъ одѣтый, въ вискахъ у него лихорадочно стучало. Онъ не спалъ, а былъ какъ бы въ забытіи, переходя съ высоты неземнаго блаженства въ глубину безпомощнаго горя и заботы. Деревья у оконъ шумѣли, дождевыя капли стучали въ оконныя стекла, и вдругъ Готгольду среди этого шума послышался звукъ, который заставилъ его приподняться на постели и въ темнотѣ, удерживая дыханіе, прислушиваться. Ему послышался крикъ, — женскій крикъ, который могъ только выходить изъ комнаты Сесилии, гдѣ она спала съ ребенкомъ. Однимъ прыжкомъ очутился онъ у окна. Вѣтеръ и дождь били ему прямо въ лицо и, однако, онъ ясно слышалъ голосъ Брандова, который раздавался то громче, то тише, какъ будто бы онъ, увлекаемый гнѣвомъ, старался сдерживать себя. Готгольду казалось, что въ промежуткахъ онъ нѣсколько разъ слышалъ ея голосъ; быть можетъ, и то, что его до безумія разгорячившаяся фантазія способствовала тому, что время паузъ, когда смолкалъ голосъ ненавистнаго ему человѣка, ему мерещилось, что она говоритъ. Итакъ, супружеская сцена въ спальнѣ жены, которая не можетъ запереть своей двери, которая не смѣетъ ее запираеть! Которая должна выслушивать рѣчи бѣшенаго, пьянаго человѣка и отвѣчать ему лишь одними слезами!

— И все это надо переносить, терпѣть! безпомощно ломать руки! Вѣдь это хуже смерти!—шептала Готгольдъ.—Зачѣмъ я не говорилъ? Теперь все было бы рѣшено. Развѣ молчаніе тамъ, гдѣ нужно говорить, не есть та же ложь, ужасная, отвратительная ложь? И неужели надо молчать и въ хорошемъ, и въ худомъ? Утромъ! Поскорѣ бы настало, утро если еще послѣ такой ночи можетъ наступить утро!

Онъ бросился на кровать со стономъ и рыданіемъ, спряталъ въ отчаяніи голову въ подушки и... вдругъ вскочилъ. Не были-ли это шаги, медленные, осторожные? ему показалось, что трещать доски на чердакѣ. Кто шель къ нему? Не съ смертоноснымъ-ли оружіемъ въ рукахъ? Все равно! И слава Богу.

Готгольдъ бросился къ двери и толкнулъ ее. Все было тихо,— тихо и темно. Лѣстница, ведущая снизу вверхъ, какъ разъ приходилась между двумя фронтонами; осторожные шаги, которые онъ слышалъ, паправлялись не въ его сторону, а, безъ сомнѣнія, въ другую, гдѣ прямо противъ его комнатки находились (еще двѣ другія; лѣвая была пуста, а правую занимала хорошенькая Рика. Черезъ дверную щель послѣдней комнаты мерцалъ огонекъ, который скоро погасъ, и въ безмолвной тишинѣ раздался смѣхъ, мгновенно прекратившійся; казалось, что кто-то быстро прикрылъ рукою ротъ смѣющагося.

Готгольдъ заперъ дверь; онъ не хотѣлъ ни слышать, ни видѣть ничего!

XVI.

Послѣ темной, дождливой noci наступило пасмурное, мрачное утро. Съ моря подымались безконечныя, непроницаемыя испаренія, тамъ и сямъ скопляющіяся въ черныя тучи, такъ низко висящія въ воздухѣ, что онѣ даже задѣвали верхушку высокихъ тополей, которые подъ паноромъ сильнаго вѣтра то гнулись къ мокрымъ отъ дождя соломеннымъ крышамъ гумень, то, быстро отскакивая, съ негодованіемъ потрясали своими листьями.

Готгольдъ стоялъ у окна и мрачнымъ взоромъ разсматривалъ мрачный ландшафтъ. Подъ утро онъ перескнилъ себя и просналъ около часа; но тяжелѣе физическаго утомленія была душевная тревога о томъ, что ему предстояло. Какъ ни была ужасна ночь, все же въ мракѣ ея мерцала ему по временамъ утѣшительная звѣзда надежды; теперь же ему казалось, что пасмурный день для того наступилъ, чтобы сказать ему: «Жизнь, дѣйствительно, есть не что иное, какъ бессмысленное, безобразное препровожденіе времени, что мнѣ до твоихъ мечтаній!» Съ отвращеніемъ смотрѣлъ онъ, какъ въ большой, нежилой до тѣхъ поръ залѣ, обращенной окнами въ садъ, дѣлались разныя приготовленія для вечерняго приема; все раздражало его: и стукъ кастрюль въ кухнѣ, находившейся въ концѣ длиннаго корридора, и говоръ прислуги, и карета, которую конюхъ только что выдвинулъ изъ сарая и которая должна была привезти гостей изъ Проры. Все шло обыкновеннымъ чередомъ: сегодня—какъ вчера, завтра—какъ сегодня,

какъ будто не случилось и не случится ничего, что могло бы изменить одряхлѣвшій міръ и сдѣлать его такимъ же юнымъ, какъ и въ первый день сотворенія рая. И, однако, это была не мечта! Это была дѣйствительность! Она не могла разсѣяться, какъ безформенный туманъ, она должна была принять осязаемый образъ, выступить изъ хаоса, послѣ жаркой борьбы освободиться, быть можетъ,—пройти же безслѣдно она не могла.

Какъ ужасно было это праздное ожиданіе! Она должна была знать, что вотъ ужъ полчаса, какъ онъ ждетъ ее, жаждетъ ея слова, ея взгляда, который сказалъ бы ему: я принадлежу тебѣ, какъ ты мнѣ, разсчитывай на меня, какъ я на тебя! Отчего же не приходила она? Минута была самая благопріятная, и въ продолженіи дня другой болѣе удобной могло и не представиться. Брандовъ только что прошелъ черезъ дворъ по направленію къ конюшнямъ, какъ онъ дѣлалъ это всякое утро. Завтракъ стоялъ на столѣ, и въ это время они всегда проводили полчаса вмѣстѣ—а сегодня, именно сегодня, оставляла она его одного.

Имъ овладѣло страшное нетерпѣніе; взадъ и впередъ ходилъ онъ по комнатѣ, каждую минуту поглядывая на дверь, черезъ которую тотъ другой могъ сегодня ночью безпрекословно войти и выйти, и которая для него была заперта. Напряженно прислушивался онъ къ каждому звуку, но ничего не слышалъ, кромѣ лѣниваго жужжанія мухи; даже стѣнные часы въ старомъ, деревянномъ футлярѣ и тѣ не стучали сегодня, — ночью остановился маятникъ.

Онъ сжалъ руками стучащія виски; ему казалось, что онъ сойдетъ съума, если продолжится такая пытка. Вдругъ у него мелькнула мысль ужаснѣе прежнихъ: не боится-ли она его? Быть можетъ, ее удерживаетъ стыдъ показаться на глаза тому, чье сердце билось вчера у ея сердца, на чей поцѣлуй отвѣчала она? Нѣтъ! нѣтъ! тысячу разъ нѣтъ! Не то удерживало ее, нѣтъ, не то! Думать такъ, значить, оскорблять ея гордость! Она могла умереть, но жить и совершить безчестный поступокъ она не могла. Не больна-ли она? Больна при смерти, безпомощная, одна...

Что это? Какъ будто бы голосъ Гретхенъ: «Мама, я пойду съ тобой, я также хочу къ дядѣ Готгольду; я хочу пожелать добраго утра дядѣ Готгольду!» — затѣмъ тихій, успокоивающій голосъ... дверь отворилась, вошла Сесилія.

Готгольдъ бросился было къ ней, но тотчасъ же остановился. Она протягивала къ нему руки съ выраженіемъ трогательной мольбы; та же трогательная мольба видна была и въ ея большихъ, темныхъ и заплаканныхъ глазахъ, въ каждой чертѣ ея милаго, покрытаго смертельною блѣдностью, лица. Такъ стояла она передъ

нимъ и, наконецъ, едва слышно, дрожащимъ голосомъ произнесла:

— Простишь-ли ты меня, Готгольдъ?

Онъ не былъ въ состояніи отвѣчать; поза, выраженіе лица, слова—все говорило ему, что опасенія его оправдались, что такъ или иначе все было потеряно для него.

Невыразимая скорбь овладѣла имъ, но вслѣдъ затѣмъ въ груди у него закипѣлъ бѣшеный, неудержимый гнѣвъ, онъ громко расхохотался.

— Такъ вотъ оно, твое мужество!

Руки ея опустились, глаза закрылись, по лицу пробѣжало судорожное подергиваніе, она задрожала всѣмъ тѣломъ.

— Нѣтъ, это не все мое мужество! Но я благодарна тебѣ за то, что ты сердишься, теперь все остальное кажется мнѣ менѣе невозможнымъ. Нѣтъ, не смотри такъ на меня! Нѣтъ, не такъ! Смѣйся, какъ ты только что смѣялся! Что долженъ человѣкъ дѣлать, какъ не смѣяться, когда женщина, которая, какъ онъ думаетъ, любитъ его, приходитъ и говоритъ...

— Это лишнее, — сказалъ Готгольдъ, — этого не нужно! Здѣсь не требуется объясненій, все понимается и безъ словъ!

И онъ направился къ дверямъ.

— Готгольдъ!

Въ голосѣ слышно было отчаяніе; молодой человѣкъ снова приблизился къ ней.

— Сесилія, возможно-ли это? Я испугалъ тебя своею запальчивостью, но этого больше не повторится. Скажи мнѣ только одно, что ты любишь меня, и... я все снесу, все будетъ для меня безразлично. Время должно все рѣшить, только ты не можешь такъ отпустить меня, нѣтъ, не можешь!

Напрасно искалъ онъ на лицѣ ея подтвержденія своихъ словъ: всѣ черты ея такъ и застыли въ ужаснѣйшей, неподвижной улыбкѣ.

— Конечно, нѣтъ! Конечно, не отпущу до тѣхъ поръ, пока ты не пообѣщаешь мнѣ, что спасешь моего мужа, котораго я люблю и уважаю, съ которымъ я разстаться не могу и не желаю...

Она выговаривала слова медленно, беззвучно, точно что-нибудь заученное на память, и вдругъ смолкла, какъ школьница, забывшая дальше свой урокъ.

— Что означаетъ вся эта комедія? — спросилъ Готгольдъ.

Дверь изъ спальни открылась, и оттуда показалась кудрявая головка Гретхенъ, которая вслѣдъ за тѣмъ подбѣжала къ матери. Сесилія привлекла ее къ себѣ; вмѣсто прежней блѣдности по лицу ея разлился яркій румянецъ, и она носнѣнно продолжала:

— Спасешь отъ банкротства, которое погубить его, если ты ему не поможешь. Дѣло идетъ о... о...

Она выпустила Гретхенъ и схватилась за голову.

— Мама! Мама!—закричала Гретхенъ и громко расплакалась, когда Готгольдъ повелъ къ стулу едва державшуюся на ногахъ Сесилію.

— Что съ моей женой?—спросилъ Брандовъ.

Готгольдъ видѣлъ передъ тѣмъ, какъ онъ шелъ по двору, но ему не до того было! Услышавъ рѣзкій голосъ Брандова, Сесилія отстранила руки Готгольда и стала между ними безъ всякой поддержки, прижимая къ себѣ ребенка, блѣдная и съ выраженіемъ мрачной рѣшимости на лицѣ. Голосъ ея былъ странно беззвученъ и въ то же время твердъ, когда она, поднявъ глаза на мужа, сказала:

— Онъ все знаетъ и исполнить!

Обратившись затѣмъ къ Готгольду, она продолжала:

— Не правда-ли, Готгольдъ? Во имя нашей старой дружбы?.. И... прощай, Готгольдъ, мы больше съ тобой не увидимся!

Она подала ему холодную, какъ ледъ, руку, взяла Гретхенъ и направилась вонъ изъ комнаты, тогда какъ дѣвочка, протягивая ручки черезъ ея плечо, говорила:

— Принеси мнѣ сегодня что-нибудь хорошенькое, дядя Готгольдъ! Слышишь? Дядя Готгольдъ!

XVII.

— Какъ женщины любятъ дѣлать изъ всего трагедію! — сказалъ Брандовъ, — вотъ, по истинѣ, мученіе! Сначала предлагала свои услуги, а затѣмъ... гдѣ ужъ тутъ требовать послѣдовательности отъ этихъ добрыхъ созданій!

— А чего требуешь ты отъ меня?—спросилъ его Готгольдъ.

Онъ сѣлъ къ столу; Брандовъ же безпокойно ходилъ взадъ и впередъ по комнатѣ, хватаясь безцѣльно то за одно, то за другое.

— Требую! Какъ ты странно говоришь! Требую! Если бы я думалъ что-нибудь требовать отъ тебя, я не молчалъ бы такъ долго. Мнѣ думается, что жена все тебѣ сказала, или же, быть можетъ...

— Она все сказала, даже сумму, о которой идетъ дѣло!

— Даже сумму! превосходно! превосходно! совѣмъ по женски! Даже сумму! впрочемъ, такимъ второстепеннымъ вещамъ не стоитъ придавать большого значенія!

И Брандовъ сдѣлалъ попытку разсмѣяться, но смѣхъ вышелъ хриплымъ.

— Короче и яснѣ!

— По моему, также—короче и яснѣ! надѣюсь, ты не примешь этого въ худую сторону. Мнѣ нужно двадцать пять тысячъ талеровъ.

— Когда?

— Въ томъ-то и бѣда! Десять тысячъ талеровъ аренды, должны мною попечительству, надо завтра же уплатить въ монастырскую кассу въ Зюндицъ. Только бы Селльенъ взялъ ихъ съ собой, когда прійдетъ сегодня; съ его стороны это будетъ простая любезность, съ моей же только извѣстная обходительность, а не обязанность. Это терпитъ до завтра. Остальное, т. е. пятнадцать тысячъ талеровъ,—долгъ на честное слово, должны быть уплачены сегодня же вечеромъ, по весьма уважительной причинѣ,—если не желаю лишиться своего Броунлока, а также и всего урожая пшеницы, что отдано мною въ залогъ. Между нами будь сказано, больше мѣтять на Броунлока. Дѣло идетъ о братьяхъ Плюгенъ и Редебафъ, которые буквально павязали мнѣ деньги; время платежа они назначили на сегодня, ибо знали, въ какомъ затруднительномъ положеніи я нахожусь по случаю арендной платы, и падѣлись, что я ни въ какомъ случаѣ не буду въ состояніи уплатить и они получатъ моего Броунлока. Бездѣльники! мошенники! Броунлока, который стоитъ дороже всѣхъ ихъ угощеній! Броунлока, за котораго у меня записано пари на пятьдесятъ тысячъ талеровъ и который возьметъ призъ въ тридцать тысячъ; это вѣрно, какъ то, что меня зовутъ Карломъ Брандовымъ!

Онъ прикидывался страшно взбѣшеннымъ и то и дѣло хлесталъ кнутомъ по воздуху или же по отворотамъ своихъ сапогъ, не спуская въ тоже время внимательнаго взора съ Готгольда, продолжавшаго сидѣть неподвижно у стола и подпиравшаго голову руками.

— И эти деньги долженъ доставить тебѣ я? Какъ пришелъ ты къ такому заключенію?

— Я вспомнилъ объ этомъ случайно. Жена сказала мнѣ, что ты сегодня намѣренъ уѣхать отъ насъ, о чемъ я ужасно сожалѣю. У тебя, конечно, свои причисы, которыя я уважаю, даже не зная ихъ; ты можешь воспользоваться экинажемъ, который я посылаю въ Прору за Селльеномъ. Я отправлю съ тобой Генриха Шееля, на него я вполне могу положиться. Онъ могъ бы доставить мнѣ пятнадцать тысячъ, которыми я хочу угостить своихъ гостей. Ты можешь не считать денегъ: твой замѣчательный Вольновъ, этотъ безупречный манихей*), не просчитается. Десять тысячъ для

*) Манихеи—приверженцы Манеса и его ученія; оно признаетъ двѣ области—область свѣта, Бога, изъ коей взяты души, и область мрака,

Селлена могутъ тамъ оставаться, онъ возьметъ ихъ завтра, вѣдь ему опять надо ѣхать назадъ въ Прору. Ты оставишь мнѣ нѣсколько словъ или передашь черезъ Генриха, что деньги на мое имя лежатъ у Вольнова. Селленъ можетъ дать мнѣ здѣсь квитанцію, или же передать ее Вольнову, у котораго я самъ возьму ее, и дѣло будетъ въ шляпѣ!

— А если Вольновъ не захочетъ дать мнѣ денегъ?

— Не захочетъ дать? мнѣ кажется, у него въ оборотѣ твоихъ пятнадцать тысячъ.

— Ни на грошъ больше десяти тысячъ!

— Однако, Земмель увѣрялъ меня...

— Земмель ошибается.

Брандовъ стоялъ съ поднятымъ кнутомъ. Не думаетъ-ли онъ торговаться? какихъ-нибудь несчастныхъ десять тысячъ! не думаетъ-ли онъ этимъ и отдѣлаться?

Презрительная улыбка пробѣжала по его топкому и сегодня необыкновенно блѣдному лицу; хлыстъ засвистѣлъ по воздуху.

— Ба! у тебя вѣдь есть кредитъ на пятьдесятъ тысячъ. Кредитъ — тѣ же деньги; никто лучше моего этого не знаетъ, я давно уже живу въ кредитъ. Дѣлай, какъ хочешь! Я вѣдь не изъ-за себя хлопочу, мнѣ что... я изъ крѣпкаго дерева, выдержу и эту бурю. Мнѣ жалъ бѣдной Сесилии. Она такъ рассчитывала на твою дружбу, такъ уговаривала меня довѣриться тебѣ...

Готгольдъ долженъ былъ употребить неимоверныя усилія, чтобы во время этой отвратительной сцены не показать своему противнику, какъ ужасно онъ страдаетъ. Въ глазахъ у него потемнѣло, въ ушахъ раздавался шумъ; ему казалось, что онъ лежитъ на землѣ, а Брандовъ стоитъ надъ нимъ и наноситъ ему второй ударъ. Съ необыкновеннымъ усиліемъ стряхнулъ онъ съ себя грозившее ему обморочное состояніе и, вставал, сказалъ:

— Хорошо. Сесилия не напрасно рассчитывала на мою дружбу; ты видишь, что ты не ошибся въ расчетѣ.

Брандовъ, испуганный ужаснымъ выраженіемъ лица Готгольда, невольно отступилъ на нѣсколько шаговъ отъ него. Онъ хотѣлъ отвѣчать шуткой, что никогда не ошибается, когда дѣло касается его долговъ, но Готгольдъ, на самой серединѣ фразы, остановилъ его презрительнымъ — довольно! и вышелъ изъ комнаты, чтобы приготовиться къ отъѣзду.

духа зла, изъ коей взяты тѣла; Христось сотворенная, свѣтлая сила освобождаетъ души изъ вещества. Ученіе это распространилось въ IV ст. въ Азій, Африкѣ и Италіи даже между христіанами, но уже въ VI ст. было подавлено.

Четверть часа спустя, черезъ стѣпь, покрытую еще туманомъ, по дорогѣ въ Прору ѣхалъ экипажъ. Лошадьми управлялъ Генрихъ Шеель.

XVIII.

Въ маленькой комнаткѣ второго этажа, выходящей на балконъ, только что кончили пить кофе, мужчины уже спустились въ контору, гдѣ курили сигары, дамы же продолжали еще сидѣть у стола, откуда дѣвушка убирала посуду. Въ обыкновенное время кофе пили внизу въ столовой, а потому трое дѣтей, которыя влѣдствие нѣсколько измѣненнаго порядка въ домѣ, находились тутъ же, никакъ не могли привыкнуть къ этому нововведенію и рѣзвились шумно по комнатѣ, къ тайному удовольствію Оттиліи, тогда какъ Альма Селльенъ нѣжной, выхоленной рукой нетерпѣливо проводила по недовольному лицу своему.

— Не можешь-ли ты отослать дѣтей?

— Дѣтей!—съ удивленіемъ сказала Оттилія, широко раскрывая большіе, круглые глаза и поглядывая на своихъ темноглазыхъ любимцевъ.

— По утрамъ я всегда бываю нѣсколько нервозна, сегодня же мнѣ предстоитъ поѣздка въ деревню, и я тѣмъ болѣе должна быть осторожна.

— Прости, милая Альма! Я позабыла, что у тебя нѣтъ дѣтей и ты не привыкла къ подобнымъ зрѣлищамъ. У меня не всегда бываетъ такъ худо, но съ тѣхъ поръ, какъ отъ меня третьяго дня ушла Стина! Богъ мой! я не могу осуждать ее за то, что она хочетъ выходить замужъ. Такая добрая, но все же не молодая женщина, и вдругъ выходить за молодого человѣка, который годится ей въ сыновья; ей никакъ нельзя напрасно терять времени. Она отправилась къ своимъ родителямъ въ Виссовъ, свадьба будетъ черезъ двѣ недѣли. Ей было такъ тяжело разставаться съ дѣтьми...

— Ты хотѣла отослать ихъ, милочка!

Дѣти были, наконецъ, отосланы; Альма съ изнуреннымъ и соннымъ видомъ откинулась въ уголъ дивана и сказала, полузакрывъ кроткіе, голубые глаза:

— Я увѣрена, что снова разочаруюсь.

— Что такое, милая Альма?—спросила Оттилія, мысли которой были заняты дѣтьми.

— Мужъ мой любитъ его до безумія; онъ всегда приходитъ въ восторгъ отъ тѣхъ именно людей, которыхъ я нахожу отвратительными.

— На этотъ разъ ты ошибаешься,—воскликнула Оттилія, ко-

торая, въ виду такой интересной темы разговора, даже не слышала крика на лѣстницѣ своего младшаго сына.—Твой мужъ скорѣе сказалъ мало, чѣмъ много. Онъ красивый мужчина, высокаго роста, съ утонченными манерами, чему я съ своей стороны не придаю такого важнаго значенія, но въ немъ, кромѣ того, все гармонично—кроткое и рѣшительное выраженіе его лица, мягкій и твердый взглядъ большихъ, голубыхъ глазъ, нѣжный и звучный голосъ...

— Ты становишься поэтомъ,—сказала Альма.

Оттилія встала до самаго корня своихъ вьющихся изсиня-черныхъ волосъ.

— Я не отрицаю, что я его очень... очень...

— Люблю,—добавила Альма.

— Ну, да, если хочешь, то есть какъ я люблю все хорошее и прекрасное.

— Великолѣпная теорія, съ которой и я вполне согласна, къ сожалѣнію, на практикѣ мы всякій разъ должны быть готовы къ противорѣчію со стороны нашихъ мужей. Твой, по крайней мѣрѣ, не въ такомъ восторгѣ отъ твоего protégé.

— Добрый мой Эмиль!—сказала Оттилія.—Мы съ нимъ во многихъ вещахъ не сходимся, но праведное небо! въ томъ нѣтъ ничего удивительнаго. Всю жизнь свою, день и ночь онъ долженъ былъ работать, влѣдствіе чего и сдѣлался такимъ серьезнымъ и немного педантомъ; въ сущности же онъ предобрѣйшій человѣкъ, и ты въ этомъ случаѣ совершенно ошибаешься. Онъ интересуется Готгольдомъ еще гораздо больше, или по меньшей мѣрѣ столько же, какъ и я.

— Мнѣ кажется, это не такъ!

— Ну, это только кажется. Онъ боится показаться слишкомъ мягкимъ, если скажетъ, что у него на сердцѣ. Я убѣдилась, что таковы всѣ люди, прошедшіе грустно свою молодость. И сердце, такъ сказать, хочетъ имѣть свои часы веселья; если же оно ихъ не имѣло, если оно всегда билось подъ гнетомъ тяжелыхъ, печальныхъ обстоятельствъ, какъ у моего бѣднаго Эмиля, это остается на всю жизнь. Да, я хотѣла сказать, теперь совсѣмъ иное дѣло. Мой добрый Эмиль никогда и никому, даже мнѣ, не проговорился, добрый, милый человѣкъ, могла-ли я сердиться на него за это! что онъ тридцать или даже тридцать пять лѣтъ тому назадъ былъ очень влюбленъ въ мать Готгольда, когда оба они жили въ Штетинѣ, въ одномъ и томъ же домѣ. Это длинная и совершенно романическая исторія!

— Скажи, пожалуйста!—замѣтила Альма,—возможно-ли было предполагать что-либо подобное за твоимъ мужемъ!

— Полно, пожалуйста, — воскликнула Оттилія, — ты совершенно не понимаешь Эмиля, въ немъ столько свѣжести, силы, юпошескаго огня...

— Какъ ты счастлива! — сказала Альма, слегка вздохнувъ.

— Надѣюсь, что и ты не менѣе моего счастлива. Я хотѣла тебѣ объяснить, почему мой мужъ всегда бываетъ молчаливъ, когда рѣчь касается Готгольда. Во-первыхъ, вслѣдствіе приведенной мною выше причины, да, кромѣ того, онъ почему-то забралъ себѣ въ голову, что посѣщеніе Готгольдомъ Брандовыхъ принесетъ ему, т. е. Готгольду, несчастье. Ты знаешь, что Готгольдъ любилъ Сесилію, и между нами, я и теперь убѣждена, что онъ еще любитъ ее. Скажи сама, развѣ это такое большое несчастье?

— Совсѣмъ нѣтъ, только мнѣ это кажется невѣроятнымъ. Ты знаешь, я никогда не раздѣляла вашихъ увлеченій Сесиліей и никакъ не могу понять, почему всѣ мужчины влюбляются въ нее. Мужъ, повидному, не влюбленъ въ нее больше; онъ ухаживаетъ и такъ явно за одной мнѣ знакомой дамой, всякій разъ, какъ встрѣчается съ нею. Все это говоритъ въ пользу того, что сердце его не слишкомъ-то сильно склоняется на сторону извѣстнаго предмета.

— Вопросъ въ томъ, есть-ли у него сердце? Прости меня, милая Альма, ты умная женщина, и я увѣрена, любишь своего мужа, но Брандовъ очень опасный человѣкъ. Если онъ захочетъ, то держитъ себя утонченнымъ образомъ, бываетъ веселъ, оживленъ, часто остроуменъ и даже чувствителенъ, въ особенности когда нуждается въ томъ; при этомъ онъ отваженъ и смѣлъ, мастеръ на всевозможныя, ловкія штуки. Все это, какъ тебѣ извѣстно, дѣйствуетъ на насъ, женщинъ, однимъ словомъ, онъ — опасный человѣкъ. Богъ мой! какъ иначе понять, что аристократичная, поэтическая Сесилія вдругъ влюбилась въ него? Всѣ эти его качества не имѣютъ значенія безъ истинной любви, на которую я не считаю Брандова способнымъ. Допустимъ теперь, что въ такое супружество замѣнился человѣкъ, какимъ я тебѣ представилъ Готгольда, который къ тому же едва только успѣлъ преодолѣть свою юношескую страсть. Право, когда только хорошенько подумаешь объ этомъ, пожалуй, мужъ мой и не такъ неправъ, какъ мнѣ казалось; двѣ такія страстныя натуры, при уединеніи сельской жизни, нѣтъ! у меня точно глаза раскрылись. И подумать только, что вотъ ужъ цѣлая недѣля, какъ ничего не слышно о Готгольдѣ! Въ тихомъ омутѣ черти водятся, а почему же и не въ бурномъ? А я-то и подала сама поводъ, и все изъ-за своей несчастной страсти къ картинамъ!

— Я думаю, что могу тебя на этотъ счетъ успокоить, — ска-

зала Альма. — Я убѣдилась, что мужчины всегда найдутъ не тотъ, такъ другой предлогъ, чтобы сдѣлать по своему. Сегодня вечеромъ, или же самое позднее завтра, если мы останемся ночевать въ Долланѣ, могу я тебѣ принести самыя точныя и вѣрныя свѣдѣнія о всѣхъ этихъ интересныхъ сплетеніяхъ. Боюсь, что они окажутся менѣе интересными, чѣмъ ты думаешь.

— Счастливица! — сказала Оттилія и вздохнула, — какъ охотно поѣхала бы я съ тобой. Но мужъ не позволить этого ни за что!

— Позволеніе есть такое слово, котораго мужъ не долженъ приносить относительно своей жены, — сказала Альма, то снимая, то надѣвая свое обручальное кольцо на тонкій палецъ.

Разговоръ между дамами былъ прерванъ ассесоромъ Селльеномъ, поспѣшно входившимъ въ комнату.

— А! — сказала его жена, — ты уже вернулся! Прислали ли экипажъ? Я пока не расположена къ путешествію.

— Экипажа еще нѣтъ, — отвѣчалъ ассесоръ, садясь подлѣ жены и поднося къ губамъ ея руку, небрежно лежавшую на диванѣ. — Я пришелъ спросить, не пожелаешь ли ты остаться?

— Я?.. остаться здѣсь? — сказала Альма, быстро приподымалась на своемъ мѣстѣ. — Что это тебѣ вздумалось, Гуго?

— У тебя мигрень, дитя мое, и въ довольно сильной степени; я это уже раньше замѣтилъ.

— Такъ ты невѣрно замѣтилъ, милый Гуго; сегодня утромъ я чувствую себя, какъ нельзя лучше!

— И къ тому же погода отвратительная! — говорилъ ассесоръ, поглядывая задумчиво на открытую балконную дверь. — Вотъ и опять дождь! не понимаю, какъ могутъ дамы подвергать себя простудѣ.

Онъ всталъ и закрылъ дверь.

— Брандовъ долженъ прислать крытый экипажъ, — сказала Альма.

— Тѣмъ хуже! — воскликнулъ ассесоръ. — Бѣдное дитя! да развѣ ты можешь выдержать цѣлый часъ ѣзды въ крытомъ экипажѣ! И притомъ по ужаснѣйшей дорогѣ, — я хорошо знаю! ѣхать по Долланской степи послѣ того, какъ цѣлую ночь шелъ дождь! тутъ есть даже опасность для жизни.

— Я не позволю тебѣ одному подвергаться этой опасности для жизни, — сказала улыбаясь Альма.

— Совсѣмъ это другое дѣло, милое дитя! Мы, мужчины, должны идти туда, куда насъ призываетъ долгъ!

— И ожиданіе хорошаго обѣда...

— Однимъ словомъ, милая Альма, ты сдѣлаешь мнѣ удовольствіе, если останешься здѣсь.

— Я не имѣю ни малѣйшаго желанія сдѣлать тебѣ это удовольствіе, милый Гуго! будемъ говорить о чемъ-нибудь другомъ.

Ассесоръ всталъ и прошелся по комнатѣ.

— Вотъ что, — сказалъ онъ, останавливаясь. — Ты знаешь, какъ неохотно отказываю я тебѣ въ чемъ бы то ни было, но на этотъ разъ я положительно не могу тебѣ этого позволить.

Альма съ удивленіемъ взглянула на своего мужа. Оттилія же, не будучи въ состояніи сдерживать себя, громко расхохоталась и воскликнула:

— Позволеніе есть слово, котораго мужъ никогда не долженъ произносить относительно своей жены.

— Быть можетъ, слово это и не совсѣмъ прилично, тѣмъ не менѣе оно ничего измѣнить не можетъ. Дѣло въ томъ, что супругъ вашъ сдѣлалъ мнѣ нѣкоторыя сообщенія, вслѣдствіе чего мнѣ не только нежелательнымъ, но даже невозможнымъ кажется, чтобы Альма сопровождала меня. Супругъ вашъ того же со мною мнѣнія.

— Эмиль всегда слишкомъ далеко заходитъ въ своихъ опасеніяхъ, — съ неудовольствіемъ воскликнула Оттилія. — Бѣдная Сесилія не заслуживаетъ этого! Это значитъ компрометировать репутацію безъ всякой надобности и безъ всякаго основанія! Кто имѣетъ желаніе быть такимъ строгимъ, тотъ долженъ прекратить всякія сношенія!

— Я не совсѣмъ васъ понимаю, — сказалъ ассесоръ. — Какое отношеніе имѣетъ репутація госпожи Брандовой ко всѣмъ этимъ отвратительнымъ обстоятельствамъ?

— Въ свою очередь и я не понимаю васъ, — сказала Оттилія.

— Лучше всего будетъ, — возразилъ Селльенъ, — если я во избѣжаніе дальнѣйшихъ недоразумѣній расскажу, въ чемъ собственно дѣло. Хотя господинъ Вольновъ и вмѣнилъ мнѣ въ обязанность отнюдь не говорить объ этомъ, однако, лестная для меня во многихъ отношеніяхъ настойчивость жены моей, съ которой она отклоняетъ мою несмѣлую попытку уговорить ее остаться здѣсь, вынуждаетъ меня выйти изъ моей дипломатической сдержанности. Господинъ Вольновъ только что разъяснилъ мнѣ, что мою увѣренность въ томъ, будто бы Брандовъ приготовилъ десять тысячъ талеровъ, дабы вручить мнѣ ихъ, надо отнести въ область иллюзій. Двѣ недѣли тому назадъ Брандовъ писалъ мнѣ, не утаивая своихъ обстоятельствъ; онъ очень ловкій человекъ и всегда успѣвалъ вывернуться. Такъ какъ онъ не отвѣчалъ мнѣ на мое письмо, я думалъ, что онъ съ извѣстной цѣлью заставляеть меня пріѣхать и что все обстоитъ благополучно. Вдругъ узнаю я отъ вашего супруга, какъ обстоитъ дѣло, и что Брандовъ въ отчаян-

помъ положеніи. Господинъ Вольновъ говоритъ, что на всемъ островѣ не найдется ни одного человѣка, который далъ бы ему хотя одинъ талеръ съ тѣхъ поръ, какъ братья Плюгенъ и Редебасъ, такъ долго поддерживавшіе его, объявили вчера въ конторѣ Вольнова, что они потеряли всякое терпѣніе и не дадутъ ему больше ни шиллинга. За то они получаютъ отъ него, то есть должны надняхъ получить значительную сумму. Они говорили о пятнадцати тысячахъ, по мнѣнію господина Вольнова, они прихвастнули. Какъ бы тамъ ни было, даже если допустить, что это весь его долгъ, то и тогда Брандовъ пропалъ. Попечительство рассчитываетъ, что онъ уплатитъ ему завтра должную имъ за четыре года арендную плату. Если же онъ этого не сдѣлаетъ, то попечительство предъявитъ свои права, и Брандовъ будетъ окончательно раззоренъ.

— Бѣдная Сесилія! бѣдная, бѣдная Сесилія! — говорила Оттилія, рыдая.

— И мнѣ ее жаль, — отвѣчалъ ассесоръ, разсматривая свои длинные ногти. — Что же дѣлать?

— Эмиль долженъ помочь! — воскликнула Оттилія, отнимая платокъ отъ лица.

— Онъ на это не согласится, вѣдь это та же бочка Данаидъ!

— Но вѣдь вы сами, любезнѣйшій Селльенъ, вы его другъ, вы такой вліятельный человѣкъ! и отецъ Альмы предсѣдатель попечительства! Какъ вы можете допустить до гибели вашего друга!

Ассесоръ пожалъ плечами.

— Другъ! Праведное небо! Кого такъ не называемъ мы! Мои отношенія къ Брандову самыя поверхностныя, и если хотите, то просто дѣловыя. Не правда-ли, милая Альма?

— Конечно! конечно! — прошептала послѣдняя.

— Я отказался бы даже и отъ этого дѣлового характера нашихъ отношеній, если бы Альма, несмотря на такое критическое положеніе дѣлъ, вздумала сопровождать меня. Присутствіе дамъ затрогиваетъ самыя мягкія струны нашей души, а въ виду извѣстныхъ обстоятельствъ желательно было бы, хотя паружно, тщательно отстранить малѣйшую возможность послабленія. Не тако-го-ли мнѣнія и ты, милая Альма?

— Да, это очень непріятное положеніе, — отвѣчала послѣдняя.

— Не правда-ли? для чего же безъ всякой необходимости хочешь ты подвергать себя непріятностямъ? Я зналъ, что моя умная, маленькая женушка воздастъ мнѣ справедливость.

И ассесоръ пѣжно поцѣловалъ руку Альмы.

— Въ такомъ случаѣ, любезнѣйшій ассесоръ, и вамъ, мнѣ кажется, слѣдовало бы остаться, — сказала Оттилія.

— Мнѣ? Почему? Напротивъ, будетъ весьма тактично, если я, какъ ни въ чемъ не бывало, явлюсь туда, какъ будто бы не знаю и не вѣдаю ничего. Я приму страшно удивленный видъ, когда Брандовъ отзоветъ меня въ сторону и объявитъ, что не можетъ уплатить. Готовъ пари держать, что обѣдъ не покажется мнѣ оттого менѣе вкуснымъ. У него всегда чудное красное вино и великолѣпное шампанское!

Оттилія встала и вышла на балконъ. Она чувствовала потребность подышать чистымъ воздухомъ, даже подвергая себя опасности испортить свое новое, шелковое, утреннее платье; падалъ довольно частый дождь, и небо было совершенно сѣрое.

— Бѣдная, бѣдная Сесилія!—повторяла она, вздыхая. — Никто не хочетъ и не можетъ тебя спасти!

Она думала о томъ, что принесла въ приданое своему мужу пятьдесятъ тысячъ галеровъ, только безъ позволенія Эмиля она не можетъ ихъ тронуть, а онъ не позволитъ. Не попробовать-ли упасть къ его ногамъ? Когда же ей пришла въ голову эта сумасбродная идея и она представила себѣ удивленное лицо своего мужа, то едва не разразилась веселымъ смѣхомъ; въ ту же минуту слезы снова полились изъ ея глазъ и смѣшались съ каплями дождя, который билъ ее прямо въ раскраснѣвшееся лицо. Вдругъ супруги, сидѣвшіе въ комнатѣ и занятые тихимъ и, повидимому, важнымъ разговоромъ, испуганы были громкимъ крикомъ на балконѣ.

— Готгольдъ! Богъ мой, Готгольдъ!

— Гдѣ, гдѣ?—воскликнули въ одинъ голосъ ассесоръ и его жена, сбѣгавъ на балконъ.

— Вотъ онъ, тамъ!—сказала Оттилія, указывая на рыночную площадь, по которой шелъ какой-то человѣкъ въ широкомъ, лѣтнемъ плащѣ, въ надвинутой на глаза широкополой шляпѣ; онъ направлялся прямо къ дому.

— Онъ не такого высокаго роста, какъ Брандовъ,—сказала Альма, разсматривая въ лорнетъ приближающагося Готгольда.

— Что ему здѣсь нужно?—спросилъ ея мужъ.

— Мы это скоро узнаемъ,—сказала Оттилія, осторожно отъбѣгая обоихъ черезъ открытую дверь обратно въ комнату.

Готгольдъ, какъ объявила призванная дѣвушка, приказалъ доложить о себѣ только барину, и она проводила его въ контору. Совѣщаніе, каково бы ни было его содержаніе, длилось гораздо дольше, чѣмъ могло поправиться ожидавшимъ его окончанію. Цѣлый часъ, желая успокоить нетерпѣніе дамъ, рассказывалъ имъ ассесоръ о приключеніи своемъ съ Готгольдомъ на островѣ Сициліи, причѣмъ многое преувеличивалъ. Наконецъ, показался Вольновъ, по одинъ.

Все были удивлены и едва могли успокоиться, когда Вольновъ сказалъ, что Готгольдъ ушелъ на «Княжеское Подворье», чтобы переодѣться; онъ возвратится къ завтраку, если дѣла позволятъ. Все изъявили желаніе узнать, что это за дѣла, которыя не терпятъ отлагательства и для исполненія которыхъ Готгольдъ назначилъ воскресное послѣобѣденное время.

— Дамы могутъ сами спросить его объ этомъ, — отвѣчалъ Вольновъ, — онъ меня не избиралъ въ свои повѣренные. Я знаю одно, что онъ съ нашимъ другомъ отправится обратно въ Долланъ, затѣмъ, воспользовавшись его любезностью, будетъ сопровождать его сюда сегодня же вечеромъ или завтра. Дѣло кажется въ томъ, чтобы поскорѣе купить какой-то подарокъ; онъ напоследокъ хочетъ сдѣлать сюрпризъ своимъ Долланскимъ друзьямъ. Объ остальномъ я умолчу.

И Вольновъ, тихонько напѣвая мелодію изъ Фигаро, съ самымъ, повидимому, беззаботнымъ видомъ удалился изъ компаты, желая избѣжать дальнѣйшихъ вопросовъ.

— Я нахожу крайне невѣжливымъ, что онъ, по крайней мѣрѣ, не явился откланяться; — сказала Альма, — и я имѣю большое желаніе наказать его за это и не явиться къ завтраку.

— Нѣтъ! прошу тебя! — воскликнулъ ассесоръ.

Оттилія молчала. Она слишкомъ хорошо знала своего мужа и, несмотря на его кажущійся, непринужденный видъ, отъ нея не ускользнули ни его мрачный взглядъ, ни озабоченное выраженіе его лица. Она чувствовала, что разговоръ его съ Готгольдомъ не былъ такъ простъ, что въ воздухѣ чуеться какая-то непріятность, пожалуй, даже несчастье. Она была убѣждена, что супруги Селльенъ напрасно такъ горчатся, такъ какъ Готгольдъ врядъ-ли появится къ завтраку.

XIX.

Вотъ уже полчаса, какъ между мокрыми шпалерами терновника по грязнымъ отъ дождя дорожкамъ Долланскаго сада бродитъ взадъ и впередъ собравшееся общество, поджидая пріѣзда ассесора, а также и обѣда.

— Хорошій ты малый, нечего сказать! — закричалъ вдругъ Редебасть, стоя подбоченившись, — истинный образецъ гостепріимнаго хозяина! Приглашаешь насъ ради неизвѣстнаго намъ чловѣка, а тотъ даетъ тягу, несмотря ни на дождь, ни на туманъ! Все мы пріѣхали, желая видѣть жену твою, а ей почему-то вздумалось имѣть мигрень сегодня и не показываться намъ! Жди тутъ еще ассесора, да бѣгай по мокрому саду, точно лошади по сту-

пальной мельницѣ! Даю тебѣ еще десять минутъ времени, — если мы не сядемъ за столъ, я приказываю запрягать, и мы будемъ обѣдать въ Далицѣ, право, не хуже твоего. А? пасторъ? что скажешь на это?

Редебасъ громко расхохотался, съ размаху ударивъ по плечу пастора, который прѣѣхалъ съ нимъ въ одномъ экипажѣ. Брандовъ, смѣясь, возразилъ, что надо имѣть терпѣніе и что не его вина, если ассесоръ не прѣѣхалъ, а у него сегодня все какъ-то не ладится. Что же касается обѣда, онъ давно уже готовъ.

— Такъ веди насъ къ столу, чортъ возьми! не то я унаду въ обморокъ, — кричалъ Редебасъ.

Псѣвбоятнымъ казалось, чтобы такой великанъ-атлетъ подверженъ былъ подобной слабости, но Брандовъ имѣлъ множество причинъ, чтобы не раздражать своихъ гостей. Дабы нѣсколько сократить время, въ ожиданіи обѣда устроили небольшую партію игры, за ходомъ которой пасторъ слѣдилъ съ большимъ интересомъ, но участія въ ней не принималъ; Брандовъ же проигралъ нѣсколько сотенъ талеровъ, весьма незначительную сумму въ сравненіи съ тѣмъ, сколько онъ долженъ былъ своимъ гостямъ. Всѣ отнеслись крайне дурно къ этому проигрышу, нисколько не скрывая своего неудовольствія, тѣмъ болѣе, что Брандовъ ни однимъ словомъ не упоминалъ о дѣлахъ, для приведенія которыхъ въ порядокъ собралось все общество. Онъ, безъ сомнѣнія, не могъ уплатить. Это предвидѣли еще раньше, и на этомъ-то предположеніи и строили совмѣстно предпринятую сдѣлку оба, Плюгенъ и Гансъ Редебасъ, но никто изъ нихъ не имѣлъ никакого желанія видѣть себя въ положеніи честнаго человѣка, обманутаго самымъ безсовѣстнымъ образомъ.

Больше всѣхъ раздраженъ былъ Редебасъ. Условія, на которыя онъ согласился при заключеніи совмѣстной сдѣлки, съ каждой минутой все менѣе и менѣе нравились ему. Зачѣмъ не уплатилъ онъ одинъ всей суммы, или же, по крайней мѣрѣ, не выговорилъ на свою долю второго заклада, — пшеничнаго урожая, предложеннаго Брандовымъ вмѣстѣ съ Броунлокомъ? Пшеница, какъ онъ только что убѣдился, была сверхъ всякаго ожиданія преотмѣнная, и онъ рассчитывалъ получить на ней порядочный барышъ; что касается лошади, то тутъ еще бабушка на двое ворожила. Съ тѣхъ поръ, какъ комитетъ отвелъ для скачекъ большое пространство болотистой земли, шансы Броунлока значительно упали, — всѣ признавали его очень тяжелой лошадыю. Какое дѣло такому основательному человѣку, какъ Гансъ Редебасъ, до такихъ вещей, что годятся лишь для дворянъ! Пусть бы Плюгенъ раздѣлялись съ лошадыю, какъ хотѣли! Это ихъ ремесло, они знаютъ въ немъ

толку и ну, ихъ, съ Богомъ! пусть бы и брали ее себѣ, а ему предоставили пшеницу! Однако, братья, несмотря на разладъ, существовавшій между ними и вошедшій даже въ пословицу, дѣйствовали на этотъ разъ сообща. Разъ заключенъ договоръ, его нарушать нельзя; если же Гансъ Редебасъ думаетъ, что онъ одинъ знаетъ, гдѣ раки зимуютъ, то жестоко ошибается. Такъ какъ Редебасъ не могъ излить всей своей злобы на компаньоновъ, то считалъ себя въ правѣ быть грубымъ и безпощаднымъ относительно Брандова. Еще до начала обѣда онъ сверхъ мѣры злоупотреблялъ этимъ правомъ; вино же, выпитое имъ въ громадномъ количествѣ за столомъ, несмотря на свои превосходныя качества, не было способно улучшить расположеніе духа великана.

Въ другое время Брандову ничего не стоило бы отвѣчать на грубыя шутки своего противника и привлечь на свою сторону всѣхъ зубоскаловъ, ибо между товарищами онъ слылъ всегда за человѣка, котораго нельзя раздражать безнаказанно;—сегодня же онъ лишился и смѣлости и остроумія. Онъ дѣлалъ видъ, что не слышитъ, чего нельзя было не слышать, не понималъ, что было такъ ясно и понятно; онъ смѣялся тамъ, гдѣ обыкновенно раздражался гнѣвомъ, и съ блѣдными, дрожащими губами старался, насколько могъ, дать шуточный оборотъ разговору, причемъ прибѣгалъ къ самымъ сильнымъ средствамъ, и разсказывалъ такіе анекдоты, что даже терпѣливый пасторъ находилъ ихъ неприличными.

Несмотря на смѣхъ и шумъ и на иблый рядъ пустыхъ бутылокъ подъ столомъ, дѣлавшійся все длиннѣе и длиннѣе, никому обѣдъ не казался такимъ скучнымъ и безконечнымъ, какъ самому хозяину. Брандовъ зналъ по многолѣтнему опыту, что нервы его могутъ многое выдержать, но онъ чувствовалъ, что врядъ-ли въ состояніи будетъ довести до конца предпринятое имъ. Когда онъ, какъ безумный, смѣялся надъ какой-то исторіей, которою потѣшалъ своихъ гостей, у него дрожали руки отъ желанія вынуть изъ чапа бутылку съ шампанскимъ и разбить ее на большой, черповолосой головѣ Галса Редебаса. Онъ чувствовалъ, что силы его слабѣютъ, что онъ не въ состояніи долѣе сдерживать себя, если Генрихъ Шеель не скоро пріѣдетъ и не избавитъ его отъ ужасной муки ожиданія и неизвѣстности. Но эта мука казалась ему ничтожной въ сравненіи съ другой: сознаемъ, что жена его любитъ того другого,—его же такъ глубоко презираетъ, что не можетъ даже ненавидѣть, и что онъ вполне заслуживаетъ этого презрѣнія. Снова и снова, съ быстротою молніи, въ то время, какъ онъ подносилъ стаканъ къ губамъ, выживая его залпомъ, представлялась ему вся сцена, происшедшая сегодня ночью въ ея

спальнѣ, когда онъ съ сжатыми кулаками стоялъ передъ нею, а на блѣдномъ лицѣ ея не дрогнулъ ни одинъ мускуль, пока онъ не нанесъ ея сердцу смертельнаго удара, который такъ безпощадно былъ подготовленъ имъ. Ея сердцу! Да, это была ловкая штука! Ударъ этотъ обрушился на нее, гордую, высокомерную, подобно тому, какъ пуля попадаетъ въ лапу, беззаботно срывающую листья, и далъ ему возможность одержать верхъ и сдѣлать се своимъ послушнымъ орудіемъ, безъ всякой воли... Хорошъ выигрышъ!—сидѣть тутъ и выносить дерзкія, азвительныя рѣчи Редобаса, смѣяться надъ своими собственными глупыми островами, видѣть глупыя лица Плюгеновъ, быть любезнымъ съ святошей пасторомъ, обращая въ то же время вниманіе, чтобы никто не оставался съ пустыми стаканами, и среди всего этого шума то и дѣло прислушиваться, не слышно-ли стука приближающагося экипажа, который привезетъ Генриха, а съ нимъ вмѣстѣ и деньги, ради которыхъ онъ такъ поступилъ, такъ настрадался, и безъ которыхъ онъ погибшій человѣкъ! Наконецъ! наконецъ! вотъ раздался стукъ копытъ и шумъ подѣхавшаго экипажа! Кромѣ него, никто ничего не слышалъ, — тѣмъ лучше, онъ успеетъ поговорить съ Генрихомъ.

Подъ тѣмъ предлогомъ, что ему нужно достать другой сортъ шампанскаго, онъ оставилъ своихъ гостей и носильно направился къ открытой входной двери, у которой остановился экипажъ; онъ увидѣлъ ассессора, разговаривавшаго съ Генрихомъ. Изъ открытой двери его комнаты послышался голось, называвшій его по имени; обернувшись на зовъ, онъ увидѣлъ ненавистнаго ему человѣка. Исцугъ и ярость овладѣли имъ! точно обоюдоострый мечъ вонзился ему въ сердце! Что заставило его вернуться? Какъ осмѣлился онъ вернуться? Не хочетъ-ли онъ сказать, что у него нѣтъ денегъ, что онъ не хочетъ платить?

— Передъ нами нѣсколько свободныхъ минутъ, — сказалъ Готгольдъ, закрывая дверь за вошедшимъ Брандовымъ; — Ассессора еще нѣтъ здѣсь. Онъ ничего не знаетъ, да и никто ничего не знаетъ, за исключеніемъ Вольнова, само собою разумѣется, ибо деньги, требуемыя тобой, я не могъ достать безъ него, не могъ также доставить ихъ тебѣ такимъ образомъ, какъ ты того желалъ, вотъ почему я и вынужденъ былъ вернуться назадъ. Ты желалъ получить наличными деньгами пятнадцать тысячъ. Вольновъ не могъ мнѣ дать больше десяти тысячъ, завтра у него значительные платежи по случаю закупки зерна. На остальное я привезъ тебѣ три векселя, по пяти тысячъ каждый, они акцептованы Нольновымъ и могутъ быть предъявлены въ Зюндингъ у Филиппа Ватансона, извѣстнаго банкира. Эти векселя тѣ же наличныя деньги

при той репутаціи, которою пользуется Вольновъ во всей окружности, въ томъ числѣ и у твоихъ друзей. Мнѣ кажется, ты можешь обойтись ими; въ случаѣ чего-нибудь я здѣсь и могу придти тебѣ на помощь съ своимъ кредитомъ, хотя я вполнѣ увѣренъ, что въ этомъ не встрѣтится надобности.

Готгольдъ положилъ на столъ большой, запечатанный конвертъ и, вынувъ изъ кармана три векселя, передалъ ихъ Брандову. Послѣдній внимательно пробѣжалъ ихъ, дабы убѣдиться, что бумаги эти на самомъ дѣлѣ могли замѣнить собою наличныя деньги.

Онъ былъ ошеломленъ! Странное чувство овладѣло имъ:—освобожденіе отъ мучительной неизвѣстности, увѣренность въ спасеніи изъ отчаяннаго положенія, надежда выиграть громадную сумму съ помощью вновь пріобрѣтеннаго Броунлока, выйдя побѣдителемъ на предстоящихъ скачкахъ, все это охватило его радостнымъ восторгомъ, и онъ почувствовалъ какъ бы необходимость заключить въ свои объятія, какъ друга и спасителя, того человѣка, который помогъ ему. Но вдругъ въ головѣ его мелькнула мысль, какимъ мечтателемъ и фантазеромъ ни былъ бы этотъ человѣкъ, онъ не довѣрилъ бы ему такой значительной суммы, составлявшей почти цѣлое состояніе, если бы не случилось самаго худшаго, что рисовала ему его ревнивая и грязная фантазія. Неподвижный взглядъ его, устремленный на Готгольда, казалось, говорилъ: «я готовъ раздавить тебя, какъ змѣю, ползущую на моей дорогѣ!»

— Я не думаю, чтобы ты когда-либо былъ въ состояніи уплатить мнѣ эти деньги,—сказалъ Готгольдъ;—тебѣ, пожалуй, будетъ пріятно слышать, что я напередъ отказывалось не только отъ уплаты, но даже и отъ долгового свидѣтельства.

Онъ вышелъ изъ комнаты. Брандовъ хрипло расхохотался.

— Такъ вотъ какъ! — пробормоталъ онъ.—Какихъ доказательствъ еще требуется! Вы оба поплатитесь мнѣ за это! Такъ дорого поплатитесь, что все происшедшее лишь капля въ морѣ въ сравненіи съ тѣмъ, что васъ ожидаетъ!

Въ дверь, остававшуюся открытой послѣ ухода Готгольда, заглянулъ ассессоръ. Онъ слышалъ, что Брандовъ здѣсь и послѣднимъ воспользоваться удобной минутой, чтобы глазъ на глазъ поздоровался съ другомъ и выразить ему сожалѣніе, что дѣла Готгольда задержали его въ Прорѣ; онъ даже не могъ привезти съ собой жены своей, она страдаетъ страшною мигренью. Брандовъ отвѣчалъ, что это служитъ доказательствомъ симпатіи душъ, ибо жена его страдаетъ тѣмъ же сегодня. Услышавъ его саркастическій и презрительный тонъ, ассессоръ втихомолку поздра-

вилъ себя за свою осторожность, что прїѣхалъ одинъ въ этотъ домъ раздора. Каково же было его удивленіе, когда Брандовъ съ кажущейся непринужденностью прибавилъ:

— Мы теперь одни; воспользуемся этимъ и приведемъ наши дѣла въ порядокъ. Здѣсь извѣстныя вамъ десять тысячъ; я получилъ ихъ отъ Вольнова въ уплату за прошлогоднюю полевую рѣпу и доставку незначительнаго количества зерна. Пакетъ еще запечатанъ печатью Вольнова. Хотя мнѣ это кажется совершенно излишнимъ и ненужнымъ, но если вы желаете, то прошу васъ не стѣсняться и пересчитать. Когда вы будете готовы, приходите ко мнѣ. Я сейчасъ приготовлю вамъ квитанцію; будьте такъ добры, подпишите ее.

Ассесоръ былъ удивленъ; онъ положительно не зналъ, что ему отвѣчать. На всякій же случай, хотя на пакетѣ и была печать Вольнова, онъ рѣшилъ тщательно пересчитать, что въ немъ содержалось. Брандовъ быстро написалъ квитанцію и, проговоривъ насмѣшливо: «Не просчитайтесь, любезнѣйшій ассесоръ!»— вышелъ изъ комнаты.

Онъ сѣвшилъ, чтобы имѣть возможность поговорить съ своимъ довѣреннымъ. Экипажъ еще стоялъ у подъѣзда, но Генрихъ не могъ ему сказать, почему отъѣздъ изъ Проры такъ замедлился. Онъ думалъ, что вся задержка была изъ-за денегъ, — быть можетъ, ждали возвращенія Луи Лоитца, который куда-то уѣзжалъ. Жена ассесора совсѣмъ не больна; она стояла на балконѣ подлѣ жены Вольнова и посылала поцѣлуй отъѣзжавшимъ. Что говорили дорогой господа, онъ не знаетъ; все время болтали они на какомъ-то неизвѣстномъ языкѣ. За то онъ замѣтилъ каждую промоину на дорогѣ, а сегодня послѣ дождя ихъ такъ изрядное количество. Поѣздка не особенно пришлась по вкусу господину ассесору; онъ подъ конецъ на чистомъ нѣмецкомъ языкѣ проклиналъ дорогу и клялся, что сегодня ни за что не поѣдетъ, ни даже ради бочки съ золотомъ. На это другой отвѣчалъ, что онъ тогда и одинъ отправится, такъ какъ ни въ какомъ случаѣ не останется на ночь въ Доллапѣ.

Завязывая веревку, Генрихъ Шесль говорилъ, какъ бы про себя: «Вхать—куда какъ худо почью, если она будетъ такая же темная, какъ сегодня».

Онъ поднялъ голову; взоры слуги и господина встрѣтились, и тотчасъ же оба отвернулись въ разныя стороны.

— Не въ первый разъ случается несчастье съ тѣми, кто ѣздитъ въ такую ночь, — медленно проговорилъ Брандовъ.

— Стоитъ только вучеру быть неосторожнымъ, — отвѣчалъ Генрихъ.

Взоры ихъ встрѣтились. Сомнѣнія не было, — они поняли другъ друга, теперь какъ и всегда. Брандову хотѣлось, чтобы Генрихъ сказалъ еще одно, послѣднее слово, по тотъ, какъ ни въ чемъ не бывало, снова повернулся къ лошадямъ. Изъ столовой послышался шумъ и крикъ гнѣвныхъ голосовъ, и велѣдъ за этимъ повилась Рика.

— Что случилось? — спросилъ Брандовъ.

— Вотъ уже четверть часа, какъ они все о чемъ-то спорятъ; того и гляди схватятся другъ съ другомъ.

— Мы еще поговоримъ, — закричалъ Брандовъ Генриху, отъѣзжавшему отъ дома и затѣмъ втащилъ Рiku въ темныя сѣни.

— Онъ опять пріѣхалъ; прослѣди, гдѣ онъ и какъ только что-нибудь замѣтишь, скажи мнѣ!

— Я не имѣю никакого желанія бѣгать за ними сзади, — отвѣчала Рика.

— Тебѣ, конечно, больше по вкусу, когда мужчины бѣгаютъ и ухаживаютъ за тобою?

— Почему же и пѣтъ?

— Ты помнишь, что я тебѣ пообѣщала сегодня ночью, — прошептала Брандовъ, обнимая служанку за талию и наклоняясь къ ней на ухо.

— Обѣщать и сдержать свое слово — двѣ вещи разныя, — сказала Рика, не особенно-то спѣша освободиться отъ Брандова.

Шумъ въ столовой дѣлался все сильнѣе.

— Слушай! ты вѣдъ добрая дѣвочка, когда захочешь — слѣлаешь. Я пойду посмотрѣть, что тамъ такое.

Гансъ Редебасъ, желая воспользоваться отсутствіемъ хозяина, еще разъ предложилъ обоимъ Плюггенамъ оставить на его долю пшеницу Брандова и взять въ свое исключительное владѣніе Броунлока; свидѣтелемъ честности своихъ намѣреній онъ выставилъ пастора, съ которымъ успѣлъ сговориться по дорогѣ въ Доллапъ. Опьянѣвшій пасторъ, желая подслужиться своему покровителю, постарался разъяснить выгоды повои сдѣлки для всѣхъ участниковъ и такими яркими красками разрисовалъ ихъ, что Плюггены были поражены и взяли обратно наполовину данное ими согласіе. Редебасъ называлъ пастора дуракомъ, говоря, что онъ всюду мѣшается, ничего не понимая за исключеніемъ всякаго богословскаго здрава; ему бы только и раскрывать ротъ, что на каюдрѣ. Пасторъ вскочилъ и закричалъ, что онъ — бывшій студентъ университета въ Галлѣ, не потерпитъ такихъ глупыхъ шутокъ и ни передъ кѣмъ унижаться не намѣренъ, будь то хоть его благодѣтель; на это Редебасъ громко расхохотался, что окончателно взбѣсило опьянѣвшаго пастора.

Между Плюггенами завязался также какой-то споръ. Густавъ шешуль своему брату, что онъ не прочь принять предложеніе Редебаса, если тотъ доплатитъ еще двѣ тысячи. Отто, какъ старшій, предостерегалъ младшаго ни въ какія сдѣлки не вступать съ Редебасомъ, у котораго больше ума въ одномъ мизинцѣ, чѣмъ у него въ цѣлой головѣ. Густавъ почувствовалъ себя оскорбленнымъ этимъ сомнѣніемъ въ его умственныхъ способностяхъ и началъ про себя поговаривать о соломѣ, случайно найденной въ головѣ у другихъ, дѣлая тѣмъ намекъ на извѣстное насмѣшливое прозвище старшаго брата. Это, понятно, вызвало возраженіе со стороны Отто, въ которомъ не послѣднее мѣсто отведено было и сѣну. Всѣ четверо кричали, одинъ наперерывъ передъ другимъ, къ большому удивленію грума Фритца, который слушалъ съ разинутымъ ртомъ, пока не почувствовалъ внезапно, какъ кто-то ударилъ его по плечу; обернувшись, онъ увидѣлъ подлѣ себя своего господина.

— Ступай вонъ и не приходи, пока я тебя не позову.

Фритцъ вышелъ. Брандовъ еще разъ быстро оглянулъ сидѣвшихъ за столомъ и спорившихъ между собою.

— Самое подходящее время, — процѣдилъ онъ сквозь зубы. Онъ подошелъ къ столу и, не садясь на свое мѣсто, сталъ, облокотившись на спинку стула; обращаясь ко всѣмъ четверемъ, которые вдругъ замолкли и съ смущенными лицами смотрѣли на него, онъ сказалъ:

— Извините, господа, если я помѣшаю вашей интересной бесѣдѣ, тѣмъ болѣе, что намѣренъ просить васъ приступить къ дѣлу, которое должно быть приведено въ порядокъ. Генрихъ Шеель только что вернулся изъ Проры вмѣстѣ съ ассесоромъ и еще другимъ господиномъ, объ имени котораго я пока умолчу. Я просилъ Вольнова уплатить мнѣ изъ должныхъ имъ денегъ пятнадцать тысячъ. Онъ просилъ извинить его, что взамѣнъ наличныхъ присылаетъ мнѣ векселя, которые выданы на мое имя Луи Лоитцемъ и К. въ Прорѣ, акцептованы самимъ Вольновымъ и могутъ быть предъявлены въ Зюндинѣ у Филиппа Натансона. Не будете-ли вы любезны взамѣнъ этихъ векселей, каждый на пять тысячъ, возвратитъ мнѣ три росписки, выданныя вамъ недавно отъ меня, если послѣднія случайно находятся при васъ.

Брандовъ насмѣшливо раскланялся и, держа въ приподнятой рукѣ вѣеромъ сложенные векселя, показалъ ихъ присутствующимъ.

Гости недовѣрчиво переглянулись. Дѣло казалось имъ не въ порядкѣ; росписки были на наличныя деньги, и они не были обязаны принимать векселей. Такъ какъ они передъ этимъ много спорили, то и не были въ состояніи придти къ какому-либо соглаше-

пю; въ сущности же каждый изъ нихъ былъ доволенъ, что другой обманулся въ вѣрной добычѣ.

— Ну же, господа!—воскликнулъ Брандовъ,—надѣюсь, что ни одинъ изъ васъ не можетъ заявить неудовольствія по поводу моего платежа. Это было бы оскорбленіемъ честнаго Вольнова, намъ всёмъ отъ времени до времени приходится обращаться къ нему. Ассесоръ можетъ каждую минуту войти, не желаете-ли, чтобы онъ былъ свидѣтелемъ того, какимъ образомъ господа Плюггенъ и Редебасъ изъ Далица сѣбшать помочь старому товарищу въ его стѣсненныхъ обстоятельствахъ?

Въ сѣняхъ послышался голосъ ассесора.

— Давай сюда!—сказалъ Гансъ Редебасъ.

— По мнѣ, какъ хочешь,—продолжалъ Отто фонъ-Плюггенъ.

— Я не намѣренъ быть помѣхой,—заявилъ Густавъ.

Векселя скрылись въ бумажникахъ и взамѣнъ ихъ Брандовъ получилъ свои росписки. Съ какой ироніей смѣялся онъ, когда, скомкавъ никуда ненужныя бумаги, сузулъ ихъ въ свой карманъ. Въ комнату входилъ ассесоръ.

Брандовъ воспользовался его приходомъ и приказалъ убирать со стола обѣдъ, который такъ безконечно тянулся для него. Дождь пересталъ идти, и онъ предложилъ своимъ гостямъ, не пожелаютъ-ли они пить кофе въ саду, гдѣ гораздо прохладнѣе, чѣмъ въ душевной комнатѣ. Онъ предполагалъ, что Готгольдъ въ саду, и не ошибся; онъ нашелъ его гуляющимъ взадъ и впередъ по самымъ отдаленнымъ дорожкамъ. Пока Брандовъ завѣрялъ всѣхъ, что пріѣдомъ Готгольда онъ желаетъ сдѣлать имъ пріятный сюрпризъ, послѣдній молчалъ, а затѣмъ извинился, что вслѣдствіе головной боли, такъ часто донимающей его, онъ вынужденъ былъ удалиться, желая выждать, пока она пройдетъ, дабы имѣть возможность представиться обществу. Плюггены изъявили свое восхищеніе по случаю встрѣчи съ старымъ школьнымъ товарищемъ, котораго въ душѣ порядочно таки ненавидѣли, а Редебасъ сказалъ, что считаетъ особенною честью для себя познакомиться съ такимъ знаменитымъ человѣкомъ, причѣмъ изъ словъ его ясно было видно, что ему положительно неизвѣстно, въ какой отрасли человѣческой дѣятельности снискалъ себѣ славу Готгольдъ. Пасторъ, помогавшій ему во всѣхъ затрудненіяхъ, не могъ доставить никакихъ свѣдѣній на этотъ счетъ, ибо обнималъ ассесора, котораго видѣлъ въ первый разъ, и увѣрялъ его въ своей вѣчной дружбѣ. Ассесоръ смѣялся и, благодаря своему юмору, продолжалъ смѣяться даже и тогда, когда Гансъ Редебасъ, желая показать свою необыкновенную силу, поднялъ на воздухъ обнимающихся и принялся носить ихъ по площадѣ. Отто Плюггенъ, увлеченный примѣромъ, вытанцилъ нелко-

вый носовой платокъ и, схвативъ его за оба конца, принялся взадъ и впередъ скакать черезъ него, а Густавъ, подражая мудрому брату, балаусировалъ садовый стулъ на воздухѣ, держа его зубами за одну изъ ножекъ.

— Я не прочь показать вамъ и свои фокусы, — воскликнулъ Брандовъ, — для чего попрошу васъ послѣдовать за мной.

Онъ направился къ маленькой палаткѣ и открылъ ее; она вела прямо на ристалище, гдѣ обыкновенно гоняли скаковыхъ лошадей. Площадь эта, примыкавшая съ одной стороны къ конюшнямъ, была окружена съ трехъ сторонъ досчатымъ заборомъ вышиною въ человѣческой ростъ. Брандовъ ревниво оберегалъ ее отъ постороннихъ взоровъ. Тенерь онъ наслаждался завистливыми взглядами землевладѣльцевъ, но это было еще не все, онъ придумалъ болѣе чувствительное для нихъ оскорбленіе. Когда общество направилось къ конюшнямъ, оттуда выпелъ Генрихъ Шеель, ведя подъ уздцы Броунлока. Чудное животное скрежетало зубами отъ нетерпѣнія, терлось головой о плечо конюха и смотрѣло на всѣхъ большими черными глазами, какъ бы вызывая каждого, у кого хватить смѣлости, помѣряться съ нимъ.

— Ну, господа! — воскликнулъ Брандовъ, — вы такъ желали имѣть возможность ѣздить на Броунлокѣ; вотъ онъ! Держу пари на десять луидоровъ, что ни одному изъ васъ не удастся даже въ сѣдло попасть.

— Я не имѣю никакого желанія переломить животному спинной хребетъ, — пробормоталъ Гансъ Редebasъ.

Отто Плюгенъ заявилъ, что онъ оступился, прыгая черезъ платокъ; одинъ Густавъ выразилъ желаніе выиграть десять луидоровъ.

Густавъ Плюгенъ былъ всеми признанный хорошій ѣздокъ; не одинъ разъ бралъ онъ призъ на скачкахъ въ Зюндинѣ. Ни минуты не сомнѣвался онъ, что выиграетъ закладъ, но считалъ благоразумнымъ, какъ можно осторожниѣе приступить къ дѣлу. Онъ нѣсколько разъ обошелъ вокругъ рысака, чтобы приучить его къ своему виду, трепалъ его по гибкой шеѣ, гладилъ челку, приводилъ въ порядокъ узду, все время продолжая съ нимъ разговаривать, наконецъ, приказалъ Генриху пустить лошадь и отойти въ сторону. Но едва дотронулся онъ ногою до стремени, какъ Броунлокъ сдѣлалъ сильный скачекъ-въ сторону, но Густавъ остался доволенъ тѣмъ, что успѣлъ удержать поводъ въ рукахъ. Нѣсколько разъ повторилъ онъ свою попытку, но все также безуспѣшно.

— Я могъ бы тебѣ это напередъ сказать, — закричалъ Редebasъ.

— Ты снова без нужды компрометируешь себя, — прокартавил Отто.

Готгольдъ замѣтилъ, что Генрихъ Шеель постоянно становился впереди лошади, пристально смотря на нее своими косыми глазами и всякій разъ, какъ Густавъ хотѣлъ вскочить въ сѣдло, дѣлалъ едва замѣтное движеніе головой, и животное, слѣдившее за нимъ своими черными глазами, немедленно дѣлало скачекъ въ сторону или же подымалось на дыбы.

— Мнѣ кажется, господинъ Плюггенъ, вы сдѣлаете хорошо, если прикажете Генриху отойти въ сторону, — сказалъ Готгольдъ.

— Я думаю, Густавъ откажется отъ своего намѣренія, — спокойно воскликнулъ Брандовъ. — Я въ шутку предложилъ пари. Дѣло въ томъ, что Генрихъ выдрессировалъ Броунлока такимъ образомъ, что никто не могъ ѣздить на немъ кромѣ меня и его. Я самъ не могу упасть въ сѣдло и держаться на немъ, если Генрихъ того не захочетъ. Вотъ онъ фокусъ, который я хотѣлъ вамъ показать.

Кромѣ Готгольда, всѣ приняли это за шутку; но на самомъ дѣлѣ оказалось, что Броунлокъ только тогда позволилъ сѣсть на себя верхомъ, когда Генрихъ подалъ ему извѣстный знакъ. Броунлокъ становился на дыбы, и Брандовъ едва не былъ выбитъ изъ сѣдла, если бы Генрихъ взглядомъ не успокоилъ обезумѣвшее животное и тѣмъ не освободилъ и всадника и лошадь отъ вліянія какой-то таинственной силы.

Началась вторая часть представленія, придуманнаго Брандовымъ для своихъ гостей. Онъ ѣздилъ на Броунлокѣ по всему ристалищу, преодолевая препятствія съ необыкновенною легкостью и тѣмъ блистательно доказывая все свое искусство верховой ѣзды, а также необыкновенную силу и твердую поступь чуднаго животного, что наполнило жгучей завистью сердца его трехъ соперниковъ.

— Стыдно, право, что у такого продувнаго малаго и такая прекрасная лошадь, — говорилъ Густавъ Плюггенъ, присоединившись къ Готгольду, пока остальные осматривали конюшни и лошадиный выгонъ; — да, но истинно стыдно! Правда, для мѣщанина онъ замѣчательный всадникъ, но по настоящему мѣщанинъ не долженъ имѣть права держать скаковыхъ лошадей. Я много объ этомъ говорилъ въ комитетѣ, когда восемь лѣтъ тому назадъ мы въ Зюндинѣ устраивали ристалище, но подѣлать ничего не могъ. Вотъ мы и у праздника! Четыре года подрядъ Брандовъ отбиваетъ у насъ самые лучшіе призы; съ ума, право, сойдешь отъ этого! Онъ давно былъ бы раззоренъ, если бы его не поддерживали скачки и... его жена.

— Его жена?

— Ну, конечно! Мы бы давно отказывали ему даже въ пфенигѣ, и только ради жены его, которая по истинѣ великолѣпна, не хотимъ допустить его до гибели. Онъ это самъ лучше всѣхъ знаетъ; она всякій разъ поддерживаетъ его, какъ только является рискъ новаго займа. Такъ, напримѣръ, восемь дней тому назадъ, когда мы были въ Плюгенгофѣ, и Отто въ присутствіи жены своей, урожденной фонъ-Грибенъ Кеффенъ, принялся ухаживать за женой Брандова и, по своему обыкновению, самымъ забавнымъ образомъ, тотчасъ же въ карманѣ у того очутилось 5.000 тал. Со стороны Отто это было безуміемъ, вѣдь мы рѣшили съ нимъ, что вдвоемъ не дадимъ больше 5.000 тал. Мы бы могли обдѣлать съ нимъ великолѣпное дѣльце, если бы этотъ проклятый жидъ не вмѣшался сюда. И на кой чортъ помочь онъ ему! Ассесоръ сказалъ мнѣ, что ему также уплачено. Подумать только, — 25.000 тал. въ одинъ разъ! Я тутъ ничего понять не могу, а это не даромъ — я вѣдь знаю всѣ его пронырства! Пасторъ говорить, что, кромѣ тебя, никто не могъ дать ему денегъ; будто бы Брандовъ потому и смотрѣлъ сквозь пальцы, когда ты за его женой... стой! незачѣмъ изъ-за этого уходить. Поповскія билетны и больше ничего! Врядъ-ли ты рѣшился бы дать 25.000 тал., — смѣшно! однако же, онъ ихъ получилъ, это фактъ, какъ говорятъ въ Англіи. Я вѣдь былъ въ Англіи! да, былъ... восемь лѣтъ тому назадъ, когда мы устраивали скачки въ Зюндинѣ, и четыре года тому назадъ, когда Гюри-Гарри взялъ призъ въ Дерби. Замѣчательная страна... лошади, женщины, овцы... замѣчательныя. Да! что я хотѣлъ сказать? теперь у него 25.000 тал., Долланъ на пять лѣтъ, какъ сказалъ ассесоръ и Броунлокъ! что за лошадь! клянусь честью, я даже въ Англіи ничего подобнаго не видывалъ; какъ удобно сидѣть на ней! Что за колѣни! и какъ она выѣзжена! божественно! только слишкомъ тяжела... ей ни за что не переѣхать болота, что у насъ на ристалищѣ. Говорятъ, принцъ Прора сказалъ, что это нечестная забава; онъ теперь въ Берлинѣ и пріѣдетъ сюда на скачки. Пусть его говорить! вѣдь онъ не принимаетъ участія въ скачкахъ! Развѣ ты не войдешь съ нами? мнѣ послышалось, что хотятъ еще устроить ставку, или что-то въ родѣ этого.

— Я никогда не игралъ и... у меня опять начинается головная боль.

— Странно! я совсѣмъ не знаю, что такое головная боль, какъ будто бы у меня и головы нѣтъ. Это у васъ, живописцевъ, отъ масляныхъ красокъ. Отвратительный запахъ!

XX.

Молодой человекъ прошелъ вслѣдъ за другими въ комнату Брандова направо изъ сѣней; Готгольдъ, взглянувъ въ окно, увидѣлъ приготовленный ломберный столъ.

— Что это, господинъ Веберъ? неужели вы хотите оставаться на дворѣ?—подойдя къ нему, спросила Рика, стоявшая передъ тѣмъ въ сѣняхъ.

Она довольно привѣтливо посматривала на него своими сѣрыми глазами. У него мелькнула мысль, что, быть можетъ, отъ него зависѣло привлечь на свою сторону это алчное созданіе, что онъ еще можетъ и даже долженъ исправить свой промахъ, если хочетъ достигнуть цѣли, ради которой возвратился въ Долланъ. Сегодня утромъ онъ, уѣзжая, порядкомъ одарилъ ее; не продолжать-ли ему начатое?

— Мы не думали, что такъ скоро увидимъ васъ,—продолжала дѣвушка;—вы такъ внезапно уѣхали, что даже кое-что позабыли,—вашъ чудный, красный, шелковый платокъ. Прикажете принести его?

Она совсѣмъ близко подошла къ нему и какъ бы невзначай дотронулась до его руки.

— Мнѣ кажется, онъ будетъ вамъ къ лицу, — сказалъ Готгольдъ.

— Вы думаете? Впрочемъ, вы должны знать, что мнѣ къ лицу и что нѣтъ?

— Гдѣ сегодня барыня? почему она не выходитъ?—спросилъ Готгольдъ и вслѣдъ затѣмъ, когда ему показалось, что по лицу дѣвушки пробѣжала тѣнь, онъ прибавилъ:—я готовъ вамъ еще кое-что подарить, если бы зналъ, гдѣ она.

— Что, напримѣръ? — сказала дѣвушка, закусывая свои пышныя губы.

— Рика! гдѣ ты? Иди же!—послышался изъ столовой голосъ Брандова.—Недостаетъ стакановъ! Да гдѣ это она запропастилась?—и онъ съ сердцемъ прихлопнулъ дверь за собою.

— Онъ насъ не видѣлъ,—прошептала Рика,—мнѣ надо пойти туда, я скоро вернусь.

Она тихонько проскользнула въ дверь. Нѣсколько минутъ оставался Готгольдъ на мѣстѣ, не зная, на что ему рѣшиться, и спрашивая себя, не попытаться-ли ему самому увидѣться съ Сесиліей? Если дѣвушка пожелаетъ, то, безъ сомнѣнія, можетъ быть ему полезной, но пожелаетъ-ли? вотъ вопросъ. Она, какъ видно, не на шутку испугалась, когда Брандовъ позвалъ ее. Нельзя ска-

зять, чтобы ему особенно приятно было прибѣгать къ помощи легкомысленной дѣвушки, тѣмъ болѣе, если предположить о тайномъ соглашеніи между нею и Брандовымъ, дабы вѣрнѣе запутать его въ свои сѣти. Не лучше-ли, полагаясь на свою собственную находчивость, какъ-нибудь воспользоваться удобнымъ случаемъ.

А случай былъ какъ нельзя болѣе благопріятный. Украдкой взглянулъ онъ въ окно освѣщенной уже комнаты и увидѣлъ все общество, занятое игрой фаро, какъ ему показалось. Брандовъ принималъ въ ней участіе, онъ металъ банкъ, Рика стояла въ глубинѣ комнаты и держала поднось, весь уставленный стаканами, куда пасторъ разливалъ вино изъ большого кувшина. — и она, значить, была занята. Въ передней все было тихо; въ столовой также никого не было, столъ стоялъ еще не убранный и на немъ догорала одна единственная свѣча, у которой гости еще за обѣдомъ закуривали свои сигары; она пылала, раздуваемая сквознымъ вѣтромъ, и каждую минуту могла погаснуть. Готгольду удалось пройти незамѣченнымъ въ садъ.

Хотя солнце только что зашло, однако, въ саду было почти совсѣмъ темно. Облака, прояснившіяся послѣ обѣда, снова скоплялись въ большія темныя массы, дулъ сильный, порывистый вѣтеръ, и онѣ то перегоняли, то громоздились другъ на друга. Сердито потрясали своими верхушками старыя деревья, а среди высокихъ шпалеръ терновника слышался шумъ какъ бы отъ шипѣнія тысячи язвительныхъ голосовъ; такъ, по крайней мѣрѣ, показалось Готгольду. Нѣсколько разъ остапавливался онъ, глубоко вздыхая; никогда не ходилъ онъ скрытыми путями, къ тому вынуждали его обстоятельства: могъ-ли онъ такъ разстаться съ нею!

Противъ оконъ мезонина и комнатъ, занимаемыхъ Сесиліей, находился маленькій садикъ; отъ двора онъ былъ отгороженъ заборомъ, напротивъ стѣнной гумна, отъ большого же сада, находившагося позади дома, высокимъ и густымъ шпалерникомъ. Здѣсь былъ прежде фруктовый садъ и огородъ, — еще оставалось нѣсколько яблонь и грушевыхъ деревьевъ; внослѣдствіи здѣсь устроена была площадка для дѣтскихъ игръ, и для этой цѣли уничтожены были грядки спаржи и огурцовъ и замѣнены дерномъ, а для удобства сообщенія продѣлана дверь прямо изъ дѣтской комнаты.

Каждый вечеръ Сесилія имѣла обыкновеніе рано уходить къ себѣ, и Готгольдъ часто видѣлъ ее гуляющею въ этомъ саду одну или съ ребенкомъ, а потому надѣялся пайти ее здѣсь или же, по крайней мѣрѣ, дать ей знать о своемъ присутствіи, предполагая, что ей это неизвѣстно. Впрочемъ, онъ скорѣе не зналъ, да и не думалъ

о томъ, что произойдетъ: онъ говорилъ себѣ, что такъ или иначе, но дѣло не могло оставаться въ томъ же положеніи.

Насколько можно было разсмотрѣть внутренность садика, онъ былъ пусть; но, взглянувъ на окно, Готтольдъ увидѣлъ туда и сюда двигающійся огонекъ. Какъ ни старался онъ поосторожнѣе открыть калитку, все же не могъ воспрепятствовать тому, чтобы не скрипнули заржавленные петли. Едва онъ вошелъ, какъ въ ту же минуту залаяла маленькая лягавая собачка, съ которою обыкновенно играла Гретхенъ; узнавъ его, она тотчасъ же успокоилась. Ласки животнаго онъ принялъ за хорошее предзнаменованіе и, осторожно ступая, направился дальше къ тому окну, гдѣ видѣлся огонекъ. Это было окно спальни Сесиліи, подлѣ которой находилась дѣтская. Готтольдъ приблизился съ сильно бьющимся сердцемъ и увидѣлъ ее.

Она, повидимому, только что привела въ порядокъ дѣтскія игрушки и сидѣла теперь на стулѣ подлѣ стола, опираясь головой на лѣвую руку—олицетворенное изображеніе несчастья. Свѣтъ, падающій на нее отъ стоящей позади свѣчи, ясно позволялъ видѣть чудную форму ея головы и нѣжныя линіи тонкой шеи, изящно округленный затылокъ и красивый бюстъ, тогда какъ лицо ея, паходившееся въ тѣни, приняло еще болѣе противъ обыкновеннаго отгѣпокъ грусти. Сердце Готтольда переполнилось любовью и состраданіемъ.

— Сесилія! милая!—прошепталъ онъ.

Врядъ-ли разслышала она эти слова, но, приподнявъ случайно голову и взглянувъ въ окно, замѣтила въ немъ темную фигуру. Привставъ со стула и простирая къ нему руки, она радостно вскрикнула, но тутъ же радость эта смѣнилась страхомъ и, какъ бы отстрапая его отъ себя, она сказала:—Нѣтъ! ради Бога, нѣтъ!

Готтольдъ не видѣлъ послѣдняго жеста Сесиліи, не слышалъ ея словъ, онъ поспѣшилъ къ ней черезъ дверь, которая оказалась лишь притворенной, упалъ къ ея ногамъ и, схвативъ ея руки, покрывалъ ихъ страстными поцѣлуями.

Все, чѣмъ въ продолженіи этихъ чудныхъ дней любви и страданія было переполнено его сердце, все, что онъ выстрадалъ, начиная со вчерашняго вечера и до настоящей минуты, все это неудержимо вылилось въ полныхъ страсти словахъ, и какъ ни боролась съ собой Сесилія, но тутъ она почувствовала и себя увлеченной потокомъ страстныхъ рѣчей до тѣхъ поръ, пока онъ, вскочивъ съ колѣнъ и увлекая ее за собой, не воскликнулъ:

— Пойдемъ, Сесилія! Ни минуты не должна ты оставаться въ этомъ домѣ, не должна жить подъ одной крышей съ тѣмъ несчастнымъ, который заставляетъ платить за свой позоръ, зная, что жена

его любить другого и взаимно любима имъ! Сегодня утромъ я уѣхалъ безъ тебя; все это случилось такъ внезапно, было такъ непонятно. Я думалъ, что долженъ повиноваться твоему приказанію, несмотря на то, что не понималъ тебя; ты поступала такъ изъ сожалѣнія къ человѣку, котораго ты когда-то любила, къ которому у тебя осталась еще частичка этой любви. Теперь я понимаю тебя лучше, теперь я знаю, что ты меня любишь, я... мы снова нашли другъ друга... никто и ничто не разлучитъ насъ! Сесилія! ты... не отвѣчаешь?

Она взглянула на него, и въ большихъ глазахъ ея онъ прочелъ горестное изумленіе. Она взяла свѣчу и освѣтила сю спальню, гдѣ въ глубинѣ стояла кровать, а подлѣ нея маленькая, дѣтская кроватка.

На ней лежала малютка; глаза ея были не плотно сомкнуты, ротикъ слегка открытъ; она спала, и щеки ея раскраснѣлись отъ сладкаго сна. Дѣтскій сонъ послѣ дневнаго бодрствованія подобенъ вечерней зарѣ заходящаго солнца. Сесилія не указывала ему на ребенка, но взглядъ ея, выраженіе каждой черты лица ясно говорили: «вотъ мой отвѣтъ!»

Готгольдъ опустилъ глаза, эгоизмъ, такъ присущій любви, заставилъ его позабыть о ребенкѣ, да врядъ-ли когда-нибудь и приходила ему въ голову мысль объ этомъ пренятствіи. Онъ не понималъ ея.

— Твой ребенокъ будетъ моимъ ребенкомъ, — зачинаясь проговорилъ онъ, — ты не разстанешься съ нимъ, я не хочу разлучать тебя съ нимъ!

Она поставила свѣчу на полъ, опустилась на колѣни подлѣ кроватки, прижимаясь головой къ рѣшеткѣ и дѣлая ему знакъ рукою, чтобы онъ уходилъ. Готгольдъ стоялъ подлѣ нея, и сердце его было полно отчаянія, какъ у человѣка, который знаетъ, что дѣло его проиграно, но не хочетъ и не можетъ подчиниться своей участи. Вдругъ собака, послѣдовавшая за Готгольдомъ въ комнату, наостривъ уши и поглядывая по направленію двери, которая вела въ слѣдующую комнату, принялась потихоньку лаять и ворчать. Готгольду послышался какой-то шумъ, и онъ хотѣлъ подойти къ двери, но въ ту же минуту ему загородила дорогу Сесилія. Лицо и поза ея выражали смертельный испугъ; она указала ему на дѣтскую, откуда вышла передъ этимъ, и когда Готгольдъ не сразу послѣдовалъ по ея указанію, сама поспѣшно направилась туда. Готгольдъ машинально повиновался ей.

— Ради Бога, уходи! — воскликнула Сесилія.

Это были первыя, произнесенныя ею слова.

— Я больше не намѣренъ бѣжать!

— Ты долженъ! или же все было напрасно! Страданіе, борьба, позоръ... все, все!

— Сесилія, — виѣ себя сказала Готгольдъ, — я долженъ знать, въ чемъ дѣло, я требую отъ тебя объясненія! Я долженъ знать, что я дѣлаю и для чего я это дѣлаю!

— Я не смѣю говорить; ты самъ долженъ понимать меня! Могло-ли хватить у меня мужества, если бы я не думала, что ты уже съ самаго начала понималъ меня! Но я была бы несчастнѣйшимъ созданіемъ, если бы ты продолжалъ не понимать меня. Нѣтъ! ты поймешь меня, какъ могла бы я любить тебя иначе! Во имя любви твоей ко мнѣ ни секунды больше не оставайся здѣсь. Прощай и... навсегда!

И вотъ въ полуосвѣщенной комнатѣ завязалась между ними борьба: то онъ прижималъ ее къ себѣ, то она, въ свою очередь, цѣплялась за него, какъ бы теряя его навсегда, то въ отчаяніи вырывалась отъ него, отталкивая его, казалось, что она стремилась, чтобы дальнѣйшее присутствіе его повлекло за собою смерть и разрушеніе. Вотъ онъ еще разъ прижалъ къ сердцу милое существо, почувствовалъ жаркій, дрожащій поцѣлуй, и... вдругъ очутился на дворѣ. Дождь билъ его по лицу, надъ нимъ шумѣли деревья, потрясая листьями и вѣтвями своими, а подлѣ него, среди высокихъ шпалеръ терновника, раздавался шелестъ, точно шипѣніе тысячи голосовъ, и слышались насмѣшливыя рѣчи: — Дуракъ! тупоумный, малодушный глупецъ! ты позволяешь обманывать себя, и не одинъ, а столько разъ, сколько она захочетъ... какъ могу я знать!

Онъ разразился смѣхомъ, и когда онъ еще смѣялся, въ душѣ его подымалось все болѣе и болѣе жгучее чувство. Какъ дорого далъ бы онъ, если бы могъ плакать! Но плакать онъ не могъ и не хотѣлъ. Все оставалось перфпенснымъ по прежнему, значитъ, не все еще было потеряно, несмотря на то, что въ душѣ его было также мрачно, какъ и вокругъ него, гдѣ темная, непроглядная ночь окутывала собою все окружающее. Хотя на небѣ не было видно ни одной звѣздочки и все оно было покрыто черными, ужасными тучами, громоздящимися другъ на друга, все же на востокѣ, хотя и слабо, но мерцалъ отблескъ свѣта, и этотъ отблескъ происходилъ отъ солнца, заходящаго вечеромъ и вновь восходящаго утромъ. Онъ былъ залогомъ того, что мрачная почъ не будетъ вѣчно длиться. Готгольдъ еще чувствовалъ ея дыханіе, жаръ ея поцѣлуя! Нѣтъ! нѣтъ! Онъ съ ней не навсегда разстался! подобная мука не могла вѣчно продолжаться!

XXI.

Противъ желанія прескрасной Рики ее задержали въ столовой дольше, чѣмъ она думала. Пасторъ невѣрной и дрожащей рукой исполнялъ должность виночерпья, причѣмъ считалъ своею обязанностью приправлять все это длинными, запутанными рѣчами; что же касается играющихъ, они быстро опорожняли свои стаканы, то и дѣло требуя повторенія. Наконецъ, Рика, наскучивъ безкопечной бѣготней взадь и впередъ, рѣшительно пододвинула къ играющимъ столъ съ виномъ, чѣмъ доставила услужливому пастору возможность самому и наполнять и подносить стаканы. Постоявъ нѣсколько минутъ за стуломъ Ганса Редебаса и полюбовавшись игрой, она быстро удалилась изъ комнаты.

Ей хотѣлось продолжать начатый разговоръ съ Готгольдомъ. Красивый, неразговорчивый человѣкъ правился ей, и если она взяла на себя роль надсмотрщицы, то не столько изъ любви къ барину, сколько изъ ревности къ своей госпожѣ, которой не хотѣла уступить виднаго незнакомца. Его богатый подарокъ сегодня утромъ тронулъ и удивилъ ее, а ласковое его съ ней обращеніе окончательно обезоружило ее. Она хорошо понимала, что онъ возвратился ради ея госпожи, но легкомысленному сердцу ея казалось вполне возможнымъ дѣлать одно, не оставляя другого. И вотъ она рѣшилась помогать ему, если онъ будетъ ласковъ съ нею, да и ради собственныхъ интересовъ своихъ она должна была стремиться къ тому, чтобы Готгольдъ бѣжалъ съ ея госпожей.

Она не нашла его у входной двери, гдѣ оставила. Правда, здѣсь не мѣсто было продолжать начатый разговоръ,—каждую минуту могъ кто-нибудь придти,—въ сѣняхъ также точно. Нѣтъ-ли его въ столовой? И тамъ не оказалось его; въ саду, который она окинула быстрымъ взглядомъ изъ окна, лишь сердито шумѣли мрачныя деревья. Гдѣ могъ онъ быть? конечно же, у себя въ комнатѣ! вѣроятно, укладываетъ вещи, оставшіяся еще тамъ. Не пойти-ли помочь ему? гдѣ ему одному все розыскать, да притомъ въ такой темнотѣ.

И хорошенькая дѣвушка, глубоко вздохнувъ, торопливо и неслышными шагами направилась вверхъ по лѣстницѣ, прямо на чердакъ, къ той самой комнатѣ, гдѣ все время жилъ Готгольдъ. Подойдя къ дверямъ, она остановилась, прижимая руки то къ пылающему лицу, то къ быстро вздымающейся груди и, наконецъ, тихонько постучалась въ дверь. Не слыша предложенія войти, она отворила ее. Напрасно пылало ея лицо, напрасно стучало сердце въ груди—комната была пуста. Она подошла къ окну, но въ ту же минуту отскочила отъ него назадъ. Тамъ, внизу, въ дѣт-

скомъ садикѣ она увидѣла того, кого искала, онъ осторожно подходилъ къ окну, откуда на деревья падалъ слабый, дрожащій свѣтъ. Вдругъ онъ скрылся... куда же иначе, какъ не въ дверь изъ дѣтской... туда... къ ней! Могла-ли она думать что-либо подобное объ этихъ святошахъ! Обошлись и безъ нея... какова дерзость! Тогда, пожалуй, и баринъ не обманывалъ ее, когда говорилъ, что женится на пей, какъ только той, другой не будетъ, а она ему вѣрить не хотѣла. Надо все ему рассказать,—лучшаго оба и не заслуживаютъ!

— Что это означаетъ!—воскликнулъ Гансъ Редебасъ, когда Брандовъ, по окончаніи партіи, съ легкимъ поклономъ всталъ изъ-за стола.

— Я сейчасъ же возвращусь,—отвѣчалъ Брандовъ.

— Это не полагается.—кричалъ Редебасъ.—Пасторъ! еще стаканъ!

Брандовъ неохотно оставлялъ игру; онъ сдѣлалъ значительный выигрышъ и, суевѣрный, какъ всѣ игроки, говорилъ себѣ, что не долженъ поворачиваться спиной къ счастью; но такъ какъ Рика, стоя позади Редебаса, все время дѣлала ему знаки,—онъ думалъ, что это не даромъ и что случилось что-нибудь особенное.

Онъ послѣдовалъ за дѣвушкой въ сѣни, оттуда въ комнату налѣво. Рика шепнула ему, чтобы онъ какъ можно осторожниже подошелъ къ дверямъ спальни Сесилии, сама же присѣла на корточкахъ у самаго порога и приложила ухо къ двери. Брандовъ стоялъ, нагнувшись надъ нею, и тоже прислушивался. Кто-то говорилъ, но кто и о чемъ—разслышать нельзя было. Да и къ чему? Съ кѣмъ могла она говорить, какъ не съ нимъ? О чемъ могли они говорить, какъ не о томъ, чего не смѣли сказать громко? Вотъ свѣтъ сталъ яснѣе:—вошли въ спальню. Брандовъ задрожалъ всѣмъ тѣломъ отъ бѣшеной ревности. Не бросится-ли ему туда и не задушить-ли ему любовниковъ, отдавъ ихъ на поруганіе? Но онъ вспомнилъ, что Готгольдъ не былъ прежнимъ болѣзненнымъ юношей,—исходъ борьбы съ нимъ былъ крайне сомнителенъ и... вѣдь онъ же самъ заставилъ уплатить себѣ за свой позоръ!.. Весь стыдъ обрушился на него самого, поздно! Лай собаки, заставившій его бѣжать вмѣстѣ съ своей сообщницей также, вѣроятно, предупредилъ и ихъ,—онъ найдетъ гнѣздышко, опустѣвшимъ. Пусть ихъ!.. онъ достаточно слышалъ.

— Ну?—сказала Рика, когда оба проскользнули обратно въ сѣни.

— Пойди въ столовую и скажи, что я сейчасъ приду.

Тонъ его голоса заставлялъ предполагать самое худшее; Рика почти сожалѣла о томъ, что сдѣлала.

— Онъ не такой, какъ вы! — сказала она вполне искренно и какъ бы въ видѣ оправданія.

Брандовъ презрительно разсмѣялся.

— Убирайся! — сказалъ онъ, топая ногами.

Рика поспѣшно ушла. Брандовъ вышелъ на крыльцо и сталъ внимательно разсматривать весь дворъ, до самыхъ конюшенъ. Дождь билъ его по лицу; въ воздухѣ носился запахъ доморощеннаго табаку. Съ лѣвой стороны, гдѣ стояла каменная скамейка, блеснула огненная точка, и суровый голосъ спросилъ:

— А какъ насчетъ закладки лошадей?

Вотъ онъ! вотъ тотъ, котораго онъ высматривалъ, на котораго рассчитывалъ относительно исполненія зародившагося въ душѣ его мстительнаго плана; тотъ, кто первый заронилъ въ душу его первый зародышъ этой мести.

И такъ, сама судьба того хотѣла!

— Онъ не захочетъ теперь уѣзжать, пользуясь предложомъ остаться по случаю худой погоды.

— Другіе же уѣдутъ.

— Они часто остаются ночевать.

— Постарайтесь ихъ выпроводить!

Брандовъ задумался и затѣмъ прошепталъ:

— Если мнѣ удастся обыграть ихъ еще на нѣсколько сотенъ талеровъ, то они, пожалуй, и сами уберутся. Слушай!.. Генрихъ!.. ты его только поосновательнѣе... понимаешь? поосновательнѣе!

— Гдѣ нѣтъ основанія?—сказалъ Генрихъ.

Въ головѣ Брандова блеснула мысль, точно яркая молнія на темномъ ночномъ небѣ. Вотъ оно! вотъ!

— Я дамъ тебѣ, сколько ты потребуешь, — сказалъ онъ хриплымъ голосомъ, наклоняясь къ Генриху и стараясь рассмотреть его сквозь дымъ, окружающій его.

— Безъ денегъ въ городъ, самъ себѣ врагъ! да вѣдь и за Броунлока мнѣ надо пять луидоровъ; мнѣ бы хоть половину!

— Вотъ тебѣ! — сказалъ Брандовъ, залуская руку въ карманъ, гдѣ у него были выигранныя деньги, и вытаскивая, сколько могъ захватить.

— Вы всегда были для меня добрымъ баринкомъ, — сказалъ Генрихъ, потряхивая золотыми монетами.

— Я прежде всего хочу быть справедливымъ.

— Господа собираются уѣзжать, если вы не придете сейчасъ, — сказала поспѣшно прибѣжавшая Рика. Дверь въ столовую осталась открытой и оттуда ясно доносился дребезжащій басъ Ганса Редебаса:

— Брандовъ! Брандовъ!

И вслѣдъ затѣмъ въ тонъ ему хриплый смѣхъ нѣсколькихъ голосовъ:

— Домой мы не уѣдемъ! домой мы не уѣдемъ!

— Вы у меня уѣдете!—пробормоталъ Брандовъ.—Ты еще останешься здѣсь?

— У меня довольно свободнаго времени, сударь!

Брандовъ ушелъ въ столовую.

— Вы слишкомъ злоупотребляете свободой, которую пользуетесь, благодаря случайному отсутствію дамъ,—рѣзко проговорилъ Брандовъ, когда гости встрѣтили его полными стаканами и радостными восклицаніями: «гола!» среди которыхъ громче всѣхъ выдѣлялся картавый голосъ Густава фонъ-Плюгенъ:—Гипъ! гипъ! ура!

— Случайное отсутствіе!—проревѣлъ Гансъ Редебаъ, —какое тамъ случайное! Хорошее дѣльце ты сегодня обдѣлалъ, да!

— Не даромъ завелъ ты себѣ жену! — сказалъ Отто фонъ-Плюгенъ.

— Я требую объясненія!—воскликнулъ Брандовъ,—я не потерплю...

Онъ вдругъ умолкъ. Обернувшись къ Отто фонъ-Плюгенъ, онъ увидѣлъ подлѣ послѣдняго Готгольда, который, по всей вѣроятности, вошелъ вслѣдъ за нимъ въ комнату и, безъ сомнѣнія, все слышалъ. Продолжать разговоръ на ту же тему въ его присутствіи не представлялось никакой возможности, а потому, преодолевъ бѣшеную ненависть, закинувшую въ груди его при видѣ Готгольда, онъ воскликнулъ:

— Вотъ, наконецъ, и ты! Ради самого Создателя, гдѣ ты пропалъ? Я радъ, что ты пришелъ, мы теперь можемъ положить конецъ этой отвратительнѣйшей игрѣ!

— Ого!—воскликнулъ Редебаъ. — Скажите на милость! отвратительная игра! На какой фокусъ думаешь ты пуститься? Никакъ онъ шестьсотъ талеровъ выигралъ? Ну, значить, по вкусу пришлось!

— Никогда и никого не оставлялъ я безъ реванша!—крикнулъ Брандовъ, странно жестикулируя.

— Полноте, Брандовъ!—воскликнулъ ассесоръ,—не слѣдуетъ такъ строго взвѣшивать каждое слово! Редебаъ не имѣлъ никакого намѣренія оскорбить васъ. Онъ желаетъ, чтобы вы продолжали игру и... откровенно говоря... я не знаю ничего болѣе благодаразумнаго, чѣмъ мы можемъ теперь заняться.

— Вотъ и вы того же мнѣнія, господинъ ассесоръ, несмотря на то, что выиграли...

— Нѣсколько талеровъ,—перебилъ его ассесоръ, слегка конфузясь.

— Въ такомъ случаѣ и я ничего не имѣю противъ,—продолжалъ Брандовъ.—Я думалъ, что мы должны оказать нѣкоторое вниманіе другу моему Готгольду, онъ не играетъ, а мы такъ мало пользовались его обществомъ. Онъ, конечно, не такъ много потерялъ отъ того, какъ мы.

— Прошу не стѣсняться ради меня,—сказалъ Готгольдъ.

— Такъ начнемъ же, чортъ возьми!—закричалъ Гансъ Редebaсъ, схватывая карты,—теперь я желаю метать банкъ, авось найдется у меня еще нѣсколько лишнихъ пфенниговъ.

И лѣвой рукой онъ вынулъ изъ толстаго бумажника, лежащаго на столѣ, нѣсколько банковскихъ квитанцій и, собравъ ихъ въ кучу, положилъ передъ собою.

— Прошу понтировать, какъ слѣдуетъ. Эй! вы! Брандовъ и всѣ остальные!

— Очень жаль, ничего, однако, подѣлать не могу! надѣюсь, что ты ничего не будешь имѣть противъ меня?—обратился Брандовъ къ Готгольду, снова занимая мѣсто у карточного стола. Готгольдъ сдѣлалъ ему знакъ рукой, чтобы онъ не стѣснялся, и затѣмъ отошелъ прочь. Онъ вынужденъ былъ согласиться на приглашеніе пастора, сидѣвшаго въ углу кожанаго дивана, и занять мѣсто подлѣ него; пасторъ отодвинулся немного и заговорилъ съ нимъ заплетающимся языкомъ:

— Да, да, любезный другъ! грѣховный міръ, странно грѣховный міръ! не будь, однако, строгъ, ради Бога, не будь строгъ! Цѣлую недѣлю работаютъ, или же заставляютъ вмѣсто себя работать свою прислугу. А по воскресеньямъ и совѣмъ ничего не дѣлаютъ изъ боязни строгаго наказанія. Передъ началомъ этой жатвы получено было довольно таки рѣзкое письмо отъ ландрата. Что прикажешь ты имъ дѣлать въ долгіе праздничные дни! Праздность есть мать всѣхъ пороковъ—игры, пьянства... Рика, еще стаканъ... два стакана... ты не пьешь? это нехорошо... мы сами приготовляли... по рецепту моего уважаемаго принципала графа Цернекова... Еще въ бытность свою кандидатомъ я успѣлъ приготовить кувшиновъ триста... потому дѣлалъ наудачу... безъ рецепта... могу даже, закрывъ глаза... вотъ какъ!

Послѣднія слова онъ еле пролететалъ; отяжелѣвшая голова его опустилась, нижняя часть лица совѣмъ скрылась въ складкахъ бѣлаго галстуха. Въ такомъ-то безпомощномъ состояніи онъ и свалился въ уголокъ дивана. При видѣ этого печальнаго зрѣлища Готгольдъ почувствовалъ гнѣвъ и презрѣніе.

Зрѣлый человѣкъ сталъ тѣмъ, чѣмъ обѣщалъ сдѣлаться мальчикъ, а затѣмъ юноша. Хмѣль сорвалъ съ него маску паружнаго благочестія—передъ Готгольдомъ снова было лицо безпутнаго

Галльского студента, котораго онъ такъ хорошо помнилъ. Онъ вдругъ почувствовалъ какъ бы личное оскорбленіе при мысли о томъ что этотъ несчастный сдѣлался преемникомъ его отца. Богъ мой! какая страшная противоположность! Гдѣ прежде вилъ гнѣздо орелъ, огненный взглядъ котораго искалъ повсюду солнца, тамъ — моргающая при видѣ свѣта сова; гдѣ раздавался гласъ вопіющаго въ пустынь, пламенные и краспорѣчивыя рѣчи котораго призывали людей къ покаянію, тамъ — глушій шутъ, потряхивающій своими погремущками. Что жь! человѣкъ этотъ былъ здѣсь подъ стать: каковъ пастырь, таково и стадо — все были отлиты по одному образцу. Готгольду представилось, что онъ видитъ картину, которую чья-то мастерекая рука набросала смѣлыми штрихами и яркими красками: здѣсь пьяный пасторъ, безпомощно свалившійся на диванъ, тамъ безпутныя, раскрасившіяся отъ вина лица игроковъ, возлѣ которыхъ, переходя отъ одного къ другому, съ вызывающей улыбкой на лицѣ, двигается видная, красивая служанка. Она угощаетъ ихъ жгучимъ напиткомъ, то перекидываясь непристойнымъ словомъ съ однимъ, то кокетливо отстраняя руку другого, обнимающаго ее за талію, — истая богиня этого храма пороковъ. И застилая всю эту картину прозрачнымъ туманомъ, вѣется густой дымъ отъ непрерывно закуриваемыхъ сигаръ, кружась красновато-грязными кольцами вокругъ тускло горящихъ свѣчей. Къ сожалѣнію, это была не картина, а грубая, пошлая дѣйствительность! Какой позоръ, что она жила подъ этой кровлей, что этотъ безобразный шумъ достигалъ ея комнаты, не въ первый разъ сегодня, да и не въ послѣдній. Вотъ они, люди, посѣщающіе этотъ домъ — пустоголовые поддошки дворянскаго рода, невѣжественный выскочка съ грубыми руками и грубыми шутками! И когда она скрывалась отъ общества этихъ фавновъ и сатировъ, ей въ утѣшеніе оставалось уединеніе съ холоднымъ, жесткимъ и пропитательнымъ взглядомъ змѣи. Вотъ они, эти глаза! они поднялись отъ картъ, украдкой бросая быстрый взглядъ вокругъ. Какая поразительная разница между этими холодными глазами и мягкими, кроткими глазами Сесиліи.

Готгольдъ не видѣлъ больше игроковъ. Онъ мысленно перенесся въ пустую дѣтскую комнату, гдѣ подлѣ игрушекъ Гретхенъ сидѣла тогда Сесилія. Ему представился ея трогательный образъ, такой стройный и нѣжный, все еще сохранившій свой дѣвическій обликъ. Онъ припоминалъ, какъ грустное лицо ея вдругъ просіяло отъ радости и вслѣдъ затѣмъ исказилось отъ горя и опасенія; и онъ снова переживалъ все это, но теперь оно казалось ему какимъ-то сномъ; онъ мечталъ о будущемъ, вѣруя въ то, что оно будетъ полно солнечнаго сіянія, любви и поэзіи.

Онъ не могъ дать себѣ отчета, какъ долго сидѣлъ онъ такимъ образомъ, когда вдругъ шумъ, поднявшійся у стола, заставилъ его быстро вскочить. Случилось что-то особенное: сидѣли только Гансъ Редебасъ и Брандовъ, остальные же стояли у стола и съ любопытствомъ слѣдили за играющими; даже Рика заглядывала въ карты и такъ внимательно, что забыла оттолкнуть руку ассесора, обнимавшаго ее за талию.

— Будешь еще понтировать?—кричалъ Редебасъ.

— Да!

— Тогда ставь тысячу! будетъ ровно пять!

— Хорошо, чортъ возьми!

Всѣ притаили дыханіе, и наступила полная тишина, слышался только шелестъ картъ, метаемыхъ Гансомъ Редебасомъ. Вдругъ поднялся такой шумъ и крикъ, что даже пьяный пасторъ привскочилъ съ своего мѣста. Готгольдъ подошелъ къ столу. Прежде всего ему бросилось въ глаза страшно блѣдное лицо Брандова; тонкія губы его были крѣпко сжаты, а въ жестокихъ, холодныхъ глазахъ свѣтился недобрый огонекъ, когда онъ, обратившись къ подошедшему Готгольду, сказалъ:

— Они меня обобрали, Готгольдъ! да только вотъ что! конецъ дѣло вѣнчасть!

— Вотъ ты какъ! очень тебѣ благодаренъ!—воскликнулъ Редебасъ, бросая карты на столъ и дѣлая отмѣтку въ своемъ бумажникѣ.

— Что это означаетъ?—спросилъ Брандовъ.

— А то, что я не хочу больше играть!—возразилъ Редебасъ съ громкимъ хохотомъ, закрывая бумажникъ и съ трудомъ поднимаясь съ мѣста.

— Я всегда былъ того мнѣнія, что лишь проигрывающій имѣетъ право прекратить игру, а не выигрывающій.

— А если выигрывающій не увѣренъ... о, да!

— Я требую объясненія!—воскликнулъ Брандовъ, отталкивая въ сторону столъ.

— Полно, Брандовъ, будь благоразуменъ!—воскликнули Отто и Густавъ фонъ-Шлюгены одинъ за другимъ.

— Что это? вы снова составили между собою товарищество?—съ презрительнымъ смѣхомъ обратился къ нимъ Брандовъ и, подойдя къ Редебасу, продолжалъ:

— Я требую объясненія, сейчасъ, тутъ же на мѣстѣ!

— Полно, любезнѣйшій Брандовъ!—сказалъ ассесоръ примирительнымъ тономъ.

— Прошу, господинъ ассесоръ,—сказалъ Брандовъ, отталкивая его въ сторону,—я самъ знаю, что я дѣлаю.

— И я также знаю, что дѣлаю!—закричалъ Редебасъ, распахивая окно, и его львиное рыканіе раздалось по всему двору:— Закладывай! эй, Августъ! закладывай!

Началась дикая сцена; всѣ такъ кричали и шумѣли, что до Готгольда лишь изрѣдка долетали единичныя слова. Больше всѣхъ шумѣлъ Редебасъ и, повидимому, не столько отъ гнѣва, какъ отъ страха. Брандовъ былъ довольно спокоенъ и только старался оттѣспить отъ трехъ остальныхъ ассесора, который то и дѣло мѣшался въ ссору. Вскорѣ присоединился и пасторъ; всевозможными знаками давалъ онъ понять, что имѣетъ намѣреніе держать рѣчь; два раза удавалось ему начинать, но всякій разъ онъ оканчивалъ лишь словами: «возлюбленные друзья мои!»

Въ дому подѣхали три экипажа, давнымъ давно запряженные привычными къ терпѣнію кучерами. Споръ, начавшійся въ комнатѣ, продолжался въ сѣняхъ, затѣмъ на крыльцѣ и, наконецъ, у самыхъ экипажей.

— Увидимъ, увидимъ!—то и дѣло кричалъ Гансъ Редебасъ, — садись-ка, пасторъ! ѣдемъ, чортъ возьми! а тамъ увидимъ! — проревѣлъ онъ въ послѣдній разъ, выглядывая въ окно экипажа; сильныя, датскія лошадки крупной рысью направились къ сѣвернымъ воротамъ, откуда шла болѣе короткая, по тѣмъ не менѣе, едва пробѣжая въ темнотѣ дорога, которая черезъ лѣсъ вела прямо въ Далиць.

Тутъ завязался споръ между Отто и Густавомъ фонъ-Плюггень. Густавъ, у котораго экипажъ былъ безъ фонарей, хотѣлъ ѣхать черезъ стѣну, тогда какъ Отто, у котораго были фонари, намѣревался ѣхать вслѣдъ за Редебасомъ. Сегодня Густаву такъ часто пришлось выслушивать рѣчи о старшинствѣ, что онъ счелъ жестокимъ для себя оскорбленіемъ такой отказъ со стороны брата. Онъ заявилъ, что голова его не защищена пучкомъ сѣна, и онъ вовсе не желаетъ раздробить черепъ свой о деревья.

— Тогда обверни его соломой, что у тебя въ головѣ, да и свѣти сю, пока не прѣдешь домой,—возразилъ Отто.

Продолжая спорить, оба разѣхались въ разные стороны.

— Вотъ глупецъ-то!—говорилъ Брандовъ, смотря вслѣдъ отъѣзжавшему Густаву.

— Что же! Одинъ, пожалуй, переѣдетъ, а другой нѣтъ!

— Всѣ знаютъ, что ты прекрасный кучеръ.

— Несчастье можетъ случиться и съ самымъ лучшимъ кучеромъ.

— Значить, ты самъ того захочешь.

— А вы будто бы и не хотите!

Брандовъ не отвѣчалъ. Онъ думалъ, что все это будетъ го-

раздо легче; да и затѣмъ лишать жизни, достаточно сломать руку или ногу.

Испуганно взглянулъ онъ въ окно; свѣтъ падалъ прямо на серьезное, прекрасное лицо Готгольда. Брандовъ заскрежеталъ зубами. «Нѣтъ! Этого не довольно! Онъ жаждетъ его жизни, лучшаго не заслуживаетъ этотъ проклятый бродяга! Гдѣ же тутъ преступленіе? Несчастье можетъ случиться и съ самымъ лучшимъ кучеромъ?

Вдругъ онъ вздрогнулъ,—какъ не подумалъ онъ объ этомъ раньше? Благодаря затѣянной имъ ссорѣ съ товарищами по игрѣ, ему удалось воспрепятствовать тому, чтобы общество, какъ и бывало довольно часто, не осталось на ночь или же, по крайней мѣрѣ, до утра, а съ тѣмъ вмѣстѣ лишить Готгольда удобнаго предлога остаться, въ томъ случаѣ, если таково было его намѣреніе, въ чемъ Брандовъ, послѣ подслушиванія у дверей Сесиліи, былъ вполне увѣренъ. Съ другой же стороны, держа преднамѣренно ассесора въ сторонѣ отъ спорящихъ, онъ лишилъ послѣдняго возможности уѣхать одновременно съ другими, ибо въ приглашеніяхъ недостатка не было; тогда добыча врядъ-ли могла ускользнуть отъ него, такъ какъ Готгольдъ не пожелалъ бы остаться безъ ассесора. Какое же средство найти, чтобы разлучить обоихъ? Если ассесоръ останется, что было весьма возможно, останется и Готгольдъ, пользуясь для этого удобнымъ предлогомъ,—если же онъ принудитъ ассесора остаться...

Еще разъ окинулъ онъ ихъ мрачнымъ взглядомъ. Оба продолжали стоять на томъ же самомъ мѣстѣ,—ассесоръ, странно жестикулируя, говорилъ что-то Готгольду, послѣдній же, судя по выраженію лица и всей его позѣ, весьма неохотно слушалъ его.

— Я ихъ привезъ сюда, могу отвезти ихъ и обратно,—сказалъ Генрихъ Шеель, набивая трубку.

— Обоихъ? Одного—да! Но что сдѣлалъ ему другой?

— Остановка только за деньгами, если случится какое-нибудь несчастье, — продолжалъ Генрихъ, — экипажъ я самъ исправлю, только лысухъ нашихъ я не запрягу, — жаль! Я возьму лучше клячъ Іоахима Клюта!

И онъ медленными шагами удалился отсюда. Брандовъ смотрѣлъ вѣлбдъ его темной и коренастой фигурѣ; онъ хотѣлъ воротить его назадъ, хотѣлъ крикнуть ему, чтобы онъ не запрягалъ, но вмѣсто крика, слышался какой-то хриплый, сдавленный звукъ, изыскъ его прилипъ къ гортани. Онъ сдѣлалъ нѣсколько шаговъ, но пошатнулся, какъ пьяный и, чтобы не упасть, вынужденъ былъ схватиться за стволъ дерева, сквозь густую листву котораго съ свистомъ пронесся вѣтеръ. Дождь продолжалъ идти, онъ былъ

его по лицу, которое такъ и горѣло, несмотря на то, что лихорадочная дрожь пробѣжала по всему его тѣлу до самыхъ пятокъ.

— Что это? Ахъ, да!.. Это шумъ экипажа, Генрихъ выкатилъ его изъ каретнаго сарая. Еще не поздно! Но, нѣтъ! Онъ ничего не скажетъ, совѣмъ ничего! Чѣмъ виновать онъ, если съ Генрихомъ случится какое-нибудь несчастье, да при томъ еще ночью!

Готгольдъ и ассесоръ все время оставались въ комнатѣ. Ассесоръ старался убѣдить Готгольда въ томъ, что Брандовъ былъ совершенно правъ, требуя продолженія игры; вся вина его заключалась только въ томъ, что желаніе свое онъ выразилъ слишкомъ рѣшительнымъ тономъ. Онъ не долженъ былъ забывать, что онъ хозяинъ, а потому и не придавать слишкомъ большого значенія отсутствію такта у своихъ гостей.

Послѣднюю часть своей длинной рѣчи ассесоръ произнесъ въ весьма поучительномъ тонѣ, обращаясь къ входившему въ комнату Брандову, который, подойдя къ столу, залпомъ выпилъ два стакана.

— Совершенно вѣрно, господинъ ассесоръ, мнѣ сегодня многое пришлось пройти молчаніемъ, и этимъ я обязанъ вамъ, вы научили меня сдерживать себя.

Тонъ, которымъ говорилъ Брандовъ, и манера его по отношенію къ ассесору такъ бросались въ глаза, что послѣдній даже нѣсколько протрезвился и съ удивленіемъ посмотрѣлъ на Брандова, который приблизился къ нему и вполголоса проговорилъ:

— А какъ назовете вы то, когда гости въ присутствіи подчиненныхъ хозяина дома подвергаются такой безпощадной критикѣ его поведеніе?—и онъ указалъ на Рикку, подъ наблюденіемъ которой другая дѣвушка и грумъ Фрицъ подметали разбросанные повсюду осколки.

Ассесоръ выпрямился во весь ростъ.

— Прошу извинить меня, — сказалъ онъ, — если я напомишу вамъ, что вы были такъ любезны и предложили мнѣ вашъ экипажъ для обратнаго путешествія. Я очень сожалѣю, что не согласился на приглашеніе вашихъ гостей, а потому вынужденъ обратиться къ вамъ. Могу я разсчитывать на ваше общество, Готгольдъ?

— Думаю, что Брандовъ ничего не будетъ имѣть противъ.

— Пропну, господа, вполнѣ располагать мною.

Всѣ трое обмѣнялись холоднымъ и вѣжливымъ поклономъ. Спустя нѣсколько минутъ, по ухабистой насыпи, среди непроглядной ночной тьмы, катился легкій экипажъ, тотъ самый, въ которомъ нѣсколько часовъ тому назадъ оба пріѣхали въ Доллашъ. Лошадьми управлялъ Генрихъ Шеель.

XXII.

Было около десяти часовъ; несмотря, однако, на то, что лѣто было въ полномъ разгарѣ и луна должна была уже взойти на небосклонъ, было такъ темно, какъ въ самую безлунную осеннюю ночь. Надъ ржанымъ полемъ дулъ рѣзкій, холодный вѣтеръ, а дождь, падающій съ удвоенной силой, хлесталъ ихъ по лицу.

— Застегнитесь-ка получше, — сказалъ Готгольдъ своему спутнику, который изъ стороны въ сторону покачивался на своемъ мѣстѣ, — вы такъ разгорячились передъ этимъ!

— Еще бы, когда я весь вечеръ проходилъ застегнутымъ и все изъ-за этихъ 10.000 талеровъ, которые я немедленно по полученіи спряталъ въ карманъ жилета. Слово «застегнутый» я употребляю здѣсь въ истинномъ смыслѣ, въ переносномъ же оно означаетъ мое сегодняшнее настроеніе, вынужденная сдержанность, хотя... послушайте, любезный другъ, объясните мнѣ, проищу васъ, загадочное поведеніе Брандова. Вѣдь онъ почти выгналъ меня изъ дома! И за что? Не понимаю! Послѣ того, какъ цѣлый вечеръ мы съ нимъ были въ самыхъ дружескихъ отношеніяхъ, такъ сказать, душа въ душу! Все казалось въ наилучшемъ порядкѣ! До послѣдняго пфеннига уплатилъ онъ всю сумму наличными деньгами, — вотъ еще загадка для меня! Говорить, будто бы Вольновъ далъ ему эти деньги, такъ неужели же послѣдній обманывалъ меня? Для чего? Во всемъ этомъ я такъ же мало понимаю, какъ въ окружающей насъ тьмѣ, среди которой едва различаю свои собственныя руки. Что за отвратительная темь!

— Луна взошла еще часъ тому назадъ, — сказалъ Генрихъ Шсель.

— Потому-то вы и не зажгли фонарей?

— Господинъ Плюгенъ также уѣхалъ, не зажигая фонарей.

— Вы думали, вѣроятно, что намъ достаточно будетъ огня вашей трубки.

— Я могу и не курить, сударь!

— Несравненно лучше будетъ, если вы перестанете; не могу сказать, чтобы мнѣ по вкусу приходился вашъ табакъ.

— Гдѣ же намъ курить такой тонкій табакъ, какой курятъ важные господа, — отвѣчалъ Генрихъ, такъ сильно выколачивая свою трубку, что даже искры разлетѣлись во все стороны, и пряча затѣмъ ее въ карманъ.

— Не онъ-ли везъ насъ сегодня послѣ обѣда? — спросилъ шепотомъ ассесоръ.

— Да, это онъ!—отвѣчалъ Готгольдъ,—я совѣтую вамъ соблюдать ту же осторожность, какой мы придерживались, когда ѣхали сюда.

Но ассесоръ не былъ расположенъ слѣдовать совѣту Готгольда. Хмѣль, отъ котораго онъ послѣ сцены съ Брандовымъ вытрезвился на нѣкоторое время, подъ вліаніемъ почного воздуха съ удвоенной силой овладѣлъ имъ. Онъ принялся бранить Брандова, говоря, что всегда защищалъ его въ попечительствѣ, и что безъ него онъ еще годъ тому назадъ долженъ былъ бы уѣхать изъ Доллана; да мало-ли въ чемъ былъ онъ ему обязанъ и за все отплатилъ такимъ оскорбленіемъ! Нѣтъ! конецъ его дружбѣ и покровительству! такъ или иначе, а нужно будетъ возобновить аренду. Хотя Брандовъ заплатилъ, но можно-ли поручиться за подобнаго человѣка, который, несмотря на свое затруднительное положеніе, навязываетъ себѣ на шею долгъ въ 5.000 тал.? Стоитъ ему сказать объ этомъ попечительству, и Брандову тотчасъ откажутъ въ арендѣ. Неужели онъ думаетъ успокоить попечительство тѣмъ, что у него есть Броушлокъ? Броушлокъ сюда, Броушлокъ туда! Онъ вѣдь не взялъ еще приза, а на скачкахъ судьи строгіе. Въ прошломъ году былъ исключенъ отъ участія въ скачкахъ молодой Клебенитцъ, хотя онъ и владѣтель майората, и за то только, что на двадцать четыре часа опоздалъ въ уплатѣ карточного долга. Слѣдовательно, еще подлежитъ вопросу, попадутъ-ли завтра къ Редebasу тѣ 5.000 тал., которые Брандовъ проигралъ ему сегодня.

Напрасно старался Готгольдъ остановить болтливаго ассесора, и, наконецъ, остался очень доволенъ, когда тотъ, пробормотавъ еще нѣсколько безсвязныхъ словъ, внезапно смолкъ и, откинувшись въ уголъ, собрался, повидимому, проспать свой хмѣль. Готгольдъ укрылъ его ноги своимъ собственнымъ одѣяломъ, поднялъ къверху воротникъ пальто, а затѣмъ, всматриваясь въ непроглядный почной мракъ, отдался теченію своихъ собственныхъ тяжелыхъ мыслей. Онъ также не понималъ поведенія Брандова. Что заставило его оскорбить ассесора, расположеніемъ котораго ему во всякомъ случаѣ выгодно было заручиться? Неужели онъ былъ такъ пьянъ? Хмѣль какъ-то внезапно овладѣлъ имъ, вслѣдствіе чего онъ, вѣроятно, и принялъ такой странный способъ обращенія, въ которомъ подъ видомъ холодной вѣжливости скрывалась ненависть. Быть можетъ, все это относилось къ нему лично? Неужели Брандовъ до того снѣшилъ выпроводить изъ дома своего врага, что даже рѣшился павлечь на себя неудовольствіе такого вліятельнаго человѣка, какъ ассесоръ? Это было бы обыкновеннымъ явленіемъ у всякаго другого человѣка, но такъ мало походило на холоднаго,

разсчитливаго Брандова. Если же не ненависть, не пьянство, такъ что же тогда? Предположимъ, что это ненависть, во что бы то ни стало стремящаяся вылиться наружу! Къ кому относилась она? Къ обоимъ ли вмѣстѣ? Къ ней-ли больше, чѣмъ къ нему? Не хотѣлъ-ли этотъ ужасный человѣкъ, чтобы въ домѣ никого не оставалось, дабы дать полную свободу своей бѣшеной ненависти и выместить на ней свою злобу?

Готгольдъ громко простоналъ, привскочилъ на своемъ мѣстѣ и тотчасъ же опустился назадъ, браня себя за то, что позволяетъ разыгрываться своему воображенію. Все это было такъ невѣроятно! Вчера же ночью онъ воспользовался неизвѣстными средствами, чтобы сломить ея гордость,—и онъ побѣдилъ и взялъ верхъ надъ нею, такъ чего же ему еще? Вотъ поистинѣ хитрый, лукавый алхимикъ, знающій тайну, какъ находить золото! А какъ скоро освоился онъ съ своимъ положеніемъ, какъ счумѣлъ примѣнить къ дѣлу свое искусство—это доказалъ сегодняшній вечеръ. Гдѣ остается вода, которую ты пропускаешь между пальцами? куда дѣвается золото, которое ты даешь игроку? Да! братецъ Бославъ былъ правъ.

Чѣмъ больше старался Готгольдъ отклонить отъ себя ужасныя мысли, чѣмъ больше говорилъ себѣ, что все это такъ невозможно, такъ невѣроятно, тѣмъ яснѣе представлялись его воображенію самыя ужасныя картины. Онъ видѣлъ ясно, какъ Брандовъ подходитъ къ ея комнатѣ, осторожно отворяетъ дверь, тихонько идетъ къ ея кровати... Богъ мой? что случилось? ему почудилось, какъ кто-то въ страшной, смертельной тоскѣ крикнулъ его имя.

Нѣтъ! это была лишь игра его разстроенаго воображенія. Не сова-ли, выгнанная бурей изъ своего убѣжища, испустила этотъ крикъ испуга, неслышно пролетая надъ самой его головой? Если не это, то, быть можетъ, что-нибудь другое въ этомъ же родѣ.

«Да, безъ сомнѣнія»,—говорилъ онъ себѣ, Однако воображеніе по прежнему рисовало передъ нимъ самыя ужасныя картины и въ продолжительномъ, неясномъ воѣ бури надъ степью, и въ шлесть дрока, растущаго по краямъ дороги, въ скрипѣ колесъ съ трудомъ подвигающагося впередъ экипажа, въ фырканы усталыхъ лошадей. Ему мерещились разнообразныя фигуры, то скользящія между мрачными скалами, то парящія по воздуху въ непроглядной ночной тьмѣ, то поднимающіяся среди болотныхъ испареній,—все это хрипѣло, шептало, отовсюду неслись звуки, изъ которыхъ составлялись ужаснѣйшія слова.

Дорога нѣсколько времени все подымалась въ гору и, по мнѣнію Готгольда, они были почти на самой вершинѣ, когда лошади стали вдругъ пятиться назадъ.

— Это что значить?—спросилъ Готгольдъ.

Вмѣсто всякаго отвѣта Генрихъ принялся хлестать лошадей; онѣ снова двинулись впередъ, но, сдѣлавъ нѣсколько шаговъ, остановились, фыркая еще съ большимъ безпокойствомъ и продолжая пятиться назадъ, отчего экипажъ сталъ понемногу катиться подъ гору.

— Ахъ, вы проклятые!—закричалъ Генрихъ, но голосъ его слышался откуда-то съ правой стороны экипажа.

— Да что такое случилось?—воскликнулъ Готгольдъ, приподымаясь съ мѣста.

— Ничего, — кричалъ Генрихъ, — сидите спокойно! Вотъ проклятые скоты! погодите немного, я васъ проучу! сидите спокойно, мы сейчасъ будемъ наверху. Вотъ я ихъ кнутомъ хорошенько!

Вслѣдъ за этимъ Генрихъ, который все время, точно безумный хлесталъ лошадей, вдругъ исчезъ куда-то. Испуганныя лошади сдѣлали еще нѣсколько скачковъ, и... экипажъ сталъ валиться на лѣвую сторону... все больше и больше... Внезапная мысль мелькнула въ головѣ Готгольда: онъ вспомнилъ, что если экипажъ опрокинется въ этомъ мѣстѣ, то неизбежно долженъ скатиться прямо въ болото... онъ положилъ руку на спинку сидѣнья, приготовляясь прыгнуть направо, какъ вдругъ вспомнилъ о своемъ спутникѣ. Послѣдній не двигался съ мѣста. Готгольдъ обхватилъ его рукою, думая выскочить вмѣстѣ съ нимъ, но было слишкомъ поздно! П слышался глухой трескъ... шумъ... какой-то шелестъ... казалось, сама земля разверзлась подъ ними, собираясь поглотить и экипажъ, и лошадей, и человѣка... въ ухахъ раздался страшный свистъ вѣтра... ужаснѣйшій толчекъ... экипажъ повалился... перевернулся... снова толчекъ... снова перевернулся... все ниже... все быстрее... и... все стихло!

XXIII.

Въ большой, уютной комнатѣ подлѣ самой конторы, при свѣтѣ великолѣпной, покрытой абажуромъ, лампы, въ pendant которой на зеркальномъ выступѣ въ глубинѣ комнаты горѣла другая, сидѣли Оттилія Вольнова и Альма Селъненъ. Оттилія была занята какой-то ручной работой, тогда какъ Альма, сложивъ руки на колѣняхъ, съ усталымъ видомъ откинулась въ уголъ дивана. Тутъ же на стулѣ съ высокой спинкой стояла картина Готгольда, изображающая Долланъ; свѣтъ отъ лампы падалъ прямо на нее, и Альма отъ времени до времени томно поглядывала въ ея сторону.

По желанію же Альмы и была поставлена здѣсь эта картина,— она думала, какой пріятный сюрпризъ сдѣлаетъ Готгольду, когда скажетъ ему, какъ интересуется ею.

— Боюсь только, чтобы она не соскользнула на полъ и не испортилась,—сказала Оттилія; — а главное я не вполнѣ увѣрена, что они возвратятся сегодня.

— Право, не знаю, какое отношеніе можетъ имѣть ихъ возвращеніе къ моему наслажденію искусствомъ,—возразила Альма, отбѣгая глаза рукою и дѣлая видъ, что съ крайнимъ интересомъ любуется картиной.—Что за мощные буки здѣсь впереди! Какъ привольно, какъ отрадно покоится взоръ тамъ, вдали, на заднемъ планѣ, переходя затѣмъ налѣво, гдѣ простирается темная степь, или же направо, гдѣ, страстно ожидая чего-то, стремится проникнуть въ то неизвѣстное, что далеко, далеко скрывается за темносинимъ моремъ! Онъ по истинѣ великій художникъ!

Оттилія засмѣялась.

— Ты все это скажешь ему?

— Почему же и нѣтъ!—возразила Альма, — я охотно отдаю каждому должное ему.

— Въ особенности, если каждый будетъ такимъ же милымъ, достойнымъ человѣкомъ, какъ Готгольдъ.

— Сегодня утромъ я видѣла его и говорила съ нимъ всего какихъ-нибудь минутъ пять.

— Для такого тонкаго знатока, какъ ты, совершенно достаточно и этого. Признайся, Альма, ты очарована имъ и видишь теперь, что нельзя такъ строго судить нашу бѣдную Сесилію за то, что, на свое несчастье, она также находитъ этого человѣка милымъ и достойнымъ.

— Ты знаешь, какъ я строго отношусь къ подобнымъ вещамъ, — возразила Альма, — да, очень строго, — можешь таращить на меня глаза, сколько тебѣ угодно. Откровенно говоря, мнѣ положительно безразлично, что думаетъ и чего не думаетъ твоя бѣдная Сесилія; скажу тебѣ только одно, что я потеряла бы вѣру во вкусъ и тактъ мужчинъ, если бы такому человѣку нравилась твоя бѣдная Сесилія.

— Альма, помилуй!

— Прощу тебя, милая Оттилія, что касается этого пункта, то позволь мнѣ имѣть свои собственные взгляды и придерживаться ихъ. Скажи мнѣ лучше, что ты знаешь объ его общественномъ положеніи; съ тѣхъ поръ, какъ я познакомилась съ нимъ, меня это крайне интересуетъ. Гуго утверждаетъ, что онъ почти миллионеръ. Такъ-ли онъ богатъ на самомъ дѣлѣ? Какимъ образомъ получилъ онъ такое состояніе? Гуго говоритъ, что здѣсь какая-то таинствен-

ная исторія; онъ всегда такъ говоритъ, когда не можетъ сообщить нужныхъ свѣдѣній. Скажи, что вѣрнаго во всемъ этомъ?

— Ничего, — возразила Оттилія, — я хочу сказать, что таинственнаго нѣтъ ничего, за то очень много грустнаго. Я такъ плакала, когда Эмиль разсказалъ мнѣ недавно всю эту исторію; онъ прежде ни слова не говорилъ мнѣ объ этомъ, — сказала Оттилія, отирая выступившія на глаза слезы.

— Ты страшно возбуждаешь мое любопытство, — сказала Альма, — какимъ образомъ можетъ исторія быть грустной, если въ концѣ ея полмилліона?

— Совѣмъ не такъ много, — возразила Оттилія, — ты вообще не должна требовать отъ меня подробностей, потому что разсказъ Эмиля, — какъ это тебѣ сказать?.. ну, онъ просилъ меня не разглашать его... по той причинѣ, на которую я указала тебѣ сегодня утромъ... по той же самой причинѣ и я не смѣла разспрашивать его объ этомъ. Слѣдуетъ уважать прежніе Котильонъ-туры.

— Прежніе Котильонъ-туры? — съ удивленіемъ спросила Альма.

Оттилія засмѣялась.

— Такъ называю я воспоминанія нашихъ мужей объ увлеченіяхъ молодости. Они такъ забавно и вмѣстѣ такъ трогательно сохраняютъ тайну этихъ увлеченій, такъ сказать, посята съ нею, какъ бы боясь пристыдить насъ, — конечно, мы очень добрыя, превосходныя жены, но гдѣ же намъ сравниться съ этими миѳологическими граціями. Въ этомъ случаѣ...

— Извини, милая Оттилія, если я перебую тебя, — ты хотѣла разсказать мнѣ, какимъ образомъ досталось Готтольду это состояніе.

— Все это слишкомъ тѣсно связано между собою, — отвѣчала Оттилія, — Котильонъ-туръ, т. е. любовь моего добраго Эмиля и матери Готтольда, которая и есть та самая особа. Всѣ разсказы свои начинаю я всегда съ конца, какъ утверждаетъ Эмиль. Сдѣлаемъ исключеніе на этотъ разъ и начнемъ съ начала. Съ чего же начинать?

— Не начнешь-ли ты съ того, кто собственно была названная тобою особа?

— Ты всегда вѣрно угадаешь! понятно съ того, кто была она такая? Единственная дочь своихъ родителей; отецъ ея былъ богатый купецъ въ Штетинѣ, по имени Реминальдъ Ленцъ. Мать ея... забыла какъ ее звали; она, кажется, была милымъ, душевнымъ созданиемъ и страстно, даже слишкомъ страстно любила своего мужа, который тоже былъ милымъ человекомъ, — всѣ звали его прекраснымъ Ленцомъ. Онъ былъ тѣмъ, чѣмъ обыкновенно бывають

избалованные подобно ему люди: несмотря на супружескія узы, онъ продолжалъ веселую, холостую жизнь и, наконецъ, затѣилъ какія-то двѣ несчастныя спекуляціи. Однимъ словомъ, по прошествіи нѣсколькихъ лѣтъ Ленцъ раззорился или просто обанкротился, — счетныя книги оказались въ беспорядкѣ. Страшно дѣлается, когда представишь себѣ все, что случилось затѣмъ! Ленцъ не хотѣлъ пережить своего позора. Въ одинъ прекрасный день онъ очень весело простился съ молодой женой своей, говоря ей, что ѣдетъ на охоту, дабы нѣсколько освѣжиться, такъ какъ отъ всѣхъ этихъ счетовъ у него голова кругомъ идетъ. Вечеромъ принесли его безжизненный трупъ съ раздробленнымъ черепомъ!.. Не ужасно ли это?

— Продолжай!— сказала Альма.

— О, продолженіе не менѣе ужасно. Если бы молодая женщина имѣла какое-либо понятіе о дѣлахъ своего мужа, она, конечно, не отпустила бы его... Когда бѣдняжка неожиданно увидѣла передъ собою трупъ его, она разразилась ужаснымъ крикомъ... Несчастливая послала подъ сердцемъ второго ребенка... часъ спустя, у нея сдѣлалась нервная горячка, а черезъ нѣсколько дней ея не стало!

— Какая неосторожность!— сказала Альма.

— Маленькая пятилѣтняя Марія...

— Некрасивое имя, — перебила ее Альма.

-- Не нахожу; Эмиль же увѣряетъ, что носительницу этого имени никакъ нельзя было назвать некрасивой. Откровенно говоря, я вполнѣ ему вѣрю. Въ этомъ отношеніи онъ ничего не преувеличиваетъ и, когда маленькая женщина по прошествіи нѣсколькихъ лѣтъ выросла и стала большой женщиной, то навѣрное обладала всѣми тѣми превосходными качествами, посредствомъ которыхъ векружила голову двадцатилѣтнему юношѣ. Да и не одному ему, — та же участь постигла многихъ молодыхъ людей. Между прочимъ, я забыла сказать, что бѣдная маленькая сиротка принята была въ домъ своего дяди, брата ея несчастнаго отца. Дядя этотъ былъ совершенная противоположность своего брата; онъ былъ безобразенъ, строгъ до неандичности и замѣчательный дѣлецъ. Онъ принадлежалъ къ старой школѣ, какъ говоритъ Эмиль, — учился всему на практикѣ и въ то время достигъ званія повѣреннаго въ дѣлахъ. Замѣчательно, что и жена была ему подъ пару, т. е. не уступала ему ни въ безобразіи, ни въ неандизмѣ, такъ что бѣдной дѣвочкѣ не на розахъ пришлось спать въ этомъ домѣ.

— Несмотря на поклонниковъ?

— Несмотря на поклонниковъ. Она многое унаслѣдовала отъ своего отца, который всю жизнь питалъ честолюбивые замыслы.

— Она, быть можетъ, не знала, чего хотѣла.

— Быть можетъ, и да. Дѣло только въ томъ, что ни одинъ изъ молодыхъ людей не удостоился ся благоволенія; чуть-чуть пони-сходительнѣе другихъ относилась она къ Эмилю, который утвер-ждаетъ, что онъ обязанъ этимъ лишь тому, что въ торговомъ то-вариществѣ, состоящемъ исключительно изъ христіанъ, онъ одинъ былъ еврей, и, такъ сказать, выдѣлялся изъ другихъ. Тебѣ, должно быть, извѣстно, что общественное положеніе евреевъ лѣтъ тридцать тому назадъ было еще ненадежнѣе и тяжелѣе, чѣмъ те-перь, хотя нельзя сказать, чтобы и въ настоящее время оно было тѣмъ, чѣмъ должно быть. Но хуже всѣхъ относилась она къ сво-ему двоюродному брату Эдуарду, который во всѣхъ отношеніяхъ могъ претендовать на ея расположеніе, какъ единственный сынъ, притомъ тихій, робкій молодой человѣкъ, безгранично любив-шій ее. Эмиль говоритъ, что и теперь готовъ заплакать всякій разъ, когда воспоминаетъ, какъ бывало Эдуардъ, бывший его луч-шимъ другомъ, разсказывалъ ему о своихъ сердечныхъ страда-ніяхъ. Никогда не употреблялъ онъ при этомъ ни пышныхъ фразъ, ни громкихъ словъ, но говорилъ такъ просто, съ такой покор-ностью судьбѣ.

— Терпѣть не могу этихъ кроткихъ, покорныхъ судьбѣ, лю-дей, — сказала Альма.

— Съ такимъ характеромъ не далеко уйдешь, чему примѣромъ служитъ бѣдный Эдуардъ. Впрочемъ, она многимъ отказывала, офицерамъ, баронамъ, графамъ, мало-ли кому! Никого изъ нихъ нельзя было назвать кроткимъ и покорнымъ судьбѣ человѣкомъ. Она была чудомъ города и божествомъ всѣхъ молодыхъ людей, но обращала на нихъ также мало вниманія, какъ солнце на туманъ.

— Право, ты дѣлаешься поэтомъ, — сказала Альма.

— Такъ, по крайней мѣрѣ, изображаетъ ее Эмиль, а когда онъ говоритъ о ней, то всегда дѣлается поэтомъ. И вотъ явился настоящій избранникъ.

— Сельскій-то пасторъ! Праведное небо! *Tant de bruit pour une omelette!* — сказала Альма.

— Онъ вовсе не былъ *omelette*, какъ ты думаешь. Это былъ необыкновенный человѣкъ и женщины также теряли голову изъ-за него, какъ мужчины изъ-за нея. И не одиѣ женщины, многіе весьма умные мужчины увлекались имъ, въ томъ числѣ и мой Эмиль. Онъ ни разу не былъ въ церкви съ тѣхъ поръ, какъ кре-стился ко дню нашей свадьбы; въ то же время, несмотря на то, что онъ былъ евреемъ, онъ каждое воскресенье присутствовалъ при службѣ, которую совершалъ молодой проновѣдникъ-адъютантъ,

такъ, кажется, вы ихъ называете. Цѣлый городъ посѣщаль эти проповѣди, говоритъ Эмиль, и большая церковь съ трудомъ вмѣщала посѣтителей. Становились въ дверяхъ, у церкви, только бы увидѣть его, когда онъ проходилъ. Вотъ этотъ-то молодой проповѣдникъ и былъ настоящимъ избранникомъ. Какъ они познакомились, не знаю, да это и не относится къ дѣлу. Видѣть и любить другъ друга—вотъ все, чего они хотѣли. Приемные родители, которые ради своего Эдуарда довольны были случаю удалить ее изъ дома, дали ей свое полное согласіе. Пасторать въ Раминѣ, куда они отправились послѣ свадьбы, давалъ полную возможность умереть съ голоду, но никакихъ средствъ къ существованію. И вотъ они покинули Штетинъ и пріѣхали сюда...

— Разсказъ конченъ, — сказала Альма. — Извѣстно, что всѣ исторіи, начинающіяся такъ необыкновенно, кончаются самымъ будничнымъ образомъ. Однако, я до сихъ поръ не узнала, какимъ образомъ Готгольдъ получилъ свой милліонъ?

— Даже менѣе полумилліона; Эмиль говоритъ, что всего 100.000 талеровъ. Отъ кого же могъ получить онъ, какъ не отъ добраго Эдуарда, который не захотѣлъ жениться. Какъ богатый наслѣдникъ, онъ могъ сдѣлать блистательную партію, но онъ до гроба остался вѣренъ своей юношеской любви. Умирая, онъ завѣщаль свое громадное состояніе на разныя благотворительныя учрежденія, часть же его передалъ своему ближайшему наслѣднику, сыну двоюродной сестры.

— Для него это было пріятной неожиданностью, — сказала Альма.

— Безъ сомнѣнія; однако, деньги не даютъ благословія. Что съ того, что онъ богатый человѣкъ? Что ему лично до того? Ничего. Эмиль, благодаря Бога, не нуждается теперь въ чужихъ деньгахъ, но у него еще съ самой нашей свадьбы находится въ оборотѣ 10.000 талеровъ или что-то въ этомъ родѣ... и Готгольдъ ни разу не освѣдомился о нихъ. Остальныя деньги онъ такъ и оставилъ въ Штетинѣ, въ одномъ торговомъ учрежденіи, которое ведется однимъ изъ участниковъ подъ названіемъ старой фирмы. Нельзя сказать, чтобы деньги эти были въ надежныхъ рукахъ. Онъ не трогаетъ даже процентовъ, за исключеніемъ тѣхъ случаевъ, когда дѣло касается нуждающихся художниковъ или только что начинающихъ талантовъ; онъ даетъ имъ средства на содержаніе въ академіи и на путешествіе въ Италію или же на что-нибудь въ этомъ родѣ. Да самъ онъ и не нуждается въ деньгахъ,—ему не стоитъ никакого труда заработать себѣ, сколько онъ хочетъ. Знаешь-ли, онъ до того добрый человѣкъ, что дѣлать добро другимъ составляетъ для него насущную потребность жизни. Миѣ

кажется, онъ долженъ имѣть свое собственное опредѣленное назначеніе относительно этихъ денегъ.

— Относительно чего?—спросила Альма.

— Почему онъ не женится? Не можетъ быть, чтобы ему не представилось случая для этого, ему ужъ двадцать восемь лѣтъ! Боюсь, что онъ останется холостякомъ, какъ и дядя его въ Штетинѣ и по той же самой причинѣ. Я думаю, что могу сказать, куда пойдутъ эти деньги въ особенности послѣ того, что мы слышали сегодня относительно денежныхъ обстоятельствъ Брандова. Деньги найдутъ хорошее помѣщеніе, — бѣдная Гретхенъ не такъ-то много получитъ послѣ отца съ матерью.

— Онъ не будетъ такъ глупъ, — сказала Альма.

— Тоже самое говорили и объ Эдуардѣ Ленцѣ. Я думаю... я думаю... ты не выдашь меня своему мужу... я думаю, что сегодня часть денегъ Готгольда перешла въ руки Брандова.

— Ты слышала это отъ своего мужа?

— Нашла человѣка, отъ котораго легко узнать что-нибудь! Совмѣстимы-ли такія два понятія, какъ Эмиль и болтливость? Ты худо его знаешь. Это мое собственное заключеніе, которое должно подтвердиться, когда они прѣдутъ.

— Я сказала имъ, когда они уѣзжали, что жду ихъ сегодня вечеромъ, — сказала Альма, держа руку передъ глазами и разсматривая картину. Она втихомолку разучивала, что скажетъ Готгольду, когда онъ прѣдетъ.

— Право, это они!—воскликнула Оттилія, когда въ передней раздался звонокъ.

— Не мужъ-ли твой возвращается изъ клуба?

— Онъ никогда не звонитъ, — сказала Оттилія, — и шаги не его.

Послышался стукъ въ двери, Оттилія попросила войти. Альма облокотилась на спинку дивана, слегка откинувъ назадъ голову и стараясь покрасивѣе расположить руки на колѣняхъ; вдругъ она испуганно привскочила, услышавъ восклицаніе Оттиліи.

— Господинъ Брандовъ!

— Прошу извинить меня, что я, вслѣдствіе отсутствія лакея, являюсь безъ доклада. Надѣюсь, что вы позволите мнѣ остаться нѣсколько минутъ и поможете мнѣ исполнить одну шутку, которую я придумалъ для нашихъ друзей.

Брандовъ поклонился. Оттилія смотрѣла на него не столько съ удивленіемъ, сколько съ ужасомъ. Брандовъ не походилъ на человѣка, замышляющаго какую-нибудь шутку: лицо его было блѣдно и искажено, длинные, бѣлокурые усы растрепаны, одежда его представляла страшную смѣсь свѣтскаго костюма съ дорожнымъ;

все оно почти до самыхъ плечъ забрызгано было грязью. Прийти въ домъ, почти чуждый ему, въ продолженіи нѣсколькихъ лѣтъ закрытый для него, и въ такомъ видѣ, въ такой поздній часъ! Оттилія могла найти лишь одно объясненіе для всего этого.

— Не случилось-ли какого-нибудь несчастія? — воскликнула она.

— Несчастье? — сказалъ Брандовъ, — вотъ чего я и не подозревалъ! Впрочемъ, да, ибо я считаю для себя несчастьемъ, что вель себя нѣсколько безтактно и даже довольно безтактно относительно своихъ друзей. А такъ какъ я, хотя и многоиспытанный судьбою человекъ, не привыкъ къ такого рода несчастіямъ, то и не могъ успокоиться до тѣхъ поръ, пока не сдѣлалъ попытки возстановить себя не только въ своихъ глазахъ, но и въ глазахъ друзей, которые навѣрное простили мнѣ неприличіе моего поведенія.

— Не правда-ли, они пріѣдутъ сегодня вечеромъ? я такъ и говорила! — воскликнула Альма.

— Безъ сомнѣнія, сударыня, они сейчасъ должны быть здѣсь черезъ... предположимъ двадцать минутъ... совершенно вѣрно, черезъ двадцать минутъ. Они выѣхали изъ Доллана безъ десяти десятъ, теперь ровно одиннадцать. Несмотря на отвратительную погоду, но съ такими сильными лошадьми и такимъ превосходнымъ кучеромъ, какъ мой Генрихъ, имъ понадобится не болѣе часа, чтобы быть здѣсь. И такъ, черезъ двадцать минутъ мы услышимъ, какъ подъѣдетъ экипажъ.

Брандовъ вынулъ часы и не сводилъ съ нихъ глазъ все время, пока говорилъ.

— А вы же какъ пріѣхали? — спросила Альма.

— Я пріѣхалъ верхомъ, сударыня! Било десять часовъ, когда я выѣхалъ изъ Доллана послѣ того, какъ недружелюбно распростился съ друзьями, о чемъ глубоко сожалѣю; двадцать пять минутъ спустя я ставилъ своего копя въ стойло «Княжескаго Подворья», т. е. отъ Доллана до «Княжескаго Подворья» я употребилъ въ пять разъ больше времени, чѣмъ отъ «Княжескаго Подворья» сюда.

— И такъ, вы въ двадцать пять минутъ проѣхали то самое пространство, для котораго другіе употребляютъ цѣлый часъ! — воскликнула Альма.

— Извините, сударыня! я никакъ не могъ ѣхать по той же самой дорогѣ черезъ Долланскую степь, по которой поѣхали наши друзья, — гдѣ былъ бы тогда неожиданный сюрпризъ? Я ѣхалъ по другой черезъ Нейенгофъ, Ланкевитцъ, Фашвитцъ и такъ дальше; госпожа Вольнова можетъ приблизительно прослѣдить за направлениемъ дороги, которая, по меньшей мѣрѣ, вдвое хуже и вдвое

длиниѣе, что я замѣтилъ слишкомъ поздно, когда взглянулъ на свое платье.

— Ахъ, какъ я люблю эти отважныя поѣздки верхомъ!—воскликнула Альма, мечтательно подымая глаза кверху. — Садитесь сюда ко мнѣ, любезный Брандовъ!

Она совсѣмъ забыла о приготовленіяхъ, которыя дѣлала къ приему Готгольда и когда она, протянувъ руку, оттолкнула стулъ, съ него соскользнула картина и упала на полъ. Оттилія вскрикнула; Брандовъ подскочилъ, чтобы поднять упавшую картину, но едва онъ взглянулъ на нее, какъ испустилъ глухой крикъ и выпустилъ ее изъ рукъ.

— Бѣдная моя картина!—воскликнула Оттилія.

— Тысячу разъ прошу извинить меня,—сказалъ Брандовъ,—но, проѣхавъ ночью полторы мили, да притомъ въ двадцать пять минутъ, врядъ-ли будешь въ состояніи владѣть своими членами!

Онъ и въ самомъ дѣлѣ дрожалъ, когда второй разъ бралъ въ руки картину; видно было, что онъ съ трудомъ сдерживалъ себя. Замѣтивъ это, Оттилія пригласила его сѣсть.

— Нельзя-ли сначала убрать картину?—сказалъ Брандовъ.

— Ни въ какомъ случаѣ!—воскликнула Альма, — я не могу разстаться съ нею; для васъ же, любезный другъ, она должна имѣть двойной интересъ. Посмотрите, что за мощные буки здѣсь впереди! Какъ привольно, какъ отрадно покоится взоръ тамъ вдали, на заднемъ планѣ, переходя затѣмъ налѣво, гдѣ простирается темная стена, или же направо, гдѣ, страстно ожидая чего-то, стремится проникнуть въ то неизвѣстное, что далеко, далеко скрывается за темно-синимъ моремъ!

— О, да! конечно!—сказалъ Брандовъ, стараясь не смотрѣть на картину, которая стояла какъ разъ противъ него. — Это, кажется, Долланъ? Не правда-ли?

— Да, это Долланъ,—воскликнула Оттилія, — господинъ Брандовъ, вы сами хотѣли купить ее! Развѣ вы не помните? когда вы вошли тогда и увидѣли, что я и жена ваша, мы стоимъ передъ этой картиной.

— Конечно! конечно!—сказалъ Брандовъ.

— Готова биться объ закладъ, что наши ѣдутъ теперь по степи,—сказала Альма.

— О, да! навѣрно!—отвѣчалъ Брандовъ.

— Невозможно!—воскликнула Оттилія, — неужели же могло случиться какое-нибудь несчастіе съ экипажемъ? Надѣюсь, намъ незачѣмъ бояться этого?

— Конечно! о, конечно, нѣтъ! — сказалъ Брандовъ, отирая лобъ платкомъ.

— Вы очень устали, господинъ Брандовъ! не позволите-ли предложить вамъ чего-нибудь освѣжиться? — спросила Оттилія; она позвонила и вслѣдъ затѣмъ встала, чтобы отдать приказаніе вошедшей дѣвушкѣ. Альма тѣмъ временемъ нагнулась къ Брандову и, взявъ его за руку, прошептала:

— Какъ я рада, что вижу васъ, мой дорогой другъ! Что такое было у васъ съ моимъ Гуго? Я всегда думала, что вы, въ нашихъ интересахъ, должны быть съ нимъ друзьями.

Брандовъ взявъ маленькую, бѣленькую ручку и поднесъ ее къ своимъ губамъ.

— О, конечно, конечно! мой прекрасный другъ! — сказалъ онъ, — потому-то я и здѣсь... собственно ничего, я былъ нѣсколько раздраженъ... Я... О, сударыня, къ чему это? Стаканъ вина, если прикажете, и больше никакихъ угощеній!

Брандовъ обращался къ Оттиліи; Альма, надувшись на него, снова откинулась въ уголъ дивана; Брандовъ былъ сегодня какой-то странный, такой холодный, не такой, какъ всегда. Альма рѣшилась наказать его за это, когда пріѣдетъ Готгольдъ, а чтобы усилить наказаніе, она думала, что слѣдуетъ быть вдвое любезнѣе до тѣхъ поръ.

Но минуты проходили за минутами; стѣнные часы пробили одиннадцать, половина двѣнадцатаго, прошелъ часъ со времени пріѣзда Брандова, а экипажа все еще не было слышно; когда же смолкалъ разговоръ, то слухъ различалъ лишь шелестъ высокихъ тополей на маленькой площади, да стукъ дождевыхъ капель объ оконныя стекла. И чѣмъ позже, тѣмъ чаще наступала пауза, такъ какъ противъ своего обыкновенія Оттилія совсѣмъ почти не принимала участія въ разговорѣ. Альма, какъ и всегда, считала достаточнымъ, если благосклонной улыбкой давала позволеніе занимать себя, Брандова же сегодня никакъ нельзя было назвать пріятнымъ собесѣдникомъ, за котораго онъ вообще слылъ. Онъ какъ-то принужденно улыбался, и было что-то лихорадочное въ томъ волненіи, съ какимъ онъ перебѣгалъ отъ одного предмета къ другому; то онъ сидѣлъ, устремивъ неподвижный взглядъ на картину, не замѣчая того, что въ продолженіи довольно длиннаго промежутка времени никто не произнесъ ни слова, то, какъ бы собравшись съ силами, снова начиналъ говорить, причемъ голосъ его дѣлался необыкновенно громкимъ, и рѣзкій звукъ его всякій разъ пугалъ Оттилію. Безпокойство послѣдней росло съ минуты на минуту. Она нѣсколько разъ вставала, подходила къ окну и, отдернувъ занавѣси, старалась проникнуть въ ночную тьму, мракъ которой увеличивался отъ пылающихъ кое-гдѣ фонарей.

— Нѣтъ, я слишкомъ ужъ безпокоюсь! — воскликнула она, наконецъ, отходя отъ окна.

— Странно во всякомъ случаѣ,—сказаль Брандовъ,—теперь безъ десяти минутъ двѣнадцать, они должны были прѣхать еще часъ тому назадъ.

— И мужъ мой все еще не возвращается,—сказала Оттилія.

— Ты должна быть рада, что онъ пріятно проводитъ время,—сказала Альма.—Какъ? вы хотите уѣзжать, любезный другъ?

— Я хочу попытаться, не удастся-ли мнѣ разузнать, въ чемъ дѣло,—сказаль Брандовъ, поспѣшно вставая.

— Неужели же вы еще разъ рискнете отправиться въ путь въ такую ночь?—воскликнула Альма.

— Альма!—сказала Оттилія.

Брандовъ собирался уходить, когда въ передней раздался звонокъ; въ конторѣ послышались тяжелые шаги, и вслѣдъ затѣмъ въ комнату вошелъ Вольновъ. Оттилія поспѣшила къ нему на встрѣчу и въ нѣсколькихъ словахъ объяснила то, что случилось. Вольновъ привѣтствовалъ поздняго гостя вѣжливымъ, но въ тоже время холоднымъ поклономъ, причѣмъ заявилъ, что разъ Брандовъ такъ спокоенъ, то нѣтъ никакого основанія придавать всему такъ много значенія.

— Въ томъ-то и дѣло, что онъ беспокоится!—воскликнула Оттилія.

— Въ такомъ случаѣ господинъ Брандовъ давно бы уѣхаль,—возразилъ Вольновъ.

— Съ одной стороны я, пожалуй, беспокоюсь, съ другой же—нѣтъ,—сказаль Брандовъ.—Ночь, конечно, темная и дорога мѣстами не особенно важная, но всѣмъ извѣстно, что мой Генрихъ Шеель превосходный кучеръ и... да! кстати! за десять минутъ передъ тѣмъ, какъ уѣхали наши друзья, по той же самой дорогѣ отправился Густавъ фонъ-Плюгенъ.

— Это не исключаетъ возможности, чтобы съ кѣмъ-нибудь изъ нихъ или же со всѣми вмѣстѣ не случилось какого-нибудь происшествія,—возразилъ Вольновъ.—Замѣтите, я говорю о происшествіи, а не о несчастьи, хотя въ такую ночь, какъ сегодня, всякая случайность, даже сломанное колесо, не можетъ быть названа пустякомъ, и я того мнѣнія, что намъ слѣдуетъ отправиться на встрѣчу нашимъ друзьямъ. Я готовъ сопровождать васъ, господинъ Брандовъ, если вы ничего не имѣете противъ.

— Конечно! безъ всякаго сомнѣнія! только я прѣхаль сюда верхомъ,—отвѣчалъ Брандовъ.

— Мы возьмемъ экипажъ въ «Княжескомъ Подворьѣ»; въ случаѣ чего онъ можетъ пригодиться намъ. Альма нашла крайне неучливымъ со стороны мужчинъ, что они хотѣли оставлять дамъ въ такую минуту; что касается Оттиліи, то она тотчасъ при-

несла пледъ и, отъ всего сердца цѣлуя мужа, прошептала ему: «ты вѣрнѣй себя, мой добрый Эмиль!»

Вольновъ потребовалъ, чтобы дамы оставались въ комнатѣ. Когда дверь закрылась за ними, онъ сказалъ:

— Я убѣжденъ, что случилось какое-нибудь несчастье; вы того же мнѣнія, не правда ли?

Черные глаза Вольнова какъ-то странно сверкали при блескѣ свѣчи, которую онъ несъ въ рукахъ, они такъ сурово и пронизательно устремлены были на Брандова. Послѣдній вздрогнулъ, — ему казалось, что онъ стоитъ передъ судьей, который допрашиваетъ его, и что отъ отвѣта зависитъ его участь.

— О, конечно, нѣтъ! ни въ какомъ случаѣ! — заикаясь, проговорилъ онъ, — собственно говоря, я не знаю, что долженъ думать.

— И я также, — возразилъ Вольновъ, ставя свѣчу на столъ и отодвигая задвижку.

Свѣтъ падалъ прямо па дверь, и когда Вольновъ открылъ ее, оттуда глянула на него мрачная непроглядная ночь. Вдругъ противъ дверей, на темномъ фонѣ ночи показалась какая-то фигура, при видѣ которой даже хладнокровный Вольновъ вздрогнулъ, а Брандовъ, стоявшій позади него, съ глухимъ крикомъ отскочилъ въ сторону. Тамъ стоялъ человѣкъ, который, казалось, вышелъ изъ самыхъ нѣдръ земли; одежда его была промочена насквозь и вся испачкана пескомъ и глиной, по блѣдному лицу, отгбенному темной бородой и широкополой шляпой, вдоль щеки, начинающая отъ виска, тянулась тоненькая струйка крови, что придавало ему ужасный видъ.

— Бога ради, Готгольдъ, что случилось? — воскликнулъ Вольновъ, протягивая руки другу и вводя его въ переднюю.

— Гдѣ дамы? — шепотомъ спросилъ Готгольдъ.

Вольновъ указалъ на сосѣднюю комнату.

— Оставьте ихъ тамъ; Селльенъ лежитъ въ «Княжескомъ Подворьѣ», мы только что сдѣлали ему перевязку; онъ все еще безъ сознанія и Лаутербахъ сомнѣвается, чтобы онъ выжилъ; я думаю, будетъ лучше, если я самъ увѣдомлю о случившемся. Брандовъ! ты здѣсь?

Брандовъ успѣлъ оправиться. Не смѣшно-ли, что онъ безъ всякой надобности такъ безнокоился? Этотъ мошенникъ живучъ, какъ кошка, что ему до другого?

— Вотъ уже два часа, какъ я поджидаю васъ здѣсь. — сказалъ онъ. — Но какъ могло случиться подобное несчастье, мой бѣдный Готгольдъ? Что такое съ добрейшимъ Селльеномъ? Я хочу взглянуть на него. Ты, конечно, останешься здѣсь? Гдѣ тебѣ идти въ такомъ состояніи? И вы также, господинъ Вольновъ?

Брандовъ не ждалъ отвѣта, онъ бросился вонъ и скрылся во мракѣ ночи.

Глаза Вольнова сверкнули, когда онъ посмотрѣлъ вслѣдъ ему; но онъ промолчалъ и не сказалъ того, что готово было сорваться у него съ языка.

— А вы? Какъ чувствуете вы себя, дорогой Готгольдъ?

— Я довольно таки счастливо отдѣлался! — сказалъ Готгольдъ. — Но какъ намъ быть? Какъ скажемъ мы объ этомъ его жепѣ?

— Я желалъ бы сначала взглянуть на него самъ. Мое отсутствіе не будетъ вовсе замѣчено, — онѣ знаютъ, что я собрался ѣхать къ вамъ на встрѣчу.

— Тогда пойдемъ!

Друзья вышли изъ дому. Вольновъ подаль руку Готгольду.

— Обопритесь покрѣпче, — сказалъ онъ, — слышите, покрѣпче и не говорите!

— Вотъ еще что! Десять тысячъ талеровъ, которые Селльенъ имѣлъ при себѣ, куда-то исчезли! Мы замѣтили это только здѣсь, когда разрѣзали на немъ сюртукъ.

— Куда же могли исчезнуть деньги? Онѣ навѣрное были у него въ карманѣ жилета.

Готгольдъ не отвѣчалъ; обморочное состояніе, отъ котораго онъ нѣсколько разъ и съ такимъ усиліемъ отдѣлывался во время дороги, снова овладѣло имъ; онъ долженъ былъ, какъ можно крѣпче опереться на руку Вольнова.

Съ трудомъ достигли они, наконецъ, «Княжескаго Подворья», гдѣ все было въ страшномъ волненіи, но Брандова ужь не застали тамъ. Хозяинъ разсказалъ, что какъ только тотъ услышалъ о потерѣ денегъ, такъ приказалъ осѣдлатъ свою лошадь и немедленно уѣхалъ, не взглянувъ даже на господина ассесора. Онъ сказалъ, что здѣсь не можетъ принести никакой пользы, тогда какъ тамъ врядъ-ли безъ него найдутся деньги.

— Да найдутъ-ли и при немъ? — прошепталъ Вольновъ.

Состояніе здоровья оставалось все въ томъ же положеніи.

— Если больной не скоро придетъ въ себя, то мы потеряемъ надежду спасти его, — сказалъ докторъ Лаутербахъ.

Скоро у послѣдняго вмѣсто одного оказалось два пациента, — Готгольдъ упалъ безъ чувствъ у постели Селльена.

— Говорилъ же я ему! — сказалъ докторъ. — Удивительно, право, что онъ такъ долго могъ выдержать! Вотъ по истинѣ несчастный случай!

— Случай-ли это? вотъ вопросъ! — прошепталъ Вольновъ.

XXIV.

Для Вольнова и его жены наступилъ цѣлый рядъ безпокойныхъ дней и ночей. Несмотря на тяжелыя поврежденія, все же оказалось возможнымъ перенести ассесора въ домъ Вольнова, гдѣ онъ во всѣхъ отношеніяхъ долженъ былъ имѣть лучшій уходъ; Готголда же оставили въ «Княжескомъ Подворьѣ», ибо поврежденія его были сравнительно ничтожны. Онъ лежалъ въ сильной горячкѣ, страшно бредилъ и цѣлыми часами оставался бозъ сознанія. Докторъ Лаутербахъ задумчиво покачивалъ головою и поговаривалъ о возможномъ сотрясеніи мозга, происходившемъ отъ какого-нибудь сильнаго внутренняго поврежденія. Вольновъ былъ крайне озабоченъ и все свободное время проводилъ у постели больного.

— Случай съ ассесоромъ самый обыкновенный, — говорилъ Вольновъ; — онъ получилъ двѣ сильныя контузіи въ голову, сломалъ лѣвое бедро и вывихнулъ правую руку; теперь рука его благополучно вправлена, на погѣ лежитъ превосходная гипсовая повязка, — за ассесора я не боюсь, вы, женщины, подымете его на ноги. Съ Готгольдомъ совсѣмъ другое дѣло; мы до сихъ поръ еще не знаемъ, на чемъ намъ остановиться, и мое присутствіе тамъ необходимо.

Оттилія на это отвѣчала, что присутствіе его всегда необходимо тамъ, гдѣ дѣло касается Готголда, хотя она съ своей стороны ничего не имѣетъ противъ его пристрастія, которое раздѣляетъ съ нимъ; ей нерѣдко и самой кажется, что Готгольдъ приходится ей роднымъ сыномъ.

Вольновъ съ улыбкой выслушалъ это удивительное признаніе. Та же самая, слегка меланхолическая улыбка не разъ играла на его серьезномъ лицѣ, когда онъ сидѣлъ у постели больного, отстраняя съ пылающаго лба послѣдняго мягкіе, волнистые волосы; онъ сравнивалъ тонкія черты этого лица, то блѣднаго, то раскраснѣвшагося отъ лихорадочнаго жара, съ другимъ лицомъ, казавшимся ему когда-то олицетвореніемъ женской красоты, и воспоминаніе о которомъ такъ свято хранилось въ его вѣрной душѣ.

Странныя мысли и воспоминанія овладѣвали имъ, когда онъ въ продолженіи долгихъ, безмолвныхъ часовъ сидѣлъ у постели больного; но какъ ни были они увлекательны, онъ всѣми силами старался отгонять ихъ отъ себя, дабы не сокрушить того твердаго основанія, на которомъ онъ соорудилъ свое жилище, ибо не желалъ отдать на волю теченія ни себя, ни того, кто ввѣрилъ ему свою судьбу. Нѣтъ, нѣтъ! не Богу Единому приличествуетъ исключительно судить, хорошо-ли то, что онъ сдѣлалъ! и человекъ

имѣть право сказать слово о своемъ твореніи, чтобы имѣть силу и мужество сохранить созданное имъ. Онъ самъ себѣ избралъ свою часть! такъ не все-ли равно, благая она или нѣтъ? Онъ самъ ее избралъ, и этимъ все было сказано! Не лучшіе, а худшіе хотятъ рѣшить то, что уже давно рѣшено!

Не для него, который по своимъ годамъ могъ быть его сыномъ, котораго онъ такъ... нѣтъ, нѣтъ! не то! Онъ любилъ его потому, что онъ былъ добръ и благороденъ, любилъ его такъ, какъ старшій долженъ и можетъ любить младшаго, ибо видитъ, какъ онъ колеблется на томъ же самомъ перекресткѣ жизненнаго пути, на которомъ когда-то и его сердце истекало кровью,—нѣтъ, для него еще ничто не было рѣшено. И неужели же рѣшеніе это не можетъ придти безъ того, чтобы сердце не пролило самой лучшей крови своей, пока не успокоится окончательно и не пойметъ науки о мудрости? Какъ желалъ бы онъ доставить ему то счастье, отъ котораго онъ долженъ былъ отказаться! Здѣсь же ни въ какомъ случаѣ не могло быть полнаго счастья,—случилось много такого, что набросило мрачную тѣнь на свѣтлое будущее! но, судя по тому, какую форму имѣлъ этотъ лобъ, какъ прорѣзаны были эти глаза, для него, быть можетъ, это было единственнымъ возможнымъ счастьемъ. Причина кроется въ самой природѣ, въ привычкѣ думать и чувствовать, унаслѣдована была дѣтьми и внуками отъ тѣхъ древнихъ германскихъ лежебоковъ, которые никогда не стремились улучшить положеніе своего жалкаго отечества, а, напротивъ, бросали его на волю судьбы; въ битвѣ знали лишь одну стратегію,—связывать другъ друга неразрывными цѣпями, предпочитая ставить самихъ себя на карту, чѣмъ найти какой-нибудь исходъ несчастью. А онъ? онъ тоже происходилъ отъ родителей, погибшихъ отъ излишка того чувства, что ни съ кѣмъ не идетъ ни на какія сдѣлки! Да и случай былъ тутъ совсѣмъ иного рода;—дѣло приняло такой оборотъ, какого не могло быть раньше;—теперь ему казалось дѣломъ человѣческой любви то, что прежде онъ предавалъ проклятію, какъ преступленіе противъ общества, и что являлось теперь необходимостью, хотя все же печальною въ его глазахъ.

Но съ этой стороны все было и оставалось лишь однимъ предположеніемъ,—по меньшей мѣрѣ, до тѣхъ поръ, пока сдѣлавшіеся жертвой несчастнаго случая въ степи не будутъ въ состояніи сказать, что они знали и наблюдали за это время. Показаніе ассесора даже въ лучшемъ случаѣ не могло имѣть большого значенія, ибо того, что сообщилъ Готгольдъ въ первый вечеръ, достаточно было, чтобы вывести заключеніе, въ какомъ невмѣняемомъ состояніи былъ ассесоръ. И въ самомъ дѣлѣ, когда послѣдній пришелъ въ себя и могъ говорить, то продолжалъ утверждать, что ничего не

знаеть, и что онъ, вѣроятно, спалъ, когда случилась катастрофа. Но Готгольдъ, одаренный проницательностью художника, навѣрное видѣлъ, слышалъ и наблюдалъ все, что можно было видѣть, слышать и наблюдать, и, безъ сомнѣнiя, могъ доставить драгоцѣнный материалъ умному и дѣятельному слѣдователю.

Врядъ-ли можно было причислить къ таковымъ совѣтника юстиціи фонъ-Цаденига, жившаго въ сосѣднемъ главномъ городѣ острова и въ участіе котораго случилось это происшествіе. Совѣтникъ юстиціи фонъ-Цаденигъ не видѣлъ въ немъ ничего особеннаго. Всякій согласится съ нимъ, говорилъ онъ, что нѣтъ ничего удивительнаго въ томъ, если экипажи опрокидываются въ болѣе или менѣе опасныхъ мѣстахъ, причемъ нерѣдко теряются и бумажники. Известно всѣмъ или, по крайней мѣрѣ, ему, совѣтнику юстиціи фонъ-Цаденигу, что дорога черезъ Долланскую степь изобилуетъ подобными опасными мѣстами: онъ хорошо помнитъ исторію братьевъ Венгофовъ, часть которой разыгралась на Долланской степи, — всякій, кто подобно ему происходитъ изъ древняго рода, помнитъ эту исторію. Брандовы, конечно, не происходятъ изъ древняго рода и ни въ какомъ случаѣ нельзя оправдывать того образа дѣйствiя, посредствомъ котораго они попали въ Далиць. Въ настоящее время Далиць не принадлежитъ имъ больше; обвинять же Карла Брандова за состояніе Долланскихъ дорогъ, по которымъ безпрепятственно взадъ и впередъ ѣздили три или четыре поколѣнія Венгофовъ, считаетъ онъ непозволительнымъ, онъ — совѣтникъ юстиціи фонъ-Цаденигъ. Онъ считаетъ себя обязаннымъ заявить, что самое сильное обвиненіе должно относиться не къ Брандову, а къ его собственному зятю, ландрату фонъ-Сваневиту изъ Сваневита, который по послѣдней инстанціи долженъ быть отвѣтственъ за состояніе общественныхъ и частныхъ дорогъ. Если же господинъ Вольновъ, къ уму и достоинствамъ котораго онъ питаетъ такое глубокое уваженіе, — если господинъ Вольновъ непременно желаетъ, чтобы дѣло было изслѣдовано на мѣстѣ, то онъ, несмотря на то, что попечительство св. Юргена въ Зюдинѣ, къ которому все происшедшее также близко относится, не дало ему никакого указанія, все же пошлетъ туда референдарія фонъ-Палена, а съ нимъ вмѣстѣ и жандарма, что придастъ всему дѣлу официальный и торжественный видъ. Онъ надѣется, что господинъ Вольновъ будетъ совершенно доволенъ.

И Вольновъ дѣйствительно остался доволенъ, что, наконецъ, добился того, чего только можно было добиться отъ такого безпечнаго, хотя во всѣхъ другихъ отношеніяхъ превосходнаго старика; а потому, покончивъ кое-какія дѣла, онъ собрался назадъ въ Прору. У «Княжескаго Подворья» онъ встрѣтилъ Карла Брандова, который

сегодня, какъ и во всѣ предыдущіе дни, пріѣхалъ освѣдомиться о еостояніи здоровья больныхъ.

— Все идетъ превосходно!—закричалъ онъ Вольнову.—Часъ тому назадъ онъ пришелъ въ себя; я не старался пройти къ нему, надо избѣгать наималѣйшаго волненія, но я видѣлся съ Лаутербахомъ, и тотъ страшно огорченъ. Онъ ждалъ воспаленія мозга, а теперь видитъ, что ожиданіе его не исполнилось. Какъ видно по всему,—здоровье Селльена тоже начинаетъ поправляться. Сегодня у меня отлегло отъ сердца, и я возвращусь домой спокойнѣе, чѣмъ всѣ эти дни. Какъ обрадуется моя жена! Завтра, быть можетъ, я привезу ее съ собой; я уже заручился позволеніемъ вашей супруги. И такъ, до завтра, до свиданья!

— Хорошая лошадь, этотъ рыжій меринъ, что и говорить,—сказалъ работникъ, смотря вслѣдъ удаляющемуся Брандову,—только далеко ему до того жеребца, на которомъ онъ пріѣзжалъ въ воскресенье ночью,—вотъ такъ лошадь!

Даже Вольновъ не спускалъ глазъ съ стройнаго всадника, который такъ увѣренно держался на сѣдлѣ.

— Если онъ дѣйствительно такой мошенникъ, какимъ я его считаю, то къ нему не такъ-то легко будетъ подобраться. Надо только стараться, чтобы Готгольдъ ничего не замѣтилъ, это его слишкомъ взволнуетъ и притомъ безъ всякой необходимости. Прежде всего я долженъ добиться болѣе вѣрныхъ доказательствъ. Не могу сказать, чтобы это доставляло удовольствіе, а все же надо покрѣпче затянуть петлю, чтобы поймать такого мошенника!

Готгольдъ протянулъ входившему другу блѣдную, но на этотъ разъ безлихорадочную руку.

— Вотъ,—сказалъ онъ,—попробуйте; а теперь этимъ же пожатіемъ руки позвольте поблагодарить васъ за всю доброту и любовь вашу. Я не всегда бывалъ безъ признанія. Несмотря на всевозможныя фантастическія представленія, мучившія меня, я все же отъ времени до времени различалъ ваше лицо и ясно видѣлъ на немъ выраженіе состраданія, за которое я такъ благодаренъ и чего не забуду до конца жизни своей.

Голосъ Готгольда дрожалъ и на глазахъ его заблестѣли слезы.

— Не думайте, что это отъ слабости,—сказалъ онъ,—признаюсь вамъ откровенно, это происходитъ отъ овладѣвшаго мною невѣдомаго до сихъ поръ мнѣ чувства. Я такъ мало имѣлъ возможности быть благодарнымъ за услуги, приносимыя мнѣ изъ любви ко мнѣ. Я такъ рано лишился той, которая для всѣхъ людей служитъ олицетвореніемъ безкорыстной любви, готовой на всевозможныя пожертвованія, я говорю о матери. Я едва помню ее; съ отцомъ раздѣляла насъ непроходимая пропасть, и вотъ ужъ десять

лѣтъ, какъ я блуждаю по бѣлу свѣту. Несмотря на безчисленное множество разнообразныхъ, оживленныхъ сношеній, несмотря на то, что я всегда былъ окруженъ большимъ кружкомъ друзей и даже составлялъ средоточіе этого кружка, я все же въ глубинѣ души чувствовалъ себя одинокимъ. Я томился желаніемъ любви и вотъ она, наконецъ, дарована мнѣ! и къѣмъ же? человѣкомъ, съ которымъ я въ первый разъ встрѣтился всего лишь нѣсколько дней тому назадъ, и между мною и имъ никогда не существовало никакихъ отношеній, кромѣ самыхъ обыкновенныхъ дѣловыхъ.

На серьезномъ, смугломъ лицѣ Вольнова появилось выраженіе глубокаго волненія, когда онъ заговорилъ послѣ небольшого молчанія, грудной голосъ его звучалъ необыкновенно мягко и нѣжно.

— А что если мы не въ первый разъ увидѣлись съ вами нѣсколько дней тому назадъ, если я зналъ васъ четырехъ или пятилѣтнимъ мальчикомъ и держалъ васъ на рукахъ? Если участіе мое къ вамъ покоится на болѣе прочномъ основаніи, чѣмъ дѣловыя отношенія, если оно тѣсно связано съ тѣмъ, что когда-то составляло свѣтъ и поэзію моей жизни? Что скажете вы на это, мой милый молодой другъ?

— Такъ вы знали мою мать?—спросилъ Готгольдъ, сразу попявъ все.—Да, вы знали ее!

— Я зналъ ее и... любилъ. Знать и любить ее составляло для меня одно и то же, да и въ настоящую минуту эти два понятія также тѣсно связаны для меня, какъ свѣтъ и тепло.

— А моя мать... любила-ли она васъ? Скажите мнѣ все и помогите мнѣ открыть загадку, существующую въ отношеніяхъ моихъ родителей между собою.

Вольновъ покачалъ головой.

— Нѣтъ, нѣтъ!—сказалъ онъ.—Не то, что вы думаете. Была минута, когда мнѣ показалось, что это такъ, но я не допустилъ себя до увлеченія этимъ проблескомъ надежды, я сразу увидѣлъ тотъ суровый путь, по которому я долженъ былъ слѣдовать во имя долга и чести, вотъ это-то и составляетъ всю гордость моей, полной геря, жизни.

— Въместо того, чтобы разрѣшить эту загадку, вы еще больше затемняете ее,—сказалъ Готгольдъ.

— Для меня самого многое еще остается неразгаданнымъ во всей этой семейной драмѣ,—возразилъ Вольновъ, закрывая глаза рукою,—мнѣ лишь одно вполне понятно: человѣкъ такого характера, какъ вашъ отецъ, такъ богато одаренный природой, проникнутый страстной любовью къ святой истинѣ, долженъ былъ неминуемо пробудить всемогущую любовь въ сердцѣ существа, не менѣе его одареннаго природой и также стремящагося ко всему

высокому, и говорю о вашей матери. Другъ мой, это была по истинѣ та самая любовь, которую вы такъ недавно изображали мнѣ; она влекла другъ къ другу этихъ двухъ прекрасныхъ, избранныхъ людей, подобно тому, какъ два потока огненного пламени съ шумомъ несутся одинъ на встрѣчу другому. Кто былъ свидѣтелемъ этого чуднаго зрѣлища, тотъ съ удивленіемъ останавливался и говорилъ: иначе и быть не можетъ! Такъ говорилъ и мой бѣдный, милый Эдуардъ и для него это было равносильно смертному приговору. Я говорилъ тоже самое, думая, что сердце мое разорвется на части, но сердце мое было крѣпче, чѣмъ я думалъ и къ тому же—я хотѣлъ жить! Да, другъ мой, жить надо, и какъ ни тяжело бываетъ подъ часъ, а человѣкъ все же продолжаетъ влачить эту жалкую, несчастную жизнь.

Вольновъ смолкъ, онъ былъ слишкомъ взволнованъ, чтобы говорить. Успокоившись нѣсколько, онъ продолжалъ:

— Въ настоящую минуту я не въ состояніи судить, хорошо-ли я поступаю, дѣлая вамъ это признаніе, но я совершилъ бы крайне неблаговидный поступокъ по отношенію къ памяти вашихъ родителей, къ вамъ, мой милый, молодой другъ и, наконецъ, къ самому себѣ, если бы теперь не рассказалъ вамъ всего до мельчайшихъ подробностей. Какое ужасное значеніе можетъ подчасъ имѣть и малое для такого, подверженнаго превратностямъ судьбы существа, какъ человѣкъ. И такъ, юные новобрачные поселились здѣсь. Я свидѣлся съ ними спустя нѣсколько лѣтъ и притомъ случайно, когда мнѣ по собственнымъ домашнимъ дѣламъ оказалось необходимымъ побывать въ этой мѣстности; я всегда избѣгалъ столь тягостной для меня встрѣчи. Когда я проѣзжалъ черезъ Раминъ, у меня въ экипажѣ неожиданно сломалось колесо, и случилось это какъ разъ противъ дома пастора. Я съ такой силой былъ выброшенъ изъ экипажа, что вывихнулъ себѣ руку и вынужденъ былъ въ продолженіи нѣсколькихъ недѣль пользоваться гостепріимствомъ вашихъ родителей. Вы были слишкомъ малы, чтобы помнить меня, но я какъ сейчасъ вижу кудряваго мальчугана, съ большими глазами, такъ весело игравшаго у ногъ своей матери, и который, благодаря Бога, не могъ еще понимать, что значилъ ея мрачный взоръ, неподвижно устремленный на него, когда онъ такъ безпечно игралъ среди цвѣточныхъ клумбъ. Ахъ! для нея не цвѣли цвѣты, не сіяло солнце, для нея все было мрачно, и вокругъ и въ юномъ пылкомъ сердцѣ ея! Также мрачно было и на душѣ того человѣка, котораго она такъ страстно когда-то любила! Но я глубоко убѣжденъ въ томъ, что оба по прежнему страстно любили другъ друга, несмотря на кажущуюся между ними обоюдную ненависть. Ахъ! милый другъ! я отнюдь не имѣю намѣренія говорить правдоученіе,

ни возобновлять спора, бывшаго недавно между нами, и все же вынужденъ сказать, здѣсь повторилась та же роковая жажда безмѣрнаго, которая не хочетъ довольствоваться тѣмъ, что есть, но требуетъ невозможнаго, не признаетъ естественныхъ условій, а стремится къ осуществленію своихъ фантазій. И такимъ-то образомъ эти чудные люди, такъ много счастья сулившіе другъ другу, во имя какой-то странной фантазіи превратили это многое въ ничто! Быть поборникомъ Бога, передъ Которымъ она прежде падала ницъ, казалось ей недостаточнымъ, онъ долженъ былъ обладать всѣми добродѣтелями, чего требовала отъ каждаго мужчины эта умная, но слишкомъ взыскательная дѣвушка. Съ своей стороны и мечтательный апостолъ не довольствовался тѣми дарами, которыми такъ щедро надѣлила ее природа; онъ жаждалъ видѣть ее украшенной мистическимъ вѣщаньемъ, безъ котораго вся земная, скоропреходящая красота — лишь одно ничтожество! И вмѣсто того, чтобы посредствомъ снисходительности, терпѣнія и кротости сгладить насколько возможно это различіе темпераментовъ и швырнуть покровъ на все, чего измѣнить нельзя, ибо человекъ лишь ничтожная частица Всемоущей Силы, каждый изъ нихъ съ какимъ-то роковымъ упрямствомъ стремился доказать другому силу и стойкость своего характера. Слишкомъ гордая для того, чтобы быть тщеславной, она утверждала, что, на зло разнымъ чудакамъ и шпохондрикамъ, зеркало все же говоритъ ей, что она молода и прекрасна, какъ Божій міръ; для него же зеркало было лишь олицетвореніемъ возможности видѣть яснѣе все неясное и бесполезное. И гдѣ же происходила эта борьба? Въ тихомъ пасторагѣ маленькаго села, на островѣ, удаленномъ въ то время отъ всякаго сообщенія съ остальнымъ міромъ. Что удивительнаго въ томъ, если сердце несчастныхъ обливалось кровью и ихъ ждала неминуемая гибель? Люди говорятъ, надо разстаться, пока есть время. Я думалъ не такъ, я говорилъ себѣ: пусть вся вселенная разъединяетъ ихъ, они и тогда не забудутъ другъ друга! Горе тому безумцу, что вздумаетъ ихъ разлучить. Тоже самое сказалъ я молодой женщинѣ, котораго не могла или же не хотѣла скрыть отъ меня своего горя; я старался говорить съ ней такъ убѣдительно, какъ повелѣвалъ мнѣ мой долгъ. Долженъ сознаться при этомъ, что я дѣйствовалъ лишь по глубокому своему убѣжденію, сердце же мое разрывалось на части въ переполненной груди моей. И тутъ впервые узналъ я, что до появленія настоящаго избраника я стоялъ къ ней гораздо ближе, чѣмъ смѣлъ на то надѣяться,—все это она высказала въ отрывочныхъ словахъ и неясныхъ намекахъ, вырывавшихся изъ нея пылкой, страстной души, подобно искрамъ изъ подъ тлѣющаго огня. Я не могу и не хочу отрицать того, что и самъ едва не под-

дался тому же чувству! Да, другъ мой! я боролся, какъ древній патріархъ, въ ту памятную ночь чудесь, и изъ моей стѣсненной груди вырывались тѣ же волшебныя слова: я не отпущу тебя, пока ты не благословишь меня.

Какъ не назвать благословеніемъ, достигнутого мною съ такимъ трудомъ, спокойствія, часть котораго перешла и въ душу молодой, полной отчаянія женщины! Мнѣ удалось выиграть время, а въ такихъ случаяхъ это главное. Она пришла въ себя, вспомнила о томъ, что когда-то всецѣло принадлежало ей, и стала спрашивать себя, не возможно-ли ей будетъ возвратить потерянное, если она того захочетъ. Никогда не забуду я, какъ она взглянула, прощаясь со мной! Что это былъ за глубокій, выразительный взглядъ, и въ немъ уже начиналъ проглядывать слабый лучъ надежды. Я слышу еще ся милый голосъ, слышу ея слова: «благодарю васъ, другъ мой». Это была мнѣ лучшая награда за все, что я сдѣлалъ и выстрадалъ!

— Примите также и мою благодарность, — сказалъ Готгольдъ, горячо пожимая руку взволнованнаго до глубины души Вольнова. — Отъ всего сердца благодарю васъ за то, что вы слѣдовали своему убѣжденію. Чего же еще больше требовать отъ человѣка? И несмотря на сдѣланное вами, вы все же не могли воспрепятствовать тому, чтобы моя бѣдная мать не умерла отъ разбитаго сердца!

Вольновъ мрачно глядѣлъ внизъ, Готгольдъ продолжалъ, болѣзненно улыбаясь:

— Что же? лучше умереть въ молодости, чѣмъ продолжать жить съ разбитымъ сердцемъ, себѣ на муку и другимъ не на радость, какъ мой бѣдный отецъ. Врядъ-ли примирился онъ потомъ съ тѣнью моей матери! Разсердившись какъ-то разъ, онъ оттолкнулъ меня отъ себя и проговорилъ съ поблѣднѣвшими отъ гнѣва губами: «тыходишь на свою мать!» Пѣтъ, нѣтъ! другъ мой! хотя я и уважаю вашу мудрость, но все же скажу — мудрымъ надо родиться, жизнь не научить этому.

— Менѣе всего, когда начнешь читать лекціи по этому предмету, — сказалъ Вольновъ, дружески улыбаясь, — а лекція наша достаточно длилась, принимая во вниманіе состояніе здоровья слушателя.

Готгольдъ сталъ возражать, говоря, что онъ чувствуетъ себя вполне удовлетворительно и можетъ долго говорить все на одну и ту же тему, которая имѣетъ для него какую-то демоническую прелесть.

— Вотъ по этой-то причинѣ и слѣдуетъ прекратить этотъ разговоръ, — возразилъ Вольновъ.

— Если же вы дѣйствительно чувствуете себя такимъ бодрымъ, то не согласитесь-ли отвѣтить мнѣ на нѣсколько вопросовъ, касательно вашей несчастной поѣздки. Считаю долгомъ заявить вамъ, что эти вопросы я дѣлаю по порученію высшаго начальства. По крайней мѣрѣ, совѣтникъ юстиціи Цаденигъ утверждаетъ, что безъ вашего показанія онъ не можетъ приступить къ разбору несчастнаго происшествія и просилъ меня привлечь васъ до нѣкоторой степени къ протоколу.

Готгольдъ съ удивленіемъ взглянулъ на него.

— Въ чемъ же собственно дѣло?

— На первомъ планѣ стоитъ вопросъ о пропавшихъ деньгахъ, онѣ должны быть розысканы и во что бы то ни стало, — возразилъ Вольновъ, — мы заботимся не о попечительствѣ, ему, повидимому, нѣтъ никакого дѣла до случившагося, но главнымъ образомъ о Селльенѣ, на котораго обрушится вся отвѣтственность.

— Бѣдный Селльенъ! мнѣ, право, его очень жаль, — сказала Готгольдъ, — не понимаю одного, какимъ образомъ ваши вопросы, а мои отвѣты могутъ содѣйствовать розыскамъ потеряннаго?

— Сейчас увидимъ. Можете-ли вы достовѣрно сообщить мнѣ, имѣлъ-ли Селльенъ при себѣ деньги, когда вы выѣзжали изъ Доллана?

— О, да! я вполне въ этомъ увѣренъ. Когда мы послѣ обѣда гуляли съ нимъ по саду, онъ, нисколько не подозрѣвая, откуда идутъ эти деньги, сообщилъ мнѣ съ удивленіемъ, что Брандовъ все уплатилъ, причемъ вынулъ изъ кармана пакетъ и показалъ мнѣ его. Я цѣлый вечеръ слѣдилъ за нимъ съ безпокойствомъ. Я все боялся, чтобы онъ не поддался искушенію и не вздумалъ тратить денегъ. Къ счастью, онъ остался въ выигрышѣ.

— Такъ, значитъ, играли? Кто остался въ выигрышѣ?

— Брандовъ.

— Много онъ проигралъ?

— Онъ проигралъ Редебасу 5.000 талеровъ; послѣдній только одинъ и рѣшился доиграть до конца съ такимъ смѣлымъ игрокомъ, какъ Брандовъ.

— Тотъ, конечно, не могъ уплатить проигрыша?

— Конечно, нѣтъ. Изъ-за этого собственно и поднялся споръ, кончившійся тѣмъ, что страшно разсерженные гости уѣхали изъ дома.

— Вы не вмѣшивались въ споръ?

— Я—нѣтъ, Селльенъ—быть можетъ, и то немного. Брандовъ воспользовался этимъ предлогомъ, чтобы наговорить намъ грубостей, что также и насъ заставило уѣхать изъ дома.

— Заставило васъ уѣхать изъ дома? Прекрасно! — сказала

Вольновъ такимъ тономъ, точно собирался писать протоколъ.—А когда вы уѣхали, были деньги при Селльенѣ?

— Я чувствовалъ подъ рукой пакетъ, когда застегивалъ ему пальто.

— А было-ли пальто застегнуто, когда Лаутербахъ собирался накладывать повязку? Вы это недавно говорили и Лаутербахъ подтвердилъ тоже самое. А не пробовали вы раздѣвать его, когда были въ кузницѣ?

— Нѣтъ. Старикъ Пребровъ хотѣлъ было его раздѣть; но Селльенъ, пришедшій ненадолго въ себя, такъ убѣдительно просилъ оставить его въ покоѣ, что мы принуждены были отказаться отъ этого. Чтобы ему было мягче лежать, мы положили какъ можно больше сѣна и соломы въ телѣгу, которую тѣмъ временемъ заложили намъ Пребровы.

— Былъ-ли пакетъ при немъ?

Готгольдъ задумался, — онъ старался припомнить.

— Нѣтъ, — сказалъ онъ, — его не было. Да, вспомнилъ, мы, т. е. старикъ и я, ошупывали ему грудь, такъ какъ онъ жаловался на страшную боль въ ребрахъ лѣвой стороны. Я бы долженъ былъ почувствовать пакетъ, если бы онъ былъ на прежнемъ мѣстѣ. Дѣйствительно странно.

— Да, странно, — возразилъ Вольновъ, — нельзя же предположить, чтобы такіе честные люди, какъ Пребровы — отецъ и сынъ — вытащили деньги изъ кармана въ то время, какъ переносили Селльена съ мѣста катастрофы.

— Это пемыслимо! — вскричалъ Готгольдъ.

— Невозможно также и то, чтобы деньги вывалились во время паденія и притомъ изъ кармана застегнутаго сюртука, поверхъ котораго надѣто было застегнутое же пальто.

— Что же другое можемъ мы предположить?

— Такъ кажется лишь съ перваго взгляда. Возвратимся нѣсколько назадъ; и такъ, вамъ показалось, что Брандовъ выгналъ васъ изъ дома? Скажите, это не бросилось вамъ въ глаза?

— И да, и нѣтъ.

— Предположимъ, что «нѣтъ» относится къ вашимъ отношеніямъ съ Брандовымъ, а «да» къ ассесору, — вѣдь Брандову было крайне пужно заручиться благосклонностью послѣдняго. Признаюсь вамъ, мнѣ непонятно все это. Выгнать изъ дома въ такую ночь, напоминающую слова короля Лира: «тамъ адъ, тамъ мракъ, тамъ пышущая бездна!», затѣмъ дать экипажъ безъ фонарей, тогда какъ всѣмъ извѣстно, что такое Долланская дорога.

— Все это вѣрно, — сказалъ Готгольдъ, — что съ того, однако, если мы докажемъ недружелюбіе Брандова, въ которомъ онъ тот-

часть же раскаялся и которое пытался заглазить въ тотъ же самый вечеръ? Поможетъ-ли это намъ розыскать пропавшія деньги?

— Вы видите, какой я неловкій инквизиторъ, — возразилъ Вольновъ, проводя рукой по лицу. — И такъ, вопреки пословицъ, оставимъ барина и перейдемъ къ работнику. Это былъ тотъ самый, который возилъ васъ утромъ?

— Тотъ самый — берейторъ Брандова, и должность котораго мѣняется по обстоятельствамъ: онъ — то кучеръ, то управляющій, однимъ словомъ, его правая рука.

— Его правая рука? прекрасно! — сказалъ Вольновъ, — «Дѣлай все безъ разбора, что тебѣ до того, худо это или хорошо!» Вотъ этотъ-то синьоръ «Дѣлай все безъ разбора» никого и ничего не боится, — таково впечатлѣніе, по крайней мѣрѣ, которое онъ произвелъ на меня. Что думаете вы объ этомъ человѣкѣ?

— Онъ замѣчательный человѣкъ въ томъ отношеніи, что, кто разъ увидѣлъ его, тому трудно забыть его. Я представляю его себѣ съ поразительною ясностью: четырехугольный, плоскій черепъ, маленький, покатыи назадъ лобъ, какъ у дикихъ кошекъ, которыхъ онъ также напоминаетъ и зелеными, косыми глазами; но въ то же время по широкимъ плечамъ, по крѣпкому, коренастому туловищу, неуклюжимъ, кривымъ погамъ его можно отнести къ собачьему семейству. Однимъ словомъ, что-то среднее между рысью и бульдогомъ, на которыхъ онъ походитъ упрямествомъ и вѣрностью. Я думаю, что онъ для своего хозяина полѣзетъ въ огонь и воду.

— И въ воду, — сказалъ Вольновъ, — превосходно! Вотъ что значить художникъ! Какъ замѣчательно все изображено! И вотъ въ такую-то ужасную ночь съ вами отправляютъ это милое чудовище, этого вѣрнаго Калибапа. Ну-съ? а какъ вы ѣхали?

— Признаться откровенно, я мало обращалъ вниманія на все окружающее меня и лишь за нѣсколько минутъ до катастрофы пришелъ въ себя. Теперь я припоминаю, что мы съ трудомъ подымались въ гору, такъ какъ сильный вѣтеръ дулъ намъ прямо навстрѣчу. Генрихъ Шеель, жестокій по природѣ, набросился съ кнутомъ на бѣдныхъ лошадей, которыя, какъ бы предчувствуя участь свою, не хотѣли двигаться съ мѣста, и Генрихъ прыгнулъ, наконецъ, на землю.

— Спрыгнулъ на землю, — повторилъ Вольновъ, — очень хорошо! какъ нельзя болѣе кстати, вслѣдъ затѣмъ вы полетѣли внизъ, не правда-ли?

— Миѣ кажется, что да.

— Допустимъ, пожалуй, что нѣсколько минутъ позже, а не то вѣрный Калибапъ полетѣлъ бы вмѣстѣ съ вами. Въ тотъ вечеръ

вы рассказали мнѣ о паденіи все, что могли припомнить въ послѣднія минуты сознанія. Надо удивляться наблюдательности художниковъ, которой хватаетъ, такъ сказать, до послѣдняго издыханія. А какъ долго продолжалось время, въ теченіе котораго вы были такъ близко къ смерти?

— Этого я не могу сказать; безсознательное состояніе овладѣло мною безъ всякаго сопротивленія съ моей стороны, какъ-то быстро, незамѣтно, точно сонъ, смыкающій вѣки, — также точно пришелъ я въ сознаніе. Нѣсколько времени пролежалъ я лицомъ кверху, слѣдя за луной и желтовато-сѣрыми облачками, которыя мало по малу дѣлались все тоньше и тоньше, — казалось, это было единственнымъ занятіемъ, предстоящимъ мнѣ въ этой жизни. Наконецъ, въ полномъ блескѣ, прорвавъ послѣдній скрывающій ее покровъ, показалась луна. Въ ту же минуту я пришелъ въ полное сознаніе своего положенія и понялъ, что лежу на выступѣ по самой срединѣ откоса; все же остальное, скатившись внизъ, лежало у самаго края болота и, когда я съ трудомъ повернулся на бокъ, то увидѣлъ, что все представляло изъ себя ужаснѣйшій хаосъ, такъ что я не могъ различить ни одного предмета въ отдѣльности. Затѣмъ я снова впалъ въ странное, полубезсознательное состояніе. Мнѣ вообразилось, что я вижу всадника, который съ необыкновенной быстротой, присущей всѣмъ привидѣніямъ, пронесся черезъ болото по направленію къ Нейенгофу. И какъ истое привидѣніе всадникъ этотъ, мчавшійся бѣшенымъ каррьеромъ, сидѣлъ, совсѣмъ пригнувшись къ длинной, тонкой шеѣ своего коня. На головѣ всадника была высокая шляпа. Не смѣшно-ли—привидѣніе и въ высокой шляпѣ?

— Дѣйствительно смѣшно и даже очень, — сказалъ Вольновъ. Онъ всталъ и быстро подошелъ къ окну, чтобы скрыть свое волненіе. — Что такое говорилъ работникъ о превосходствѣ лошади, на которой Брандовъ пріѣхалъ тогда ночью? И привидѣніе мчалось по той же самой дорогѣ въ Нейенгофъ, какъ и Брандовъ! Странное стеченіе обстоятельствъ! У Брандова въ ту ночь тоже была надѣта высокая шляпа, вся она была забрызгана жидкой грязью.

Вольновъ снова обратился къ Готгольдъ:

— Считаете-ли вы возможнымъ, чтобы кто-нибудь, облеченный въ плоть и кровь и сидя верхомъ на самой лучшей и быстрой лошади, могъ переѣхать Долманское болото?

— Какъ пришли вы къ такому заключенію? — съ удивленіемъ спросилъ Готгольдъ.

— А такимъ образомъ, что Брандовъ повсюду рассказываетъ, будто бы одна изъ его лошадей отвязалась и хотѣла убѣжать черезъ болото, гдѣ и утонула.

— Это можетъ служить лучшимъ доказательствомъ невозможности переѣхать его.

— Конечно! — возразилъ Вольновъ, — вамъ теперь слѣдуетъ отдохнуть, Лаутербахъ и безъ того будетъ недоволенъ. Черезъ два часа я снова возвращусь, а до тѣхъ поръ вы должны хорошенько заснуть.

Послѣдующіе за тѣмъ два часа Вольновъ провелъ въ страшной тревогѣ и нетерпѣніи, къ чему этотъ обыкновенно хладнокровный человѣкъ не считалъ себя способнымъ. Онъ поджидалъ референдарія, который обѣщалъ ему по возвращеніи изъ Доллана заѣхать въ Прору и передать ему о результатахъ слѣдствія. Паленъ уѣхалъ двумя часами раньше него и въ настоящее время долженъ былъ кончить возложенное на него порученіе. Онъ дѣйствительно скоро пріѣхалъ, но безъ жандарма, который былъ посланъ вмѣстѣ съ нимъ по распоряженію его начальника, чтобы придать всему дѣлу болѣе officialный характеръ.

— Престранное дѣло! — сказалъ фонъ-Паленъ. — Вамъ извѣстно, что я отправился туда, чтобы собрать свѣдѣнія о Генрихѣ Шеелѣ, который правилъ лошадьми въ то время. Дѣло, по крайней мѣрѣ, шло главнымъ образомъ о немъ, и что же вы думаете...

— Онъ скрылся, — сказалъ Вольновъ.

— Откуда вамъ это извѣстно?

— Это лишь одно предположеніе съ моей стороны. Продолжайте дальше.

— Вы правы, онъ дѣйствительно скрылся, — продолжалъ фонъ-Паленъ. — Люди видѣли его въ помѣстьѣ за полчаса до нашего пріѣзда, и Брандовъ, который передъ тѣмъ только что возвратился домой, также видѣлъ его. Онъ продолжаетъ скрываться по прежнему, несмотря на то, что Брандовъ былъ настолько любезенъ и разослалъ своихъ людей по всѣмъ направленіямъ: его должны были бы найти, — говорилъ Брандовъ, — если бы...

— Если бы онъ того захотѣлъ.

— Совершенно вѣрно. Ну, скажите на милость, не глупо-ли со стороны этого Генриха, вся вина котораго заключается лишь въ томъ, что онъ самовластно, дабы не гонять выѣздныхъ лошадей, запретъ какихъ-то клячь, несмотря на то, что у Брандова такъ много хорошихъ. Послѣдній говоритъ, что только изъ-за этого и произошло все несчастье. Если же Генрихъ сбѣжалъ на самомъ дѣлѣ, то дѣло принимаетъ совсѣмъ другой оборотъ. Я оставилъ тамъ Рютербуша, онъ его навѣрное поймаетъ, стоитъ только ему показаться. Поступая такимъ образомъ, Генрихъ даетъ поводъ предполагать, что онъ или нашелъ эти деньги, или же вытацилъ ихъ изъ кармана ассесора, пока тотъ лежалъ безъ чувствъ, а затѣмъ, увидя,

какъ мы подъѣзжали къ помѣстью, сбѣжалъ,—степь видна оттуда на далекое разстояніе.

Браидовъ казался смущеннымъ и говорилъ намъ, что онъ кого угодно можетъ подозрѣвать въ совершеніи такого поступка, только не Генриха Шееля, ибо и покойный отецъ его всегда цѣнилъ этого вѣрнаго и честнаго человѣка. Подъ конецъ онъ согласился съ тѣмъ, что подобное исчезновеніе и въ самомъ дѣлѣ весьма загадочно, да и мало-ли что встрѣчается? Возможно, конечно, и то, что бѣдняга поддакъ искушенію и задумалъ сразу разбогатѣть.

— Не одни бѣдняги поддаются искушенію, — сказалъ Вольновъ.

— Вы, значить, того мнѣнія, что онъ укралъ эти деньги? — поспѣшно спросилъ референдарій.

— Мое мнѣніе не можетъ здѣсь имѣть никакого значенія, — возразилъ Вольновъ, уклоняясь отъ прямого отвѣта. Черные глаза его сверкнули и въ нихъ ясно можно было прочесть, что на этотъ счетъ онъ имѣетъ свое собственное, положительное мнѣніе.

XXV.

Какъ только поправилось состояніе здоровья Готгольда, онъ тотчасъ же переѣхалъ изъ Проры въ Зюндинъ, несмотря на увѣреніе Оттиліи, которая утверждала, что воздухъ Проры несравненно лучше для выздоравливающаго и что общающую картину онъ также прекрасно можетъ кончить здѣсь, какъ и тамъ. Она была готова отказаться отъ подарка, лишь бы отклонить своего друга отъ поѣздки, но на этотъ разъ мужъ ея былъ совершенно противоположнаго мнѣнія.

— Не слѣдуетъ удерживать того, кто не желаетъ оставаться, — сказалъ онъ, — иначе намъ придется взять на себя отвѣтственность за все послѣдующее. Я всей душой расположенъ къ молодому человѣку, чего онъ вполне заслуживаетъ, и отъ всего сердца желаю ему всякаго счастья, не понимаю только одного, какимъ образомъ онъ достигнетъ его на этомъ пути. Я вовсе не намѣренъ указывать на свои извѣстные тебѣ взгляды на супружество, напротивъ, я готовъ на всевозможныя уступки, лишь бы помочь Готгольду, но это ни къ чему не поведетъ. Мнѣ извѣстно лишь одно крайнее средство для удаленія препятствій, но оно такъ ужасно, что врядъ-ли согласится онъ воспользоваться имъ даже въ томъ случаѣ, если дѣло зайдетъ слишкомъ далеко. Въ настоящее время еще не для чего прибѣгать къ крайнимъ средствамъ.

— Я не имѣю желанія ломать себѣ головы надъ этой загадкой, — воскликнула Оттилія, — и позволю себѣ лишь одинъ

вопросъ, на который требую прямого, честнаго отвѣта: извѣстно-ли Готгольду это средство?

— Я не упоминалъ ему о немъ; по онъ самъ можетъ напасть на него, благодаря своей всегдашней проникаемости.

Нельзя сказать, чтобы Оттилія осталась довольна добытыми свѣдѣніями, и только въ одномъ не сомнѣвалась она, что Готгольдъ самъ хочетъ уѣхать и что его не могутъ удержать даже убѣжденія ея мужа.

Дѣйствительно, Готгольдъ такъ поспѣшно уѣхалъ, точно чувствовалъ себя подъ вліяніемъ невѣдомыхъ чаръ, отъ которыхъ во что бы то ни стало старался отдѣлаться. И въ самомъ дѣлѣ, едва ступилъ онъ на родной островъ, какъ сразу попалъ въ какой-то заколдованный кругъ. Сколько времени ѣхалъ онъ родимыми нивами въ сопровожденіи товарища своей юности и не узнавалъ его! Добрый Іоакимъ Пребровъ! онъ мало походилъ на посланника боговъ, и все же съ него-то и начался длинный рядъ чудесъ въ послѣдующіе затѣмъ дни. Сколько разъ являлись ему то чудныя, небесныя видѣнія, то ужасныя, адскія образины! сколько разъ, томясь отъ жажды, онъ утолялъ ее то нектаромъ и амброзіей, то чувствовалъ пепель на своемъ сухомъ, потрескавшемся языкѣ!

Онъ не хотѣлъ быть дольше игрушкою демоновъ, онъ хотѣлъ идти по той дорогѣ, по которой шелъ до сихъ поръ и жить для искусства, которымъ такъ непростительно пренебрегъ. Оно давало лишь наслажденіе; не было ни горькаго раскаянія, ни ужаснаго разочарованія, и хотя съ нимъ также связана была борьба съ различными препятствіями, за то сердце оставалось покойнымъ даже и въ томъ случаѣ, если не удавалось преодолѣть всѣхъ препятствій и вполне достигнуть намѣченной цѣли. Не удалось ему, такъ удастся другому, и съ какимъ удивленіемъ и завистью будутъ слѣдить всѣ за его отважнымъ стремленіемъ впередъ! Тотъ въ свою очередь безъ всякой злобы склонится передъ болѣе великимъ;—никогда искусство не принадлежало лишь одному человѣку, никогда благоразумный человѣкъ не стремился одинъ обладать имъ. Не всякая же страсть приносить съ собою страданія! лишь себялюбивая, признающая однѣ скоропреходящія, земныя блага, къ которымъ съ такою жадностью простираютъ люди свои печестивыя руки. Каждый считаетъ себя вправѣ предъявлять свои претензіи на эти блага, и не потому, чтобы онъ былъ лучше другихъ, а потому, что онъ явился первымъ. Да! странно устроено все на свѣтѣ!

И вотъ Готгольдъ снова рисуетъ! по краски ложатся на полотно грубо и неясно, воздухъ не дѣлается прозрачнымъ, вода

не течеть, солнце не сіяетъ, тѣни невѣрны; онъ подобенъ ученику, стоящему на порогѣ храма, врата котораго никогда не открывались для него и въ Святая Святыхъ котораго онъ ни разу еще не входилъ. Не было-ли это ему упрекомъ за то, что онъ осмѣлился избрать сюжетомъ для картины то именно мѣсто, гдѣ онъ испыталъ такіе ужасные удары судьбы, гдѣ до послѣдней капли осушилъ горькую чашу земныхъ страданій? Оттилиі придется ждать, пока онъ въ состояніи будетъ исполнить свое обѣщаніе; быть можетъ, тамъ, на берегу Неаполитанскаго залива, удастся ему кончить то, что онъ началъ здѣсь, гдѣ для него довольно было незначительной прогулки, чтобы прибавить къ картинѣ то тотъ, то другой недостающій оттѣмокъ, гдѣ онъ въ самой дѣйствительности могъ найти то, чего не въ состояніи была пополнить его творческая фантазія.

И здѣсь были боги, и притомъ боги его родины! Но нѣтъ! они должны услышать его, онъ съ чистымъ сердцемъ обратится къ нимъ и падетъ ницъ передъ ними!

И онъ взявъ свои эскизы и рано утромъ отправился вдоль безмолвныхъ улицъ стариннаго города, срисовывая то видный фасадъ какого-нибудь почтеннаго патриціанскаго дома съ выдающимся высоко фронтономъ, то цѣлый рядъ бѣдныхъ домиковъ, ютившихся у подножія великолѣпной церкви, исполинскія башни которой гордо высились въ сіяющей небесной синевѣ. А тамъ, внизу, у городской стѣны, — что за чудные домики были тамъ! И надъ всѣмъ этимъ тянулись другъ за другомъ розовыя, утреннія облака.

Тѣ же облака тянулись и вечеромъ, когда онъ возвращался домой послѣ своихъ безцѣльныхъ шатаній по полямъ и лугамъ, а надъ нимъ высоко неслись черноватая стаи безчисленныхъ воронъ и галокъ, направлявшихся къ покрывающемуся вечернимъ мракомъ городу, который такъ величественно и спокойно отражался въ тихихъ водахъ прудовъ. И здѣсь были боги! Но они не смилостивились надъ нимъ, они не просвѣтили его ока, не благословили его руки. Взоръ его не могъ сосредоточиться на живописныхъ мѣстахъ и тетрадь эскизовъ по прежнему оставалась пустой.

Не найдетъ-ли онъ сюжета среди развлеченій общественной жизни? Сколько разъ случалось ему приходиться въ себя среди разнообразной толпы людей; сколько разъ то, чего онъ не могъ рѣшить въ уединеніи, дѣлалось ему вполне яснымъ при непрерывномъ жужжаніи переполненной залы, или же при стукѣ тарелокъ шумнаго трактира! И здѣсь были люди.

И какіе добрые, превосходные, умные люди! Правда, они не

такъ-то легко вѣрили пророкамъ и менѣ всего расположены были устилать пальмовыми вѣтвями путь пророка изъ своего отечества.

Готгольдъ прѣхалъ въ Зюндины къ своему пенсіонеру и любимому другу, живописцу Бругбергу. Здѣсь онъ провелъ нѣсколько дней и ночей у его смертнаго ложа и, наконецъ, закрылъ ему глаза, тѣ самые вдохновенные глаза, которые онъ когда-то видѣлъ въ прекрасной Италіи, гдѣ они такъ и сіяли блаженствомъ художника. Съ болью въ сердцѣ и съ гордостью перелистывалъ онъ папку съ эскизами, завѣщанную ему усопшимъ въ знакъ благодарности. Сколько дивнаго погубило здѣсь, не успѣвъ явиться на свѣтъ во всемъ своемъ великолѣпнѣ! здѣсь былъ чудный міръ, сіяющій солнечнымъ блескомъ, исполненный божественной красотой!

— Онъ былъ истинный художникъ!—нѣсколько разъ восклицалъ Готгольдъ, съ удивленіемъ останавливаясь на этихъ неоцѣненныхъ сокровищахъ,—да, онъ былъ истинный художникъ!

Молодой Оскаръ Бругбергъ! что такое онъ былъ на самомъ дѣлѣ? Онъ происходилъ изъ семьи башмачниковъ, жившей позади церкви св. Іоанна; отецъ занимался починкой обуви; всѣ помнили маленькаго Оскара, когда онъ еще бѣгалъ по улицамъ въ истоптанныхъ сапогахъ.

Все это вполнѣ соответствовало истинѣ и обществу, отъ котораго онъ узналъ эти біографическія свѣдѣнія, не находило ничего страннаго въ томъ, чтобы изъ маленькаго сына башмачника сталъ великій художникъ. Готгольдъ обвинялъ самого себя за свое меланхолическое настроеніе духа и за то, что онъ по временамъ терялъ всякую охоту посѣщать не только обыкновенное общество, но даже и то, гдѣ онъ слышалъ такое знаменательное слово, что искалъ уединенія, зная хорошо, что всякій, поддающійся ему, остается навсегда одинокимъ.

Нѣтъ, нѣтъ! все было напрасно! Ни искусство, ни природа, ни общество, ничто не могло доставить ему утѣшенія до тѣхъ поръ, пока духъ его былъ не спокоенъ, пока онъ не всецѣло отдавался имъ. Да и могло-ли быть иначе, когда онъ находился подъ вліяніемъ страсти, тѣмъ больше овладѣвавшей имъ, чѣмъ сильнѣе стремился онъ освободиться отъ нея, когда страсть эта являлась ему въ видѣ сфинкса съ грустной, но сладкой улыбкой на устахъ и неподвижнымъ, загадочнымъ взоромъ. Такъ смотрѣла на него и Сесилія въ тотъ ужасный вечеръ, когда онъ видѣлъ ее въ послѣдній разъ.

— Я была бы самымъ несчастнымъ созданіемъ, если бы ты не понималъ меня!

Съ тѣхъ поръ слова эти раздавались у него въ ушахъ, и слова и страхъ, слышавшійся въ нихъ, точно она боялась за себя, за

свою неминуемую гибель, если онъ не поймать ее! Она и онъ! Не понимать значило сомнѣваться, а сомнѣніе и отчаяніе были равносильны въ этомъ случаѣ.

Понялъ-ли онъ ее?

Все это походило на образъ, который носится передъ умственнымъ взоромъ художника, затѣмъ все болѣе и болѣе дѣлается пленнымъ и вдругъ исчезаетъ въ ту самую минуту, когда тотъ воображаетъ, что навсегда и безповоротно присвоилъ его себѣ.

Онъ разъ навсегда отказался отъ той унижительной мысли, будто бы Сесилія поступала извѣстнымъ образомъ изъ любви къ своему мужу, или же ради воспоминанія о своей прежней любви къ нему.

Все, что она дѣлала, дѣлалось ею по принужденію, ибо она находилась въ такомъ положеніи, когда для нея оставался выборъ лишь между невозможнымъ и такимъ же мало возможнымъ. И она пересилила свою гордость и обратилась къ любимому челоуѣку съ просьбой спасти ея мужа, котораго она не могла ненавидѣть, но лишь презирать, какъ презирають всякаго, кто угрозами заставляетъ бояться себя.

Что было ужаснаго, чѣмъ онъ могъ запугать эту мужественную женщину? Что было несбыточнаго, на что онъ могъ указать ей?

Цѣлыми днями просиживалъ Готгольдъ надъ рѣшеніемъ этой непонятной для него загадки. Что ударъ былъ направленъ не противъ жены, что жестокая рука нанесла его сердцу матери, въ этомъ онъ не сомнѣвался послѣ той сцены, которая произошла у постели Гретхенъ. Не сказалъ-ли онъ ей, что не хочетъ разстаться съ ребенкомъ, вынуждая ее въ то же время отказаться отъ него? Такъ зачѣмъ тогда допустилъ онъ уплатить себѣ, если все оставалось такъ, какъ было? Не угрожалъ-ли онъ матери такъ опозорить ее въ глазахъ свѣта, что дочь впослѣдствіи будетъ стыдиться признать ее своею матерью? Но какъ можетъ дочь, сама по природѣ не извращенная, стыдиться подобной матери? И какъ можетъ она быть извращенной, находясь подъ кроткимъ вліяніемъ подобной матери? А что, если она будетъ лишена этого вліянія, что если ее вырвутъ изъ объятій ея матери?

Какъ-то разъ ночью Готгольдъ проснулся послѣ безпокойнаго сна, и вотъ, среди ночной тишины, ему ясно представилось слѣдующее: во всемъ этомъ было лишь одно, чего она не могла, чего она не смѣла, — уйти, когда ребенокъ оставался, и этимъ-то и принудилъ ее мужъ покориться своей волѣ. Значить, онъ принуждалъ ее уйти, предлагалъ ей разорвать супружескія узы, которыя она и безъ того порвала, вѣдь не посмѣетъ же она, гордая,

отрицать этого! Или же она вздумаетъ подъ клятвой утверждать, что не лежала въ объятіяхъ своего друга? передъ судомъ, передъ всѣмъ свѣтомъ повторить «да», когда такъ упорно продолжала говорить ему «нѣтъ»? О, тогда онъ докажетъ нарушеніе вѣрности, потребуетъ разрыва и ребенокъ будетъ отнятъ у виновной стороны и переданъ правой!

И тогда-то, злорадно смѣясь, заставилъ онъ ее заучить тѣ постыдныя слова, которыя она на другой день должна была повторить своему возлюбленному и тѣмъ самымъ спуститься на степень развратной женщины, если бы тотъ не понялъ ея, не разгадалъ адскаго замысла.

Слава Богу! онъ понялъ ее теперь! Что должна была она выстрадать и какъ продолжаетъ страдать!

И неужели все должно оставаться по прежнему? нѣтъ, никогда! Теперь, когда онъ разгадалъ постыдную игру своего противника, онъ долженъ одержать побѣду надъ нимъ. И что могло быть святого для человѣка, который, зная, что сердце жены его отдано другому, допустилъ того уплатить себѣ наличными деньгами за свой позоръ. Неужели все было продажнымъ у него?—честь, жена, ребенокъ,—такъ зачѣмъ тогда не продалъ онъ всего за-разъ, зачѣмъ не потребовалъ большей суммы? вѣдь зналъ же онъ хорошо, что ему будутъ платить до тѣхъ поръ, пока на то хватитъ состоянія. Быть можетъ, онъ желалъ увеличить цѣну своего товара, продавая его поштучно? Или у него также было нѣчто, черезъ что онъ не рѣшался перешагнуть? Это было невысказано! Или ненависть его къ сопернику превышала его корыстолюбіе? Или жестокость его доходила до такой утопченности, что онъ лишь изувѣчивалъ свою жертву, дабы дольше насладиться ея муками?

Всего можно было ожидать отъ подобнаго человѣка. А какъ долго въ состояніи будетъ доставлять себѣ такую роскошь этотъ мотъ и игрокъ? Какъ скоро заставить его нужда сбыть съ рукъ свой товаръ? Что оставалось дѣлать покупателю, какъ не терпѣливо дожидаться этой минуты и держать деньги на готовѣ.

И вотъ состояніе Готгольда, имѣвшее такъ мало значенія въ его глазахъ, сразу достигло для него необыкновенной цѣнности. Ему стало тяжело на душѣ при мысли о томъ, что онъ большую часть его довѣрилъ людямъ, честность которыхъ подлежала сомнѣнію. По крайней мѣрѣ, Вольновъ, когда отношенія его съ Готгольдомъ ограничивались лишь письменной корреспонденціей, предупреждалъ послѣдняго сначала намеками, а затѣмъ открыто, чтобы онъ былъ поосторожнѣе въ сношеніяхъ съ торговымъ домомъ въ Штетинѣ; Готгольдъ не обращалъ вниманія на предостереженіе—частію вслѣдствіе безразличнаго отношенія къ день-

гамъ, частью изъ благоговѣннѣ къ памяти завѣщателя, имя котораго было удержано фирмой его преемниковъ до тѣхъ поръ, пока Вольновъ снова не навелъ разговора на ту же самую тему и еще настоятельнѣе прежняго заявилъ, что деньги слѣдуетъ вынуть, ибо потеря ихъ будетъ неминуема. Банкирскій домъ въ Зюндинѣ, который дисконтировалъ векселя Вольнова, подтвердилъ Готгольду слова послѣдняго и предложилъ ему свои услуги, говоря, что деньги лучше вынуть сегодня, чѣмъ завтра.

Готгольдъ хотѣлъ тотчасъ послѣдовать этому совѣту, но, посѣтивъ своего товарища по искусству и найдя его умирающимъ, онъ все забылъ во имя долга дружбы. Затѣмъ послѣдовали дни и недѣли самага мрачнаго уныннѣ, когда онъ не могъ придти ни къ какому рѣшенію. Теперь же ему незачѣмъ было колебаться, теперь надо было наверстать потерянное,—но было слишкомъ поздно!

Когда онъ явился къ банкиру, послѣдній вышелъ къ нему съ весьма серьезнымъ лицомъ. Изъ Штетина только что получилось извѣстіе, что торговый домъ Ленцъ и К^о обанкротился и самымъ скандальнымъ образомъ,—кредиторамъ приходилось менѣе 10^о/о на рубль.

— Крайне сожалѣю о случившемся,—сказалъ Натансонъ,—я собственно потерялъ мало, если можно терять тамъ, гдѣ все уже потеряно; вы же, насколько я понялъ васъ, потерпѣли сильный ущербъ. Кажется, въ оборотѣ было вашихъ 50.000 талеровъ?

Если бы Готгольдъ услышалъ эту новость нѣсколько дней тому назадъ, онъ только пожалъ бы плечами и снова принялся бы за свою работу, теперь же она поразила его, какъ громовой ударъ. Недавннѣ заемъ у Вольнова и теперешняя потеря уменьшили вчетверо его состояннѣ, да и то, что оставалось у него, говоря въ строгомъ смыслѣ, не принадлежало ему. Да развѣ могли быть тутъ строгія разсужденнѣ? На немъ лежали обязанности, отъ которыхъ онъ не имѣлъ права отказываться,—обязанности по отношенію къ бѣднымъ, молодымъ художникамъ, которые строили свои жизненные планы, полагаясь на его дружбу, по отношенію къ вдовѣ и дѣтямъ недавно умершаго товарища, которыя безъ его поддержки дѣлались жертвою нищеты. Что останется ему, когда онъ, слѣдуя внушенію своей чести и своего сердца, уплатитъ эти долги? Ничего! Ничего, кромѣ своего личнаго заработка. Для него этого было довольно, даже слишкомъ довольно. Ну-съ? а для того ненасытнаго развратника? Онъ не будетъ довольствоваться надеждами на будущее, не пойдетъ на уступки,—о, нѣтъ!

Готгольдъ внезапно очутился передъ непреодолимымъ препятствіемъ, воздвигавшимся на его пути,—онъ чувствовалъ себя безпомощнымъ, чувствовалъ, что къ устраненію этого препятствнѣ

ему не помогутъ ни гнѣвъ, ни отчаяніе. Въ чемъ можно было обвинить ее? Лишь въ томъ, что она, молодая, великодушная, довѣрчивая, допустила негодяя обмануть себя, что она послѣ долгихъ лѣтъ тяжелой, скрытой муки при видѣ друга своей юности вздохнула полной грудью и бросилась въ его объятія, желая въ нихъ найти свое спасеніе. И вотъ, она дѣлалась виновной стороной и негодий, опираясь на свои права, могъ безнаказанно издѣваться надъ нею, мучить и даже убить ее.

Отъ гнѣва Готгольдъ переходилъ то къ ненависти, то къ любви и вращался среди какого-то ужаснаго круга, изъ котораго, казалось, не было возможнаго выхода. Не можетъ быть, однако, чтобы не было средствъ уличить передъ всѣмъ міромъ того, кто на самомъ дѣлѣ былъ виноватъ!

Возможно-ли доказать подобную вину?

Готгольдъ ужаснулся, поймавъ себя на желаніи отыскать средства, чтобы добыть нужныя доказательства. И неужели онъ захочетъ пачкать свою честь и честь Сесилии, открывая грязную тайну, существующую между комнатою хозяина дома и комнатою на чердакѣ, гдѣ помѣщалась горничная его жены. Никогда!

Ему пришла даже та мысль, не рискнулъ-ли этотъ развратникъ, этотъ игрокъ изъ темныхъ закоулковъ порока, ступить на широкій путь преступленія? Но многое говорило противъ этого. Онъ, во-первыхъ, не считалъ этого мошенника способнымъ на отвагу, безъ которой невозможно преступленіе, — тогда бы и Вольновъ не преминулъ высказать свое подозрѣніе. Быть можетъ, изъ участія къ ассесору, а, быть можетъ, и по собственному побужденію такъ горячо принялся послѣдній за это дѣло, ибо ничего не любитъ оставлять невыясненнымъ. Онъ тщательно ловилъ малѣйшій слѣдъ, могущій повести къ открытію потерянныхъ или украденныхъ денегъ. Наконецъ, не было нравственной возможности предполагать, чтобы даже Брандовъ, непосредственно или косвенно участвовавшій въ покражѣ денегъ, могъ такъ спокойно пожимать руку обокраденнаго имъ, какъ это видѣлъ Готгольдъ, когда засталъ его среди самаго оживленнаго разговора съ выздоравливающимъ и его супругой. Подъ предсѣдательствомъ отца Альмы рѣшено было, что ассесора никакъ нельзя считать виновнымъ, ибо онъ, какъ юристъ и уполномоченный попечительства, не только былъ вправѣ, но даже обязанъ былъ получить деньги, такъ что невозможно дѣлать его отвѣтственнымъ за то, что случилось въ Долланской степи, тѣмъ менѣе за все послѣдующее. И такъ, попечительство могло спокойно отнести въ счетъ проторей и убытковъ полученные имъ 10.000 талеровъ. Ко всему этому тестъ Селлыена прибавилъ слѣдующее: «Если дѣло только въ томъ, милостивые государи, чтобы уничто-

жить объявленіе о бѣжавшемъ Генрихѣ Шеелѣ, то я ничего не имѣю противъ этого. Давнымъ давно простылъ и слѣдъ этого мошенника, а потому нѣтъ никакой необходимости напоминать обществу о всей этой глупой исторіи, что не можетъ быть ни въ моихъ интересахъ, ни въ интересахъ моего зятя».

Брандовъ очень смѣялся, когда Селльенъ подтрунивалъ надъ этимъ рѣшеніемъ послѣдняго засѣданія попечительства; вслѣдъ затѣмъ онъ выразилъ сожалѣніе, что долженъ проститься, такъ какъ его присутствіе необходимо въ комитетѣ скачекъ, послѣ чего онъ намѣренъ уѣхать домой. Семь засѣданій въ продолженіи двухъ недѣль! Гдѣ же тутъ выбраться изъ города! Волей неволей приходится ждать! Для него же весьма важно, чтобы отмѣнили рѣшеніе, въ силу котораго для скачекъ отведено болотистое пространство. Его Броунлокъ, прибывшій еще вчера вмѣстѣ съ прочими лошадьми, дѣйствительно настоящій Steeple-chaser (какъ бы созданъ для скачки съ препятствіями), не сразу найдешь такого, какъ онъ, все же онъ болѣе пригоденъ для твердой почвы, —слишкомъ ужъ сильные прыжки у него. Грѣшно и стыдно такъ поступать противъ него! Самъ молодой принцъ Прора сказалъ, что это indigne. Неустойки-то онъ ни въ какомъ случаѣ платить не будетъ, лучше согласится завязнуть въ болотѣ, а въ крайнемъ случаѣ даже утнуть.

— Онъ настоящій герой! — сказала Альма Селльенъ, мечтательно подымая глаза кверху, не дождавшись, пока Брандовъ закроетъ дверь за собою.

— Онъ дуракъ! — говорилъ Готгольдъ, идя домой по безмолвнымъ, мокрымъ отъ дождя улицамъ, — такой же дуракъ, какъ и мошенникъ, неспособный ни на какое дѣло, требующее зрѣлаго мужа для своего исполненія.

Придя домой, Готгольдъ нашелъ у себя письмо, на которомъ тотчасъ же узналъ знакомый ему твердый почеркъ Вольнова. Письмо было длинное, Готгольдъ сначала подумалъ, что Вольновъ пишетъ ему о питетипскихъ дѣлахъ, о которыхъ онъ за эти послѣдніе дни нѣсколько разъ переписывался съ своимъ другомъ. Онъ ошибался, — глаза его такъ и блестяли, когда онъ, продолжая стоять, поспѣшно пробѣгалъ страницу за страницей; онъ бросился въ кресло, но вслѣдъ затѣмъ вскочилъ, — рѣшеніе его было принято. Онъ поспѣшилъ къ тому дому, гдѣ было засѣданіе комитета скачекъ. Оказалось, что Брандовъ, обмѣнявшись рѣзкими словами съ нѣкоторыми изъ членовъ комитета, съ полчаса тому назадъ какъ удался. Готгольдъ отправился въ отель, гдѣ останавливался обыкновенно Брандовъ; на этотъ разъ послѣдній не пожелалъ сдѣлать чести своимъ посѣщеніемъ хозяину отеля и, по всей вѣроятности,

остановился въ «Золотомъ Львѣ». Здѣсь также ничего не было извѣстно о Брандовѣ, и Готгольда отослали въ гостинницу «Бѣлый Конь», откуда Брандовъ уѣхалъ четверть часа тому назадъ и, какъ предполагалъ оберъ-кельнеръ, уѣхалъ домой, ибо приказалъ снести свои вещи на пристань.

Слѣдующее транспортное судно отходило черезъ полчаса, ровно столько, сколько нужно было Готгольду, чтобы возвратиться домой и собрать необходимыя вещи.

— Я, быть можетъ, возвращусь черезъ нѣсколько дней, — сказалъ онъ своей хозяйкѣ, про себя же подумалъ: — «весьма возможно, что и не возвращусь».

XXVI.

Переѣздъ на островъ продолжался сегодня необыкновенно долго. Сильный вѣтеръ перемѣнилъ направленіе и дулъ прямо на встрѣчу; транспортное судно, переполненное людьми и лошадьми, старалось лавировать какъ можно осторожнѣе. Разговоръ пассажировъ, состоявшихъ изъ землевладѣльцевъ и арендаторовъ острова, вертѣлся преимущественно вокругъ предстоящихъ скачекъ. Говорили о томъ, что такихъ блестящихъ еще никогда не бывало. Упоминали о лошадяхъ, присланныхъ изъ Шлезвига и Венгріи, о томъ, что даже и принцъ Прора ничего бы не потерялъ, если бы также участвовалъ въ скачкахъ, что главный государственный призъ увеличенъ на тысячу талеровъ, только главная-то цѣль скачекъ упускается изъ виду и устраиваются онѣ лишь для одного удовольствія. Всѣ думали сначала, что изъ двадцати четырехъ лошадей, назначенныхъ для скачекъ, явится только три, такъ какъ многіе изъ боязни Броунлока Брандова уплатили даже неустойку. Теперь же дѣло принимаетъ другой оборотъ, — всѣ снова хотятъ участвовать въ скачкахъ, ибо всѣмъ достоверно извѣстно, что Броунлоку не перебѣжать болота, для того же, чтобы его объѣхать, надо сдѣлать большой кругъ. Гдѣ же ему потомъ пагнать, когда отъ болота до столба остается лишь самое незначительное препятствіе, а на ровномъ мѣстѣ и всякая другая лошадь можетъ взять призъ. Такъ непрерывно другъ передъ другомъ перешептывались между собою пассажиры, не обращая вниманія на то, что дождь и водяныя брызги мочили ихъ широкія плечи.

Готгольдъ между тѣмъ вынулъ изъ кармана полученное имъ сегодня письмо. «Броунлокъ не можетъ перебѣжать черезъ болото, самъ Брандовъ сказалъ это!» Чтобы говорить такимъ образомъ, послѣдній долженъ былъ имѣть основательныя причины, а не одно

лишь желаніе подзадорить своихъ противниковъ и тѣмъ заставитьъ ихъ ставить пари, какъ передъ этимъ утверждалъ одинъ изъ спорящихъ.

Наконецъ, судно пристало къ берегу. Готгольдъ поспѣшилъ въ гостинницу, гдѣ приказалъ заложить себѣ экипажъ для поѣздки въ Прору. Петерсъ объявилъ, что незадолго передъ этимъ у него взяли три экипажа, что одинъ долженъ скоро возвратиться, да, пожалуй, и воротился, только бѣда, никакъ нельзя положиться на работниковъ. Былъ у него одинъ, на того можно было положиться, такъ онъ женился три недѣли тому назадъ и звали его Іоахимомъ Пребровымъ изъ Доллана, только не изъ самаго помѣстья, а изъ кузницы, подлѣ которой на-дняхъ случилось несчастье,—вѣроятно, баринъ слышалъ объ этомъ.

— Богъ мой!—воскликнулъ Петерсъ,—да вѣдь это же вы сами и есть! Насилу я васъ узналъ! Вы стали еще блѣднѣе, чѣмъ были, когда три недѣли тому назадъ проѣзжали здѣсь съ ассесоромъ и Вольновымъ. Нѣсколько часовъ тому назадъ я видѣлъ Брандова и говорилъ съ нимъ по поводу катастрофы. Жаль, что вы не попали на двѣнадцатичасовое судно, вы могли бы ѣхать дальше съ Брандовымъ, онъ всегда уѣзжаетъ на своихъ собственныхъ лошадяхъ. А Генриха такъ-таки и не розыскали до сихъ поръ, онъ навѣрное еще три недѣли тому назадъ укатилъ въ Америку.

Петерсъ удалился, говоря, что ему некогда, надо позабиться о прочихъ гостяхъ своихъ, которыми была переполнена большая прѣмная гостинницы. Войдя туда, Готгольдъ увидѣлъ обращенные на себя любопытные взоры, по всей вѣроятности, Петерсъ указалъ на него, какъ на одного изъ героевъ несчастной катастрофы въ Долланской степи, о чемъ такъ много говорили за послѣднее время, а съ тѣхъ поръ въ особенности, какъ имя Брандова вертѣлось у всѣхъ на языкѣ, стали еще больше поговаривать. Готгольдъ поспѣшно вышелъ изъ комнаты, переполненной табачнымъ дымомъ и, несмотря на продолжающійся дождь, принялся бродить взадъ и впередъ по улицамъ до тѣхъ поръ, пока, наконецъ, послѣ цѣлаго часа нестерпимаго ожиданія прибылъ обѣщанный экипажъ,—старая коляска, куда, къ счастью, запрягли нару свѣжихъ лошадей. Петерсъ вышелъ къ Готгольду проститься съ нимъ, причемъ объявилъ, что по случаю большого спроса онъ не можетъ за обыкновенную цѣну уступить экипажа. Готгольдъ согласился на это безстыдное требованіе, отъ котораго не уклонился бы даже и въ томъ случаѣ, если бы цѣна была еще возвышеннѣе, ибо торопился ѣхать.

— Я какъ взглянулъ на него, такъ сейчасъ и увидѣлъ, въ чемъ дѣло,—говорилъ Петерсъ своимъ гостямъ.—Два часа тому на-

задъ Брандовъ, а теперь этоть. Помяните мое слово, оба гоняются за Генрихомъ Шеелемъ.

— Что за пустяки!—сказалъ какой-то толстый арендаторъ, — тотъ давнымъ давно у самого чорта на куличкахъ.

— Онъ, пожалуй, самъ себя лишилъ жизни,—сказалъ другой.

— Быть можетъ, и они убили его,—пробормоталъ третій.

И вотъ все снова принялись судить и рядить. Посиля упорный слухъ, незвѣстно откуда получившій свое начало, что Генрихъ Шеель не одинъ воспользовался плодами своего преступленія, прибавляли, что онъ даже ничего не получалъ. Никто или не могъ, или не хотѣлъ назвать имени виновника, напротивъ, тѣмъ дольше спорили и тѣмъ чаще опорожнялись стаканчики съ зеленою жидкостью, тѣмъ дѣло все больше и больше затемнялось. Петерсъ, совершенно довольный, отъ времени до времени заглядывалъ въ комнату. Нельзя было навѣрное сказать, кто первый изъ спорящихъ потребовалъ кувшинъ его знаменитаго глинтвейна, одно только достоверно было, что требованіе это будетъ повторяться черезъ каждыя пять минутъ. Петерсъ черезъ маленькое окошечко, продѣланное въ кухню, успѣлъ подать надлежащій знакъ своей дочери, все время не отходившей отъ очага.

Между тѣмъ Готгольдъ продолжалъ ѣхать подъ дождемъ, который съ часу на часъ заволакивалъ весь ландшафтъ все болѣе и болѣе густымъ, сѣроватымъ туманомъ. Вѣтеръ продувалъ сквозь отверстія закрытаго съ подвѣтренной стороны кожанаго передника; старый экипажъ стоналъ и трещалъ всякій разъ, когда колеса, что случалось довольно часто, попадали въ глубокія колеи и выбоины избитой дороги; но лошади были сильныя, работники, надѣясь получить на чай, правили ими хорошо и такимъ образомъ они довольно скоро подвигались впередъ, хотя Готгольду, вслѣдствіе все болѣе и болѣе усиливающагося нетерпѣнія, казалось, что время тянется невыразимо долго.

А между тѣмъ онъ старался увѣрить себя, что нѣтъ никакого основанія спѣшить, что одинъ лишній часъ не можетъ имѣть важнаго значенія, что, напротивъ, за это время у него созрѣетъ болѣе вѣрный и рѣшительный планъ дѣйствія. И говоря это, онъ все же выглянулъ изъ экипажа и закричалъ кучеру, что дорога здѣсь ровная и надо ѣхать поскорѣе. Затѣмъ онъ откинулся въ уголъ своей маленькой, душной темницы и вынулъ изъ кармана письмо Вольнова; долго и пристально разсматривалъ онъ его, удивляясь тому, чтобы можно было написать то, что здѣсь написано, такимъ твердымъ и яснымъ почеркомъ. И онъ во второй разъ прочелъ слѣдующее:

«То, о чемъ я хочу сообщить вамъ, любезный другъ, такъ печально, что никакимъ даже самымъ искуснымъ вступленіемъ не

прикрасить его. И такъ, начинаю безъ всякаго вступленія: катастрофа въ стени не была случайностью, а, напротивъ, постыднымъ преступленіемъ, нравственнымъ виновникомъ котораго является Брандовъ. Во-вторыхъ, деньги украдены; нравственнымъ виновникомъ покражи, которую можно отнести къ грабежу, надо считать того же самаго Брандова. Весьма возможно, что онъ даже присутствовалъ при совершеніи ея, или же явился немедленно послѣ покражи. Но какъ въ томъ, такъ и въ другомъ случаѣ добыча непосредственно перешла въ его руки. Были-ли оба преступленія тѣсно связаны между собой, т. е. было-ли первое учинено для того, чтобы можно было совершить второе, или же—не было-ли второе лишь послѣдствіемъ перваго, этого я не знаю, да, вѣроятно, никто и никогда не узнаетъ, ибо есть основаніе, предполагать, что есть еще и третье преступленіе, которое является ужаснымъ послѣдствіемъ первыхъ двухъ.

«Кто помочь мнѣ разгадать эти ужасныя сплетенія? Тотъ, кто часто является предателемъ преступленія,—случай, и самый неожиданный случай.

«Деньги, заключавшіяся въ пакетѣ, всѣ состояли изъ кредитныхъ билетовъ въ сто, пятьдесятъ и двадцать пять талеровъ. Вамъ извѣстно, что я самъ считалъ и запечатывалъ деньги, но, само собою разумѣется, что, несмотря на это, я врядъ-ли могъ бы доказать тождественность этихъ кредитныхъ билетовъ, если бы они не попали въ мои руки. Въ настоящее время я могу доказать тождественность одного изъ нихъ, ибо онъ находится у меня и мнѣ достовѣрно извѣстно, въ чьихъ рукахъ онъ находился въ этотъ промежутокъ времени.

«Десять лѣтъ тому назадъ, въ очень критическое для меня время, я долженъ былъ выдать этотъ кредитный билетъ,—послѣднія мои деньги, которыми я располагалъ. Подъ влияніемъ юмористическаго настроенія духа я написалъ на лицевой сторонѣ въ правомъ углу и самыми маленькими, почти микроскопическими буквами слѣдующія слова: «счастливый путь!» а подлѣ число и день. Четыре года тому назадъ этотъ кредитный билетъ возвратился ко мнѣ обратно въ кассу. Я привѣтствовалъ стараго друга словами: «добро пожаловать!» которыя я вмѣстѣ съ соответствующимъ числомъ и выставилъ въ лѣвомъ углу обратной стороны. Затѣмъ, отнесясь къ нему, какъ къ заколдованному пфепнигу, я отвелъ ему отдѣльное мѣсто въ своемъ портфелѣ и въ первый разъ дотронулся до него всего три недѣли тому назадъ. Вы помните, что у меня не хватало наличныхъ денегъ, вотъ я и воспользовался случаемъ, чтобы наказать себя за свое суевѣріе, и, вынувъ этотъ кредитный билетъ, добавилъ его къ остальнымъ.

«Этотъ кредитный билетъ, въ тождественности котораго я могу поглясться, получилъ Редебасъ отъ Брандова на другой день катастрофы въ счетъ проигранныхъ денегъ. Редебасъ спряталъ ихъ въ свой шкафъ и держалъ тамъ до вчерашняго дня, когда явился ко мнѣ по случаю одного платежа. Я спросилъ Редебаса, отнюдь не посвящая его въ суть самаго дѣла, можетъ-ли онъ подтвердить клятвою это показаніе, если потребуется; онъ отвѣчалъ мнѣ, хотя и съ нѣкоторымъ удивленіемъ, но безъ всякаго колебанія, что всегда готовъ на это.

«Извѣстно, что Брандовъ повсюду рассказываетъ, т. е. преднамѣренно распускаетъ слухъ, будто бы тѣ пять тысячъ, которыя онъ послѣ обѣда уплатилъ Редебасу, онъ утромъ получилъ отъ здѣшняго торговца Якова Деминера, въ счетъ семи тысячъ за проданную ему пшеницу. Это показаніе не имѣетъ ничего правдоподобнаго,—Яковъ Деминеръ извѣстенъ повсюду тѣмъ, что готовъ на всякую сдѣлку, лишь бы заработать деньги, подчасъ готовъ быть даже укрывателемъ, а потому весьма возможно, что баринъ утромъ получилъ за свою пшеницу тѣ же самыя деньги, которыя кучеръ его укралъ ночью у нашего друга и отдалъ ихъ на сохраненіе честному Якову, съ которымъ давнымъ давно находился въ сношеніяхъ. Повторю, въ показаніи этомъ одна лишь тѣнь возможнаго, до того несоразмѣрно указанное время; намъ остается до сихъ поръ еще неизвѣстнымъ, гдѣ и какимъ образомъ провелъ Гебрихъ Шеель остальную часть ночи, и предположеніе мое можетъ оказаться вѣрнымъ.

«Далѣе, предположивъ, что на совѣсти Якова нѣтъ никакого проступка, все же нельзя повѣрить тому, на что ссылается Брандовъ, за исключеніемъ того, что онъ дѣйствительно былъ тогда утромъ въ темной берлогѣ, которую Яковъ называетъ своей конторой. Онъ получилъ деньги, но всего лишь 2.000 талеровъ и не за нынѣшнюю пшеницу, проданную имъ Якову еще нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ, а за прошлогоднюю.

«Ему во что бы то ни стало нужно было продать ее, дабы имѣть возможность дать при случаѣ показаніе относительно денегъ, бывшихъ у него за это время, причемъ онъ могъ назвать любое число, не боясь, чтобы честный Яковъ вздумалъ противорѣчить покупателю, съ которымъ онъ имѣлъ такія выгодныя сдѣлки. Къ открытію послѣдняго помогъ тотъ же случай въ лицѣ бѣднаго еврейскаго юноши, который въ продолженіи нѣсколькихъ лѣтъ работалъ у честнаго Якова и, наконецъ, приобрѣлъ его довѣріе. Не знаю, что побудило юношу открыть мнѣ свою душу, — быть можетъ, и совѣтъ, но только онъ обратился ко мнѣ съ просьбой освободить его изъ этого притона всевозможныхъ пороковъ.

«Теперь повѣримъ все сказанное нами выше:—Брандовъ, не имѣвшій въ день катастрофы ни гроша денегъ и получившій до полудня слѣдующаго дня лишь 2.000 тал., послѣ полудня уплачиваетъ Редебасу всѣ 5.000 тал. сполна. Въ числѣ этихъ денегъ находится кредитный билетъ на 100 тал., который лежалъ въ пакетѣ, исчезнушемъ во время катастрофы.

«Въ исчезнушемъ пакетѣ! почему же не въ потерянномъ, не въ найденномъ и лишь только не возвращенномъ?

«Такъ не украденъ-ли онъ? Конечно! не только украденъ, а прямо ограбленъ.

«Припомните хорошенько, когда вы уѣзжали изъ Доллана и по дорогѣ застегивали сюртукъ ассесора, то чувствовали подъ рукой пакетъ, спрятанный въ карманѣ. Въ кузницѣ вы не чувствовали его больше, хотя застегнутый вами сюртукъ такъ и оставался застегнутымъ. Все это не можетъ служить несомнѣннымъ доказательствомъ, напротивъ, послѣднее обстоятельство вполне говоритъ противъ моего предположенія. Какимъ образомъ такой хитрый воръ и вдругъ преднамѣренно навлекъ на себя лишнюю улику! Да развѣ нельзя быть хитрымъ и въ тоже время не знать, что вечеромъ вы видѣли этотъ самый пакетъ, знали, что онъ находится въ карманѣ сюртука. Защитникъ обвиняемаго будетъ, безъ сомнѣнія, оспаривать точность этого показанія, будетъ... впрочемъ, мы здѣсь не передъ судомъ. Мнѣ же лично ясно слѣдующее: ассесоръ имѣлъ деньги при себѣ во время катастрофы и не имѣлъ ихъ больше, когда оба Преброва подымали его, бѣднягу, а Генрихъ Шеель свѣтилъ имъ въ это время фонаремъ. Я глубоко убѣжденъ, что деньги украдены въ промежутокъ времени между катастрофой и появленіемъ Пребровыхъ.

«Но кѣмъ?

«Безъ сомнѣнія, тѣмъ же самымъ Генрихомъ Шеелемъ и, по всей вѣроятности, съ участіемъ другого лица.

«Присутствовалъ-ли при этомъ Брандовъ?

«Ему никакого труда не стоило доказать свое алиби даже раньше того, чѣмъ отъ него потребовали объясненія. Судя по началу, онъ довольно хитро повелъ это дѣло. Вполнѣ доказано, что онъ ѣхалъ по дорогѣ черезъ Нейенгофъ, Ланкевитцъ, Фашнитцъ,—жители этихъ деревень видѣли его, и онъ даже успѣлъ перекинуться словомъ кое съ кѣмъ изъ нихъ. Если онъ дѣйствительно всю дорогу ѣхалъ верхомъ, то, конечно, не могъ присутствовать при совершеніи покражи, чего не могъ успѣть даже лучший наѣздникъ и на самой быстрой лошади. А что, если онъ не всю дорогу ѣхалъ верхомъ, если онъ свернулъ на нее подъ самымъ Нейенгофомъ, если всадникъ-привидѣніе, котораго вы въ лихорадочномъ бреду видѣли

мчавшимся через болото, былъ облеченъ въ плоть и кровь, если это былъ самъ Брандовъ?

«Вы скажете—это невозможно! Что можетъ быть невозможнымъ для человѣка, за которымъ гонятся фурии и подъ которымъ такая прославленная лошадь, какъ Броунлокъ?»

«Въ ту ночь Брандовъ ѣхалъ на Броунлокѣ, что можетъ подъ присягой повторить работникъ изъ «Княжескаго Подворья», который позавчера днемъ видѣлъ рысака по дорогѣ въ Зюндинъ. А когда человѣкъ, подобный Брандову, садится верхомъ на лошадь, которая сама по себѣ составляетъ цѣлое состояніе и за которую онъ держитъ пари на нѣсколько тысячъ, и ѣдетъ верхомъ въ такую ночь, по такой погодѣ и непроглядной тьмѣ, у того должно быть весьма спѣшное дѣло.

«Да, любезный другъ, и если бы дѣло не было такъ спѣшно, то вамъ пришлось бы распроститься съ жизнью. Врядъ-ли имѣли намѣреніе щадить васъ! Когда человѣка сбрасываютъ стремглавъ съ высоты шестидесяти футовъ, его стараются окончательно прихлопнуть, если... если не является спѣшное дѣло.

«Но, какъ еще раньше сказано, дѣло это останется загадочнымъ даже и для болѣе мудраго судьи, чѣмъ совѣтникъ юстиціи фонъ-Цаденигъ. Одинъ изъ присутствовавшихъ при покражѣ никогда не выдастъ, другой—врядъ-ли можетъ выдать.

«Я повстрѣчалъ Брандова, когда возвращался изъ Б., мой кучеръ сообщилъ ему, вѣроятно, что я цѣлый часъ о чемъ-то совѣщался съ совѣтникомъ юстиціи. Узнавъ это, онъ немедленно поспѣшилъ домой, куда черезъ часъ явился и референдарій вмѣстѣ съ жандармомъ. Начинаются поиски за Генрихомъ Шеелемъ, котораго всѣ видѣли послѣ обѣда, когда онъ бралъ лошадь отъ Брандова, только что возвратившагося домой. Брандовъ суетится, требуя, чтобы немедленно розыскали исчезнушаго; онъ самъ руководитъ этими розысками, онъ...

«Не будемъ больше говорить объ этомъ ужасномъ подозрѣніи, но оно подтверждается всѣми сопоставленными мною фактами,— всѣ они воніютъ къ небу и не должны оставаться безнаказанными и никто изъ насъ не имѣетъ права оставлять ихъ безнаказанными. Я знаю, любезный другъ, вы того же мнѣнія, какъ и я; знаю, что всѣ фибры души вашей содрожаются при мысли о томъ, что вы, именно вы...

«Завтра я вмѣстѣ съ женой буду въ Зюндинѣ. Мы хорошенько поговоримъ, но не о томъ, что намъ дѣлать,—въ этомъ не можетъ быть никакого сомнѣнія, но намъ надо обдумать, какимъ образомъ приняться за это дѣло».

Готтольдъ спряталъ письмо обратно въ карманъ. Неподвижно

смотрѣлъ онъ на окружающій его грустный, покрытый густымъ туманомъ ландшафтъ и такъ задумался, что даже не слышалъ стука экипажа, ѣхавшаго ему навстрѣчу изъ Проры. Оставалось всего полчаса ѣзды, которые показались ему вѣчностью. Наконецъ, экипажъ остановился у дома Вольнова.

XXVII.

— Я очень неохотно прощаюсь съ вами, — сказала Оттилія, — мужъ долженъ возвратиться вечеромъ; онъ будетъ недоволенъ мною, если я отпущу васъ. И къ тому же, милый другъ, вы не можете не сознаться, что ѣдете безъ всякаго опредѣленнаго плана и твердаго рѣшенія и хотите вступить въ борьбу съ такимъ человѣкомъ, какъ Брандовъ, — это значитъ проиграть дѣло, не навъ его.

Оттилія схватила Готгольда за руки, какъ бы имѣя намѣреніе втащить его обратно въ комнату, но онъ отвѣчалъ ей, отрицательно покачивая головой:

— Я съ вами вполне согласенъ; но бываютъ случаи, когда человѣкъ, чувствуя себя неправымъ, или же просто не имѣя возможности доказать своего права, все же вынужденъ бываетъ поступать извѣстнымъ образомъ. Я не могу отправить Брандова въ смиренный домъ или на эшафотъ, я не могу...

— Тогда онъ останется мужемъ Сесиліи, а этого вы также не можете желать.

— Конечно, нѣтъ! Вотъ потому-то и надо найти третьяго.

— Вы никогда его не найдете! Милый, дорогой Готгольдъ, позвольте мнѣ повторить вамъ слова моего мужа, — вы никогда его не найдете! Если вы явитесь къ Брандову одни безъ всякой поддержки, безъ представителя администраціи или судебной власти, онъ ни за что не уступитъ вамъ. Вы должны доказать ему, что держите его въ рукахъ, чего теперь ни въ какомъ случаѣ сдѣлать не можете. Еще вчера вечеромъ мужъ говорилъ: «Вотъ если бы его можно было свести съ Генрихомъ Шеелемъ! Безъ Шееля ничего не подѣлать! Но гдѣ его найти? Не на дѣ-ли онъ Долланскаго болота? Ахъ, милый другъ, держитесь подальше отъ этого разбойничьяго притона!

— А ее оставить тамъ, въ этомъ разбойничьемъ притонѣ! — воскликнулъ Готгольдъ. — Горе мнѣ, что такъ поступалъ я до сихъ поръ, что не употребилъ всѣхъ зависящихъ отъ меня средствъ, дабы взять ее съ собою, ее и ребенка! Ее удерживаетъ лишь ребенокъ, — а онъ продалъ бы и ребенка, если бы я во время дога-

дался предложить ему настоящую сумму. Теперь я ничего не могу дать ему, могу предложить лишь борьбу на жизнь и смерть, а я увѣренъ, да и онъ это хорошо знаетъ, что на этотъ разъ я не поддамся ему. Простите, милый другъ, но я напрасно распространяюсь въ словахъ тамъ, гдѣ нужно дѣйствовать! И такъ... до свиданья!

Оттилія зарыдала.

— Прощайте, милый, дорогой другъ! Да! вы правы, вы должны ѣхать, должны добиться своего, если любите Сесилію, а что вы любите ее... я это давно знаю. И мой добрый Эмиль также знаетъ, и... повѣрьте мнѣ, будь онъ на вашемъ мѣстѣ, онъ также точно поступилъ бы. Мало-ли что онъ говорилъ передъ этимъ! Пусть его говоритъ, что хочетъ! Онъ самъ испыталъ, что такое страстная любовь и дорого далъ бы за то, чтобы имѣть двадцать восемь лѣтъ и быть на вашемъ мѣстѣ. Я не виновата въ томъ, что я не такъ красива и не такъ умна, какъ ваша милая, покойная мать, а главное, что тридцать лѣтъ тому назадъ не существовала еще на свѣтѣ. Есть много болѣе несчастныхъ браковъ, чѣмъ нашъ и... дай Богъ! чтобы вы и Сесилія были счастливы!

Она обняла Готгольда и отъ всего сердца поцѣловала его. Распростившись съ нимъ, она подошла къ открытому окну и, не обращая вниманія на дождь, который билъ ей въ лицо, орошенное слезами, все время махала носовымъ платкомъ, пока экипажъ Готгольда удалялся отъ дома, подпрыгивая по неровному, ухабистому шоссе, и, наконецъ, совѣмъ, скрылся изъ виду.

Несмотря на всевозможныя проволочки, оставался еще цѣлый часъ до захода солнца, когда Готгольдъ выѣхалъ изъ Ироры. Лошади бѣжали довольно бодро, и онъ надѣялся пріѣхать въ Долланъ раньше наступленія ночи, о чемъ то и дѣло повторялъ себѣ въ продолженіи дороги. «Странно, — думалось ему, — зачѣмъ собственно мнѣ это нужно? Не все-ли равно, пріѣду я въ Долланъ до или послѣ наступленія ночи? — Но отвѣта на этотъ вопросъ онъ дать себѣ не могъ и снова начиналъ онъ повторять про себя одно и тоже, — слава Богу! мнѣ все же удастся пріѣхать до наступленія ночи!» Не начинали-ли пугаться его мысли? не дай Богъ! ему еще многое предстояло выдержать сегодня. Онъ безпокойно поглядывалъ то на темныя облака, то на сжатые нивы и черныя, вспаханныя поля, то и дѣло повторяя про себя: стемнѣетъ скорѣе, чѣмъ я думалъ! Какъ бы въ отвѣтъ на преслѣдующую его упорную мысль, у него въ головѣ мелькнула другая, хотя безразсудная, но вполне соответствующая ей: «я не застапу ея тамъ!»

Онъ никакъ не могъ отдѣлаться отъ той мысли, что не застапеть ея больше! Можно было подумать, что она спрячется куда-

нибудь, какъ только онъ прїѣдетъ, а онъ будетъ вездѣ искать ее и не найдетъ, потому что будетъ темно.

Какая нелѣпость! подобная мысль могла возникнуть лишь въ отяжелѣвшей головѣ человѣка, который въ продолженіи нѣсколькихъ часовъ подъ рядъ ѣхалъ въ тряскомъ экипажѣ, по избитой дорогѣ, подъ дождемъ и туманомъ, дѣлавшимся съ каждой минутой все гуще и темнѣе. А что, если эта ужасная мысль превратится въ не менѣе ужасную дѣйствительность? Ему было извѣстно, что Генрихъ Шеель исчезъ спустя два часа послѣ того, какъ Брандовъ возвратился домой. Съ тѣхъ поръ прошло четыре часа, слѣдовательно, вдвое больше времени.

Готгольдъ распахнулъ кожаный передникъ, остававшійся закрытымъ съ одной стороны, — онъ задышался. Наконецъ-то! вотъ они подѣхали къ кузницѣ. Сейчас увидитъ онъ Пребровыхъ, разспроситъ ихъ, — они живутъ такъ близко подлѣ нея и навѣрное могутъ сказать, что недавно видѣли ее и говорили съ ней.

Но въ кузницѣ никого не оказалось. Видно было по всему, что раздувательные мѣхи перестали дѣйствовать нѣсколько часовъ тому назадъ, — угли потухли и были покрыты золой. Казалось, что отецъ и сынъ, жившіе въ этомъ ветхомъ домикѣ, послѣдно оставили свою работу: на наковальнѣ лежалъ еще кусокъ желѣза, тутъ же на полу — щипцы и молотокъ, брошенные куда попало, двери были отворены настежь, по всей вѣроятности, ихъ забыли закрыть впопыхахъ. Все это крайне не понравилось работнику, который рассчитывалъ починить здѣсь испортившуюся рессору въ экипажѣ; онъ заявилъ Готгольду, что дальше ѣхать никакъ нельзя, на что послѣдній отвѣчалъ, что пойдетъ пѣшкомъ, ему же приказалъ ѣхать вслѣдъ за нимъ.

У Готгольда не хватало больше терпѣнія; при видѣ покинутой кузницы страхъ, мучившій его всю дорогу, дошелъ до невозможныхъ предѣловъ. Онъ свернулъ въ сторону на тропинку, тянущуюся вдоль степи и, не обращая вниманія на дождь, который вслѣдствіе вѣтра и быстрой ходьбы съ удвоенной силой хлесталъ его по лицу, безостановочно шелъ впередъ, устремивъ неподвижный взоръ на ближайшую возвышенность, казавшуюся ему недостижимой. Совсѣмъ задыхаясь, взобрался онъ, наконецъ, на ея вершину, но взоръ его по прежнему не различалъ ничего. Отъ болота все ближе и ближе надвигался сѣрый туманъ; сквозь густые пары его едва виднѣлся крутой спускъ сосѣдняго холма и Готгольдъ съ трудомъ узналъ мѣсто катастрофы. Спустившись внизъ къ подножію холма, онъ вспомнилъ, что между нимъ и болотомъ есть узенькій проходъ, по которому онъ и отправился, оставляя влѣво отъ себя далеко простирающіяся возвышенности. Чѣмъ ниже

спускался онъ, тѣмъ сильнѣе охватывалъ его туманъ, который, подобно волнующемуся морю, простирался надъ болотомъ и кружился надъ отвѣснымъ откосомъ, напоминая собой бурунь, съ шумомъ разбивающійся о прибрежныя скалы. Онъ осмотрѣлся кругомъ: влѣво отъ него простирался горный хребетъ, вправо сѣрый, непроницаемый туманъ, сквозь который онъ съ трудомъ различалъ узенькую тропинку; и вотъ съ каждымъ шагомъ впередъ имъ все болѣе и болѣе овладѣвалъ прежній непонятный страхъ. Ему казалось, что вотъ, вотъ подымется туманный занавѣсъ и его глазамъ представится ужасная картина, скрытая за нимъ, что возвышенность, вдоль которой онъ шелъ, для того здѣсь находится, чтобы ему некуда было скрыться отъ страшнаго зрѣлища. И вдругъ...

Готгольдъ остановился; онъ задрожалъ всѣмъ тѣломъ и стоялъ, неподвижно устремивъ впередъ широко раскрытые отъ страха глаза. Что это? Не порожденіе-ли его до безумія возбужденной фантазіи? Опять—ничего! Но вѣдь за минуту передъ тѣмъ ему ясно представилось слѣдующее: четыре или пять человѣческихъ фигуръ, стоящихъ полукругомъ и длинными палками неважныхъ чего-то въ болотѣ. Игра фантазіи и больше ничего!

Но нѣтъ, нѣтъ! не игра фантазіи! Не могутъ же привидѣнія говорить человѣческими голосами, а онъ ясно различаетъ ихъ, хотя не можетъ еще слышать отдѣльныхъ словъ. Вотъ, наконецъ, до слуха его доходитъ:—«Весьма возможно, что мы найдемъ ее здѣсь!»

Нѣтъ! не только возможно, но даже вполне достоверно! Теперь онъ знаетъ, чего такъ ужасно боялся! Въ слѣдующую затѣмъ минуту онъ почти однимъ прыжкомъ очутился за осокой, которая въ этомъ мѣстѣ широкой полосой окаймляла болотистый берегъ. Дернистая почва колебалась подъ нимъ, водяныя брызги такъ и летѣли во всѣ стороны изъ подъ его ногъ,—онъ ничего не замѣчалъ. Взоръ его пронизывалъ густой туманъ по тому направленію, откуда доносились голоса, ясно слышавшіеся гдѣ-то вблизи. Вотъ, наконецъ, показались человѣческія фигуры, еще раньше видѣныя имъ сквозь разсѣившійся на минуту туманъ, вотъ онъ поравнялся съ ними, и кого же онъ увидѣлъ—брата Бослава!

— Стань подальше, и вы также! Иасъ слишкомъ много,—пожалуй, не выдержитъ почва. Я и одинъ справлюсь!

Всѣ отступили назадъ. Старикъ нѣсколько разъ осторожно опу-скалъ длинный шестъ съ желѣзнымъ крючкомъ въ воду, которая образовала темную лужу среди травы, покрывающей колеблющуюся здѣсь почву. Онъ вынулъ шестъ изъ воды и передалъ его одному изъ стоящихъ вблизи людей.

— Нѣтъ ничего! Мы все осмотрѣли, пойдемъ назадъ! Идите всѣ за мной, ты также, Готгольдъ! ступайте по моимъ слѣдамъ!

И старикъ, перекинувъ винтовку черезъ плечо, отправился впередъ, ступая ровнымъ, широкимъ шагомъ охотника; остальные спутники его, среди которыхъ находился и Класъ Пребровъ, братъ Иоахима, съ трудомъ поспѣвали за нимъ. Нѣсколько разъ останавливался онъ, и то не надолго, причѣмъ внимательно осматривалъ почву. Спутники спокойно слѣдовали за нимъ, зная, что гдѣ братецъ Бославъ, тамъ нѣтъ опасности. Дѣйствительно, почва дѣлалась постепенно все тверже и тверже, и, наконецъ, они подошли къ тому мѣсту, откуда двинулись часъ тому назадъ. Братецъ Бославъ позволялъ къ себѣ Готгольда.

— Когда это случилось?— сказалъ Готгольдъ.

— Сегодня, во второмъ часу ночи. Я слышалъ, какъ страшно лаяли собаки, но узналъ объ этомъ только три часа тому назадъ.

— Вы не теряете надежды найти ее?

Старикъ устремилъ неподвижный взоръ впередъ.

— Если мы не нашли ее,—сказалъ онъ,— то врядъ-ли нашли ее другіе. Намъ остается надежда лишь на то, что врядъ-ли могла она уйти далеко въ такую темную ночь и притомъ съ ребенкомъ на рукахъ.

— Съ ребенкомъ! — воскликнулъ Готгольдъ, — съ Гретхенъ! Тогда намъ нечего опасаться,—она никогда не убьетъ своего ребенка!

— Не убьетъ своего ребенка!—сказалъ старикъ;—не убьетъ своего ребенка! На свѣтѣ случаются вещи—хуже смерти!

Готгольдъ вздрогнулъ. Она не пожелала разстаться съ ребенкомъ, думая, что ради него она должна все вынести и вынести все. Но силъ не хватило больше, и вотъ она рѣшилась сбросить съ себя тяжелое ярмо. Что будетъ съ Гретхенъ? Случаются вещи хуже смерти!

XXVIII.

Быстро приближались они къ помѣстью,—впереди всѣхъ старій Бославъ, продолжавшій идти тѣмъ же ровнымъ шагомъ; взоръ его то былъ опущенъ книзу, то зорко старался проникнуть въ окружающую ихъ темноту. Онъ ни слова не говорилъ, да и Готгольдъ не разспрашивалъ его. Еще до прихода въ Долланъ узналъ онъ изъ отрывочныхъ замѣчаній своихъ спутниковъ, что какъ только около полудня распространился слухъ объ исчезновеніи матери и ребенка, что случилось, вѣроятно, утромъ, а, быть-можетъ, и наканунѣ вечеромъ, тотчасъ же между людьми пошли толки о томъ, что она лишила себя жизни. И не одинъ кто-либо сказалъ это, всѣ заговорили въ одинъ голосъ, а затѣмъ рѣшили, что слѣдуетъ послать за

братцемъ Бославомъ, который и не замедлилъ явиться съ своею длинною виштовкой черезъ плечо. Онъ тотчасъ же раздѣлилъ людей на нѣсколько группъ; одна изъ нихъ, имѣя во главѣ управляющаго Мёллера, отправилась къ прибрежному лѣсу, другая—подъ предводительствомъ Преброва, вверхъ по степи къ пограничнымъ горамъ, самъ же братецъ Бославъ, вмѣстѣ съ остальными — къ болоту. Всемъ назначено было собраться въ помѣстьѣ. Два часа тому назадъ, когда они еще были на болотѣ и туманъ не былъ такъ силенъ, они видѣли, какъ возвращался Брандовъ, который вслѣдъ затѣмъ опять уѣхалъ. И хорошо сдѣлалъ, ибо все рѣшили между собой, что не выпускаютъ убійцу живымъ изъ дому; не въ Генрихѣ было дѣло, по дѣломъ вору и мука, а въ матери и ребенкѣ, вотъ что ужасно! все они всегда говорили, что дѣло тѣмъ и кончится.

Все они говорили и, однако же, допустили до этого! Но вѣдь не могли же они предупредить несчастья! А онъ? Сердце Готгольда разрывалось на части отъ стыда и горя!

Все три отряда прибыли одновременно въ помѣстьѣ съ извѣстіемъ, что, несмотря на тщательные поиски въ предназначенныхъ имъ участкахъ, они не открыли ни малѣйшаго слѣда пропавшихъ. Что оставалось имъ дѣлать?

Имъ оставалось немного сдѣлать. Правда, туманъ разсѣялся, но вслѣдъ затѣмъ быстро стало темнѣть и черезъ часъ или же полчаса должна была наступить ночь. Хотя люди были сильно утомлены непрерывной ходьбой по лѣсамъ, полямъ и болотамъ, все же они очень охотно согласились искать еще въ Даллицкомъ лѣсу и просили только дать имъ поужинать; братецъ Бославъ приказалъ приготовить имъ ужинъ тутъ же во дворѣ. Самъ онъ не ѣлъ и не пилъ ничего; онъ стоялъ, скрестивъ руки и прислонившись къ стволу одной изъ старыхъ липъ. Онъ терпѣливо ждалъ, пока люди будутъ готовы идти съ нимъ и помогать ему въ поискахъ за его правнучкой, послѣдней представительницей его рода, погибшей, быть можетъ, на днѣ рухляковой кони или какого-нибудь лѣсного оврага, или въ другомъ какомъ мѣстѣ, куда она бѣжала, чтобы умереть съ своимъ ребенкомъ.

Готгольдъ вошелъ въ домъ. Ему хотѣлось разузнать о Миннѣ, доброй, молоденькой дѣвушкѣ, такъ часто игравшей съ Гретхенъ и, повидимому, преданной Сесилии, онъ надѣялся получить отъ нея кое-какія свѣдѣнія о случившемся. Мина, вся заплаканная, стояла въ кухнѣ и помогала экономкѣ готовить бутерброды для людей. Увидя Готгольда, она выронила ножъ изъ рукъ и съ радостнымъ крикомъ бросилась къ нему навстрѣчу. Онъ позвалъ ее съ собой.

Сначала слезы душили бѣдную дѣвушку и мѣшали ей гово-

рить. Успокоившись, она рассказала слѣдующее: послѣднее время барыня была печальнѣе прежняго, она почти ни съ кѣмъ не говорила, кромѣ Гретхенъ, которую ни на шагъ не отпускала отъ себя, а съ ней говорила только о самомъ нужномъ. Вчера она пробыла на дворѣ до самаго поздняго вечера и безъ Гретхенъ, а когда возвратилась, то выглядѣла такой блѣдной и усталой, и такъ пристально смотрѣла впередъ; спать она не захотѣла ложиться и приказала ей непремѣнно идти въ Нейенгофъ къ матери, съ которой опять случилась падучая болѣзнь, причеиъ прибавила, чтобы раньше обѣда она не приходила; когда она пришла изъ Нейенгофа, барыни давно уже не было. Рика навѣрное все давно знала, но, боясь другихъ людей, никому ничего не сказала, а скрывалась наверху, пока не пріѣхалъ баринъ. Онъ сначала выругалъ ее и даже ударилъ хлыстомъ, но она принялась плакать и кричать, что припомнить ему это, а затѣмъ наговорила такъ много худого, что онъ вынужденъ былъ посадить ее съ собою въ экипажъ. А ея милая, добрая барыня должна была отправиться изъ дома пѣшкомъ и въ такую темную, непроглядную ночь! а милая, бѣдная Гретхенъ не могла даже надѣть новыхъ башмачковъ, остававшихся въ шкапу, ключъ отъ котораго былъ у нея въ карманѣ.

Дѣвушка снова зарыдала. Готгольдъ хотѣлъ ее утѣшить, но самъ вынужденъ былъ отвернуться, ибо скорбь его была слишкомъ сильна. Плачущая дѣвушка напомнила ему о тѣхъ ясныхъ дняхъ, когда онъ пришелъ въ садъ къ Сесилии и увидѣлъ Гретхенъ бѣгавшую между цвѣточными клумбами.

Когда Готгольдъ вышелъ изъ дома, люди кончили закусывать и готовы были снова идти на поиски. Кузнецъ Пребровъ отправлялся въ лѣсъ, лежащій влѣво отъ дороги въ Далицъ, управляющій—направо, а братецъ Бославъ—впередъ по дорогѣ. Все уже тронулись въ путь, когда коляска Готгольда въѣхала во дворъ; рессора окончательно сломалась, а съ одного изъ колесъ ушаль ободъ. Братецъ Бославъ спросилъ управляющаго, здѣсь-ли еще старая коляска Венгофа и можно-ли ѣздить въ ней. Отвѣтъ получился удовлетворительный. Онъ приказалъ Класу Преброву привести ее въ порядокъ, запретъ пару свѣжихъ лошадей и догонять остальныхъ. Готгольдъ вопросительно взглянулъ на старика.

— Я буду искать ее, пока не найду,—отвѣчалъ тотъ, передвигая выше ремень своей винтовки.—Я найду ее—живую или мертвую! И въ томъ, и въ другомъ случаѣ понадобится экипажъ.

Когда подошли къ лѣсу, люди раздѣлились на двѣ группы, одни отправились налѣво, другіе направо и углубились въ лѣсъ.

— Я пойду по дорогѣ,—сказалъ братецъ Бославъ, обращаясь къ Готгольду, который шелъ рядомъ съ нимъ.—Я могу положиться

на свои старые глаза, а я почти увѣренъ, что она отправилась по этой дорогѣ, ближайшей къ лѣсу, позади котораго находится большая рухляковая копъ. Когда она была еще ребенкомъ, тамъ утонула бѣдная дѣвушка, совершившая дѣтоубійство.

Говоря такимъ образомъ, старикъ продолжалъ идти тѣмъ же ровнымъ шагомъ, и только зоркіе глаза его то пристально разсматривали борозды изрытой дороги, то блуждали по придорожнымъ кустамъ и деревьямъ, среди которыхъ здѣсь, въ глубинѣ лѣса, уже наступила темная ночь. Люди въ лѣсу перекликались другъ съ другомъ, чтобы не сбиться съ дороги; отъ времени до времени раздавался лай одной изъ взятыхъ собакъ и все снова погружалось въ прежнюю тишину, лишь вѣтеръ свистѣлъ между могучихъ вершинъ деревьевъ, да слышался шумъ отъ падающихъ съ листьевъ дождевыхъ капель. Старикъ изрѣдка останавливался, прислушивался и, убѣдившись, что люди держатся одного и того же направленія и ничего особеннаго не случилось, продолжалъ идти дальше.

Такъ достигли они выхода изъ лѣсу, темная опушка котораго далеко простиралась по обѣ стороны и, наконецъ, исчезала въ непроглядной тьмѣ. Никто не показывался изъ людей,—они двигались теперь медленнѣе впередъ, имъ приходилось прокладывать путь сквозь густую чащу. Братецъ Бославъ указалъ направо, гдѣ въ сторонѣ отъ дороги, на вспаханномъ полѣ видѣлось круглое пятно, рѣзко отличавшееся отъ остальной болѣе темной почвы; это была рухляковая копъ, вслѣдствіе дождей наполнившаяся водой почти до самыхъ краевъ.

Пройдя опушку лѣса, они направились по вспаханному полю; старикъ продолжалъ идти впередъ, но на этотъ разъ шагъ его былъ медленнѣе, голова опущена внизъ; онъ разсматривалъ каждый стебелекъ мокрой, низкой травы. Вдругъ онъ остановился:—здѣсь!

Онъ указалъ на глинистую почву, на которой Готгольдъ увидѣлъ слѣды,—одни изъ нихъ были больше, другіе рядомъ—поменьше. Слѣды шли отъ дороги, съ которой они только что свернули, но ближе къ лѣсу уклонялись въ стороны и подъ тупымъ угломъ поворачивали къ рухляковой копи. Старый охотникъ и молодой человекъ переглянулись между собой; оба молчали—они знали, что сейчасъ все будетъ рѣшено.

Медленно и осторожно подвигались они вдоль по слѣду, продолжавшему идти все по тому же направленію къ рухляковой копи, на поверхности которой они ясно различали водяную зыбь и слышали плескъ воды о крутой берегъ. Оставалось сдѣлать какихъ-нибудь пятьдесятъ шаговъ и все будетъ рѣшено.

Готгольдъ съ ужасомъ смотрѣлъ на воду, неприятно сверкавшую при послѣднемъ отблескѣ слабого вечерняго освѣщенія; ему вообразилось, что онъ видитъ ее, стоящую на краю съ ребенкомъ на рукахъ и неподвижно устремленнымъ взоромъ на воду...

Старикъ положилъ одну руку ему на плечо, а другою указывалъ внизъ. Здѣсь она взяла ребенка на руки, — виднѣлся лишь одинъ слѣдъ, большій, и здѣсь онъ былъ глубже... пять, десять, пятнадцать, двадцать шаговъ... стой!

Это громко воскликнулъ самъ старикъ и въ ту же минуту, указывая рукой назадъ, опустился на колѣни. Мокрая почва была по всемъ направленіямъ испещрена слѣдами, — казалось, что ею овладѣла нерѣшительность и она взадъ и впередъ ходила здѣсь; затѣмъ слѣдъ шелъ далѣе, параллельно краю рухляковой копи и, наконецъ, рѣшительно поворачивалъ назадъ, по направленію къ дорогѣ и продолжался до самой опушки лѣса, на самомъ краю которой въ томъ мѣстѣ, гдѣ она съ своей пошей перепрыгнула на дорогу, отвалился кусочекъ дерну.

Они стояли опять на дорогѣ. Готгольду казалось, что почва колеблется подъ нимъ и онъ бросился на грудь старика.

— Теперь мы можемъ надѣяться, милый сынъ мой, хотя не все еще кончено.

— Я ничего не боюсь и все вынесу, пока есть малѣйшій лучъ надежды, — воскликнулъ Готгольдъ, освобождаясь изъ объятій старика.

Въ это время изъ темнаго лѣса стали показываться люди, то въ одиночку, то по нѣсколько вмѣстѣ, приближаясь къ тому мѣсту, гдѣ они стояли. Они ничего не нашли; управляющій Меллеръ спрашивалъ, не нужно-ли осмотрѣть рухляковую копъ; сегодня они больше не въ состояніи что-либо дѣлать, — слишкомъ темно и люди очень устали.

— Но если господину Венгофу угодно, то мы будемъ продолжать поиски, — сказалъ Меллеръ, — не правда-ли?

— Да, мы готовы и еще искать, — единогласно воскликнули всѣ.

— Благодарю васъ, — сказалъ братецъ Бославъ, — но вы не можете мнѣ больше помочь, дальше я отправлюсь съ однимъ Готгольдомъ, какъ только Класъ Пребровъ подастъ экипажъ. Рухляковой копи не зачѣмъ осматривать, теперь я начинаю надѣяться, что найду свою правнучку въ живыхъ.

Голосъ старика дрогнулъ при послѣднихъ словахъ. Люди съ удивленіемъ смотрѣли на него.

— Да, она моя правнучка, — продолжалъ старикъ дальше, и голосъ его звучалъ твердо и торжественно; — да, она правнучка моя и Ульрики, жены Адольфа Венгофа. Сегодня вы вѣрно слу-

жили мнѣ и я обязанъ сказать вамъ всю правду. Нѣтъ въ живыхъ никого, кому признаніе мое могло бы причинить вредъ, вамъ же это принесетъ пользу. Вы должны знать, что всегда слѣдуетъ говорить правду, и я старый, девяностолѣтній старикъ, говорю все это лишь на томъ основаніи, что это—истина. Итакъ, идите домой, дѣти! Не поддавайтесь искушенію отомстить тому, кто выпаль изъ дома мою правнучку и не изливайте гнѣва вашего на домъ и помѣстье. Тамъ до него жили лучшіе люди и будутъ жить и послѣ него. Еще разъ—спасибо вамъ, дѣти!

Люди слушали молча, нѣкоторые сняли шапки, не отдавая себѣ отчета, почему. Когда старикъ вмѣстѣ съ Готгольдомъ съѣлъ въ экипажѣ, незамѣтно подѣхавшій во время предыдущей сцены, всѣ стояли съ непокрытыми головами, когда же экипажъ двинулся впередъ, а они направилась по дорогѣ домой, то долго шли, не говоря ни слова.

Экипажъ своротилъ на дорогу, ведущую въ приморское селеніе Раловъ. Это было очень красивое мѣсто, гдѣ Сесилія любила по вечерамъ гулять съ своимъ ребенкомъ. Готгольдъ выразилъ свое мнѣніе, что слѣдуетъ ѣхать по этой дорогѣ, чѣмъ старикъ остался очень доволенъ.

— Теперь твоя очередь, — сказалъ онъ. — Старикъ годенъ лишь для того, чтобы искать мертвую, ты молодежь—тебѣ искать живую!

XXIX.

Утромъ, послѣ второго завтрака, спустя дня два послѣ описаннаго нами, Іоachimъ Пребровъ стоялъ у дверей своего дома и смотрѣлъ на море въ длинную подзорную трубу, укрѣпленную на шесть, врытомъ въ песокъ, и на верху которой развѣвался флагъ. Іоachима часто можно было видѣть на томъ же самомъ мѣстѣ и за тѣмъ же самымъ занятіемъ, причемъ ему никогда не приходило въ голову, что онъ можетъ отыскать или открыть на морѣ что-нибудь особенное; но въ тѣ минуты, когда ему нечего было дѣлать, эта подзорная труба бывала прекраснымъ развлеченіемъ для него. Она покоилась обыкновенно у самой двери, на двухъ кривыхъ подставкахъ, подъ защитой далеко выдающейся впередъ крыши. Да и что можно было видѣть на морѣ, теперь утромъ, кромѣ весело плещущихъ и покрытыхъ пѣною волнъ?

Но сегодня добрый Іоachimъ не видѣлъ пѣнящихся волнъ, онъ не видѣлъ ничего. Когда онъ черезъ пять минутъ снялъ «телескопъ» и сдвинулъ трубки вмѣстѣ, широкое лицо его имѣло такое озабоченное выраженіе, какъ будто бы онъ увидѣлъ переполненный пассажирами корабль, гонимый сильнымъ, сѣверо-восточнымъ

вѣтромъ на подводную скалу у самаго Виссова, а сосѣдъ его, лоцманъ Бонзакъ, говорилъ, что корабля спасти невозможно.

То же самое озабоченное выраженіе виднѣлось и на кругломъ лицѣ Стины, только что показавшейся въ дверяхъ дома; всегда запятыя работой руки ея сложены были подъ передникомъ, — она пристально разсматривала голубое небо, покрытое бѣлыми, блестящими облаками и не замѣчала своего Іоахима, въ шести шагахъ стоявшаго подлѣ нея.

— Нѣтъ, нѣтъ! — вздохнула Стина.

— Да, да! — сказалъ Іоахимъ.

— Ахъ, Іоахимъ! Какъ ты опять испугалъ меня!

— Какъ пораздумать хорошенько, такъ есть отчего и пугаться! — сказалъ Іоахимъ.

Онъ снова раздвинулъ «телескопъ», приговариваясь тлѣять дальнѣйшія наблюденія, но Стина отняла его и, положивъ его на мѣсто, отвѣчала нѣсколько раздраженнымъ голосомъ:

— Ты только и дѣлаешь, что смотришь въ эту старую трубку, а у меня отъ заботы голова кругомъ идетъ!

— Да вѣдь ты не знаешь, Стина!

— А отъуда мнѣ знать? О, куда ты годишься, если я, несчастное созданіе, должна все знать? Она только что спрашивала меня, не пріѣхалъ-ли шведъ? Бѣдное созданіе! Пускаться въ такой далекій путь и на такой орѣховой скорлупѣ! А кто знаетъ, охотно-ли примутъ ее тѣ, что живутъ по ту сторону? Она приходится сродни шведскимъ Венгофамъ лишь въ четвертомъ или пятомъ колѣнѣ!

Стина говорила тихимъ и взволнованнымъ голосомъ, оттащивъ Іоахима къ самой изгороди изъ терновника, отдѣлившей песчаный садикъ отъ такой же песчаной улицы. Іоахимъ смутно сознавалъ, что онъ, какъ мужчина и супругъ, а также какъ содержатель единственной гостиницы въ Виссовѣ обязанъ высказать свое мнѣніе, а потому отвѣчалъ:

— Ты видишь, Стина, что мы оба ничего подѣлать не можемъ.

— Іоахимъ, я никогда не думала, чтобы ты былъ такой дурной! — воскликнула Стина, рыдая и закрывъ лицо руками, отвернулась отъ своего супруга и вошла въ домъ.

Іоахимъ остался у изгороди, онъ было протянулъ руки къ телескопу, спокойно лежавшему на своихъ подставкахъ, но, вспомнивъ о своей негодности, не рѣшился взять этого утѣшителя во всѣхъ своихъ огорченіяхъ. Онъ опустилъ руки и сунулъ ихъ въ карманъ. Слава Богу! но вѣдь Стина не любитъ табуку, и если она увидитъ, что онъ куритъ, теперь когда она такъ разсердилась, то вридь-ли опять станетъ доброй.

Иоакимъ опустилъ трубку обратно въ карманъ и уставился на сверкающее море, точно онъ и безъ оптического инструмента могъ ясно видѣть то несчастное мѣсто, гдѣ пошелъ ко дну великолѣпный корабль со всею своимъ экипажемъ.

— Добрый день, Пребровъ! — раздалось подлѣ него.

Иоакимъ медленно обернулся и взглянулъ на господина, который, съ высоко поднятымъ воротникомъ, шелъ быстрыми шагами мимо изгороди.

— Добрый день, господинъ...

— Тс! — сказалъ послѣдній, останавливаясь и дѣлая ему знакъ молчанія.

Иоакимъ кивнулъ головой, показывая тѣмъ, что понимаетъ.

— Сегодня вечеромъ! — продолжалъ господинъ, — это я говорю только вамъ. До сихъ поръ все шло хорошо, но въ самую послѣднюю минуту можетъ явиться подозрѣнiе и къ вамъ придутъ, чтобы навести справки. Вы не скажете, конечно, что знаете меня!

— Сохрани меня Богъ! — возразилъ Иоакимъ.

Господинъ кивнулъ ему головой и хотѣлъ уходить, но, увидя озабоченное лицо Иоакима, снова остановился и сказалъ ему:

— Не принимайте всего такъ близко къ сердцу, Пребровъ! Рачисамъ по дѣломъ! ихъ поведенiе позоръ для Виссова и для всей окрестности, и врядъ-ли найдется кто-нибудь, кто не былъ бы радъ избавиться отъ этихъ бездѣльниковъ. Въ слѣдующій разъ, Пребровъ, я, безъ сомнѣнiя, остановлюсь у васъ: теперь мнѣ еще необходимо играть въ прятки.

Господинъ кивнулъ ему снова головой и легкими шагами удалился оттуда; затѣмъ онъ вошелъ въ домъ начальника лоцмановъ, быстро оглядываясь во все стороны.

— Проклятая исторiя! — пробормоталъ Иоакимъ. Онъ сказалъ это, не зная, къ чему собственно онъ относилъ эти слова, — къ тому-ли, что происходило у него въ домѣ или же къ тому, о чемъ только что говорилъ инспекторъ податныхъ сборовъ. Само собою разумѣется, онъ говорилъ о первомъ, второе же не касалось его; ему было несприятно, что являлась новая тайна, а съ него было слишкомъ много и первой.

— Добрый день, Иоакимъ!

На этотъ разъ Иоакимъ и въ самомъ дѣлѣ испугался. Подлѣ него, на томъ же самомъ мѣстѣ, гдѣ передъ этимъ стоялъ инспекторъ, очутился Класъ Пребровъ.

— Ахъ, Богъ ты мой! какъ ты сюда попалъ, Класъ? — воскликнулъ онъ.

— Да, хорошо тебѣ говорить! — возразилъ Класъ.

Братья пристально взглянули другъ на другъ, можно было

подумать, что, начиная съ самаго дѣтства, они никогда не были друзьями.

— Развѣ отецъ умеръ?—медленно проговорилъ Іоахимъ.

— Боже насъ сохрани!—возразилъ Класъ.

— Ну, тогда значить кузница сгорѣла?

— Ахъ, Іоахимъ! какіе пустяки ты все спрашиваешь!

Іоахимъ окончательно отказывался понимать. Имъ овладѣло странное чувство,—ему казалось, будто бы весь міръ состоитъ изъ одной какой-то мрачной тайны, и что онъ несчастный человѣкъ, и предназначенъ для того, чтобы хранить эту тайну.

— Ты развѣ не зайдешь ко мнѣ, Класъ?

Онъ вынужденъ былъ сказать это; не могъ же онъ оставить на улицѣ своего единственнаго брата.

Класъ Пребровъ принялъ его приглашеніе, несмотря на то, что оно было сдѣлано далеко не братскимъ тономъ, и пожимая ему руку, сказалъ, внимательно осматривая домъ:

— Тебѣ здѣсь хорошо живется, Іоахимъ?

Іоахимъ кивнулъ головой.

— И вѣрно много гостей бываетъ?

— Тебѣ-то какое дѣло?—воскликнулъ Іоахимъ, разсердившись, точно ему нанесли тяжкое оскорбленіе.

— Я вѣдь только такъ спросилъ,—сказалъ Класъ.

— Здѣсь никто не живетъ,—воскликнулъ Іоахимъ,—никто!—и онъ загородилъ дорогу Класу, который было направился къ дому.

— Ну, и прекрасно, — сказалъ Класъ, — тогда я возвращусь назадъ и скажу старому Венгофу и господину Готгольдъ, которые, не торопясь, ѣдутъ за мной, что они могутъ остановиться у тебя.

Іоахимъ такъ и застылъ на мѣстѣ. Что было ему дѣлать? онъ обѣщалъ молчать, а могло-ли ему помочь молчаніе, когда сейчасъ явится господинъ Готгольдъ, а съ нимъ вмѣстѣ и старый Венгофъ, передъ которымъ онъ всегда чувствовалъ какое-то благоговѣніе. И стоитъ тому только взглянуть на него старыми, ясными глазами, какъ онъ тотчасъ же все ему и расскажетъ. Онъ позвалъ Стину такимъ голосомъ, будто бы единственный трактиръ въ Виссовѣ былъ объятъ пламенемъ сверху и до низу.

— Іоахимъ, никакъ ты съ ума сошелъ? ты совсѣмъ не думаешь о томъ...

Стина, выбѣжавшая на отчаянный крикъ своего мужа, вдругъ смолкла и съ открытымъ ртомъ и удивленными глазами смотрѣла на своего зятя.

— Вотъ видишь!—сказалъ Іоахимъ, очень довольный собой.

— Гдѣ онъ?—спросила Стина.

Класъ Пребровъ чувствовалъ, что съ такой умной женщиной,

какъ Стина, никуда не годится вся его дипломатическая сдержанность, и что ему пора снять маску. Онъ съ удовольствіемъ потиралъ своими большими, загрубѣлыми руками, смѣялся отъ души, точно Стина, обратилась къ нему не съ тревожнымъ, а съ какимъ-нибудь остроумнымъ вопросомъ. Затѣмъ, сдѣлавшись внезапно серьезнымъ и, взглянувъ на окна верхняго этажа, сказалъ:

— Не лучше-ли будетъ войти намъ въ комнату?

Они вошли въ маленькую комнатку, позади большой пріемной. Стина вышла на минуту достать изъ шкапа бутылку съ ромомъ и два стакана, чтобы братья могли выпить вдвоемъ и чокнуться, и чтобы у Класа не пересохло во рту, если ему придется слишкомъ много рассказывать.

Класу было дѣйствительно о чемъ рассказать, но такъ какъ его ждали, то онъ постарался сократить свой рассказъ.

Они въ первый же вечеръ попали на вѣрный слѣдъ, но на другой день потеряли его, такъ какъ барыня, взявшая экипажъ въ Раловѣ, оставила его въ Гульвицѣ и пошла дальше пѣшкомъ, чтобы запутать свои слѣды. Это ей вполнѣ удалось, ибо только послѣ поисковъ, продолжавшихся двадцать четыре часа, попали они вчера вечеромъ на ея слѣдъ въ Трентовѣ. Но они все же еще не могли рѣшить, куда она направилась; въ двѣнадцать часовъ они оставили экипажъ и лошадей у господина фонъ-Горица изъ Горица и пошли дальше пѣшкомъ, чтобы сбить съ толку Брандова, если бы онъ вздумалъ слѣдовать за ними. Затѣмъ они нѣсколько часовъ отдыхали въ Трентовѣ и только сегодня вышли оттуда; онъ пошелъ впередъ, чтобы узнать, здѣсь-ли она и попросить свою невѣстку предупредить ее, чтобы она не испугалась.

— Ахъ, Богъ мой!—сказала Стина,—бѣдное, бѣдное дитя! мы обѣщали ей, что не выдадимъ ее!

— Стина! намъ ничего не подѣлать съ тобой!—сказалъ Іоакимъ.

Стина никогда въ этомъ не сомнѣвалась, она даже молилась, чтобы небо смилостивилось надъ ними и послало Готгольда, пока еще не было поздно. Она не могла громко сознаться въ этомъ, не могла нарушить обѣщанія, даннаго ею Сеспили и не знала, на что ей рѣшиться, горько заплакала.

Іоакимъ одобрительно покачивалъ головой, какъ бы желая показать Стинѣ, что она пошла на настоящую точку зрѣнія. Класъ выпилъ свой стаканъ и сказалъ, вставая:

— И такъ, черезъ четверть часа мы будемъ здѣсь. Ты, Стина, такая умная женщина, что знаешь, какъ тебѣ взяться за дѣло; а ты, Іоакимъ, пожалуй, глупостей надѣлаешь, такъ ужъ пойдемъ лучше со мной.

Іоакимъ такъ поспѣшно всталъ съ своего мѣста и вышелъ изъ

комнаты, что оставилъ стаканъ недопитымъ. Стина хотѣла вылить оставшееся въ бутылку, но по разсѣянности выпила его сама. Слезы навернулись у нея на глазахъ.

— Бѣдныя мы женщины!—сказала она.

XXX.

Послѣ ухода Стины, Сесилія осталась у постели своего ребенка. Гретхенъ спала; худенькія, бѣленькія ручки ея слегка вздрагивали, а маленькое, миловидное личико ея казалось Сесиліи еще блѣднѣе прежняго. Что если она серьезно заболѣетъ, если умереть? Къ чему тогда вся мука, все страданіе послѣднихъ дней!

Она схватилась руками за голову. Никого нѣтъ, никого, кто бы могъ подать ей совѣтъ, кто бы могъ помочь ей! А между тѣмъ она была у своихъ друзей,—у доброй, старой Стины, которая вчера со слезами радости встрѣтила ее и едва могла опомниться отъ счастья и въ то же время горя при такомъ неожиданномъ посѣщеніи,—у честнаго Іоахима, открытое, добродушное лицо котораго напоминало ей о беззаботныхъ юношескихъ играхъ. А тамъ, въ чужой странѣ, какой одинокой будетъ она себя чувствовать! Не отнесутся-ли къ ней, какъ къ искательницѣ приключеній? А если и такъ,—развѣ она можетъ осуждать ихъ за это? Все обстоятельства—противъ нея! Могла-ли она рассказать всему міру или хотя бы одному человѣку свою плачевную исторію?

Подъ вліяніемъ невыразимо гнетущаго чувства вскочила она съ мѣста и перешла въ сосѣднюю комнату къ открытому окну. Тамъ между верхушками ближайшихъ домовъ и бѣлящимися дюнами видѣлась часть синяго моря, а вдали на немъ сверкающей на солнцѣ парусъ. Ей казалось, что она видитъ живую, богатую красками картину, вставленную въ раму низенькаго окошечка, и она смотрѣла на нее тѣми глазами, какими онъ научилъ ее смотрѣть на картины природы. Она стояла и думала, что эта безпредѣльная, водная пустыня съ одинокимъ, уносящимся въ невѣдомую даль кораблемъ, есть изображеніе ужасной, безпощадной дѣйствительности для нея и ея ребенка.

Она закрыла лицо руками, не слыша легкаго шума за дверью и только тогда подняла голову, когда дверь открылась и въ комнату вошла Стина. Лицо послѣдней было красное и заплаканное и на немъ лежало пылливое и въ то же время радостно-смущенное выраженіе лица; она все оглядывалась на кого-то, кто стоялъ позади нея. Сесилія вздрогнула отъ предчувствія,—вся кровь прилила у нея къ сердцу. Кто была эта темная фигура, тамъ въ

дверяхъ? Кто же другой, какъ не тотъ, о которомъ она такъ безгранично тосковала, котораго ждала и на котораго надѣялась, подобно тому, какъ вѣрующій ждетъ чуда и надѣется на него. Онъ пришелъ, потому что любилъ ее и, однако... нѣтъ! Этого не могло быть, этого не должно было быть! поднятая, дрожащая рука ея опустилась, не отвѣчая на его рукопожатіе.

— Гдѣ Гретхенъ?

Оба, въ сопровожденіи Стишы, подошли къ кровати ребенка. Блѣдныя щеки Гретхенъ покраснѣлись, ручки сильнѣе подергивались. Въ испуганномъ, боязливомъ взорѣ Сесиліи ясно можно было прочесть тѣ же самыя слова, которыя она проговорила дрожащимъ отъ волненія голосомъ, выйдя въ сосѣдную комнату:

— Если она умретъ, значить, я убила ее!

— Она не умретъ, — возразилъ Готгольдъ, — но ты не имѣешь права прибѣгать къ насильственнымъ мѣрамъ, не должна бороться одна и отказываться отъ моей помощи, какъ это ты дѣлала до сихъ поръ.

— И погубить тебя, неповиннаго во всемъ этомъ несчастіи! Я и такъ много виновата передъ тобой, но теперь... никогда!

— Что означаютъ эти слова, Сесилія? Я люблю тебя — этимъ все сказано и словами этими мы обоюдно связываемъ наше существованіе. Есть-ли на свѣтѣ страданія, которыхъ я не могъ бы раздѣлить съ тобою? И не страдалъ-ли я съ тобою до сихъ поръ? Что такъ часто омрачало душу мою и самыя свѣтлыя минуты жизни моей, какъ не смутное, тяжелое предчувствіе твоихъ страданій? Да, Сесилія, когда я воспоминаю обо всемъ этомъ, то говорю себѣ: «слава Богу, что туманъ разсѣялся, что жизнь лежитъ передо мною такъ, какъ она есть, несмотря на всѣ затрудненія и всевозможныя препятствія, которыя могутъ встрѣтиться на нашей дорогѣ. Мы побѣдимъ ихъ съ тобою. Я сомнѣвался прежде, но теперь, когда ты мнѣ возвращена, я не сомнѣваюсь больше!»

Онъ сидѣлъ подлѣ нея и все время говорилъ шепотомъ; грудной голосъ его былъ почти беззвученъ, но она ясно понимала каждый звукъ, и каждый звукъ разиралъ ея сердце.

— Да, Сесилія! лишая жизни себя и ребенка, ты тѣмъ самымъ могла убить и меня! Но голосъ, которому ты должна свято повиноваться, въ справедливость котораго ты не должна имѣть ни малѣйшаго сомнѣнія, сказалъ тебѣ: «живи!» и ты живешь, Сесилія! и для меня, ибо жить безъ меня не можешь!

— Ни безъ тебя, ни съ тобою! — воскликнула Сесилія, ломая руки. — Не смотри на меня такъ вопросительно! Я не могу видѣть упрёка въ твоихъ честныхъ, милыхъ глазахъ, добрый ты мой, дорогой! Какъ хотѣлось бы мнѣ все сказать тебѣ, но не могу! Жен-

щинѣ, быть можетъ! но настоящая женщина пойметъ меня и безъ словъ.

— Ты не любишь меня такъ, какъ должна любить того чело-
вѣка, отъ котораго ты могла бы принять и приняла бы всякую
жертву, ибо любовь не знаетъ жертвъ,—истинная любовь терпѣ-
лива, она все переноситъ, а твоя любовь не истинна!

Онъ сказалъ это безъ всякой горечи, но губы его дрожали,
дыханіе было прерывисто.

— И развѣ я не права, когда говорю, что самые лучшіе, чут-
кіе мужчины не понимаютъ насъ?—возразила Сесилія, наклоняясь
къ Готгольду и отстраняя волосы съ его пылающаго лба. На пре-
лестныхъ устахъ ея и въ темныхъ глазахъ мелькнула та чудная
улыбка, которую такъ часто видѣлъ Готгольдъ въ своихъ сновидѣ-
ніяхъ, послѣ чего цѣлый день оставался подъ вліяніемъ какого-
то очарованія. Но это продолжалось всего одну минуту,—въ каж-
дой чертѣ прелестнаго личика снова показалось прежнее грустное,
серьезное выраженіе, та же грусть слышалась и въ каждомъ звукѣ
ея голоса.

— Истинная любовь! Какъ можетъ женщина, пережившая то,
что пережила я, произносить такія слова? Истинная любовь! Что
сказалъ бы ты, если бы я...

Она вдругъ смолкла, встала, подошла къ окну, затѣмъ верну-
лась на прежнее мѣсто и, остановившись передъ Готгольдомъ съ
скрещенными на груди руками, сказала ему:

— А что, если бы я, такъ сказать, содѣйствовала его коры-
столюбію, допуская продавать себя и ребенка, если бы тебѣ при-
шлось отдать все свое состояніе, чтобы освободить насъ...

— Ты могла это сдѣлать и не сдѣлала! — воскликнулъ Гот-
гольдъ съ страшнымъ волненіемъ.

— Я могла это сдѣлать и не сдѣлала, — возразила Сесилія, —
но не потому, чтобы я хотя на минуту сомнѣвалась въ томъ, что
ты безъ всякаго колебанія отдашь все, что имѣешь... Подобное
сомнѣніе немислимо для женщины, которая чувствуетъ себя лю-
бимой, которая, въ свою очередь, готова просить милостыню для
своего возлюбленнаго, но... все это напрасно, Готгольдъ! Я не
могу больше говорить. Горе тому, кто лишень возможности выска-
заться, кто молча долженъ переносить гнетущую его скорбь!

Она въ волненіи ходила по комнатѣ и ломала себѣ руки. Гот-
гольдъ мрачнымъ взоромъ слѣдилъ за нею, когда она взадъ и впе-
редъ ходила мимо него, и въ душѣ его подымалось чувство горечи.
Она не стужбля воспользоваться благоприятной минутой, теперь
же было поздно!

И онъ рассказалъ ей, почему это было поздно,—потому что у

него осталась лишь небольшая часть его состоянія, что есть много лицъ, имѣющихъ право предъявлять на него свои претензіи, и что, если онъ для удовлетворенія послѣднихъ употребитъ свой личный заработокъ, а тому человѣку предложить остающійся капиталъ, то послѣдній съ презрительнымъ смѣхомъ броситъ его подъ ноги, ибо для его ненасытнаго корыстолюбія это—ничто.

Сесилія слушала его, стоя по срединѣ комнаты, грудь ея тяжело вздымалась.

— Бѣдный Готгольдъ!— сказала она,— для меня такъ лучше, для меня нѣтъ больше искушеній! И такъ, рѣшено! Да, Готгольдъ, рѣшено, корыстолюбіе его было лишь минутное, и вслѣдъ за тѣмъ оно поглощено было той смертельной ненавистью, которую онъ питаетъ къ тебѣ. Онъ меня не выпуститъ изъ рукъ. Я не захотѣла избрать смерти ни для себя, ни для своего ребенка, пока не исчезла послѣдняя возможность спасенія — бѣгство. Отпусти меня, Готгольдъ, пока еще не поздно, не удерживай меня! Ты хочешь насъ спасти и тѣмъ самымъ наталкивашь насъ на вѣрную смерть!

— Я удержу тебя, спасу тебя и вырву тебя изъ рукъ смерти,— воскликнулъ Готгольдъ, схватывая Сесилію за руки,— тебя и ребенка, котораго ты убьешь, подвергая его, больного, опасностямъ путешествія! Это было бы бесполезной жестокостью, ибо онъ пойдетъ тебя повсюду, если захочетъ; при теперешнемъ же положеніи вещей, ты не можешь оставаться и здѣсь. Безъ моей защиты ты нигдѣ не можешь оставаться и я... буду тебя защищать. Неужели же ты, Сесилія, не вѣришь мнѣ, моей предусмотрительности, моему мужеству? Также и я не могу сказать тебѣ, какимъ образомъ я хочу спасти тебя, прошу твоего позволенія пока умолчать объ этомъ; развѣ у насъ, мужчинъ, нѣтъ того же чувства долга, какъ и у васъ, женщинъ? Сколько разъ случается намъ поступать такъ, какъ велитъ намъ чувство чести и долга, причемъ мы въ свою очередь довѣряемся лишь одному мужчинѣ! А что, Сесилія, если я скажу тебѣ, что я довѣрялся человѣку, на котораго ты съ самаго дѣтства привыкла смотрѣть съ благоговѣніемъ, не предчувствуя того, что ты обязана отдавать ему это почтеніе? Что если этотъ человѣкъ одобряетъ мой планъ, мое рѣшеніе, если онъ согласенъ сдѣлать все, что можетъ, дабы планъ не остался лишь планомъ, дабы рѣшеніе пришло къ исполненію? Человѣкъ этотъ самъ подтвердитъ тебѣ все сказанное мною; я приведу тебѣ его, Сесилія, его, твоего стараго прадѣда. Ты надеешь передъ нимъ на колѣни, онъ положитъ тебѣ руку на голову, онъ скажетъ тебѣ, что прошедшее, казавшееся неизмѣняемымъ, какъ сама судьба, проходить безслѣдно и исчезаетъ, тогда, быть можетъ, ты повѣришь,

что настоящее нельзя назвать безповоротнымъ для того, кто жить и любить.

Готгольдъ быстро удалился. Сесилія устремила неподвижный взоръ на дверь, за которою онъ скрылся,—сердце ея сжалось отъ страннаго предчувствія.

Дверь снова отворилась и въ ней показалась высокая фигура человѣка, входившаго съ опущенной головой и потупленнымъ взоромъ, направлявшагося къ Сесилии. Она вздрогнула,—вошедшій напомнилъ ей отца, когда тотъ за часъ до своей смерти призывалъ ее къ себѣ,—отецъ же походилъ тогда на изображеніе дѣда, висѣвшее въ комнатѣ подлѣ старыхъ часовъ! Колѣни ея задрожали, ноги подкосились, когда старикъ, войдя въ комнату, протянулъ къ ней руки.

Готгольдъ закрылъ двери. Что сказали другъ другу старикъ и Сесилія, навсегда и для всѣхъ осталось тайною.

XXXI.

Послѣдніе лучи заходящаго солнца отражались пурпурнымъ свѣтомъ на взволнованной поверхности воды и на колеблемой вечернимъ вѣтеркомъ травѣ широкой равнинѣ, лежащей между западнымъ берегомъ и дюнами, огненнымъ пламенемъ охватывая ихъ и пробѣгая по лицамъ Готгольда и Іоахима Преброва, только что поднявшихся съ узкой береговой полосы на самую крутую возвышенность. Прикрывъ глаза рукой, Готгольдъ внимательно смотрѣлъ на море, облитое пурпурнымъ сіяніемъ, Іоакимъ же возился съ «телескопомъ», и приладивъ трубки, какъ слѣдуетъ, перedalъ его своему слутнику.

— Вотъ! — сказалъ онъ, а затѣмъ добавилъ, какъ бы извиняясь, — можно, чортъ знаетъ какъ, далеко видѣть отсюда!

— Этакая ты добрая душа, — сказалъ, улыбаясь, Готгольдъ.

Іоакимъ засмѣялся; оба по прежнему стали серьезными. Готгольдъ смотрѣлъ такъ внимательно въ подзорную трубу, точно надѣялся увидѣть судно, отчалившее четыре часа тому назадъ при попутномъ вѣтрѣ, которое въ настоящее время должно было быть недалеко отъ Зюндина, быть можетъ, стояло даже въ гавани. Іоакимъ выглядѣлъ мрачно, можно было подумать, что сегодня послѣ обѣда онъ въ послѣдній разъ видѣлъ круглое лицо своей Стины, пожелавшей сопровождать Сесилію.

Но честный малый не о себѣ думалъ. Въ случаѣ необходимости онъ всегда могъ остаться безъ Стины не только на нѣсколько дней, но даже на нѣсколько недѣль. Ему такъ хорошо жилось, что онъ не разъ спрашивалъ себя, не слишкомъ-ли ему хорошо? Но

бѣдный его господинъ Готгольдъ! Ахъ, Богъ мой! Какъ смотрѣли они другъ на друга, когда, передъ тѣмъ какъ ей садиться въ шлюпку, она послѣдній разъ подала ему руку, — глаза были такіе большіе, неподвижные и въ нихъ блестяли слезы! А когда она взошла на шлюпку, сейчасъ же бросилась въ каюту, куда передъ тѣмъ Стина отнесла малютку, а какъ только вздулись паруса и шлюпка двинулась съ мѣста, вышла опять на палубу. Здѣсь она стояла все время, опираясь на руку старика, и махала платкомъ, пристально смотря впередъ большими глазами, хотя навѣрное отъ слезъ ничего не видѣла.

— Судно хорошее, трудно найти лучше, — сказалъ Іоакимъ, — тесть мой совѣмъ счастливъ, что ему дѣло нашлось, а Класъ, мой братъ, ловкій малый и частенько бываеъ въ Зюндинѣ. Онъ все справить, — приведетъ экипажъ на пристань, также знаетъ, гдѣ и Вольновъ живетъ, а стараго барина врядъ-ли кто посмѣетъ затронуть. Человѣкъ не можетъ сдѣлать больше того, что онъ въ силахъ сдѣлать, а если сдѣлаетъ, что отъ него зависитъ, ну, все, значить, и сдѣлалъ.

Іоакимъ тяжело перевелъ духъ; онъ просто не могъ надивиться тому, что такъ много говорилъ сегодня, и Стинѣ не сказать лучше, а господинъ Готгольдъ все только головой качаетъ, ничего не говоритъ, да и что говорить? Іоакимъ продолжалъ еще болѣе убѣдительною тономъ:

— Нечего вамъ такъ печалиться, господинъ Готгольдъ, — конецъ дѣло вѣнчается, и часто случается то, чего вовсе и не ожидаешь. А ужъ разъ конь удила закусилъ, такъ что ты тутъ ни дѣлай, а онъ понесетъ; если же лошадь можетъ, то человѣкъ и по-давно.

— За мною дѣло не станетъ, Іоакимъ! — возразилъ Готгольдъ, — теперь я больше не буду горевать, ибо знаю, что побѣда будетъ на моей сторонѣ, хотя и тяжело намъ придется, пока мы не найдемъ Шееля. Я все еще надѣюсь, что мы его найдемъ; достовѣрно то, что онъ не умеръ, а это главное.

Іоакимъ Пребровъ покачалъ головой.

— Что за противная исторія, и была и есть, господинъ Готгольдъ, — сказалъ онъ. — Старый пастухъ Арентъ изъ Шоритца говоритъ, что видѣлъ его недѣлю тому назадъ. Арентъ хорошо знаетъ Шееля, вѣдь старикъ долго служилъ въ Далицѣ, пока Генрихъ Шеель не сжилъ его съ мѣста, развѣ тотъ, кому добра желаетъ! А ночь-матка — все гладко, здѣсь же всегда есть случай уѣхать за море и въ Швецію, Мекленбургъ и мало-ли куда еще. Вотъ почему онъ сюда и перебрался, только не думаю, чтобы онъ былъ тутъ до сихъ поръ.

Багряная заря, пылавшая на западѣ, уже погасла, и когда они, спускаясь съ верхушки дюнъ, направлялись на востокъ, глазамъ ихъ представилось близко подступавшее здѣсь море, на далекое разстояніе покрытое черновато-синимъ оттѣнкомъ, отъ котораго рѣзко отличался бѣлый песчаный берегъ. Они находились на самой верхушкѣ дюнъ, длинная цѣпь которыхъ въ фантастическомъ безпорядкѣ простиралась далеко на сѣверъ и затѣмъ исчезала въ мракъ; мѣстами онѣ были то покрыты береговымъ овсомъ или дрокомъ, то совершенно обнажены, мѣстами то округлены, то сжаты съ боковъ съ острыми нависшими краями,—казалось, что взволнованное страшной бурей море, внезапно застыло, превратившись въ песокъ. Тамъ, гдѣ западный берегъ дальше всего выдавался въ море, образуя короткую косу, извѣстную подъ именемъ Виссовской косы, видѣлась изъ-за дюнъ часть крыши, на которую Иоакимъ Пребровъ указалъ своимъ «телескопомъ».

— Видите-ли вы вотъ тотъ домъ?

— То-есть часть дома!

— Тамъ живутъ Ранпесы; я не желалъ бы быть сегодня на ихъ мѣстѣ.

— А что такое съ ними случилось?—спросилъ Готгольдъ.

— Да ничего хорошаго,—продолжалъ Иоакимъ, невольно понижая голосъ, несмотря на то, что кромѣ чаекъ, носившихся надъ пѣнящимися волнами, нигдѣ, куда только могъ проникнуть человѣческій взоръ, не видно было ни одного живого существа.—Они рыбаки, а во времена инведовъ пользовались правомъ распивочной продажи; они говорятъ, что еще и теперь имѣютъ это право, и что наше правительство никогда и не думало отмѣнить его. Только все это пустыя рѣчи, лишь бы отговорку имѣть,—а къ нимъ то и дѣло пристають ялики, переполненные людьми, которые называютъ себя рыбаками, а такіе же рыбаки, какъ и Ранпесы. Ниной разъ наберется яликовъ этихъ до полдюжины, такъ говорятъ и чиповники податныхъ сборовъ, а какъ только явятся послѣдніе по суши или по водѣ, все сейчасъ долой—кто разбѣжится, а кто утлыветъ въ море. Чиповники не одинъ разъ караулили тутъ на дюнахъ или вотъ тамъ на горѣ, только ни разу не подѣхалъ ни одинъ яликъ, кромѣ маленькой рыбацкой лодки. Ранпесы продолжаютъ жить тамъ и подсмѣиваться надъ тѣмъ, что чиповники ушли съ диннымъ носомъ. Ужъ только поплатятся они сегодня вечеромъ!

— Какъ такъ, сегодня вечеромъ?

— Я бы, собственно, не долженъ говорить этого, ну, да съ вами другое дѣло.—Никакъ вотъ и они! Посмотрите туда на сѣверъ, видите тамъ три паруса? Это рыбацкіе шлюпки изъ Узелина,

только въ нихъ не рыбаки, а чиновники податныхъ сборовъ, на которыхъ рыбацкія куртки и шапки. Какъ только они достаточно близко подѣдутъ, такъ сейчасъ же повернуть къ Виссовой косѣ и окружать ее, въ ту же минуту со стороны земли... маршъ! впередъ! и нагрянетъ туда цѣлая дюжина чиновниковъ и жандармовъ. Все это я слышалъ отъ самого инспектора, который два дня тому назадъ прѣхалъ въ Виссовъ; онъ мой старый знакомый, я часто возилъ его и онъ все разскажетъ мнѣ. Смотрите, господинъ Готгольдъ! Смотрите! Вотъ оно! началось!

И Іоакимъ съ несвойственной ему живостью указалъ на три шлюпки, которыя все время держались направленія на сѣверъ и плыли на значительномъ разстояніи другъ за другомъ; теперь же всѣ три сразу выстроились въ одинъ рядъ и повернули къ берегу. Въ ту же самую минуту изъ-за Виссовской косы вынырнули два скрывавшіеся тамъ ялика; они видимо спѣшили проскользнуть на сѣверъ между берегомъ и тремя приближающимися шлюпками, изъ которыхъ первая старалась плыть имъ на перерѣзъ. Было, однако, весьма сомнительно, чтобы ей удалось исполнить свое намѣреніе, ибо до того мѣста, гдѣ скрещивались пути, ей предстояло проплыть большее пространство, чѣмъ контрабандистамъ, которымъ благопріятствовалъ попутный вѣтеръ.—И въ самомъ дѣлѣ, черезъ какихъ-нибудь десять минутъ на плюпкѣ, плившей въ погоню за контрабандистами, показалось маленькое, сѣренькое облачко, за которымъ съ небольшими промежутками послѣдовали другія, изъ чего можно было заключить, что чиновники начинали сомнѣваться въ успѣхъ своей погони. Прекратившійся скоро огонь показалъ, что охота не удалась, вдали на темномъ горизонтѣ видѣлась лишь неясная точка,—это были контрабандисты. Шлюпка, гнавшаяся за послѣдними, повернула назадъ и направилась къ Виссовой косѣ, къ которой давшимъ давно пристали другія двѣ, по всей вѣроятности, для того, думалъ Готгольдъ, чтобы сообщая съ остальными, подошедшими съ суши, убѣдиться въ томъ, что гнѣздышко снова опустѣло.

— Этакіе негодяи!—сказалъ Іоакимъ Пребровъ.

Стоя на верхушкѣ одной изъ самыхъ высокихъ дюнь, они горячо слѣдили за этимъ возбуждающимъ зрѣлищемъ, каждая фаза котораго была для нихъ также ясна, какъ если бы они сами принимали въ немъ участіе. Самую существенную услугу имъ въ этомъ случаѣ оказала превосходная подзорная труба, то и дѣло переходившая изъ рукъ въ руки и находившаяся въ настоящую минуту у Готгольда. Онъ думалъ, что если было вѣрно то, о чемъ говорилъ Іоакимъ, то имъ, по крайней мѣрѣ, удастся видѣть податныхъ чиновниковъ, и онъ наводилъ подзорную трубу съ одного

холма на другой, которые покрыты уже были сѣроватымъ вечернимъ мракомъ, — вдругъ онъ вскрикнулъ. Въ ту же минуту онъ опустилъ телескопъ, быстро спустился съ верхушки дюны, увлекая за собой и Иоахима, спѣша скрыться съ нимъ въ высокой травѣ.

— Что случилось?

— Генрихъ Шеель! я его совершенно ясно видѣлъ. Онъ стоялъ почти на тысячу шаговъ отъ насъ, спиной сюда, тамъ наверху той дюны.

— Не можетъ быть!

— Я не могъ ошибиться, что это онъ, я узналъ его среди тысячи другихъ, вотъ онъ опять. Дѣйствительно, Шеель стоялъ не на той же самой дюнѣ, а нѣсколько правѣе и, какъ показалось Готгольду, ближе. И дѣйствительно, когда Иоахимъ взглянулъ въ свою подозрительную трубу, ему показалось, что онъ узналъ Генриха, только послѣдній не стоялъ больше, а лежалъ, притаившись за краемъ дюны въ томъ направленіи, какъ и они, и смотрѣлъ на домъ Раннесовъ, откуда онъ, по мнѣнію Готгольда, только что вышелъ. Такъ или иначе, но Генриху помѣшали бѣжать дальше; онъ, вѣроятно, нашелъ себѣ убѣжище въ домѣ Раннесовъ, который Иоахимъ называлъ воровскимъ притономъ, и откуда вынужденъ былъ скрыться, вслѣдствіе неожиданнаго появленія податныхъ чиновниковъ. Онъ скрылся отъ послѣднихъ въ дюнахъ, надѣясь ускользнуть отъ нихъ въ случаѣ погони, тѣмъ болѣе, что наступавшая ночь и покрытая возвышенностями и всевозможными ущельями мѣстность, вполне благоприятствовала его намѣреніямъ.

Иоахимъ былъ одного мнѣнія съ Готгольдомъ. Что было имъ дѣлать? Ждать-ли, пока Генрихъ, продолжавшій лежать на прежнемъ мѣстѣ, станетъ удаляться по тому же направленію и приблизится къ нимъ, или же попытаться самимъ незамѣтно подкрасться къ нему, тѣмъ болѣе, что съ этой стороны онъ не подозрѣвалъ никакой опасности. И то и другое было одинаково невѣрно. Ночь быстро наступала и потому вслѣдствіе далекаго разстоянія Генрихъ долженъ былъ скоро превратиться въ темную точку на свѣтломъ фонѣ, а затѣмъ и совсѣмъ сдѣлаться невидимымъ. Съ другой же стороны, — если бы онъ вздумалъ оглянуться, то неминуемо увидѣлъ бы ихъ, ибо они не были достаточно скрыты, — стоило же ему спуститься съ дюны, тогда поминай, какъ звали.

Сердце Готгольда готово было разорваться на части, пока онъ обдумывалъ, какъ лучше поступить и шепотомъ передавалъ объ этомъ Иоахиму. Вѣдь отъ того, будетъ-ли тотъ человекъ въ его власти, зависѣла его судьба съ нею! До послѣдней минуты не смѣлъ онъ надѣяться, чтобы это удалось ему, и вотъ являлся неожиданный случай, который могъ ему помочь. Тамъ — Генрихъ, здѣсь —

онъ съ своимъ вѣрнымъ Іоахимомъ, достаточно было нѣсколькихъ минутъ, чтобы пройти незначительное разстояніе, раздѣлявшее ихъ. И вотъ стояло моргнуть глазу, подуть вѣтру, чтобы добыча его ускользнула и превратилась въ сонъ, въ мечту его возбужденной фантазіи, чтобы темное пятно, казавшееся человѣкомъ, исчезло навсегда.

И Шеель дѣйствительно исчезъ. Увидѣлъ-ли онъ приближающихся преслѣдователей или же почувствовалъ, что воздухъ, такъ сказать, очистился, но только мѣсто, гдѣ онъ до тѣхъ поръ лежалъ, было пусто. Ошибиться было невозможно, — несмотря на глубокій мракъ, все же еще края дюны рѣзко отѣнялись на темномъ небосклонѣ. Вышрнетъ-ли онъ опять? и гдѣ — дальше или ближе?

Прошло нѣсколько секундъ, въ продолженіи которыхъ оба боялись даже вздохнуть. Ага! вотъ онъ опять и значительно ближе! Не было никакого сомнѣнія, что онъ направлялся въ ихъ сторону. Черезъ нѣсколько минутъ разстояніе уменьшилось на половину, они не шевелились и боялись слѣдить сквозь тростникъ за движеніями Генриха, хотя это было крайне необходимо, ибо въ послѣднюю минуту онъ могъ переменить направленіе. Теперь онъ шелъ по ущелью, лежащему между двухъ холмовъ ближайшей цѣпи и, выйдя въ глубокую, со всѣхъ сторонъ замкнутую котловину, направлялся прямо къ той дюнѣ, за которой они скрывались. Это была самая высокая во всей окрестности и Шеель, по всей вѣроятности, хотѣлъ взобраться на нее, чтобы удостовѣриться въ томъ, что опасности ни съ какой стороны не предвидится больше.

Они спустились еще на нѣсколько футовъ ниже, стараясь по возможности спрятаться въ тростникъ. Скоро должна была показаться голова Генриха Шееля, — они ясно слышали, какъ онъ взбирался по отвѣсному откосу, проклиная песокъ, сыпавшійся изъ подъ его ногъ.

Стой!

Они вскочили и бросились впередъ, то подымаясь, то опускаясь по перовинной почвѣ. Съ быстротою молніи вывернулся Генрихъ изъ рукъ Готгольда, пустился бѣжать влѣво и наткнулся прямо на Іоахима. Оба сдѣпились другъ съ другомъ и повалились на землю, кубаремъ покатались внизъ съ дюны и съ такою быстротою, что Готгольдъ едва успѣвалъ за ними. Іоахимъ со всей силой ухватился за Генриха, но при послѣднемъ поворотѣ очутился подъ нимъ. Послѣ отчаянныхъ усилій Генриху удалось освободиться и онъ, вытаскивъ изъ кармана складной ножъ, хотѣлъ нанести имъ ударъ Іоахиму, когда подоспѣвшій Готгольдъ схватилъ его за руку и отнял у него ножъ. Іоахимъ быстро вскочилъ на ноги и Генрихъ въ свою очередь очутился на песокъ лицомъ внизъ, тогда какъ

Иоахимъ, вскочивъ къ нему на плечи, готовился скрутить ему руки назадъ веревкой, которую по старой привычкѣ кучера всегда носилъ при себѣ.

— Если вы только свяжете меня, — прохрипѣлъ Генрихъ Шель, — тогда хоть душийте меня, а я не встану.

— Пусти его, — сказалъ Готгольдъ.

— По крайней мѣрѣ, возьмемъ хоть это къ себѣ, — сказалъ Иоахимъ, вынимая изъ кармана лежащаго Генриха пистолеть и передавая его Готгольду. — Такъ будетъ лучше!

Генрихъ стоялъ снова на ногахъ. Лицо его было искажено яростью, а косые глаза его злобно уставились на своихъ побѣдителей. Вдругъ онъ вздрогнулъ и отступилъ назадъ:

— Это вы? вы? — воскликнулъ онъ, — чего вамъ нужно отъ меня?

XXXII.

Невыразимый ужасъ отразился на лицѣ и во всей позѣ Генриха, также въ хрипломъ звукѣ его голоса.

— Что съ вами? — воскликнулъ Готгольдъ, сильно трясая за плечи, стоящаго неподвижно Генриха.

Это произвело странное, ужасное дѣйствіе на послѣдняго. Онъ поднялъ свои длинныя руки къ небу, дико потрясая ими въ воздухѣ, затѣмъ упалъ на колѣни, опираясь лѣвой рукой на песокъ, а правой дѣлая такое движеніе, какъ будто бы онъ держалъ когонибудь за горло и хотѣлъ dokonать его, потомъ вскочилъ на ноги и прохрипѣлъ въ отвѣтъ на слова Готгольда:

— Что со мною? Какъ бы я хотѣлъ, чтобы онъ попался мнѣ!

— Кто?

— Онъ мнѣ солгалъ, сказалъ, что васъ нѣтъ въ живыхъ и что меня хотятъ схватить и на всю жизнь запереть въ исправительную тюрьму; потомъ сказалъ, будто бы я хочу запутать его въ это дѣло, несмотря на то, что онъ всегда былъ добрымъ бариномъ для меня и пообѣщалъ мнѣ дать столько, чтобы на всю жизнь хватило. Ночью онъ пришелъ къ тѣмъ могильнымъ памятникамъ, что на холмѣ, гдѣ я спрятался, и принесъ мнѣ всего пятьсотъ талеровъ. У меня, говоритъ, нѣтъ ни шиллинга, я долженъ былъ уплатить залогъ референдарію въ томъ, что тотчасъ же явлюсь, какъ только меня потребуютъ. И не правда-ли, господинъ Готгольдъ, онъ во всемъ совралъ, во всемъ?

— Во всемъ, — отвѣчалъ Готгольдъ, — положительно во всемъ!

— Во всемъ, до послѣдняго слова! — повторилъ Генрихъ; все еще не будучи въ состояніи придти въ себя. — И затѣмъ онъ лгалъ,

я бы и такъ пошелъ на все для него, если бы понадобилось, для него же я и дѣлалъ все! Не въ деньгахъ было дѣло, онѣ вѣдь были у меня въ рукахъ, я могъ сдѣлать съ ними, что хотѣлъ, однако же, отдалъ ихъ ему. Ни одного талера не утаилъ я отъ него, отдалъ ему весь пакетъ, въ такомъ же видѣ, какъ вытанилъ изъ кармана ассессора.

— Такъ вы это сдѣлали для него, — сказалъ Готгольдъ, — сдѣлали по его приказанію?

— По его приказанію? — возразилъ Генрихъ; — такихъ вещей не приказываютъ, я это сдѣлалъ потому... потому... право, не знаю почему, я возилъ его ребенкомъ на своей спинѣ, пока не кунили ему пони и я же выучилъ его ѣздить верхомъ; онъ всѣмъ, всѣмъ обязанъ мнѣ! Если его Броунлокъ возьметъ призъ и онъ получить громадныя деньги, кому будетъ онъ этимъ обязанъ?... Тому же Генриху Шеелю.

Разговаривая такимъ образомъ, пробирались они между дюнами, впереди Готгольдъ и Генрихъ, а позади Иоахимъ, но на такомъ разстояніи отъ нихъ, чтобы въ случаѣ надобности имѣть возможность придти на помощь. Вокругъ былъ такой непроглядный мракъ, что они съ трудомъ различали дикихъ кроликовъ, шмыгавшихъ въ береговомъ овсѣ подъ ихъ ногами; летѣвшая навстрѣчу имъ большая сова съ испугомъ бросилась въ сторону, когда Генрихъ послѣ небольшой паузы съ дикимъ проклятіемъ продолжалъ:

— Я сдѣлалъ это, зная, что онъ нуждается. На другой день ему надо было платить 5.000 талеровъ Редебасу, въ противномъ же случаѣ его могли не допустить къ участию въ скачкахъ. Я часто бывалъ на скачкахъ и мнѣ все извѣстно не хуже, чѣмъ господамъ. Я зналъ, что онъ отъ этого не прочь, хоть и не говоритъ, хотя сначала онъ и не думалъ о тѣхъ деньгахъ, что лежали въ карманѣ ассессора. Я же цѣлый день думалъ о нихъ, и когда мы ѣхали, даже мѣстечко высмотрѣлъ. Оно ужь давно стало выдаваться надъ откосомъ, а дождь къ тому же понадѣлалъ много трещинъ, я и сказалъ себѣ: «если они поѣдутъ назадъ сегодня вечеромъ, то стоитъ только попасть туда экинажу, выступъ обрушится и все полетитъ внизъ. Несчастье можетъ случиться съ самымъ лучшимъ кучеромъ, да притомъ въ такую бурную ночь, какая будетъ навѣрное сегодня».

— И вы легко могли попасть туда же, — сказалъ Готгольдъ.

— Вы хотите сказать, въ томъ случаѣ, если бы я не успѣлъ соскочить съ экинажа. Ба! сударь! это не такъ трудно; когда лошадь понесетъ, стоитъ только во время замѣтить, что она падаетъ и всегда успѣешь соскочить, и я тогда успѣлъ. Выступъ обру-

шился и все пометѣло внизъ; сначала слышенъ былъ стукъ, трескъ, затѣмъ все стихло, только нѣсколько кусочковъ оторвалось еще и съ шумомъ скатилось внизъ, да надъ болотомъ шумѣлъ и стоналъ вѣтеръ. Все это не было ново для меня, а внизу было совсѣмъ тихо. Я стоялъ наверху, смотрѣлъ внизъ и спрашивалъ себя, какъ далеко вы скатились. Если рухлякъ хорошо держался, думалъ я, то они попали въ самое болото и, пожалуй, глубоко вслѣдствіе тяжести и силы паденія. Тутъ я вспомнилъ, какъ все трещало, когда летѣло внизъ и подумалъ, что все навѣрное поломалось и могло легко попасть лишь на край болота. Вотъ я рѣшилъ спуститься внизъ. Не такъ-то легко было сдѣлать это, тѣмъ болѣе, что въ темнотѣ я съ трудомъ находилъ вѣрныя мѣста и едва самъ не скатился внизъ, но, наконецъ, все-таки добрался туда.

— Ну?

— Ну! я сталъ ходить вокругъ ощуяю; тутъ показался мѣсяцъ, и я скоро нашель экипажъ, весь разбитый въ дребезги. Подлѣ лежала мертвая лошадь съ разбитымъ черепомъ, тутъ же и ассесоръ, который дышалъ тяжело, а когда я перевернулъ его на спину, сталъ жалобно стонать и вздрогнулъ нѣсколько разъ. Я подумалъ, что ему и безъ меня конецъ придетъ, деньги же я усиѣлъ вынуть у него изъ кармана и застегнуть сюртукъ по прежнему, дабы казалось, что онъ какъ упалъ, такъ и остался лежать въ томъ же положеніи.

— А меня вы не искали?

— Искать я и васъ, да не нашель; онъ потомъ говорилъ мнѣ, что вы упали на половинѣ откоса, гдѣ и продолжали лежать. Мнѣ показалось, что время тянулось слишкомъ долго, пока я тамъ возился у болота, тутъ еще поднялся шумъ въ травѣ, а другая лошадь, оторвавшаяся съ дыпломъ и убѣжавшая глупая въ болото, вдругъ начала кричать. Тяжело бываетъ слышать, когда животное, умирая, кричитъ въ предсмертной тоскѣ, вотъ я и постарался скорѣе выбраться на сухое мѣсто.

— Тутъ и Брандовъ пришелъ?

— Вы это какимъ образомъ знаете? — съ удивленіемъ спросилъ Генрихъ.

— Это лишь одно предположеніе мое.

— Нѣтъ, его тогда еще не было, но онъ скоро пришелъ, и меня страшно взбѣсило, что онъ пріѣхалъ на Броунлокъ, да и вообще зачѣмъ явился? Я сказалъ ему это, а также, чтобы онъ немедленно возвращался, но онъ не захотѣлъ? Хотѣлось бы мнѣ знать, что бы онъ сказалъ и какъ бы вообще вывернулся, если бы увидѣли его, какъ онъ уѣхалъ. Я давалъ ему пакетъ, а онъ толкнулъ меня подъ руку, тотъ и упалъ на землю, и я сказалъ ему,

что пусть онъ и остается лежать тамъ. А по мнѣ, пусть себѣ лежить, не въ деньгахъ дѣло,—сказалъ онъ, а затѣмъ спросилъ, что случилось съ вами. Я нехотя ему отвѣчалъ, такъ какъ на него сердился, а онъ и говоритъ мнѣ, чтобы я опять туда пошелъ и... и... Сами дѣлайте, сударь, когда хотите,—отвѣчалъ я,—я больше не хочу мѣшаться въ это дѣло. Онъ сталъ упранивать меня, но я прямо таки изъ злости не хотѣлъ; затѣмъ на него опять напалъ страхъ,—какъ ему сказать, гдѣ онъ былъ все это время? Ужь разъ вы сидите верхомъ на Броунлокѣ, сударь, то стоитъ вамъ переѣхать болото, и вы также скоро попадете въ Нейенгофъ, какъ если бы вы вслѣдъ за ними выѣхали изъ Доллана по постоянной дорогѣ, само собою разумѣется. Онъ согласился со мною, но у него тутъ не хватило мужества, чего съ нимъ никогда не бываетъ, и однако же онъ видѣлъ, какъ я самъ недѣлю тому назадъ переѣхалъ болото. Тогда дѣлайте сами, что хотите,—сказалъ я ему,—а мнѣ надо идти къ Пребровымъ, не то вся вина на мнѣ будетъ. Тутъ онъ и отправился,—и ѣхалъ же онъ! Мнѣ все было видно, потому мѣсяцъ вышелъ изъ-за тучъ... вода такъ и брызгала изъ подъ копытъ... да! одно заглядѣнье было, какъ онъ ѣхалъ!

Генрихъ прошелъ еще нѣсколько шаговъ и вдругъ остановился.

— И стыдно и грѣшно ему, что онъ такъ поступилъ со мной! Пусть меня Богъ накажетъ, если я ему не отплачу за это. Онъ обѣщалъ мнѣ 10% со всего, что ему Броунлокъ выиграетъ. Въ книжкѣ у него записано 10.000 талеровъ, легко можетъ быть и еще столько же будетъ. Онъ хорошо знаетъ, какъ дорого далъ бы я, если бы могъ видѣть Броунлока на скачкахъ и слышать, какъ всѣ будутъ показывать на меня и говорить: «Это тотъ самый Генрихъ Шеель, что объѣздилъ его; онъ понимаетъ это дѣло лучше всякаго англичанина». Богъ ты мой! и я долженъ простить ему, что онъ цѣлую недѣлю заставилъ меня сидѣть въ этой норѣ у Ранпесовъ! А затѣмъ приказалъ мнѣ придти въ Горицскій лѣсъ, куда обѣщалъ принести мнѣ 2.000 талеровъ, а когда я пришелъ въ Горицъ ночью, еще раньше того, какъ должна была отходить яхта въ Мекленбургъ, на которой мнѣ нужно было ѣхать, его тамъ не оказалось. Ладно, думалъ онъ себѣ, все равно уѣдетъ, хоть съ деньгами или безъ денегъ! Пить, я отплачу ему, клянусь Богомъ, отплачу!

— И вамъ придется поплатиться за все это,—возразилъ Готгольдъ;—не думаете-ли, что судъ выпустить васъ на свободу за то, что все это вы дѣлали для своего барина?

— Судъ! развѣ вы хотите притянуть меня къ суду?—восклинулъ Генрихъ.

— Можете-ли вы быть въ претензіи на меня, если я поступлю такимъ образомъ?

Генрихъ остановился, но бѣжать не было никакой возможности. Тяжелая рука Іоахима Преброва легла ему на плечо, а Готгольдъ еще ранѣе этого взвелъ курокъ пистолета, длинный стволъ котораго блестялъ при свѣтѣ маяка, находившагося отъ нихъ на довольно близкомъ разстояніи, такъ что можно было крикнуть сторожа, если бы въ томъ случилась крайняя необходимость.

— Съ одной стороны я, пожалуй, въ вашей власти, сударь! — сказалъ Генрихъ, — а съ другой — нѣтъ. Ни вы и никто въ мірѣ не заставитъ меня повторить передъ судомъ того, что я сейчасъ рассказалъ вамъ. Какъ можете вы доказать, что все это не выдуманно мною.

— Отговорки не помогутъ вамъ, Генрихъ; у насъ есть доказательства, что деньги не были потеряны, но ограблены, и что онѣ находились въ рукахъ вашего барина.

И онъ въ нѣсколькихъ словахъ передалъ ему содержаніе письма Вольнова, а также и то, что слышалъ отъ стараго Бослава, какъ онъ при поискахъ на болотѣ, къ большому удивленію присутствующихъ, указалъ имъ слѣды какъ бы бѣжавшей во весь опоръ лошади, которые они и прослѣдили на довольно значительномъ разстояніи. Всѣ отрицательства Генриха ни къ чему повести не могутъ, въ виду такихъ безспорныхъ доказательствъ.

Генрихъ слушалъ внимательно, что говорилъ Готгольдъ.

— Я все еще думаю, что вы откажетесь отъ суда, сударь, — сказалъ онъ, — это пренеприятная исторія и чѣмъ меньше будутъ говорить о ней, тѣмъ лучше для всѣхъ, которыхъ она близко касается. Впрочемъ, намъ, бѣднымъ людямъ, подчасъ живется не лучше ипой собаки, а послѣдніе дни мнѣ жилось еще похуже, потому, если ужъ на то пошло, я готовъ высидѣть и нѣсколько лѣтъ въ исправительной тюрьмѣ, лишь бы и онъ со мною былъ.

Было слишкомъ темно и Готгольдъ не могъ видѣть ужасной улыбки, мелькнувшей на толстыхъ губахъ Генриха.

— Я думаю, что могу избавить васъ отъ исправительной тюрьмы, — сказалъ Готгольдъ, — если вы пообѣщаете мнѣ, что не будете дѣлать попытокъ къ побѣгу и безусловно подчинитесь моимъ приказаніямъ. Я не сдѣлаю вамъ зла.

— Я знаю это, сударь, — сказалъ Генрихъ, — и вотъ вамъ моя рука.

И онъ протянулъ Готгольду свою грубую, жилистую руку, по первому пожатію которой тотъ понялъ, что человѣкъ этотъ сдержитъ свое обѣщаніе.

— Въ такомъ случаѣ пойдемъ, — сказалъ онъ, — а ты, Іоахимъ,

веди насъ такой дорогой къ твоему дому, гдѣ бы мы никого не могли встрѣтить.

XXXIII.

— Бѣдный, дорогой другъ мой! Только этого несчастья и не доставало намъ! ужасно! Но отчаяваться не слѣдуетъ! Гретхенъ выздоровѣетъ и все пойдетъ хорошо!

Такъ говорила Оттилія Готгольду, стоя въ комнатѣ своего дома въ Эюндиѣ. Оба они только что вышли изъ комнаты Сесиліи, гдѣ послѣдняя вмѣстѣ съ старымъ Бославомъ сидѣла у постели спавшей въ лихорадочномъ жару Гретхенъ.

— Все будетъ хорошо!—повторила Оттилія, замѣтивъ, что глубокая печаль, лежавшая на выразительномъ лицѣ Готгольда, нисколько не проленяется.

— Вы сами не вѣрите своимъ словамъ,—возразилъ онъ, съ благодарностью пожимая руки Оттиліи;—если ребенокъ умретъ, то я боюсь, что Сесилія никогда этого себѣ не проститъ, несмотря на то, что вся вина лежитъ на томъ негодяѣ; во всякомъ случаѣ это останется грустнымъ и мучительнымъ воспоминаніемъ для нея и, какъ она сама говорила вамъ, навсегда разлучитъ ее со мною.

Въ это время изъ сосѣдней комнаты вышелъ самъ Вольновъ. Оттилія проводила обоихъ друзей въ переднюю.

— Мнѣ бы такъ хотѣлось идти съ вами,—сказала она.

— Это было бы недурно,—отвѣчалъ Вольновъ, идя вмѣстѣ съ другомъ по улицамъ, гдѣ царило сегодня необыкновенное оживленіе.—Въ такихъ случаяхъ женщины обладаютъ той силой, которая помогаетъ преодолевать препятствія, а именно чрезвычайной страстностью, отъ которой мы, мужчины, съумѣли, по счастью, отдѣлаться, что нисколько не помогло намъ приобрести того необыкновеннаго спокойствія, съ которымъ этотъ удивительный старикъ выступилъ противъ Брандова. Я объ этомъ не хотѣлъ говорить въ присутствіи женщинъ. Брандовъ съ обыкновенной своей пронительностью, которую признаютъ за нимъ даже враги его, съ перваго же раза заключилъ, что Сесилія, если не сейчасъ послѣ бѣгства, то въ самомъ непродолжительномъ времени направится сюда. Онъ тотчасъ вернулся назадъ изъ дома и, не жалѣя лошадей, поѣхалъ сюда, вы должны были его встрѣтить подъ самой Пророй. Съ тѣхъ поръ онъ продолжаетъ все время караулить у моего дома и у вашего; я удивляюсь тому постоянству и нахальству, съ которымъ онъ преслѣдуетъ намѣченную имъ цѣль и рассказываетъ всѣмъ, будто бы ему неизвѣстно, къ кому жена его уѣхала въ гости, что комедія, разыгранная передъ людьми братцемъ Бо-

славою,—настоящая плутовская штука, за которую онъ привлечетъ къ отвѣтственности этого безстыднаго старика, давнымъ давно находящагося съ нимъ въ недружелюбныхъ отношеніяхъ. Говоря по правдѣ, онъ за это время имѣлъ массу разныхъ хлопотъ и непріятностей, такъ какъ враги его, во главѣ которыхъ стоятъ Редебасъ и оба Плюггена, воспользовались этимъ случаемъ, чтобы распространить самые ужаснѣйшіе слухи, такъ что комитетъ скачекъ имѣлъ уже намѣреніе требовать оффиціального объясненія отъ Брандова; къ счастью, онъ въ тотъ же вечеръ могъ сказать въ клубѣ, что жена его полчаса тому назадъ, какъ пріѣхала сюда и остановилась у насъ, что и Селлены не прочь были отъ этого посѣщенія, но такъ какъ ассессоръ еще не совсѣмъ поправился, то они уступили намъ это преимущество. Чтобы придать больше вѣса своимъ рассказамъ или же побуждаемый своимъ обыкновеннымъ нахальствомъ, онъ еще вчера вечеромъ, какъ только узналъ о пріѣздѣ Сесиліи отъ Альмы Селленъ, которая какъ нарочно была въ то время у моей жены, тотчасъ же позвонилъ къ намъ и приказалъ доложить о себѣ. Не подлежитъ сомнѣнію, что Оттилія рада была принять его, чтобы высказать ему все и отвести себѣ душу, но старикъ, вышедшій въ это время изъ комнаты, обратился къ моей женѣ съ тою изысканною вѣжливостью, которая давно позабыта въ послѣдующихъ двухъ поколѣніяхъ, и попросилъ ее оставить его на нѣсколько минутъ съ Брандовымъ. Не прошло и нѣсколькихъ минутъ, какъ старикъ также спокойно возвратился въ комнату, гдѣ были дамы; Брандовъ же, какъ сумасшедшій, слетѣлъ внизъ по лѣстницѣ, и Сесилія, не предчувствовавшая злобнаго намѣренія своего мужа, страшно испугалась, услышавъ, что кто-то изо всей силы хлопнулъ входной дверью. Вотъ мы и пришли къ «Золотому Льву». Позвольте мнѣ пройти туда. Если бы даже мы и не пришли его сегодня, то онъ во всякомъ случаѣ не долженъ знать, что вы возвратились.

Вольновъ вошелъ въ сѣни дома, сквозь открытыя ворота котораго видѣлся яркій свѣтъ, падавшій на улицу, темную въ обыкновенное время. Въ домѣ было необыкновенное оживленіе, по случаю начавшихся сегодня скачекъ, которыя должны были продолжаться и завтра. Вольнову пришлось долго разспрашивать, пока онъ получилъ вполнѣ опредѣленный отвѣтъ, и Готгольдъ довольно таки долго поджидалъ его. Когда послѣдній, прохаживаясь взадъ и впередъ по улицѣ, нѣсколько удалился отъ дома, то вдругъ наткнулся на выходящую изъ боковой улицы женскую фигуру, которая подошла къ нему и, проговоривъ шепотомъ: «Карлъ», приподняла свой черный вуаль. Несмотря на темноту, Готгольдъ узналъ въ ней Альму Селленъ.

— Вы ошибаетесь, сударыня,—сказалъ онъ.

Альма также узнала его, она такъ была увѣрена, что встрѣтила того, кто ей нуженъ, что отъ испуга лишилась, хотя и не надолго, всякаго соображенія.

— Очень рада, что встрѣтила именно васъ,—сказала она, глубоко вздыхая и, не получая отвѣта отъ Готгольда, продолжала:— Я много разъ просила его сказать вамъ объ этомъ; рано или поздно вы должны будете это узнать, а для васъ это можетъ быть приятнымъ извѣстиемъ, но онъ не хотѣлъ.

— И на очень хорошемъ основаніи.

— На какомъ это основаніи? прошу васъ, скажите мнѣ все!

— Я скажу вамъ это въ другое время и въ другомъ мѣстѣ, здѣсь же это невозможно.

Увидя Вольнова, выходившаго изъ дома, Альма прошептала: «итакъ, въ другой разъ!» Затѣмъ, опустивъ вуаль, она проскользнула въ ту самую темную улицу, откуда только что вышла.

— Кто это?—спросилъ Вольновъ.

— Тотъ, кто многихъ втопчетъ съ собою въ грязь,—воскликнулъ Готгольдъ.

— Вотъ гдѣ намъ надо было искать его, если мы хотѣли скорѣй найти его!—возразилъ Вольновъ.—Это была жена Селльена, не правда-ли? Не думайте, что вы выдаете неизвѣстную тайну; мы одни не знали этого до сихъ поръ, здѣсь же трубятъ объ этомъ на всѣхъ перекресткахъ. Онъ самъ облегчаетъ намъ дѣло и даже больше, чѣмъ мы думали. Какая, однако, счастливая случайность, что вамъ удалось поймать Генриха Шееля! Только бы въ послѣднюю минуту въ немъ не проснулся прежній порывъ чувства къ Брандову.

— Не думаю; что же болѣе всего возмутило и до глубины души взволновало этого грубаго, но съ извѣстной точки зрѣнія честнаго человѣка, какъ не то, что Брандовъ такъ грубо оскорбилъ этотъ порывъ, такъ нахально парушилъ данное имъ обѣщаніе, чего не долженъ дѣлать начальникъ по отношенію къ своему подчиненному. Напротивъ, я боюсь, что онъ не удовлетворится нашими дѣйствіями противъ Брандова, но захочетъ самъ отомстить ему по своему.

— И онъ правъ! — почтино возразилъ Вольновъ, — не хотимъ-ли и мы лишить правосудія его жертвы, оправдывая себя тѣмъ, что совершенное преступленіе нельзя подвести ни подъ одинъ изъ параграфовъ государственнаго права, несмотря на то, что оно хуже убійства и грабежа? И почему же Генрихъ Шеель не можетъ руководствоваться тѣмъ же самымъ побужденіемъ по отношенію къ себѣ и не стремиться къ наказанію нарушеннаго

слова, зная хорошо, что ни одинъ судья не произнесетъ по этому поводу должнаго приговора. Простите, милый другъ, мою нелогичность и настойчивость! Я убѣжденъ въ томъ, что будущность не одного, а нѣсколькихъ хорошихъ людей зависитъ отъ того, какъ мы примемся за дѣло. Итакъ, да будетъ судъ Божій вмѣсто гласнаго правосудія. Вотъ мы и у зданія, гдѣ находится клубъ. Я согласенъ съ вами въ томъ, что вамъ слѣдуетъ рѣшить это дѣло безъ секундантовъ.

Готгольдъ ходилъ взадъ и впередъ по освѣщенной площадкѣ. Изъ залы ресторана, куда лакей въ ливреѣ снесъ его карточку, раздавался шумъ, смѣхъ и звонъ стакановъ. Въ клубѣ у копторки еще возсѣдалъ регистраторъ, углубившись въ книгу, и усердно писалъ, а въ передней суетились лакеи, подавая и принимая платѣ входившихъ и выходившихъ посѣтителей.

Посланный лакей возвратился и доложилъ слѣдующее: «господинъ Брандовъ проситъ извинить его, ибо онъ очень занятъ. Онъ спрашиваетъ, польза-ли отложить это дѣло до завтрашняго дня?»

— Что слѣдуетъ отложить до завтрашняго дня? — спросилъ Густавъ Плюггенъ, выходя вслѣдъ за лакеемъ изъ столовой и привѣтствуя Готгольда съ своей обыкновенной живостью, увеличившейся еще отъ выпитаго вина. — Что? Брандовъ слишкомъ занятъ? Пустяки! Слишкомъ! Сидитъ себѣ за бутылкой вина, да записываетъ одно пари за другимъ. Вотъ глупцы-то! И сколько мы ихъ отговаривали и Редebasъ, и Отто, и я! Всего можно ждать, послѣ того, что мы видѣли въ Долланѣ. Будетъ тоже самое, что и съ Гюри-Гарри въ Дерби на скачкахъ! Не даромъ же я былъ въ Англии! Замѣчательная страна, — женщины, лошади, овцы — замѣчательныя! Это моя прежняя поговорка, вѣдь я молодъ по прежнему. Да, что бишь я хотѣлъ сказать? Ты хочешь говорить съ Брандовымъ? Отчего же ты не войдешь? Сдѣлай мнѣ удовольствіе, позволь ввести съ собой стараго школьнаго товарища. Знаменитаго художника! а? И чортъ знаетъ, чего я только не наслышался вчера у президента, принца Проры, который познакомился съ тобой въ Римѣ и пришелъ въ восторгъ, когда узналъ, что ты въ Зюндинѣ. По его словамъ, ты замѣчательный художникъ. Онъ даже говорить о томъ, что хочетъ отыскать тебя завтра на скачкахъ, удивительно! Кстати, есть у тебя билетъ? Трибуна А... пожалуйста, не церемонься, видишь у меня еще полдюжины; сдѣлай мнѣ удовольствіе! Войдемъ!

Лакей уже давно держался за ручку двери. Столовая была переполнена большимъ обществомъ, — членами клуба, ихъ гостями, между которыми больше всего было гарнизонныхъ офицеровъ. Всѣ сидѣли у отдѣльныхъ столиковъ, распивая шампанское, —

шелъ пиръ горой. Никто, даже Брандовъ, не обратилъ вниманія на вошедшихъ; послѣдній, повидимому, только что вышелъ изъ-за стола; онъ стоялъ въ концѣ комнаты, окруженный группою посѣтителей, то и дѣло обращающихся къ нему; онъ держалъ въ рукѣ записную книжку и приглашалъ ихъ подходить поочереди:

— И такъ, другъ за другомъ! Если вы такъ добры и хотите во что бы то ни стало сдѣлать изъ меня Креза! Трутветтеръ — 150! прошу подписать ваше имя вотъ здѣсь внизу! Сюда, пониже, прошу васъ! Тамъ я оставилъ мѣсто для 200 тал. Куммерова. Такъ какъ же, баронъ, пистолеты? Нѣтъ? Этакое горе! Open in please! Кто могъ бы это думать! Дальше! Плюгень! и ты, Брутъ? Что такое? Какой-то господинъ... опять? Я очень занятъ! Скажите этому господину...

Брандовъ сразу оборвалъ свою рѣчь, онъ только что замѣтилъ Готгольда, все время стоявшаго позади него.

— Я могу подождать, пока ты освободишься.

— Тебѣ, пожалуй, надоѣтъ ждать меня.

— У меня довольно свободнаго времени.

Отвѣсивъ вѣжливый и холодный поклонъ, Готгольдъ вышелъ изъ круга. Брандовъ страшно поблѣднѣлъ; онъ мрачно смотрѣлъ въ свою записную книжку и карандашъ дрожалъ у него въ рукѣ. Что означала та настойчивость, съ которою преслѣдовалъ его этотъ человѣкъ? Не отдѣлать-ли его хорошенько при всемъ обществѣ? Произойдетъ скандалъ, который можетъ кончиться худыми послѣдствіями для него же.

— Ну-съ, Брандовъ! Миѣ некогда ждать!—послышался чей-то голосъ.

— Вы уже подводите итогъ?—спросилъ второй.

— Миѣ и въ самомъ дѣлѣ слѣдуетъ подвести итогъ,—сказалъ Брандовъ, закрывая записную книжку;—прошу на нѣсколько минутъ терпѣнія, господа! кажется, миѣ хотятъ сообщить кое-что весьма важное. Я сейчасъ же возвращусь!.. Изволь, я къ твоимъ услугамъ.

— Я дѣйствительно имѣю кое-что весьма важное сообщить тебѣ, что желалъ бы передать тебѣ безъ свидѣтелей. Въ твоихъ интересахъ позаботиться о томъ, чтобы никто не помѣшалъ намъ.

— Хорошо-ли ты обдумалъ то обстоятельство, что теперь я вправѣ больше требовать отъ тебя, чѣмъ ты отъ меня?

— Я все хорошо обдумалъ, чего ты не можешь сказать о себѣ.

Они стояли въ нѣкоторомъ отдаленіи отъ остальныхъ, разговаривали между собою шепотомъ, не спуская глазъ другъ съ друга.

— Въ такомъ случаѣ, идемъ!—сказалъ Брандовъ.

— Кто это такой?—спросилъ одинъ изъ гостей, собственно-ручная подпись котораго стояла въ записной книжкѣ Брандова.

— Замѣчательный малый!—закричалъ Густавъ фонъ-Плюгенъ.— Мой старый школьный товарищъ! Знаменитый художникъ; вчера цѣлый вечеръ говорили о немъ у президента! Протѣже принца Проры! Замѣчательный малый! я попрошу его написать мой портретъ. Въ Англіи всѣ положительно люди съ вѣсомъ заставляютъ рисовать себя съ своими любимыми лошадьми и собаками и со всей остальной семьей. Были-ли вы въ Англіи, Куммеровъ? Замѣчательная страна,—женщины, лошади, овцы... все въ ней замѣчательно!

XXXIV.

Молча прошли они черезъ сѣни и затѣмъ вошли въ одну изъ комнатъ, предназначенныхъ для частныхъ цѣлей членовъ клуба, которую открылъ слуга по приказанію Брандова. Комната эта производила весьма пріятное впечатлѣніе,—она освѣщалась большой лампой, висѣвшей надъ круглымъ столомъ, покрытымъ зеленымъ бархатомъ, и вокругъ котораго стояло нѣсколько такихъ же бархатныхъ креселъ.

— Я прошу лишь объ одномъ, чтобы никто не мѣшалъ намъ,—сказалъ Готгольдъ.

— Я же о томъ, чтобы комедія не долго продолжалась; ты видѣлъ, что я оцѣль занятъ.

Брандовъ какъ-то порывисто отодвинулъ стулъ и бросился въ него; нельзя было назвать случайностью, что при этомъ лицо егo осталось въ тѣни, тогда какъ на лицо Готгольда падалъ яркій свѣтъ отъ лампы.

— Я слишкомъ занятъ,—повторилъ Брандовъ, похлопывая пальцами по ручкѣ стула,—такъ занятъ, что даже готовъ отложить на завтра свое намѣреніе потребовать отчета отъ тебя или же скорѣе отъ васъ обоихъ. Если же, предупреждая меня, ты тѣмъ самымъ осмѣливаешься угрожать мнѣ, то вотъ что скажу тебѣ,—берегись! берегись! Вы оба мало знаете меня,—моему терпѣнію будетъ конецъ! И, говоря откровенно, какъ ни желалъ бы я избѣжать скандала, въ особенности теперь, но если вы сами вынудите меня на то, я готовъ, хоть сейчасъ готовъ!

Брандовъ говорилъ громко, угрожающимъ тономъ, однако, не достигъ своей цѣли. Готгольдъ смотрѣлъ на него такъ спокойно и съ такимъ презрѣніемъ, что онъ не въ состояніи былъ вынести этого взгляда и, невольно содрогнувшись, сразу оборвалъ свою

рѣчь. Между тѣмъ Готгольдъ разворачивалъ письмо, которое онъ передъ тѣмъ вынулъ изъ кармана.

— Не желаешь-ли прочесть это письмо, прежде чѣмъ продолжать начатый разговоръ?

Брандовъ не осмѣлился сказать — нѣтъ.

— Отъ честнаго Вольнова ко мнѣ относительно тебя?

— Да, отъ Вольнова, но только ко мнѣ и относительно тебя.

— Относительно меня! какъ смѣшно, и къ тому же порядочно таки длинное.

Онъ перелистывалъ письмо, дѣлая видъ, что зѣваешь; но едва онъ взглянулъ на него и прочелъ первыя строки, какъ вскочилъ съ своего мѣста точно бѣшеный и, бросивъ письмо на столъ, воскликнулъ:

— Это безсовѣстно! это требуетъ мести! я больше не желаю ни видѣть, ни слышать ничего! Я не желаю быть терпѣливой жертвой пошлой интриги! Мы съ вами поговоримъ объ этомъ, милостивый государь! да, поговоримъ!

Онъ съ бѣшенствомъ бѣгалъ по комнатѣ; Готгольдъ продолжалъ сидѣть по прежнему.

— Я даю тебѣ минуту времени, чтобы ты могъ рѣшить, желаешь-ли ты прочесть это письмо, или же я долженъ буду отнести его графу Царрентину, прежде чѣмъ приступить къ дальнѣйшимъ дѣйствіямъ.

Брандовъ остановился.

— Ты хочешь скандала? Такъ я и думалъ! Что же! посмотримъ, какъ вы приметесь за дѣло!

Онъ сѣлъ на свое прежнее мѣсто, схватилъ письмо и сталъ его читать съ видомъ человѣка, который спѣшитъ отдѣлаться отъ докучливаго просителя. Презрительная улыбка играла на его губахъ.

— Я ошибался, — бормоталъ онъ, какъ бы говоря съ самимъ собою, — это просто смѣшно, положительно смѣшно!

Но губы его поблѣднѣли, улыбка превратилась въ ужасную гримасу, а руки дрожали все сильнѣе и сильнѣе. Сначала онъ читалъ быстро, но чѣмъ дальше, тѣмъ больше останавливался онъ на каждомъ отдѣльномъ предложеніи, на каждомъ отдѣльномъ словѣ. Нѣсколько разъ онъ по два и по три раза просматривалъ прочитанное, какъ бы взвѣшивая его, и несмотря на то, что письмо было давнымъ давно прочитано, онъ все еще держалъ его передъ собою. Наконецъ въ глубинѣ его страшно смятенной души возникло слѣдующее рѣшеніе:

— Ты, кажется, хотѣлъ показать нашему предсѣдателю это замѣчательное письмо? — сказалъ онъ, тщательно складывая его; — я ничего не имѣю противъ, вотъ оно! только подъ однимъ условіемъ.

И онъ снова отдернулъ свою руку назадъ, не отдавая письма Готгольду.

— Съ тѣмъ условіемъ, что я сниму копію съ этого драгоценнаго документа, дабы имѣть доказательство при подачѣ жалобы за клевету на благороднаго автора и деликатнаго посредника, передавшаго мнѣ замѣчательное произведеніе. И по дѣломъ будетъ такому непритязательному человѣку, какъ ты, если у тебя хватаетъ настолько безстыдства, чтобы на основаніи такихъ ничтожныхъ указаній, обвинять своего друга въ тяжкомъ преступленіи.

— Совершенно вѣрно,—возразилъ Готгольдъ,—ты можешь оставить у себя оригиналъ. Цѣль этого письма заключалась въ томъ, чтобы познакомить тебя съ нѣкоторыми вещами, передавать о которыхъ было противно моимъ чувствамъ. Письмо достигло своей цѣли.

— Не прекратить-ли намъ сегодня этотъ интересный разговоръ,—сказалъ, вставая, Брандовъ;—мы можемъ продолжать его завтра, съ тою только разницею, что дѣла примутъ совсѣмъ иной оборотъ. Моихъ обвиненій нельзя назвать постыдными выдумками вродѣ знаменитаго разсказа о кредитномъ билетѣ или же глупой небылицы объ умерщвленіи Генриха, о чемъ вы, по всей вѣроятности, поспѣшите и притомъ съ самыми ужасающими подробностями довести до свѣдѣнія публики. У меня факты, самые положительныя факты, чудныя поясненія пѣсни о честномъ человѣкѣ, который пользуется предложеннымъ ему гостепримствомъ для того... ну, ты знаешь для чего. Итакъ, до завтра.

Брандовъ сдѣлалъ презрительное движеніе рукой и направился къ двери, Готгольдъ заступилъ ему дорогу.

— Ты, быть можетъ, согласишься обождать, если я тебѣ скажу, что здѣсь дѣло идетъ о твоей судьбѣ, о твоёмъ будущемъ?

— О моей судьбѣ? Съ ума ты сошелъ?

— Рѣши самъ! Вчера вечеромъ, мы розыскали Генриха Шееля, который все время скрывался въ Виссовѣ; онъ находится въ моей квартирѣ подъ надзоромъ обоихъ братьевъ Пребровыхъ.

Брандовъ отскочилъ назадъ и ухватился за ручку кресла. Онъ стоялъ, уставивъ неподвижный, испуганный взглядъ на Готгольда.

— Генрихъ Шеель!—пролепеталъ онъ.

— Котораго ты желалъ удалить съ мѣста происшествія, причемъ ты былъ настолько легкомысленъ и въ то же время скупъ, что не наградилъ порядкомъ своего сообщника. Теперь я долженъ держать его подъ надзоромъ, но не потому, чтобы помѣшать ему бѣжать, онъ и самъ этого не желаетъ. Онъ готовъ на всякое наказаніе, лишь бы тотъ, для кого онъ все это сдѣлалъ, также точно

не ускользнулъ отъ правосудія; я держу его подъ надзоромъ, опасаясь, чтобы онъ самъ не вздумалъ предупредить правосудіе.

Брандовъ опустился на стулъ; казалось, что онъ лишился и своей дерзкой отважности и своей силы, онъ постарѣлъ на десять лѣтъ. Вдругъ онъ вскочилъ.

— Ба! — воскликнулъ онъ; — вотъ чѣмъ думаете вы меня напугать! Если этотъ мошенникъ Генрихъ далъ себя поймать, тѣмъ лучше для него! Мнѣ-то что съ того? Надѣюсь, что мои слова будутъ имѣть больше значенія, чѣмъ слова какого-нибудь мошенника-кучера, который явно подкупленъ моими врагами! Кто не чувствуетъ за собой никакой вины, тотъ не станетъ прибѣгать къ подкупу; неужели же вы думаете, что вамъ удастся убѣдить кого-нибудь въ томъ, будто бы я самъ способствовалъ побѣгу Генриха? неужели же я не постарался бы такъ или иначе заручиться его молчаніемъ, если бы опасался, что подозрѣніе можетъ пасть на меня? Вѣдь это же глупо! Быть можетъ, вы скажете: — онъ потому ничего не далъ ему или же далъ лишь незначительную часть, дабы, въ случаѣ поимки, никто не могъ бы спросить его, отъ кого и за что получилъ онъ эти деньги? Можете составлять какія угодно предположенія, принимать какія угодно мѣры, но я честный человѣкъ и смѣюсь надъ вашими угрозами.

Онъ направился къ двери, но чѣмъ больше подходилъ къ ней, тѣмъ медленнѣе дѣлались его шаги; не доходя до дверей, онъ быстро обернулся и, улыбаясь, подошелъ къ Готгольду.

— Бросимъ эти трагическіе приемы, Готгольдъ, и будемъ говорить, какъ люди благоразумные. Скажи твои условія.

— Первое условіе заключается въ томъ, чтобы ты вполне сознался въ томъ, въ чемъ тебя обвиняетъ письмо Вольнова. Ты долженъ знать, о чемъ я говорю.

— Не совсѣмъ. Сознаніе имѣетъ значеніе лишь для тебя одного.

— Если ты подчинишься и остальнымъ условіямъ — конечно, да.

— Хорошо; хотя, по моему, я сдѣлалъ то, что долженъ былъ сдѣлать. Дальше!

— Дальнѣйшее ты самъ долженъ понять. Дочь почтенной семьи не можетъ быть женой ни преступника, ни арестанта. То есть, — ты долженъ безповоротно согласиться на все, что мы — именно Божиславъ Венгофъ, Вольновъ и я, предпишемъ тебѣ относительно развода.

— А дочь моя?

— Ты долженъ самъ отвѣтить на этотъ вопросъ.

— Я люблю ее!

— Ты лжешь! Въ томъ случаѣ даже, если бы ты и любилъ ее, чего никакъ нельзя предположить, ты самъ лишилъ себя права не

только удерживать ее при себѣ, но даже имѣть какія-либо отношенія къ ней. Она забудетъ, надѣюсь, что ты ея отецъ.

— Которымъ я навсегда останусь; итакъ, *mon cher*, это-то для тебя необыкновенно отрадное сознаніе должно быть, безъ сомнѣнія, моимъ свадебнымъ подаркомъ. Вѣдь не можетъ быть, чтобы вы не пожелали довести до конца такъ замѣчательно начатое вами дѣло?

— Дѣло идетъ о твоей судьбѣ, а не о моей.

— Несмотря на то, что твоя довольно таки близко связана съ моей. Не думаешь-ли убѣдить меня, что ты лишь во имя Божіе поступаешь такимъ образомъ? Ба! любезнѣйшій! не со вчерашняго дня знаемъ мы другъ друга! Я мѣшалъ тебѣ, а ты — мнѣ еще на школьной скамьѣ, на площадкѣ для игръ, въ танцклассѣ, повсюду; когда я тогда сбиль тебя съ позиціи, то нарочно сдѣлалъ тебѣ замѣтку, которую ты всю жизнь не могъ бы позабыть. Что же! ты вполне честно поступаешь, стараясь отплатить мнѣ тѣмъ же. Одинъ глупый ходъ, и я проигралъ партію! Я слишкомъ опытный игрокъ, чтобы не понимать этого и вынужденъ покориться судьбѣ своей; но игра не кончена, мы еще встрѣтимся съ тобой, а говорятъ, что послѣдній смѣхъ лучше перваго.

Брандовъ быстро ходилъ взадъ и впередъ по комнатѣ, въ глазахъ его горѣла смертельная ненависть, когда онъ проходилъ мимо Готгольда. Острые зубы его такъ и впились въ поблѣднѣвшія губы; онъ то и дѣло подергивалъ длинные, бѣлокурые усы.

— Еще одинъ вопросъ, — сказалъ онъ, внезапно остановившись:—обязанъ-ли я буду позаботиться о приданомъ?

— Не знаю, что ты хочешь сказать этимъ словомъ, знаю только то, что мы имѣемъ намѣреніе предоставить тебя твоей судьбѣ, коль скоро ты, хотя наружно, сознаешься въ винѣ своей и возвратишь похищенное тобой. Завтра ты будешь имѣть возможность возратить все сразу. Хотя это деньги игрока, — намъ до этого нѣтъ никакого дѣла.

— А если я не выиграю?

— Ты долженъ будешь работать. Долланъ пять лѣтъ еще остается у тебя въ арендѣ; ты можешь, если пожелаешь, — ты же обязанъ желать этого, — ты можешь выручить 10.000 тал. менѣе чѣмъ въ половину этого времени; сумма эта составляетъ послѣдній остатокъ моего состоянія, но я дамъ тебѣ ее въ займы. На всякій случай я устрою такъ, что ты найдешь пакетъ въ Долланской степи, я послѣ завтра при посредствѣ Вольнова долженъ доставить его въ монастырскую кассу.

— Какъ вы, однако, заботитесь о себѣ!

— Также и о тебѣ. Если бы мы изгнали тебя изъ отечества,

Онъ подошелъ къ большому трюму, стоявшему въ простѣнкѣ.

— Я былъ не довольно хорошъ для нея,— такъ-съ! Другія на этотъ счетъ иначе думаютъ. Дѣло въ томъ, что я слишкомъ продалъ себя. Я могъ бы предъявить и не такія претензіи, да еще и теперь могу каждую минуту предъявлять ихъ, хотя я и выгляжу, какъ выглядѣлъ вчера вечеромъ Донъ-Жуанъ, когда за нимъ явился чортъ. Но виной-ли тому зеленое стекло и блѣдное освѣщеніе?

Стукъ въ двери прервалъ его мрачныя размышленія. Это былъ слуга, явившійся спросить, скоро-ли пожалуетъ въ столовую господинъ Брацковъ.

— Сейчасъ!—отвѣчалъ послѣдній.

Онъ еще разъ взглянулъ въ зеркало.

— Въ концѣ концовъ я выгляжу очень плачевно. Все равно! или, пожалуй, лучше! Они подумаютъ, что я трушу завтрашняго дня, и тѣмъ легче попадутся на удочку... этикіе олухи! и у меня завтра въ полдень будетъ тридцать или сорокъ тысячъ!.. все остальное вздоръ!

XXXV.

Свѣтлое сентябрьское утро сіяло надъ стариннымъ ганзейскимъ городомъ, на неправильныхъ улицахъ котораго сегодня было необыкновенно тихо, такъ что служанки, праздно стоявшія въ открытыхъ дверяхъ домовъ, могли совершенно покойно жаловаться другъ другу на свою печальную судьбу. Станеть досадно поневолѣ, второй день приходится сидѣть дома, сегодня же самый важный день, даже маленькаго ученика банмачника Банка и того отпустили изъ дома. Экипажъ извозника Кошна въ шестой разъ уже возвращается назадъ, а теперь стоитъ на углу подлѣ аптеки; барышни страхъ какія щеголихи, насилу-то одѣнутся. О, грѣшно и стыдно, когда подумаешь, сколько есть честныхъ дѣвушекъ, которыя никогда не заставили бы такъ долго ждать экипажи, а, между прочимъ, даже и ѣшкомъ и то не могутъ выйти, ну, да пословица говорить. «когда котъ дома нѣтъ, мыши пляшутъ на столѣ».

Такъ, болтая между собой, все ближе и ближе подходили другъ къ другу веселыя дѣвушки, затѣмъ, схватившись за руки, принялись кружиться по неровной мостовой, то освѣщенные солнечнымъ сіяніемъ, то попадая въ тѣнь, падающую отъ домовъ; вдругъ съ страшнымъ визгомъ бросились онѣ по разнымъ сторонамъ и скрылись въ дверяхъ; онѣ увидѣли, что изъ сосѣдняго дома, гдѣ все было тихо и безмолвно, выходилъ незнакомый имъ господинъ.

Готтольдъ вѣстѣ съ Сесиліей и старымъ Бославомъ всю ночь

провелъ у постели Гретхенъ, куда отъ времени до времени навѣдывалась и Стина. Нѣсколько разъ думали всѣ, что наступаетъ послѣдняя минута; но хрипѣніе, слышавшееся въ груди Гретхенъ, которую Сесилія прижимала къ себѣ, понемногу стихало, и она снова выпускала дорогую малютку изъ рукъ на подушку, едва отличавшуюся отъ нѣжнаго блѣднаго личика. Послѣ полуночи лихорадка нѣсколько уменьшилась, и врачъ, посѣтившій больную рано утромъ, сказалъ, что опасность, къ сожалѣнію, не прошла еще. что должно наступить нѣсколько болѣе спокойныхъ часовъ, которыми должны всѣ воспользоваться, дабы подкрѣпить свои силы, необходимыя для дальнѣйшаго ухода.

Говоря это, докторъ взглянулъ на стараго Бослава, на что послѣдній дружески улыбнулся и сказалъ, что доктору незачѣмъ беспокоиться о немъ, что онъ привыкъ къ ночному бдѣнію, что скоро у него будетъ много времени, чтобы вдоволь выспаться. Но Сесилія, такъ нѣжно заботившаяся о старикѣ, котораго называла теперь отцомъ, настояла на томъ, чтобы послѣдній легъ; того же потребовала она и отъ Готгольда, говоря, что она вмѣстѣ съ Оттиліей будетъ дежурить до двѣнадцати часовъ дня и въ случаѣ ухудшенія тотчасъ же дастъ ему объ этомъ знать.

И вотъ Готгольдъ отправился домой по безмолвнымъ улицамъ города. Онъ шелъ и видѣлъ смѣющихся дѣвушекъ, танцующихъ на мостовой, видѣлъ солнечное сіяніе, такъ весело игравшее на верхушкѣ потемнѣвшаго отъ времени фронтона, стаю бѣлыхъ голубей, кружившихся въ прозрачной синевѣ небесъ. Какъ чуденъ былъ ясный міръ! Какъ чистъ теплый благоухающій воздухъ, который онъ всею грудью вдыхалъ въ себя! Онъ шелъ и такъ легко чувствовалъ себя, несмотря на безсонную ночь, жизнь такъ и кишѣла ключемъ въ его жилахъ. О, неужели же тьма и смерть одержатъ побѣду! Вдругъ Готгольдъ остановился, у него мелькнула мысль, что дѣвочка умретъ и ему необыкновенно ясно представилась черная могилка. Но нѣтъ! это была лишь игра его мрачной фантазіи; Гретхенъ еще жива, она выздоровѣетъ, вѣдь перепесла же она эту ужасную ночь, бѣдное нѣжное созданіе! Онъ могъ сказать, что онъ призвалъ ее къ жизни, а потому она должна была жить для него и своими нѣжными, непорочными ручками положить камень основанія для его будущаго счастья. И до сихъ поръ развѣ сверхъ ожиданія не удавалось ему все? Даже случай благопріятствовалъ ему! Смѣлъ-ли онъ падѣяться нѣсколько дней тому назадъ, что противникъ такъ быстро очутится въ его власти, и онъ будетъ имѣть право сказать ему: это должно быть такъ, и при этомъ безъ всякаго шума и безъ вмѣшательства кого-либо изъ постороннихъ! Сегодня вечеромъ долженъ былъ этотъ не-

счастнѣйшій человѣкъ возвратиться въ Долланъ, чтобы взять тамъ похищенные имъ деньги и завтра же черезъ посредство Вольцова внести ихъ въ монастырскую кассу. Сегодня же вечеромъ отправлялся въ Англію корабль, на которомъ долженъ былъ отплыть сообщникъ того несчастнаго человѣка, добровольно объявившій, что онъ не можетъ здѣсь оставаться, что какъ можно скорѣе хочетъ уѣхать въ Америку, тѣмъ болѣе если господа также богато награждать его, какъ обѣщали сдерживать свое обѣщаніе. И такъ, не позже какъ черезъ двадцать четыре часа все должно было быть приведено въ порядокъ и положено прочное основаніе, на которомъ спокойно можно было строить дальнѣйшіе планы.

Готгольдъ поднялъ голову, ему послышались тяжелые, поспѣшные шаги со стороны дома, гдѣ онъ жилъ, какъ будто бы кто-то шелъ ему навстрѣчу по безлюднымъ улицамъ.

— Что случилось, Іоахимъ?

— Онъ убѣжалъ, — сказалъ, задыхался, Іоахимъ, — я спѣшилъ къ вамъ.

— Когда онъ убѣжалъ?

— Часъ тому назадъ или около того; онъ сказалъ, что очень усталъ и хочетъ немного отдохнуть, пока мы съ Класомъ будемъ у госпожи Мюллеръ, которая приглашала насъ на завтракъ. Вотъ мы сидимъ себѣ такъ спокойно, ѣдимъ свѣжую итальянскую колбасу, ни о чемъ худомъ не думаемъ, а онъ, мошенникъ, и воспользовался тѣмъ временемъ, чтобы со второго этажа спуститься внизъ туда въ садъ, что примыкаетъ къ городской стѣнѣ, а въ саду томъ никогда ворота не закрываются. Мы, право, тутъ не виноваты. Когда человѣкъ не можетъ смотрѣть прямо въ глаза, то нечего и удивляться, если онъ только и думаетъ о томъ, чтобы надуть.

— Ты, кажется, сказалъ, часъ тому назадъ?

Іоахимъ кивнулъ головой.

— Гдѣ Класъ?

— Онъ пошелъ къ пристани, — думаетъ, что, можетъ быть, найдеть его на кораблѣ, — не пошелъ-ли туда, чтобы поискать себѣ мѣста.

— Невозможно! Онъ хорошо знаетъ, что мы условились обо всемъ.

— Что намъ теперь дѣлать, господинъ Готгольдъ?

— Бѣги къ Вольнову и скажи ему, что случилось, и что я пошелъ на скачки; приходи, какъ можно скорѣе назадъ.

Іоахимъ съ удивленіемъ взглянулъ на Готгольда.

— А, что же, господинъ Готгольдъ! это весьма возможно, — онъ вчера цѣлый вечеръ говорилъ о скачкахъ.

Не успѣлъ Готгольдъ сдѣлать нѣсколько шаговъ, какъ Іоachimъ догналъ его.

— Вѣдь вы не сердитесь на меня, господинъ Готгольдъ? И на Класа не сердитесь?

— Ахъ, вы глупые малые!

Іоachimъ былъ видимо взволнованъ и хотѣлъ еще что-то сказать, но Готгольдъ, крѣпко пожавъ его честную, грубую руку, спѣшно направился къ городскимъ воротамъ, отъ которыхъ на весьма недалекомъ разстояніи находилось ристалище.

Онъ зналъ дорогу туда только по описанію, но сегодня нечего было опасаться возможности сбиться съ нея. Чѣмъ ближе подходилъ онъ къ воротамъ, тѣмъ многочисленнѣе становилась толпа, спѣшившая по тому же направленію; жители предмѣстья, лежащаго по дорогѣ къ ристалищу, всѣ были одѣты по праздничному. Скромные обыкновенно домики, скрытые въ зелени садовъ, были сегодня украшены вѣнками и коврами; тамъ и сямъ изъ-за тѣнистыхъ деревьевъ, черезъ покрытыя пылью изгороди выглядывали то какой-нибудь старый господинъ или праздный садовникъ, то нянька съ ребенкомъ на рукахъ, съ сожалѣніемъ или злорадствомъ поглядывающая на спѣшавшихъ мимо людей подъ жгучими лучами солнца. Изрѣдка съ шумомъ проѣзжалъ длинный четырехъ или шестимѣстный голштейнскій экипажъ, то совершенно пустой, то наполненный пассажирами, смотря по тому, въ какую сторону онъ направлялся; не было недостатка въ мѣстныхъ островахъ, которыми обмѣнивались между собою ѣхавшіе счастливицы и измученные пѣшеходы.

Готгольдъ перегналъ уже многихъ пѣшеходовъ и все же неутомимо спѣшилъ впередъ. Трудно было надѣяться, чтобы онъ или Іоachimъ могли найти Генриха среди такой многочисленной толпы народа, къ тому же было весьма вѣроятно, что послѣдній самъ не пожелаетъ быть снова пойманнымъ. Готгольдъ ни минуты не сомнѣвался въ томъ, что его надо искать на ристалищѣ, и теперь, когда онъ спѣшилъ по слѣдамъ бѣглеца, то чѣмъ яснѣе представлялъ онъ себѣ угрожающія послѣдствія этого бѣгства, тѣмъ болѣе и болѣе овладѣвалъ имъ какой-то страхъ. Если Генрихъ убѣждалъ съ тѣмъ, чтобы не возвращаться назадъ, но стать снова самостоятельнымъ человѣкомъ, и если Брандовъ во время узнаеть объ этомъ, то откажется отъ всего, на что согласился раньше; придется снова начинать борьбу и съ такимъ противникомъ, котораго трудно будетъ вторично поймать врасплохъ. Если же Генрихъ искалъ только случая отомстить, то при жестокости и энергіи этого человѣка Брандовъ ни минуты не могъ оставаться покойнымъ за свою жизнь и если при этомъ допустить, что Брандовъ не такой

— Я только что уплатилъ неустойку, ваше высочество, только что уплатилъ! Вполнѣ убѣжденъ, что сегодня случится тоже самое, какъ и четыре года тому назадъ въ Дерби. Какъ-то разъ... а, Готгольдъ! bonjour, bonjour! Твой другъ Брандовъ обдѣластъ сегодня блестящее дѣльце, да! чертовски блестящее.

— Какъ давно начались скачки? Не опоздалъ-ли я?

— Боже сохрани, ваше высочество, т. е. они черезъ десять минутъ будутъ здѣсь. Они были у предпоследняго препятствія; тамъ собрались все... все страшно возбуждены. Точь въ точь какъ въ Дерби четыре года тому назадъ, когда Гюри Гарри Робина Гуда изъ Дрюри-Лэнь...

— Не мѣшкайте тогда, Плюггенъ! au revoir, сегодня вечеромъ; впередъ!

Лицо Густава фонъ-Плюггена вытянулось; онъ снялъ шляпу, повернулъ свою лошадь и отправился догонять спутниковъ.

— Такъ и вы знакомы съ этимъ Брандовымъ? — спросилъ принцъ. — Жаль его; онъ имѣетъ все данныя, чтобы сдѣлаться полководцемъ, — ясную голову, острое зрѣнiе, не задумывается надъ средствами и при томъ отваженъ до безумiя; а такъ какъ онъ остался простымъ гражданиномъ, то изъ него и вышелъ mauvais sujet. Тѣмъ не менѣе, я считаю постыднымъ, что изъ желанiя панести ему вредъ, они отвели кусокъ болотистаго пространства. Я слышалъ, это сдѣлали для того, чтобы дать возможность выиграть другимъ лошадямъ, ибо все того мнѣнiя, что Броуцлокъ слишкомъ тяжелъ, чтобы переѣхать болото!

— Онъ переѣдетъ, ваше высочество, вы можете смѣло держать пари даже на миллионъ.

— Какимъ образомъ Саулъ сталъ пророкомъ? — смѣясь воскликнулъ принцъ. — Съ какихъ поръ попали вы въ знатоки hogselflesh? Оставайтесь подлѣ меня, прошу васъ, и такъ какъ я ко всемъ этимъ благороднымъ искусствамъ отношусь лишь какъ дилетантъ, то будьте моимъ совѣтникомъ въ томъ случаѣ, если я буду подвергаться опасности показать самымъ блистательнымъ образомъ полное отсутствiе познанiй на этотъ счетъ.

— Я увѣренъ, что ваше высочество...

— Вы хотите отдѣлаться отъ меня, понимаю. Я доволенъ тѣмъ, по крайней мѣрѣ, что видѣлъ васъ и говорилъ съ вами. Я еще дня три пробуду въ Зюндинѣ, затѣмъ недѣлю въ Прорѣ, гдѣ вы непременно должны быть моимъ гостемъ, даже въ томъ случаѣ, если не пожелаете сдѣлать ни малѣйшаго штриха для моего «Лѣснаго Замка». Впрочемъ, не будемъ говорить сегодня объ этомъ, я не хочу портить себѣ настроенiя духа. Здѣсь, кажется? Вы, конечно, пройдете со мною наверхъ? Оттуда лучше всего можно ви-

дѣтъ; надѣюсь, что вы позволите мнѣ достать для васъ хорошее мѣсто.

Экипажъ остановился. Принцъ выскочилъ изъ него и, не дожидаясь отвѣта Готгольда, сталъ быстро подыматься по лѣстницѣ на трибуну. Не желая обмануть ожиданій своего друга, Готгольдъ послѣдовалъ за нимъ, надѣясь, что наверху онъ найдетъ возможность отлучиться, не нарушая правилъ вѣжливости.

И лѣстница, и трибуна были переполнены зрителями; всѣ поспѣшили дать мѣсто принцу, пользовавшемуся всеобщей любовью, чтобы онъ могъ свободно пройти къ переднимъ скамейкамъ, предназначеннымъ исключительно для него и его свиты.

— Мнѣ кажется, лучше всего будетъ, если вы послѣдуете за мной, — воскликнулъ принцъ, смѣясь, и посматривая черезъ плечо на Готгольда. — Вы видите, что здѣсь также, какъ когда-то и во времена Зевса: все отдано!

Готгольду ничего больше не оставалось, какъ покориться приглашенію принца; узенькій проходъ, оставленный между скамейками для принца, снова сомкнулся; всѣ тѣснились впередъ, дабы по возможности быть ближе къ послѣднему. Готгольдъ увидѣлъ себя окруженнымъ блестящимъ обществомъ одѣтыхъ по послѣдней модѣ пожилыхъ и молодыхъ дамъ мѣстной аристократіи, съдовласыми представителями дворянства, украшенными звѣздами сановниками гражданскаго вѣдомства, заслуженными военными. Всѣ съ улыбкой и низкимъ поклономъ привѣтствовали молодого принца, который, низко раскланиваясь на всѣ стороны, милостиво принималъ эти знаки почтенія.

— Ваше высочество, явились какъ разъ во время: сейчасъ изъ-за цѣпи холмовъ должны показаться наѣзтники. Смѣю-ли предложить подозрную трубу вашему высочеству? — закричалъ графъ Грибенъ своимъ хриплымъ голосомъ.

— Благодарю васъ, благодарю! Я не желалъ бы лишать васъ подозрной трубы, — дѣло касается васъ ближе, чѣмъ меня. Цѣль, какъ и всегда, здѣсь, подлѣ трибуны?

— Конечно, ваше высочество! А, вотъ они!

Принцъ лишь на минуту взялъ подозрную трубу отъ стараго графа; на трибунѣ послышались громкіе возгласы со всѣхъ сторонъ: — вотъ они! — пожалуйста, не вставайте съ мѣстъ! — И вотъ вооруженные и невооруженные глаза съ напряженнымъ вниманіемъ обратились на тотъ рядъ холмовъ, на который графъ Грибенъ указалъ принцу. Въ самомъ дѣлѣ, тамъ почти одновременно показались три подвижныя точки и, несмотря на довольно значительное разстояніе, ясно было видно, какъ онѣ быстро спустились съ холма и вдругъ скрылись изъ виду; вслѣдъ затѣмъ пока-

залось еще четыре или пять подвижныхъ точекъ, которыя также точно спустились съ холма и также точно скрылись изъ виду. Но всѣ интересы публики сосредоточены были на первыхъ трехъ точкахъ. На основаніи промежутка времени, прошедшаго между появленіемъ первыхъ трехъ и послѣдующихъ четырехъ, не говоря ужъ объ остальныхъ, можно было съ достовѣрностью заключить, что только среди первыхъ и могъ явиться побѣдитель. Несмотря, однако, на то, что черезъ самое сильное увеличительное стекло съ трудомъ можно было разглядѣть, что три движущіяся точки были мчавшіеся во весь карьеръ всадники, все же въ публикѣ съ полной увѣренностью повторялись два имени. Всѣ сомнѣвались относительно третьяго всадника, — одни говорили, что это баронъ Куммеровъ на «Геншетъ», другіе спорили, что это «Ребекка» графа Царрентина, на которой сидитъ баронъ Брезенъ.

— Но оба другіе, ваше высочество! — вѣдь это мой Куртъ и Карлъ Брандовъ! — кричалъ старый графъ Грибенъ, весь багровый отъ волненія, страшно при этомъ жестикулируя руками и такъ громко, что слова его раздавались по всей трибунѣ.

«Графъ Грибенъ! Карлъ Брандовъ!» Проносилось изъ устъ въ уста съ быстротою молніи, подобно перекрестному огню, вверху на трибунѣ, съ трибуны внизъ по лѣстницѣ и среди многочисленной толпы, подымавшейся на ципочки, чтобы видѣть яснѣе происходившее впереди: «Графъ Грибенъ! Карлъ Брандовъ!»

Карлъ Брандовъ! Станный, непонятный ужасъ овладѣлъ Готгольдомъ. Это было имя, которое, подобно магическому слову злого волшебника, омрачило всю его жизнь, имя, съ которымъ связывались самыя худшія воспоминанія его юности, а позже и въ особенности въ послѣдніе дни совмѣщало въ себѣ понятіе о всемъ, противъ чего возмущается и на что негодуетъ душа всякаго человѣка, стремящагося къ познанію свѣта и истины. И это-то имя звучало у всѣхъ на устахъ: Карлъ Брандовъ! Карлъ Брандовъ! какъ бы имя человѣка, при одномъ приближеніи къ которому получаешь спасеніе и благословеніе. Прекрасные глаза сверкали, аристократическія ручки порывисто и нетерпѣливо размахивали кружевными платочками, посылая привѣтствіе побѣдителю. И не имѣлъ-ли этотъ человѣкъ, на котораго, затаивъ дыханіе, съ напряженнымъ вниманіемъ взирала многочисленная толпа, не имѣлъ-ли онъ въ сравненіи съ одинокимъ мечтателемъ больше правъ къ достиженію всевозможными средствами своей блестящей цѣли, — денегъ, почестей, женской любви? И можно-ли было требовать отъ того, кто такъ отважно преодолевалъ всѣ препятствія, чтобы онъ, побуждаемый нравственнымъ чувствомъ, свернулъ съ разъ намѣченнаго имъ пути? И можно-ли было осуждать его за то, что онъ, рис-

кую навѣрняка своею жизнью въ случаѣ малѣйшей неудачи, такъ безразлично относился къ благосостоянію, страданіямъ и даже жизни своихъ ближнихъ, чего мы требуемъ и можемъ требовать отъ обыкновенныхъ гражданъ.

Такія-то странныя мысли проходили въ головѣ Готгольда, когда взоры его, какъ и взоры многочисленной толпы, устремлены были на то мѣсто, куда, по словамъ вблизи стоявшихъ его свѣдущихъ людей, должны были снова выѣхать наѣзники. «Вотъ они! ихъ можно видѣть невооруженнымъ глазомъ! Графъ Грибенъ! Карлъ Брандсвъ!» раздалось среди толпы. Оба всадника появились одновременно, тогда какъ третій, отставшій отъ нихъ, показался лишь тридцать секундъ спустя. На него нельзя было больше рассчитывать; при томъ бѣшеномъ галопѣ, которымъ мчались лошади, тридцать секундъ, да что говорить, — одна секунда считалась невозвратно погибшей. Дѣло шло теперь о двухъ только лошадяхъ, — о Броунлокѣ и Бесси, на которыхъ съ первой же минуты обращены были всѣ взоры, за которыхъ и противъ которыхъ держались пари на громадныя суммы. Кто одержитъ верхъ — Броунлокъ или Бесси? Никто не осмѣливался рѣшить этого, никто не осмѣливался назначать или принимать на себя пари. Боялись говорить, двигаться, до того было ужасно всеобщее возбужденіе. Да и могли-ли лишніе разговоры хоть на одну линію поколебать равновѣсіе! Если Бесси, по общему мнѣнію, и превосходила своей быстротою Броунлока, за то Брандовъ, какъ прославленный ѣздокъ, долженъ былъ своимъ искусствомъ сгладить это различіе. Съ трибуны ясно можно было видѣть точно линію, проведенную на ландкартѣ, извивающуюся дорогу вдоль ристалища, по которой мчались всадники, не отставая ни на одну линію другъ отъ друга, перескакивая черезъ одну изгородь за другою, преодолевая препятствія — ограды въ пять футовъ высоты и вызывая крики удивленія и восторга тысячной толпы. Вдругъ наступила безмолвная тишина, въ слѣдующую затѣмъ минуту все должно было рѣшиться. За послѣдней изгородью находилось совершенно ровное, гладкое пространство въ пятьсотъ шаговъ, затѣмъ нѣсколько десятинъ болота, обозначеннаго кругомъ острыми колыями. Если Броунлокъ не обгонитъ Бесси на ровномъ пространствѣ, неминуемо онъ долженъ былъ проиграть; всѣмъ было извѣстно, что Бесси съ легкостью серны перебѣгаетъ черезъ болото и тогда Броунлокъ или увязнетъ въ болотѣ, или же вынужденъ будетъ сдѣлать объѣздъ, для чего потребуетея необыкновенная быстрота.

Броунлокъ не обгонялъ Бесси, ни на одинъ футъ, ни на одинъ дюймъ; ровно, не отставая другъ отъ друга, промчались обѣ лошади до половины ровнаго участка, и вотъ Бесси выдвинулась

впередъ, сначала на половину занимаемаго лошадыю въ длину пространства, затѣмъ на цѣлое, на два, на три, на полдюжины. Державшіе пари за Броунлока измѣнились въ лицѣ, сумма пари за Бесси увеличилась въ сто разъ; сторонники послѣдней съ торжествомъ переглядывались другъ съ другомъ,—говорить никому не хватало времени. Вотъ Бесси стала приближаться къ окраинѣ болота, всѣ видѣли, что сидѣвшій на ней обернулся, дабы размѣрить разстояніе между собой и своимъ соперникомъ и вдругъ сразу повернулъ налѣво вдоль болота.

— Замѣчательный юноша!—кричалъ графъ Грибенъ,—здѣсь мѣсто лучше, ваше высочество, шире и почва крѣпче, а передъ нимъ еще достаточно времени! Броунлоку не догнать, ура!—воскликнулъ снова восторженный старикъ, потрясая въ воздухѣ шляпой.

— Ура, ура!—подхватила такъ легко мѣняющая свои увлеченія толпа, которая еще недавно восторгалась Броунлокомъ.—Бесси выиграетъ, Броунлокъ проиграетъ, ура!

И вдругъ наступила глубокая тишина, точно на глазахъ у всѣхъ разразился страшный ударъ грома. Брандовъ достигъ того мѣста, съ котораго нѣсколько минутъ тому назадъ свернулъ графъ Грибенъ, вполне успокоенный тѣмъ, что соперникъ его отсталъ. Сдѣлавъ быстрый, могучій скачекъ, понесся Броунлокъ по самому глубокому и въ тоже время самому узкому мѣсту болота, ни на волосъ не сворачивая съ прямого пути, по которому мчался съ ежеминутно увеличивающейся быстротой, причемъ всадникъ не употреблялъ ни кнута, ни шпоръ. Онъ пелся, какъ бы по ровному луговому пространству, изъ подъ копытъ такъ и разлетались водяныя брызги, когда Брандовъ, проѣзжая мимо своего соперника, сдѣлалъ послѣднему знакъ рукой.

И вотъ, достигнувъ противоположной окраины болота, онъ направился по широкой, прямой дорогѣ, ведущей къ цѣли, находящейся у самой трибуны. Онъ ѣхалъ не прежнимъ бѣшенымъ каррьеромъ, а медленнымъ галопомъ, какъ бы смѣясь надъ своимъ противникомъ, который, достигнувъ твердой почвы и желая замаскировать свое пораженіе, удалился съ ристалища, какъ бы желая дать толпѣ возможность выказать ему свое снисхожденіе.

— Ура, Броунлокъ! ура, Брандовъ!—кричала толпа, потрясая въ воздухѣ шляпами и шапками и неумолкаемый крикъ восторга все увеличивался, все дѣлался громче и проносился среди толпы подобно громовымъ раскатамъ, когда побѣдитель медленнымъ галопомъ ѣхалъ мимо трибуны. Всѣ стояли на цыпочкахъ, мужчины кричали ура, дамы размахивали платками и, напирая другъ на друга, спускалась публика съ лѣстницы, желая ближе взглянуть на

побѣдителя и его чудную лошадь, когда онъ по принятому обычаю, возвращаясь къ пункту отправленія, еще разъ проѣдетъ шагомъ мимо трибуны.

— Гдѣ царствуетъ борьба, тамъ побѣждаетъ сила,—сказалъ принцъ, который вмѣстѣ съ Готгольдомъ спускался съ лѣстницы, увлекаемый впередъ напиравшей на нихъ толпой;—сила энтузіазма даетъ и слабому побѣду. Посмотрите, какъ храбро пробивается сквозь толпу эта молодая дама. Не госпожа-ли Брандова это? тогда я пойду и предложу ей свою руку.

Голубой вуаль дамы, развѣваемый вѣтромъ, задѣлъ Готгольда по лицу и онъ узналъ въ ней Альму Селльенъ, которая не видѣла его, несмотря на то, что стояла рядомъ съ нимъ. Тонкое, обыкновенно равнодушное личико ея, сіяло гордой улыбкой, еще болѣе возвышавшей ея красоту, томные, всегда усталые голубые глаза ея, такъ и сверкали отъ радости; не обращая ни на кого вниманія, смотрѣла она на своего возлюбленнаго, непокрытая голова котораго показалась надъ колыхавшейся толпой. Вотъ вынырнули плечи, исчезли, снова показались, появилась чудная, кивающая голова лошади и, наконецъ, весь всадникъ, одѣтый въ красное. Стоявшіе въ первомъ ряду, узнавъ принца, посторонились и дали ему дорогу; вмѣстѣ съ нимъ протѣснились впередъ еще нѣсколько мужчинъ и дамъ, въ томъ числѣ и Альма Селльенъ. Ряды снова сомкнулись къ большому удовольствію Готгольда, который остался позади и видѣлъ, что Брандовъ держалъ шляпу въ рукѣ и раскланивался направо и нѣлѣво, и болтая съ нѣкоторыми изъ своихъ друзей, приблизился въ ихъ сторону и увидѣлъ принца и опирающуюся на его руку Альму Селльенъ. Лицо его выразило удивленіе, на немъ показалась улыбка; отдавъ честь принцу, онъ быстро повернулъ лошадь и низко склонился надъ гибкой шеей рысака. Благородное животное стояло фыркая, скрежетало зубами, било нетерпѣливо копытами и огненными глазами смотрѣло на толпу, стоявшую передъ нимъ. Вдругъ оно съ страшнымъ испугомъ отскочило въ сторону и когда всадникъ хотѣлъ принудить его стоять спокойно на мѣстѣ, сразу поднялось на дыбы. «Назадъ!»—закричалъ принцъ, обращаясь къ толпѣ, напиравшей со всѣхъ сторонъ и столпившейся въ одномъ мѣстѣ. Но стоявшіе позади, не видя опасности, не двигались съ мѣста. «Назадъ! назадъ!»—снова кричалъ принцъ. Послышались взвизгиванія дамъ. «Сойдите внизъ!»—кричали мужчины. Но Брандовъ, казалось, забылъ свое прославленное искусство верховой ѣзды. Нѣкоторые говорили позже, что онъ съ первой же минуты былъ оглушенъ сильнымъ ударомъ въ лобъ, полученнымъ имъ вслѣдствіе движенія лошади, быстро откинувшей назадъ голову. Продолжая безуспѣшно и съ непостижи-

мымъ для него неумѣнѣемъ бороться съ лошадыю, онъ не спускалъ глазъ съ человѣка, появившагося среди публики и неизвѣстно какимъ образомъ успѣвшаго протискаться въ первые ряды напиравшей толпы; вдругъ послѣдній подскочилъ къ бѣсившейся лошади и сразу поднялъ руки кверху, всѣ думали, что онъ хочетъ схватить ее подъ уздцы.

— Бога ради, пропустите меня! — вскричалъ Готгольдъ.

Онъ догадался, что человѣкъ этотъ былъ Генрихъ Шеель, не смотря на то, что видѣлъ только его четырехугольный черепъ, покрытый черными, курчавыми волосами; на немъ не было шапки. Готгольдъ не видѣлъ его наглого лица съ зеленоватыми, косыми глазами, подъ демоническимъ взглядомъ которыхъ испуганная лошадь все выше и выше вздымалась на дыбы и въ бѣшенствѣ била копытами по воздуху, какъ бы желая уничтожить своего мучителя. И вдругъ одна изъ переднихъ ногъ лошади, съ блестящей стальной подковой, опустилась на голову ужаснаго человѣка, который, какъ бы прострѣленный пулею, сразу упалъ на землю. Въ слѣдующую затѣмъ минуту Броунлокъ снова взвился на дыбы, перекувырнулся въ воздухъ и всею своею тяжестью обрушился на упавшаго Брандова. Съ крикомъ ужаса разступилась толпа.

— Доктора! Доктора! неужели же здѣсь нѣтъ доктора?

Доктора не оказалось, да и какой докторъ могъ здѣсь помочь. Человѣкъ, хотѣвшій схватить лошадь подъ уздцы, лежалъ на спинѣ мертвый, съ раздробленнымъ черепомъ, ужасно искаженнымъ лицомъ и неподвижными, помутившимися глазами. Брандовъ былъ еще живъ, но Готгольдъ, поддерживавшій его, видѣлъ, что дѣло быстро идетъ къ концу. Смертельная блѣдность разлилась по тонкимъ, острымъ чертамъ лица его, страшно блестя бѣлые зубы изъ-за посинѣвшихъ губъ. Вотъ судорожная дрожь пробѣжала по всему его тѣлу и вслѣдъ затѣмъ голова его склонилась на грудь Готгольда.

— Докторъ идетъ! — слышалось среди толпы.

— Здѣсь доктору нечего дѣлать! — прошепталъ Готгольдъ. — Помогите мнѣ снести его.

Когда подымали Брандова, то какая-то дама въ голубомъ вуалѣ, стоявшая рядомъ съ судорожно-сжатыми руками, громко вскрикнула и упала въ обморокъ. Никто не обратилъ на нее никакого вниманія, она не первая падала въ обморокъ.

XXXVI.

Наступила чудная осень съ солнечными, теплыми днями и свѣтлыми, звѣздными ночами. Вездѣ въ садахъ рядомъ съ астрами,

цвѣти и лѣтнія розы, а въ лѣсахъ медленно, исподволь желтѣли листья. Въ воздухѣ было такъ тихо, что паутинки, висѣвшія въ немъ, оставались неподвижными и листъ, падавшій съ дерева, не трогался съ того мѣста, куда упалъ. Перелетныя птички на время прекратили свое путешествіе въ дальнія страны; въ кустахъ и на поляхъ повсюду раздавалось веселое щебетанье ликующихъ птичекъ; съ морского берега доносился по вечерамъ крикъ дикихъ лебедей, въ это время улетающихъ обыкновенно на югъ, уносясь туда на своихъ могучихъ, бѣлыхъ крыльяхъ. Да, осень была дѣйствительно чудная, поразительно напоминавшая собою лѣто.

— Это лишь обманъ,—говорила себѣ Сесилія,—лѣто теперь кончилось и зима скоро постучится въ окно, пора мнѣ готовиться къ ней.

Прошло шесть недѣль съ тѣхъ поръ, какъ она снова поселилась въ Доллантъ, куда никогда не думала возвратиться. Доктора настоятельно требовали, чтобы Гретхенъ для возстановленія силъ послѣ тяжкой болѣзни, въ случаѣ, если не можетъ ѣхать на югъ, провела бы эти чудные, осенніе дни на берегу моря, въ мѣстѣ, защищенномъ отъ суровыхъ вѣтровъ. И гдѣ можно было найти мѣсто, отвѣчающее всѣмъ этимъ требованіямъ, какъ не въ тихомъ, солнечномъ Доллантѣ! Это было большой жертвой для нея, которую она безъ малѣйшаго колебанія приносила свосму ребенку и своему старику-отцу.

Послѣдній такъ настоятельно требовалъ свезти себя въ Доллантъ послѣ того, какъ съ нимъ случился глубокой обморокъ, отъ котораго противъ ожиданія врачей онъ снова очулся къ жизни; это произошло нѣсколько дней спустя послѣ катастрофы на скалахъ, когда онъ находился среди своихъ друзей.

— Исполните желаніе старика,—говорилъ докторъ,—и какъ можно скорѣе, немного желаній выскажетъ онъ еще! Дни его сочтены и нашъ долгъ доставить ему какъ можно больше солнечнаго свѣта и сіянія, которыхъ онъ лишецъ здѣсь на этихъ уличахъ, среди этой давящей другъ друга толпы.

Съ глубокой благодарностью привѣтствовалъ старикъ солнечный свѣтъ своей родины! Не словами выражалъ онъ свою благодарность,—онъ говорилъ мало, но на его блѣдномъ, кроткомъ лицѣ лежало выраженіе такого глубокаго спокойствія, въ добрыхъ глазахъ свѣтилась такая радость, на губахъ играла такая счастливая улыбка, когда онъ шелъ по полямъ, освѣщеннымъ солнцемъ, опираясь на руку Сесилии. По утрамъ рано онъ часто выходилъ одинъ, что очень беспокоило послѣднюю, и она, наконецъ, рѣшилась просить его брать ее съ собой, говоря, что для нея никогда не можетъ быть слишкомъ рано. Старикъ потрепалъ ее по щекѣ и сказалъ:

«оставь меня, вѣдь ты ее не знаешь». Долго думала Сесилія объ этихъ странныхъ словахъ и только тогда поняла ихъ, когда однажды рано утромъ на зарѣ она увидѣла изъ своего окна, какъ старикъ стоялъ у одного изъ самыхъ старыхъ деревьевъ,—это была старая липа, о которой существовало преданіе, будто бы Карлъ XII, король шведскій, отдыхалъ подъ ея тѣнью. Она видѣла, что онъ стоитъ, киваетъ головой, дѣлая при этомъ знаки рукой, какъ человѣкъ, который прощается съ кѣмъ-нибудь. Да, старикъ прощался съ друзьями и знакомыми своей юности, совершая одинокія прогулки по полямъ, лѣсамъ и лугамъ; здѣсь онъ прощался съ деревомъ, подъ тѣнью котораго мечталъ о своей возлюбленной: тамъ—съ скалою, къ которой прижимался своимъ измученнымъ, пылкимъ, какъ у юноши, сердцемъ; прощался съ лугомъ, по которому гонялъ когда-то коня, желая завоевать себѣ прекрасную Ульрику фонъ-Далицъ, и съ лѣсомъ, эхо котораго такъ часто будилъ своимъ ружьемъ. Теперь онъ не носилъ его больше съ собой повсюду, какъ въ бывшее старое время, оно спокойно стояло въ углу,—старикъ навсегда простился съ своимъ вѣрнымъ спутникомъ.

Никогда больше не ходилъ онъ къ приморскому домику и когда однажды, прогуливаясь съ Сесиліей по лѣсу, они совершенно неожиданно вышли изъ него и очутились на береговой возвышенности, то старикъ страшно испугался и, покачивая почтенной головой своей, пробормоталъ: «Это стоило мнѣ многихъ лѣтъ, многихъ, многихъ лѣтъ!» При этомъ онъ сдѣлалъ движеніе рукой, какъ бы желая сказать, что эти годы должны быть изглажены изъ страницъ его жизни.

Быть можетъ, и были они изглажены,—ни однимъ словомъ не вспоминалъ онъ о томъ безконечномъ времени, которое прожилъ въ приморскомъ домикѣ; иногда же начиналъ рассказывать о своихъ юношескихъ годахъ, вспоминать старинныя исторіи, кромѣ него, никому изъ живущихъ неизвѣстныя, причемъ то слышался его простодушный смѣхъ, то по блѣднымъ щекамъ текли неудержимыя слезы.

И какъ хорошо зналъ онъ всѣ эти старинныя исторіи; онъ помнилъ каждое имя, каждый день и часть, помнилъ, когда сіяло солнце, когда шелъ дождь, изъ того же, что случилось позже, онъ ничего не зналъ, или же перемѣшивалъ все и самымъ необыкновеннымъ образомъ. Такъ, напримѣръ, онъ часто называлъ Сесилію Ульрикой, именемъ возлюбленной своей юности; Сесиліи тяжело было слышать, когда онъ по временамъ начиналъ вспоминать объ ея мужѣ, отцѣ Гретхенъ, какъ о любимомъ человѣкѣ, о которомъ онъ страшно тоскуетъ, несмотря на то, что такъ недавно видѣлъ его. Наконецъ, она поняла, что дѣло идетъ о Готгольдѣ.

Въ первую минуту ея овладѣло непонятное волненіе; когда же старикъ снова заговорилъ объ этомъ и такъ спокойно, какъ бы дѣло шло о чемъ-то такомъ, что всегда было и не могло быть иначе, соединяя ея имя съ именемъ ея возлюбленнаго, она слухнула его и ей казалось, что она дремлетъ и въ какомъ-то полузабытѣи, съ полукрытыми глазами видитъ чудный сонъ. И вдругъ ея овладѣвалъ ужасъ, когда она увидѣла опасность, заключающуюся въ этомъ снѣ. Это не могло, не должно было быть! Зачѣмъ обманывать себя относительно того, что было невозможно въ будущемъ.

Все это она говорила съ страстнымъ порывомъ и цѣлымъ потокомъ слезъ, больше обращаясь къ самой себѣ, чѣмъ къ старику, когда тотъ снова упомянулъ о Готгольдѣ, удивляясь тому, что онъ такъ долго не возвращается, несмотря на то, что она такъ сильно тоскуетъ о немъ, а также и на то, что Гретхенъ ждетъ его и такъ охотно поиграла бы съ нимъ. Она отвѣчала ему на это, что не смѣетъ думать объ этомъ, что многое, случившееся за это время, навсегда разлучаетъ ихъ, что, если бы не ребенокъ и старикъ, она бы пролила за него кровь свою каплю по каплѣ, но никогда не будетъ она его женой.

Разговоръ этотъ происходилъ въ саду; былъ прекрасный лѣтній вечеръ, несмотря на октябрь мѣсяцъ. Старикъ слушалъ Сесилию и въ тоже время задумчиво смотрѣлъ на желтоватый востокъ, виднѣвшійся сквозь пеструю листву деревьевъ. Въ воздухѣ было такъ тихо, что ни одинъ листъ не шелохнулся.

— Да, да!—говорилъ онъ,—ты много настрадалась, но,—прибавилъ онъ послѣ небольшой паузы,—все это было такъ давно. Время многое сглаживаетъ!

Онъ снова погрузился въ свои думы о тѣхъ дняхъ, воспоминаніе о которыхъ было такъ дорого для него и которые лишь для него всплывали на поверхность Леты; но когда онъ взглянулъ на плачущую Сесилию, то, проведя рукой по своему лицу, торжественно проговорилъ:

— Забывается не все сразу, но медленно, даже очень медленно! Можетъ пройти шестьдесятъ, семьдесятъ, не знаю даже сколько лѣтъ, и все еще не забудется и до тѣхъ поръ, пока не соберешься съ духомъ и не расскажешь всего кому-нибудь. Я все рассказалъ ему въ тотъ самый вечеръ, когда спасъ его на морѣ; это принесло такъ много хорошаго—съ тѣхъ поръ у меня такъ легко на сердцѣ. Ты должна также все рассказать кому-нибудь, только не мнѣ,—я могу все позабыть. Ты должна рассказать ему.

И когда на слѣдующій вечеръ они также точно ходили взадъ и впередъ по саду, а вечерняя заря мерцала сквозь вѣтви деревьевъ, онъ вдругъ остановился и спросилъ:—Сказала-ли ты ему?

Онъ продолжалъ спрашивать и на третій и на четвертый день, каждый разъ задумчиво покачивалъ сѣдой головою, когда она съ нылающимъ лицомъ отвѣчала ему:—пѣтъ, отецъ! я этого еще не говорила ему,—и думала при этомъ:—если онъ пріѣдетъ завтра, и тогда не расскажу ему,—никогда, никогда не расскажу ему.

Наконецъ, пріѣхалъ Готгольдъ и не одинъ. Принцъ Прора, у котораго онъ пробылъ нѣсколько дней въ его «Лѣсномъ Замкѣ», подготавливая эскизы для оружейной залы и цѣлый рядъ итальянскихъ ландшафтовъ для столовой, изъявилъ желаніе сопровождать его въ Прору. Когда же Готгольдъ заявилъ ему, что онъ передъ отъѣздомъ въ Италію желаетъ проститься съ Долланомъ, то онъ просилъ позволенія сопровождать его и туда.

— Не все-ли равно, откуда я пріѣхалъ, изъ Проры или же изъ своего «Лѣсного Замка», мы все же, такъ сказать, сосѣди съ вами,—говорилъ принцъ, обращаясь къ Сесилии, — и я давно у васъ въ долгу, хотя въ то же время долженъ откровенно сознаться въ томъ, что привлеченъ сюда также и собственнымъ интересомъ. Нашъ другъ рассказывалъ мнѣ еще раньше, что здѣсь у васъ въ лѣсу есть древній надгробный памятникъ, сохранившійся здѣсь лучше, чѣмъ на всемъ остальномъ островѣ. Для оружейной залы намъ необходимъ ландшафтъ, на которомъ былъ бы изображенъ такой надгробный памятникъ, и когда я напомнилъ о Долланскомъ, то упрямый человекъ этотъ заявилъ мнѣ, что послѣдній не годится для ландшафта. Я же утверждаю, что намъ другого и не требуется, такъ какъ весь этотъ островъ, въ томъ числѣ и Долланъ, составлялъ часть владѣній Проры, прежде чѣмъ послѣдній перешелъ въ вашу семью,—я говорю о семьѣ Венгофовъ,—что случилось двѣсти лѣтъ тому назадъ, когда Долланомъ владѣла еще шведская линія Венгофовъ. Здѣсь еще въ языческія времена находился укрѣпленный замокъ Прора, окруженный высокими земляными валами, сваями и рвами, и о развалинахъ котораго упоминается въ древнихъ хроникахъ; весьма возможно и даже навѣрное такъ, что подъ надгробными памятниками этими покоятся кости моихъ предковъ. О, неужели я долженъ былъ отказаться отъ этихъ воспоминаній, ради упрямства художника? Никогда! Передъ нами цѣлый часъ времени, а для того, чтобы пройти туда и назадъ, потребуется всего лишь полчаса... Прошу васъ, любезный другъ, не безпокойтесь! Я ни за что не соглашусь взять васъ съ собой, вашими противорѣчіями вы испортите мнѣ настроеніе духа.

— Я готовъ сопровождать васъ,—сказалъ старый Бославъ.— Я, ваше высочество, частенько бывалъ тамъ на охотѣ еще съ вашимъ прадѣдушкой. Давно не бывалъ я тамъ, и мнѣ хоть разокъ еще хотѣлось бы пройти туда.

Принцъ съ удивленіемъ посмотрѣлъ на старика; онъ много слышалъ о немъ отъ Готгольда, и какъ только увидѣлъ его, тотчасъ же привѣтствовалъ съ благоговѣніемъ. Ему казалось какой-то сказкой, чтобы могъ еще существовать человѣкъ, ходившій на охоту съ Мальтой фонъ-Прора, который жилъ еще во времена Фридриха Великаго и въ началѣ семилѣтней войны былъ посланъ въ Берлинъ съ дипломатическимъ порученіемъ отъ шведскаго правительства.

— Я не смѣю принять вашего предложенія, — сказалъ онъ, — не смѣю!

Но старикъ не обратилъ никакого вниманія на этотъ вѣжли- вый отказъ; онъ взялъ свою палку и направился медленными, боль- шими шагами изъ сада, гдѣ происходилъ этотъ разговоръ. Принцъ, улыбаясь, поспѣшилъ вслѣдъ за нимъ.

— Не позволите-ли, ваше высочество, придти туда немного погодя, — сказалъ Готгольдъ.

— Пожалуйста, — возразилъ принцъ, — я прошу васъ объ этомъ ради старика, которому не будетъ достаточно моего общества, — и затѣмъ, отвѣдя въ сторону Готгольда, прибавилъ:

— Передъ нами цѣлый часъ, постарайтесь съ пользой употре- бить это время. Послѣ того, какъ я увидѣлъ эту женщину, я все понялъ, также и то, чего вы не хотѣли сказать мнѣ, о, вы самый скрытный изъ людей! Да сохранить васъ подъ своимъ покровомъ Богъ любящихся сердецъ!

Готгольдъ медленно возвратился къ тому мѣсту, гдѣ онъ оста- вилъ Сесилію, по прежнему сидѣвшую задумчиво. Будетъ-ли она сегодня говорить, или же будетъ молчать по прежнему и заставить его уѣхать, не сказавъ ему ни слова? Онъ подошелъ къ ней и взялъ ее за руку.

— Сесилія!

Съ выраженіемъ трогательной мольбы подняла она свои тем- ные глаза.

— Я не долженъ требовать отъ тебя, чтобы ты говорила? Дол- женъ допустить, чтобы ты молчала? Сесилія! Но ты должна гово- рить, позволь же мнѣ сдѣлать это за тебя. Ты говорила мнѣ, что можешь довѣриться только женщинѣ, которая безъ словъ пой- метъ тебя. Не такъ-ли? Неужели же любовь менѣ проницательна, чѣмъ глазъ сочувствующей подруги? Не знаю, одно только могу сказать тебѣ, что я читаю въ твоихъ сердцахъ. Вотъ въ чемъ дѣло, Сесилія! Ты любишь меня, но не смѣешь отдаться своимъ чув- ствамъ. Ты съ ужасомъ помышляешь о супружествѣ со мной и какъ о чемъ-то грѣховномъ отклоняешь даже мысли свои о немъ, про- тивъ кого грѣшишь ты? Хотя это, быть можетъ, и жестоко, но я

долженъ сказать тебѣ это, Сесилія, все происходитъ отъ твоей гордости. Ты боишься себя, но не меня. Тебѣ также извѣстно, какъ и то, что солнце заходить, чтобы снова взойти завтра, тебѣ извѣстно, повторяю я, что не можетъ быть ни дня, ни часа, когда бы я словомъ или взглядомъ упрекнулъ тебя за то, что ты была такъ несчастна, такъ безгранично несчастна! Ты хорошо знаешь, что мнѣ не за что тебя прощать. Ты же, Сесилія, думаешь, что никогда не простишь себѣ того, что ты ошиблась, будучи еще неопытной, шестнадцатилѣтней дѣвушкой, и что при мысли объ этомъ ты со стыдомъ и раскаяніемъ вырвешься изъ моихъ объятій, вотъ почему ты боишься слѣдовать влеченію своего сердца и не соглашаешься быть моею!

— И не права-ли я, думая и чувствуя такимъ образомъ? — воскликнула Сесилія и слезы брызнули изъ ея глазъ.— Могу-ли я простить себѣ, что стала женою этого человѣка? Что съ того, что я, по словамъ твоимъ, была неопытной, шестнадцатилѣтней дѣвушкой? Я не была такъ неопытна, напротивъ, я прекрасно понимала, что жить въ прекрасномъ замкѣ Далицъ и его тѣнистомъ паркѣ гораздо пріятнѣе, чѣмъ въ мрачномъ пасторатѣ. И я поправа ногами сердце юноши, несмотря на тайный голосъ, шептавшій мнѣ еще тогда, да и впослѣдствіи никогда не умолкавшій: онъ лучший человѣкъ! И могу-ли я это простить себѣ? Могу-ли простить себѣ, что я отпустила его на чужбину съ полуразбитымъ сердцемъ, не сказавъ ему ни слова сочувствія и утѣшенія, радуясь тому, что вѣрные глаза его не будутъ больше покоиться на мнѣ, не будутъ больше читать въ моей суетной душѣ? И вотъ мои тщеславныя мечты стали тѣмъ, чѣмъ онъ должны были сдѣлаться! И неужели же теперь, когда я потому лишь такъ безгранично несчастна, что сама заслужила этого, неужели же онъ снова долженъ возвратиться ко мнѣ, онъ, благородный, чистый человѣкъ, который можетъ съ справедливой гордостью обернуться на свое трудолюбивое прошлое и съ радостнымъ спокойствіемъ взирать на свое славное будущее? Неужели же онъ долженъ остановить свое побѣдное шествіе для того, чтобы поднять меня, такъ низко павшую? Да что я говорю! Да развѣ можно связать навсегда эти сильные, трудолюбивыя руки, этотъ гордый духъ, стремящійся ко всему высокому, принудить къ вѣчному созерцанію повседневной, будничной жизни несчастнаго, виновнаго въ собственной судьбѣ созданія? Ты говоришь, что гордость не позволяетъ мнѣ согласиться на это? Пусть это будетъ гордость! Но она въ тебѣ, моя гордость! Ахъ, Готгольдъ! Не первый день горжусь я тобою! Я гордилась тобою еще тогда, когда ты съ блестящими глазами такъ прекрасно говорилъ о богахъ и герояхъ и о томъ, что чело-

вѣкъ съ геройскимъ духомъ можетъ смѣло приравнивать себя къ богамъ. И когда я послѣ нѣсколькихъ лѣтъ страданія услышала, что ты преодолѣлъ тѣ препятствія, отъ которыхъ гибнуть другіе, что ты съ необыкновенной быстротой, которой удивлялись не знавшіе твоей силы и твоего трудолюбія, достигъ самой высшей степеніи искусства, такъ что имя молодого художника произносилось наравнѣ съ знаменитѣйшими именами, тогда, Готгольдъ, я стала гордиться тобою еще больше, я гордилась и была благодарна! Я надѣялась, что легче буду все переносить, ибо преступленіе мое не пало на тебя, и я одна должна была искупить то, въ чемъ согрѣшила!

Разговаривая такимъ образомъ, шли они по полямъ, гдѣ въ воздухѣ поселились паутинки, освѣщенные красноватымъ отблескомъ заходящаго солнца, пока не достигли тихаго, темнѣющаго лѣса. Не слышно было ни малѣйшаго звука, кромѣ шелеста потемнѣвшихъ листьевъ подъ ихъ ногами. Когда Сесилія смокла, раздалось жалобное пѣніе одинокой птички.

Но для Готгольда не существовало перерыва, ему казалось, что жалобный голосъ птички есть лишь отзвучіе жалобной пѣсни человѣческаго голоса.

— Итакъ, ты желаешь навсегда остаться одинокой, — говорилъ онъ, — и такимъ образомъ исцѣлиться? Бѣдная женщина! И можетъ-ли человѣкъ оставаться одинокимъ? И развѣ ты одна? Предположимъ, что я дѣйствительно замѣчательный герой, неустаннымъ трудомъ проложившій себѣ одинокую дорогу ко всѣмъ почестямъ и богатствамъ міра, но у тебя дочь, которой ты обязана показать ясный, чудный міръ Божій, отъ котораго ты съ отчаяніемъ отворачиваешься. Какимъ добродѣтелямъ хочешь ты научить ее, когда сама отказываешься отъ всѣхъ радостей, которыя порождаютъ добродѣтель; потому что не вѣришь больше самой лучшей, самой высшей добродѣтели, которая дѣлаетъ насъ тѣмъ, что мы есть, людьми, я говорю о любви. На что жалуется та птичка, что скрывается тамъ въ пожелтѣвшей листвѣ, она осталась, быть можетъ, потому что ранена или искалѣчена и придется ей умереть ужасной смертью! У нея никого не осталось, ни братьевъ, ни сестеръ, ни мужа, ни дѣтей, всѣ улетѣли прочь, всѣ покинули ее, она осталась одна! Но вѣдь птички слѣдуютъ вѣковому закону, отъ котораго зависятъ ихъ прилетъ и отлетъ, ихъ жизнь и смерть, а потому они не грѣшатъ и не могутъ грѣшить, поступаая такимъ образомъ. Мы же можемъ не грѣшить, а грѣшимъ, ибо не хотимъ слѣдовать закону, который управляетъ нами, не хотимъ признавать любви.

«Она и есть та всемогущая связь, что съ самаго начала міра и

до конца его всегда соединяла и будетъ соединять всѣхъ рожденныхъ изъ земли людей; то всемогущее солнце, подъ влияніемъ ясныхъ лучей котораго расцвѣтаетъ самая мрачная и огорченная душа. О, милая! сопротивляйся, если хочешь, но я удержу тебя своею любовью, согрѣю твое сердце, которое закрыто для меня, ибо я сильнѣе тебя! Я дамъ тебѣ часть своей силы, которой еще довольно останется и для меня, и для тебя и твоего ребенка... для нашего ребенка, Сесилія!

Она остановилась съ сложенными на груди руками, блѣдная, дрожа всѣмъ тѣломъ и, поднявъ на него заплаканные глаза, проговорила:

— Сжался, Готгольдъ, сжался! я не могу, не могу больше!

Послышались быстрые шаги; кто-то шелъ по узенькой дорожкѣ, идущей отъ кургана.

— Слава Богу! я шелъ, думая встрѣтить васъ, сударыня... я думаю... я знаю, что вы не походите на нашихъ дамъ...

— Онъ умеръ!—воскликнула Сесилія.

— Я боюсь, что мы не застанемъ его въ живыхъ, несмотря на то, что онъ имѣлъ еще настолько силъ, чтобы отослать меня. Я не хотѣлъ оставлять его, но онъ такъ желалъ видѣть васъ... васъ обоихъ вмѣстѣ.

Поспѣшно направились они по тропинкѣ въ чащу, а оттуда къ холму съ надгробнымъ памятникомъ, темный, могучій силуэтъ котораго обрисовывался на свѣтломъ вечернемъ небѣ.

Онъ сидѣлъ на обросшемъ мхомъ камнѣ, прислонившись спиной къ большому утесу, съ сложенными руками; на блѣдномъ, старческомъ лицѣ его лежало выраженіе глубокаго спокойствія; онъ смотрѣлъ, какъ вечерній сумракъ ложился постепенно на поля и лѣса, на степь и на море. Сесилія упала къ его ногамъ, цѣлуя его холодющія руки.

При этомъ прикосновеніи дрожь пробѣжала по всѣмъ членамъ умирающаго. Онъ медленно перевелъ взоръ свой на прекрасное, блѣдное, заплаканное лицо Сесиліи. По лицу его пробѣжала счастливая улыбка.—Ульрика! —прошептала онъ. Тихо, едва внятно произнесъ онъ это имя блѣдными, помертвѣвшими губами и навсегда сомкнулъ свои глаза.

Голова Сесиліи опустилась на грудь Готгольда. Принцъ, все время стоявшій въ отдаленіи, отвернулся отъ нихъ и смотрѣлъ на вечернюю зарю.

Вечерній сумракъ спускался на поля и лѣса, на кладбище въ Раминѣ, гдѣ только что уложили пращѣда подлѣ его дѣтей и внуковъ. На краю могилы, куда только что опустили гробъ, собра-

лось небольшое, даже очень небольшое общество, не нуждавшееся въ пасторѣ для освященія мѣста, которое и безъ того было свято для всѣхъ. Оттилія обняла Сесилію и шепнула ей на ухо: «не смущайся, когда встрѣтишься съ этой филистерской *) душонкой», на что Сесилія отвѣчала ей:—не безпокойся, я знаю, что дѣлаю!—Оттилія поцѣловала Гретхенъ, а Вольновъ и принцъ, сказавъ нѣсколько радушныхъ словъ Сесиліи, простились съ нею. По дорогѣ въ «Лѣсной Замокъ» направлялся легкій экипажъ принца, а въ Прору болѣе солидный—Вольнова.

На другомъ концѣ села, откуда дорога шла въ Нейенферъ и Зюндинъ, стоялъ дорожный экипажъ. Медленно рука въ руку шли они вдвоемъ по селу; впереди нихъ бѣжала Гретхенъ и гонялась за ласточками, когда онѣ слишкомъ близко пролетали мимо нея.

Ласточкамъ было свободно летать. Съ быстротою молніи подымались онѣ вверхъ и опускались внизъ, то низко пролетая надъ самой землей, то граціозно описавъ дугу въ воздухѣ, подымались снова вверхъ, гдѣ летали или по прямому направленію или зизгагами, чирикали, щебетали, неутомимо размахивая своими длинными крылышками.

Этотъ вечеръ и для нихъ былъ послѣднимъ, завтра онѣ должны были летѣть на югъ, чтобы возвратиться только весною.

Готгольдъ думалъ о томъ вечерѣ, когда онъ шелъ одинъ по пустынной, деревенской улицѣ и когда пѣніе ласточекъ вызвало горькія слезы у него на глазахъ. Какими пустыми представлялись ему и родина, и весь чудный міръ, казавшійся ему теперь родиной. Онъ заглянулъ въ темные глаза своей возлюбленной жены, пожалъ теплую, худенькую ручку Гретхенъ, которая была теперь его ребенкомъ и сразу понялъ «о чемъ пѣла ласточка».

*) Филистеръ—презрительное названіе челоѣка, занятаго одними будничными интересами.

СКЕЛЕТЪ ВЪ ДОМѢ

ПОВѢСТЬ.

Переводъ М. П. Волошиновой.

THE HISTORY OF THE

REIGN OF

CHARLES THE FIRST

2

I.

— Вот наша спальня,—сказалъ Лебрехтъ, отворяя дверь;— какъ она тебѣ нравится?

— Я въ восторгѣ!—сказала Анна.

Она на минуту остановилась на порогѣ, осматривая кругомъ комнату, затѣмъ быстро направилась къ камину и бросилась въ одно изъ кресель.

— Богъ мой, какъ я устала!

Лебрехтъ прикусилъ губы; прекрасное лицо его, за минуту передъ тѣмъ все сіявшее ожиданіемъ, сразу омрачилось. Анна не могла этого видѣть; она сидѣла, откинувъ голову назадъ и положивъ ноги на мѣдную рѣшетку камина; тѣмъ не менѣе, когда онъ, осторожно ступая по Брюссельскому ковру, во второй разъ прошелъ мимо нея, она протянула ему свою руку и сказала умоляющимъ голосомъ:

— Не сердись на меня, Лебрехтъ!

Онъ схватилъ маленькую ручку и поднесъ ее къ своимъ губамъ:

— Какъ могу я сердиться на тебя?—едва внятно прошепталъ онъ... Волненіе стѣснило его грудь. Если бы только она удержала его руку, еслибы съ любовью взглянула на него, протянула ему губы для поцѣлуя... тогда бы онъ сказалъ ей все.

Но темные глаза ея сохраняли свое прежнее усталое выраженіе, прелестный, слегка открытый ротъ не вздрогнулъ, рука скользнула и небрежно упала на колѣни. Ноги его, готовые согнуться, снова выпрямились, онъ отвернулся, съ трудомъ сдерживая вздохъ, готовый вырваться изъ наболѣвшей груди.

Снова приходится откладывать на завтра, какъ онъ это дѣлалъ каждый вечеръ во время своего продолжительнаго свадебнаго путешествія. Но сегодняшній вечеръ... первый у себя въ домѣ... онъ не могъ походить на другіе! Для него не было завтра; онъ возлагалъ на этотъ вечеръ, какъ игрокъ, ставящій на карту остатокъ своего имуществва... онъ возлагалъ на этотъ вечеръ всю свою на-

дежду, приберегаль для него все свое мужество. Завтра онъ долженъ будетъ сказать... разумѣется! Вотъ въ этомъ-то словѣ «долженъ» и заключалось самое ужасное! Это становилось тогда не признаніемъ, а лишь обнаруживаніемъ тайны... оттягивать болѣе онъ не могъ... ни молчаніе, ни ложь, никакія уловки не могли ему помочь... Онъ будетъ стоять здѣсь, какъ преступникъ, такъ упорно и такъ долго отрицавшій свою вину, котораго уличили, наконецъ въ преступленіи; онъ будетъ стоять и не посмѣетъ просить ни малѣйшихъ смягчающихъ вину обстоятельствъ, а разгнѣванный судья съ презрѣніемъ отвернется отъ безстыднаго!

И кто же этотъ разгнѣванный судья?.. его молодая, прекрасная, боготворимая имъ жена, такъ безгранично довѣряющая ему! Еще вчера утромъ... возможно-ли это... когда она склонила къ нему на плечо свою прелестную головку, и сквозь смѣхъ и слезы говорила ему: только бы у него были твои добрые, честные глаза! больше ничего я ему не желаю!.. Великій Боже! онъ могъ также смѣяться и цѣловать... цѣловать ее и... все-таки ничего не сказать!

Онъ подошелъ къ окну, раздвинулъ тяжелыя гардины и устремилъ неподвижный взоръ во мракъ осенняго вечера. Дулъ сильный морской вѣтеръ, старыя деревья раскачивались, вѣтки скрипѣли и трещали, а сухіе листья шумѣли, скользя по стекламъ оконъ.

Онъ вспоминалъ ту несчастную лѣтнюю ночь и безумную погоню по комнатамъ вплоть до самаго этого окна...

Онъ открылъ окно, не сознавая самъ, что дѣлаетъ, и жадно вдыхалъ сырой воздухъ, дувшій ему навстрѣчу и освѣжавшій его пылающей лобъ.

— Милый Лебрехтъ! изъ окна странно дуетъ,—сказала ему Анна.

— Извини, пожалуйста!

Онъ закрылъ окно, опустил гардины и сталъ ходить по комнатахъ. Жена его не двинулась съ мѣста; эта полиѣйшая анатія таковой всегда подвижной, съ утра до вечера смѣющейся, задорной молодой женщины, оскорбляла его чувства.

— Ты устала, Анна!—сухо проговорилъ онъ;—ты бы ложилась въ постель.

Я совсѣмъ не устала,—возразила она;—я немножко расклеивалась! отъ долгой ѣзды, вѣроятно, и слишкомъ рѣзкаго вѣтра, который все время дулъ намъ въ лицо.

— И ничего не могъ сдѣлать противъ послѣдняго, Анна! Мы вѣдь теперь въ Помераніи, вблизи моря, ничего не желающіе знать о вашихъ нѣжныхъ прирейнскихъ вѣтеркахъ. Что касаеться

взды, мнѣ дѣйствительно очень жаль, — я все хотѣлъ устроить къ лучшему; въ этомъ, по крайней мѣрѣ, ты должна отдать мнѣ справедливость.

Анна даже привстала на своемъ креслѣ, въ первый разъ слышала она отъ Лебрехта такой жесткой и холодной тонъ; она взглянула на него большими, скорѣе удивленными, чѣмъ испуганными глазами.

— Прости! — сказалъ онъ; — я не хотѣлъ дѣлать тебѣ упрека; это такъ сорвалось съ языка!.. не знаю, что это такое. . я думаю, что я также усталъ... первый, должно быть.

— Отдохнемъ немного, — сказала Анна. — Я останусь тутъ на тулѣ... здѣсь такъ удобно... ты ложись на ту кушетку; затѣмъ мы прекрасно поужинаемъ; — суди по тому, какъ Ульденъ растопила плиту въ кухнѣ, ужинъ будетъ блистательный.

— Боюсь, что намъ придется долго дожидаться, — сказалъ Лебрехтъ; — она ждала насъ, какъ тебѣ извѣстно, часа на два позже.

— Мнѣ совѣтъ не къ спѣху, — возразила Анна; — напротивъ, я слишкомъ устала и не могу ѣсть. Я бы желала сначала выпить чашку кофе, это скорѣе подкрѣпитъ меня; въ домѣ такъ хорошо пахнетъ свѣже-жаренымъ кофе, я слышу здѣсь его запахъ.

Лебрехтъ, прилегшій было на диванъ, однимъ прыжкомъ вскочилъ съ него.

— Богъ мой! что съ тобою, Лебрехтъ?

— Со мною? Ничего! Я хотѣлъ пойти спросить кофе у Ульденъ.

Молодая женщина также вскочила съ своего мѣста.

— Богъ мой! — воскликнула она, — какъ ты блѣдеешь! Ты нездоровъ? скажи мнѣ!

Она дотронулась до его лба, — лобъ былъ мокрый и горячій; онъ съ неудовольствіемъ оттолкнулъ ея руку.

— Ты, право, боленъ, Лебрехтъ! Не послать-ли за твоимъ другомъ?

— Этого только и не доставало, — принужденно улыбаясь, воскликнулъ Лебрехтъ. — У него короткая расправа съ мнимыми больными! Онъ и самъ, должно быть, пріѣдетъ сегодня вечеромъ, хотя я очень желалъ бы, чтобы онъ не пріѣзжалъ.

— Почему?

— Было бы гораздо пріятнѣе, если бы никто не мѣшалъ намъ въ этотъ первый вечеръ. Ты знаешь, что мы не безъ основанія казались взять мѣсто на курьерскомъ поѣздѣ.

— Вспомни, что это было противъ моего желанія и, мнѣ кажется, я была права. Я думаю, намъ было бы гораздо пріятнѣе, и бы друзья твои и знакомые встрѣтили насъ.

— Нѣтъ у меня друзей, кромѣ Бертрама; что же касается знакомыхъ, они и завтра могутъ заявить намъ свое почтеніе.

— Это не то, Лебрехтъ, это...

— Ты чувствуешь себя одинокой со мной, въ этомъ старомъ, пустомъ домѣ!

Анна вспыхнула до корня волосъ.

— Стыдись, Лебрехтъ!

— Но вѣдь это правда, Анна!

— Повторяю тебѣ, стыдись!

Это былъ самый обыкновенный споръ, — настоящая ссора, для слуха Ульценъ, по крайней мѣрѣ; если же уши послѣдней не вѣрно разслышали, то въ этомъ была не ея вина; вотъ уже нѣсколько минутъ стоитъ она у дверей, и въ самомъ неудобномъ положеніи, даже спина начала побаливать.

Но вотъ ей показалось, что споръ кончился, такъ какъ голоса стихли, и она, выпрямивъ свою толстую, маленькую фигуру, постучалась въ дверь.

Ей отворилъ Лебрехтъ, при чемъ такъ сильно толкнулъ дверь, что ударилъ ее; потирая ушибленный локоть, Ульценъ доложила, что пріѣхалъ господинъ докторъ и ждетъ барина въ его кабинетѣ.

Анна также подошла къ полуоткрытой двери.

— Я бы съ удовольствіемъ отправилъ его, — сказалъ Лебрехтъ.

— Ни въ какомъ случаѣ! — воскликнула Анна; — я также приду къ вамъ, только немного пріодѣнусь.

— Если онъ останется на весь вечеръ, тебѣ тогда не зачѣмъ спѣшить.

— Тѣмъ лучше! Добрый ты, Лебрехтъ!

Она хотѣла броситься на шею мужу, но ее стѣсняло присутствіе краснощекой, толстой Ульценъ, съ любопытствомъ осматривающей на нее. Она приложила палецъ къ губамъ и сказала:

— До свиданья! передай мое почтеніе твоему другу и забудь сказать Ульценъ на счетъ кофе...

— Нѣтъ, нѣтъ! — сказалъ Лебрехтъ, выпроваживая Ульценъ изъ комнаты, и такъ сильно прихлопнулъ дверь, что Анна едва успѣла вытащить край своего платья.

— Онъ сердитъ на меня, — прошептала она; — я знаю, что заслужила это. Что, если онъ отправится къ этому ужасному чловѣку для того... Онъ назвалъ его единственнымъ другомъ своимъ... Какимъ тономъ сказалъ онъ эти слова: «единственный другъ!» Нѣтъ! нѣтъ! онъ не такъ сказалъ, хотя и вышло почти такъ. Теперь онъ сидитъ съ нимъ и повѣряетъ ему свое горе, что у него глухенькая, невѣняемая жена, что онъ...

Слезы брызнули у нея изъ глазъ; она бросилась въ кресло, закрыла лицо руками и, всхлипывая, говорила:

— Онъ несчастливъ! я сдѣлала его несчастнымъ! Нѣтъ, нѣтъ! пельзя сказать несчастнымъ, но не такимъ счастливымъ, какъ онъ того заслуживаетъ! А я такъ падѣлась, такъ мечтала сдѣлать его счастливымъ... Я такъ безгранично люблю его!

Она вдругъ протянула обѣ руки, какъ бы желая обнять любимого человѣка, но тотчасъ же опустила ихъ, продолжая сидѣть на томъ же мѣстѣ съ неподвижно устремленнымъ взоромъ на догорающее пламя камина.

И подобно тому, какъ голубоватые огоньки то тамъ, то сямъ пробѣгали по тлѣющимъ угольямъ, проходили передъ умственнымъ взоромъ ея тысячи всевозможныхъ картинъ и сценъ ея кратковременной любви, которая такъ чудно, блаженно разгоралась, сверкнула, затѣмъ, ослѣпительнымъ блескомъ и вотъ уже готова превратиться въ пепелъ.

Вотъ она видитъ палубу парохода, — онъ взадъ и впередъ ходитъ по ней, держа подъ мышкой какую-то красную книгу, рассматривая голубыми, задумчивыми глазами замки и виноградники. Онъ давно уже бросился ей въ глаза, этотъ высокій, бѣлокурый человѣкъ! Да, это было гораздо раньше, чѣмъ подруги ея начали подшучивать «надъ неподвижнымъ англичаниномъ», а кузенъ Артуръ стоялъ въ это время и, поглаживая свою черную бородку и расхаживаясь на тоненькихъ, стройныхъ ножкахъ, думалъ:

— Благодарю Тебя, Боже, что я не такой, какъ тотъ скучный малый!

У кузена Артура было такое злое, недовольное лицо, когда папа, по своему обыкновенному добродушію заговорившій съ иностранцемъ, привелъ его съ собой и представилъ дамамъ подъ именемъ Лебрехта Нуделя, купца изъ Вальдома.

— Лебрехтъ Нудель очень милое имя, а кто скажетъ мнѣ, гдѣ находится Вальдомъ? — сказалъ кузенъ Артуръ.

Нѣсколько дней спустя кузенъ Артуръ съ точностью узналъ, гдѣ находится Вальдомъ; что касается имени, которое показалось ему такимъ комичнымъ, онъ также имѣлъ достаточно времени привикнуть къ нему, ибо Лебрехтъ, по дѣламъ оставшійся на нѣсколько дней въ Кельнѣ, почти ежедневно посѣщалъ отцовскій, гостеприимный домъ Анны.

Нѣсколько дней превратились въ двѣ недѣли, затѣмъ дѣла Нуделя затянулись и на третью недѣлю и... бѣдный Артуръ! Онъ хотѣлъ было застрѣлиться! Онъ бы застрѣлился... честное слово! Онъ только не хотѣлъ лишать себя удовольствія потанцовать на ея свадьбѣ, также доказать ей, что въ жилахъ его течетъ настоящая

дворянская кровь Клюнгель-Пютцевъ, а не худая, до неузнаваемости смѣшанная съ неизвѣстнаго происхожденія муниципальной патриціанской кровью Шмитцовъ, какал течеть въ жилахъ его кузины. Мама сильно держала сторону Артура; ей такъ хотѣлось соединить золото Шмитцовъ съ обнаженнымъ родословнымъ древомъ Клюнгель-Пютцевъ. Добрый папа, однако, остался вѣренъ своей милой дочуркѣ, и все время такъ спокойно, добродушно повторялъ: «Артуръ долженъ радоваться такому кузену, который при случаѣ и неудобный векселекъ погасить можетъ, а если пожелаетъ, то можетъ служить подъ-часть и поручителемъ». Да и самъ онъ, несмотря на свое родство съ Клюнгель-Пютцами и свою принадлежность къ Кельнскому патриціату, просто на просто человекъ мѣщанскаго происхожденія, имѣющій достаточно денегъ и знающій имъ цѣну. Да, онъ открыто признается въ своемъ низкомъ образѣ мыслей, — на него производятъ громадное вліяніе два милліона его зятя, и если Анна любитъ его... Богу одному извѣстно, такъ какъ онъ желаетъ, чтобы она была вблизи него! Впрочемъ, и Вальдомъ находится, такъ сказать, въ этомъ мірѣ. Хотя онъ не особенно любитъ путешествовать, все же надѣется лично убѣдиться въ его существованіи и пить на берегу Балтійскаго моря настоящій рейнвейнъ за здоровье новобрачныхъ, и притомъ изъ кубка, подареннаго королемъ прусскимъ королю Вальдомскому.

Королю Вальдомскому!

Одинъ банкиръ изъ Берлина, у котораго отецъ ея навелъ справки относительно состоянія продавца сырыми продуктами, не только подтвердилъ показаніе лондонскихъ и гамбургскихъ банкирскихъ домовъ, на которыхъ ссымался Лебрехтъ, но еще прибавилъ отъ себя: «я считаю его гораздо богаче, чѣмъ думаютъ; его дѣйствительно можно назвать тѣмъ именемъ, которымъ палитъ, блаженной памяти, остроумный король назвалъ его покойнаго отца. Попросите его самого рассказать вамъ эту исторію; я слышалъ ее отъ одного чрезвычайно умнаго врача изъ Вальдома, съ которымъ я прошлое лѣто познакомился въ Герингедорфѣ».

О, Лебрехтъ рассказалъ эту исторію съ опущенными внизъ глазами, какъ бы стыдясь своего рассказа, и притомъ такимъ невѣрнымъ, дрожащимъ голосомъ, точно человекъ, сознающійся въ своей собственной вишѣ.

А рассказъ этотъ былъ самымъ невиннымъ анекдотомъ въ свѣтѣ: блаженной памяти король, очень охотно проводившій въ Новой Помераніи и Рюгенѣ, посѣщалъ также и Вальдомъ и милостиво согласился занять отведенную для него квартиру въ старомъ домѣ съ фронтономъ, что находится на рыночной площади. На слѣдующій день онъ обратился къ хозяину съ просьбой показать ему главныя

достопримѣчательности города; на вопросы любознательнаго монарха, — кто устроилъ набережную? кому принадлежатъ эти магазины? Корабли? Кто основалъ бульваръ, приютъ для бѣдныхъ? и такъ далѣе, отецъ всякій разъ отвѣчалъ: «Я, ваше величество. — миѣ, ваше величество». Слушая эти отвѣты, король задумался, молчалъ нѣсколько времени и, наконецъ, воскликнулъ: «все это удивительно походить на замѣчательный рассказъ Гебеля о Канитферштайтѣ, за исключеніемъ того, что здѣсь нѣтъ недоразумѣнія, а лишь голая истина!» Затѣмъ, обернувшись къ своей свитѣ и указывая на отца, сказалъ: «Знаете-ли что, господа, если бы я, къ сожалѣнію, не былъ королемъ Пруссіи, я бы желалъ быть королемъ Вальдома».

Когда полгода спустя, полученъ былъ изъ Берлина чудный кубокъ изъ чистаго серебра, на немъ рядомъ съ городскимъ гербомъ Вальдома находился прусскій гербъ, а вблизи изъ неревитыхъ вензелей короля и отца Лебрехта написано было золотыми буквами: «благодарный Прусскій Король своему коллегѣ изъ Вальдома».

Сколько разъ затѣмъ рассказывалъ Лебрехтъ эту исторію! И всякій разъ при этомъ папа отъ души смѣялся, и даже гордая мама улыбалась, а она? Она все время смотрѣла на милое лицо Лебрехта, еще милѣе казавшееся ей въ своемъ трогательномъ смущеніи, и думала про себя: онъ король! я его королева! Какъ счастливо проживемъ мы!

Да! будемъ счастливы! но счастливыми насъ еще нельзя назвать, по крайней мѣрѣ, Лебрехта, — какъ же можетъ быть и она счастлива, если онъ несчастенъ! Уже въ бытность свою въ отцовскомъ домѣ ея не чувствовалъ онъ себя довольнымъ; съ палой онъ, конечно, былъ въ хорошихъ отношеніяхъ, — вѣдь это такъ естественно! Кто же могъ не любить ея добраго, стараго отца, который съ любовью относился ко всемъ людямъ, а тѣмъ болѣе къ будущему мужу своей единственной, дорогой дочери! Да и мама никакого худого умысла не имѣла... нѣтъ! не имѣла! Для Лебрехта, понятно, было довольно таки тяжелымъ испытаніемъ то и дѣло слушать хвастливыя рѣчи ея, имѣвшія лишь одну цѣль: прославленіе рода Клонгелъ-Шютцевъ. Какое блестящее положеніе занимали послѣдніе въ то время, когда владѣли пятидесятью укрѣпленными замками на Рейнѣ! Они были въ родствѣ съ Синингешами и другими знатными, дворянскими семьями, даже съ императорскимъ домомъ Габсбурговъ. Но блескъ этотъ, подобно заходящему солнцу, померкалъ мало по малу до тѣхъ поръ... О! какая жестокая участь!.. одна Клонгелъ-Шютцъ... сама она... вышла замужъ за мѣщанина! Теперь же дочь ея отъ этого брака, по законамъ постепенности, управляющимъ судьбою всѣхъ знатныхъ семействъ, также выходитъ замужъ за мѣщанина.

Такъ какъ Лебрехтъ не сходилъся съ мамой, то ему также не могла понравиться и суетливая жизнь въ ихъ домѣ. Его раздражали постоянные посѣтители, — онъ, конечно, не высказывалъ этого, да и незачѣмъ было, это и безъ того замѣтно было по его меланхолическимъ, почти гнѣвнымъ взорамъ, которые онъ бросалъ на пеструю толпу, когда думалъ, что никто не наблюдаетъ за нимъ. Кто же были эти посѣтители? Офицеры съ звонящими шпорами и бряцающими шагами, а во главѣ ихъ стройный Артуръ, принимающій свою роль отверженнаго поклонника то съ трагической, то съ комической стороны, одинаково невыносимый какъ въ одной, такъ и въ другой; дѣдиобразные, гладко говорящіе референдаріи и ассесоры, все почти безъ исключенія запасные офицеры; — они вели тайную или открытую борьбу съ своими состоящими на службѣ товарищами, и предметомъ этой борьбы въ продолженіи двухъ-трехъ лѣтъ ея молодой жизни была сама она.

Она не могла, да и не хотѣла отрицать послѣдняго обстоятельства, когда Лебрехтъ указалъ ей на него; не отрицала и того, что молодость не казалась ей прекрасной, что побѣды не радовали ее, и она не твердо вѣрила спасающей силѣ поѣздокъ на Рейнъ и Мозель, а также офицерскихъ и ассесорскихъ баловъ, пока не увидѣла его, — бѣлокурого англичанина, торговца сырыми продуктами изъ Помераніи, короля Вальдома! Да прояснится же твое милое лицо, дорогой мой король! Тебѣ не къ лицу быть нахмуреннымъ, — ты какъ будто бы сомнѣваешься въ любви моей, или, быть можетъ, мнѣ придется сомнѣваться въ твоей?

Ахъ! она ни одной еще секунды не сомнѣвалась въ любви его! А между тѣмъ облачко, набѣжавшее на лицо его, которое, какъ ей казалось сначала, она прогнала своими поцѣлуйми, возвращалось все чаще и чаще, дѣлалось все мрачнѣе, какъ вотъ тотъ пепель, что все гуще и гуще покрываетъ собою тлѣющіе угольки. Еще во время путешествія своего замѣтила она, что онъ тѣмъ суровѣе становился, чѣмъ больше приближались они къ его родинѣ; она очень хорошо помнитъ, что расположеніе его духа стало мѣняться именно съ тѣхъ поръ, какъ они уѣхали съ озера Комо, а затѣмъ черезъ Венецію, Вѣну, Прагу и Дрезденъ отправились домой. Она все время ломала себѣ голову надъ тѣмъ, что бы это могло быть такое? Ей хотѣлось узнать, что происходило въ душѣ его, когда онъ сидѣлъ, погрузившись въ какія-то мрачныя, невѣдомыя ей думы, и не только въ продолженіи нѣсколькихъ минутъ, но въ продолженіи цѣлыхъ часовъ и въ театрѣ, и во время безконечныхъ поѣздокъ по желѣзной дорогѣ. И вдругъ, бросивъ украдкой взглядъ на нее и замѣтивъ, что она молча наблюдаетъ за нимъ, онъ продолжалъ прерванный разговоръ или же начиналъ какой-нибудь новый. Бы-

ли-ли это дѣловыя заботы? Онъ увѣрялъ ее, что ничего нѣтъ недобнаго.— Не былъ-ли онъ боленъ? Никогда еще не чувствовалъ онъ себя такъ хорошо.— Не разлюбилъ-ли онъ ее? Онъ прервалъ ея слова страстными поцѣлуями. Неужели же онъ не былъ счастливъ?

Другихъ вопросовъ не оставалось. И вотъ потому-то, что не оставалось другихъ, она никакъ не могла успокоиться его увѣреніями, что онъ счастливъ и до сихъ поръ не можетъ придти въ себя отъ избытка того счастья, которое она ему даритъ своею любовью. Его не угнетала больше слишкомъ суетливая атмосфера ея отцовскаго дома, не надобдали длинныя рѣчи мамани о блескѣ и надежнѣ ея рода, все это, казавшееся такимъ неудобнымъ ему, какъ жениху, навсегда осталось позади нихъ; она принадлежала ему... онъ видѣлъ лишь ее среди тысячи безразличныхъ ему людей, проходившихъ мимо него... ему казалось, что онъ находится на таинственномъ островѣ Робинзона и подлѣ него лишь одна она!

Не для того-ли, чтобы обмануть ее въ истинной причинѣ своей печали, говорилъ онъ ей, грустно улыбаясь: я готовъ вѣрить тебѣ, что ты была бы счастлива со мной на островѣ Робинзона, какъ и я съ тобой, но въ Вальдомѣ! Въ этомъ маленькомъ, мрачномъ городкѣ на берегу не менѣе мрачнаго Балтійскаго моря? Въ Вальдомѣ, гдѣ театры и концерты существуютъ лишь въ сказкахъ, гдѣ не придется затрудняться въ выборѣ общества, ибо послѣдняго тамъ не имѣется? Да! трудно надѣяться тамъ на счастье, когда наступитъ безконечный рядъ дней, наводящихъ на тебя скуку и уныніе!

Напрасно возражала она ему сначала съ своей обыкновенной живостью, затѣмъ съ скрытымъ гнѣвомъ и еле сдерживая душившія ее слезы.

Предположимъ, что все такъ, какъ ты говоришь, но вѣдь я не въ первый разъ слышу это. Не то-ли самое говорилъ ты, когда я еще не знала, что ты любишь меня?— Итъ! Я съ первой же минуты знала все, да и ты зналъ, что я люблю тебя и послѣдую за тобой на конецъ свѣта, не исключая и твоей родины, которую ты такъ неутишительно изображаешь. Я спокойно слушала и только объ одномъ спросила тебя: нравится-ли тебѣ тамъ? Ты отвѣчалъ мнѣ: по моему, есть гораздо болѣе красивыя мѣста, но мнѣ кажется, я нигдѣ не могъ бы жить, кромѣ своей родины. Я сказала тебѣ на это: и я также! То же самое повторяю я и теперь, ты же долженъ вѣрить мнѣ на слово, пока мнѣ не встрѣтится возможности доказать тебѣ это на дѣлѣ. До тѣхъ же поръ, если ты любишь меня, ни слова больше объ этомъ!

Дѣйствительно, послѣднюю недѣлю онъ не возвращался къ

этому печальному предмету разговора, и только сегодня утромъ, въ Берлинѣ, снова заговорилъ о томъ же.

Сначала рѣшено было ѣхать послѣ обѣда съ курьерскимъ поѣздомъ, приходившимъ въ Вальдомъ въ десять часовъ вечера; онъ такъ и телеграфировалъ вчера вечеромъ домой, а также и служащимъ у него въ конторѣ. Затѣмъ онъ измѣнилъ свое распоряженіе; это было тѣмъ болѣе странно, что всѣ свои намѣренія онъ рѣшалъ послѣ зрѣлаго обдуманія и съ нѣкоторымъ упорствомъ придерживался разъ принятаго рѣшенія. И вдругъ, такая перемена! Онъ слишкомъ поздно вспомнилъ, что пріѣздъ ихъ въ назначенный часъ повлечетъ за собой торжественный приемъ, хотя служащіе въ его конторѣ знаютъ, или же должны знать, что онъ непримиримый врагъ подобныхъ мелочей. Начнутся рѣчи, — падо будетъ отвѣчать на нихъ, что продлится часъ, по крайней мѣрѣ, затѣмъ шумный вечеръ, онъ же такъ страстно жаждетъ покоя. Онъ можетъ, то есть они могутъ самымъ простымъ способомъ доставить себѣ это спокойствіе, — стоитъ только взять билеты не на курьерскій послѣобѣденный поѣздъ, а на утренній. Это такъ называемый смѣшанный поѣздъ, и останавливается онъ на каждой станціи; они все же часа на два раньше пріѣдутъ домой.

Она согласилась, не потому, чтобы ей нравился этотъ планъ, напротивъ! Она находила въ порядкѣ вещей, что служащіе желаютъ принять торжественно своего начальника, возвращающагося послѣ шестинедѣльной отлучки изъ дому и въ сопровожденіи молодой жены; она не была противницей подобныхъ мелочей и думала, чѣмъ веселѣй и оживленнѣй будетъ, тѣмъ лучше. Однако, послѣ нѣсколькихъ несмѣлыхъ и напрасныхъ возраженій, она смолкла и принялась поспѣшно укладывать вещи.

Такимъ-то образомъ они и уѣхали утромъ, несмотря на то, что ей хотѣлось уснуть еще одинъ лишній часокъ. Последніе дни путешествія были такъ утомительны, и она въ первый разъ, дѣйствительно, чувствовала себя усталой. Она старалась не дать ему этого замѣтить, ни разу даже во время дороги не пыталась уснуть, хотя подъ часъ и приходилось сдерживать легкую зѣвоту. Чѣмъ больше старалась она смотрѣть на все съ лучшей стороны, тѣмъ недовольнѣе и нетерпѣливѣе становился Лебрехтъ. Дѣло идетъ гораздо хуже, чѣмъ онъ думалъ; эта медленная ѣзда, постоянныя остановки... какое невыносимое положеніе!

Ѣхали они, по обыкновенію, въ первомъ классѣ... взадъ и впередъ ходилъ Лебрехтъ по купѣ, то отворяя, то закрывая окно, ворчалъ на машиниста, бранилъ кондуктора, и такъ грубо общелся съ какимъ-то господиномъ, подошедшимъ на одной станціи къ окну вагона и, судя по разговору, жившимъ въ Вальдомѣ и

даже товарищемъ по занятіямъ, что тотъ принелъ въ замѣтное смущеніе,—она же, видимо, испугалась странной запальчивости обыкновенно спокойнаго, привѣтливаго человѣка.

Онъ, правда, тотчасъ же извинился, и она слышала, какъ онъ сказалъ ему, закрывая окно:

— Мы еще въ Бюссовѣ поговоримъ объ этомъ дѣлѣ.

Затѣмъ, снова началось прежнее безцѣльное страствованіе взадъ и впередъ по купэ; и, наконецъ, остановившись передъ нею, онъ сказалъ ей:

— Бюссовъ—станція, откуда идетъ боковая вѣтвь на Вальдомъ. Намъ придется два часа ждать поѣзда изъ Эюндина,—препесноснѣйшая задержка! Мнѣ не избѣжать разговора съ ужаснѣйшимъ болтуномъ. Я хочу сдѣлать тебѣ одно предложеніе. Съ ближайшей станціи отсюда идетъ старая почтовая дорога на Вальдомъ, всего четыре или пять миль; теперь два часа, и если мы возьмемъ отсюда экипажъ, то будемъ въ Вальдомѣ почти въ одно время съ этимъ скучнѣйшимъ поѣздомъ. Мы отправимъ нашъ багажъ и будемъ сами себѣ господа. Когда я былъ мальчикомъ, затѣмъ юношей и здѣсь не проходила еще желѣзная дорога, я сотни разъ ѣздилъ и верхомъ, и въ экипажѣ, и даже пѣшкомъ ходилъ по этой почтовой дорогѣ. Ее нельзя назвать прекрасной, какъ и все вообще въ этой странѣ, но дѣло въ томъ, что каждый тополь, окаймляющій ее, составляетъ пріятное воспоминаніе для меня. Поѣздка эта дастъ тебѣ, кромѣ того, возможность провѣрить истину моихъ разказовъ объ этой странѣ и ея обитателяхъ. Согласна ли ты?

Она, понято, согласилась.

Это было, дѣйствительно, суровый опытъ,—не разъ приходилось ей сознаться, что Лебрехтъ ничего не преувеличивалъ. Людей она мало встрѣчала, за то хорошо замѣтила мѣстность: безкопечныя, обнаженныя степи, мрачныя поля и сырой и холодный вѣтеръ! Да! сырой, холодный и суровый, какой въ ея чудной, прирейнской родинѣ встрѣчался лишь въ декабрѣ, а теперь была только вторая половина октября. Отъ времени до времени среди пустынныхъ равнинъ попадалось одинокое строеніе, окруженное деревьями и кустарниками, или же мельница, стоящая на верхушкѣ изрѣдка попадающагося холмика, да на болѣе или менѣе отдаленномъ разстояніи темныя очертанія лѣса. Она утѣшала себя тѣмъ, что лѣтомъ все это должно красивѣе выглядѣть,—луга зазеленѣютъ, степь покроется цвѣтами, необозримыя поля колыхнутся золотистыми волнами, а тамъ высоко, въ небесной синевѣ, покрытой перистыми, бѣлыми облаками заноетъ свою пѣсню жаворонокъ; но сѣрая, дождливая дѣйствительность безжалостно разогнала пе-

стрыя мечты фантази. Начался мелкій, осенній дождь, а въ маленькомъ, двумѣстномъ экипажѣ, — Лебрехтъ назвалъ его «Голштинецъ», — не было возможности укрыться отъ непогоды.

Она все готова была перенести и даже еще болѣе худшее, несмотря на то, что сегодня вслѣдствіе физическаго утомленія своего, ей тяжелѣе казались дорожныя неудобства, если бы только Лебрехтъ былъ веселѣе, или бы, подвѣзжая къ родинѣ, онъ снова сталъ прежнимъ спокойнымъ, мягкимъ человѣкомъ, который тамъ очаровывалъ ея! Тогда бы этотъ бѣлокурый, высокій сѣверо-германецъ снова принялъ бы въ ея глазахъ прежній обаятельный образъ короля среди шумной толпы ея придворныхъ! Къ сожалѣнію, это было не такъ. Какъ прежде находилъ онъ невыносимыми неудобства желѣзной дороги, такъ и теперь ворчалъ онъ на свое положеніе, причиной котораго былъ самъ же, какъ будто бы вынужденъ былъ къ тому чымъ-нибудь незнаемъ или упрямствомъ. Надвинувъ шапку на лобъ, съ поднятымъ вверху воротникомъ пальто сидѣлъ онъ, откинувшись въ уголь экипажа, какъ человѣкъ, не желающій понапрасну тратить словъ, видя, что измѣнить обстоятельство не можетъ. Это безмолвіе пугало ее еще больше прежней его запальчивости. И она, наконецъ, перестала говорить и только прислушивалась, какъ хлопалъ кожаный передникъ экипажа, скрипѣли оси, трещали колеса, какъ стучали лошадиныя копыта по мостовой, а вѣтеръ вылъ и свистѣлъ, проносясь надъ мокрыми полями и шумящими тополями. О, эти шумящіе тополи! Если каждый изъ нихъ, по словамъ Лебрехта, приносилъ ему воспоминанія юности, какъ печальна должна была быть эта юность! Она завязала себѣ голову платкомъ, чтобы не слышать этого ужаснаго свиста, закрыла глаза на четверть часа, чтобы не видѣть этого призрачнаго киванья верхушекъ ихъ!

Послѣдняя предосторожность скоро оказалась излишней; тяжелой массы облаковъ дѣлались все темнѣе и грознѣе и всякій разъ, когда она взглядывала на нихъ, ей казалось, что они все болѣе и болѣе нависаютъ надъ ними; вечеръ сразу смѣнился ночью, хотя было еще не больше семи часовъ. Ни одной звѣздочки на небѣ, ни одного утѣшительнаго огонька на землѣ! Разъ только блеснулъ въ сторонѣ тусклый, сейчасъ же погаснувшій огонекъ, — гора висѣлицъ, — сказалъ кучеръ. Это были первыя слова, произнесенныя имъ; въ продолженіи всей дороги сидѣлъ онъ молча и согнувшись на своемъ мѣстѣ.

Она нѣсколько времени раздумывала надъ тѣмъ, что означали слова этого человѣка: соединялось-ли съ этимъ зловѣщимъ мѣстомъ какое-нибудь воспоминаніе, какъ у Лебрехта съ свистящими тополями? Возвышались-ли еще тамъ среди ночного мрака висѣлицы?

Не адскій-ли огонекъ свѣтится вдали? А, быть можетъ, это только свѣтъ лампы изъ жилого помѣщенія какой-нибудь мирной мельницы? Не хотѣль-ли этотъ молчаливый человекъ сказать, что скоро конецъ дорогъ и должны показаться и другіе огоньки въ темнотѣ?

Слава Богу! огоньки дѣйствительно показались, — два, три, четыре, цѣлый рядъ, — вокзалъ, — объяснилъ ей Лебрехтъ... еще небольшой кусокъ шоссе, безъ тополей, слава Богу!.. Вотъ налѣво и направо засвѣтились тусклые огоньки въ окнахъ, прерываемые громадными, темными массами... Житницы предмѣстья, гдѣ живутъ хлѣбопалцы, — пояснилъ опять Лебрехтъ... Они вѣхали въ мрачныя, узкія ворота, съ обѣихъ сторонъ которыхъ при вѣздѣ и выѣздѣ горѣли фонари, висѣвшіе на цѣпяхъ и отъ сильнаго вѣтра раскачивавшіеся изъ стороны въ сторону... Улицы были здѣсь шире и лучше освѣщены, и дома такъ же выше... Наконецъ, маленькая, четырехугольная площадь, открывающаяся съ одной стороны на гаваль; среди свиста вѣтра она разслышала шумъ моря, а такъ какъ нѣсколько прояснилось, то могла разсмотрѣть высоко подымающіяся мачты. Прямо передъ нею находилось два зданія, которыя казались укрѣпленными замками, среди окружающихъ ихъ низшихъ строеній: налѣво рагуна съ высокимъ фронтономъ, направо по другую сторону узенькой улицы, домъ съ еще болѣе высокимъ фронтономъ, его дома — послѣдній будетъ и ея домомъ теперь. Лебрехтъ довольно часто описывалъ ей его и все же, когда она, еще сидя въ экипажѣ, робко взглянула на домъ и при тускломъ свѣтѣ тамъ и сямъ разбросанныхъ по рыночной площади фонарей и свѣтящихся оконъ домовъ разглядѣла мрачный силуэтъ широкаго, громаднаго зданія, отдѣляющагося на темномъ фонѣ ночи, оно показалось ей какой-то безмолвной, ледяной, окаменѣлой тайной.

Медленно раскрылись тяжелыя двери; въ нихъ показался Небеловъ, слуга, — имя это было ей давно знакомо. Показавшись, онъ тотчасъ же скрылся, ибо вѣтеръ погасилъ свѣчу, которую онъ держалъ въ своей костлявой рукѣ. Можно было подумать, что старикъ желалъ только показать свой громадный, красный носъ! Анна хотѣла засмѣяться, но не могла. Вотъ и порогъ, который она такъ часто въ мечтахъ переступала, опираясь на руку своего возлюбленнаго Лебрехта. «Входи же скорѣй!» нетерпѣливо воскликнулъ Лебрехтъ, успѣвшій уже рассчитать кучера. Онъ, очевидно, не имѣлъ никакого злого умысла, тѣмъ не менѣе слова эти какъ-то зловѣще прозвучали для ея избалованнаго слуха.

Потомъ они двинулись дальше и едва сдѣлали нѣсколько шаговъ въ обширной нижней залѣ, какъ ихъ встрѣтила Ульценъ; она

то и дѣло присѣдала, привѣтствуя ихъ прїѣздъ и выражая свое удивленіе по поводу внезапнаго появленія господъ. Опираясь на руку Лебрехта, поднялась Анна по лѣстницѣ, начинавшей въ серединѣ нижней залы; ступеньки лѣстницы были очень узки и прерывались площадками, по обѣ стороны находились крѣпкія, черныя перила; взойдя наверхъ, они очутились въ широкой галлереѣ, окаймленной такими же перилами, и на которую выходили всѣ комнаты перваго этажа.

Продолжая опираться на его руку, шла она по комнатамъ,—впереди Ульценъ со свѣчей, позади Небеловъ, зажигающій свѣчи на столахъ и канделябры на зеркалахъ. Комнаты все время освѣщались лишь позади нихъ, и ей казалось, что она идетъ по какому-то лабиринту, изъ котораго ей никогда не выбраться; но вотъ, наконецъ, Лебрехтъ открылъ послѣднюю дверь и сказалъ:—а это вотъ наша спальня и затѣмъ...

Послышался тихій, серебрястый звукъ часовъ, стоявшихъ на карнизѣ камина,—пробило восемь часовъ. Анна вскочила такъ быстро, какъ будто бы долго спала и во снѣ ей привидѣлось что-то безконечное, среди хаоса котораго она искала чего-то и не могла найти.

Нѣтъ, она не спала,—и не сны то были, что такъ странно и такъ поспѣшно проходили передъ умственнымъ взоромъ ея, пока она сидѣла, устремивъ неподвижный взоръ на всныживающіе голубоватые огоньки покрытыхъ пепломъ угольковъ,—въ эти нѣсколько минутъ она пережила всю свою кратковременную любовь, окинула ее однимъ великимъ, всеобъемлющимъ взоромъ. Такъ точно путникъ, осматрѣвъ всѣ подробности окружающаго его ландшафта, вдругъ замѣчаетъ облачко на горизонтѣ и указываетъ на него испуганному проводнику; послѣдній объясняетъ ему, что раньше, чѣмъ они достигнутъ желанной цѣли, весь этотъ прекрасный, улыбающійся ландшафтъ подернется сѣроватымъ покровомъ и надъ ними разразится страшный ливень.

Кто же этотъ испуганный проводникъ? Ея собственная, полная угрызений совѣсти душа. Она слишкомъ худо выдержала наложенное на нее испытаніе! Когда же это было раньше, чтобы расположеніе духа ея мѣнялось вслѣдствіе дурной погоды? А что же было съ ней, когда они были въ Трансильваніи и отправились на Львиную гору, гдѣ ихъ застигла непогода... разразился ужасный ливень, наступила темень, а имъ пришлось идти иѣшкомъ вплоть до самаго Кенигсвинтера? Она шла, опираясь на его руку, и каждое встрѣчающееся по дорогѣ препятствіе служило только лишнимъ поводомъ для шутки, смѣха и блаженства! Не было-ли ея обязанности успокоить его удвоенной веселостью, когда онъ

сегодня такъ безмолвно и мрачно сидѣлъ подлѣ нея? Она вѣдь могла быть веселой и онъ такъ любилъ это! Не ждалъ-ли онъ этого? Не принялъ-ли онъ ея молчаніе за доказательство того, что опасенія его исполнились, и ей показалась отвратительной его милая Померанія? Когда они вошли въ домъ, затѣмъ проходили по комнатамъ... Богъ мой! зачѣмъ позволила она ему такъ спѣшить впередъ? Зачѣмъ не настояла она на томъ, чтобы онъ позволилъ ей спокойно полюбоваться окружающимъ ее княжескимъ великолѣпіемъ? А когда они затѣмъ вошли въ эту комнату, похожую скорѣй на какую-то палатку, обитую голубымъ, всю украшенную серебромъ... Все это было такъ роскошно, такъ изящно и въ то же время такъ уютно, вполне отвѣчая мечтамъ ея и олицетворяя картину, которую она бывало въ минуту задора шутливо рисовала ему... Добрый мой! онъ все запомнилъ, все понялъ и устроилъ еще въ тысячу разъ лучше! А она? Бросилась-ли она ему на шею? Поблагодарила-ли она за его заботы, доброту, его любовь? Сказала ли она ему: за это любовь моя освѣтитъ мрачное жилище подобно тому, какъ при свѣтѣ восходящаго солнца сверкаютъ и переливаются капельки росы. Я поцѣлуюми прогону облако, омрачающее твое чело, милый ты, безумный человѣкъ! Ты будешь такъ же счастливъ, какъ счастлива и я!

Ахъ! она ничего, ничего этого не сказала! Она бросилась сюда на кресло и такъ глухо держала себя, что въ первый разъ съ тѣхъ поръ, какъ его увидѣла, вырвалось у него, добраго, суровое слово. Когда онъ уходилъ отъ нея, облако на лицѣ его стало еще мрачнѣе, да — облако... но вѣдь не сегодня же оно появилось, не своимъ сегодняшнимъ поведеніемъ вызвала она его! Это наводящее отчаяніе облако появилось уже нѣсколько недѣль тому назадъ и не могло имѣть другого основанія, кромѣ слѣдующаго сознанія: я ошибался въ тебѣ, ты не такая женщина, которая можетъ осчастливить меня!

И вотъ, когда всѣ размышленія эти привели Анну къ тому же печальному результату, которымъ кончались всѣ подобныя разсужденія, она вдругъ, какъ ребенокъ, не умѣющій избѣжать угрожающей ему опасности, разразилась громкими рыданіями; она сидѣла, наклонившись впередъ и закрывая лицо руками, а слезы такъ и лились по ея тонкимъ пальцамъ.

Такимъ образомъ она не могла видѣть, какъ толстая домоправительница, постучавшись тихошюко... очень тихошюко въ дверь и не дожидаясь приказанія войти, пріотворила дверь немножко... чуть-чуть... съ минуточку поглядѣла въ щелочку, затворила дверь и на этотъ разъ постучалась гораздо громче. Она вошла, какъ ни въ чемъ не бывало, съ улыбкой на толстыхъ губахъ, держа

въ рукахъ подносъ съ чашкой кофе, который подавала по приказанію барыни.

II.

Анна съ испугомъ вскочила и старалась насколько возможно скрыть свои слезы. Казалось невѣроятнымъ, чтобы Ульценъ ничего не замѣтила, хотя она даже и вида не подавала, что дѣйствительно замѣтила что-нибудь. Пододвинувъ маленькій, мраморный столикъ, поставила она на него кофе, прося извинить ее за то, что такъ долго заставила ждать и что не умѣетъ также ловко прислуживать, какъ камеръ-юнгфера, которую черезъ недѣлю должны привезти съ собою коммерціи совѣтникъ и супруга его.

— Не знаю, право, сдержатъ-ли свое обѣщаніе мои родители? — сказала Анна.

— Баринъ говорилъ, что пріѣдутъ, и я тоже думаю, — возразила Ульценъ. — Такіе милые родители навѣрное тоскуютъ по своей дочкѣ а дочка тоскуетъ по своимъ родителямъ. Какъ не скучать! Всю жизнь-то вмѣстѣ, а теперь разлука! Мнѣ много разъ на своемъ вѣку приходилось служить у новобрачныхъ, которые какъ голубки ворковали другъ съ другомъ. Да что съ того? Любобвю одной, такъ сказать, не проживешь, — много падо и другого, а пока найдется это, пройдутъ мѣсяцы, годы, а тамъ смотри и не найдется.

Лебрехтъ съ самаго начала старалась предупредить Анну, чтобы она не имѣла слишкомъ высокаго мнѣнія о госпожѣ Ульценъ. Онъ называлъ ее весьма нужной въ своемъ родѣ особой, имѣющей, однако, многія слабости, въ числѣ которыхъ самая худшая въ его глазахъ или, правильнѣе, въ его ушахъ, была ея чрезмѣрная болтливость. Предусмотрительная же мамана въ послѣдніе дни ея пребыванія отъ то и дѣло повторяла ей, чтобы она первое время, пока не почувствуетъ твердой почвы подъ ногами, старалась стать въ наилучшія отношенія съ вліятельной особой, управлявшей домомъ въ продолженіи десяти лѣтъ.

Анна въ данную минуту менѣе всего расположена была поминуть объ этихъ предостереженіяхъ. Она думала, какъ вѣрно все то, о чемъ ей говорить толстая, пожилая особа, стоя подлѣ нея съ сложенными мясистыми руками; — говорила же Ульценъ на томъ чудесномъ нарѣчій, которое она слышала отъ Лебрехта, — главная причина, почему оно ей такъ правилось! Слова Ульценъ отозвались въ наболѣвшей душѣ Анны.

— И неужелъ иже не найдется? — повторила она.

Ульценъ начинала уже побаиваться, не слишкомъ-ли далеко

запла она для пачала? Когда же увидѣла, что слова ея благосклонно приняты молодой женщиной, то продолжала:

— Конечно, нѣтъ! Не слѣдуетъ, однако, никогда поддаваться этому, а все объяснять къ лучшему, внупать также бодрость духа, какъ это я постоянно дѣлала съ молодой барыней Мильдовой. Еще за полгода до свадьбы молодого барона вела я его хозяйство; онъ былъ очень добрый баринъ, хотя и были у него свои особенности, какъ и у всѣхъ насъ, — частенько выпивалъ онъ лишнюю бутылочку. Такъ-то-съ, сударыня! Если только молодая женщина по этой именно причинѣ была такъ несчастна, тогда счастливыхъ не найдется, по крайней мѣрѣ, въ нашей странѣ; была же она, дѣйствительно, до глубины души своей несчастлива. Что ни говорила я ей, а все ничего подѣлать не могла! И вотъ какъ-то разъ утромъ пришли мы ее въ пруду, что былъ позади парка; никакъ нельзя было привести ее въ чувство, она умерла ужъ нѣсколько часовъ передъ тѣмъ, какъ ее нашли.

— Великій Боже! — воскликнула Анна; — неужели никогда не узнали, почему она лишила себя жизни?

— Никогда ничего вѣрнаго не узнали! — сказала Ульценъ, покачивая головой. — Одни говорили, что у нея еще раньше былъ возлюбленный, какой-то поручикъ, который остался въ Богеміи. Она очень хотѣла выйти за него замужъ, да родители не пожелали и отдали ее за моего барина; другіе — будто бы поручикъ застрѣлился. Ну! это все болтовня! Миѣ она никогда ничего не рассказывала, навѣрное ничего и не было; она, конечно, рассказала бы миѣ, потому всегда была довольна мной и все говорила: какъ хотите, Ульценъ! или: сдѣлайте, какъ по вашему лучше будетъ, Ульценъ! А чего лучше для молодой женщины, какъ довѣриться пожилой, опытной особѣ, которая знаетъ хозяйство и ничего для себя не хочетъ, а думаетъ только о пользѣ своихъ господъ. На прислугу нельзя полагаться, въ особенноститутъ у насъ въ Вальдомѣ, — всѣми точно бѣсъ овладѣлъ! Только и думы да разговоры о переселеніи, о томъ, кому какое счастье повезло въ Америкѣ. А потомъ и начнутъ говорить, что я всему виной, что черезъ меня никто служить не хочетъ; но вы, сударыня, скоро убѣдитесь, что я ни въ чемъ не виновата.

Анна между тѣмъ, пившая маленькими глотками превосходный кофе, все время думала о несчастной молодой женщициѣ, которая утопилась, а почему — никто того не зналъ. Она и не замѣтила, какимъ образомъ Ульценъ отъ такого трагическаго предмета переншла вдругъ къ прислугѣ; чтобы не показать своего невниманія, она отвѣчала наудачу: почему же вы должны быть виноваты?

— Не правда-ли? — поспѣшно отвѣчала Ульценъ. — Почему дол-

жна я быть виновата? Причемъ я тутъ, что домъ этотъ старѣ шведской насыпи, что у Зюндинскихъ воротъ? Или что, если бы живы были все, кто родился въ этомъ домѣ, тогда пришлось бы уѣзжать вонъ изъ города? Такъ-то-съ, сударыня, ужь если такая молодая особа, какъ вы, прѣзжаетъ сюда въ домъ и боится и хочетъ назадъ черезъ какихъ-нибудь шесть недѣль, — что же! Это, впрочемъ, понятно! Да вотъ старый Небеловъ, — онъ тридцать лѣтъ служилъ у самого сенатора, а затѣмъ у молодого барина лѣтъ пять, чего только онъ не видѣлъ и не слышалъ, повѣрить трудно. Будто бы, если останешься одинъ въ комнатѣ, то ясно слышно, что кто-то дышетъ, вотъ какъ снящій человекъ въ постели — это-то онъ правду говоритъ, и Дорте подтверждаетъ слова его. Такъ зовутъ нашу новую кухарку, сударыня! Она поступила шесть недѣль тому назадъ, не знаю, будетъ-ли толкъ съ нею, по цѣлымъ днямъ смѣется. Никакъ нельзя было оставить прежнюю, она подъ конецъ объ одномъ только и говорила; еще, пожалуй, въ первый же вечеръ все бы рассказала вамъ, сударыня! Вотъ и горничныя, — тѣ также потребовали отъ меня свой аттестатъ, ибо ни пропасть, ни убѣждать человекъ не можетъ; онъ и въ городѣ тоже самое рассказываютъ; поэтому-то онъ не захотѣли и въ домѣ оставаться, пришлось выдать аттестатъ. А возьмете новыхъ, сударыня, тѣ тоже не лучше будутъ; по крайней мѣрѣ, отдохнете нѣсколько отъ этой глупой болтовни. И этого достаточно! Не правда-ли, сударыня?

— Я, право, не понимаю, о чемъ вы говорите, — возразила Анна.

По толстому лицу домоправительницы скользнула смущенная, недовольная улыбка.

— Ахъ, сударыня! вы не знаете, ничего не знаете! Тысячу разъ прошу извинить меня! Я, конечно, не принадлежу къ тѣмъ, что не умѣютъ молчать, а разъ баринъ сказалъ: не говори ничего, Ульценъ, я самъ хочу удивить ее! то и недавно молчать буду. Если бы онъ сказалъ мнѣ: смотрите, Ульценъ, ничего не говорите жепѣ моей о моемъ приключеніи съ Флидербумомъ, я бы ничего и не сказала, можете быть увѣрены. Не прикажете-ли еще что-нибудь, сударыня?

Ульценъ сдѣлала книксенъ и, не получая отвѣта, хотѣла удалиться въ молчаливомъ сознаніи своего оскорбленнаго достоинства, но вдругъ остановилась. Большіе, каріе глаза молодой женщины, неожиданно вставшей съ своего мѣста, смотрѣли на нее вопросительно и, какъ показалось Ульценъ, испуганно.

— Да, сударыня! Неужели вы ничего не знаете объ этомъ? — спросила она.

Анна отвѣтила едва замѣтнымъ наклоненіемъ головы. Ульценъ удивилась и, всплеснувъ руками, воскликнула:

— Богъ ты мой, сударыня! Я, право, не знаю, смѣю-ли я говорить дальше. Если баринъ вамъ ничего не сказалъ... видите-ли, у барина совѣтъ чистая, онъ и не обращаетъ на это никакого вниманія, а, пожалуй, даже не знаетъ, что говорятъ люди, иначе онъ все бы рассказалъ вамъ, сударыня; вѣдь должны же вы это узнать раньше, чѣмъ двадцать четыре часа пробудете въ Вальдомѣ! А лучше всего будетъ, сударыня, когда вы все услышите отъ меня, потому я всегда пользы господамъ желаю и говорю только то, что хорошо знаю, даже съ самаго начала рассказать могу. Никто, кроме меня, ничего не знаетъ, хотя они говорятъ, будто бы я завидовала Флидербуму... О Флидербумѣ-то, сударыня, баринъ навѣрное рассказывалъ вамъ?

— Не помню, — беззвучнымъ голосомъ сказала Анна.

— Не можетъ быть! — воскликнула Ульценъ.

Анна съѣла на прежнее мѣсто; она старалась казаться какъ можно спокойнѣе, хотя ноги ея дрожали, а сердце такъ и билось въ груди. Несмотря на свое смущеніе, она живо чувствовала, какъ нетактично поступаетъ, позволяя Ульценъ говорить о такихъ вещахъ и лицахъ, о которыхъ до сихъ поръ умалчивалъ Лебрехтъ. А что, если это молчаніе не было случайнымъ? Если онъ молчалъ для того, чтобы не беспокоить ее? Что, если его собственное безпокойство, худое, мрачное состояніе духа, причинившее ей такъ много горя и заботы, неожиданно объясняется? И сегодня вечеромъ ей можно будетъ сказать: я все знаю, Лебрехтъ! — Но что же это такое, великій Боже! Что такое? Что-нибудь очень, очень непріятное, тяжелое... такъ можно было судить по словамъ Ульценъ... но въ сравненіи съ той ужасной мыслью, съ которой она носилась все это время, отъ которой была такъ неутѣшна...

— Не хотите-ли присѣсть? — сказала Анна, указывая на стоявшій по близости стулъ.

Ульценъ съ радостью воспользовалась этимъ приглашеніемъ. Ни разу еще, въ продолженіи всей своей долготѣнней практики домоправительницы, не представлялось ей такого прекраснаго случая показать себя въ полномъ блескѣ передъ молодой женщиной, только что вступившей въ домъ. Маленькое, толстое лицо ея такъ и расплылось отъ удовольствія, когда она, усѣвшись на край стула и разглаживая красными руками свой черный шелковый передникъ, сказала, самодовольно улыбаясь:

— Не безпокойтесь, сударыня, и не смотрите на часы! Когда докторъ пріѣзжаетъ къ барину, они всегда долго разговариваютъ; сегодня еще дольше затянется, — Небеловъ снесъ туда бутылку вина. Какъ только явится докторъ, ему прежде всего подается вино, — не подумайте только, сударыня, что я что-нибудь хочу ска-

зять этимъ, Боже меня сохрани!—Такъ вотъ, Небеловъ говоритъ, что они уже заговорили объ этомъ... Докторъ бываетъ у всѣхъ въ городѣ; онъ всегда большое участіе принималъ въ Флидербумѣ, который давнымъ давно лишился своей матери; у него была только одна тетка, вдова шкипера, а братъ ея, отецъ молодого Флидербума, былъ капитаномъ корабля и много лѣтъ вывозилъ наши товары,—пока—когда это бы? вѣрно! Весною у насъ былъ пожаръ на корабельной верфи, осенью потерпѣла кораблекрушеніе Анна-Марія, потонулъ весь экипажъ, въ томъ числѣ и Флидербумъ... отецъ... Въ ту же зиму къ намъ пришелъ сынъ Флидербума; съ тѣхъ поръ прошло лѣтъ шесть, ему было четырнадцать, значить теперь было бы двадцать, если бы...

— Развѣ онъ умеръ?—съ испугомъ воскликнула Анна.

Ульценъ печально взглянула на потолокъ.

— Въ томъ то и дѣло, сударыня, что никто этого не знаетъ и всѣ ломаютъ себѣ голову надъ этой загадкой. Его всѣ знали; то и дѣло слышишь бывало: Гансъ Флидербумъ здѣсь, Гансъ Флидербумъ тамъ... Его звали Гансомъ, сударыня! И вѣтренникъ же онъ былъ,—хотя, правду сказать, на дѣло мастеръ... такъ говорятъ... то есть теперь, но крайней мѣрѣ, хотя ранѣе господа не то думали о немъ, и даже удивлялись, какъ это нашъ баринъ можетъ довѣрять такому легкомысленному человѣку. Такъ-то-съ, сударыня! Этого я не понимаю; я всегда радовалась за него, когда бывало баринъ чаще другихъ сажалъ его за столъ съ собой, лѣтомъ въ самое дѣловое время бралъ его купаться, а зимой катался съ нимъ на конькахъ или за садомъ стрѣлялъ въ цѣль. Три года тому назадъ онъ бралъ его съ собою въ Лондонъ, а въ прошломъ году въ Парижъ для того, по словамъ его, чтобы онъ познакомился со свѣтомъ; а Небеловъ говоритъ: здѣсь въ Вальдомѣ не сбыть ротозѣя, такъ свезъ его въ Парижъ. Такія рѣчи неуважительны, сударыня, да печего дѣлать,—вамъ надо знать людей, и я считаю своимъ долгомъ не умалчивать объ этомъ. Вотъ Небеловъ-то и завидовалъ ему; онъ такъ бранилъ его въ кухнѣ вечеромъ, накапунѣ отгѣзда барина на свадьбу, — вотъ, говоритъ, Флидербумъ укладываетъ вещи опять, когда за всѣ тридцать лѣтъ службы у покойнаго сенатора никто не укладывалъ его вещей, кромѣ меня. Флидербумъ укладывалъ вещи вотъ въ этой самой комнатѣ, сударыня, гдѣ всегда и прежде спалъ баринъ, только она тогда не такая нарядная была; въ тотъ вечеръ пріѣхалъ докторъ и сидѣлъ въ кабинетѣ, гдѣ они и теперь вдвоемъ,—они тогда выпили двѣ или три бутылки вина. Затѣмъ докторъ собрался уѣзжать; Небеловъ проводилъ его и больше не приходилъ сюда наверхъ,—онъ спитъ внизу. Дѣвушекъ я также отослала спать; надо было вставать

рано на слѣдующій день, а ни мнѣ, ни имъ дѣлать нечего было; оставались неубранными только бутылки да стаканы, я же не смѣла войти, такъ какъ баринъ не любитъ, чтобы входили безъ зова. Я и не замѣтила, какъ заснула; только просыпаюсь и съ удивленіемъ слышу,—часы бьютъ двѣнадцать. Должно быть бой и разбудилъ меня,—они еще били, когда я проснулась.

«Видите-ли, сударыня, я довольно благообразная особа и не такъ-то легко пугаюсь; но когда проснешься въ двѣнадцать часовъ ночи и подумаешь, что всѣ уже давно въ постели и въ цѣломъ домѣ мертвая тишина, а въ это время откуда-то не то сверху, не то снизу послышался вдругъ шумъ и звонъ, точно въ церкви, сударыня, да притомъ такъ глухо, такъ ужасно, тутъ невольно растеряешься. Великій Боже! подумала я, что это такое? Мнѣ и въ голову не пришло, чтобы баринъ и Флидербумъ не спали; отъ комнаты, гдѣ я сплю, цѣлая вѣчность до комнаты барина,—я пошла сначала по корридору, который начинается отъ кухни и идетъ позади пріемныхъ комнатъ, и чѣмъ дальше иду, тѣмъ все громче и громче шумъ; собралась я съ духомъ, иду опять назадъ,—такъ и есть шумъ изъ комнаты барина. То бариновъ голосъ послышится, то Флидербума, то оба заговорятъ вмѣстѣ, точно на смерть другъ съ другомъ ссорятся. Такъ меня это удивило, сударыня! Никогда, ни одного раза не сказалъ баринъ Флидербуму худого слова, да и Флидербумъ не смѣлъ пикнуть противъ него... я не думала, чтобы они могли поссориться. Отъ удивленія... я знаю хорошо, сударыня, какъ должны держать себя слуги, тѣмъ болѣе домоправительница, которая должна примѣромъ служить для нихъ, а кто подслушиваетъ, тому дверью лобъ разобьютъ,.. Да незачѣмъ было и подслушивать! Кабельманъ—это слуга изъ ратуши—тотъ побѣжалъ въ переулочъ, куда и окна не выходятъ, а стѣны въ цѣлый аршинъ толщины. Онъ клянется, что слышалъ; по словъ-то онъ не могъ слышать, сударыня, такъ какъ хотя и я стояла у самыхъ дверей, а только одно и разслышала, когда баринъ закричалъ: отдай назадъ! а Флидербумъ—нѣтъ! не отдамъ! А затѣмъ мнѣ послышалось, будто бы они... Господи! прости Ты наши прегрѣшенія!.. будто бы они схватили другъ друга, слышу толкнули столъ, тотъ полетѣлъ, а съ нимъ вмѣстѣ и бутылки, и стаканы. Послышался страшный крикъ,—это Флидербумъ закричалъ; я думала, баринъ убилъ его. Хочу войти,—дверь заперта; я черезъ переднюю бѣгу въ столовую, откуда также дверь въ комнату барина,—и тамъ заперто. Не могу выразить вамъ, сударыня, какъ я испугалась, потому что сряду все стихло, и я нѣсколько минутъ простояла, не двигаясь съ мѣста... Въ рукахъ я все время держала свѣчу и теперь частенько удивляюсь, какъ я тогда отъ страха не

уронила ее. Потомъ я опять пошла въ переднюю и... слава Богу! вижу, идетъ баринъ; только онъ вышелъ отсюда изъ спальни, со свѣчей въ рукахъ и бѣжалъ онъ сломя голову прямо къ лѣстницѣ; я за нимъ, такъ какъ онъ и не видѣлъ меня; онъ былъ уже внизу на первой площадкѣ, когда я еще наверху стояла. Онъ бы и со-всѣмъ сбѣжалъ внизъ, если бы не погасла у него свѣчка; тутъ онъ замѣтилъ меня и закричалъ:—Идите скорѣе, Ульценъ, скорѣй!—Ну, я и побѣжала къ нему, какъ только могла скорѣе; вотъ онъ зажигаетъ свѣчу, самъ стоитъ блѣдный, какъ стѣна, руки дрожатъ, на-силу зажечь свѣчу. Три раза спросила я его, прежде чѣмъ онъ мнѣ отвѣчать могъ, что такое случилось?—Флидербумъ,—надо вамъ сказать, что онъ всегда звалъ его просто Гансомъ,—Флидербумъ выбросился изъ окна спальни и лежитъ теперь внизу въ саду.—Мертвый?—спрашиваю.—Не знаю, я звалъ его, но отвѣта не полу-чаю.—Да что же такое случилось, баринъ?—спрашиваю опять.—Мы съ нимъ поспорили,—говоритъ онъ,—мнѣ очень, очень жаль... жаль... если бы только я могъ это предчувствовать.—И говоритъ онъ это, сударыня, а у самого губы дрожатъ, глаза такіе большіе, неподвижные, еле на ногахъ стоитъ, я думала, онъ въ обморокъ упадетъ, но онъ удержался и говоритъ:—нѣтъ! это не поможетъ, Ульценъ! Оставайтесь и разбудите Небелова, я самъ пойду по-смотрю.—На дворѣ ваша свѣча опять погаснетъ, сударь!—говорию я.—Я возьму фонарь у Христіана,—отвѣчаетъ онъ.

«Между тѣмъ мы спустились внизъ и, проходя мимо окна, выхо-дившаго во дворъ, увидѣли Христіана,—это нашъ кучеръ, сударыня.

«Узнавъ, что баринъ на слѣдующій день уѣзжаетъ, онъ еще днемъ выкатилъ экипажъ изъ сарая, а теперь всталъ, чтобы покрыть его крышкой, такъ какъ его разбудили и сказали, что идетъ дождь. Онъ таки порядкомъ упрямятъ, сударыня, хоть лбомъ его объ стѣну бей, за то, что касается лошадей и экипажа... да и неприхотливъ-то онъ. Фонарь его былъ какъ нельзя болѣе кстати,—на дворѣ была такая темень, а дождь лилъ, какъ изъ ведра, когда баринъ открылъ дверь, выходившую во дворъ.—Я спросила его, не надѣ-нетъ-ли онъ шапку? Онъ ничего мнѣ на это не отвѣтилъ, а только сказалъ, чтобы я сейчасъ же послала Небелова за докторомъ. Такъ-то-съ, сударыня! Больные и рассказывать нечего, такъ какъ они нигдѣ его не нашли, хотя весь садъ обошли кругомъ. Сначала ходилъ самъ баринъ съ Христіаномъ, а потомъ онъ приказалъ раз-будить кое-кого изъ служащихъ и тѣ съ фонарями также искали вездѣ. Весь домъ обыскали они, начиная съ чердака и кончая под-валомъ;—какъ будто бы есть какая-либо возможность пробраться изъ сада въ домъ! А тамъ отправились въ городъ, вездѣ кругомъ обошли; возстаніе настоящее было, точно городъ загорѣлся съ че-

тырехъ концовъ. Такъ Флидербума и не нашли нигдѣ! Баринъ сейчасъ же далъ знать въ полицію, и начальникъ полицейскаго управления въ ту же ночь снялъ съ него допросъ... такъ, кажется, говорятъ?.. Онъ при этомъ сказалъ барину: вы можете спокойно уѣзжать! Никто ничего не можетъ имѣть противъ васъ за то, что вы проучили молодого человѣка, осмѣлившася послушаться своего начальника; если же молодой человѣкъ, вмѣсто того, чтобы просить извиненія, бѣжить вопъ и, такъ сказать, съ злымъ намѣреніемъ испугать бросается внизъ съ высоты двадцати футовъ, то и по дѣломъ ему было, если бы онъ разбился,—чего, очевидно, не случилось. Кто же живучъ, какъ кошка, тому ничего не стоитъ и черезъ садовую стѣну перелѣзть, а кошки если и не къ людямъ привязываются, то къ дому;—набѣгается, остепенится, ну, и прибѣжитъ назадъ; доживемъ, такъ увидимъ. Только старикъ не дожилъ до этого, сударыня, онъ умеръ черезъ недѣлю послѣ происшествія; это былъ лучшій другъ покойнаго сенатора и крестный отецъ нашего барина; если бы онъ могъ слышать, что люди рассказываютъ объ этой глупѣйшей исторіи, то его кости перевернулись бы въ могилѣ.

— Что же они говорятъ? Что могутъ они говорить?—воскликнула Анна. Она вдругъ вскочила со стула и съ мольбой протягивала къ Ульценъ свои руки.

Толстая домоправительница также точно вскочила съ своего мѣста, маленькіе глазки ея сверкнули какимъ-то злорадствомъ, когда она, поглядывая на взволнованную молодую женщину, медленно покачивала своей головой.

— Что могутъ они говорить, сударыня? Чего не могутъ сказать худые люди, когда имъ печего больше сказать и дѣло идетъ о нашемъ баринѣ; онъ вѣдь такъ богатъ, что можетъ купить весь городъ, да, кромѣ того, направо и налево щедрой рукой раздаетъ свои деньги,—грѣшно и стыдно сказать, кому только онъ не достаются. Нашъ баринъ въ этомъ походитъ на покойнаго сенатора; когда онъ умеръ, то оказалось, что полгорода у него въ долгу: капитаны кораблей и матросы, купцы и ремесленники. Всѣ росписки въ долговой книгѣ оказались перечеркнутыми, а внизу слѣдующія слова: «уплатить прошу на томъ свѣтѣ!»

Ульценъ вытерла глаза, что она дѣлала всякій разъ, когда разговоръ касался покойнаго сенатора.

— Да, да!—продолжала она,—добрѣйшій былъ баринъ, слишкомъ добрый для здѣшняго міра; и чего только не говорили о немъ! Будто бы онъ въ молодости, когда еще жилъ въ Америкѣ, торговалъ тамъ неграми; было у него нѣсколько дюжинъ кораблей, нагруженныхъ невольниками, и всѣ они плавали между Африкой

и Америкой, — только никогда не заходили въ Вальдомскую гавань, а бросали якорь за горою висѣльниковъ. Это будетъ съ полмили отсюда, сударыня; ни одинъ человѣкъ не ходилъ туда раньше, такъ какъ тамъ еще стояла старая висѣлица, пока нѣсколько лѣтъ тому назадъ сенаторъ не приказалъ снять ее, а вмѣсто нея поставить фонарь. Тутъ всё заговорили, будто бы онъ это сдѣлалъ, испугавшись угрозъ короля, который обѣщалъ его самого повѣсить на висѣлицѣ, если онъ не броситъ торговли невольниками и не задѣлаетъ подземнаго хода, что идетъ отъ горы висѣльниковъ и до нашего дома. Не знаю, сударыня, правда или нѣтъ, только всё люди въ одинъ голосъ говорятъ, что подземный ходъ никогда засыпанъ не былъ и по сей день еще существуетъ; въ кабинетѣ, гдѣ всегда жилъ покойный сенаторъ, есть дверь, известная только нашему барину... Покойный сенаторъ, умирая, показалъ ее своему сыну... то есть нашему барину... а больше никому... Стоитъ только, говорятъ, пайти дверь... найдется и Флидербумъ.

— Ради Бога! — закричала Анна.

— Не правда-ли, сударыня, какое постыдное дѣло! Не стоитъ только пугаться этого! Ни одинъ человѣкъ понять не можетъ, какимъ образомъ ушелъ Флидербумъ изъ сада, — кругомъ такія высокія, гладкія стѣны и одна только дверь во дворъ, гдѣ въ это время былъ Христіанъ, мимо котораго нельзя было не пройти, да нѣсколько подвальныхъ отдушникъ, задѣланныхъ рѣшетками. А что въ кабинетѣ барина есть дверь, которую можетъ найти только тотъ, кто знаетъ, то это вѣрно. Нѣтъ ничего удивительнаго также и въ томъ, если въ домѣ нашемъ съ такими толстыми стѣнами и существующемъ уже триста лѣтъ былъ когда-то подземный ходъ. Теперь тамъ устроенъ шкафъ въ стѣнѣ и такой большой, что половина дома умѣстится въ немъ; съ одной стороны онъ совсѣмъ пустой, а съ другой сдѣланы полки, куда покойный сенаторъ клалъ разные документы и прочія бумаги; когда онъ умеръ, нашъ баринъ разложилъ ихъ по порядку и связалъ... Я сама была при этомъ. Набралось этихъ бумагъ ящиковъ десять, всё они стоятъ теперь въ подвалѣ... Остались въ шкафу только удочки да ружья, сколько мнѣ припомнится. За нѣсколько дней до своего отъѣзда баринъ и говорить мнѣ: послушайте, Ульценъ, домъ нашъ полонъ рабочими и пока все готово будетъ, пройдетъ еще недѣли двѣ-три, а гдѣ же вамъ усмотрѣть за всѣмъ. Знаете-ли что, возьмемъ-ка все серебро изъ буфета и снесемъ его туда въ шкафъ; если даже рабочіе и окажутся честными людьми, все же они могутъ что-нибудь испортить, такъ что не исправитъ потомъ. — Конечно, сударь! — сказала я ему, не дурно будетъ, если мы и ложки, да и все остальное снесемъ туда... дальше положимъ, ближе найдемъ,

и я буду покойна; — открыть буфетъ гвоздемъ ничего не стоитъ! Баринъ слушаетъ меня, а самъ смѣется; ну, а мы-то не смѣемся падъ такими вещами... Вотъ я все и уложила въ шкафъ, завернувъ каждую вещь въ шелковую бумагу; какъ же иначе и дѣлать, сударыня, когда у тебя на рукахъ такія дорогія вещи. На всякій случай я оставила полдюжины обыкновенныхъ столовыхъ и кофейныхъ ложечекъ и хорошо сдѣлала, — когда вы пожелали выпить чашку кофе, и я сказала барину, что мнѣ очень хотѣлось бы положить вамъ одну изъ нашихъ чудныхъ позолоченныхъ ложечекъ, онъ мнѣ и говоритъ: хорошо было бы, да только я ключъ потерялъ. — Зачѣмъ не дали вы мнѣ его спрятать? — говорю я ему. Онъ, видите-ли, хотѣлъ его дать мнѣ, чтобы по окончаніи работъ я могла вынуть вещи изъ шкафа и разставить ихъ въ буфетъ; удивляюсь, сударыня, что вы не замѣтили, какъ все теперь у насъ выглядить, — точно гусь оципаный. Последнюю ночь у барина голова кругомъ ходила, онъ даже не ложился въ постель, мы до послѣдней минуты думали, что найдемъ ключъ, пока не пробило семь часовъ, — барину пора было ѣхать къ вокзалу, онъ хотѣлъ на другой день утромъ быть въ Кельнѣ у своей дорогой цевѣсты. Ахъ! Богъ ты мой! бьетъ половина девятого! Какъ скоро летить время среди разговоровъ! Мнѣ пора идти въ кухню, сударыня, надо что-нибудь порядочное приготовить на ужинъ, а на Дорте я не надѣюсь, хотя она три года считалась главной кухаркой у матушки Имфельдтъ; баринъ, пожалуй, наговорился съ докторомъ, не пойдете-ли и вы теперь къ нимъ? Чѣмъ могу я служить вамъ, сударыня?

— Благодарю васъ, — сказала Анна, — я и сама справлюсь.

— Вѣрю этому, сударыня! — отвѣчала Ульценъ, устанавливая на подносъ чашку, — хотя вы и избалованы, сударыня, а все-таки шесть недѣль пропутешествовали, не имѣя камеръ-юнгферы для своихъ услугъ, а баринъ... У него, знаете-ли, никогда нѣтъ лакея... Начнутъ люди бывало удивляться, я имъ и говорю: такіе молодые господа всегда бываютъ счастливы, когда остаются одни; у кого избытокъ въ домѣ, тѣ скромнѣе другихъ во время путешествія.

Послѣднее замѣчаніе, самое любезное, по мнѣнію Ульценъ, она сдѣлала почти у самихъ дверей, надѣясь за это получить отъ молодой женщины пріятливое слово или движеніе рукой, или то и другое вмѣстѣ. Анна, стоявшая въ эту минуту передъ большимъ трюмо между двумя окнами, ничего не отвѣчала и даже не обернулась. При свѣтѣ горѣвшихъ свѣчей въ канделябрахъ зоркіе глаза Ульценъ разсмотрѣли въ зеркалѣ лицо молодой женщины, — оно было блѣдно, а темные глаза ея такъ неподвижно и растерянно

смотрѣли куда-то... Ульценъ подумала, что нѣсколько успокоительныхъ словъ не повредятъ, а потому, громко откашлявшись, чтобы обратить вниманіе на свое присутствіе въ комнатѣ, она сказала:

— Не принимайте этого такъ близко къ сердцу, сударыня! Когда совѣсть чиста, не стоитъ обращать вниманія на людскія рѣчи. Съ нашимъ бариномъ ничего не было подобнаго, какъ съ барономъ фонъ-Клабеновымъ изъ Вюстенса, когда я была у него домоправительницей. Съ тѣхъ поръ прошло почти сорокъ лѣтъ, я была тогда еще совсѣмъ молоденькая, а вотъ пришлось явиться на судъ и давать показанія, знала-ли я объ этомъ и что именно? Я же, правду говоря, ничего не знала; кто же обращаетъ вниманіе на то, что молодой человѣкъ приходитъ въ столовую и начинаетъ говорить всякіе пустячки молодой женщинѣ, несмотря на то, что у самого молодая жена и красавица... Богъ ты мой! кто молодъ не бывалъ! А Луиза... видите-ли, сударыня, старикъ Пальцовъ, вѣроятно, замѣтилъ это, они-то въ лѣсу и поссорились изъ-за этого. Ждутъ пождутъ барона, — не возвращается, проходитъ еще шесть недѣль, — ни слуху, ни духу; все обыскали, и рожь, и лѣсъ, и прудъ, а впереди всѣхъ самъ старикъ Пальцовъ, — никому-то и въ голову не пришло подозрѣвать его. Только въ эту вотъ самую пору, въ октябрѣ мѣсяцѣ, бѣжитъ въ лѣсу собака Іоахима Венгака и какъ заласть вдругъ... Іоахимъ былъ настухъ и пасъ въ этомъ самомъ лѣсу коровъ. Бѣжитъ его собака, ласть, а во рту держитъ кость; настухъ-то хорошо веѣ кости знаетъ, онъ и показалъ ее жандарму, проѣзжавшему мимо верхомъ; это кость нашего барина, говоритъ, и вѣрно! Все время пролежалъ онъ въ лѣсу и зарытъ былъ въ землю только на одинъ футъ глубины. Сколько разъ ходили по этому мѣсту и никто не догадался! Старикъ Пальцовъ не рѣшился зарыть его поглубже, вотъ почему лисицы вырыли трупъ и наполовину обглодали его. Между вещами убитаго нашли пороховницу Пальцова; отправились арестовать его, а онъ какъ только увидѣлъ, что идутъ къ нему, и кричитъ: я давно жду васъ! Съ этими словами пустилъ себѣ пулю въ лобъ и повалился мертвый на порогъ.

Это была любимая исторія Ульценъ, и она довольно громко рассказала ее, однако, не была увѣрена, чтобы Анна слышала что-нибудь. Послѣдняя по прежнему стояла у зеркала, не двигаясь съ мѣста; Ульценъ испугалась, — она подумала, что въ концѣ концовъ слишкомъ много наговорила такого, о чемъ ей слѣдовало бы лучше молчать. Она утѣшила себя тѣмъ, что ничего не сказала изъ того, о чемъ ей запрещено было говорить.

Она тихонько каплянула... въ знакъ того, что серьезно думаетъ уходить... видя, что кашель не помогаетъ, она стала стучать

ложечкой и чашкой и, наконецъ, вышла изъ комнаты въ странномъ смущеніи, не зная навѣрное, дѣйствительно-ли барыня не слышала, какъ она уходила, или же дѣлала видъ, что не слышитъ.

Едва только закрыла она за собою двери, какъ Анна, точно пробуждаясь отъ тяжелаго сна, провела руками по лицу и глазамъ; осмотрѣвшись боязливо кругомъ, чтобы убѣдиться, что нѣтъ никого, она бросилась къ той двери, куда вышла Ульценъ, и задвинула задвижку; тоже самое она сдѣлала и со второй дверью, выходящей въ слѣдующую комнату.

Затѣмъ она поспѣшно направилась къ столу, на которомъ разбросаны были разныя вещи, открыла изящный ящичекъ и дрожащими руками стала перерывать въ немъ дамскія вещицы...

— Вотъ онъ!

Она вынула какой-то предметъ, завернутый въ бѣлый батистовый платокъ. Это былъ одинъ изъ платковъ Лебрехта. Развернувъ его, она вынула оттуда старинный ключъ, совершенно плоскій, съ витой бородкой и круглымъ ушкомъ.

Ключъ былъ покрытъ темными пятнами; это она еще тогда замѣтила, а также и то, что ржавчина перешла на платокъ.

Она развернула платокъ и посмотрѣла на свѣтъ...

— Великій Боже! Дѣйствительно-ли это ржавчина?

Холодная дрожь пробѣжала по ней. Она уронила платокъ и ключъ; но уже въ слѣдующую минуту она схватила ихъ, оглядываясь вокругъ, гдѣ бы ей пайти болѣе вѣрное мѣсто, чѣмъ этотъ изящный ящичекъ.

— Что это,—шаги? нѣтъ...

Она спрятала ключъ и платокъ къ себѣ въ карманъ, гдѣ они были въ большей сохранности.

Отъ кого?

Молодая женщина попробовала засмѣяться. Смѣхъ ея такъ странно звучалъ... ей показалось, что это не она смѣется, и слезы готовы были брызнуть у нея изъ глазъ.

— Ну, ее эту Ульценъ, со всѣми ея ужасными исторіями! А, Лебрехтъ! Ни слова не сказалъ мнѣ объ этомъ!

И вотъ она снова сидитъ въ креслѣ у камина и думаетъ, думаетъ, какъ и прежде... Нѣтъ! Она всѣми силами души своей старается отогнать отъ себя ужасныя мысли, что она теперь нашла ключъ къ открытію тайны Лебрехта.

III.

— Что тамъ было такое?—спросилъ докторъ.

— Мнѣ послышался шумъ,—отвѣчалъ Лебрехтъ, притворяя дверь;—это была только Ульценъ.

— Только Ульценъ,—прелестно!—сказаль докторъ, залпомъ выпивая свой стаканъ и снова наполняя его,—совершенно въ духъ человѣка съ худой совѣстью! Она была у твоей жены?

— Кажется, да!—сказаль Лебрехтъ.

— Гм! А что, если она твоей женѣ, такъ сказать, en passant, безъ всякаго умысла,—да и какой у нея можетъ быть умыселъ? Что если она сообщила ей твою прелестную тайну?

— Я забыль тебѣ сказать, что убѣдительно просиль Ульценъ не говорить объ этомъ.

— Подъ какимъ предлогомъ?

— Что желаю... желаю удивить Анну.

— Удивить... хорошо, очень хорошо! А что если кто-нибудь другой пожелаеть удивить ее? Небеловъ, напримѣръ?

— Нѣтъ ничего невѣроятнѣе этого предположенія!

— Однако же, оно возможно?

— Для чего мучишь ты меня?

— Для того, чтобы показать тебѣ, что тайна твоя, подобно мечу Дамокла, на шелковой ниточкѣ висеть надъ тобою.

— Какъ будто бы это мнѣ не такъ же хорошо извѣстно, какъ и тебѣ.

— Да! висеть на шелковой ниточкѣ, которая каждую минуту готова разорваться, и мечъ неминуемо упадетъ внизъ. Ты погибшій человѣкъ. Ты и теперь уже погибъ,—хочешь, докажу тебѣ свои слова!

Ироническая улыбка, съ которою докторъ все время выслушиваль длинную исповѣдь своего друга, исчезла съ его блѣднаго худого лица. Онъ потираль руками острия колъни своихъ длинныхъ, сухихъ ногъ, сначала медленно, затѣмъ все быстрѣе и быстрѣе, какъ дѣлаль это всякій разъ, когда теряль терпѣнiе съ своими націентами. Взоръ его не сверкаль прежнимъ юморомъ, съ которымъ онъ передъ тѣмъ посматриваль на своего друга, напротивъ, глаза его были опущены, какъ будто бы все, что онъ собираль сказать, было написано на коврѣ, и онъ снѣшилъ прочесть изъ боязни, чтобы все написанное не исчезло въ слѣдующую затѣмъ минуту.

— Я докажу тебѣ, какъ дважды два четыре, что ты ни болѣе, ни менѣе, какъ монамахъ, страдающій магіей преслѣдованія, или же воображающій, что въ желудкѣ у него цѣлый центнеръ сѣна, или четверикъ гусеницъ въ головѣ. Представь ты себѣ, ради Бога, какъ поступиль бы благоразумный человѣкъ въ твоемъ положеніи? Представь себѣ, что у этого человѣка, помимо его имени, изъ за котораго онъ еще школьникомъ вступаль въ драку съ дразнившими его товарищами,—есть въ жизни одно обстоятельство, ко-

торого онъ стыдится, несмотря на то, что ничѣмъ въ немъ не виновенъ; этого обстоятельства онъ также не въ силахъ измѣнить, какъ не можетъ измѣнить имени и носа, съ которыми появился на свѣтъ. Подобный стыдъ въ моихъ глазахъ есть гнусная, аристократическая безеямыслица, граничащая съ помѣшательствомъ, но не помѣшательство въ строгомъ смыслѣ этого слова. У всякаго почти есть свое пугало; а для человѣка, о которомъ мы говорили, и было пугаломъ обстоятельство, мучившее его всю жизнь. Онъ то сердился на него, то боялся его, до нѣкоторой степени имѣя на то свои причины, ибо и другіе люди также слабы, какъ и онъ, и готовы при всякомъ удобномъ случаѣ колынуть его этимъ пугаломъ, какъ тотъ милѣйшій полковникъ, на примѣръ:—вы бы не прочь сдѣлаться офицеромъ, любезнѣйшій! но знаете-ли въ этомъ аристократическомъ полку... А, ну его къ чорту! Я было надѣялся, что всякій разъ, когда кто-нибудь покажетъ только видъ, что желаетъ колынуть его этимъ пугаломъ, онъ также, какъ и я, пошлетъ того человѣка къ чорту!

«И сколько мнѣ помнится онъ такъ и поступалъ до тѣхъ поръ, пока въ одинъ прекрасный день онъ долженъ былъ сказать:—ну, ее къ чорту! Последняго онъ не сдѣлалъ, ибо у него не хватило мужества.

«Хотя съ своей точки зрѣнія я и сожалѣю объ этомъ, но все же понимаю его. Я не принадлежу къ моралистамъ, по крайней мѣрѣ, не къ самымъ строгимъ, недопускающимъ исключеній. Я допускаю послѣднія; я говорю: любовь, какъ и война, есть тоже борьба за существованіе. Какъ въ первой, такъ и въ послѣдней нравственное начало считается абсурдомъ,—здѣсь все средства хороши; подобно тому какъ мы называемъ худымъ того полководца, который раньше времени обнаружитъ слабыя стороны передъ непріателемъ, такъ точно назовемъ мы глупцомъ того человѣка, который дастъ возможность своей возлюбленной разсмотрѣть извѣстное ему пугало его жизни. Она, пожалуй, *mutatis mutandis*, воскликнетъ съ милѣйшимъ полковникомъ: я бы охотно согласилась быть вашей женой, любезнѣйшій, но, знаете-ли, въ этомъ аристократическомъ домѣ...

«Вон! умный полководецъ, какъ и умный возлюбленный, играютъ въ прятки. Это не только ихъ право, но даже обязанность.

«Замѣть, однако, мой cher, что такъ можетъ продолжаться лишь нѣкоторое время, лишь до тѣхъ поръ, пока въ битвѣ не наступитъ тотъ моментъ, когда батальонъ, принимаемый непріателемъ за цѣлую армію, долженъ, наконецъ, выступить на мѣсто дѣйствія и воскликнуть или скорѣе доказать: насъ небольшая кучка людей, но каждый изъ насъ самъ по себѣ герой! Лишь до тѣхъ поръ

пока не наступят чудные дни ненасытной страсти и любви, когда онъ ей можетъ все, все сказать, если бы даже дѣло шло о какомъ-нибудь мистическомъ лебедѣ или самомъ сатанѣ во плоти, ибо на все это она отвѣтитъ ему: мнѣ все равно!

«Какъ врачъ, мой милый, я могъ бы привести тебѣ, если бы не боялся быть нескромнымъ, много случаевъ, гдѣ и не такія обстоятельства забывались и прощались, да что я говорю! гдѣ на признаніе отвѣчали еще болѣе уопытельными сладострастными поцѣлуями.

«Ну, а ты? Я долженъ теперь говорить о тебѣ... что дѣлаешь ты? Что сдѣлалъ ты, наконецъ? Ты навсегда далъ ускользнуть тѣмъ всемогущимъ, всеблагимъ, полнымъ упоенія минутамъ.

«Да! навсегда, mon cher! Минуты эти остались тамъ, въ томъ раю, гдѣ нѣтъ ни грѣха, ни раскаянія, ни наказанія, который вы оба только что оставили позади себя. Отъ этогорая всякая молодая женщина безпрекословно отказывается съ того времени, когда она вступаетъ на порогъ того дома, гдѣ дѣлается хозяйкой. И вотъ, почувствовавъ внезапно всю тяжесть отвѣтственности, съ такимъ мужествомъ взятой на себя, она съ испугомъ и сомнѣніемъ спрашиваетъ себя: будешь-ли ты въ состояніи нести эту тяжесть? Счастлива она, если на этотъ критическій вопросъ она можетъ съ полнымъ довѣріемъ и облегченіемъ сердцемъ отвѣчать: да, если онъ всегда вѣрно и непоколебимо будетъ проходить со мною мой жизненный путь, да и возможно-ли иначе! Вѣдь онъ олицетвореніе вѣрности, непоколебимости, честности и мужества!

«А, что если этотъ вѣрный, непоколебимый, добрый, мужественный человѣкъ приходитъ къ ней и, насмѣшливо улыбаясь, говоритъ: ты попалась въ западню, милая моя птичка! или... что еще гораздо хуже въ моихъ глазахъ—онъ шепнетъ ей среди поцѣлуевъ, не отъ всего сердца лаская ее, ибо совѣсть его нечиста: я согрѣшилъ передъ тобою и не стою... ба! Имѣеть-ли право тогда удивляться супругъ, когда жена поймаетъ его на словѣ? Говорю тебѣ, mon cher, что я знаю молодыхъ дамъ, поступавшихъ такимъ образомъ; судя же по тому, что ты раньше или позже сообщалъ мнѣ о твоей женѣ, она поступитъ точно также. Вѣдь не даромъ же происходитъ она съ материнской стороны изъ дома Кюнгель-Нютцевъ!

«Тутъ-то, мой милый, и заканчивается тотъ ужасный кругъ, изъ котораго былъ еще пока выходъ; изъ боязни аристократическихъ предразсудковъ ты до тѣхъ поръ хранилъ свою тайну, пока не могъ уже открыть ей, не оскорбляя не только этихъ предразсудковъ,—чтобъ ихъ чертъ побралъ,—но и нравственнаго чувства, святость котораго и я, мой другъ, почитаю!

«Вспомни слова поэта: кто обманываетъ довѣріе, тотъ умерщвляетъ человѣка во чревѣ его матери! Рана, нанесенная тобою довѣрчивому сердцу твоей молодой жены, не заживетъ никогда. Съ этой самой минуты и во всѣ послѣдующія времена она никогда не будетъ вѣрить тебѣ на слово, пока это не подтвердится со стороны. А знаешь-ли ты, какое значеніе имѣетъ для молодой женщины — со стороны? Это значить: отъ другихъ мужчинъ, ни лучше, ни хуже тебя, по которыхъ она, не долго разсуждая, изъза одного противорѣчія найдетъ лучше тебя. Я докажу тебѣ примѣромъ, до чего можетъ дойти подобное недовѣріе.

«Ты говоришь, что Ульцепъ не выдастъ твоей тайны, что ты запретилъ ей. Предположимъ, что она не поддастся искушенію, лежащему въ основаніи самаго запрещенія. Кто во всемъ свѣтѣ можетъ поручиться, что она не воспользуется драгоцѣннымъ временемъ и не выболтаетъ твоей женѣ исторію о Флидербумѣ. Можешь ворчать, сколько тебѣ угодно, я все же повторяю: кто поручится тебѣ въ этомъ? И ко всей этой исторіи прибавить также отвратительные комментаріи, которые ходятъ среди народа съ тѣхъ самыхъ поръ, какъ ты уѣхалъ? Замѣть при этомъ, что я, желая падить тебя, не передалъ тебѣ самаго отвратительнаго; но *quod fessum non sanat, ignis!* И такъ, кто-то, откуда-то, выкопалъ старинное, наполовину забытое сказаніе о таинственномъ ходѣ, который начинается здѣсь въ комнатѣ, кончается на другомъ концѣ въ какой-то береговой пещерѣ и выходитъ между слями горы висельниковъ; всѣмъ достовѣрно извѣстно, гдѣ находится юноша. Смѣшно, не правда-ли? Въ томъ-то и дѣло, что не смѣшно. Ты вѣдь не можешь призвать всѣхъ сюда и сказать имъ: — посмотрите, господа, на этотъ стѣнной шкафъ, можетъ-ли онъ вмѣстить въ себя всѣхъ васъ дураковъ? Предположимъ, что для тебя безразличны рѣчи дураковъ, тогда подумай о томъ, что рѣчи эти дойдутъ до ушей жены твоей и что, если юноша, отъ чего Боже сохрани насъ, дѣйствительно не возвратится, а тайна исчезновенія его не разъяснится, то какое впечатлѣніе произведетъ все это на твою молодую жену? Найдеть-ли она пріятнымъ свое пребываніе въ очарованномъ замкѣ? Въ состояніи-ли она будетъ войти въ эту комнату, не вспомнивъ этой исторіи? Или... знаешь-ли, что я тебѣ скажу, милый ты мой! я бы на твоемъ мѣстѣ, не дожидая пока всѣ эти рассказы о Флидербумѣ и о существованіи стѣннаго шкафа дойдутъ до нея, послѣшилъ бы втихомолку задѣлать послѣдній. Тогда ты вполне спокойно можешь отвѣтить ей: что за нелѣпости, сокровище ты мое! никакого шкафа здѣсь нѣтъ, а тѣмъ болѣе таинственнаго хода... Что съ тобой? Въ умѣ-ли ты?»

Всю свою длинную рѣчь, лившуюся съ каждой минутой все

болѣе и болѣе неудержимымъ потокомъ, сопровождалъ докторъ равномерными покачиваніями изъ стороны въ сторону, напоминающими маятникъ, не переставая въ тоже время потирать колѣни, причѣмъ тонкія, дрожація руки его производили впечатлѣніе свѣтовыхъ полосъ. При послѣднихъ словахъ своихъ онъ вдругъ остановился, устремивъ черезъ очки неподвижный, испуганный и въ тоже время пылкій взоръ на Лебрехта, какъ врачъ, въ присутствіи котораго неожиданно очутился субъектъ съ подозрительными симптомами сумасшествія. Дѣло въ томъ, что Лебрехтъ все время, по мнѣнію доктора, по крайней мѣрѣ, спокойно слушавшій его, вдругъ вскочилъ и, схвативъ тяжелый стулъ, который тотъ съ трудомъ передвигалъ съ мѣста на мѣсто, поднялъ его и затѣмъ со всею силою стукнулъ имъ объ полъ, такъ что, несмотря на толстый коверъ, послышався даже трескъ; стоящіе на большомъ дубовомъ столѣ бутылки и стаканы зазвенѣли и даже закачалась висячая лампа. Вслѣдъ за этимъ непонятнымъ взрывомъ гнѣва Лебрехтъ принялся бѣгать назадъ и впередъ по комнатѣ, то теребя свои бѣлокурые волосы, то потрясая кулаками, какъ бы передъ какимъ-то невидимымъ противникомъ, и, наконецъ, остановившись подлѣ доктора, сквозь зубы прохрипѣлъ:

— Проклятая! проклятая!

— Что или кто проклятая, милѣйшій Лебрехтъ?—сказалъ докторъ съ страшнымъ спокойствіемъ, которое сильно противорѣчило его предыдущей бурной рѣчи.

— Мы... мы поставили туда въ шкапъ!

— Что такое, милый Лебрехтъ?

— Какъ можешь ты еще спрашивать? Это... это...

— *Coprus delicti*?

— Да, да! мы хотѣли спрятать ее, а это было самое близкое и вѣрное мѣсто.

— Конечно! Я позабылъ давеча спросить тебя, что вы съ нею сдѣлали.

— У насъ рѣшено было, что, когда я ему напишу о томъ, что мы уже переговорили съ Анной, онъ опять вынетъ ее и поставитъ на прежнее мѣсто, или же спрячетъ на чердакъ. Я ни подъ какимъ видомъ не хотѣлъ уничтожить ее.

— Разумѣется! Возможно-ли уничтожить старинную примѣту дома! Надѣюсь, что настолько благочестія еще сохранилось въ тебѣ!

— Я для этого оставилъ ему ключъ...

— Онъ взялъ его съ собою?

— Нѣтъ! изъ-за ключа-то и разыгралось все дѣло. Онъ грозилъ мнѣ, что выдастъ меня; я хотѣлъ взять ключъ назадъ, онъ не отдавалъ, я отнял проклятый ключъ... я... я ударилъ его имъ...

— Убилъ его?

— Съума ты сошелъ!

— Это въ сторону!.. Не стучи такъ ногой... значить, не убилъ Потомъ?

— Затѣмъ все произошло такъ, какъ я тебѣ рассказывалъ. Я..

— Ну?

— Я потерялъ ключъ.

— Гдѣ? Какимъ образомъ?

— Не знаю, мнѣ кажется, я завернулъ его и бросилъ въ одинъ изъ моихъ сундуковъ. Тщетно принимался я искать его во время путешествія и все-таки не находилъ.

— Хорошій знакъ!—сказалъ докторъ, съ удовольствіемъ потирая колѣни.—Это значить, что тебѣ не слѣдуетъ больше открывать этого шкафа, и напротивъ, задѣлать его глухой стѣной, о чемъ я тебѣ передъ этимъ говорилъ. Ты долженъ теперь, строго придерживаясь словъ духовнаго завѣщанія твоего отца, заключить слѣдующимъ... скажемъ снова: *le roi est mort!* и, какъ и подобаетъ такому великому властителю, торжественно погребенъ въ склепахъ своихъ собственныхъ налатъ: *requiescat in pace!* и... *Vive le roi!*

— Нѣтъ! Это не годится! не годится! Шкафъ долженъ быть отпертъ,—я туда спряталъ все свое серебро!

— Знаеть-ли кто-нибудь объ этомъ?

— Ульценъ.

— Гм! Знаеть-ли она, что ключъ пропалъ?

— Я вынужденъ былъ сказать ей объ этомъ... она что-то хотѣла вынуть оттуда. Это-то и есть главная причина, почему я хотѣлъ избѣжать встрѣчи служащихъ у меня молодыхъ людей; мнѣ нужно было бы ихъ пригласить тогда, не хватило бы то того, то другого...

— А ты боишься развѣ открыть шкафъ въ чьемъ-либо присутствіи или же позволить кому-нибудь другому открыть его? *Corpus delicti!*

— Стоитъ открыть и она тутъ, какъ тутъ.

— Тогда сдѣлай это самъ.

— Это не такъ-то легко будетъ сдѣлать безъ ключа, такой трудно подобрать.

— Тогда выбей дверь! Или ты боишься, что шумъ разбудитъ твою жену? Пустяки! Молодая, здоровая женщины всегда крѣпко спитъ.

— Брось свои шутки!

— Клянусь небомъ! я не шучу,—воскликнулъ докторъ, вскакивая вдругъ съ своего стула.—Что же ты дѣлаешь теперь, что дѣлалъ ты все это время, какъ не надѣялся на крѣпкій сонъ твоей

жены? Ты думалъ: она не слышитъ и не видитъ ничего, не обращаетъ вниманія на твое измѣнившееся, невыносимое расположеніе духа, на которое ты самъ же жалуешься! А ты не подумалъ о томъ, что будетъ, если необдуманное слово твоей прислуги дастъ ей ключъ къ объясненію твоей меланхоліи, и она придетъ въ такой ужасъ, что ее не въ состояніи будутъ успокоить ни ласки, ни поцѣлуи твои! Что стоишь ты, какъ пораженный громомъ, король Вальдома—мальчишка ты, который боится привидѣній, имъ же самимъ вызванныхъ! Неужели ничто,—ни шутки, ни серьезные рѣчи, ни доказательства мои, ни несчастный случай этотъ, который какъ бы въ заговорѣ противъ тебя... а случай есть, повѣрь мнѣ, вопреки словамъ Валленштейна!.. ни уваженіе къ самому себѣ, ни любовь къ женѣ, ничто, рѣшительно ничто не можетъ принудить тебя поступить такъ, какъ ты долженъ! Иди, сейчасъ же иди, не дожидая, пока жена твоя переступитъ порогъ этой комнаты, и скажи ей все... плача или проклиная, съ смиреніемъ или гнѣвомъ, мнѣ все равно, но скажи ей все, слышишь-ли все, все до самыхъ мельчайшихъ подробностей!

— Тише, ради Бога!

Послѣднія слова докторъ произнесъ съ жаромъ и по всегдашнему своему обыкновенію торопливымъ и задыхающимся голосомъ, указывая при этомъ рукой на дверь изъ передней, черезъ которую онъ ждалъ появленія Анны. Взоры же Лебрехта, стоявшаго напротивъ него, были обращены на другую дверь, за которой начинался цѣлый рядъ комнатъ; къ крайнему неудовольствію своему онъ замѣтилъ, что дверь эта, запертая имъ самимъ, была лишь притворена. Быть можетъ, замокъ отекочилъ самъ по себѣ въслѣдствіе сотрясенія, когда онъ со всей силы стукнулъ тяжелымъ стуломъ объ полъ... все равно! ее надо опять затворить. Онъ бросился впередъ къ двери, не слушая словъ доктора, какъ услышалъ вдругъ стукъ отодвигаемаго стула. Онъ вскрикнулъ съ испугомъ, что заставило обернуться и доктора;—въ ту же самую минуту открылась дверь и на порогъ сверкающей огнями залы показалась высокая, стройная фигура Анны. Постоявъ минуту въ нерѣшительности, она направилась къ нимъ легкими, какъ бы воздушными шагами, съ улыбкой на прекрасномъ, слегка блѣдномъ лицѣ.

IV.

Внезапное появленіе Анны привело въ страшное смущеніе обоихъ мужчинъ, заставъ ихъ врасплохъ среди страннаго разговора ихъ. Представляя доктора, Лебрехтъ что-то пробормоталъ о старинномъ и наилучшемъ другѣ, а докторъ въ свою очередь едва

прошепталъ своимъ непонятномъ гортаннымъ голосомъ: «Добро пожаловать въ нашъ Вальдомъ! Да благословить васъ Богъ!» Затѣмъ, отвѣсивъ важный поклопъ, онъ выпрямился и сквозь блестящія стекла очковъ пристально взглянулъ на Анну; послѣдняя, проговоривъ нѣсколько дружескихъ словъ въ отвѣтъ на его привѣтствіе, заняла мѣсто на стулѣ, который смущенный Лебрехтъ пододвинулъ къ камину, приглашая своего друга присоединиться къ нимъ. Докторъ пробормоталъ что-то сквозь зубы и принялся взадъ и впередъ ходить по комнатѣ, что дѣлалъ всякій разъ, когда въ его практикѣ являлся непредвидѣнный случай, и онъ, забывая пациента и присутствующихъ, старался прежде всего привести въ порядокъ свои собственныя мысли.

Этого онъ не предвидѣлъ, не могъ никакъ предвидѣть!

Судя по нѣкоторымъ неяснымъ рассказамъ Лебрехта, онъ представлялъ себѣ Анну маленькой, весьма миловидной, вѣчно живой, готовой на смѣхъ и всякую задорную шутку, пустынькой особой, немного или, пожалуй, порядочной кокеткой, странно избалованной и капризной, но, несмотря на это или же именно вслѣдствіе всѣхъ этихъ качествъ, вполне подходящей женой для его подверженнаго меланхолическимъ припадкамъ педантичнаго друга. Веселая фигурка эта то и дѣло мелькала въ его воображеніи въ продолженіи страннаго разговора, и это-го главнымъ образомъ и выводило его изъ себя. Несмотря на то, что онъ бранилъ и критиковалъ поступки своего друга, послѣдній былъ не только любимцемъ, онъ былъ его кумиромъ, его идеаломъ, и вотъ этотъ прекрасный, гордый человѣкъ, король Вальдома... въ такомъ смѣшномъ положеніи! Да если бы онъ и въ самомъ дѣлѣ убилъ Ганса Флидербума, сварилъ его и съѣлъ, то и тогда онъ... докторъ Адальбертъ Бертрамъ... нашелъ бы этотъ фактъ вполне извинительнымъ, а тутъ вдругъ... изъ-за кого? Изъ-за веселой фигурки, которая врядъ-ли будетъ ростомъ по локоть бѣлокураго исполина! А исполнилъ какъ куклу носить ее на рукахъ и смѣясь напентываетъ ей на ея маленькое, кукольное ушко: тра-ла-ла-ла, что шумитъ въ салонѣ? Что это, никакъ куколка разсердилась? Тише, куколка, тише! А то не получишь сахару сегодня! Куколка смокла и... въ салонѣ все стихло!

И что же увидѣлъ онъ? Передъ нимъ стояла молодая женщина, полная противоположность картины, нарисованной его живымъ воображеніемъ, гибкая и граціозная, которой стоило лишь слегка приподнять головку, чтобы поцѣловать исполина Лебрехта. И какую головку! Отважную и прелестную, съ чудными божественно-чистыми очертаніями головки Версальской Дианы, съ черными, слегка вьющимися волосами, волнообразно окаймляющими

высокій, нѣжный лобъ и заложенными граціознымъ, греческимъ узломъ на прелестномъ затылкѣ, съ нѣжнымъ, пластически красивымъ блѣднымъ лицомъ, съ тонкими, дугообразными бровями, изъ подъ которыхъ сверкали большіе, черные глаза, съ маленькимъ ротомъ съ мягкими и все же энергично очерченными губами, при взглядѣ на которыя трудно было рѣшить, для чего онѣ больше созданы, для поцѣлуя или приказанія. Все было пропорціонально въ этой высокой, стройной фигурѣ,—каждая поза, каждое мельчайшее движеніе, исполненныя царственнаго величія, мягкій и въ то же время густой голосъ;—со всѣмъ этимъ вполне гармонировала и одежда, облакавшая величественную фигуру молодой женщины. Доктору показалось, что онъ получилъ божественное откровеніе.

Божественное и въ то же время ужасное откровеніе.

Онъ сразу понялъ все, что за нѣсколько минутъ передъ тѣмъ казалось ему неразрѣшимой загадкой, которая, быть можетъ, имѣла хотя и глубокой, но все же исковерканный смыслъ. Проблема была рѣшена, это такъ, по только къ стыду и страшной тревогѣ самого совѣтника. Первоначальное мнѣніе Лебрехта, служившее въ его глазахъ не только доказательствомъ трусости, но бывшее, по его мнѣнію, абсурдомъ, казалось ему теперь умнымъ и даже гениальнымъ; онъ начиналъ понимать нерѣшимость Лебрехта открыться женѣ своей; положеніе послѣдняго стало ему казаться не смѣшнымъ, а затруднительнымъ, даже, больше того, отчаяннымъ. Онъ вдругъ понялъ, что надо было обладать громаднымъ мужествомъ, чтобы дѣйствовать напрямикъ тамъ, гдѣ такъ сомнителенъ результатъ; являлась крайняя необходимость въ подготовкѣ, ибо здѣсь не могло быть и рѣчи о покорной, робкой, всепрощающей любви. Кто такъ прекрасенъ, тотъ не сомнѣвается въ возможности быть любимой, а стоитъ-ли послѣ этого трудиться, дабы заставить себя полюбить? Такъ-ли смотреть, такъ-ли говорить любящая женщина? Тонко разсчитывая каждое слово, благоразумно и холодно... и это въ первый же вечеръ своего пребыванія въ домѣ возлюбленнаго супруга, при первой же встрѣчѣ съ другомъ послѣдняго! Онъ скоро отказался отъ той мысли, что она слышала кое-что изъ разговора или же, по крайней мѣрѣ, настолько слышала, чтобы придти въ смущеніе. Не было, однако, и тѣни послѣдняго! Вотъ она сидитъ точно прирожденная принцесса, недовольная сдѣланнымъ ей пріемомъ и встрѣченными порядками, но считающая унижительнымъ для себя дать замѣтить объ этомъ! Быть можетъ, ей не правилось, что онъ былъ здѣсь, что оставался еще послѣ того, какъ она такъ медлила своимъ приходомъ, дабы дать ему возможность во время ступешаваться. Уйти изъ этой комнаты? Да, знаете-ли вы, сударыня, что я... я докторъ Адальбертъ Бертрамъ... имѣю свои права на

эту комнату... вамъ же придется еще добиваться этихъ правъ! Знаете-ли вы, что супругъ вашъ, который такъ молчаливо и задумчиво сидитъ у камина подлѣ васъ, и я, докторъ Адальбертъ Бертрамъ, сидящій тутъ, у этого дорогого, стараго, дубоваго стола, знаете-ли вы, что мы много лѣтъ, много вечеровъ подъ рядъ сидѣли здѣсь до глубокой ночи, или, болтали, курили, обмѣнивались мыслями и чувствовали, даже и въ томъ случаѣ, когда молчали, когда не старались превзойти другъ друга въ безумныхъ шуткахъ, или же мудрыми рѣчами нашими не приводили въ надлежащій порядокъ вселенную? Вы являетесь вдругъ, сударыня, и мужественный человѣкъ дѣлается трусомъ! Самые вѣрныхъ, закадычныхъ друзей вы натравляете другъ на друга! Точно прелестное привидѣніе сидите вы тутъ, и я, докторъ Адальбертъ Бертрамъ, не страшившійся до сей минуты даже самого чорта, я едва осмѣливаюсь ступить по полу, принадлежащему мнѣ, по этому толстому, богопротивному ковру, постланному исключительно для васъ, не рѣшаюсь налить себѣ стакана вина, хотя отъ долгаго разговора и нервнаго возбужденія языкъ мой прилилъ къ гортани моей! Нѣтъ-съ, прелестный бѣсенокъ, тебѣ не поймать меня въ свои сѣти! Не поймаешь и того бѣдняги, я вырву его у тебя, это также вѣрно, какъ и то, что меня зовутъ докторомъ Адальбертомъ Бертрамомъ!

Докторъ подошелъ къ столу, до самыхъ краевъ наполнилъ свой стаканъ, залпомъ осушилъ его и снова принялся за свое странствованіе по комнатамъ, проклиная и расхажившіеся нервы, и трусость Лебрехта, такъ заразительно дѣйствующую на него, браня красоту молодой женщины, въ которой начиналъ видѣть не случайную причину, а главное основаніе, такъ сказать, корень всего зла.

Этотъ длинный, сухощавый человѣкъ, подозрительный и недобѣрчивый отъ природы, лишь изрѣдка вставившій въ разговоръ краткое, едва понятное слово, сказанное притомъ насмѣшливымъ тономъ, долженъ былъ неминуемо произвести крайне неприятное впечатлѣніе на всякаго, кто видѣлъ его въ первый разъ. Нѣтъ ничего удивительнаго въ томъ, что онъ показался ужаснымъ бѣдной Аннѣ, измученной мрачнымъ предчувствіемъ и всевозможными опасеніями, несмотря на то, что она всеми силами старалась не дать замѣтить своихъ чувствъ. Дѣйствительность оказывалась хуже, чѣмъ она боялась! А доктора она всегда почему-то боялась, называя его то серьезно, то въ шутку Мефистофелемъ и злымъ гениемъ своего возлюбленнаго Лебрехта! Она слышала отъ послѣдняго, что другъ его можетъ читать сокровенныя мысли людей, и когда онъ теперь останавливался противъ камина, огонь

котораго отражался въ сверкающихъ очкахъ его, и устремлялъ на нее взоръ свой, ей казалось, что онъ желаетъ проникнуть въ самую глубину души ея. Не радовался-ли онъ тому, что тревога ея съ минуты на минуту все растетъ и увеличивается, принимая болѣе и болѣе осязательныя формы, всякій разъ послѣ того, какъ она взглядывала на Лебрехта, съ лица котораго навсегда исчезла такъ очаровавшая ее непринужденная веселость! Неужели же этотъ человѣкъ, устремившій неподвижный, мрачный взоръ на огонь, ея гордый, спокойный, великодушный, обожаемый Лебрехтъ?

А послѣдній былъ дѣйствительно въ отчаяніи. Бертраму не зачѣмъ было тратить такъ много словъ и краснорѣчія, дабы убѣдить его, что онъ поступилъ глупо и какъ трусъ, что онъ долженъ говорить немедленно, если не хочетъ показаться безмозглымъ и безсердечнымъ человѣкомъ, что съ каждой минутой онъ только ухудшаетъ положеніе свое. Да! онъ рѣшился говорить; то и дѣло повторялъ онъ себѣ слова, которыя скажетъ ей, надѣясь, что они польются сами собой и тутъ же пугался того ужаса, который испытываетъ, когда наступитъ эта минута. Неужели же надо говорить сейчасъ, въ присутствіи Бертрама? Нѣтъ, невозможно! Нѣтъ, онъ подождетъ, пока тотъ удалится. Чего же это онъ не уходитъ? Чего этотъ длинноногій бѣгаетъ тутъ взадъ и впередъ по комнатѣ, мѣшая мужу и женѣ говорить о важномъ, серьезномъ дѣлѣ, и въ тихомолку дьявольскими жестами своими и взорами подстрекая его къ исполненію своего долга? Пусть будетъ спокоенъ, онъ и безъ него сдумаетъ исполнить свой долгъ! И вотъ ему вспомнилось, какъ онъ радовался при мысли, что, наконецъ-то, онъ познакомитъ жену свою съ своимъ стариннымъ другомъ... во всемъ мірѣ не было для него двухъ болѣе милыхъ, дорогихъ существъ! И что же? Они собрались вмѣстѣ и сидятъ молча, испытывая гнетущее чувство смущенія и душевной муки. Такъ вотъ она такъ страстно ожидаемая минута!

— Ты не поѣдешь сегодня къ твоимъ пациентамъ, Адальбертъ?—спросилъ онъ.

Докторъ остановился, взглянулъ насмѣшливо на своего друга, какъ бы желая ему сказать: «а мужества у тебя все-таки не хватаетъ, mon cher!», и молча продолжалъ свою прогулку по комнатѣ.

— Я надѣялась, что докторъ поужинаетъ вмѣстѣ съ нами,— сказала Анна.

Бертрамъ поклонился и слегка пожалъ плечами, что можно было понять двоякимъ образомъ: «благодарю!» или же «очень жаль, сударыня!»

— Придется подождать нѣсколько, — нерѣшительно продолжала Анна.— Ульценъ объявила мнѣ, что ужинъ будетъ готовъ не

раньше десяти часовъ, такъ какъ именно къ этому часу она и поджидала насъ. Теперь...

— Черезъ пять минутъ три четверти девятаго, — сказалъ докторъ, поглядывая сначала на часы, а потомъ на Лебрехта, — вотъ что, сударыня! если вы дѣйствительно желаете, чтобы я сегодняшній вечеръ провелъ у васъ, то прошу позволенія отлучиться на короткое время. Я очень скоро возвращусь назадъ, Лебрехтъ!

— Хотите навѣститъ вашихъ пациентовъ? — сказала Анна.

— Боже меня сохрани! — возразилъ докторъ, — я ѣду къ совершенно здоровымъ юнонамъ, служащимъ въ конторѣ и... и такъ далѣе. Видите-ли, сударыня, въ три четверти девятаго они хотѣли собраться въ нашемъ бельномъ ресторанѣ матушки Имфельдтъ, гдѣ у насъ въ этотъ часъ назначена сѣвка октета, слова сочинены мною, сударыня! Они еще разъ хотятъ пройтъ его, чтобы подготовиться къ назначенному часу. Само собою разумѣется, что отъ тревоги ожиданія у нихъ пересохло въ горлѣ, надо пропустить нару, другую пива. Они не двинутся съ мѣста, пока я не приду за ними, а я, какъ сострадательный человѣкъ, не желаю заставлять ихъ сидѣть до самой ночи. И такъ, черезъ пять или десять минутъ!

Докторъ подошелъ къ столу, на которомъ лежали его шапка и палка. Холодная дрожь пробѣжала по всему тѣлу Лебрехта, желавшаго передъ тѣмъ, чтобы ушелъ докторъ. Вспѣвъ за уходомъ послѣдняго наступить тотъ ужасный моментъ, когда онъ долженъ будетъ сказать все, что такъ страшно мучило и угнетало его. Нельзя-ли, чтобы на нѣкоторое время чаша эта миновала его? Ахъ! если бы Бертрамъ остался еще хотя на нѣсколько минутъ, на нѣсколько часовъ!

— Зачѣмъ же тебѣ беспокоиться, — сказалъ Лебрехтъ, — Небеловъ можетъ это исполнить вмѣсто тебя.

— Исполнить-то онъ, конечно, можетъ, да только не такъ, какъ слѣдуетъ, — отвѣчалъ докторъ, протягивая руку къ шляпѣ.

— Бѣдные молодые люди! — сказала Анна, — они, вѣроятно, такъ радовались! Какъ нехорошо, что мы лишили ихъ удовольствія, а вмѣстѣ съ тѣмъ и себя...

— Если это можетъ вамъ доставить удовольствіе, — поспѣшно проговорилъ докторъ... — они придутъ... хоть сію минуту...

Лебрехтъ вздрогнулъ. Бертрамъ видимо не довѣрялъ ему и прибѣгалъ къ разнымъ уловкамъ, дабы поставить его въ такое положеніе, которое неминуемо влекло за собою объясненіе, а послѣднее обязательно должно было быть окончено до прихода молодыхъ людей. Лебрехтъ не хотѣлъ подчиняться принужденію, не хотѣлъ быть игрушкой въ рукахъ Бертрама.

— Извини меня за возраженіе, дорогой другъ, — сказалъ онъ, — но я хочу послать Небелова съ отказомъ. Я сердечно сожалѣю, что вынужденъ испортить удовольствіе молодымъ людямъ, но съ этой стороны я, право, не знаю, какъ лучше поступить. Все только тогда хорошо и имѣетъ надлежащій смыслъ, когда совершается въ свое время.

Лебрехтъ всталъ съ мѣста и надавилъ пуговку электрическаго звонка у дверей, удерживая въ тоже время за руку Бертрама, собиравшагося уже уходить.

— И такъ, ты не хочешь? — прошепталъ докторъ, а затѣмъ продолжалъ громко, обращаясь къ Аннѣ: — въ свое время! въ этомъ главное. Горе тѣмъ, кто пропускаетъ это время!

— Да вѣдь время это и безъ того пропущено, — воскликнулъ Лебрехтъ, съ досадою бросаясь на прежнее мѣсто.

— Пропущенное всегда можно наверстать, надо только умѣть во время принять свои мѣры, — насмѣшливо улыбаясь, проговорилъ докторъ, — но лишь мужчина въ истинномъ значеніи этого слова сдумаетъ воспользоваться надлежащей минутой!

— Такъ я, по твоему, не мужчина въ истинномъ значеніи этого слова?

— Въ настоящую минуту, по крайней мѣрѣ, нѣтъ!

— Въ твоихъ глазахъ, пожалуй, никогда! Говори же, не стѣсняясь! Я давно уже привыкъ къ твоимъ дружескимъ сужденіямъ о себѣ!

— Тогда ты не долженъ такъ удивляться имъ, какъ ты желаешь это показать, къ сожалѣнію, — сказалъ докторъ. — Честь имѣю, сударыня...

— Останьтесь, — воскликнула Анна. Она вскочила съ мѣста и сдѣлала нѣсколько поспѣшныхъ шаговъ по направленію къ доктору.

— Вы не имѣете права такъ оскорблять меня! Въ первый разъ вижу я васъ вмѣстѣ съ моимъ Лебрехтомъ, и вы хотите во враждѣ разстаться съ нимъ! Какъ могу я допустить, чтобы я была причиною ссоры между двумя старинными друзьями? Я...

На щекахъ ея вспыхнули лихорадочный румянецъ. Она провела рукой по глазамъ и продолжала, улыбаясь, болѣе спокойнымъ тономъ, что такъ рѣзко противорѣчило ея неподвижному взору:

— Нѣтъ, нѣтъ! любезный докторъ, вы должны остаться! Лебрехтъ совершенно правъ; не нужно никакихъ овацій сегодня вечеромъ. И затѣмъ...

Она обернулась къ столу и принялась расправлять скатерть, которую докторъ сдвинулъ съ мѣста во время своей прогулки по комнатѣ.

— Я, право, прихожу въ большое смущеніе при мысли о такомъ

многочисленномъ посѣщеніи,—я не могу отпустить ихъ безъ всякаго угощенія. Ульценъ, конечно, все приготовить, какъ слѣдуетъ, вина также достаточно, но все дѣло въ серебрѣ. Такъ... такъ, по крайней мѣрѣ, сказала Ульценъ... и что мой, всегда предусмотрительный Лебрехтъ...

Она продолжала стоять у стола, обернувшись спиной къ мужчинамъ. При послѣднихъ словахъ ея докторъ остановился противъ Лебрехта и, сверкнувъ гнѣвно глазами, взглянулъ на него; послѣдній отвѣчалъ улыбкой на этотъ нѣмой вызовъ и съ полнымъ спокойствіемъ, возмущившимъ доктора, продолжалъ начатую рѣчь Анны:

— Потерялъ ключъ отъ шкафа,—совершенно вѣрно; и говорила-ли она о томъ, что шкафъ этотъ не такъ-то легко открывается? Я не имѣю ни малѣйшаго желанія подвергать себя этимъ затрудненіямъ сегодняшній вечеръ. Анна знаетъ это, и... довольно, впрочемъ, объ этомъ! Не правда-ли, Анна?

— Конечно, конечно!—отвѣчала Анна.—Какъ тебѣ угодно!

— Конечно! какъ ему угодно!—воскликнулъ докторъ.—Всякая полиархія опасна! Лишь одинъ долженъ управлять! Превосходное словцо! Веселенькое словцо! А чтобъ его, этого плута Гомера! А чтобъ его, этого насмѣшника!

Докторъ, казалось, совершенно забылъ, что собирался уходить передъ этимъ, а Лебрехтъ—что хотѣлъ позвонить. Все снова сдѣли у камина, не произнося ни одного слова и даже не замѣчая этого долгаго молчанія, которое тяжелымъ гнетомъ ложилося на ихъ душу.

Невыносимое положеніе для бѣдной Анны! Ей казалось, что цѣлая вѣчность прошла съ тѣхъ поръ, какъ она, собравъ все свое мужество, вошла вотъ въ ту дверь, а между тѣмъ не было болѣе получаса! Какъ ей перенести все это! Она порывалась воскликнуть: Лебрехтъ! Милый Лебрехтъ! скажи мнѣ! теперь же! сейчасъ! съ смиреніемъ или гнѣвомъ... все равно... но только все, все, все!.. Но слова, готовые сорваться съ языка, оставались по прежнему невысказанными. Здѣсь! вотъ здѣсь произошло все это! Среди этихъ толстыхъ стѣнъ, заглушавшихъ то гнѣвное восклицаніе, тотъ громкій крикъ, не ускользнувшій, однако, отъ слуха любопытной женщины, подслушивающей у дверей! Вотъ черезъ ту вторую дверь бѣжалъ онъ, преслѣдуя его въ гнѣвѣ... черезъ гостиную... черезъ всѣ комнаты... чудныя, блестящія и сверкающія золотомъ и шелками комнаты, гдѣ она передъ этимъ проходила сначала въ полумракѣ, а затѣмъ при блестящемъ освѣщеніи... до спальни, до самаго окна...

Продолжительный, воюющій звукъ, издаваемый какой-то чудо-

вищю разстроенной трубой испугаль Анну и отвлекъ ее отъ ужасныхъ картинъ, рисуемыхъ ея воображеніемъ.

— Великій Боже! что это такое?

— Это нашъ старый знакомецъ, капельмейстеръ Нордостъ, — сказалъ докторъ. — Онъ обыкновенно начинаетъ трубить на узенькой улицѣ, гдѣ ратуша, — пробуетъ, какъ настроенъ инструментъ, затѣмъ грянетъ весь оркестръ. Вотъ сейчасъ начнется. Не правда-ли, какая чудная музыка, сударыня? И недорого стоитъ!

— Не болѣе нѣсколькихъ оконныхъ стеколъ, — сказалъ Лебрехтъ, дѣлая усиліе надъ собой, чтобы продолжать разговоръ.

— Кстати, такъ какъ мы заговорили о старыхъ знакомыхъ, — продолжалъ докторъ, не обращая вниманія на Лебрехта и обращаясь къ одной Аннѣ: — знаете-ли, сударыня, что вы найдете здѣсь стараго знакомаго? Я вывелъ это заключеніе изъ нѣкоторыхъ намеконъ этого человѣка, что вполне подтверждается необыкновеннымъ интересомъ, который онъ принимаетъ и въ васъ, и въ супругѣ вашемъ.

— Знакомый? При томъ старинный? Здѣсь, въ Вальдомѣ? Возможно-ли?

Докторъ не былъ увѣренъ, сознательно-ли говорила молодая женщина; большіе, темные глаза ея были устремлены въ одну точку, казалось, мысли ея были гдѣ-то далеко; но онъ говорилъ не для нея, а для Лебрехта, хотя и дѣлалъ видъ, будто бы не замѣчаетъ его присутствія.

— Почему же это невозможно! За это вы должны быть благодарны великому сѣятелю, называемому государствомъ, которое въ лицѣ своихъ чиновниковъ съѣтъ неогнѣнныя сѣмена неисчерпаемой премудрости во всѣхъ странахъ, а въ томъ числѣ и въ нашихъ пустынныхъ дюнахъ, гдѣ рѣдко вырастаютъ такіа драгоценныя растенія.

— Вы затрогиваете мое любопытство, — сказала Анна, не измѣняя своего неподвижнаго, растеряннаго взгляда.

— Не такъ сильно, конечно, какъ самъ тотъ, о комъ идетъ рѣчь, — не знаю только, настоящее-ли это его призваніе Лоренцъ, Стерне... одинъ изъ чтимыхъ мною людей, сударыня... причислилъ бы его къ *most inquisitive travellers*, который на законномъ основаніи имѣетъ право развѣзжать на десять миль въ окружности и разузнавать всевозможныя семейныя тайны. Дальше шести недель не можетъ продолжиться здѣсь его обязанность полицейскаго комисара; затѣмъ онъ поѣдетъ обратно въ Берлинъ, въ министерство, гдѣ представляется болѣе обширное поле дѣйствій для такихъ головъ, какъ онъ. Между тѣмъ онъ, такъ сказать, и здѣсь не терять напрасно времени; онъ знаетъ все. Пари держу, — ему извѣстно, что мы сидимъ вотъ здѣсь, а также о комъ говоримъ.

— Если бы намъ, по крайней мѣрѣ, было извѣстно, о комъ ты говоришь,—сказалъ Лебрехтъ.

— Онъ то и дѣло говорить о васъ обоихъ,—продолжалъ докторъ, но прежнему обращаясь къ одной Аннѣ.—Онъ называетъ величайшимъ несчастьемъ своей жизни, что вынужденъ былъ уѣхать изъ Кельна за недѣлю до вашей свадьбы и, такимъ образомъ, лишенъ былъ возможности прославить торжество это своимъ присутствіемъ и поэзіей, въ которой онъ, по его словамъ, превосходитъ самого Гёте и Шиллера.

— По всей вѣроятности, одинъ изъ твоихъ поклонниковъ, Анна,—сказалъ Лебрехтъ.

Докторъ разсердился на насмѣшливый тонъ, которымъ Лебрехтъ произнесъ свое замѣчаніе, глубоко оскорбившее Анну, которая вдругъ выпрямилась на своемъ стулѣ, но велѣдъ затѣмъ снова откинулась назадъ; яркій румянецъ на ея щекахъ такъ же скоро исчезъ, какъ и появился.

— Безъ сомнѣнія,—сказалъ онъ,—это привилегія солнца,—многіе поклоняются ему: праведные и неправедные, гиганты и... пигмеи.

— Это должно быть маленькій, горбатый ассесоръ,—сказалъ Лебрехтъ,—Франкъ или какъ тамъ его зовутъ этого неприятнаго малаго.

— Фонъ-Франкъ... Оскаръ фонъ-Франкъ,—сказалъ докторъ,—что же, наружность—дѣло вкуса. Находите-ли вы его также неприятнымъ, сударыня?

— Онъ много лѣтъ подъ рядъ посѣщалъ мой родительскій домъ,—сказала Анна.

— Этимъ-то онъ и гордится,—сказалъ докторъ;—онъ очень сожалѣетъ о томъ, что ему такъ мало придется бывать здѣсь, въ вашемъ домѣ, ибо никакъ продлить своего пребыванія здѣсь не можетъ.

— Не думаю, чтобы ему пришлось возобновить здѣсь свои посѣщенія,—я ненавижу этого человѣка.

— Нѣтъ-ли тутъ взаимности?

Докторъ вдругъ сразу измѣнилъ ироническій тонъ и обратился къ Лебрехту:

— Я говорю совершенно серьезно, mon cher, и мнѣ кажется, я правъ. По моему мнѣнію, необыкновенная энергія, съ первыхъ же дней своего пребыванія здѣсь выказанная упомянутымъ господиномъ по поводу извѣстнаго обстоятельства, мы именно объ этомъ обстоятельствѣ говорили, когда вы вошли, сударыня... Лебрехтъ навѣрное, передастъ вамъ о немъ... такъ вотъ эта-то энергія не имѣетъ своимъ источникомъ дружескаго участія и готовности по-

мочь, какъ утверждаетъ означенный господинъ, а, напротивъ, является слѣдствіемъ глубокой, но недостаточно искусно скрытой вражды. Таково, по крайней мѣрѣ, впечатлѣніе, произведенное на меня обхожденіемъ этого человѣка; я еще раньше хотѣлъ сказать тебѣ объ этомъ, дабы ты былъ осторожнѣе съ этимъ лицомъ, теперь же, къ великому своему удовольствію, вижу, что напрасно беспокоился. Что съ вами, сударыня?

Расходившійся докторъ также какъ и Лебрехтъ, у котораго при такомъ внезапномъ намекѣ на роковое происшествіе кровь бросилась въ голову, и не замѣтилъ, что Анна сидѣла, прижимая руки къ сердцу,—лицо ея было смертельно блѣдное, она была близка къ обмороку; тѣмъ болѣе испугались оба, когда вдругъ услышали ея судорожное рыданіе.

Оба вскочили съ своихъ мѣсть, что почти въ одно и то же время сдѣлала и Анна; она улыбалась и движеніемъ руки просила ихъ успокоиться.

— Простите!—сказала она;—это пустяки, право, пустяки... усталость послѣ дороги... нѣтъ! вы не должны уходить, докторъ! Напротивъ! Вы видите, что я спѣшу какъ можно скорѣе присоединиться къ вашимъ пациентамъ. Только это... благодареніе Богу!.. не можетъ долго продолжаться у меня... одну минуту, не больше, увѣряю васъ!—конечно, милый Лебрехтъ, это уже прошло, совсѣмъ прошло! Я думаю, мнѣ слѣдуетъ съѣсть что-нибудь... знаете-ли, любезный докторъ, мы до сихъ поръ ничего не ѣли... и вы также, вѣроятно, голодны... Я сейчасъ пойду узнать на счетъ ужина... тебѣ не для чего бояться, что я что-нибудь скажу Ульценъ... она можетъ распоряжаться, какъ ей угодно... сегодня вечеромъ, по крайней мѣрѣ... вы смѣтаетесь, докторъ?.. я, право, не такъ сварлива, какъ нѣкоторые люди...

Она подала руку доктору, которую тотъ почтительно поднесъ къ губамъ.

— Вы чудная женщина,—сказалъ онъ;—я долженъ отдать вамъ полную справедливость даже и въ томъ случаѣ, если бы ревнивый Лебрехтъ отказалъ мнѣ отъ дома также, какъ и несчастному полицейскому комиссару.

— Ты мелень всякій вздоръ сегодня,—сказалъ Лебрехтъ, принужденно улыбаясь, а затѣмъ, обернувшись въ вошедшему слугѣ, продолжалъ недовольнымъ тономъ:

— Гдѣ пропадаете вы? Я уже полчаса тому назадъ какъ звонилъ васъ. Вы должны... это что у васъ такое?

— Только что доставлена,—сказалъ Небеловъ глухимъ голосомъ, дрожащими руками подавая десешу.

— Давайте сюда!—нетерпѣливо воскликнулъ Лебрехтъ.

Онъ подошелъ къ столу и поспѣшилъ распечатать въ полученіи.

— Возьмите и тотчасъ же возвращайтесь назадъ! слышите-ли?

— Старицъ опять пьянъ сегодня,—сказалъ Лебрехтъ, распечатывая депешу,—придется отослать его прочь, такъ...

— Что случилось?—воскликнула Анна.

Она замѣтила, какъ поблѣднѣлъ Лебрехтъ, прочитавъ депешу; послѣдній не сразу отвѣчалъ на ея вопросъ.

— Бога ради!—воскликнула Анна,—говори же скорѣй,—мама больна, или же папа...

— Поди ты! больны! они прѣдутъ... сегодня вечеромъ.

Анна вскрикнула отъ радости и поспѣшно схватила депешу, брошенную Лебрехтомъ на столъ; она принялась громко читать ее, какъ бы призывая слухъ на помощь, ибо глаза ея были полны слезъ, и она съ трудомъ разбирала буквы:

«Мама почти умираетъ отъ тоски по тебѣ; надѣялись застать васъ въ Берлигѣ сегодня! прѣдемъ съ курьерскимъ поѣздомъ. Для мамы экипажъ на станцію, мнѣ—королевскій кубокъ, пунишь самъ приготовлю. Воземъ Лизету—это моя горничная, докторъ!—Твой старій отецъ!»—Ахъ! какъ я счастлива! Какъ счастлива!

И заливаясь слезами, она все цѣловала и цѣловала депешу.

— Вѣрю вамъ, сударыня, вѣрю вамъ,—сказалъ докторъ, вспоминая любимаго героя своего любимаго поэта; затѣмъ подражая Брезну, онъ тихо сказалъ Лебрехту, стоявшему неподвижно у большого стола:—и ты можешь прямо смотрѣть въ глаза? Неужели же и теперь ты ничего не расскажешь?

Анна не поняла словъ, но ясно разслышала шепотъ. Прежнія мрачныя мысли едва не нарушили ея свѣтлой радости, она поспѣшила отогнать ихъ отъ себя.

— Скорѣй! скорѣй!—воскликнула;—вы должны извинить Лебрехта! и меня... я также ѣду съ нимъ. Нѣтъ! нельзя... въ концѣ концовъ гораздо лучше, если... что такое хотѣла я сказать?

Докторъ съ участіемъ поглядывалъ на молодую женщину, казавшуюся ему вдвое прекраснѣе прежняго и которая подъ вліяніемъ радостнаго возбужденія едва сознавала, что говорить.

— Не желали вы сказать, что гораздо лучше будетъ, если я встрѣчу вашихъ родителей на вокзалѣ?

Анна и Лебрехтъ взглянули на него, первая съ удивленіемъ, второй съ нелугомъ.

— Они не могутъ остаться незамѣченными мною,—спокойно продолжалъ докторъ;—на почтомъ поѣздѣ никогда не бываетъ много пассажировъ,—опытный же глазъ сразу увидитъ такихъ примѣтныхъ особъ. Вы же съ Лебрехтомъ вдвоемъ займетесь нужными приготовленіями.

— Какъ вы добры! — сказала Анна, еще разъ протягивая руку доктору.

— Ни въ какомъ случаѣ! — воскликнулъ Лебрехтъ.

— Почему же это? — спросилъ докторъ, въ полоборота поглядывая на Лебрехта.

— Что подумаютъ они! Невозможно! Да и какими приготовленіями буду я здѣсь заниматься?

— Такъ неужели же ты думаешь подать оловянные ложки твоимъ пареченымъ родителямъ? — сказалъ докторъ, выпуская руку Анны и становясь между нею и Лебрехтомъ такимъ образомъ, чтобы она не могла видѣть не то пасмъшливую, не то угрожающую гримасу, съ которой онъ смотрѣлъ на послѣдняго. Лебрехтъ скорѣе съ вызывающимъ, нежели смущеннымъ видомъ отвѣчалъ ему:

— Обойдемся...

— Говорилъ кувшинъ, пока не разбился! — вырвалось у доктора. — Какъ вы думаете, сударыня?

— Обойтись, конечно, можно, — кратко отвѣчала послѣдняя; — въ случаѣ необходимости можно будетъ обратиться къ сосѣдямъ...

— Весьма прилично для короля Вальдома! — пробормоталъ докторъ.

— Я сказала, — въ случаѣ необходимости; но милый Лебрехтъ, напа и ты... вы такъ часто говорили съ нимъ о большомъ серебрянномъ кубкѣ... что вы при первомъ же свиданіи разоньете изъ него... напа такъ убѣдительно просилъ объ этомъ... если бы было только возможно..

— Здѣсь непоможетъ противодѣйствіе... — фальшивымъ тономъ пропѣлъ докторъ.

Лебрехтъ чувствовалъ себя въ положеніи загнаннаго оленя, не видящаго выхода и потому рѣшающагося на борьбу. Ему захотѣлось попробовать, отважится-ли на это Бертрамъ.

— Здѣсь нѣтъ рѣчи о противодѣйствіи, — сказалъ онъ, — но лишь о самой простой возможности или невозможности. Кубокъ также въ шкафу...

— Который находится вотъ въ той стѣнѣ, сударыня, — сказалъ докторъ, указывая на правый уголъ комнаты подлѣ окна; — пошли за Петромъ Гинрихомъ, онъ въ пять минутъ откроетъ какой тебѣ угодно замокъ.

— Только не этотъ... Я это хорошо знаю.

— Однимъ словомъ, ты не хочешь сдѣлать удовольствія твоему тестю?

— Если бы я могъ...

— Человѣкъ многое можетъ, когда захочетъ...

— Такъ пусть же будетъ по твоему,—я не хочу.

— Ты сразу долженъ былъ сказать это.

— Что это былъ за ключъ?—спросила Анна.

— Богъ мой! вѣдь я же говорилъ,—воскликнулъ Лебрехтъ, старинный, большой, удивительно странной формы ключъ, шестнадцатаго или пятнадцатаго столѣтїя,—такихъ теперь нѣтъ и невозможно встрѣтить. Я даже помню, что нѣсколько лѣтъ тому назадъ старый Гинрихъ напрасно нѣсколько часовъ подъ рядъ трудился надъ этимъ замкомъ.

— Тогда нечего дѣлать, побзжай,—сказала Анна,—а не то бѣдныхъ папу и маму никто не встрѣтитъ на вокзалѣ.

— Время терпитъ еще,—сказалъ докторъ,—немножко больше девяти часовъ! Остается еще ровно часъ... достаточно десяти минутъ, чтобы доѣхать.

— Пора, однако, запрягать,—сказалъ Лебрехтъ,—надо и еще одинъ экипажъ для вещей... я кстати возьму и нашу багажъ. Не нужно-ли еще чего-нибудь?

— Нѣтъ! благодарю!—отвѣчала Анна.

Тонъ ея голоса кольнулъ Лебрехта. Она и не предчувствовала, почему онъ отказывалъ ей въ скромной просьбѣ ея, не знала, что онъ желалъ лишь только одного: чтобы все было уже сказано, послѣ чего онъ, разумѣется, не отклонилъ бы ея просьбы. Вѣдь не было еще поздно... Бертрамъ хотѣлъ ѣхать... онъ могъ бы тогда остаться подъ какимъ-нибудь предлогомъ или же возвратиться, не уѣзжая... онъ прицѣлъ въ страшное замѣшательство.

— Ты конечно, ѣдешь со мною, Бертрамъ? Небеловъ не идетъ, да, пожалуй, онъ и не исполнитъ порученїй... можетъ случиться недоразумѣнїе...

— Конечно,—сказалъ докторъ,—все, что угодно, кромѣ недоразумѣнїй! Честь имѣю, сударыня...

Оба направились къ дверямъ.

— Докторъ!

Бертрамъ обернулся:—Что прикажете?

— Я хотѣла васъ кое о чемъ спросить... относительно мамы, дорогой Лебрехтъ; это не касается тебя... застарѣлая болѣзнь мамы... я знаю, она сегодня же вечеромъ заговоритъ объ этомъ и не мѣшаетъ подготовить къ этому доктора. Не можете-ли вы остаться еще нѣсколько минутъ, докторъ?

Лебрехтъ стиснулъ зубы отъ досады: нечего дѣлать!

— Я не буду мѣшать вамъ,—сказалъ онъ,—до свиданья! — И онъ вышелъ изъ комнаты.

Докторъ не выпускалъ изъ рукъ ни шляпы, ни палки. Онъ злился на Лебрехта, злился на Анну за то, что она, по общему

всѣмъ женщинамъ обыкновенію, не понимая того, что дѣлаетъ, хотѣла заниматься пустой болтовней, когда дѣло шло о жизни и смерти. Онъ ужь собирался слѣдовать за Лебрехтомъ, намѣреваясь сказать предварительно: «извините, сударыня, мнѣ очень жаль... въ другой разъ!»... когда молодая женщина, бемолвно стоявшая до сихъ поръ, вдругъ бросилась къ нему и, простирая съ мольбой руки, воскликнула:— Не уходите! Не уходите! Я должна говорить съ вами!

— Ага!—сказалъ докторъ,—вы должны говорить со мной! Это совсѣмъ другое дѣло. Прошу васъ, сударыня, садиться. Что вамъ угодно?

У.

Между тѣмъ докторъ не особенно спѣшилъ узнать, въ чемъ дѣло. Было ясно, что мама тутъ не при чемъ. И такъ, Ульценъ выболтала тайну. Лебрехтъ не напрасно боялся и нисколько не преувеличивалъ своихъ опасеній, что она будетъ возмущена оскорбленіемъ, нанесеннымъ ей предкамъ съ материнской стороны, ей самой и это въ присутствіи урожденной Клонгелъ-Пютцъ, которую роковая случайность приводила сюда, чтобы быть свидѣтельницей позора ея дочери. А какъ испугалась она, вѣроятно, когда узнала о появленіи стараго знакомаго, многолѣтняго посѣтителя ея отцовскаго дома. Еще бы! Онъ дѣлался свидѣтелемъ жестокой несправедливости судьбы! А теперь она хотѣла, конечно, излить сердце свое, полное горя и стыда, передъ другомъ, чего не смѣла сдѣлать передъ мужемъ; она, быть можетъ, не считала нужнымъ показывать своего презрѣнія презираемому ею человѣку! Не была-ли она во время всей предыдущей сцены образцомъ супружескаго хладнокровія и сдержанности! Пусть только она попробуетъ задѣть доктора Адальберта Бертрама! О, онъ умѣетъ изгонять бѣсовъ, умѣетъ! Въ особенности же бѣса высоколѣбія! Пусть только задѣнетъ!

Пока докторъ большими шагами ходилъ взадъ и впередъ по комнатѣ, все дальше и дальше ступая на ложный путь, куда его толкало дружеское усердіе и твердая вѣра въ безошибочность своей наблюдательности, тѣмъ больше теряла Анна овладѣвшее ею мужество отчаянія. Что она сдѣлала? Чего хотѣла? Открыть этому мрачному, неприятному человѣку страданія, пережитыя ею съ той минуты, какъ она ступила на порогъ этого дома... сказать ему, что муки эти росли ежеминутно, что у нея не хватало больше силъ переносить ихъ? Свой величайшій страхъ передъ тѣмъ невѣдомымъ ей ужаснымъ, о которомъ она не думала, не смѣла думать... нѣтъ! нѣтъ! она отбивалась отъ этой мысли, какъ спящій, которому привидѣлось, что его душитъ домовою! Да, это и было, конечно, ужас-

ный сонъ! Ей стоитъ только закричать о помощи, и она татчасъ же проснется! Спасите! Помогите!

Но дрожащія губы ея не произнесли этого крика о помощи; правда, кто-то говоритъ... кажется, она сама... но голосъ ея походилъ на голосъ чуждаго ей челоуѣка и какъ будто бы раздавался съ другого конца комнаты.

«Не ради своей матери... ради Лебрехта... онъ такой... странный, такой... разстроенный... все послѣднее время... и сегодня вечеромъ... въ продолженіи дороги... теперь вотъ здѣсь... сейчасъ... мои родители... мой добрый старый отецъ... онъ такъ всегда любилъ его... такъ любилъ... они такъ часто шутили... почему... почему»...

Чуждый ей голосъ смолкъ и закончился рыданіемъ; теперь она чувствовала, что плачетъ именно она, что это сѣ слезы текутъ у нея по рукамъ, которыми она закрываетъ лицо свое, сидя, откинувшись въ креслѣ.

Докторъ съ удивленіемъ посмотрѣлъ на нее. Неужели же она дѣйствительно ничего не знала? Это два раза дрожащимъ голосомъ произнесенное «почему» не походило на «почему» челоуѣка, знающаго или гнѣвающагося. Не отъ дороги-ли разстроились нервы прекрасной молодой женщины? Не вслѣдствіе-ли обращенія съ нею Лебрехта? Не желала-ли она услышать объясненія того, чего не хотѣла ей сказать Ульценъ, которое онъ...

Блуждая до сихъ поръ въ потемкахъ, онъ во что бы ни стало хотѣлъ добиться разъясненія, а потому сказалъ:

— Не желаете-ли вы знать, почему Лебрехтъ отказался исполнить такую обыкновенную любезность и не согласился достать для вашего отца королевскій кубокъ? Вы это желаете знать?

Она кивнула головой:— Да, да!.. и это также!

— И это также? Больше ничего?

— Нѣтъ! нѣтъ!— съ испугомъ воскликнула Анна, ломая себѣ руки и устремивъ неподвижный взглядъ на доктора.

Сказать-ли ей? Воспользоваться-ли благоприятнымъ обстоятельствомъ? Она казалась такой уступчивой, была такъ взволнована; она, быть можетъ, боялась, чтобы родители не замѣтили необъяснимаго унынія Лебрехта, чтобы послѣдніе, къ удивленію своему и испугу, не увидѣли таинственнаго облака, омрачавшаго счастье молодыхъ супруговъ. Онъ можетъ ей сказать: вотъ въ чемъ дѣло! бѣди въ твоему Лебрехту, когда онъ возвратится, поцѣлуй его и шепни ему на ухо: я знаю все! Ты увидишь, онъ въ тотъ же мигъ станетъ прекраснымъ Лебрехтомъ.

Нѣтъ! онъ не могъ этого сказать! Лебрехтъ самъ занутался въ сѣти подобно неуклюжему льву, а потому самъ и долженъ разор-

вать ихъ и не стремиться быть обязаннымъ своимъ спасеніемъ сердобольной мыши! Не особенно дружескую услугу оказалъ бы онъ ему этимъ! Любовь прощаетъ все, кромѣ трусости! А это, къ сожалѣнію, граничило съ трусостью или же было само по себѣ трусостью, которая никогда бы не изгладилась изъ памяти молодой прекрасной женщины, если бы онъ вздумалъ лишить Лебрехта возможности раздавить самому ногой этого отвратительнаго червяка.

Вотъ что могъ онъ сдѣлать: изобразить ей этого отвратительнаго червяка такимъ, какимъ онъ казался самому Лебрехту—подъ видомъ ужаснаго дракона! Онъ могъ попытаться заставить ее стать на точку зрѣнія Лебрехта; внушить ей необходимое уваженіе къ этому страшилищу! Да, онъ могъ это сдѣлать и... онъ сдѣлаетъ это.

Онъ положилъ на столъ шляпу и палку, сѣлъ на низенькій стулъ противъ Анны и сказалъ, медленно потирая острия колѣни свои и пристально смотря на нее.

— Не знаю, читали-ли вы по англійски... Tauchnitz Edition... тамъ часто встрѣчается одно выраженіе... въ особенности у Тэкереля... также и у одного изъ чтимыхъ мною писателей: *The Skeleton in the house...* скелеть въ домѣ?

Анна вздрогнула; но странный человѣкъ улыбался, несмотря на свой ужасный вопросъ. Могъ-ли онъ улыбаться, если бы дѣло шло не о какой-нибудь пустой шуткѣ! Она отвѣчала на удачу:

— Миѣ кажется, что я читала это выраженіе, но никакъ не могла дать ему вѣрнаго объясненія.

— Именно,—продолжалъ докторъ, улыбаясь болѣе прежняго,—всякое слово имѣетъ свое значеніе, но мы прежде всего послѣдуемъ совѣту Мефистофеля и будемъ держаться этого слова. Скелеть, сударыня, скелеть! какъ ужасно звучитъ это слово для профана. Да и понятно! Скелетомъ мы называемъ то, что остается послѣ насъ, когда прекрасное, цвѣтущее тѣло дѣлается прахомъ, это, такъ сказать, конецъ пѣсни! Если же послѣдняя не бываетъ забавной, то никому не хочется знать конца ея; если же случается, что какой-нибудь гениальный, юный развратникъ пьетъ изъ черепа шампанское, то на это должно смотрѣть, какъ на хвостовство, какъ на возбуждающее, раздражающее средство. Вы какъ думаете объ этомъ?

— Весьма возможно,—прошептала Анна.

— Вѣрьте миѣ, что это такъ! Къ тому же это такъ понятно, такъ доступно даже дѣтскому разумѣнію; смерть нигдѣ и никогда не бываетъ желаннымъ гостемъ, а потому никто и не любитъ ея уродливаго, скалящаго зубы олицетворенія. Бываютъ, однако, случаи, когда въ немъ не находятъ ничего неприличнаго, такъ, на примѣръ,

если случайно играешь роль Гамлета и держишь въ рукахъ черепъ Юрика, то при этомъ даже пускаешься въ грустные размышленія, роняющія въ глазахъ нашихъ всю стоимость жизни.

«Предположимъ, сударыня, что остроумный принцъ не умеръ, а сдѣлался королемъ, раздобылъ и сталъ еще остроумнѣе. Неужели вы думаете, что онъ не лишался своего юмора всякій разъ, когда ему впослѣдствіи приходилось подыматься по одной изъ лѣстницъ замка, несмотря на то, что извѣстный вамъ болтливый старикъ давнымъ давно напелъ себѣ законное мѣсто успокоенія на кладбищѣ Père-Lachaise въ Гельзингорфъ? Скелетъ на кладбищѣ, сударыня, такъ же безвреденъ, какъ крыса въ подвальной порѣ или шпага въ ножнахъ, но скелетъ подъ лѣстницей... это крыса за обоями; шпагу сюда, — убита за одинъ червонецъ! Понятно-ли это вамъ, сударыня?»

— Конечно! конечно! — шептала бѣдная Анна.

— Да вы и не можете не понимать! У васъ, женщины, чрезвычайно тонко развито чувство приличія; невѣрно прикрѣпленный шлейфъ... ленточка, цвѣтъ которой не согласуется съ цвѣтомъ вашего платья... всѣ тому подобныя мелочи могутъ привести васъ въ полное отчаяніе, а тутъ представьте себѣ скелетъ подъ лѣстницей... *fi done!* Отъ пронизательнаго взора вашего не могло ускользнуть, что въ вышеупомянутомъ случаѣ не было на лицо предмета, внушающаго ужасъ и, прибавлю, между прочимъ, не было и надобности, чтобы онъ когда-либо существовалъ, ибо его нельзя назвать ни осязательнымъ предметомъ, ни даже умственимъ, онъ подобенъ математической точкѣ, невидимой для глазъ смертныхъ, но вокругъ которой движется вся вселенная. Не математикъ-ли вы, сударыня? Нѣтъ? Все равно, мы ведемъ разговоръ не о математикѣ, а объ эстетикѣ и морали, въ чемъ вы превосходите насъ, мужчинъ, да и вообще женщины не малую роль играютъ въ предметѣ нашего разговора. Держитесь твердо, сударыня, этой точки, которой не достаетъ только названія, чтобы, такъ сказать, дать намъ возможность сдѣлать надлежащій переводъ англійскаго выраженія: мы имѣемъ непонятную намъ точку.

Докторъ снялъ очки и сталъ вытирать стекла ихъ желтымъ шелковымъ носовымъ платкомъ. Бѣдная Анна почувствовала большое облегченіе, что ужасный человекъ этотъ пересталъ, по крайней мѣрѣ, тереть колѣни своими руками, хотя при взглядѣ на его неподвижные, сѣро-зеленые глаза и покрасившія вѣки ей казалось, что передъ ней находится безумный. Неужели же она и въ самомъ дѣлѣ имѣла дѣло съ безумнымъ, который лишь для собственнаго удовольствія сыпалъ передъ ней безразсудными рѣчами? А что если среди этой бессмыслицы скрывался какой-ни-

будь ужасный смыслъ, котораго онъ не хотѣлъ ей высказать? Не желалъ-ли онъ, чтобы она сама нашла его? Она хотѣла крикнуть ему: «Говори же все!» но не была въ состояніи произнести ни одного слова. Но вотъ ужасный человѣкъ вытеръ очки платкомъ и на дѣлъ ихъ на свой ястребиный носъ; снова руки его потираютъ колѣни, на губахъ играетъ прежняя дьявольская усмѣшка, онъ начинаетъ говорить и такъ быстро, такъ удивительно быстро говорить, что между льющимися неудержимо словами еле-еле проскользнетъ пауза, во время которой ему удается хотя слегка перевести духъ.

— И самый лучший переводъ, сударыня, рѣдко имѣетъ достоинства оригинала; онъ или слишкомъ много говоритъ, или слишкомъ мало, какъ въ нашемъ случаѣ, на примѣръ. Намъ милый метафорическій скелетъ есть ни болѣе ни менѣе, какъ непонятная точка, но въ мірѣ не всякую непонятную точку можно назвать скелетомъ. Каждый отдѣльный индивидуумъ имѣетъ свою непонятную точку и долженъ быть доволенъ, если онъ не весь испещренъ ими, я знавалъ людей татуированныхъ послѣдними подобно ново-зеландскому предводителю. Нѣтъ ни одной семьи, которая не имѣла бы своей непонятной точки: то сынъ, надававшій кучу векселей, то дочь, убѣжавшая съ учителемъ музыки, и тому подобное; все это относится къ скелету, какъ острия болѣзни къ хроническимъ. Скелетъ—это хроническое, консервативное и въ заключеніе аристократическое страданіе. Дабы созрѣть ему, недостаточно бываетъ одной человѣческой жизни, ему нужны цѣлыя поколѣнія, да, сударыня, цѣлыя поколѣнія съ непрерывными историческими традиціями. Намъ не зачѣмъ удивляться послѣ этого, что болѣзнь эта впервые наблюдаема была въ Англіи, гдѣ ее изучили, отвели ей мѣсто въ извѣстномъ разрядѣ и дали должное наименованіе. А что такое Англія? Это страна наследственной мудрости и традиціонной глупости, наследственныхъ добродѣтелей и пороковъ, источенныхъ червями древнихъ, родословныхъ деревьевъ и такихъ же древнихъ, гниющихъ крысами, домовъ. Въ Англіи же сдѣлано и слѣдующее интересное открытіе: каждый скелетъ долженъ имѣть свой древній домъ и, наоборотъ, каждый старинный домъ имѣетъ свой скелетъ.

При послѣднихъ словахъ докторъ такъ низко опустилъ свои очки, что лицо Анны видѣлось ему поверхъ краевъ ихъ. Лицо это было блѣдно, быть можетъ, нѣсколько блѣднѣе прежняго, но на немъ, какъ ему сторяча показалось, не было ни малѣйшаго выраженія боязни, а лишь напряженное ожиданіе.—«Погоди, ты услышишь еще болѣе сильныя заклинанія», — подумалъ докторъ и продолжалъ:

— Есть ужасное преданіе, сударыня, что были времена, когда буквально пожималась вторая половина нашего тезиса и подь фундаментомъ новаго дома, дабы онъ выстоялъ въ продолженіи многихъ десятковъ лѣтъ, зарывался невинный младенецъ. Я вполне считаю возможнымъ, что во время жестокихъ, бѣдныхъ умственныхъ развитіемъ среднихъ вѣковъ, случались всевозможные ужасы, но къ чести человѣчества не хочу допустить существованія подобнаго факта. Въ этомъ преданіи мы должны видѣть частицу народной поэзіи, въ которой народъ по своему пытается дать символическое значеніе тому или другому изъ своихъ наблюдений.

«Наблюденіе же народа заключалось въ томъ, что домъ рѣдко дѣлался древнимъ, или же, что равносильно этому, становился богатымъ и могущественнымъ, если не находилось кого-нибудь, кто бы приносилъ въ жертву свою невинность, или, выражаясь болѣе логически, не принималъ на себя какой-нибудь вины, не въ настоящемъ смыслѣ, быть можетъ! Благородный рыцарь, у котораго обрушилась хижина, находилъ совершенно въ порядкѣ вещей, если онъ, осѣлавъ своего коня, отправлялся странствовать по лѣсамъ и дорогамъ, грабя проѣзжающихъ и рассказывая затѣмъ, что ему удалось пасть на развалины какого-нибудь заброшеннаго укрѣпленнаго замка, гдѣ въ подземной темницѣ оказались мѣшки, полные золотыхъ слитковъ, на которые онъ во имя Божіе начиналъ строить замокъ, именуя его своимъ безупречнымъ графскимъ именованіемъ! Какой-нибудь почтенный камергеръ, который могъ исполнить самодержавное желаніе своего властителя, лишь жертвуя фамиліной честью, дѣлаетъ это только *in usum Delphini*, что означаетъ—на пользу и славу своихъ внуковъ, желающихъ также жить, и по соизволенію Божію долженствовавшихъ жить лучше своего добраго, стараго, услужливаго дѣдушки!

«Ахъ! милые внуки, сударыня! Благодарите-ли вы по заслугамъ добраго дѣдушку, принесшаго для васъ такую жертву? Ну, да! Они строятъ часовню на томъ мѣстѣ, гдѣ была когда-то покрытая плѣсенью подземная тюрьма съ забытыми мѣшками золота; но слабонервные не рѣшаются совершать ни брачныхъ обрядовъ, ни крестинъ въ этой часовнѣ, ибо всякій разъ, когда они преклоняются на каменныхъ плитахъ, имъ вспоминается, что подь ними скрывается скелетъ ихъ дома. Они даже удаляютъ изъ фамиліной галереи портретъ пожертвовавшей своею дочерью Агамемнона, ибо вся исторія эта кончается ужасно, — всякій разъ когда танцуютъ въ большой старинной залѣ, то среди шипканья скрипокъ и хрипѣня басовъ слышится стукъ костей скелета, замуравленнаго въ стѣнѣ, обитой золотой парчой... Вы смотрите на часы, сударыня? Теперь четверть десятаго, и Лебрехтъ только что выѣз-

жаеть изъ воротъ: какъ ужасно стучать экипажи въ этой узенькой улицѣ, Лебрехту слѣдовало бы ее исправить. Какъ видите, у насъ еще безконечно много времени; мнѣ очень бы хотѣлось показать вамъ еще нѣсколько примѣровъ моей коллекціи скелетовъ, которые, пожалуй, интереснѣе первыхъ и хотя не могутъ соперничать съ ними въ романтическомъ ужасѣ, за то не лишены нѣкоторой юмористической окраски. Возьмемъ, на примѣръ, слѣдующій случай: существуетъ большой, громадный, купеческій домъ, имѣющій связи со всѣми странами обитаемой земной поверхности, корабли котораго плаваютъ по всѣмъ морямъ, считающій свои денежные обороты лишь сотнями тысячъ, и вотъ въ этомъ большомъ домѣ, въ одномъ изъ боковыхъ флигелей—что вы говорите? Вы думаете, что въ купеческомъ домѣ не можетъ быть скелета? Это, увѣряю васъ, ложное воззрѣніе, за которое я не могу быть въ претензіи на прирожденную аристократку, такъ какъ легко можетъ быть и самъ подалъ поводъ этому невѣрнымъ изображеніемъ предмета. Вспомните королевскихъ купцовъ среднихъ вѣковъ, цѣлые купеческіе союзы! Вспомните занимаемые ими въ городѣ дворцы, не уступавшіе ни въ чемъ разбойничьимъ гнѣздамъ дворянскихъ хищниковъ! А такой старинный домъ ничѣмъ не отличается отъ дворца; достаточно, чтобы онъ простоялъ извѣстный промежутокъ времени и въ немъ жили бы потомки одной и той же семьи, ну, возьмемъ для примѣра хоть семью врачей. Еще дѣдушка былъ докторъ, отецъ, само собою разумѣется, также да и сынъ пошелъ по той же дорогѣ. Прадѣдъ же, построившій этотъ большой домъ, былъ цирульникомъ; такъ какъ означенный домъ былъ построенъ имъ, благодаря своему ремеслу, то онъ въ своемъ духовномъ завѣщаніи сдѣлалъ слѣдующее распоряженіе, — чтобы тазъ для мыльной воды былъ выставленъ, какъ примѣта дома, на самомъ видномъ мѣстѣ передняго фасада на вѣчныя времена; кромѣ того, чтобы цирульная комната никогда не уничтожалась, а, напротивъ, въ ней по прежнему брили бы и стригли; каждый же изъ его потомковъ и наследниковъ, подъ страхомъ потери богатаго дома и богатой практики, будь онъ докторъ медицины или самъ Эскулапъ, долженъ подъ его именемъ продолжать ремесло цирульника, и хотя бы не болѣе четырехъ недѣль учиться управлять прадѣдовской бритвой. Можете-ли вы понять, сударыня, каково должно быть человѣку, одному изъ первыхъ по наукѣ, съ головой, полной всеобъемлющихъ міровыхъ воззрѣній, у котораго въ гербѣ тазъ цирульника? Въ жизни своей ему пришлось выслушать множество колкостей по поводу этого таза, который положительно преграждалъ ему доступъ ко многимъ корпораціямъ, вступить куда жаждало его че-

столюбіе; и вотъ въ душѣ его, бывшей до сихъ поръ олицетвореніемъ правды и мужества, разливается ядъ подозрительности и трусости.

Въ первый разъ въ продолженіи всей своей длинной рѣчи замолчалъ на пѣкоторое время докторъ; онъ даже пересталъ тереть колѣни и, вытянувъ впередъ свою длинную шею, неподвижно смотрѣлъ на Анну, ожидая отвѣта отъ нея, или какого-нибудь намека на то, что она его поняла, что она начинала понимать, къ чему ведетъ онъ свою рѣчь.

— Извините, — пролепетала Анна, — я думаю, мнѣ слѣдуетъ пойти посмотреть, что тамъ дѣлается.

Докторъ почувствовалъ себя въ положеніи человѣка, наткнувшегося на запертую дверь, думая пайти ее открытой. Онъ, думавшій все время, что молодая женщина должна понимать и его скрытые намеки, и безразсудные переходы отъ одного предмета къ другому, и головоломныя картинныя изображенія; — онъ не могъ понять, что она почти не слышала его послѣднихъ словъ, что въ настоящую минуту у нея было лишь одно желаніе, — выйти изъ положенія, котораго она не въ силахъ была выносить долѣе. Для него она была ни болѣе, ни менѣе, какъ избалованная, молодая дама, гордая принцесса, которая несется въ побѣдной колесницѣ по гладкому жизненному пути и пусть говорятъ, что хотятъ, не имѣеть ни малѣйшаго представленія о томъ, какія западни разставляютъ подъ часъ лукавая судьба обыкновеннымъ смертнымъ, двигающимся по ухабистой, неровной земной поверхности.

О! при этой мысли, какъ молнія свергнувшей въ душѣ его, цѣлая волна горячѣй крови быстро хлынула къ его мозгу и также быстро отлила обратно къ сердцу, и онъ вдругъ почувствовалъ жгучую ненависть къ этому молодому, гордому созданію, явившемуся сюда, дабы навсегда лишить спокойствія его милаго Лебрехта и внести гибель и несчастье въ этотъ древній домъ. Что если онъ ей скажетъ все это?

Недоставало малаго, чтобы страстный человѣкъ этотъ исполнилъ свое намѣреніе, но вдругъ, употребивъ неимоверныя усилія, дабы не проронить ни слова, велѣдъ за которымъ не оставалось бы ничего неяснаго, онъ заговорилъ еще съ большимъ прежняго юморомъ, подобно тому, какъ разгнѣванный всадникъ, вонзивъ шпоры въ бока своей лошади, заставляетъ ее мчаться черезъ рвы и изгороди.

— Минутку, сударыня! — воскликнулъ онъ, — одну минутку только, пока я скажу вамъ, какую роль играютъ милыя женщины въ этой патологій домашняго скелета. Итакъ, знайте, сударыня, что эти-то граціи съ бархатными глазами газели и бѣлыми, какъ у

нимфѣ, украшенными кольцами руками... слишкомъ часто... почти всегда... бываютъ причиною всевозможныхъ несчастій; что онѣ-то и ускоряютъ тотъ моментъ, когда страданіе усиливается и дѣлается опаснымъ и то, что было бы еще возможно перенести, дѣлается невыносимымъ. Надо помнить, что для самого владѣтеля вмѣстѣ съ скелетомъ связывается воспоминаніе о старинѣ, что, какъ извѣстно, всегда бываетъ свято для человѣка, у котораго благоговѣніе это къ скелету довольно часто всасывается въ плоть и кровь и остается тамъ просто потому, что онъ не можетъ отдѣлаться отъ него или даже не въ состояніи обойтись безъ него, какъ Филоктетъ, привыкшій такъ къ своей язвѣ, что по ней распредѣляетъ жизнь свою, мысли и чувства свои. Вот!

«И вотъ является въ домѣ молодая женщина! Она не составляетъ подобно скелету части нашей плоти и крови, она находитъ только, что это или ужасная или смѣшная вещь; она не чувствуетъ благоговѣнія къ скелету, но боится его, ей не жаль скелета,—она стыдится его.

«Это еще наилучшій случай, сударыня, и благо тому человѣку, который былъ настолько уменъ и отваженъ, что все разсказалъ еще до свадьбы: вотъ подъ такой-то лѣстницей и за такимъ-то обоями лежитъ скелетъ моего дома,—онъ вотъ такъ-то и такъ-то созданъ, а теперь выходи за меня замужъ, если у тебя хватаетъ мужества на это!

«Не такъ честно, но все же довольно умно поступаетъ хитрый «Синяя Борода», который въ часъ любовнаго свиданія, такъ себѣ en passant, начинаетъ говорить о скелетѣ. Для него лично онъ не имѣлъ никакого значенія, ему только хотѣлось предупредить восхитительную Филлисъ объ опасности, которой она могла подвергнуться, выйдя замужъ за него, на случай, если бы вдругъ вздумала сунуть свой любопытный носикъ въ извѣстную комнату въ такой-то вотъ баннѣ. Тутъ онъ показалъ ей ключъ, а ключъ тотъ былъ вылитъ изъ золота! Видите-ли, сударыня, молодая женщина не хотѣла слушаться и до тѣхъ поръ играла золотымъ ключикомъ, пока не раскрылась дверь; тутъ она при видѣ ужаснаго зрѣлища принялась вопить отъ ужаса и жаловаться на свою судьбу, отравляя тѣмъ жизнь милому мужу... ага! «Синяя Борода» зналъ свое дѣло: наказаніе есть право сильнаго и... долой хорошенькую, неосторожную головку!

«Но, сударыня, есть еще въ тысячу разъ, въ десять тысячъ разъ худшій, смертельный случай, это когда добрая Филлисъ ничего не знаетъ, ни о чемъ не догадывается, ибо у нея нѣтъ глазъ, чтобы видѣть, нѣтъ ушей, чтобы слышать, а потому проситъ возлюбленнаго мужа показать ей серебряное сокровище, знаменитое

серебряное сокровище, спрятанное въ старомъ стѣнномъ шкафу, отъ котораго онъ потерялъ ключъ. А возлюбленный мужъ, пришедшій къ вѣрному заключенію, что слѣдуетъ же, наконецъ, все рассказать, открываетъ шкафъ и... сокровище лежитъ тамъ; оно и блещетъ, и сверкаетъ, а на немъ сидитъ скелетъ, стучитъ костями и, насмѣшливо оскаливъ зубы, говорить: «привѣтъ тебѣ, сердце мое!» Ты и я, мы принадлежимъ другъ другу, ибо ты знала, конечно, что вмѣстѣ съ старымъ домомъ этимъ ты вступала въ бракъ и со мной.

Въ ту самую минуту, когда докторъ, вскочивъ внезапно съ мѣста и указывая куда-то въ даль длинной и сухошавой рукой, громко кричалъ своимъ ужаснымъ, гортаннымъ голосомъ, послышался на дворѣ такой сильный порывъ вѣтра, что потрясъ домъ, чуть не до самаго основанія. Падо думать, что въ одномъ изъ оконъ находилась щель, черезъ которую ураганъ успѣлъ проложить себѣ дорогу, — въ комнатѣ вдругъ раздался страшный, воющій, жалобный звукъ, и тутъ же вслѣдъ за нимъ пронзительный крикъ...

Крикъ этотъ испустила Анна, она стояла, точно живое олицетвореніе ужаса, блѣдыя губы ея дрожали, ломая руки, простирала она ихъ къ доктору.

— Сжальтесь, прошу васъ именемъ милосердаго Бога! Скажите, что такое въ шкафу?

— Вѣдь я же только что имѣлъ честь сказать вамъ объ этомъ, — отвѣтилъ докторъ, — знаменитый кубокъ *et cetera*, включая туда и скелетъ.

Онъ низко поклонился и, схвативъ шляпу и палку, направился къ двери, какъ вдругъ почувствовалъ, что его удерживаетъ дрожащая рука Анны.

— Я... я... недавно Ульценъ... а потомъ тамъ вотъ, у дверей... ваши послѣднія слова, что онъ долженъ мнѣ все сказать... дѣло... дѣло идетъ о Гансѣ Флидербумѣ?

Докторъ провелъ рукой по лицу.

Что сдѣлалъ онъ? Какъ могъ онъ унестить изъ виду возможность и вѣроятность того, что Ульценъ все могла ей выболтать... Давно-ли онъ самъ доказывалъ это Лебрехту? И она слышала его послѣднія, предательскія слова! Не выдалъ-ли онъ тайны? Невозможно, — она бы иначе поставила свой вопросъ, не произнесла бы его съ такимъ ужаснымъ страхомъ! Одному небу извѣстно, какими невѣроятными исторіями эта старая болтунья вскружила ей голову! Умно-ли онъ поступитъ, если вздумаетъ привести въ порядокъ ея голову? Не лучше-ли будетъ, если на нѣкоторое еще время она останется въ неизвѣстности относительно побѣга Ганса? Не наброситъ-ли еще болѣе густое покрывало на все это происше-

ствіе, дабы открытіе настоящей тайны показалось ей яркимъ солнечнымъ лучемъ?

— Да, да!—сказалъ онъ,—Гансъ Флидербумъ, этотъ безумный юноша... Разъ, что вамъ извѣстно о немъ, то я, пожалуй, скажу теперь, что онъ порядочно таки хлопотъ надѣлалъ намъ. Врядъ-ли онъ разбилъ себѣ затылокъ,—но кто тонетъ, тотъ также считается мертвымъ. Была одна кошка... молодыя кошки не такъ-то скоро тонуть. Придется выждать, придется выждать нѣкоторое время!

Докторъ не могъ достать своихъ колѣнъ, и для разнообразія сталъ поглаживать пальцами свой длинный, худой подбородокъ.

— Такъ значитъ не Гансъ Флидербумъ скелеть?

— Я еще до сихъ поръ не рассматривалъ его съ этой стороны... а, впрочемъ... что не было еще скелетомъ, можетъ сдѣлаться имъ. Я недавно говорилъ вамъ: требуется много и много времени для образованія настоящаго скелета.

— Такъ что же такое этотъ скелеть?

— Видите-ли, сударыня, если бы я хотѣлъ или могъ вамъ это сказать, я бы давно сказалъ. Въ этихъ случаяхъ, знаете-ли, докторъ долженъ руководствоваться самыми основными принципами, я никогда не мѣшаюсь въ семейныя обстоятельства,—изъ всего же сказаннаго мною вы должны были понять, что подъ скелетомъ здѣсь слѣдуетъ подразумѣвать самое интимное семейное обстоятельство. Вашъ же случай,—я говорю при этомъ о васъ и Лебрехтѣ,—вашъ случай принадлежитъ къ числу самыхъ худшихъ и деликатныхъ изъ вышеупомянутыхъ и легко можетъ принять отчаянный исходъ вслѣдствіе непрощеннаго вмѣшательства третьяго лица. Сохрани меня Богъ быть этимъ третьимъ лицомъ. Лебрехтъ съумѣетъ самъ поступить, какъ ему слѣдуетъ. Онъ было потерялъ мужество, когда дѣло коснулось ключа отъ стараго шкафа. Будемъ надѣяться, что онъ въ надлежащую минуту найдетъ и ключъ и потерянное мужество.

— У меня... у меня ключъ!

— У васъ... у васъ... и вы только теперь говорите это? И говорите это мнѣ! Умолчали объ этомъ Лебрехту? А Лебрехтъ дѣлаетъ тайну изъ того, отъ чего у васъ есть ключъ... Клянусь честью! давно не случалось со мной такой веселенькой исторійки.

И докторъ разразился смѣхомъ, хотя послѣдній походилъ больше на хриплое кукуриканье стараго цѣтуха, чѣмъ на человѣческій смѣхъ.

Все лицо Анны вспыхнуло яркимъ румянцемъ, она опустила внизъ глаза и проговорила тихимъ, дрожащимъ голосомъ, который постепенно дѣлался все тверже и тверже.

— Да, это было нехорошо съ моей стороны... я знаю это; я

хотѣла сначала пошутить... клянусь вамъ... Въ Веронѣ... да вѣрно, это было въ Веронѣ... передъ отъѣздомъ... Лебрехтъ вышелъ... я хотѣла достать изъ его сундука путеводитель для дороги, — онъ было затерялся, и я надѣялась найти его въ сундукѣ... Я никакъ не могла его найти, наконецъ, вынула всѣ вещи и на днѣ... папала ключъ... завернутый въ платокъ. Клянусь вамъ, я хотѣла пошутить... я хотѣла его спросить... при случаѣ, конечно... не...

— Не отъ его-ли сердца этотъ ключъ?—спросилъ докторъ, съ участіемъ поглядывая на молодое, прекрасное лицо, залитое румянцемъ стыда.

— Да... да...

— И что бы онъ впередъ лучше пряталъ этотъ ключъ?

— Да... да...

— Видите-ли, я тоже кое-что понимаю въ сердечныхъ дѣлахъ, — дальше! сядемъ-ка опять, — какъ-то лучше говорится, когда сидишь!

И докторъ съ необыкновенной граціей предложилъ руку дрожавшей Аннѣ и подвелъ ее къ стулу у камина, занимая противъ нея свое прежнее мѣсто. Голосъ его не былъ насмѣшливъ, какъ прежде, лицо не имѣло саркастическаго выраженія и руки спокойно лежали на колѣняхъ.

— Вы хотѣли отдать ему этотъ ключъ по пріѣздѣ сюда?

— Да, да! я положила его въ свой ящикъ, чтобы имѣть его подъ рукой, а потомъ и забыла... я была все это послѣднее время... меня страшно безпокоило состояніе Лебрехта... онъ такъ часто бывалъ мрачнымъ, разсѣяннымъ, мысли его гдѣ-то блуждали... я думала, онъ...

Нѣсколько крупныхъ слезъ скатилось изъ подъ опущенныхъ черныхъ рѣсницъ...

— Вы думали, что онъ не любитъ васъ такъ, какъ вы желаете, какъ... вы того заслуживаете?

Докторъ схватилъ руку Анны и крѣпко пожалъ ее.

— Я такъ сильно страдала, — сказала Анна, рыдая; — я все спрашивала себя, что мнѣ дѣлать, чтобы возвратить себѣ его любовь. Нѣтъ, нѣтъ... онъ любитъ меня... не правда-ли? Онъ любитъ меня? Но онъ не былъ счастливъ, и я причиной этого! Когда я была еще у себя въ комнатѣ и Ульценъ не приходила еще... я сидѣла у камина какъ теперь... я много, много передумала и всякій разъ приходила къ одной и той же ужасной мысли: ты не сдѣлала его счастливымъ; тебѣ никогда не достигнуть этого! Тутъ пришла Ульценъ... и стала говорить, говорить... я едва слушала ее, пока... не знаю, право, какъ это случилось... пока рассказъ ея не коснулся послѣдняго вечера передъ отъѣздомъ Лебрехта: какъ она изъ кухни...

— Услыхала споръ и такъ дальше; могу себѣ вообразить, какъ старуха изукрашила свой разсказъ. И вы вспомнили о ключѣ?

— Она такъ много говорила о шкафѣ и...

— О нечѣностяхъ, о которыхъ говорятъ люди. Вѣдь вы не повѣрили?

— Нѣтъ! по все это показалось мнѣ такимъ отвратительнымъ, такимъ ужаснымъ. Я удивлялась только, почему Лебрехтъ не разсказалъ самъ этого, чтобы не испугать меня, подумала я, хотя было бы лучше, если бы онъ разсказалъ. Я хотѣла было порадоваться тому, что, наконецъ, узнала причину его унынія, не не могла; у меня по прежнему тяжело было на сердцѣ, я не знала почему. Я вынула ключъ, чтобы отдать Лебрехту... Ульценъ сказала мнѣ, что онъ потерялъ ключъ отъ стѣннаго шкафа, и я была убѣждена, что это тотъ самый и есть. Я пошла черезъ комнаты, вотъ туда... къ той двери... Докторъ, докторъ! сжальтесь надо мною! Что долженъ мнѣ сказать Лебрехтъ? Что въ томъ шкафу?

И съ этими словами Анна скользнула со стула прямо къ ногамъ доктора, руки ея были сложены на груди, большіе, черные, полные слезъ глаза съ мольбой обращены на него. Кровь жгучимъ потокомъ прилила къ страстному сердцу этого страшнаго человѣка. Она была такъ хороша, такъ чудно хороша, настоящее олицетвореніе той дивной, божественной музы, которая въ часы ночнаго безмолвія являлась его упоеннымъ очамъ и мягкой рукой своей нѣжно касалась его пылающей головы. Неужели же наступилъ тотъ моментъ, о которомъ онъ предсказывалъ Лебрехту, — въ часъ сердечной тоски своей она можетъ обратиться къ другимъ мужчинамъ. — Не оставитъ-ли на волю судьбы этого глунца? Пусть стремится къ своей погибели...

Но вотъ онъ поднялъ стоящую на колѣняхъ Анну и усадилъ ее въ кресло; долго ходилъ онъ взадъ и впередъ по комнатѣ, прежде чѣмъ подошелъ къ ней.

— Видите-ли, сударыня, я готовъ бы вотъ этотъ самый папелецъ... нѣтъ, этого я не могу... ради призванія... я бы многое, многое далъ за то, чтобы Лебрехтъ былъ самымъ умнымъ человѣкомъ моего списка и во время открылъ вамъ свои тайны. Но я ничего измѣнить не могу; только онъ и онъ одинъ можетъ сказать вамъ это, я не смѣю этого, вы же слишкомъ умны и не захотите играть смѣшной роли любопытной жены «Синей бороды». Что же касается скелета, то онъ принадлежитъ къ самой послѣдней, смѣшной категоріи ужасныхъ скелетовъ. О глуномъ же Гансѣ...

— Все дѣло для меня заключается въ одномъ, — съ тревогой сказала она. — Если вы можете увѣрить меня, что ничего нѣтъ... Люди говорятъ такія ужасныя вещи!

— Все это болтовня, сударыня, пустая болтовня!

— Но вѣдь они имѣютъ полное право болтать и будутъ до тѣхъ поръ, пока не появится молодой человѣкъ. Боже мой! что если онъ не возвратится! Что если онъ умеръ! Если это обстоятельство не будетъ разъяснено, это ужасное подозрѣніе! Вѣдь его подозрѣвають. Это я хорошо поняла изъ словъ домоправительницы...

— Старая, глупая особа!

— Когда вы передъ этимъ говорили о фонъ-Франкѣ... вы дѣлали это не безъ намѣренія... вы хотѣли предостеречь Лебрехта...

— Предостеречь? Но, сударыня, отъ чего?

— Отъ махинацій человѣка, который... котораго я смертельно оскорбила, послѣ чего онъ поклялся мстить Лебрехту и не приметъ воспользоваться первымъ удобнымъ случаемъ, чтобы привести въ исполненіе свою угрозу.

— Этого я не зналъ, — сказалъ докторъ, — это объясняетъ мнѣ многое. Что же это такое, позвольте спросить васъ? Нѣтъ, лучше не говорите, я вижу, вамъ тяжело вспоминать объ этомъ.

— Нѣтъ, нѣтъ! — воскликнула Анна, — вы должны все знать. Я была... быть можетъ, нѣсколько рѣзка, но отвратительный человѣкъ... всѣ они вообще относились враждебно къ Лебрехту... кузенъ Артуръ и другіе, въ особенности фонъ-Франкъ... Лебрехтъ дѣлалъ видъ, что ничего не замѣчаетъ... онъ слишкомъ гордъ для этого; но я видѣла, да и онъ зналъ, вѣроятно, что за спиной его позволяются всевозможныя шутки... относительно его имени... оно, конечно, не красиво... Я каждую минуту боялась, чтобы онъ не вышелъ изъ себя... онъ очень внильчивъ... Мнѣ сказали, что существуетъ стихотвореніе... написанное фонъ-Франкомъ... одна изъ подругъ.

— Разумѣется, — сказалъ докторъ.

— Отвратительное стихотвореніе... передѣланное изъ «Лорелей» Гейне... оно кончалось слѣдующими словами:

Это сдѣлалъ Лебрехтъ Нудель:
Нашъ Вальдомскій король!

Я была виѣ себя.. я воспользовалась случаемъ... это было на парохдѣ... я подошла къ нему и сказала...

— Говорите же, сударыня! Я заранее радуюсь за него...

— Я сказала ему: говорятъ, что слѣдуетъ остерегаться отмѣченныхъ природой, но послѣдніе въ свою очередь должны остерегаться... ибо короли могущественны...

— Превосходно! Ну-съ! а этотъ вдвойнѣ отмѣченный?

— Я не дала ему времени для отвѣта, но отъ подруги я слышала, что онъ далъ странную клятву отплатить мнѣ. Злая судьба

привела его сюда... и это въ ту минуту, когда мои родители... мои бѣдные родители... мой добрый папа... если бы онъ это узналъ... Ассесоръ же постарается довести до его свѣдѣнiя... Какое ужасное впечатлѣнiе должно произвести на папу нежеланiе Лебрехта открыть шкафъ... Какъ вы думаете, откроетъ онъ, если я скажу ему, что ключъ у меня? А что если не откроетъ?

Докторъ потеръ себѣ колѣни.

— Трудно отвѣчать на этотъ вопросъ, — сказалъ онъ, — Лебрехтъ, безъ сомнѣнiя, предупредитъ вашего отца, что сегодня вечеромъ нельзя будетъ пить изъ королевскаго кубка; онъ и безъ того будетъ чувствовать себя въ большомъ смущенiи, и я не хотѣлъ бы увеличивать послѣдняго. Да и вы, сударыня, вслѣдствiе, конечно, весьма понятной робости, упустили самый удобный моментъ. Если бы ключъ оставался потерянннмъ... хотя по моему глубокому убѣжденiю... онъ въ этомъ роковомъ случаѣ, если смотрѣть на послѣднiй съ нравственной стороны, играетъ символическую роль. Есть другой истинный ключъ и Лебрехтъ... и будемъ надѣяться на Бога!.. онъ хотя и поздно... Скажите, сударыня, можетъ-ли существовать слово «поздно» для всепрощающей и все выносящей любви? Ключъ у васъ?

— Да, — перѣшительно отвѣчала Анна.

— Я хочу вамъ кое-что предложить, — отдайте его мнѣ!

— Вотъ онъ!

Анна вынула изъ кармана ключъ, завернутый въ платокъ; докторъ взялъ ключъ, платокъ же собирался возвратитъ Аннѣ, какъ вдругъ совершенно неожиданно выдернулъ его изъ рукъ послѣдней и поспѣшно упряталъ въ боковой карманъ сюртука.

— Не кровь-ли это?

Анна такъ тихо произнесла послѣднiя слова, что казалось удивительнымъ, какимъ образомъ могъ услышать ихъ докторъ; да онъ и не слышалъ ихъ, а скорѣй прочелъ ихъ на ея блѣдныхъ, дрожащихъ губахъ, ибо тотъ же самый вопросъ мелькнулъ и въ его собственной душѣ.

— Это можно сказать лишь послѣ химическаго анализа, — сказалъ онъ, застегивая сюртукъ и подымаясь съ своего мѣста.

— Такъ это кровь! — сказала Анна, почти теряя сознание.

Докторъ съ сожалѣнiемъ посмотрѣлъ на ея, полную отчаянiя, фигуру.

— А если бы и такъ, — сказалъ онъ медленно, — что бы ни случилось, этого никогда нельзя будетъ объяснить, ибо самъ Лебрехтъ знаетъ лишь начало, а не конецъ... надѣюсь, это также вѣрно, какъ и то, что я другъ его... Злая воля дѣлаетъ преступника, но не дѣйствiе... Въ глазахъ дружбы Лебрехтъ не можетъ быть

преступникомъ... неужели же онъ... неужели же онъ можетъ быть имъ въ глазахъ любви?

— Никогда! никогда! никогда! — воскликнула Анна, ломая руки.

— Что бы ни случилось?

— Я люблю его! люблю его!

— И да благословить васъ Богъ!

Докторъ сдѣлалъ шагъ впередъ и снова остановился.

— Я знаю, Онъ благословить васъ. Мужайтесь! Въ средніе вѣка бракъ былъ запрещенъ лишь тѣмъ, которые продавали душу свою чорту и «любовь», говоритъ Вольфрамъ фонъ-Эшенбахъ, «вездѣ, кромѣ ада». Брачная любовь есть олицетвореніе непорочности, и всякій, ходящій во свѣтѣ ея, освящается. Но Богъ странно ведетъ своихъ блаженныхъ святыхъ! Любящему человѣку и майскій воздухъ кажется недостаточно нѣжнымъ для его возлюбленной, — женщина презираетъ опасности ради любимаго ею человѣка и готова въ огонь и воду за него. Еще разъ, — да благословить васъ Богъ!

Стукъ затворяемой двери далъ знать Аннѣ, что докторъ удался. Она встала. Зачѣмъ отдала она ему ключъ! Она бросилась, чтобы позвать его, но ошиблась дверью и очутилась въ столовой, когда же, наконецъ, достигла передней и отворила дверь, было уже поздно! Она услышала, какъ внизу хлопнули дверью и съ такой силой, что стукъ этотъ раздался по всему дому. Затѣмъ все сразу стихло. Сердце ея сильно билось, ноги подгибались; она прислонилась къ стѣнѣ.

Долго стояла она, затаивъ дыханіе и прислушиваясь къ безмолвнотишинѣ, — наконецъ, тихо прошептала: — я не должна была отдавать ему ключа!

VI.

Докторъ чувствовалъ себя до глубины души потрясеннымъ только что пережитой имъ сценой, — онъ искренно удивлялся прекрасной молодой женщиной, и въ тоже время былъ крайне встревоженъ за своего возлюбленнаго друга. Медленно спускался онъ внизъ по лѣстницѣ, медленно прошелъ сѣни и въ нерѣшительности остановился у наружныхъ дверей; — нѣсколько времени держалъ онъ послѣднюю открытой, не зная что дѣлать, — возвратиться ли назадъ и осмотрѣть хорошенько подозрительный шкафъ, или же продолжать свой путь, признавъ безнадежнымъ тотъ фактъ, въ значеніи котораго онъ такъ сильно ошибался, какъ вдругъ сильный порывъ вѣтра рванулъ дверь у него изъ рукъ и прихлопнулъ ее со всей силой.

- Проклятый вѣтеръ!—съ бѣшенствомъ крикнулъ докторъ.
 — Да! скверная ночь!—сказалъ чей-то хриплый голосъ подлѣ него.
 — Гола! кто тамъ?—воскликнулъ докторъ.
 — Это я, Кабельманъ!
 — Вы чего тутъ торчите? Не сдѣлалось-ли хуже вашей женѣ?
 — Сохрани Богъ, господинъ докторъ!
 — Въ чемъ же дѣло?
 — Я пришелъ просить васъ къ господину ассесору... по дѣламъ.

Докторъ сдѣлалъ невольное движеніе по направленію къ двери, хотя очень хорошо зналъ, что послѣдняя захлопнулась на задвижку и нѣтъ никакой возможности открыть ее снаружки. Чтобы выиграть нѣсколько времени, онъ сказалъ:

— Что случилось, Кабельманъ? Не Ледебуръ-ли опять? Я уже говорилъ ассесору, что бѣдная женщина окончателно взбѣсится, если онъ будетъ продолжать мучить ее слѣдствіемъ и допросами.

— Дѣло идетъ не о Ледебуръ, господинъ докторъ! благодаря ванему ходатайству, она сидитъ теперь въ седьмомъ номерѣ, гдѣ больше свѣту и воздуху. Сегодня ей дали горячаго поѣсть,—она и говоритъ мнѣ: «Кабельманъ, за все это я должна благодарить нашего окружнаго доктора,—потому нѣтъ другой... онъ... тутъ господинъ докторъ, худое таки словечко вставила она... тотъ сгноилъ бы меня на соломѣ. Я...»

Тутъ полицейскій служитель, бывшій цѣлой головой выше длиннаго доктора, наклонился къ послѣднему и хриплымъ голосомъ прошепталъ:

— Я бы не долженъ былъ этого говорить, но я знаю, вы не выдадите меня,—онъ зоветъ васъ по дѣлу Пуделя и Флидербума.

Докторъ пытался было засмѣяться, но вмѣсто этого сильно закашлялся, какъ бы поперхнувшись.

— Знаете-ли, Кабельманъ!.. Только, пожалуйста, не вздумайте доложить ему этого... чтобы чортъ побралъ вашего ассесора!

Полицейскій приподнялъ свою клеенчатую фуражку и сказалъ, ероша свои короткіе, жесткіе волоса:

— Такъ, такъ! господинъ докторъ! И я ничего противъ этого не имѣю, да тутъ и подлинно самъ чортъ замѣшался; ужъ что онъ разъ заберетъ себѣ въ голову, то нѣтъ ему покоя ни днемъ, ни ночью, пока не добьется, ну—и добился!

— Пустяки!—сказалъ докторъ,—чего онъ тамъ добился? Съ ума онъ сошелъ!

— Такъ-то, такъ, господинъ докторъ!—по мнѣ, пусть онъ себѣ и съ ума сошелъ, я согласенъ скорѣй его запереть въ двад-

цать четвертый номеръ, чѣмъ Ледебуръ... если бы не было этого проклятаго шкафа!

Холодная дрожь пробѣжала по всему тѣлу доктора. Этого только не доставало!

— Не я сказалъ ему объ этомъ, — продолжалъ, какъ бы извиняясь полицейскій, — хотя и могъ бы сказать ему, вѣдь я знаю домъ, какъ свои пять пальцевъ; стѣнной шкафъ находится тамъ наверху въ угловой комнатѣ, гдѣ жилъ покойный сенаторъ; тамъ у него въ шкафу лежали всегда документы, и я самъ частенько вынималъ и клалъ ихъ туда. Какъ-то разъ, когда я стоялъ подлѣ шкафа, онъ и говорить мнѣ: «а что, Кабельманъ! какъ ты думаешь, сколько тысячъ талеровъ нажилъ я вотъ черезъ ту дыру, что идетъ къ горѣ висѣльничковъ?» — Эй, господинъ сенаторъ! — говорю я, — кто такіе вѣрять этому! — Кабельманъ тому вѣрять, — говоритъ онъ, — и весь городъ также. Самъ смѣется, и я смѣюсь съ нимъ. Да! любилъ онъ пошутить! Небеловъ всѣми святыми клянется, будто бы сенатору не для чего было и дверей отворять, чтобы уйти изъ своей комнаты, онъ-то вѣрно и разболталъ объ этомъ кое-кому. Смотри, Небеловъ, — говорю я ему, — не говори объ этомъ ассесору; да онъ и не сказалъ, когда тотъ спрашивалъ его, что тамъ за стѣнной шкафъ наверху, о которомъ рассказываютъ люди? Я, право, господинъ докторъ, также всякій разъ одно и тоже отвѣчаю ему: «все это одна глупая болтовня, господинъ ассесоръ!» Я все думалъ, что онъ на этомъ успокоится, какъ вдругъ полчаса тому назадъ звонить онъ меня; прихожу, — онъ бѣгаетъ по комнатѣ и потираетъ себѣ руки: — Ну-съ, Кабельманъ, я все разузналъ; въ десять часовъ, когда возвратится домой Нудель, мы отправимся къ нему и осмотримъ шкафъ, — не пайдется-ли тамъ чего-нибудь, что могло бы порадовать его молодую жену. — Ахъ, господинъ ассесоръ, — говорю я, — Нудель возвратился еще въ восемь часовъ и опять уѣхалъ на станцію встрѣчать старыхъ господъ. — Видите-ли, господинъ докторъ, мнѣ Небеловъ говорилъ, что Ульценъ послала его къ сенатору Цингету за серебромъ, потому что баринъ потерялъ ключъ отъ шкафа; и это сказалъ ассесору, а также, что вы сидите теперь у госпожи Нудель. Онъ засмѣялся, — ну, точно старая обезьяна смѣялся онъ, господинъ докторъ, и говорить: — Ключъ потерялъ? Мы поможемъ ему поискать! — Тутъ онъ приказалъ мнѣ идти къ вамъ и попросить васъ къ нему на минуту, какъ будто бы ему нужно говорить съ вами по очень нужному дѣлу, — а вы вотъ и вышли сами.

Какъ ни спѣшилъ докторъ уходить, онъ не мѣшалъ говорить старику и спокойно выслушалъ его до конца, — затѣмъ поднялъ къверху воротникъ и сказалъ: — Хорошо, Кабельманъ! скажите ему, что я приду черезъ часъ, теперь мнѣ пѣтъ времени.

Онъ было сдѣлалъ шагъ впередъ, но полицейскій осталовилъ его.

— Не дѣлайте этого, господинъ докторъ! Ничто не поможетъ, онъ уже послалъ Мертенса на вокзалъ и сказалъ, чтобы онъ не выпускалъ изъ виду Нуделя, не давая ему замѣтить этого; я самъ слышалъ, какъ онъ отдавалъ ему приказанія.

— Ага! тогда подождите минутку, я сейчасъ возвращусь назадъ.

Докторъ схватился за ручку двери, — полицейскій покачалъ головой.

— Не дѣлайте этого, господинъ докторъ! — Небелова пѣтъ дома, придется долго ждать, пока отворятъ двери; мнѣ же далъ строжайшій приказъ, какъ можно скорѣе доставить васъ. Удивительно, право, что онъ до сихъ поръ никого въ догонку не послалъ.

— Скажите ему, что не нашли меня, потому что я уже ушелъ.

— Не могу, господинъ докторъ, это значитъ идти противъ присяги. Знаете-ли что, пойдѣте вмѣстѣ со мной; быть можетъ, онъ образумится, когда поговорить съ вами и отложить на завтра. Бѣдная, молодая женщина... въ первый же вечеръ... это ужасно; завтра, можетъ быть, все пройдетъ.

— Слушайте, Кабельманъ! — воскликнулъ докторъ, — вѣдь вы же благоразумный человѣкъ, — неужели вы вѣрите тому, что человѣкъ безъ всякаго повода, совершившій убійство, можетъ спокойно ѣхать вѣнчаться?

— Эхъ, эхъ! — возразилъ Кабельманъ, — поводъ-то былъ, конечно, и врядъ-ли онъ спокойно уѣзжалъ; мало-ли какихъ курьезныхъ вещей не бываетъ на свѣтѣ. Пойдѣте, однако, господинъ докторъ, давно уже пора!

Докторъ задумался, ему казалось дѣйствительно, что самое лучшее будетъ, если онъ пойдетъ вмѣстѣ съ Кабельманомъ. Слѣдуетъ постараться убѣдить фонъ-Франка, что подозрѣнiе его неосновательно, но какъ это сдѣлать? Какъ знать, что выслѣдила эта ищейка. Въ крайнемъ случаѣ у него, конечно, было оружіе, онъ могъ ему сказать: «мнѣ извѣстны личные мотивы, руководящіе вами въ данномъ случаѣ!» Правда, оружіе это слишкомъ слабо по отношенію къ такому злему и мстительному человѣку! Надо прежде узнать, какъ далеко зашло это дѣло.

Съ башни церкви св. Николая раздались дребезжащіе звуки, заглушаемые свистомъ бури; пробило три четверти десятаго! Черезъ полчаса, не болѣе, Лебрехтъ долженъ пріѣхать съ родителями... а тамъ наверху молодая, прекрасная, блѣдная женщина...

— Что жъ, Кабельманъ, идемъ! — сказалъ докторъ, выходя изъ подъѣзда, гдѣ происходилъ этотъ разговоръ, направляясь къ ратушѣ мимо передняго фасада дома съ фронтономъ, а затѣмъ вдоль по узенькой улицѣ. Старикъ полицейскій молча слѣдовалъ за нимъ.

Уходъ доктора былъ также замѣченъ и кухоннымъ персоналомъ. Стоявшая у окна Дорте, которой видна была часть галлерей и лѣстница, сказала Ульценъ, медленно опускакая поднятую ею гардину:

— Наконецъ-то! Подите-ка теперь и узнайте, какое же собственно жаркое приготовить надо?

— Я не тронусь съ мѣста, — отвѣчала Ульценъ, медленно вращая палецъ вокругъ пальца; — если барыня, вмѣсто того, чтобы распорядиться по хозяйству, забавляется съ докторомъ, на что у нея хватаетъ времени... мнѣ и подавно незамѣмъ безпокоиться.

— На то вы и домоправительница, — сказала Дорте; — она молодая женщина и ей всегда найдется о чемъ поговорить съ докторомъ...

— И тебѣ не стыдно, Дорте! вѣдь ты еще такъ молода! — сказала Ульценъ.

— Не вчера же я родилась, — смѣясь, отвѣчала дѣвушка; — въ концѣ концовъ со всѣмъ познакомишься на свѣтѣ. А сказать правду, такъ она мнѣ нравится.

— Я ничего не покупаю заглазно, — отвѣчала Ульценъ, бросая философскій взглядъ на цѣлый рядъ блестящихъ кастрюль въ кухонномъ шкафу.

— Это совсѣмъ не подходитъ къ ней, — сказала Дорте; — у нея такіе добрые, честные глаза, а красивая, стройная какая! Какъ къ ней идетъ ея дорожное коричневое платье!.. Такъ-то-съ, Ульценъ! Ничего подобнаго не встрѣтишь здѣсь у насъ; даже женѣ сенатора Цишгема не сравнится съ нею! Хорошо было бы, если бы она была нѣсколько повеселѣй! Богъ мой, какъ подумаешь, — молодая, красивая, богатая и такой богатый, красивый и молодой мужъ...

— Я не желала бы быть на ея мѣстѣ, — сказала Ульценъ.

Дѣвушка громко засмѣялась.

— Врядъ-ли это можетъ когда-нибудь случиться, — сказала она.

— Мы много еще чего увидимъ, — сказала Ульценъ, — только не я. Я и такъ долгие всѣхъ прожила здѣсь.

— Вы это только такъ говорите.

— Нѣтъ, я не такъ говорю, не такъ! — возразила Ульценъ; — кто на своемъ вѣку перебивалъ у столькихъ господъ, тотъ сразу видитъ въ чемъ дѣло. Здѣсь точь въ точь, какъ у барона Гривена, у котораго я лѣтъ пять прослужила экономкой. Онъ былъ женатъ на молодой графинѣ Пустовой; не прошло и недѣли послѣ того, какъ они пріѣхали, а онъ уже застрѣлился въ своей спальнѣ, жена-то снала на другомъ концѣ замка...

Ульценъ ближе придвинула свой стулъ и продолжала таинственнымъ голосомъ:

— У него было шесть пальцевъ на правой ногѣ; это мнѣ сказала женщина, которая обмывала тѣло его.

— Богъ мой!—воскликнула Дорте, всплеснувъ красными руками,—развѣ она не знала этого? Я говорю о молодой женщинѣ.

Ульценъ уклонилась отъ отвѣта и продолжала еще болѣе таинственнымъ голосомъ:

— А вотъ еще фонъ-Линдبلادъ изъ Швеціи, женатый на одной изъ двѣнадцати сестеръ Пассельвитцъ,—старикъ фонъ-Пассельвитцъ уступилъ ему Рандовъ, такъ какъ совсѣмъ былъ безъ ума отъ него. Такъ вотъ въ одинъ прекрасный день прѣзжаетъ вдругъ изъ Швеціи его первая жена, отъ которой онъ убѣждалъ и приказываетъ доложить о себѣ барынь...

— Ахъ, Богъ мой! Богъ мой! какихъ людей только не бываетъ!—воскликнула Дорте,—что же сказала бѣдная жена... я говорю о второй.

— Что она сказала? Да ничего не сказала, а приказала запрягать, забрала съ собой обоихъ маленькихъ дѣтей... младшему было всего полгода... Первая также привезла съ собой нѣсколькихъ... и все бѣлокурые... Такъ вотъ вторая забрала дѣтей, уѣхала въ Пассельвитцъ и живетъ теперь въ Зюндипф...

— Такъ неужели же вы думаете, что у нашего барина есть также тайная жена?—спросила Дорте.

Ульценъ какъ-то странно улыбнулась.

— Бываютъ еще хуже вещи, Дорте, и я говорю тебѣ, не даромъ это, что старые господа ѣдутъ на недѣлю раньше и присылаютъ денегу, а баринъ бѣднѣетъ какъ стѣна, прочитавши ее,—и серебра-то нѣтъ у насъ, и ключъ-то потерянь,—не даромъ все это, говорю тебѣ, и Небеловъ тоже говорить.

— Стыдно вамъ обонмъ,—воскликнула съ жаромъ Дорте,—не хорошо такъ дѣлать! Вы столько времени живете въ домѣ, а тутъ случилось что-то, чего никто не знаетъ, и вы позволяете въ городѣ болтать всякій вздоръ, и сами вмѣстѣ болтаете, да такое ужасное, что у меня, бѣдной дѣвушки, волосы дыбомъ становятся. Флидербумъ убѣждалъ, вотъ и все, онъ мнѣ очень нравился, веселѣе его никого не бывало въ ресторанѣ матушки Имфельдтъ а теперь я желаю, чтобы для него приготовили столько оханокъ розогъ, сколько дней онъ находится въ отсутствіи... ужъ тогда онъ навѣрное возвратится.

— Что касается возвращенія, то за этимъ дѣло не станетъ; сегодня вечеромъ онъ уже два раза давалъ о себѣ знать;—сказалъ старый Небеловъ, незамѣтно вошедшій въ кухню.

— Скажите еще разъ что-нибудь подобное, и я закричу!—сказала Дорте.

— Онъ даль о себѣ знать? Гдѣ! Когда? Какимъ образомъ? Говорите же, — воскликнула Ульценъ.

Старикъ уронилъ на столъ ящикъ, который несъ подъ рукой, причемъ нѣсколько ложекъ покотилось по столу; затѣмъ онъ бросился на стулъ, откуда только что вскочила испуганная Ульценъ; ноги старика дрожали, взглядъ его красныхъ мутныхъ глазъ былъ неподвижно устремленъ на плиту.

— Говорите же! — воскликнула опять Ульценъ.

— Или я закричу! — сказала Дорте.

— Дай ему придти въ себя! — сказала Ульценъ.

Она подошла къ шкафу, вынула бутылку, налила изъ нея полный стаканчикъ и поднесла его къ самому носу старика. Последній взялъ его дрожащей рукой, выпилъ залпомъ и сказалъ глухимъ голосомъ, продолжая по прежнему смотрѣть на плиту:

— Такъ примѣрно въ семь часовъ, за часъ до прїѣзда господъ, я пошелъ внизъ спросить молодыхъ людей, не пора-ли закрыть лавку, такъ какъ они собирались пѣть въ десять. Смотрю, а тамъ банмачникъ Бѣмъ и рассказываетъ, что вчера его звалъ къ себѣ ассесоръ и показалъ ему пару сапогъ, спрашивая не Флидербума-ли это сапоги, и не онъ-ли шилъ на него? Бѣмъ и говорить: «да, это сапоги его; откуда досталъ ихъ господинъ ассесоръ?» Ассесоръ такъ зло засмѣялся и говорить: «не его это дѣло, онъ и такъ достаточно знаетъ, а потому можетъ идти домой». Вотъ стоимъ мы такъ и разговариваемъ, а Шмидтъ зажигаетъ лампы и говорить еще: «и какъ это можно узнать сапоги, сдѣланные четверть года тому назадъ, когда прошло всего шесть недѣль съ тѣхъ поръ, какъ исчезъ Флидербумъ, а онъ едва помнитъ его». Тутъ я посмотрѣлъ въ окно и спрашиваю себя, помню-ли я его; какъ вижу у окна, между двухъ сахарныхъ головъ лицо его, Флидербума, какъ живое, — смотритъ такъ вотъ на меня, я пролилъ чуть не весь ромъ на полъ; смотрю опять въ окно, его и слѣда нѣтъ. Ульценъ, дайте-ка мнѣ еще стаканчикъ.

Ульценъ снова наполнила стаканъ; старикъ выпилъ, откашлялся и продолжалъ:

— Я все это рассказалъ Кабельману, когда шелъ мимо ратуши, а онъ стоялъ у дверей. Кабельманъ говорить: онъ умеръ, это вѣрно. Ассесоръ самъ нашелъ эти сапоги на горѣ висѣльщикова между елями... Мертенсъ былъ съ нимъ... говорить, что тотъ такъ прямо и пошелъ туда, гдѣ сапоги лежали, точно чутьемъ узналъ... какъ лягавая собака, — говорить Мертенсъ... и... — говорить Кабельманъ... — ты увидишь, Небеловъ, онъ доберется до всего! Молчи ты только за стѣнной шкафъ, и я буду молчать; не мы тогда будемъ виноваты, если онъ на висѣлицу попадетъ.

— Эй! говорю, ничего я не скажу. Хорошо! Иду я затѣмъ къ Цингету, прошу тамъ дать намъ дюжину ложекъ, потому старые господа должны прѣхать, а баринъ потерялъ ключъ отъ стѣннаго шкафа. Сенаторъ посмотрѣлъ на жену, а та на него... они сидѣли какъ разъ за столомъ въ это время... Сенаторша встала, достала ложки и смотритъ на меня, а сама ни словечка, и я тоже молчу. Иду я по рынку, а самъ все думаю объ этомъ, дождь такъ и хлещетъ меня по лицу, ничего мнѣ не видно, я и ткнулся зонтикомъ прямо во входную дверь.— Не пьянъ-ли ты, Балтазаръ Небеловъ?— говорю я себѣ и закрываю зонтикъ.— Небеловъ!— говоритъ вдругъ кто-то подлѣ меня.

— Пустяки!— закричала Дорте.

— Тише!— воскликнула Ульцень;— Флидербумъ это былъ?

— И я спросилъ,— сказалъ старикъ.— Флидербумъ? Онъ выглядѣлъ какъ живой, вотъ какъ онъ бывало смотритъ изъ окна конторы и спрашиваетъ, ушелъ-ли баринъ? Это чтобы пораньше можно было идти въ ресторанъ матушки Имфельдтъ. Только слышу, опять зоветъ:— Небеловъ!— я даже ручку замка выпустилъ; едва открывъ я дверь, а онъ ко мнѣ, схватываетъ меня ледяными руками за шею и въ третій разъ...

Старикъ не могъ кончить своего разсказа, послышался страшный свистъ и шумъ вѣтра, пламя вдругъ вырвалось изъ подъ плиты и вся кухня моментально наполнилась дымомъ; Дорте, послѣ разсказа старика окончательно потерявшая присутствіе духа, громко взвизгнула, упала на колѣни и, закрывая лицо руками, продолжала кричать. Вдругъ она почувствовала на плечѣ чью-то руку, которую приняла сначала за руку Ульцень, когда подлѣ нея послышался голосъ, вовсе не принадлежавшій послѣдней:

— Что случилось съ этой дѣвушкой?

Дорте, продолжая по прежнему стоять на колѣняхъ, протянула руки къ молодой женщинѣ и сказала, судорожно рыдая:

— Я не виновата въ этомъ, сударыня! Я отиѣкивалась, пока могла, я всегда говорила, — и стыдно, и грѣшно разсказывать такія вещи о нашемъ баринѣ, и я не вѣрю этому, сударыня! право, не вѣрю!

— Встань, милое дитя!— сказала Анна.

Дѣвушка встала съ колѣнъ и подошла къ плитѣ, стараясь стать такимъ образомъ, чтобы не видно было ея лица; она съ трудомъ сдерживала рыданія и была въ страшномъ смущеніи, думая о томъ, что ей отвѣчать, когда барыня спроситъ: Чего она кричала? И чему она не вѣрила?

Но барыня какъ будто бы забыла объ ея присутствіи, а только спросила, часто-ли дымить въ кухнѣ? Дорте удивилась, слушая, ка-

кимъ спокойнымъ голосомъ она продолжала свои дальнѣйшіе разспросы: что это за ложки въ ящикѣ? Кто приказалъ принести ихъ? На что Ульценъ отвѣчала, что это сдѣлано по ея приказанію, такъ какъ баринъ, уѣзжая, ничего не оставилъ, она же не хотѣла беспокоить барыню, а пріѣзжіе господа не могутъ ѣсть безъ ложекъ.

И на это барыня ничего особеннаго не сказала, а только опять спросила:

— Накрытъ-ли столъ? На сколько человѣкъ?

Затѣмъ она очень вѣжливо попросила Ульценъ проводить ее въ пріемныя комнаты, которыя ей хочется видѣть до пріѣзда родителей, хотя она напередъ увѣрена въ томъ, что все приготовлено, какъ слѣдуетъ. И съ этими словами она, въ сопровожденіи Ульценъ, вышла изъ кухни.

Взглянувъ на Анну, Ульценъ замѣтила, что она и смотритъ, и говоритъ совсѣмъ иначе, чѣмъ раньше, а потому вывела заключеніе, что послѣдняя непременно должна быть сердита и рѣшилась предупредить бурю: барыня ни въ какомъ случаѣ не должна считать ее отвѣтственнымъ лицомъ за то, что въ городѣ ходятъ такіе отвратительные слухи. Она еще раньше говорила, что людямъ не завязать рта, да барыня и сама теперь слышала. Иначе и быть не можетъ, когда самъ ассесоръ во что бы то ни стало хочетъ замарать доброе имя барина и даже,—прости ему его согрѣшеніе, Господи!—довести его до висѣлицы. Раньше она не хотѣла говорить объ этомъ, чтобы не испугать молодую барыню, только что пріѣхавшую въ домъ. Все же лучше будетъ, когда она все узнаетъ и барыню скажетъ, чего тому ждуть отъ ассесора и каки мѣры принять противъ него. И въ маленькомъ городкѣ всегда оправдывается поговорка: «вѣрайся, да оглядывайся!» А пусть-ка барыня хорошенько подумаетъ, можно-ли довѣряться человѣку, который, несмотря на то, что послѣ бургомистра онъ первый въ городѣ и ходитъ въ лакированныхъ сапогахъ и палевыхъ лайковыхъ перчаткахъ, самъ въ отвратительную погоду отправляется на гору висѣльниковъ, выскриваетъ тамъ сапоги, зоветъ банмачника Бѣма и заставляеть того клясться, что это сапоги Флидербума.

Все это Ульценъ говорила, стоя въ глубинѣ комнаты; она чувствовала себя крайне неловко и все время то поправляла кровати, то переставляла стулья, не понимая, почему барыня, смотрявшая въ окно, ни разу не обернулась къ ней и не произнесла ни единого словечка; отъ смущенія Ульценъ сдѣлалась еще болтливей и не жалѣла яркихъ красокъ для своего разсказа. Какъ испугалась она, когда Анна внезапно обернулась къ ней, и она увидѣла, что лицо ея было также блѣло, какъ гардины на окнѣ, а большіе, черные глаза совершенно безжизненны; не осматриваясь по сторо-

намъ, прошла она мимо нея и, остановившись въ дверяхъ, проговорила какимъ-то страннымъ, чуждымъ ей голосомъ:

— Если кто спроситъ меня, скажите, что я въ комнатѣ барина.

Ульцешъ была до того испугана, что еще нѣсколько минутъ послѣ ухода Анны, продолжала стоять неподвижно на одномъ и томъ же мѣстѣ, а возвратившись въ кухню, лишь передала данное ей приказаніе. На вопросы же старика и Дорте, что все это значило, отвѣчала:

— Пусть тотъ, кто не боится обжечь себя пальца, говорить, она же съ своей стороны ни единого слова не скажетъ даже и тогда, если ей стануть рвать языкъ раскаленными щипцами.

Анна, между тѣмъ, сидѣла у камина въ комнатѣ Лебрехта, и, закрывъ лицо руками, вспоминала только что видѣнную ею картину изъ окна спальни, по ту сторону узенькой улицы. Тамъ находилась ратуша и чрезъ окна ея видѣлась высокая комната, освѣщенная висящей на потолокъ лампой, — посредиѣ столъ, заваленный книгами и документами, и уставленный зажженными свѣчами. У стола она замѣтила маленькую, горбатую фигуру фонъ-Франка, отвратительный силуэтъ котораго ясно обрисовывался на освѣщенномъ заднемъ планѣ комнаты; онъ сильно жестикулировалъ руками, разговаривая съ докторомъ, который стоялъ передъ нимъ, наклонивъ голову, потиралъ одной рукой колѣно и, молча, выслушивалъ разгорячившагося горбуна. Едва тотъ замолчалъ, какъ вслѣдъ за нимъ заговорилъ докторъ, причемъ таеъ сильно жестикулировалъ своими длинными руками, что казалось ежеминутно, будто бы онъ вотъ-вотъ вцѣпится въ густые, нависшіе на лобъ волоса маленькаго человѣчка; послѣдній стоялъ, скрестивъ руки на груди и насмѣшливо улыбаяся. Затѣмъ фонъ-Франкъ наклонился къ столу и позвонилъ; въ комнату вошла какая-то длинная фигура въ мундирѣ и остановилась позади доктора; фонъ-Франкъ продолжалъ стоять, наклонившись у стола, и что-то поспѣшно писалъ. Между тѣмъ докторъ, не оборачиваясь даже, протянулъ свою руку къ стоявшему позади него высокому, худощавому человѣку, который въ свою очередь протянулъ ему свою; на минуту обѣ руки дотронулись одна до другой и затѣмъ снова разъединились. Въ ту же самую минуту фонъ-Франкъ вложилъ нисъмо въ конвертъ, написалъ на немъ адресъ и передалъ его ожидавшемуся слугѣ; послѣдній тотчасъ же вышелъ изъ комнаты, направился вдоль по длинному корридору, спустился съ лѣстницы и вышелъ на рыночную площадь, вокругъ которой стояли высокіе дома съ фронтонами, освѣщенные красноватымъ огнемъ факеловъ, стоявшихъ на высокомъ помостѣ, обтупитомъ чернымъ. Тамъ на-

верху помоста стоялъ онъ, блѣдный и печальный и, смотря на свой собственный домъ, простиралъ къ ней руки и говорилъ:

— Ты могла бы спасти меня, но ты отдала ключъ и я долженъ умереть!

И вдругъ наступила темная ночь и среди непрогляднаго мрака сверкнулъ подобно молніи блестящій мечъ...

Съ громкимъ, пронзительнымъ крикомъ очулась Анна отъ своего ужаснаго видѣнія... передъ нею стоялъ человѣкъ, котораго она ждала.

— Прощу извинить меня, — сказалъ человѣкъ, — меня послали сюда. Господинъ ассесоръ приказалъ передать вамъ, сударыня, свой поклонъ и вотъ это письмо.

Хриплый голосъ полицейскаго дрогнулъ также точно, какъ и грубая, загорѣлая рука его, когда онъ подалъ письмо. Онъ удивился, что блѣдная ручка прекрасной, молодой дамы не дрогнула, когда она приняла письмо, и подойдя къ столу, чтобы прочесть его при свѣтѣ лампы, она продолжала стоять совершенно спокойно и затѣмъ, кончивъ чтеніе и положивъ письмо на столъ, также спокойно сказала:

— Хорошо! благодарю васъ!

Кабельманъ покачалъ головой.

— Не за что, сударыня! Если позволите, сударыня... я преданный человѣкъ, какъ вашему супругу, такъ и господину доктору... позвольте спросить, что пишеть вамъ ассесоръ?

— Онъ пишеть, что будетъ здѣсь черезъ полчаса вмѣстѣ съ докторомъ, дабы заявить свое почтеніе намъ и пагѣ съ мамой. Мы давно знакомы съ ассесоромъ.

И говоря это, она какъ-то страшно улыбнулась... Мурашки пробѣжали по спинѣ Кабельмана; онъ подошелъ къ Аннѣ и сказалъ ей шепотомъ:

— А если вы знакомы съ нимъ, сударыня, то не пожелаете-ли воспользоваться тѣмъ получасомъ времени, что остается въ вашемъ распоряженіи. Вамъ должно быть извѣстно, что слѣдуетъ сдѣлать съ ключемъ, который докторъ передалъ мнѣ.

VII.

Анна не двигалась съ мѣста, пока не ушелъ Кабельманъ, но едва затворилась дверь за послѣднимъ, какъ она моментально бросилась къ ней и повернула ключъ въ замкъ; также точно поступила она и со второй дверью изъ столовой и третьей изъ гостиной. Подбѣжавъ затѣмъ къ столу, быстро схватила она ключъ, причѣмъ вздрогнула, какъ бы отъ прикосновенія къ раскаленному желѣзу.

Въ первую минуту ей хотѣлось бросить его, но, взглянувъ на лежащее передъ нею письмо, она еще крѣоче сжала его. Вотъ что писалъ ассесоръ:

«Милостивая Государыня!

Часъ тому назадъ, въ здѣшнее полицейское управленіе сдѣланъ доносъ по поводу извѣстнаго всѣмъ, весьма грустнаго обстоятельства. Дѣло идетъ о непонятномъ, хотя и не безслѣдномъ исчезновеніи молодого человѣка изъ числа служащихъ въ конторѣ вашего супруга. Это вынуждаетъ меня предпринять сегодня же вечеромъ частный обыскъ вашего дома, причемъ постараюсь исполнить тяжелый долгъ свой съ возможною деликатностью, для чего, смѣю завѣрить васъ, лишнимъ было вмѣшательство доктора Бертрама, который въ данную минуту находится у меня, ибо въ качествѣ окружного врача долженъ сопровождать меня при розыскѣ. Я считаю своею обязанностью поступать деликатно въ этомъ случаѣ, во-первыхъ, изъ уваженія къ незапятнанной репутаціи вашего супруга, посетителя почтеннаго и даже, такъ сказать, знаменитаго имени; во-вторыхъ, вслѣдствіе искренней дружбы къ родителямъ вашимъ, домъ которыхъ я посѣщалъ въ продолженіи столькихъ лѣтъ и, наконецъ, изъ чувства глубокаго удивленія, которое я осмѣливался лишь въ почтительномъ отдаленіи питать лично къ вамъ. И такъ, позвольте надѣяться, что вы разрѣшите мнѣ явиться въ вашъ домъ въ ту самую минуту, когда супругъ вашъ явится къ вамъ съ вашими обожаемыми родителями; на вашемъ семейномъ празднествѣ я буду присутствовать, какъ обыкновенный гость и, лишь только по удаленіи вашихъ ничего пенодозрѣвающихъ родителей на покой, останусь на нѣкоторое время для исполненія своей обязанности.

Сударыня, о себѣ я не говорю,—оправдываться въ этомъ случаѣ значить обвинять себя. Всегдашняя судьба моя — не нравиться вамъ, и я долженъ покориться ей и покорно переносить свою участь. Есть сознаніе, стоящее выше всѣхъ человѣческихъ чувствъ,—это сознаніе исполненнаго долга.

Съ глубочайшимъ уваженіемъ

Оскаръ фонъ-Франкъ».

— Сознаніе исполненнаго долга!—прошентала Анна,—будемъ учиться у этого дьявола во плоти!

Ключъ больше не производилъ на нее впечатлѣнія раскаленнаго желѣза; она твердо держала его въ правой рукѣ, а лѣвой взяла свѣчу, стоявшую на карнизѣ камина. Быстро направилась она къ углу обширной комнаты, гдѣ въ толстой выдающейся на нѣсколько футовъ стѣнѣ скрывался шкафъ. Но какъ ни свѣтила на, какъ ни присматривалась къ темно-коричневымъ обоямъ изъ

тиспенной кожи, она никакъ не могла найти замочной скважины. Секунды казались ей вѣчностью.

— О! Боже мой! Боже мой! — стопала она; — гдѣ же? гдѣ? О! Боже мой! Помоги мнѣ! Наконецъ.

Ключъ попалъ въ замокъ.

И вотъ изъ щели окна, по близости котораго она находилась, раздакъ снова дребезжащій, воющій звукъ... гардины зашевелились, какъ будто бы кто-нибудь стоялъ за ними... въ шкафу слышался шумъ, точно стукъ костей.

— О! Боже мой! помоги мнѣ!

Въ ту же минуту распахнулись обѣ половинки двери. Какой-то большой, темный предметъ скользнулъ мимо нея и съ глухимъ стукомъ упалъ позади на толстый коверъ. Она подумала, что это оторвавшаяся доска отъ дверей или что-нибудь въ этомъ родѣ. Она не обратила никакого вниманія на цѣлый рядъ предметовъ, стоявшихъ на полкахъ, которые сверху до низу занимали всю правую половину шкафа; здѣсь были: высокіе подсвѣчники, чудныя вазы, блестящія груды ложекъ, пожей и вилокъ, сверкающія чаши и кружки, великолѣпный кубокъ — королевскій подарокъ среди королевскихъ сокровищъ. Что ей было до всего этого? Она смогрѣла туда, палѣво, въѣдичъ изъ отдаленныхъ угловъ большого, темнаго пространства, куда не достигалъ даже свѣтъ; что если тамъ, въ глубокой темнотѣ она найдетъ потаенный ходъ? Что если рѣшится взойти туда, идти дальне ощущую?.. Что если никогда не найдетъ выхода оттуда?..

— О! Боже! помоги мнѣ! помоги мнѣ!

Она достигла противоположной стороны. Ни малѣйшаго отверстія! Гладкія совершенно стѣны, обитыя старинными обоями, деревянныя полки вездѣ и на нихъ всевозможныя вещи: нѣсколько удивительныхъ сѣделъ, украшенная серебромъ сбруя, хлыстики, коньки разнообразной формы, сѣти, удочки, охотничьи ружья и принадлежности для охоты, нѣсколько паръ высокихъ сапогъ, по-видимому, не для маленькой ноги Лебрехта.

— Здравствуйте!

Анна стояла на колѣняхъ въ углу стѣнного шкафа и разматривала находившіяся тамъ вещи. Голосъ, произнесеній слово «здравствуйте», былъ нѣженъ и дрожалъ нѣсколько, — онъ не походилъ на человѣческой голосъ и слышался гдѣ-то надъ нею.

Бѣдная Анна сложила руки, какъ она это дѣлывала въ дѣтствѣ, когда съ пламенной молитвой обращалась къ своимъ любимымъ святымъ и ей воображалось, что она видитъ передъ собой ихъ лучезарныя лики. Дрожащія губы ея шептали забытыя ею молитвы.

— Могу-ли я помочь вамъ?

Голосъ слышался позади нея; онъ былъ тверже, громче и подходилъ на голосъ человѣка. Но вѣдь она же закрыла всѣ двери!

Анна даже не вскрикнула; она столько пережила за эти послѣдніе часы и минуты, что была застрахована отъ всякихъ земныхъ ужасовъ. Взявъ свѣчу, стоявшіую подлѣ нея на полу, она встала съ колѣнъ и обернулась.

Но даже и для самаго трусливаго человѣка не могло быть ничего ужаснаго въ загадочномъ появленіи молодого человѣка, стоявшаго въ дверяхъ шкафа и освѣщеннаго свѣчей, которую держала Анна въ высоко приподнятой рукѣ: передъ нею стоялъ прелестный юноша, съ большими голубыми, плутовскими глазами, темными, едва пробивающимися усиками надъ дрожащей верхней губой и бѣлыми блестящими зубами.

— Гансъ Флидербумъ!—воскликнула Анна.

Прелестный юноша скрестилъ руки на груди, граціозно поклонился, опустивъ глаза, но тотчасъ же, улыбаясь, поднялъ ихъ и сказалъ:

— Изъ рода тѣхъ Азра, что умирають, когда владычица не прощаетъ ихъ.

Слова эти звучали такъ искренно и въ то же время такъ смѣшно. Изъ стѣсенной груди Анны вырвался радостный крикъ, изъ глазъ хлынули слезы, и въ продолженіи нѣсколькихъ минутъ она положительно ничего не могла видѣть. Впослѣдствіи она не могла припомнить, какъ она вышла изъ шкафа, и какимъ образомъ свѣча очутилась въ комнатѣ на столѣ; когда она пришла въ себя, то у своихъ ногъ увидѣла юношу, — онъ держалъ ея руки, то прикладывая ихъ ко лбу, то цѣлуя ихъ, и все время приговаривалъ:— Простите меня, сударыня! И попросите также добрѣйшаго моего хозяина простить меня!

Она сидѣла на стулѣ, ноги ея дрожали, но на этотъ разъ отъ радостнаго волненія. Подлѣ нея стоялъ Гансъ, онъ весело болталъ и рассказывалъ, принимая театральныя позы, причемъ то и дѣло жестикулировалъ и еле удерживался отъ смѣха.

— Какъ я попалъ въ домъ, сударыня? Десять минутъ тому назадъ, вслѣдъ за этимъ старымъ осломъ Небеловымъ, надъ которымъ я немножко подшутилъ, а онъ до того испугался, что даже позабылъ запереть двери, это было весьма удобно для меня;—я осторожно пробрался вверхъ по лѣстницѣ въ ту самую минуту, когда вы съ Ульценъ отправлялись въ пріемныя комнаты. Я прокрался затѣмъ сюда въ комнату, спрятался позади гардинъ и видѣлъ, какъ Кабельманъ передавалъ вамъ письмо. Что за чудный малый этотъ старикъ, не правда-ли?

не долженъ позволять себѣ шутокъ. Тутъ мнѣ пришло въ голову, что если молодая супруга моего хозяина, на защиту которой я такъ сильно рассчитывалъ, узнать отъ него о безумномъ поступкѣ наканунѣ свадьбы, и какъ мы сняли это и поставили въ шкафъ...

— Это что такое?—спросила Анна, въ первый разъ обратившая вниманіе на черную доску, едва не ударившую ее, когда она передъ этимъ отворяла шкафъ; доска продолжала лежать на томъ же мѣстѣ, куда упала и лежала у самыхъ ногъ ея между пею и Гансомъ; на нее-то и указывалъ послѣдній.

— А вы развѣ не знаете?—спросилъ Гансъ.

— Да... это доска...—сказала Анна, смѣясь при видѣ удивленія, выразившагося на лицѣ Ганса.

— Такъ вы не знаете, что написано на другой сторонѣ доски?

— Вѣдь она же не прозрачна!

— Господи, Ты, Боже мой!—воскликнулъ Гансъ.—Господи, Ты, Боже мой! Возможно-ли это? И онъ вамъ ничего не сказалъ объ этомъ, до сегодняшняго дня не сказалъ! И такъ долго скрывался онъ отъ тебя... въ продолженіи цѣлыхъ столѣтій?.. Онъ же живетъ въ хрустальномъ дворцѣ и смѣетъ жить въ немъ, ибо сердце его чисто, какъ слеза...

— Въ чемъ же дѣло!—спросила Анна, у которой, несмотря на безумную декламацию Ганса, тревожно забилось сердце.—Говорите! я хочу все знать!

— Хотите? Въ самомъ дѣлѣ хотите? Въ такомъ случаѣ, сударыня, сдѣлайте одолженіе, отойдите нѣсколько подальше, иначе пропадетъ весь эффектъ перепективы, на который здѣсь рассчитано. Вотъ я преклоняю колѣни, не за себя, а за своего хозяина... О! несчастный жребій королей!.. Рука моя снимаетъ покровъ съ тайны его величества.

Стоя на колѣняхъ, повернулъ онъ доску ребромъ внизъ.

— Что это означаетъ?—спросила Анна.

— Богъ мой! Богъ мой! Вѣдь буквы же достаточно велики!—пробормоталъ Гансъ сквозь зубы.

— Я хочу спросить, что значитъ эта шутка?

Гансъ уронилъ доску, но только такимъ образомъ, что надпись осталась наверху, вѣсочилъ съ колѣни и воскликнулъ:

— Шуткой называете вы это, шуткой? О! какая вы ужасная жепщина! Такъ по вашему шутка, что у добраго хозяина моего едва не разбилось сердце? Что онъ едва не убилъ самаго вѣрнаго и любимаго изъ своихъ слугъ? Шутка, сударыня? Неужели вы не читали вотъ тутъ въ лѣвомъ углу, —1654? А въ противоположномъ ему, —renovatum 1854? Renovatum, сударыня, значитъ возобновлена, отдѣлана за ново старымъ сенаторомъ Лебрехтомъ VIII,

королемъ Вальдомскимъ, который на смертномъ одрѣ своемъ заминалъ Лебрехта IX, если ему дорого благословеніе отца, созидающаго дома чадъ ихъ, чтобы доска эта продолжала висѣть на томъ же мѣстѣ, гдѣ висѣла въ продолженіи двухъ столѣтій. И Лебрехтъ IX, вступивъ на престолъ своихъ предковъ, хотя и погрѣшилъ противъ совѣсти и, какъ коварный іезуитъ, перевелъ магазинъ въ другое помѣщеніе, выходявшее на узенькую улицу, противъ ратуши, все же до той памятной ночи оставлялъ надъ нимъ вывѣску. И говоритъ онъ мнѣ въ этой самой комнатѣ, подлѣ того стола, гдѣ стояли тогда пустыя бутылки, и когда приближался полночный часъ, часъ посѣщенія духовъ:

— Гань!—говоритъ онъ мнѣ, — въ томъ домѣ съ зеркальными окнами и съ балконами, украшенными цвѣтами, что находится въ священномъ городѣ на берегу величественнаго Рейна, никто не знаетъ, что здѣсь въ Вальдомѣ, на берегу Балтійскаго моря, въ лавкѣ короля Вальдомскаго каждая торговка можетъ купить лотъ кофе, каждый матросъ понюшку табака, каждый мальчишка седьку.

— Неужели?—говорю я.

— Она бы не согласилась выйти за меня замужъ, если бы знала это.

— Ну! и пусть се себѣ!—говорю я... Сударыня, не гнѣвайтесь на меня за эти слова, я еще не зналъ васъ тогда... И онъ точно также презрительно улыбнулся, и сталъ рассказывать исторію своихъ страданій: какъ онъ благодаритъ Бога за то, что вы ничего не имѣли противъ его имени, которое въ настоящее время и вы носите, сударыня, и «что намъ за дѣло, какимъ именемъ зовется роза»... ничего, ничего не скажу я дальше. Затѣмъ онъ сталъ говорить мнѣ, что у него не хватаетъ мужества, въ добавокъ, къ своему ужасному имени рассказать также и объ этомъ,—понятно ли вамъ, сударыня? Какъ онъ изо дня въ день, изъ недѣли въ недѣлю грѣшилъ передъ вами, не сознаваясь вамъ въ этомъ, что его не такъ смущали ваши божественные глаза, какъ родные и друзья ваши. Онъ говорилъ, что будетъ молчать и скрывать до той минуты, когда вы, проѣзжая по старой рыночной площади, увидите, наконецъ, вывѣску... Тогда приѣзжайте ночью!—сказалъ я. — И среди ночного мрака будетъ горѣть надпись эта огненными буквами для меня!.. Сударыня, не сердитесь на меня, по мнѣ показалось тогда, что онъ лишился разсудка; что касается меня, то на мою долю тоже немного ума приходилось, вотъ мы и составили планъ вдвоемъ. Клянусь вамъ, что я первый затѣялъ все это; мнѣ пришла остроумная мысль снять ее съ крючковъ и поставить сюда въ шкафъ, что я сдѣлалъ весьма искусно, какъ вижу теперь по послѣд-

ствіямъ и... сударыня! если бы вы знали, какъ я испугался! И такъ, дальше: ключъ я спряталъ въ карманъ на тотъ случай, что если бы король Вальдомскій собрался, наконецъ, съ духомъ и рассказалъ вамъ все, а затѣмъ милостиво увѣдомилъ меня объ этомъ, я бы, несмотря ни на почъ, ни на туманъ, снова повѣсилъ бы ее на старое мѣсто, и пусть бы люди ломали себѣ тогда голову, какимъ образомъ случилось, что не было вывѣски, и она вдругъ снова появилась. Если же у него не хватитъ мужества, въ чемъ у него за всю мою службу не было недостатка...

«Тутъ я взглянулъ ему въ глаза, сударыня, въ его прекрасные голубые глаза, и увидѣлъ, что у него не хватитъ мужества и что онъ до послѣдней минуты будетъ отклонять это ужасное для него объясненіе.

«И вотъ, тогда я увидѣлъ сильнаго такимъ слабымъ, короля Вальдомскаго такимъ безпомощнымъ, мною овладѣлъ духъ зла и сталъ искушать меня: теперь онъ долженъ будетъ сдѣлать это для тебя! Онъ дастъ тебѣ позволеніе, о которомъ ты сотни разъ и въ шутку и серьезно просилъ его: показать удивленному міру, что Гаррикъ, и Тальма, и Людвигъ Девриентъ лишь жалкія ничтожества въ сравненіи съ Гансомъ Флидербумомъ, единственнымъ! И вообразите же себѣ, сударыня,—я думалъ, что, имѣя ключъ этотъ въ карманѣ, я держу его въ своей власти,—а онъ не хотѣлъ! Я просилъ—онъ отказывалъ мнѣ! Я умолялъ,—онъ смѣялся надо мной! Я разсердился,—онъ назвалъ меня дуракомъ! Я сталъ требовать,—онъ запретилъ мнѣ напоминать объ этомъ разъ навсегда и до тѣхъ поръ, пока онъ считается моимъ опекуномъ! А я... я, несчастный... сталъ угрожать ему... что выдамъ его! Клянусь вамъ всѣмъ святымъ, я говорилъ шутя и никогда не сдѣлалъ бы этого; но бургонское вино и поздній часъ... я велъ себя, конечно, крайне неприлично и заслуживалъ нѣсколькихъ ударовъ, а не только того одного, который онъ далъ мнѣ совсѣмъ печально, въ чемъ я вполне увѣренъ... тѣмъ же самымъ ключемъ, что отнял отъ меня... Рука-то у него тяжелая... кровь такъ и хлынула у меня изъ носу... я упалъ прямо на тотъ столъ, и онъ полетѣлъ со всѣмъ, что на немъ стояло. Безпамятство мое недолго продолжалось, и когда я пришелъ въ себя, то я увидѣлъ его на колѣняхъ подлѣ себя... Онъ держалъ мою голову и говорилъ мнѣ такія хорошія, добрыя слова; но я... Богъ ты мой, сударыня, я былъ пьянъ!.. Я вскочилъ, какъ бѣшеный... Вы ударили меня, говорю я ему, теперь мы квиты!—Гансъ! останься!— Не хочу!—Ты долженъ остаться!—Когда я затѣмъ очутился въ каютѣ Мартина, то скоро вытрезвился, но было уже поздно—мы на пять миль ушли въ море. Богъ мой, сударыня, что было мнѣ дѣлать?»

Говоря такимъ образомъ, Гансъ не спускалъ глазъ съ улыбающагося личика Анны и не могъ достаточно наглядѣться на ея блестящія, темныя глаза и ямочки на щечкахъ. При послѣднихъ же словахъ его лицо Анны приняло вдругъ серьезное выраженіе, она встала и поспѣшно прошла въ столовую.

— Ахъ!—вздыхнулъ Гансъ,—все шло такъ хорошо, и думалъ, мы совсѣмъ уже покопчили съ этой проклятой вывѣской, но...

Въ эту минуту возвратилась Анна, лицо ея такъ и сіяло, грудь высоко подымалась.

— Скорѣй, милый Гансъ, скорѣй!

— Что такое?—спросилъ Гансъ, услышавъ слова «милый Гансъ», сказанныя ему съ такой прелестной улыбкой, что онъ готовъ былъ сразиться съ самимъ чортомъ, если бы Анна того пожелала.

— Въ столовую... я открыла... въ буфетъ... надо все!

Она схватила первую попавшуюся серебряную вещь и поспѣшила къ буфету, Гансъ за ней, подъ одной рукой онъ держалъ пару подсвѣчниковъ, подъ другой кружку, а въ рукахъ большой королевскій кубокъ.

— Ставьте сюда!—сказала Анна, когда онъ подошелъ къ буфету...—Теперь я останусь здѣсь и буду разставлять вещи, а вы носите все сюда.

Гансъ бѣгалъ взадъ и впередъ, но какъ ни спѣшилъ онъ носить вещи, она успѣвала прятать ихъ. Все это принимало такой чудный, красивый видъ, съ такимъ вкусомъ было разставлено, что Гансъ всякій разъ останавливался и начиналъ любоваться. Анна не позволяла ему этого до тѣхъ поръ, пока не была принесена послѣдняя вещь и все окончательно разставлено.

— Теперь еще что?—сказалъ Гансъ, надѣясь, что найдется еще какое-нибудь дѣло, и онъ будетъ снова помогать прекрасной молодой женщиной.

— Не знаю, право, можно-ли будетъ сдѣлать это?—сказала Анна.

— Конечно, можно!—подтвердилъ Гансъ.

Они находились въ угловой комнатѣ подлѣ стѣнного шкафа.

— Можете-ли вы... вы передъ этимъ только что говорили, что хотѣли повѣсить ее на прежнее мѣсто... у насъ, пожалуй, не хватить времени на это...

— Нисколько!—сказалъ Гансъ,—половина одиннадцатаго; поѣздъ почти всегда опаздываетъ на полчаса; держу пари, что поѣзда лѣтъ еще, или же онъ только что пришелъ. Потребуется четверть часа для того, чтобъ выйти изъ вагона, сѣсть въ экипажъ и проѣхать сюда... я же въ пять минутъ буду совсѣмъ готовъ!

— Вы? Вы один?

— Да! я одинъ... безъ чьей-либо помощи, какъ и тогда, когда я втащилъ ее сюда; хозяинъ не хотѣлъ, да и не долженъ былъ до-трогиваться до этой древней святыни. Она всегда виситъ вотъ подъ этимъ окномъ и упирается на широкій карнизъ. Она совсѣмъ не тяжела... время и черви истожили ее, какъ губку; она продол-жасть еще держаться, лишь благодаря толстому слою лака, и един-ственная тяжесть на ней—двѣ большія, желѣзныя скобки по краямъ, да крючки, которые еще довольно крѣпки. Никто ничего не уви-дѣть,—на рынкѣ не увидишь теперь и кошки, не то что человѣка.

Гансъ принялся за дѣло. Его не могли остановить ни убѣжде-нія молодой женщины, ни ея настоятельныя просьбы, ни легкій крикъ, который она испустила, когда онъ отворилъ ставни, а вѣ-теръ и дождь, ворвавшись въ комнату, стали бить ихъ по разгорѣв-шимся лицамъ; также мало обратилъ онъ вниманія и на то обстоя-тельство, что гораздо легче было снять вывѣску съ крючковъ и втащить ее въ окно, чѣмъ повѣсить обратнымъ путемъ на прежнее мѣсто. Онъ не испугался даже и серьезной опасности—слетѣть вмѣстѣ съ вывѣской на каменную мостовую,—и вотъ, едва только онъ подумалъ: сейчасъ вотъ полечу внизъ! прости, прекрасная женщина!.. какъ послѣдняя моментально схватила его сзади за сюртукъ. Точно электрической токъ пробѣжалъ по его рукѣ... въ ту же минуту вывѣска была укрѣплена; онъ вскочилъ обратно въ комнату, въ знакъ благодарности поцѣловалъ руку, удержавшую его, затворилъ окно и спросилъ:—Что прикажете еще?

— Отдохните сперва!

— Не для чего отдохнуть! Скорѣй, сударыня, въ нашемъ рас-поряженіи не такъ-то много остается времени. Итакъ, что при-кажете!

— Вы должны сдѣлаться скелетомъ!

Она указала на пустой шкафъ, двери котораго оставались открытыми. Гансъ громко расхохотался, молодая женщина вто-рила ему; не доставало малаго, чтобы они взялись за руки и при-нялись танцевать точно шаловливыя дѣти.

— Великолѣбно!—воскликнулъ Гансъ,—за этимъ только и была вся остановка! Ахъ, я дуракъ! Какъ вы хитры! Вѣдь онъ рассчитывалъ найти меня въ шкафу,—пу, и цуетъ его находить!

— Пройдетъ, однако, нѣсколько времени, прежде чѣмъ я осво-божу васъ... часъ... или приблизительно около часу.

— Хоть до самаго утра!

— Но вы сейчасъ же должны забраться туда, и я затворю васъ. Миѣ нужно еще распорядиться по хозяйству.

— Не стѣсняйтесь ради меня, сударыня!

Гансъ расположился въ шкафу и готовился притворить вто-рую поювину двери, когда голова его высунулась въ отверстіе.

— Не правда-ли, сударыня, вы всю отвѣтственность берете на себя?

— Будьте покойны!

— Благодарю! сударыня... я давно уже хочу спросить объ этомъ... какимъ образомъ ключъ этотъ попалъ къ доктору?

— Это не касается васъ!

— Благодарю! Сударыня... если бы вы это знали раньше, вы бы все равно вышли за него замужъ?

— Хорошо, что я этого не знала.

Она сказала это такъ серьезно, что Гансъ счелъ нужнымъ внимательно взглянуть на нее.

— Почему же, сударыня?

— Я была бы тогда въ очень затруднительномъ положеніи и...

Она провела рукой по лицу, но тотчасъ же разсмѣялась: «теперь пора запереть».

— Одно слово еще! могу-ли я визжать, стонать или же выкинуть какую-нибудь штуку?

— Вы должны сидѣть смиренехонько!

— Въ такомъ случаѣ впредь до слѣдующаго распоряженія честь имѣю остаться вашимъ покорнѣйшимъ слугою.

Смѣющееся лицо Ганса исчезло въ шкафу; Анна притворила двери, затворила ихъ на ключъ, положила послѣдній къ себѣ въ карманъ, кивнула головой по направленію шкафа, какъ будто бы могла видѣть, что Гансъ послалъ ей поцѣлуй рукой, и поспѣшно направилась въ кухню, предварительно заперевъ всѣ двери. Аннѣ было такъ весело на душѣ, что, проходя по громадной нижней залѣ, она звонко и радостно замѣла, что крайне удивило кухонный персоналъ, молча сидѣвшій въ кухнѣ и погруженный въ мрачныя размышленія.

— Никакъ она съ ума сошла!—сказала Ульценъ.

— Или же видѣла его,—продолжалъ Небеловъ.

— Быть не можетъ, что бы это была барыня!—сказала Дорте.

Въ ту же минуту на порогѣ показалась Анна, сіяющая, какъ майское утро, и воскликнула ласково, хотя и повелительно:

— Ну-съ, друзья мои! напоследокъ придется дать мнѣ вамъ цѣлую кучу работы! Незадолго передъ этимъ докторъ говорилъ мнѣ, что молодые люди... Не называется-ли это Имфельдтъ? Ахъ, да! вѣрно! Матушка Имфельдтъ... Вамъ это, Небеловъ, должно быть извѣстно... И такъ, отправляйтесь немедленно туда и передайте отъ имени доктора, что онъ проситъ извинить его за то, что такъ долго заставилъ ихъ ждать. Попросите ихъ придти черезъ полчаса; вы проведете ихъ тогда въ столовую... я потомъ сдѣлаю дальнѣйшее распоряженіе. Вотъ еще что, Небеловъ! Ложки отнесите назадъ... это вамъ по пути, вѣроятно; постарайтесь скорѣй возвратиться домой... такъ! Вы, любезная Ульценъ, накройте тѣмъ

временемъ столъ не на пять, а на пятнадцать... Постарайтесь справиться сами, а тамъ вамъ поможетъ Небеловъ и Лизета... она прекрасно понимаетъ свое дѣло... Если вамъ понадобится серебро,— можете взять изъ буфета! Я приготовила маленькій сюрпризъ для барина... идите же скорѣй! А вы, милое дитя... Дорте? Не правда ли?... Какъ вамъ ужинъ? Что вы приготовили? Два сорта жаркихъ?.. Совершенно достаточно!

Анна подошла къ духовой печкѣ и заглянула въ нее. Дорте, оставшаяся одна въ кухнѣ, не спускала удивленныхъ взоровъ съ своей барыни; несмотря на то, что послѣдняя была такъ весела и звѣжа, большіе, темные глаза ея все же были полны слезъ. Этого было слишкомъ много для добраго сердца Дорте! Она подбѣжала къ Аннѣ, бросилась къ ея ногамъ и воскликнула, рыдая:— Ахъ, сударыня! не притворяйтесь же больные!—вѣдь все уже извѣстно!

— И ты также, Дорте?

— Ахъ, сударыня! какъ же намъ быть, когда пришелъ самъ Кабельманъ и говоритъ, сейчасъ придетъ ассесоръ!

— Онъ и уйдетъ оиять!

— Но съ кѣмъ? Съ нашимъ добрымъ баринкомъ! Богъ мой! Богъ мой! вы, сударыня, и повѣрить не можете, какъ онъ добръ!

— Какимъ образомъ знаешь ты его, Дорте?.. Встань прежде и... только не говори такъ громко!

— Я уроженка Вальдома, сударыня!—рыдала Дорте, вставая съ колѣнъ.—Я дочь рулевого, который служилъ на одномъ изъ его кораблей... Мой отецъ сорвался съ мачты и упалъ за бортъ корабля... у матери, кромѣ меня, осталось еще шесть дѣтей, всѣ мальчики, и мы бы всѣ умерли съ голоду, если бы господицъ сенаторъ не позаботился о насъ... однихъ мальчиковъ онъ отдалъ въ ученье, а другихъ сдѣлалъ матросами... Теперь они всѣ на хорошей дорогѣ, а четверо даже женаты... Я была самая младшая... мы съ нимъ ровесники, мы такъ часто съ нимъ играли, когда были дѣтьми... на дворѣ здѣсь, и на рыночной площади, и въ гавани на ящикахъ для баласта... и... дитя рулевого и дитя сенатора... были одинаковы. Сколько разъ бывало онъ борется съ мальчиками, и всегда по всей справедливости; только сильнымъ—то оказывался онъ... да и что жъ ему было подъявать! Насъ, дѣвочекъ, онъ всегда принималъ подъ свою защиту, а миѣ и говорить разъ: «жениться на тебѣ я не могу, Дорте! Когда же ты будешь выходить замужъ, я дамъ тебѣ приданое!»—А я и думаю себѣ: онъ давно ужъ позабылъ объ этомъ.—Только, когда на Пасху насъ помолвили съ Христіаномъ Шультеномъ... Онъ тоже рулевой, сударыня, и уѣхалъ теперь въ Америку, а когда весной возвратится домой, мы съ нимъ и повѣщаемся... Вотъ баринъ и говоритъ миѣ: «Дорте! я самъ позабочусь о вашемъ приданомъ». Шестъ недѣль тому назадъ, когда онъ соби-

рался ѣхать на свадьбу... Я уже три года служила въ ресторани у матушки Имфельдтъ... Дорте!—говорить онъ, —я бы очень желалъ имѣть у себя хорошую дѣвушку, когда пріѣдетъ моя жена, чтобы ей было на кого положиться, и я уже говорилъ съ матушкой Имфельдтъ... Ахъ, сударыня! я вовсе не хочу хвастаться... нѣтъ ни одного человѣка въ Вальдомѣ... а также между бѣдными... которому бы онъ не то что одишъ, а много разъ не помогалъ. Нѣтъ во всемъ мѣрѣ такой доброй души, какъ онъ, сударыня!.. Хотите вѣр-те мнѣ или не вѣрте... и... и...

— Не плачь, милое дитя!—сказала Анна.

— Вѣдь и вы же плачете, сударыня!—рыдала Дорте.

— Я плачу отъ радости!—отвѣчала Анна.

Дорте вытерла глаза своими красными руками.

— Да, милое дитя! Отъ искренней радости! А твоихъ слезъ я тебѣ никогда не забуду, до тѣхъ поръ, пока я живу на свѣтѣ! А теперь готовъ скорѣй жаркое! Ахъ, ты вѣрная, ты добрая дѣвушка!

Дорте стояла посреди кухни и не вѣрила себѣ—снить она или видить на яву. Неужели же прекрасная, молодая барыня въ самомъ дѣлѣ поцѣловала ее... И что это? Ушла она или улетѣла изъ кухни?

VIII.

— Проси ихъ!—Вотъ все, что онѣ сказали и больше ничего,—докладывалъ Небеловъ, быстро исполнившій данное ему порученіе. — Онъ провожалъ доктора и фонъ-Франка въ комнату барина, что приказано было ему самой Анной, занятой съ Ульценъ въ столовой.

Все, что Небеловъ видѣлъ и слышалъ за послѣднія десять минутъ, способствовало къ его окончательному вытрезвленію, но сообщить онъ все-таки ничего не могъ и только изрѣдка, думая, что никто не замѣчаетъ этого, обмѣнивался безпомощными и жалобными взорами съ Ульценъ. Едва старикъ вышелъ изъ комнаты, какъ прерванный въ его присутствіи споръ снова возобновился.

— Повторяю опять, —воскликнулъ ассесоръ своимъ тоненькимъ и чрезвычайно чистымъ голоскомъ, —я ничего не сдѣлалъ и не дѣлаю ничего такого, чего бы и вы не сдѣлали на моемъ мѣстѣ. А такъ какъ я и не думаю отрицать, что дѣло это меня крайне интересуесть, то назовите это болѣзнью, которая можетъ овладѣть даже и здоровымъ и съ такою силою, что у людей волосы дыбомъ становятся. Неужели для васъ не интересенъ такой фактъ, какъ эта скрытая, коварная болѣзнь, презирающая вашу науку? Какъ долгъ вашъ, такъ и любознательность должны побуждать васъ къ наблюденію и изслѣдованію каждаго подозрительнаго симптома! Да развѣ не изъ этихъ наблюденій и изслѣдованій вы водите вы ваши заключенія о свойствахъ болѣзни? Не достато

ли подозрительны тѣ симптомы, которые касаются извѣстнаго вамъ случая? Не такого-ли сорта эти симптомы, что всякій правительственный чиновникъ на моемъ мѣстѣ давно бы ужь арестовалъ этого человѣка? Молодой человѣкъ не могъ выйти живымъ изъ этой комнаты,—это ясно для меня, какъ то, что на небѣ солнце! Куда онъ дѣвался? Да-съ, почтеннѣйшій! пять недѣль сряду ломалъ я себѣ голову надъ этимъ, пока сегодня вечеромъ не получилъ допоса, который вы называете грубой мистификаціей. Хорошо-съ! вотъ увидимъ скоро, въ чемъ тутъ дѣло. Кто же бросить трупъ въ шкафъ и оставить его тамъ въ продолженіи шести недѣль! Найдется много оснований для опроверженія подобнаго факта. Я не вѣрю также въ существованіе подземнаго хода, но мнѣ хорошо извѣстенъ планъ постройки дома, благодаря свѣдѣніямъ, полученнымъ мною изъ регистратуры отъ нашего городского архитектора. Стѣны достаточно толсты, такъ что за шкафомъ или же подъ нимъ—и мнѣ давно подозрителенъ этотъ шкафъ—должна находиться скрытая тюрьма или что-нибудь въ этомъ родѣ... Вотъ въ томъ выдающемся углу окна,—вы видите, какія точныя свѣдѣнія я имѣю, хотя и никогда не бывалъ въ этой комнатѣ... въ томъ-то углу и находится шкафъ. О... какія удивительныя мысли приходятъ подъ часъ на самомъ мѣстѣ дѣйствія... Куда дѣвалась вывѣска? Та самая вывѣска, что висѣла тамъ, подъ окномъ, и исчезла въ ту же ночь?

— Да какое же, чортъ возьми, отношеніе имѣетъ она къ дѣлу!

— Не знаю!—сказалъ ассесоръ, потирая свой узкій лобъ,—я знаю только одно, что когда я прѣхалъ въ Вальдомъ, то, къ немалому удивленію своему, узналъ въ первый разъ о существованіи лавки въ этомъ домѣ. Хотя я и считался самымъ близкимъ другомъ семьи и былъ, такъ сказать, au courantъ почти всѣхъ семейныхъ обстоятельствъ, все же это послѣднее обстоятельство не было мнѣ извѣстно, ибо господинъ Пудель въ бытность свою въ Кельпѣ, когда еще собирался жениться, ни единымъ словомъ не обмолвился... и, конечно, къ своему великому счастью. Насколько мнѣ извѣстно, вся семья и въ особенности сама мать, ни за что бы не дали своего согласія на этотъ бракъ. Молодой человѣкъ былъ его довѣреннымъ... молодой человѣкъ и вывѣска исчезаютъ въ одну и ту же ночь... Увѣряю васъ, это наводитъ меня на очень страшныя мысли... на совсѣмъ новыя комбинаціи... Вы смѣтаетесь!.. Разумѣется!

— Я не смѣюсь!—воскликнулъ докторъ, находившійся совсѣмъ на другомъ концѣ комнаты.

— Но здѣсь кто-то смѣялся!—сказалъ ассесоръ, стоявшій у самаго шкафа.

— Такъ не самъ-ли чортъ смѣется,—крикнулъ докторъ.

Ему вовсе не до смѣха было, онъ старался побороть овладѣвшее имъ сильное искушеніе,—ему такъ и хотѣлось броситься на

этого дьявольскаго человѣка, схватить его за горло, какъ бѣшеную собаку, которая собирается броситься на самое дорогое ему существо на свѣтѣ. Богъ ты мой! Что выйдетъ изъ всего этого? Что если молодая женщина не воспользовалась ключемъ, присланнымъ ей, если не поняла его нѣмого намека? Не поняла или же не хватило мужества, результатъ одинъ и тотъ же... Да не онъ-ли употреблялъ всѣ усилія, чтобы лишить ее этого мужества? Что если этотъ ужасный человѣкъ, черные, жгучіе глаза котораго какъ черезъ стекло проникаютъ самыя сокровенныя тайны, что если онъ увидитъ или окровавленный платокъ или шапку, принадлежавшую Гансу или какое-нибудь другое ужасное доказательство... Что если онъ найдетъ эту несчастную вывѣску въ шкафу... и... Послышался стукъ быстро приближавшагося экипажа... вотъ все громче и громче... вотъ задрезжали окна... стой!.. Пріѣхали!.. Раздался звонъ колокольчика... поспѣшныя шаги по лѣстницамъ... внизъ... вверхъ... голоса... Что теперь будетъ?

— Еще разъ даю вамъ слово, — сказалъ ассесоръ, подходя къ доктору, — что буду далекъ отъ всякаго желанія выполнить свою злобу и буду соблюдать возможную въ этомъ случаѣ деликатность.

— Простите, уважаемый господинъ Нудель, старинному другу дорогой намъ семьи въ Кельнѣ, что онъ по настоятельнымъ убѣжденіямъ доктора осмѣлился сегодня же вечеромъ заявить вамъ свое почтеніе и просить при этомъ разрѣшенія присутствовать на вашемъ семейномъ празднествѣ.

Входившій въ это время Лебрехтъ бросилъ быстрый и мрачный взглядъ на бѣднаго доктора, который бѣгалъ взадъ и впередъ по комнатѣ, какъ безумный, но подаль руку ассесору и сказалъ ему:

— Здѣсь у насъ въ Помераніи гостепримство считается такимъ же ненарушимымъ закономъ, какъ и у васъ на Рейнѣ, а потому добро пожаловать! Жена мимоходомъ увѣдомила меня о вашемъ присутствіи, она проситъ извинить ее на нѣсколько минутъ, пока она не поздоровается съ своими родителями. Не хотите-ли присѣсть пока? Не присядешь-ли и ты, Адалбертъ?

— Благодарю, — сказалъ докторъ, не прекращая своего бѣганья взадъ и впередъ по комнатѣ.

Прекрасное лицо Лебрехта выражало мучившее его безпокойство. Ни чье присутствіе въ данную минуту не могло быть ему мѣнѣе пріятно, какъ присутствіе ассесора. Когда онъ ѣхалъ на вокзалъ и, сидя въ темномъ углу кареты, вспомнилъ увѣщаніе своего друга, озабоченный взглядъ Анны, брошенный на него, когда онъ выходилъ изъ комнаты, ему вдругъ стало вполне яснымъ все безуміе того положенія, въ которое онъ самъ себя запуталъ, и тутъ въ душѣ его созрѣло твердое рѣшеніе. Онъ хотѣлъ сказать Аннѣ, родителямъ ея и въ присутствіи Бертрама непремѣнно, уваженіемъ

котораго онъ дорожилъ больше чѣмъ уваженіемъ другихъ людей, за исключеніемъ Анны, конечно, онъ хотѣлъ имъ сказать: вотъ такъ-то и такъ-то все случилось. Дѣлайте, что хотите и что можете! И что бы родители ни сдѣлали, что бы ни сказала Анна, — онъ на все смиренно соглашался, ибо, по мнѣнію своему, заслужилъ наказанія. Онъ даже спрашивалъ себя, имѣеть-ли онъ право желать возможности избѣгнуть самаго жестокаго наказанія? И будетъ-ли вообще совѣсть его покойна, если оно не постигнетъ его? Онъ и не думалъ спрашивать себя, будетъ-ли въ силахъ перенести его.

И вотъ роковой случай ставилъ на пути его человѣка, къ которому онъ съ первой же минуты своего знакомства почувствовалъ глубокое, непреодолимое отвращеніе. Не разъ приходилось ему испытывать на самомъ себѣ злое остроуміе его и, не имѣя никакихъ прямыхъ доказательствъ, инстинктивно чувствовать его недружелюбіе къ себѣ. Ему извѣстно было, что человѣкъ этотъ всегда пользовался уваженіемъ родителей Анны, а, какъ знать, быть можетъ, и ея самой, ибо, безъ всякаго сомнѣнія, онъ былъ весьма даровитымъ человѣкомъ и пользовался большимъ вліяніемъ на нее, когда она была еще полуробенкомъ. Онъ уже и раньше неприятно пораженъ былъ сообщеніемъ Бертрама, что человѣкъ этотъ здѣсь въ Вальдомѣ, а вотъ теперь онъ сидитъ тутъ противъ него, у его собственнаго камина и на томъ же самомъ стулѣ, гдѣ передъ этимъ сидѣлъ его старшій, вѣрный и любимый другъ, а онъ тогда желалъ, чтобы другъ этотъ былъ за тысячу миль отсюда. Не было-ли это справедливымъ наказаніемъ ему? Не долженъ-ли онъ тутъ же сейчасъ въ присутствіи родителей, друга и даже человѣка этого сказать то, чего онъ не рѣшался раньше сказать одному другу? Что жъ? Вѣдь онъ рѣшилъ уже, что для него нѣтъ достаточно жестокаго наказанія, — а могъ-ли и самый злобный дьяволъ выдумать болѣе жестокое!

Въ то время какъ тяжелыя, безутѣшныя мысли эти проходили въ душѣ бѣднаго Лебрехта и отражались на его мрачномъ лицѣ, а фонъ-Франкъ непринужденно болталъ о Кельнѣ и Вальдомѣ, докторъ Бертрамъ имѣлъ достаточно времени для наблюденій надъ странной парой, сидящей у камина. Другъ-ли это его, бесѣдующій съ новымъ знакомымъ? Не бѣдная-ли это муха, попавшая въ сѣти наука, который осторожно подвигается впередъ по своей паутинкѣ, дабы удостовѣриться, насколько можетъ быть велико противодѣйствіе его жертвы? Не путникъ-ли это, беззаботно продолжающій свой путь, не подозрѣвая того, что за однимъ изъ кустовъ скрывается подстерегающій его разбойникъ? Вотъ онъ сидитъ и мѣшаетъ уголья въ каминѣ, а какъ знать, быть можетъ, въ слѣдующую затѣмъ минуту его поразитъ ударъ въ сердце, и онъ замертво упадетъ! Да! ударъ въ сердце, — если въ минуту опасности, угрожающей

ему со всѣхъ сторонъ, подлѣ не будетъ та, которую сегодня же вечеромъ должны были воспитать молодые люди!—Гдѣ же они?

Милая, прекрасная, добрая, чистая!

Она его утѣшеніе, она его прибѣжище!

— Услышь меня, Аполлонъ, отецъ мой и покровитель! Никогда больше, ни единымъ тайнымъ стихомъ, не погрѣшу я противъ тебя, если на этотъ разъ ты исполнишь мое пророчество!

Такъ молился странный человѣкъ, отирая желтымъ, шелковымъ платкомъ холодный потъ, струившійся съ лица его, какъ вдругъ, не успѣвъ еще обратно спрятать въ карманъ платокъ, остановился онъ въ необыкновенной лишь одному ему присущей позѣ. Дѣло въ томъ, что Небеловъ распахнулъ обѣ половинки двери, выходящей въ переднюю, и на порогѣ ся показался высокій, видный старикъ въ черномъ фракѣ, съ двойнымъ подбородкомъ, упиравшимся въ высокій, туго накрахмаленный воротникъ; онъ велъ подъ руку высокую, полную даму въ черномъ шелковомъ платьѣ, отаичительной чертой которой былъ горбатый носъ и прямая, черная, густая брови. И между черными плечами этой достойной пары докторъ увидѣлъ прекрасную фигуру, которая, пропустивъ впередъ посѣтителей, остановилась на минуту въ дверяхъ и взглянула на него большими, блестящими глазами... по какой прелестной, плутовской улыбкой сопровождался этотъ взглядъ! И вотъ всѣ бывшіе въ комнатѣ, не исключая даже и ассессора, испуганы были какимъ-то необыкновенно страннымъ звукомъ, напоминающимъ собой не то крикъ человѣка, не то крикъ пѣтуха. Нельзя было сомнѣваться въ томъ, что крикъ этотъ испустилъ докторъ, несмотря на то, что въ слѣдующую за тѣмъ минуту онъ совершенно серьезно подходилъ къ коммерціи совѣтнику Шмигцу и его супругѣ и въ самыхъ изысканныхъ выраженіяхъ представлялся имъ какъ старинный и наилучшій другъ Лебрехта.

Не прошло и минуты, какъ все общество разсѣлось у каминна и занялось веселымъ и оживленнымъ разговоромъ, въ которомъ лишь одинъ Лебрехтъ не принималъ никакого участія. Какое ему было дѣло до воспоминаній фонъ-Фралка о миломъ, гостепріимномъ домѣ въ священномъ городѣ! Какое дѣло до отвѣтовъ тещи! Что было интереснаго въ разсказахъ тещи о впечатлѣніяхъ сегодняшней поѣздки, о томъ, какъ онъ боролся съ голодомъ и жаждой, сохраняя аппетитъ для ужина, предвкушая наслажденіе пить изъ королевскаго кубка! Что ему было до юмора Бертрама, до его безумныхъ выходокъ, заставлявшихъ добраго старика-отца хохотать чуть не до истерики, такъ что въ концѣ концовъ самъ докторъ успокоивалъ его, слегка похлопывая его между плечами! Когда онъ собирался съ духомъ и взглядывалъ наверхъ, взоры его украдкой искали Анну, и никогда лицо ея не казалось ему такимъ прелест-

нымъ! Все оно такъ и сіяло радостью и весельемъ! И какъ противорѣчила эта веселость унылому молчанію предыдущихъ часовъ! И для чего надѣла она это сѣрое, шелковое платье, которое онъ такъ любилъ, потому что въ первый разъ увидѣлъ ее въ немъ? Не для того ли, чтобы напомнить ему, какое неизмѣримое сокровище онъ готовился потерять? Онъ думалъ о томъ, какъ смолкнетъ серебристый смѣхъ ея, отъ времени до времени покрывающій шумъ разговора и такъ сладко и болѣзненно отдающійся въ душѣ его! Какъ по мѣрѣ того, какъ онъ будетъ говорить, съ милаго лица ея все больше и больше будетъ исчезать эта лучезарная радость... Нѣтъ, онъ долженъ говорить!

— Дорогіе, уважаемые гости мои! позвольте мнѣ сказать вамъ нѣсколько словъ...

— Ни въ какомъ случаѣ, — перебилъ его докторъ, все время зорко слѣдившій за нимъ, несмотря на всѣ свои шутки, — онъ хочетъ сказать какую-то рѣчь... не позволяйте ему этого, сударыня!

— Ни за что! — воскликнула Анна, прерывая сразу свой, повидимому, весьма оживленный разговоръ съ ассесоромъ. — Рѣчи говорятся только за столомъ! я такъ люблю эти рѣчи, а папа такъ искусно говорить ихъ... Да, да! папочка, да!.. Знаете-ли, докторъ, что господинъ ассесоръ прославился у насъ на Рейнѣ своими рѣчами и вполнѣ заслуженно. Отъ васъ, любезнѣйшій докторъ, послѣ всего, что вы говорили мнѣ сегодня, я жду какой-нибудь необыкновенной рѣчи... и ты, Лебрехтъ, ты также скажешь рѣчь... разумѣется!.. Хочешь или не хочешь, а я пригласила твоихъ служащихъ... Удивляюсь только, что ихъ еще до сихъ поръ нѣтъ... всѣхъ пригласила, даже молодыхъ людей изъ нашей лавки. Знаешь-ли, мамочка! въ день нашей помолвки Лебрехтъ подарилъ мнѣ доходы съ лавки... двѣ тысячи талеровъ ежегодно, мамочка! Мы хотѣли сдѣлать вамъ сюрпризъ, и Лебрехтъ приказалъ было снять старую вывѣску, но я слишкомъ горжусь нашей лавочкой и снова повѣсила вывѣску на прежнее мѣсто. Въ темнотѣ вы врядъ-ли могли видѣть ее... и знаешь-ли, папочка, сахаръ и померанцы для пунша изъ королевскаго кубка, ты все получишь изъ моей лавки! Для тебя же, мамочка, есть еще болѣе интересныя вещи, — у насъ, въ домѣ есть скелетъ, а это, знаешь, удивительно аристократическая вещь въ мірѣ и бываетъ лишь въ самыхъ старинныхъ, знатныхъ домахъ. Нашъ докторъ знаетъ всю... какъ это называется, докторъ? Патологія?.. знаетъ всю патологию скелетовъ, — они бываютъ хроническіе и острые, нашъ же настоящій хроническій. Ахъ! онъ такъ заинтересовалъ меня нашимъ скелетомъ! Но я ничего подѣлать не могла, такъ какъ ключъ отъ того стѣнного шкафа Лебрехтъ спряталъ въ свой сундукъ, и я вынуждена была ждать, пока не пришелъ нашъ багажъ. Къ довершенію же всего и къ полнѣйшему отчаянію Ульценъ я не могла достать серебро, которое также спря-

тано тамъ въ шкафу вмѣстѣ съ королевскимъ кубкомъ, папочка! Лебрехтъ, вѣдь давно пора достать серебро и садиться за столъ! Да и скелетъ тамъ кстати! Тебѣ не для чего такъ пугаться, мамочка! въ нашихъ пятидесяти замкахъ было навѣрное изобиліе всевозможныхъ скелетовъ, и господинъ ассесоръ будетъ очень радъ познакомиться съ нимъ! Вы также, кажется, изъ очень старинной фамиліи, господинъ фонъ-Франкъ, и, насколько мнѣ извѣстно, питаете необыкновенную любовь къ скелету и въ особенности къ нашему. Лебрехтъ! вотъ ключъ!

Съ той минуты, какъ Анна, улыбаясь, произнесла это ужасное слово, Лебрехтъ чувствовалъ, что лицо его покрылось жгучей краской стыда. Для него было все равно, да и времени не было раздумывать о томъ, какимъ образомъ очутился у нея этотъ члукъ, и не Бертрамъ-ли выдалъ его, но онъ зналъ и чувствовалъ лишь одно:— твое раскаяніе, твое признаніе... все... слишкомъ поздно! слишкомъ поздно! Онъ отъ стыда хотѣлъ упасть къ ногамъ ея, этой волшебницы, которая, блаженно улыбаясь, такъ нѣжно и легко, какъ бы игралъ, распутывала сѣти, въ которыя онъ самъ себя запуталъ по своей глупости и недовѣрія къ безграничной ея добротѣ и любви.

Но что это? Что за мысль блеснула въ головѣ его въ то время, какъ онъ, слабый, посрамленный человѣкъ, удивлялся незаслуженной имъ милости? Возможно-ли это? Ея мрачное настроеніе передъ этимъ... задорливая веселость теперь... намеки Бертрама... непонятное присутствіе ассесора... полицейскій, по пятамъ слѣдовавшій за нимъ на вокзалѣ... Все это она знала, страдала и молчала... а онъ смѣлъ считать ее не достаточно великодушной, чтобы простить такой ничтожный предрасудокъ!

Сильный человѣкъ этотъ совсѣмъ растерялся отъ избытка нахлынушаго на него счастья. Внѣ себя отъ радости вскочилъ онъ съ своего мѣста, бросился къ шкафу и открылъ его:—Гансъ!

Гансъ такъ быстро выскочилъ изъ шкафа и бросился въ объятія своего дорогого хозяина, что присутствующіе едва могли дать себѣ отчетъ, откуда онъ появился? Даже мать Анны, и та не имѣла времени вскрикнуть отъ удивленія или испуга. Лебрехтъ же и Гансъ стояли, обнявшись другъ съ другомъ, и плакали, и пожимали одинъ другому руки, точно братья, свидѣвшіеся, наконецъ, послѣ долгой и тягостной разлуки.

Наконецъ, Гансъ освободился изъ объятій Лебрехта, вытеръ слезы, граціозно поклонился и сказалъ:

— Прошу господина коммерціи совѣтника и супругу его извинить меня... зовутъ меня—Гансъ Флидербумъ, четвертый приказчикъ въ домѣ вашего зятя... господинъ ассесоръ фонъ-Франкъ. Я крайне радовался случаю познакомиться съ вами... Прошу, господа, извинить мое волненіе и мое нѣсколько странное состояніе! Не

шутка просидѣть цѣлыхъ шесть недѣль въ заключеніи и темнотѣ, не имѣя возможности съ кѣмъ либо бесѣдовать; прогуливаться ежедневно по темному, таинственному ходу до горы висѣльниковъ, встрѣчаться тамъ съ капитанами невольничьихъ кораблей, быть вынужденнымъ играть съ нимъ въ партію шестьдесятъ шесть. И мошенники эти, такъ какъ у меня не было наличныхъ денегъ, забрали одну за другой всѣ серебряныя вещи и даже покушались на королевскій кубокъ, но я ни въ какомъ случаѣ не соглашался отдать имъ его, и онъ одинъ лишь красуется тамъ, какъ вы видите. И... можете-ли вы повѣрить такому корыстолюбію, господинъ ассесоръ?... они подъ конецъ даже мои сапоги...

— Mauvais sujet!—воскликнулъ докторъ;—да когда же ты, наконецъ, образумишься? Вы должны знать, господинъ коммерціи совѣтникъ, это... позвольте, господинъ коммерціи совѣтникъ!

И докторъ снова похлопалъ по спинѣ коммерціи совѣтника, который задыхался отъ смѣха, хотя ничего и не понималъ изъ происходившаго вокругъ него, за исключеніемъ того, что странный человѣкъ этотъ казался ему однимъ изъ участвовавшихъ въ маскарадѣ Кельнскаго карнавала, неизвѣстно какимъ образомъ очутившійся здѣсь. Тутъ докторъ отвелъ его въ сторону, дабы дать ему необходимыя свѣдѣнія о всемъ происшедшемъ. Гансъ отправился между тѣмъ въ столовую, откуда доносился какой-то шумъ и говоръ и протяжные звуки «а».

— Ради Бога, господинъ фопъ-Франкъ, что все это означаетъ?—спешнула совѣтница Шмитцъ ассесору, а тотъ, приподнявшись на ципочки, отвѣчалъ ей:—Это значитъ, сударыня, что у васъ очень умная дочь и что надо заблаговременно принимать свои мѣры, если хочешь быть въ выигрышѣ.

Анна обнимала Лебрехта и точно боялась на минуту оставить его.—Прости меня, Лебрехтъ!

— Мнѣ,—прощать тебя?

— Они едва не свели меня съ ума, Лебрехтъ!

— Я причиной всему! Глупецъ! Безумный! Анна, Анна! Теперь мнѣ придется жить лишь надеждой на твою милость!

— На мою любовь, Лебрехтъ, какъ и я буду надѣяться на твою любовь! Не правда-ли, докторъ? Ахъ, вы милый, дорогой другъ!

Докторъ отъ всего сердца поцѣловалъ протянутую ему руку:

— Не знаю, о чемъ вы говорили; знаю только, что въ мірѣ есть ангелы, они видимы лишь для глазъ поэта. Мои же духовныя очи прозрѣли этого ангела въ тотъ мигъ, когда я послѣ твоего отъѣзда, Лебрехтъ, сидѣлъ у матушки Имфельдтъ и въ отплату тебѣ за то, что ты покинулъ меня, и я опять дѣлался одинокимъ, желалъ тебѣ наилучшую изъ женщинъ. Я написалъ октеть.... куда же, однако, запропастились они, тѣ, что должны пѣть!

Въ ту же минуту распахнулись двери въ столовую, всю сіявшую ослѣпительнымъ свѣтомъ отъ безчисленнаго множества свѣчей, горѣвшихъ въ люстрахъ и канделябрахъ. По срединѣ стоялъ столъ, весь сверкавшій серебромъ, а въ сторонѣ восемь или десять молодыхъ людей въ черныхъ фракахъ, бѣлыхъ галстухахъ и такихъ же перчаткахъ. Молодые люди прекрасными голосами пѣли октетъ доктора Бертрама, переложенный на извѣстную мелодію: «Кого Амуръ поймаетъ въ сѣти, тому ничтоженъ Божій свѣтъ; онъ всюду ходить, всюду ищетъ лишь ту, милѣй которой нѣтъ.

Но вотъ онъ находитъ ее, давно желанную, онъ прижимаетъ ее къ груди своей! Онъ счастливъ ежечасно, и самая печаль его обращается въ радость.

Все, что небо ему посылаетъ, все онъ дѣлится съ нею пополамъ! Онъ знаетъ, что въ счастья и несчастья и во всѣхъ превратностяхъ судьбы она вѣрный и неизмѣнный другъ его!

Милая, добрая, прекрасная, чистая! Ты его утѣшеніе, ты его прибѣжище! Ты его любовь во всѣ времена, какъ и онъ твой навѣки!

Свой жизненный путь ты свершишь съ нимъ неразлучно! Мы также вѣришь звѣздъ вашей, поемъ вамъ радость, миръ, любовь и восклицаемъ хоромъ всѣ: ура!»

— Ура! ура! да здравствуютъ! ура!— раздавался чистый теноръ Ганса, давнымъ давно присоединившагося къ поющимъ.

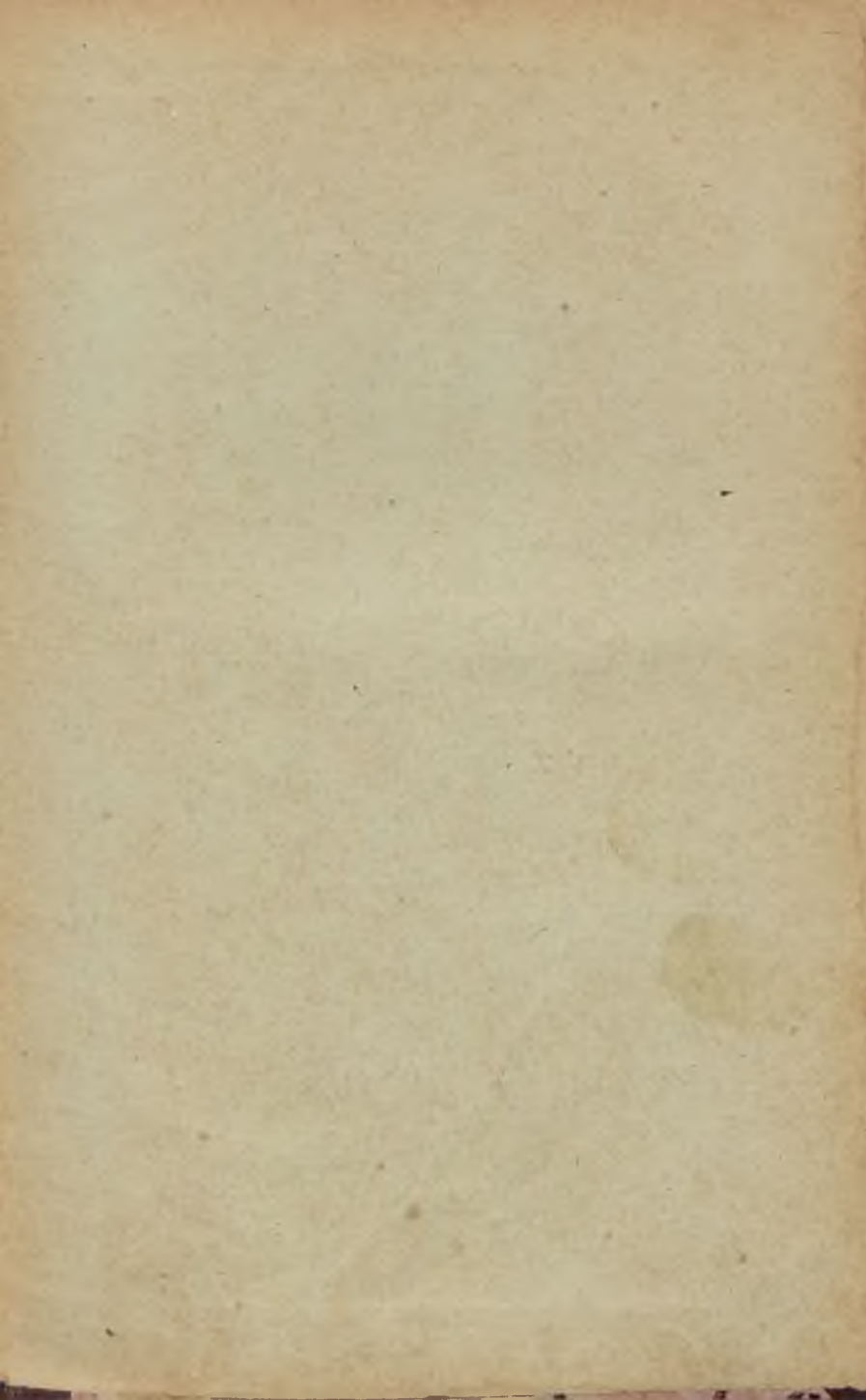
Молодые люди разступились, чтобы пропустить общество, впереди котораго шелъ Гансъ съ королевскимъ кубкомъ въ рукахъ. Старикъ Шмитцъ велъ подъ руку свою дочь и шепталъ ей на ухо:

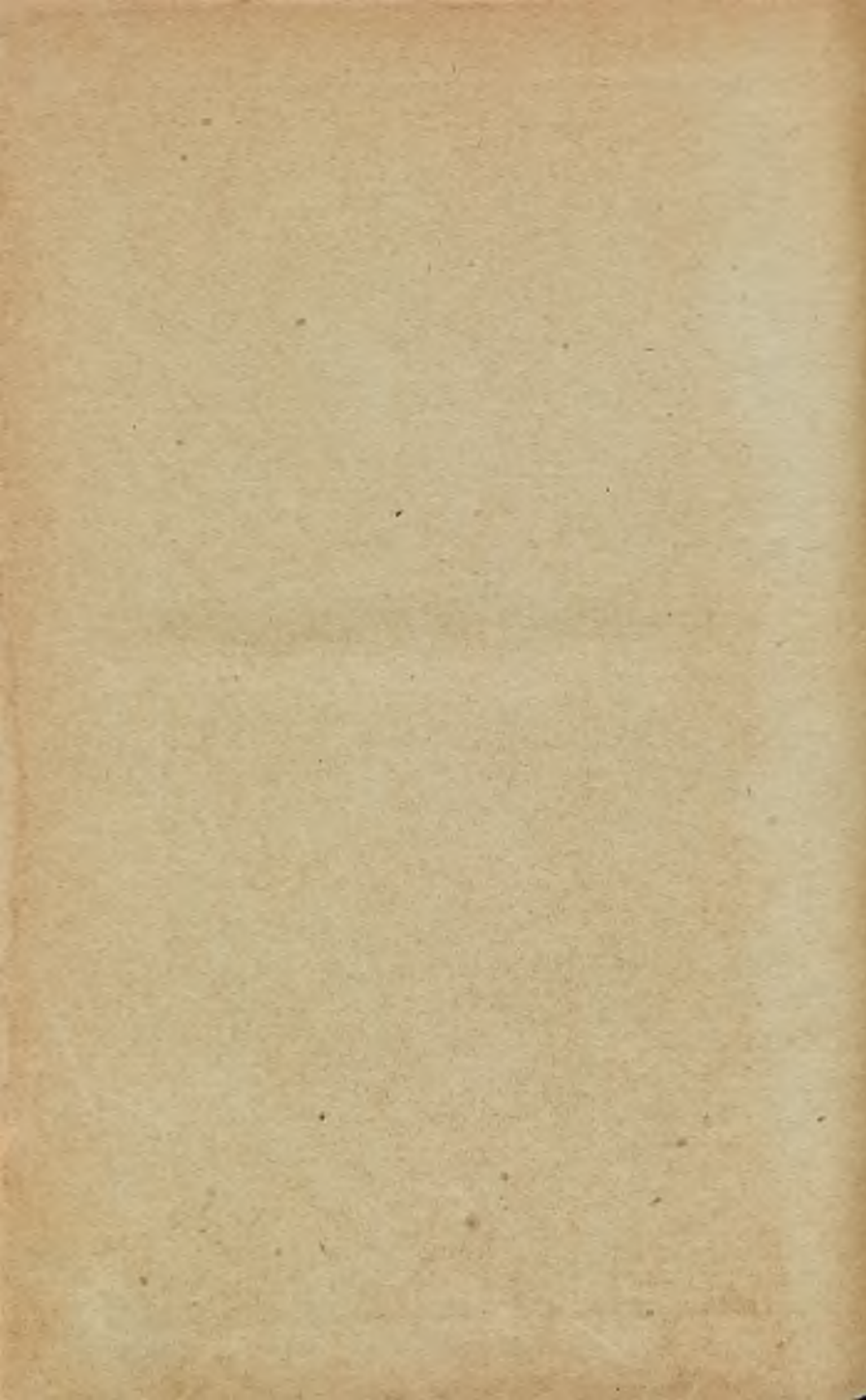
— Слушай, Анна, я скажу мамѣ, что это еще раньше было мнѣ извѣстно.

Лебрехтъ велъ подъ руку урожденную фонъ-Клюнгель-Пютцъ, милостиво увѣрявшую его, что она не вѣритъ ни единому слову той шутки, которую себѣ позволила Анна относительно лавки.

Докторъ нѣсколько поотсталъ отъ другихъ, — ему оказалось нужнымъ протереть очки, которые за послѣдніе полчаса то и дѣло дѣлались мокрыми. Онъ хотѣлъ затѣмъ предложить руку ассесору, но... послѣдній куда-то исчезъ.

— Жаль!— пробормоталъ докторъ, надѣвая снова очки, — онъ все же умный человекъ! Нѣтъ сомнѣнія въ томъ, что сегодня будетъ необыкновенно веселый вечеръ, и онъ порядкомъ позабавилъ бы меня! Что же касается того, другого... Богъ мой! Онъ и понятія не имѣетъ о томъ, какъ склонны къ примиренію люди, такъ счастливо отдѣлавшіеся отъ своего скелета!

ЦУНБ

им. Н. А. Некрасова

2 000002 071907

